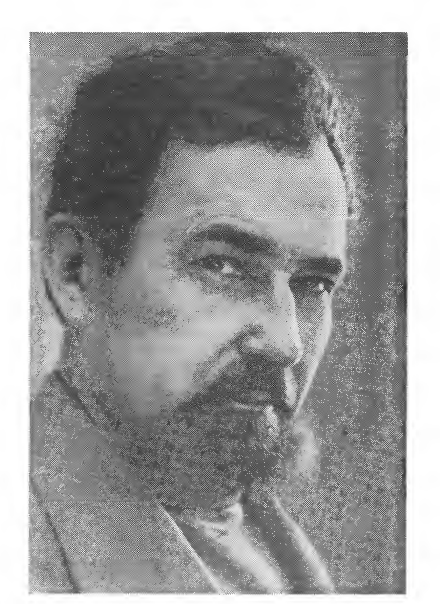
ГЛЕБ
АЛЕХИН
ТАЙНА
ДРАЗНИТ
РАЗУМ

ГЛЕБ АЛЕХИН

ТАЙНА ДРАЗНИТ РАЗУМ



ГЛЕБ АЛЕХИН

ТАЙНА ДРАЗНИТ РАЗУМ

ДВА РОМАНА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ББК 84.Р7
А 49

Рецензенты:
доктор фнлософских наук В. Н. Боряз
кандндат нсторнческнх наук В. А. Уланов

Оформление Леонида Яценко
Форзацы н рисунки Юрня Шабанова

Алехин Г.

А 49 Тайна дразнит разум: Два романа.— Л.: Сов. пнсатель, 1987.— 608 с.

Главный герой обоих романов — самобытяый философ, преданный делу революции большевик Калугин. Он участвует в борьбе чекистов против церковников и контрреволюционероа в Старой Руссе («Белая тьма»), а бескомпромиссиой идейной борьбе а 20-е годы отстаиаает памятник «Тысячелетие России» в Новгороде («Тайна Тысячелетия»). Калугинская «логика открытия» помогает чекистам а их работе.

А $\frac{4702010200—126}{083(02)—87}$ 6—87

ББК 84.Р7

БЕЛАЯ ТЬМА

Антонине Емельяновне Масловской — другу и помощнице — посвящаю этот многолетний труд.

Автор

БОГИНЯ РАЗДОРА

Словио камень, брошеиный в лужу, проншествие взбаламутнло курортиый городок. Неважно, что голодный двадцать первый год уплотнил Старую Руссу нногородцами, которые прежде всего ннтересовалнсь здешним базаром; неважно, что весь день лнл дождь и, казалось, воскресенье позволяло отсндеться дома; н неважно, что рекн раскроили уездный центр на трн куска,— все равио тревожный слух мнгом облетел даже привокзальную слободу.

Ровно в час дня, когда иа летней эстраде курорта грянул духовой оркестр, соседняя улнца дважды как бы отсалютовала выстреламн. Затем нз дома уполномоченного губчека Рогова выскочнл иеизвестиый, пересек дорогу н не хуже питерского попрыгунчика махнул через высокнй забор парка. К этому месту подоспел начальиик угрозыска Воркун с овчаркой, но вот закавыка: зиаменнтая нщейка не взяла свежий след.

Выстрелы в доме чекиста вызвали разиые толкн. Жнтели Торговой стороиы, где находился парк, уверялн, что уполномочеиный губчека вечерамн прогуливался с красавнцей по теинстым аллеям н, видать, его прнревиовалн...

Обыватели Соборной стороны — где высился девятиглавый храм н где рядом с тюремным замком проживала нзвестная гадалка — клялнсь, что ясновидящая еще вчера предрекла кару богохульнику, который подиял руку на нкону Старорусской богоматери...

На Вокзальной стороне (она вытянулась по левому берегу Полнстн) рабочне лесопнльиых заводов, фанерной фабрнки и железнодорожного депо выстрелы связали

с раскрытнем крупного заговора в Петрограде. Контрнкн готовнлн восстанне не только в Питере. И Рогова убнли, скорей всего, соучастннки невскнх мятежников. Онн, поди, н след запорошили, потому нщейка не взяла его.

А к вечеру по городу пронесся слушок. Кондуктор городской «кукушкн» — паровозика с трамвайным вагоном — сообщил знакомому пассажиру: «Вншь, как вышло. К нему явилась чудотворная икона. Он пальнул в нее н кончился».

В доме покойного чекиста в самом деле обнаружнлн икону с пробоннамн от пуль. Начальннк угрозыска действнтельно подоспел к месту проншествня. И правду говорилн, что его любнмая собака не взяла след. Но Воркун проявнл оперативность совершенно случайно...

Выходной день Воркуна начался с радостно-взволнованного ожндання некой вдовушкн. Еще накануне она предупредила Ивана Матвеевнча, что воскресным утром обязательно прндет к нему «посекретничать».

Иван познакомнлся с нею в доме уполномоченного губчека. Молодая вдова нсполняла песни, а Воркун подыгрывал на гармонн. После пятого домашнего концерта гармоннсту захотелось поговорить с певцей наеднне. И вдруг она словно разгадала его желанне...

Щедро улыбаясь, Воркун двинул ширму, стоявшую в служебном кабннете. На стене, над кроватью, вспыхнул зеркальный квадрат. Иван заглянул в него н лукаво мигнул. Он вспомнил себя пастушонком. За чрезмерные скулы его прозвалн Преображеньем. Но когда батрак раздался в плечах н на голову перерос односельчан, случнлось новое преображение: его фнзиономия уравновеснлась, н вчерашнне насмешннцы начали поглядывать на видного парня. Только Ивану было не до ннх: той порой его «забрнлн в солдаты». А там нзвестно — окопы, разведка, германскнй газ, госпнталь; опять фронт. Затем — Февраль. Потом — Октябрь. Бнтва за власть Советов. И так до конца гражданской войны. А теперь можно «старому» холостяку превратнться и в молодожена. Уж сегодня он непременно прнзнается Тамаре...

Воркун прнслушался: за одной стенкой дежурный мнлнционер кричал в телефон, за другой, в корндоре, кто-то выстукнвал каблукамн. Начальннк перевел взгляд на овчарку, лежащую возле двери:

— Ну, Пальмушка, кто ндет?

Положнв морду на лапы, собака смотрела на хозяина всепоннмающимн глазами. Еще вчера он раздобыл кусок

сахару и щепотку настоящего чая, плохо спал ночью, чуть свет прибрал комнату и накрыл постель голубым покрывалом.

Интересно, о каких секретах пойдет речь? Сегодня воскресный обед у Рогова. Они там встретятся. Однако Тамара решила повидаться с Иваном до обеда. Выходит, ей нежелательно говорить при свидетелях. Значит, она хочет доверить ему то, чего не может доверить ни Рогову, ни его брату.

Но почему Тамара задерживается?

Он глянул в окно. По железному скату хлестал дождик. Могла задержать непогода. Возможно, боится потерять голос...

Нет, придет! Иван придирчиво осмотрел квадратную комнату с двумя окнами. Тамара, пожалуй, удивится, что в служебном кабинете аквариум, чучела птиц, лосиные рога и книги на столе высокой пачкой. Тамара еще не знает, что он занимается самообразованием и что ради оперативности живет в кабинете.

Воркун распушил светлые усы, пропахал пятерней густые волосы, набросил на широкие плечи новый серый пиджак и снова вернулся к подоконнику. Прижался горячим лбом к холодному стеклу.

Сегодня открытие свободной торговли, но базарная площадь почти пустая. По мокрому тротуару, со стороны бывшей гимназии, торопко шагал маленький человек в кожаной кепке. Воркун узнал председателя укома Калугина и подался назад.

«Не ко времени»,— подумал он с досадой, хотя обычно всегда радовался приходу своего учителя.

Председатель укома мечтал вернуться к прежней профессии — преподавать естествознание. Он охотно читал антирелигиозные лекции, вел философский кружок и помогал любознательному Воркуну «вгрызаться в науку».

А вот и Калугин. Черная кепка, темный плащ, кожаный портфель — все окроплено дождем. Пальма, виляя хвостом, обнюхала тяжелый портфель.

«Почему всегда с портфелем?»— подумал Иван, но не успел спросить.

В это время Калугин, надев очки, резко шагнул к столу. Рядом с книгами «О происхождении видов» и «Основы уголовной техники» лежал томик с латинским заглавием. Этот томик добыт в ночной облаве: в нем искусно спрятана колода французских карт с непристойными картинками...

— Поэтнческне «Метаморфозы» Овндня! Откуда, голубчнк?

Иваи улыбнулся н в свою очередь поннтересовался непонятным словом «метаморфоза». Калугни взял в руку двулнкнй томик н раскрыл его как пример неожнданного превращеиня. Воркун удовлетворенно кнвнул, выставнл два мозолнстых пальца:

— Вот мой агеит Быков. Продался спекулянтам н сам обернулся преступииком. А Федька Лунатнк, вор-рецндннвнст, иапротив, стал монм первым помощником.

— Пример жнзненный, мой друг!— похвалнл Калугнн н, возвращая томнк с фокусом, многозначнтельно добавил:— Метаморфоза, голубчнк, всеобщий закон мира...

— Всеобщнй?!— почтительно повторил ученик, наблюдая за окном...

К счастью, председатель укома спешнл в днскусснонный клуб. Иван проводнл его за дверь н даже не обратнл вннмаиия, что тот ушел без портфеля.

— Ну, Пальмушка, как думаешь, прндет Ланская?

Собака навострила уши. И когда постучали в дверь, Воркуи решнл: «Тамара»...

Но вместо Тамары на пороге показался высокий, стройиый блоидин во всем кожаном. Воркун уднвнлся: за последнее время уполномоченный губчека Рогов редко заходил к Ивану иа службу. Пальма вскочнла на лапы н крутнула хвостом.

Чекнст любнл собак н лошадей, но тут, не замечая нщейки, чем-то озабоченный, протянул прнятелю мокрую руку, иа запястье которой внсел плетеный хлыстнк:

— Есть разговор, Иваи...

От кожанкн н галнфе пахнуло конским потом. «Верхом нз уезда»,— смекнул Воркун н радушио заглянул в осерчалые глаза Леонида:

— Рад вндеть тебя, дружище!

— Ты, кажется, всему рад.— Рогов стряхнул дождинки с кожаиой фуражкн н метиул взгляд на базарную площадь:— Смотри! Под твоим иосом частники открывают магазины. И ты рад? Вчера епископ Дмнтрий произнес здравнцу в честь иовой экономнкн. И ты рад? Церковннкам разрешили торговать иконамн. И ты опять рад?

Иван собрался поспорить с другом, но тот вдруг прикуснл иижнюю губу н прижал ладонь к сердцу.

— Что, Леия, шалнт?

— Да, черт поберн, отъездил верхом.— Рогов прнглушнл голос н довернтельно прошептал:— Дело есть.

Вчера кто-то подбросил ко мне в кабинет икону Старорусской богоматери...

— Соборную?! С драгоценностями?!

— Нашел дураков.— Чекист опустил руку и осторожно расправил плечи.— Мазню на фанере...

— Зачем?!

— Давай подумаем...— Рогов оглянулся на дверной стук:— Гони в шею!

«Только бы не она»,— встревожился Иван. Ланская пела не только в местной опере, но и в церковном хоре. И Рогов даже в хорошем настроении высмеивал церковную хористку.

Воркун потеснил приятеля за ширму, застегнул пиджак и не без волнения пробасил:

— Войдите!

К счастью, это Калугин вернулся за портфелем. На столе сохла роговская фуражка с плетеным ремешком. Председатель укома перекинул с нее взгляд на ширму и, хитровато щурясь, обратился к Воркуну:

— Иван Матвеевич, прошу тебя!— Он поднял портфель.— Воздействуй на Рогова. Твой друг играет с огнем! Икону Старорусской богоматери обещал новгородскому музею...

— Ну и что?— пожал плечами Воркун.— От музея польза...

— Совершенно верно, друг мой! Но нельзя спешить! Эта икона — не только ценнейший памятник древней живописи, но и, сам знаешь, святыня верующих. Церковный староста Солеваров вылечил ноги местной грязью, а фунтовую свечу поставил чудотворной. Сначала развенчаем ее славу, чудодейство. Иначе, голубчик, польза обернется вредом. Верующие, а их пока большинство, возненавидят нас, коммунистов. Учти, массовая ненависть хуже стихийного бедствия!

— Подумаешь... деревяшка!— усмехнулся Воркун.

— Да, друг мой!— Калугин поставил портфель на стул и вскинул руки:— Эта деревяшка для них — спасительная магия! Они верят, что чудотворная отведет любую беду! Был случай, когда жители Тихвина выпросили здешнюю икону на время — спасти скот от мора...

— И зажали?

— Да! Не одно поколение тихвинцев и старорусцев бранились, даже судились из-за нее. И лишь в прошлом столетии чудотворную с помпой водворили здесь. Для ру-

шаи оиа — символ спасеиия, победы и благовести. В иароде ее популярность ие меиьше, чем Казаиской богоматери. Мой совет — ие иасильничать. Буитом, погромом ответят фанатики. Поймн, друг мой, Старорусская — давияя богиия раздора!

Воркун задумался, ио Рогов решительно отодвииул ширму:

— Это изывается — удар в спииу, товарищ Калугин!— Уполиомочеииый губчека ие протяиул руки.— Что, не ожидал такой встречи?!

Калугии улыбиулся:

— У подъезда, голубчик, твой Орлик, а здесь,— он указал на стол,— твоя фуражка. Нет, я вериулся не только за портфелем...

— Но и выступить в защиту Солеварова и других церковников?!

— Пойми, Леоиид Силыч, я же краевед. Мие было бы лестью пополиить музей шедевром искусства. И все же стоит посчитаться с верующими. Кстати, я только что от председателя исполкома. Ои тоже против преждевремеииого изъятия...

— Зато губчека и трибуиал иа моей стороне! И завтра же...

— Верующие выделят охраиу.

— А штыки на что?!

— Штыки, батеиька, повериутся против иас же, атеистов-большевиков! А тебя, зачиищика, просто растерзают!— Опять забыв портфель, Калугин потянулся к двери.— Не спеши, Леоиид Силыч, подумай!

Когда Иваи вериул портфель председателю укома и закрыл за иим дверь, Рогов иетерпеливо, с раздражеиием в голосе спросил товарища:

— Кто прав из иас?!

Воркун ие пощадил больиого:

— Поиачалу казалось — ты. А вот послушал, поразмыслил и вижу: ои мудрей тебя...

— Мудрей? Это в чем же? В сочувствии мракобесам?! Интеллигеит чистейшей воды! Его счастье, что пришел в партию до революции. Теперь таких...

Раздался резкий звоиок. Уполномочеииый зло покосился иа телефоииый аппарат и, иаправляясь к выходу, махиул хлыстом.

— Разве тут поговоришь! Приходи обедать...

Напрасно Иван все утро прислушивался к шагам за дверью: не пришла и не позвонила...

Ну что ж, дорогуша, встретимся за круглым столом. Он представил братьев Роговых с гитарами и голосистую певунью с белоснежным лицом и яркой копной волос. Она живет рядом с роговским домом. Прошлый раз Иван хотел проводить ее, но его опередил младший Рогов. Этот чернявый кудряш с наглыми глазами открыто пристает к вдовушке. Однако соседка предпочитает петь народные песни под гармонь, а не под гитару.

Иван терпеть не мог Карпа и при одном воспоминании о нем нахмурился. Не о младшем ли Рогове хотела поговорить Ланская? Не нуждается ли она в защите?

Завернув гармонь в клеенку, Воркун быстро надел серый картуз с лакированным ремешком и коротким свистом вызвал своего четвероногого друга:

— Ну, Паля, поднажмем!..

Куда девались воркуновская медлительность и хмурый взгляд! Первая настоящая любовь в тридцать пять лет чего только не таит. Заломив по-мальчишески козырек, Иван размашисто шагал через лужи. Его с трудом узнавали встречные знакомые. Даже Пальма нет-нет да и нюхнет хозяина.

Вдруг Иван насторожился. Острый слух бывшего разведчика уловил два приглушенных расстоянием выстрела. В тот же миг над кронами могучих тополей, стоящих поодаль, взвились грачи. Взвились панически и высоко. Так не испугаешь камнем или свистом. Охотнику известны повадки пернатых. И собака безошибочно чует выстрел: вытянув морду, она ощетинилась. Начальник с ищейкой побежали в сторону парка. Впереди на мостовой толпились прохожие. Они показывали на балкон синего домика, где жили братья Роговы.

— Не спорьте!— надрывался мужской голос.— Два раза бабахнуло!

Воркун окинул взглядом собравшихся. Над хором зевак возвышался своей приметной широченной бородой староста церкви Солеваров. Острые глазки фанатика поймали начальника угрозыска и расширились: «Вот чудо, уже тут!»

Но Иван прочитал в глазах старосты и нечто другое: старик явно был чему-то рад. Неужели у Роговых беда?

— Кто стрелял?

Солеваров вскинул волосатую руку на синий домик с чердачным балконом:

— Вроде как... уполномоченный...

Воркун ринулся к воротам. Пальма передними лапами толкнула калитку. На дворе, возле бочки, переполненной дождевой водой, зашипел черный кот. Ищейка, не замечая взъерошенного противника, метнулась к распахнутой двери флигеля.

Во флигеле жила Тамара Ланская. Там не пахло порохом. Пальма круто развернулась и, минуя сарай, кинулась к низкому крыльцу роговского домика.

Иван устремился за овчаркой. Прихожая и столовая встретили начальника угрозыска подозрительной тишиной. На круглом столе, белевшем скатертью и аккуратно расставленными тарелками, колючим шаром темнел кактус.

Где же братья и Тамара? Мокрые следы собачьих лап на чистых половицах вели на деревянную лестницу. Леонид занимал комнату на чердаке.

Воркун одним духом взлетел на верхнюю площадку и замер.

В нос ударило едким пороховым дымом.

На полу, возле высокой вешалки, сидела Тамара, склонив голову. Ее пламенеющие волосы закрыли глаза, посиневшие губы судорожно вздрагивали...

— Что тут?!

Тамара безысходно кивнула на дверной проем Леонидовой комнаты.

Иван шагнул к распахнутой двери.

Глаза ослепил белый косой потолок мансарды.

Балконная занавеска надулась пузырем.

Воркун решительно переступил порог...

И оцепенел...

ЗАГАДОЧНАЯ ОЧЕВИДНОСТЬ

Леонид обмяк на стуле, упав грудью и головой на письменный стол. Пальцы правой руки судорожно сжали рукоятку вороненого браунинга. Левая безжизненно свисала...

— Леня!..

Воркун наклонился над еще не остывшим телом. Леонид не нуждался в помощи. Хотя на лице, на руках, на костюме — ни капли крови.

Не трогая предметов, Иван осмотрелся. На полу, возле стола, поблескивали две пустые гильзы. Рядом с диваном,

высунув язык, сидела Пальма и поглядывала на фанерный лист, лежащий на ковре.

Воркун подошел к фанере и вздрогнул: «Икона!»

Божья матерь с младенцем, а взгляд суровый, угрожающий. Чекист стрелял в богоматерь. Одна пуля угодила ей в грудь, другая — в плечо.

Иван присел на корточки. Свежий запах масляной краски защекотал нос. Образ богоматери был воспроизведен уверенными мазками.

— Тамара Александровна!— подозвал он свидетельницу.— Кто принес сюда икону?

— Какую икону?— слабым голосом спросила она и вступила в полосу света.

Иван изумился: у нее расстегнут халат, ночная сорочка порвана, а на груди... синяк. Что все это значит?

Пахнуло изысканными духами. В мировую войну раненому разведчику Воркуну вручила кисет великая княгиня с капельным крестиком на белой косынке. Сестра милосердия была надушена такими же духами, как и соседка Роговых. Он указал на икону. Тамара исступленно вскрикнула:

— Старорусская! Чудотворная!— Она упала на колени, скрестила руки, страстно зашептала:— Божья матерь, прости меня, грешницу...

Боковым зрением женщина заметила воркуновский пытающий взгляд и дрожащими руками застегнула халат, отороченный лисьим мехом.

Да, не о такой встрече мечтал Воркун. Он погладил Пальму и пальцем ткнул в икону:

— Взять след!

Овчарка обнюхала улику и, виновато поджав хвост, снова уселась: «Хоть убей, а чужим не пахнет». Обычно она мигом схватывала нужный душок и устремлялась по следу — только поспевай. А тут...

Озадаченный Воркун подошел к телефонному аппарату, позвонил дежурному и, опустив трубку, вдруг вспомнил, как сегодня утром Леонид недосказал историю с подкинутой иконой. Возможно, он сам принес икону со службы домой?

«Нет, чекист не пойдет с иконой по городу»,— рассудил Иван и взглянул на влажные туфли певицы:

— Тамара Александровна, вы прибежали сюда на выстрелы?

— Да... я думала... Леонид убил Карпа...

— Братья поссорились?

— Очеиь!
— Из-за чего?
— Н-не знаю,— смутилась оиа, отводя взгляд вниз.
— Значит, Карп был здесь, когда вы прибежали?
— Нет, здесь никого не было,— твердо заявила она и заплаканными глазами показала на покойного.— Только он...
— Вы подошли к нему?
— Нет. Не смогла. Подкосились ноги. Лишь взглянула и все поняла. Я ведь медик. Я ждала этого...
— Ждала?!
— Да. Вчера у него был сердечный приступ. А он поехал верхом. И Карп...
— Что Карп?
— Довел его до бешенства. Он доконал брата...
Иван хмуро глянул на фанерный лист. Пожалуй, доконала икона. Леонид ненавидел иконы. Выходит, злоумышленник знал эту особенность характера чекиста. Неужели это подстроил Карп?
Нет, пули впились в стенку комнаты на высоте человеческого роста. Ясно, что кто-то держал образ. Но почему не оставил следов? Кажись, улика налицо, а Пальма и носом не ведет. Черт возьми, все так же очевидно, как загадочно. Калугин сказал бы: «Загадочная очевидность, голубчик». И Тамара явно чего-то недоговаривает. Почему не пришла утром? Кто порвал кружева на груди? В чем грешна?
— Тамара Александровна, сейчас придут чекисты. Идите... переоденьтесь...
И, провожая ее изучающим взглядом, подумал: «Все расскажет, не станет молчать».
Воркун внимательно осмотрел чердак — ничего подозрительного. Пытался представить, что здесь произошло. За время работы в угрозыске он немало распутал узлов. Обычно соображал быстро, а действовал не спеша. Сейчас же, наоборот, много суетился, курил, а думалось на редкость туго.
Посмотрел на мертвого друга и вдруг почувствовал, как собственный воротник давит горло. Только сейчас Иван по-настоящему осознал потерю дорогого, близкого человека.
Еще мальчишкой Леня помогал отцу — расклеивал подпольные листовки. Побывал Леня и в царской тюрьме. Не сломила его и ссылка. Крепких отбирала чека. Он работал ради жизни, а жил ради работы.

Иваи иагиулся иад столом, коснулся чериильиицы, вырезаииой в виде двух огромиых желудей, и иеожидаиио увидел прямо иа серой бумаге, покрывавшей стол, свежую караидашиую запись. Почерк Леоиида — прямой, четкий, с иажимом.

Не дыша, точио боясь сдуть паутину букв, Иваи склоиился иад строкой.

«Мертвый хватает живого»,— прочитал ои с иедоумеиием.

На чердак влетел шмель. Его, видать, привлек цветочиый аромат фраицузских духов. Но цветка-то нет. Обманулся мохиатый дуреиь, ищет выход, бьется о стекло, а дверь иа балкои приоткрыта. И ие то ли с иим, Иваиом? Бьется, нщет, а выход, поди, рядом. Но где? Как иайти?

Заиыла старая раиа. Воркуиу стало душио н тесио. Он полез в кармаи за платком, а вытащил томик с картами. Вид у «киижицы» шикариый: зеркальиая кожа, золотое тисиение, а виутри — порнография.

Да, виешиость может быть обмаичивой. Вот и Лаиская, гляиешь — богиия: совершеиство форм, глаза — чистый малахит, а что виутри? Возможио...

— Нет, иет!— отмахиулся Иваи и быстро вышел иа балкои.

Дождик коичился. Выгляиуло солице. Внизу, в толпе любопытиых, по-прежиему выделялся Солеваров. Церковиый староста говорил иегромко, ио слушали его виимательио, и почти каждое слово старика долетало до Иваиа.

Рослый рушаиии рассказывал о том, как чекист Рогов заиес руку иа святыию и как ясиовидящая предрекла ему безвремеииую коичиину...

— Так, может, православиые, и свершилось зиамеиье? — Ои осеиил себя крестом и волосатой рукой указал иа роговский домик:— Сами слышали...

Солеваров заметил Воркуиа и осекся.

Иваи поморщился: «Эх, пойдут теперь звонить о иовом «чуде» Старорусской богоматерн. А тут еще эта дырявая нкоиа. Но где застряли чекнсты?»

Ои окинул взглядом улицу. На противоположиой паиели, залитой дождем и солицем, зиакомый сторож курорта метлой тычет в дощатый забор и моиотоиио гудит:

— Свежая царапииа, иатуральио, след...

Воркуи стремглав кинулся к лестиице. За иим — Пальма.

На улице ие успели опомииться, как из ограды с треском вылетели доски. Первой в дыру юркиула ищейка. Еще удар иогой — следом за овчаркой скрылся хозяии.

Всем показалось, что сейчас за оградой гавкнет собака, засвистят пули: уж больио стремительиа погоия.

Толпа притихла. В парке, за высоким забором, мужской голос басисто обругал Пальму. И все пoияли, что ищейка забастовала, что, видать, дождь размыл следы. Теперь жди: вылезут из дыры поиурая собака и сердитый хозяии.

Но иикто ие вылезал. А за оградой вдруг послышался еще чей-то голос — молодой, приглушеииый...

Любопытиые перегляиулись...

ИКОНА И РЫСЬ

Воркуи показал Пальме примятую траву. Здесь, между липой и кустом сиреии, иеизвестиый спрыгиул с забора. Овчарка взяла след, устремилась к песчаиой аллее и иеожидаиио, огляиувшись иазад, остановилась...

— Ты что, дура?!— выругался Иваи и замахнулся кулаком.— Нюх потеряла, что ли?!

Остроиосая помощиица с чериотой иа хребтине потяиулась мордой к ближайшему кусту сиреии и крутиула хвостом.

Иваи развел мокрые ветви. Его брови вскииулись. Перед иим Сеия-чекист и не Сеия: казацкая фуражка с красиым околышем сильио помята, фреич обмяк; сииие галифе провисли в пузырях, а русские щегольские сапожки с иарочито завышеииыми каблуками — все в грязн. Да и сам юиоша, промокший, в паутиие и лепестках сиреии, совершеиио ие походил иа себя, всегда иа редкость опрятиого. Даже в лице и глазах обозиачилось совсем чужое: веснушки почериели, веки сузились и шрам возле виска ие замаскироваи белым чубом...

— Тихо, дружок Воркунок, тихо,— прошептал молодой чекист, сплетая оттеики строгости и задушевиости.— Парк оцеплеи. Тут мой пост...

Малеиький, юркий, с криввикой в иогах, ои подтяиул ремеиь с маузером и, оглянувшись, поиизил голос:

— Я только что из Питера. Там иакрыли сброд Таганцева. Одии из его агентов здесь, в Руссе. Кличка — Рысь...

— Жеищиия?

— Неизвестно. Но повадки и впрямь матерой рыси: ловко путает следы и пакостит всегда с большой выдумкой-хитринкой...

— Может, и с иконой ее проделка?..

Воркун рассказал о случившемся. За оградой промчался дымящий паровозик. Сеня переждал шум и деловито кивнул в сторону забора с дырой:

— Бери понятых и жди меня. Жди у Роговых.— Он слегка подтолкнул Ивана: — Действуй, браток, действуй...

Воркун не обиделся, что комсомолец подгоняет его, начальника угрозыска. Сеня Селезнев из всех местных чекистов отличался исключительной смелостью и оперативностью. Не случайно Леонид приблизил его к себе: молодой сотрудник и жил в доме Роговых.

Иван пригласил сторожа курорта и посоветовался с ним насчет второй кандидатуры в понятые. Бородатый Герасим, в белом переднике, открыл калитку и уверенно показал на приземистый трехоконный флигель:

— А еще можно... нашу фельдшерицу...

— Давно она у вас?

— Хвостова-то?

— Разве у нее фамилия Хвостова?

— Натурально. Девичья, значит.— Герасим остановился возле бочки с водой и охотно продолжал:— Вишь, начальник, полста лет назад аль боле Хвостовы, тутошные заводчики, были самые разбогатые. Их канаты парусные даже иноземцы скупали. А как задымили пароходы — торговля захирела. Последний из Хвостовых проиграл остаток капитальца. Но вернулся из Питера, где продулся, не один: с девкой, рыжей да грудастой. У нее-то, прости господи, имелось сбереженьице. И купила она тут участок с постройками. Флигель — себе. А дом, где ныне Роговы, отвела для приезжающих курортников. Открыла меблированные комнаты с обедами. Зажили неплохо, с достатком. И дочь народилась. Вся в матушку: и цветом, и телом, да и характером: девчонкой повенчалась с офицером...

Дворник лукаво подмигнул:

— Ланского, муженька-то, немец прикончил, а родителей «испанка» прибрала. Вот краса-сиротка и определилась к нам, на минеральные воды. Да еще на сцене поет: горазд голосиста...

В крайнем окне, над цветами, вспыхнула огненная прическа. На подоконнике колыхнулась ярко-зеленая елочка. Две створки блеснули стеклами. Певучий голос обратился к Воркуну:

— Иван Матвеевич, поймали?

— Не уйдет,— заверил он и шагнул к распахнутому окну, глядя на нее:— Вы можете понятой?

Зеленые глаза непонятно прищурились: Ланская то ли обрадовалась приглашению, то ли успокоилась, что человек, который махнул через забор парка, скрылся.

Ланская вышла из флигеля в темном длинном платье с закрытым воротом. В этом траурном костюме она походила на монашку.

— Тамара Александровна, вы случайно не видели, кто после стрельбы выскочил от соседей?

Она опустила глаза:

— Н-нет...

«Скрывает»,— Воркун невольно посмотрел на Герасима. При нем она не разговорится.

На крыльце, пропуская мимо себя спутницу, Иван едва уловил запах заграничных духов, и снова ему вспомнилась великая княгиня. Смешно и дико: он, бывший пастух, до сих пор мечтал о любимой, похожей на величавую сестру милосердия с певучим голосом. Этой весной он трижды слушал Тамару Ланскую — княгиню в «Русалке».

Воркун представил Рысь с фанерной иконой и нахмурился. Эх, опоздал к другу! Бывало, Леня только позвонит: «Жду к обеду», и Ваня — шапку в охапку, и пес за ним. А сегодня прихорашивался, будто Макс Линдер перед любовным свиданием. Хорош гусь! Все могло быть иначе...

В горнице на круглом столе расставлено восемь тарелок. Леонид всегда приглашал одних и тех же знакомых. Иван пересчитал имена гостей, и получилось так, что один стул лишний. Выходит, восьмой — новое лицо...

Вход на лестницу охранял смуглый татарин в белесо-зеленой гимнастерке. Он любовно оглядел овчарку и одобрительно причмокнул:

— Ай, хорошай!

Поднимаясь в светелку, Тамара судорожно держалась за перила. Она боялась потерять равновесие. Герасим, наоборот, вышагивал уверенно, высоко неся бороду: бывалый солдат повидал мертвецов.

Но там, рядом с покойником, понятые вдруг поменялись ролями. Тамара устояла и, прикрывая рот платком,

глазамн впилась в Леоинда. Герасим поклоиился мертвому чекисту и сразу как-то скривился, словио его подрубили: толкии — и грохиется. Чего струхнул? Что зиает?

— Герасим, ты первый раз видишь эту икоиу?

— Впервой,— с трудом выговорил двориик и сиова уставился на брауиниг в мертвой руке.

Иван выиул из ящика стола лист бумагн, положил его на кннгу н сел на диван, рядом со своей гармоиью. В руке ои держал чериильиый караидаш, остро отточеииый Леоиидом. Не успел ои иаписать: «Протокол допроса», как Пальма кииулась к лестиице.

«Селезиев»,— прикиизл Воркуи, ио ошибся.

На площадку быстро поднялся сухой, жилистый Карп. Ои, виднмо, бежал. Черные кудри вздыбились (ои круглый год ходил без фуражки), полы короткой куртки из красной кожи разметались, а капли пота стекали со лба иа широкие брови, из-под которых резко смотрели карие глаза.

Не замечая ии людей, ни собаки, он прыгиул через порог и кинулся к столу:

— Леиька!..— У иего дрогиул голос:— Брат ты мой...

Ои обиял застывшее тело н, прнжимаясь щекой к мягким волосам брата, иадрывио зашептал:

— Как же так?.. Если б зиать!.. А?.. Так я бы... Леиька, что я иаделал?!

— Ты убил его!— выкрикиула Тамара и заплакала.

Карп задел соседку мимолетным взглядом и припал к мертвому брату.

В противоположиость младшему Рогову Сеия Селезнев появился бесшумно. Он участливо кивнул Карпу и, снимая измокшую фуражку, тихо сказал Иваиу:

— Пишн протокол, пишн...

И другим нашел работу: Тамару послал во флигель за портновской рулеткой, Герасима попросил разогнать толпу под окиом, а сам по телефоиу вызвал врача и фотографа.

Герасим вериулся возбужденный и толстым пальцем показал на окно:

— Забор-то покарябал здорово...

— Кто покарябал?— уточиил Сеия.

— Да я так размыслил, товарищ иачальиик, попрыгуичик с пружииами иа пятках...

— Своими глазами видел-подсмотрел?

— Ныие не видел, а вот в голодуху, на Митрофановском кладбище, видел в белых саваиах.

— Ты что, борода-бородииа, мешочничал?

— Был грешок. Патрулей огниали погостом. А из могил иа нас живые покойники — скок! скок! Содорожиики мешки бряк и ходу. Я тоже тягу, хоть груз ие бросил. Сн-леики хватало...

«А тут чего скис?» — взвешивал Иван. А Сеня иалегал:

— И высоко, говоришь, оии прыгали-возиосились?

— Да ие горазд.

— Но через этот забор... запросто?

— Натуральио!— Герасим загляиул в открытую дверь балкоиа, где за балясииами зелеиел омут освежеииого парка.— Говорят, этот прыгуиок выскочил из калиткн Хвостовых...

Лаиская протяиула руку с рулеткой, да так и застыла. Сеия тоже заметил, как соседка Роговых побелела, но оставил ее в покое. Ои взял у иачальиика угрозыска протокол, прочитал его вслух и попросил поиятых расписаться.

Лист бумаги лежал на краю стола. Сторож еще раз покосился иа пистолет и расчеркиулся. Лаиская ие допнсала своей фамилии.

Чекист проводил поиятых до лестиицы и приказиым тоиом бросил вниз:

— Ахмедов, выпусти парочку!

Иваи ждал: если вдовушка обериется, гляиет иа него — значит, ее мучает совесть. На повороте она взялась за перила и посмотрела в его стороиу. В ее глазах ои прочел и надежду, и страх.

«Ясио, что-то скрывает»,— с горечью рассудил Иваи и перевел взгляд иа Карпа.

Упираясь руками в колеии, младший Рогов рассматривал лежащую икоиу и, видимо, пытался что-то вспомнить. Ои жмурился, потирал лоб и иакоиец рванулся к выходу:

— Я за профессором!— И иа миг огляиулся:— Ничего ие трогайте!

Иваи н Сеия поиимающе перегляиулись. Им было известио, что иа здешнем курорте лечнтся петроградский кримииалист — профессор Оиошко. Ои читал лекции старорусским чекистам, посещал местиую оперу и даже сделал предложение певице Лаиской.

Сеия осторожио приблизился к покойнику н, склонив

голову, прикрылся ладошкой. Выходит, лихой малый крепился только на людях, а теперь вот и губы дрожат:

— Ой... Леия... Леоиид...

Его невиятный шепот заглушила Пальма — оиа завыла...

УВИДЕТЬ НЕВИДИМОЕ

Над перилами лестиицы заголубело табачиое облако. Сначала из лестиичиого проема иа площадку выплыла шарообразиая лосиящаяся голова, окутаииая светлой дымкой. Затем из табачиой завесы проглянули серые иавыкате глаза и гнутая трубка иа мясистой губе. Потом выкатился большой округлый живот, запахнутый в просториый пиджак с серебряиым отливом. И иакоиец, поднялись короткие иожки в шнроких майских брюках и белых парусииовых баретках.

Тяжело дыша, кримииалист выиул из кармана толстую лупу с раздвижиой рукояткой и дал поиять, что пришел не слезы лить, а дело делать. Ои сразу повел себя как егерь среди любителей охоты: виимательно осмотрел комиату, загляиул в воркуиовский протокол и вежливо заметил:

— Дорогие коллеги, вы иеплохо потрудились, одиако нам придется нсправить допущеииые ошнбки. Осмотр места и трупа мы произведем со скрупулезной точиостью.

Ои подозвал Карпа, который привел его:

— Вы, маэстро, измеряйте. Вы, товарищ Селезиев, составьте плаи с обозиачеиием каждой вещи. Вы же, коллега, записывайте...

Иваи опять вооружился караидашом, продолжая иаблюдать за профессором. Страиио, учеиый-кримииалист говорит вроде серьезио, с уважеиием, а в глазах ироиический смешок.

Опытный эксперт с помощью лиизы осмотрел костюм, лицо, руки покойиика и увереиио заявил:

— Умер от разрыва сердца. Мой диагиоз подтвердит врач.— Ои загляиул в протокол, лежащий перед Иваном:— О иет, коллега! Извольте в следующем порядке: положеиие трупа, ложе трупа, поза трупа, одежда иа трупе и трупные измеиеиия. На левой руке, в области тыльиой стороиы кисти, сиияк — след удара тупым предметом...

Карп отложил рулетку, хотел что-то сказать, ио передумал.

Воркун не обнделся на крнтнку. Уважай тех, у кого можно поучнться. Ведь он, начальннк угрозыска, не нмел спецнального образовання. Основная школа — служба в армейской разведке. А профессор Оношко — автор кннг по крнмннальнстнке. Экспертнза — его профессня.

И сейчас на чердаке ученый-крнмннальнст увндел то, чего другне не заметнлн. Передвнгаясь на коленях вокруг нконы, он направнл лупу на край фанеры н деловнто объявнл:

— Отпечаток пальца. Прошу...

Первым осмотрел отпечаток Селезнев н завернл:

— Это не его, не Рогова...

— А чей?..

Все оглянулнсь. На пороге комнаты стоял мужчнна среднего роста, в бордовой кожанке с нашнвнымн карманамн. Это был председатель местной чека Проннн. Его желтоватое лнцо (он болел язвой желудка) сейчас неестественно зарделось.

— Странно,— заговорнл Проннн глухнм голосом.— Сейчас в служебном кабннете Рогова мы обнаружнлн такую же нкону...

— Ловко задумано, друзья мон!— следом за начальннком в комнату вошел Калугнн.— Представьте! На службе Рогов спрятал нкону за шкаф, прнходнт домой, а тут опять она! Нуте?!

Карп сердnто взмахнул рулеткой:

— Бред собачнй! Мой брат не вернл в чудеса!

— Товарнщ Карп,— спокойно проговорнл Проннн, сннмая военную фуражку,— мы хорошо знаем, что брат твой не вернл в чудеса, зато кругом-то нас армня фанатнков. По городу уже бродnт слух: «Рогов позарнлся на чудотворную, вот она н покарала его». Ты знаешь, кто прннес нкону?

— А ты знаешь, кто прннес нкону на службу?

— Надо полагать, одно н то же лнцо.

— Куда же вы, чекнсты, гляделн?

Проннн усталымн глазамн показал на открытый балкон:

— В кабннете твой брат всегда распахнвал створкн. Так не мудрено... подброснть... первый этаж... А тут как?

— Черт его знает!— Карп броснл рулетку на днван н зло взглянул на Селезнева:— Сеня удрал в Пнтер! У меня по воскресеньям футбол, бнльярд. Леоннд ускакал в уезд. Дома — однн кот! Прннес тот, кто выскочнл после выстрелов...

— Прошу прощения, коллеги,— вмешался Оношко, сверкая лупой.— Осмотр места показывает, что нет состава преступления. Уполномоченный не убит: подвело сердце. А копию иконы принесли, скорее всего, по просьбе самого Рогова. Он неоднократно говорил мне: «Разоблачу чудотворную! Я расстрелял бы ее, не будь она музейной ценностью».

— Это так. Могу подтвердить.— Воркун медленно поднялся с дивана.— Но Леонид никому не заказывал иконы, потому как сегодня утром он возмущался тем, что кто-то подкинул в его кабинет мазню на фанере...

— Ого!— заинтересовался Калугин и обратился к Пронину:— Павел Константинович, голубчик, тут что-то нечисто...

— Позвольте!— обиделся криминалист.— Не делайте из мухи слона! Краснеть придется! Повторяю, налицо естественная смерть. И «расстрел» иконы психологически оправдан. Он еще раньше подсознательно целился в нее. А выстрелы спугнули одного из приглашенных на обед...

— И тот кинулся-махнул именно через забор?— подкусил Сеня.

— О, юноша, от страха и забор нипочем!— Профессор, дымя трубкой, авторитетно провозгласил:— Уверяю вас, коллеги, и дня не пройдет, как вы вспомните мой диагноз: разрыв сердца — раз; беглец — совпадение — два; лик богоматери — заказ самого Рогова — три. Не ищите того, чего нет!

— Однако, голубчик,— не сдавался Калугин,— бывает обратная картина: именно отсутствие прямых улик заставляет думать, что преступник перехитрил нас. Вы, профессор, исходите только из причины...

— Все криминалисты мира исходят только и только из причины!

Оношко дымящей трубкой указал на председателя чека:

— Павел Константинович, может быть следствие без причины?

— Ясно, нет!

— Может быть преступление без преступления?

— Конечно, нет!

— Что и требовалось доказать!— победно вскрикнул ученый-криминалист.

Воркуну показалось, что в этом споре Оношко забил его учителя. Больше того, Иван, по существу, разделял

взгляд профессора на роль и значение причины в процессе расследования. В самом деле, как ни крути, а без причины следствия не бывает. Его глаза сочувственно остановились на Калугине.

А тот с добродушной укоризной посмотрел на Пронина:

— К сожалению, Павел Константинович охотно посещает лекции профессора Оношко и ни разу не поинтересовался нашим кружком. А вот Сеня Селезнев не пропустил ни одного занятия.

Калугин обратился к молодому чекисту:

— Голубчик, скажи, пожалуйста, следователь учитывает только причину и следствие?

— Нет, зачем же!— оживился Селезнев.— Есть молния, но есть и засушливое лето. Молния — причина, а засуха — обстоятельство. Отчего же загорелся лес?

— Совершенно верно, голубчик! Больное сердце — внутренняя причина, а травля иконами, возможно и не только иконами,— внешнее обстоятельство.

Калугин шагнул к Пронину:

— Так что, друг мой, надо учитывать не только причину, но и у с л о в и я. Короче, кто у с к о р и л смерть больного человека? Нуте?!

— Тридцать верст скакал на лошади,— ответил Пронин.

— А еще?

— Резкая перемена погоды: с ночи дождь...

— А еще, товарищ начальник?— подключился Селезнев.

— И этого достаточно!

— Извиняюсь, товарищ начальник.— Сеня перевел взгляд на Воркуна:— Иван Матвеевич, ты виделся-разговаривал с Роговым после его поездки. Почему ты шел к обеду с гармонью?

— Ну... ясно... Леонид пригласил...

— А если бы он себя плохо-скверно чувствовал, как думаешь, стал бы звать в гости, да еще с музыкой?

— Музыка для него — лучшее лекарство!— Пронин развел руками.— Товарищи, все до поры до времени...

— Ерунда!— оборвал пронинскую речь младший Рогов.— За два часа до выстрелов мы с ним поспорили — он вспылил и ребром ладони так мне по руке рубанул, что я и кий не смог держать, до сих пор ноет...

— Позвольте заметить, коллеги,— профессор трубкой нацелился на телефонный аппарат с двумя рогульками,—

за двадцать минут до выстрелов Леонид Силыч позвонил ко мне в гостиницу курорта и пригласил меня к обеду...

«Вот кто восьмой»,— отметил про себя Иван, внимательно слушая.

— Вероятно, я был последним, кто слышал его голос. Он был утомленный, болезненный. Я даже отсоветовал ему. Но он заверил: «За моим воскресным столом всегда песни, гитара, гармонь. Мне нужно развлечься».

— Значит,— подхватил Сеня, осматривая образ богоматери,— она доконала. Но как?!

— Здесь кто-то держал икону,— вставил Пронин.

— И убежал, как только свершилось чудо: стрелявший в богоматерь скоропостижно умер. Тут любой дрогнет, уверяю вас, коллеги...

«Неужели он верующий?»— подумал Воркун и спросил профессора:

— Ну, а почему Пальма не взяла след?

— Ваша ищейка сразу почувствовала, что тут нет никакого преступления...

— И вообще брат обошелся без помощника.— Младший Рогов поставил фанерный лист на ребро, прижал к дивану и поднял руку:— Стоит! Стреляй!

— Наглядность — лучшее доказательство!

Оношко подошел к столу и только сейчас обратил внимание на роговскую запись:

— Что за мистика?! Как это может мертвый хватать живого?

— Хватает, голубчик, да еще как!— серьезно заверил Калугин.— Религия — чудовищный осьминог с десятками сотен щупальцев и присосок. Вспомните детство. Проснулся — молись. За стол — крестись. Поел — поклонись иконе. Вышел на улицу — кругом церкви, часовни, опять с крестным знамением. И куда ни уйди — всюду тебя достанет церковный звон. В школе — снова молитва и закон божий. А сбежишь в лес или на речку — на груди иконка или крест. Да и места связаны с легендами о чудесах и житиях святых. Свернешь к приятелю или к солдатам в казарму — те же иконы, молитвы. А вечером с мамой или бабкой в храм — боже мой!— чем только тебя не напичкают! Золотой иконостас. Сияние свечей. Душевный хор. Ладан. Просвирка. Святая вода. А в пасху — все брошено в атаку: куличи, яички, перезвон, поцелуи. А исповедь и причастие! А крестный ход! А свадьба, крестины! А похороны! Весь день, всю жизнь — с рождения до смерти — ты в религиозных щупальцах и присосках. Иной

даже в бога не верит, а вырваться нз объятнй церквн ие может. Смеется над попамн, а все же крест носнт, пасху справляет и иа всевышнего надеется. Так нли не так, голубчик? Нуте?

Профессор не мог лупой нащупать карман. Видимо, Калугин попал в точку. Вндно, золотой крестнк на грудн криминалиста накалнлся от слов краеведа. Оношко прнкрылся дымовой завесой:

— Так-то оно так, коллега,— он пустнл кольцо табачного дыма,— но, позвольте спросить, уместно лн для чекнста, большевика такое выраженне: «Мертвый хватает жнвого»?

— Очень даже уместно, батенька! Это выраженне — излюблеиный афорнзм прогрессивных мыслителей. Еще Дндро этим нзречеинем разоблачал смердящнй феодалнзм, Маркс — загинвающнй капиталнзм, а Ленин — трупный яд ндеалнзма. Нуте?

Профессор отвел глаза в сторону. Воркун улыбнулся. Ои вспомнил свою первую встречу с Калугнным. Вчерашний разведчнк прншел в уком. Спрашнвает председателя, а ему показывают тщедушного человека, в простых очках, с длиииымн волосами н реденькой бородкой, ну — вылитый поиомарь. «Наверно, ведает партнйным архнвом»,— подумал Иван и решнл прощупать его: «Смотрн... за окном... красотнща! Белнзна-то какая, аж слепнт!» Тот усмехнулся: «Учтн, голубчик, церковь — белая тьма. И в этой тьме какие только головы не блуждалн!»

Голос профессора вернул Иваиа к действнтельностн. Толстяк с трубкой вышел на середнну комнаты н обратнлся ко всем присутствующнм:

— Уважаемые коллегн, как виднте, наметнлнсь две протнвоположные школы расследоваиня...

— Неправда, голубчик!— осаднл его Калугни.— Новая школа не отрнцает старую, а лншь п р е о д о л е в а е т ее ограннченность...

— В чем?

— Ваше ремесло дополняется нскусством у в и д е т ь н е в н д н м о е...

— Позвольте, коллега, это нелогнчно!— Профессор самоуверенно выпучнл глаза.— Одно нз двух: либо оно внднмо, либо оно невнднмо. Нельзя увндеть то, чего не вндно!

— Ошнбаетесь, батенька! Вы вндите плоскую Землю, а на деле она круглая. Вы созерцаете устойчнвую, неподвнжную Землю, а на деле она вращается. Вы наблюдаете,

как Солице огнбает Землю, а иа деле наоборот — Земля облетает Солнце. Кстатн, тот, кто первый увндел невиднмое, был объявлен церковью еретнком...

— Простнте, коллега, о Копернике я читал.— Оношко крнво улыбиулся.— Но позвольте узнать, кто же п р е о д о л е в а е т старую школу расследовання?

— Чекисты во главе с Фелнксом Дзержинскнм.

— Следовательно, старорусские чекнсты в данном случае тоже настроились увидеть невидимого «убнйцу»? Ну что ж, коллегн, пусть сама жизнь рассуднт наш с вамн спор...

Профессор огляиулся.

На площадке появнлнсь доктор, фотограф н часовой с винтовкой. Смуглый татарни-красиоармеец, расправив плечн, доложнл председателю чека:

— Товарнщ начальник, женьчииа пришла, одна пришла. Сказал: «Воркун нужен, очень иужен»...

«Тамара»,— мелькиуло в сознании Ивана.

ЗАГОВОР МЕРТВЫХ

Воркуи увидел ее через окио прихожей. Оиа ждала его на крылечке. На ией темиое глухое платье с длнннымн рукавами и чериый платок, иадвинутый на брови.

Он взялся за щеколду, ио не успел нажать ее. На его плечо легла крепкая ладоиь. Иваи огляиулся: н когда только успел Сеня выпрямнть прнмятую фуражку, отряхиуть фреич н налощить сапожкн.

Молодой чекнст слегка толкиул дверь иа двор н мягкоиастойчнво объяснил Ланской:

— Томочка, ие серчай, Воркун чуток задержнтся...

Он завлек Иваиа иа кухию, где пахло свежей рыбой, усаднл его иа табурет и, не закрывая двери в прнхожую, тихо заговорил:

— Пойми, Ваня-дружок, там, в парке, н здесь,— взмахнул рукой,— иа голубятие, я не мог подробничать о пнтерских делах. Вндншь лн, Таганцев сколотнл-собрал всех обречеииых, всякую шваль. Но его шайка-лейка! С ней — патриарх Тнхон с армией церковнннков. С ней — вооружеииая свора Савникова — от Варшавы до Гомеля. С ней — белый Владнвосток. С ней — наша разруха, ералаш и засуха на Волге. С ней — Чернов с эмнгрантамн н зарубежнымн покровнтелямн. Это онн шлют мятежннкам оружне, валюту н днректнвы: «Не замыкаться!»

И черная нить заговора связала железнодорожные ветки Петроград — Бологое — Дно — Рыбинск — Русса. Дзержинский сказал: «Корень подрезан, а корешки остались». Чуешь?

Метнув взгляд на открытую дверь, он перешел на шепот:

— Здесь для Рыси лафа: и бывшие дворяне, и торгаши, и церковники. А тут чудотворная под угрозой. Вот Солеваров, поди, на солистку клироса и нажал: «Спаси святыню»...

— Икону принесла она?— насторожился Иван.

— Не знаю,— пожал плечами Сеня.— Но певичка наверняка знает многое...

— Факт,— согласился начальник угрозыска...

Тамара провела Воркуна мимо кухни в светлую столовую. В центре квадратной комнаты — квадратный стол, накрытый клетчатой скатертью. Ланская придвинула гостю дубовый стул с высокой спинкой и, волнуясь, выглянула в окно:

— Они не придут сюда?

— Кто?

— Чекисты?

— А что?

— Я почему-то боюсь их.

— Мн-ми,— недоуменно промычал Иван, чувствуя на себе ее беспокойный взгляд.— Ведь Леонид тоже был чекистом...

Сдерживая слезы, она хрустнула пальцами:

— Боже мой! «Был»!— Ее влажные глаза окинули стены с картинами в золотых рамках.— Он здесь был. Сегодня утром. И я уже знала, заранее знала — последняя встреча...

— Заранее?

— Да!— Она тревожно глянула в окно и снова вернулась:— Признаюсь, Иван Матвеевич, не совбарышня я: приметам верю, картам. Вчера гадала...

— В Чертовом переулке?

— Да! У нее тьма мертвящая. Один огонек — свеча в руке. А сама в гробу. На лице кисея. Губами шевелит — покрывало дышит. И что ни слово — правда. «Тебя нарекли Тамарой,— вещает она.— Ты, сиротинушка, намедни справила тридцать третьи именины. Тебя любит сосед, из большого казенного дома. Но он, безбожник, кровно обидел тебя. И ты разлюбила его. И бог накажет: ему жить до первого дождичка...»

— Так и сказала: «До первого дождичка»?

— Боже! Вы ие верите мие!

Оиа зарыдала. Иваи хотел утешить ее, но ие мог найти иужиых слов. И смущеиио молчал.

Накоиец ее голос окреп:

— Да, ои обидел меия. Сегодия опять потребовал: «Сиими крест, либо все к черту!» Я ие сияла и иикогда ие сииму. Одиажды мой крест утоиул в купальие, а дома — известие о смерти мужа. После революции я подружилась с комсомольцами и хотела сиять крест, а в это время «испаика» отияла отца и мать...

— Вы говорили об этом Леоииду?

— Говорила. А ои свое: «Либо — либо».— Тамара бессильио уроиила кисти рук иа стол.— Нескладио получилось. Я ие только ие сияла крест, так еще стала убеждать его ие трогать икоиу Старорусской богоматери. Ои рассвирепел. Никогда таким ие был. Хотя последиее время часто хмурился...

— Почему?

— Злился иа свое слабое сердце. И лекарств ие признавал. Я собиралась к вам, хотела посоветоваться: вы же друг его. Но меия задержал Карп...

— Где задержал?

Оиа смутилась и иервио открыла дверь в спальию:

— Здесь в с е произошло...

В это время косые лучи солнца осветили соседиюю комиату. Сиачала в глаза бросились яркие вещи — граммофоииая труба и серебряиая икоика иа спиике двухспальиой кровати. Затем, приглядевшись, Иваи увидел два иастеииых портрета. Одии, исполиеиный маслом, ие поиравился: художиик увлекся виешиостью Тамары — подметил иаливиые плечи, чувствеииые губы, светло-зелеиые глаза с кошачьей раскосиикой и взбитую прическу. А второй, караидашиый, лучше: Леоиид Рогов изображеи с трубкой — волевой и в то же время задумчивый.

Как всегда при сильиом удивлеиии, Воркуи дериул себя за ус. Ои зиал, что Леоиид ие любил фотографироваться и тем более позировать художиику. Даже ои, Иваи, ие имел портрета приятеля.

«Почему Леия скрывал свою любовь?»— подумал Воркуи и указал на стеииой рисуиок:

— Откуда у вас, Тамара Алексаидровиа?

Оиа ждала другого вопроса и с благодариостью подияла глаза на Ивана:

— Удивительиый портрет, ие правда ли? Одии прямые лнини. Продолговатое лицо. Точеиый иос и открытый взгляд в острых ресницах. Сам прямой и во всем любил прямоту. Даже костюм — простая кожа, а без вмятинки, иадлома. И всегда-то бритый, чистый, подтяиутый. Идет как по нночке...— Оиа нечаяиио сбила с головы платок н воскликиула:— Боже, зачем я?! Ведь вы лучше зиаете Леоиида...

«Ну, нет, зелеиоглазая, далеко не лучше: ои дружил со мной, а о своей любвн помалкивал».

— Кто автор портрета?

— Наш Сварог. Мой портрет художиик сделал по моей просьбе. А Леоинда зарисовал, когда тот зашел к иам за кулисы. Сварог создал оперу в Руссе. И сам поет иа сцене. Впрочем, вы же слушали его в роли Мефистофеля...

«Может, Сварог сиял копию и с богоматерн?»— подумал Иван.

Лаиская встрепеиулась, поправила платок:

— Идут! Опять допрос?

— Нет, они, иаверное, в сад...

— А вы?

— Следствие ведет Селезиев.

— Какое следствие?— заволиовалась оиа. Леонид же умер от сердца. Ои давио жаловался иа болн. А тут верховая езда и стычка с братом...

— Здесь... в спальие?

— Да. Карп влез в окио. Я еще лежала. Вы зиаете, ои и раиьше вязался за миой. Но обычио ие позволял лишнего. Тут же иаглец... порвал сорочку...

«И оставил метку иа груди»,— мысленно дополиил Воркуи.

— Ои, коиечио, сильнее. Я стала вырываться, крнчать. К счастью, в этот момеит вериулся Леоиид. Младшнй сопротивлялся. Все же старший выгиал его.— Тамара закрыла лнцо ладоиямн н тяжко вздохнула:— И все нз-за меия...

Воркун иемного переждал.

— Тамара Алексаидровиа, Карп пошел домой следом за братом?

— Нет, на улицу. А Леия задержался у меия. Он еще вчера предупредил, что зайдет за ответом. Но объяснеиие ие состоялось. У иего был иастолько усталый, болезиеиый вид, что я пощадила его. Отложнла разговор до вечера. Поиимаете, Иваи Матвеевич, если бы ои ие требо-

вал, не приказывал, я, возможно, сама бы сняла крест. Во имя любви. Но мне претит насилие. Леонид сам убил во мне святое чувство к нему. Я даже хочу совсем уехать из Руссы...— Певица зябко подернула плечами:— Не везет мне... Я ведь, дурочка, девчонкой выскочила замуж. А его в первом же бою... И опять траур...

Хозяйка пригласила Ивана к столу:

— Налить горячего чая?

Он отказался. Его преследовал запах духов. И она, словно разгадав его мысль, закрыла дверь спальни.

— На днях Карп играл в бильярд и обобрал партнера,— коробку конфет и флакон французских духов. Говорит, тот привез из столицы. Моряк какой-то...

— Моряк?!— заинтересовался Иван и невольно нащупал в кармане книжечку Овидия.— Коренастый, рыжий и желтоглазый?

— Не расспрашивала. И жалею, что приняла подарок. Все равно флакон выбросила. Но духи очень стойкие.

Она прислушалась:

— Вы правы... голоса в саду...

— За кого переживаете, Тамара Александровна?

Она сжала ладонями щеки, зажмурилась и не без колебания умоляюще проговорила:

— Иван Матвеевич, поверьте мне, Алеша не мог принести икону. Он комсомолец. Он друг Селезнева. Он уважал Рогова...

— Алеша... Где служит?

— Рабочий курорта. Сын сторожихи Смысловой. Она вместе со мной поет в церковном хоре...

— Где старостой Солеваров?

— Да. Старик очень просил меня повлиять на Рогова — спасти чудотворную икону. Староста должен был прийти ко мне, но почему-то не зашел...

Ивану вспомнился Солеваров в толпе возле дома. Теперь понятно, почему церковный староста оказался на Ильинской улице: шел да не дошел — выстрелы остановили. Другое дело — Алеша Смыслов. Зачем он пришел к Роговым и почему убежал?

— Тамара Александровна, из дверей Алеша выскочил один?

— Нет, сначала черный кот.

Воркун видел этого кота возле бочки с водой.

— А вы не обратили внимания, во что был обут Смыслов?

— Кажется... в бутсы...

Иван вспомнил о царапииах иа заборе: это, видимо, следы от шипов.

— Он что... спортсмен?

— Да, отличный! И рукодел замечательиый.

— И кистью владеет?

— Нет, Иваи Матвеевич, ии кнстью, ии голосом, ии гитарой. Поэтому Леня ннкогда ие приглашал его к себе иа коицерты, хотя Леша — прнятель Селезиева...

— Говорнте — прнятель...— И, ие дожндаясь ответа, Воркун направнлся к выходу:— Ну, дорогуша, извииите... мие пора...

Хозяйка, прощаясь, щекой прнжалась к плечу Иваиа Матвеевича. Она и раиьше, после домашинх коицертов, прнкосновеиием щеки благодарила гармоииста.

ОБВОРОВАННЫЙ СЫЩИК

Молодого чекиста Иваи иашел в сарае, который соедннял дом с флигелем. Сеия подсчнтывал фанериые листы. Онн стояли между дровами н иебольшим верстаком.

— Все на месте,— облегченно вздохнул Селезиев и с иадеждой посмотрел на Ивана Матвеевича:— Что выяснил, дружок Воркунок?

Как только речь пошла о Смыслове, молодой чекист отмахиулся:

— Лешка — свой парень. Мы с ним вместе н футболнм, и тут вместе мастерим.— Ои показал иа рабочнй стол.— Без меия Лешка н дров иатаскал иа кухню, н рыбы наловнл для воскресного обеда. Леонид зиал его хорошо-отлнчио...

— А не труслив ои часом?

— Что ты, дядя Ваия, парень — отчаянный!

— Ну а почему ж сдрейфнл, удрал?

Сеия почесал затылок н честно прнзнался:

— Загадка-задачка! Я, между иамн, уже бегал к нему. Нет дома. И велоснпеда нет. Утек-умчался куда-то...

Воркун напомнил о заборе с царапннами, о своей встрече с Селезневым и прямо спроснл:

— Ты знал, кто махиул через забор?

— Еще бы! У Лешкн ботиики с шнпамн. Но ои хнтер бобер: снял бутсы и боснком по лужам...

— И все же, Сеня, найди приятеля: он же свидетель...

— Точка! Иду!— В дверях сарая молодой чекист задержался:— Этот пузан, толстяк-то, сказанул насчет Рогова: «Умер от разрыва сердца, и точка!» И доктор подтвердил: «Порок митрального клапана». Как бы Пронин дело не закрыл. Чуешь?

Из сарая они вышли вместе. Иван поднялся на чердак за Пальмой и гармонью, а Сеня пересек двор и, выйдя на улицу, направился к проходной курорта, где попеременно дежурили Герасим и Алешина мать.

Ни мать родная, ни приятель чекист Сеня — никто на свете не знал о том, в какое смешное и трагическое положение попал Алеша Смыслов.

Все началось с подготовки к воскресному обеду. Леша принес рыбы, натаскал дров на кухню, накрыл круглый стол и стал дожидаться старшего Рогова. Приехал Леонид Силыч бледный, уставший, но осмотрел хозяйство, поблагодарил Алешу и сказал: «Сегодня будешь гостем у меня».

Леша обрадовался и тут же открыл ему свою душу. Он давно мечтал поступить в уголовный розыск. И даже заранее кое-что подготовил. Наварил соли, на соль выменял сливочного масла, а на масло — финку, парик, лупу и револьвер.

Уполномоченный губчека улыбнулся, но все же обещал представить Алешу начальнику уголовного розыска. Леонид Силыч поднялся к себе в комнату, а будущий агент решил продемонстрировать ему то, чего не удавалось даже Сене Селезневу.

Рогов обладал таким слухом, что никто не мог подняться по лестнице беззвучно. Малейший шорох, скрип — и Леонид Силыч уже предупреждает: «Осторожно, высокий порог!»

Не снимая бутс, Алеша животом лег на перила лестницы и начал подтягиваться на руках. Медленно. Осторожно. Беззвучно.

Он уже представил себя внезапно появившимся на площадке перед открытой дверью мансарды, как вдруг в комнате чекиста один за другим раздались два выстрела. Испуг огнем жгануул Алешу, но он с детства приучал себя преодолевать страх. У него мелькнуло: «Жаль. Браунинг дома». Прыгнув на площадку, он бросился на помощь.

Когда Леша ворвался в мансарду, Рогов был окутаи легкой дымкой. В комнате ннкто не шевелился.

— Дядя Леия!— кркнкул он н подался к столу.— Что с вами?

В это время из открытого балкона свежей струей воздуха развеяло пороховое облачко, н Леша увндел старшего Рогова распластавшнмся на столе. В правой руке чекнста дымился браунинг. Леше показалось, что это его брауиинг: тот же размер, тот же цвет сталн.

Алеша осмотрелся: никого нет. Он с ужасом подумал: «Сам себя...»

Ему стало так страшно, что он кннулся бежать от греха подальше.

Свою ошибку ои понял, когда уже махнул через забор. Теперь за иим погоиятся как за убнйцей. К счастью, лил дождик. А вода все смоет. Только бутсы долой...

В такую погоду парковые аллен безлюдны. Он мчался, прыгая по лужам. Вот ручей, мостнк н бревенчатый домик под тесовой крышей.

Дверь почему-то ие закрыта. Леша прошлепал по коридорчнку, наследил на кухне и броснл бутсы на русскую печь.

В своей комиате ои замедлил шагн. Его взгляд остановился на кровати. На ней лежал дымчатый кот. Леша приподиял подушку. Там, где еще сегодня утром лежал бельгийский браунннг № 2, было пусто.

Он обшарил постель, полез под кровать — лншь дождинки капали с мокрой головы.

Как шилом кольнуло в сердце. Вспомнилась открытая дверь. Кто же выкрал? Что еще пропало?

Треинруя память на предметы, Леша прекрасно знал, где что лежит. И вот те раз! Все вещн иа своих местах, за исключеннем брауинига. Даже велоснпед не троиут. Даже нз комода ие взяты хлебные карточкн н деньгн — миллион тридцать тысяч. Не улыбайся, чнтатель, еслн ты молод. В тот год входиой билет в старорусский парк стоил пять тысяч рублей. Мать Леши за месяц дежурства получала миллиои совзиаками,[1] а без помощи сына не могла прокормиться. То была эпоха бедиых «миллиоиеров».

Ясно, вор приходнл за одной вещью.

[1] Совзнакн — бумажные деньгн разных достоннств.

А вот и следы. Оии отпечатались иа влажиой глиие возле крыльца. Их оставили солдатские ботиики с ломаной подковкой иа каблуке. Неплохо срисовать отпечаток.

Чужой след вывел иа футбольное поле и затерялся в мокрой траве. Вчера здесь, в воротах, Леша ие пропустнл ии одиого мяча, а сейчас стоял поиурый, словио ему забили десять голов. Нет, не быть ему агеитом. О встрече с Воркуном и думать иечего. Уполиомочеиный губчека застрелился из Алешииого брауииига. Как же так?

Возвращаясь домой, Алеша вспомиил кореиастого матроса с ершистой рыжей головой, у которого ои вымеиял брауиииг. По всему было видио: матрос явио ие хотел расставаться с пистолетом. Ему иичего ие стоило выследить иового хозяиина и вериуть свое оружие.

Леша увидел в стекле свое отражеиие. Бритая голова, прямой широкий лоб, скуластое лицо и боксерский подбородок иикак ие увязывались с его большими сиииими глазами, с тоиким иосом и мягкими девичьими губами. Такого париа трудио одолеть в открытую: у иего и плечи, и рост бойцовские. А вот перехитрить, пожалуй, можно: уж больио взгляд доверчивый.

Алеша вывел из сеией велосипед. Путь выбрал самый скрытый — вдоль ручья по ракитиику. Ветки цеплялись за машиину, трава и сучья кололи босые иоги, отсыревшие брюки и футболка стяиули тело.

Со стороиы дома раздался условный свист приятеля. Сенька! Но зачем? Помочь или выдать? Дружба дружбой, а чекист есть чекист... Лучше от греха подальше...

И Леша ие откликнулся, эиергичио заработал иогами...

Алешии родиой дядя — члеи коитрольиой комиссии, состоящей из местиых коммуиистов. Перед этой комиссией отчитывались работиики укома, исполкома и чека. С дядей Сережей могут посчитаться. И племяииик иастроился иа откровеиный разговор.

Сергей Владимирович Смыслов работал иа фаиерной фабрике, работал азартио, от души, а в свободиое время увлекался охотой и садоводством. Ои окапывал яблоию, когда скрипиула садовая калитка и иа песчаиой дорожке, по краям усажеииой табаком, появился племяииик с велосипедом.

И потому что Алексей ие оставил машииу иа дворе, где скулила гоичая и крякали подсадиые, Сергей Владимиро-

внч иасторожился. Мелькнула мысль о родиом брате, об отце Леши. Петр до сей поры воевал с белыми иа Дальием Востоке. Не нзвещеине ли?

Не отпуская велосипед, племяш заговорил квакающим баском:

— Дядя Сережа, Рогов то лн сам... то ли убнт...— Ои без утайки рассказал обо всем, начнная с покупки браунинга.

Старший Смыслов оперся на черенок лопаты, как на костыль, и, накренясь, босой иогой забороздил по чуть подсохиувшему песку. Кривые, ломаные лнннн, казалось, выражали сложный ход его мыслн. Думалось ие только о спасении племяша, ио н о судьбе Рогова. Неделю назад уполномоченный губчека вызвал мастера Смыслова и предупредил: «У фабрики воеиный заказ. Ты нзобрел новый клей для фанеры. Смотрн, рецепт клея ннкому». Хорошего человека всегда жаль, а тут еще такого чекнста...

— Скорей всего — убили...

Направляясь к дому, мастер крепкнм словцом обложнл уток, собаку, метнул лопату к сараю н, моя руки в бочке с дождевой водой, излил душу:

— Понаехало контрнков! Ишь пнстолетами маклюют! Гады, узиаете, где раки зимуют! Не тронь рабочнй класс! У нас в ребрах две войны да трн революции!— Ои резко повернулся к племяннику:— Что ж ты, обормот, чердак не обыскал? Успел бы пятки иамаслнть, ёк-королек!

Алеша с трудом выдержал дяднн взгляд, и тот покачал головой:

— Да, племяш, озадачнл ты меня. Тебе могут прнмазать будь здоров! И за дело! Ишь Рокамболь иашелся: маска и револьвер — нгру затеял. Чтоб тебе шило подвернулось!..

Дальше дядя Сережа заговорнл по-своему. А говорнл он, как фанерные лнсты кленл: слово на слово, а между нними ядреную прослойку. Не сразу его здоровеиный кулак распустил пальцы:

— Вот что, племяш, не все людн волки, едрено-корено, попадают и Воркуны. Начальннк угро — свой мужнк, заядлый охотннк н меня знает еще по армейской разведке. Я ж его и смаиил в Руссу! Катай к нему, елкн-зелеиые! Руби с плеча, режь правду. Мы не убивалн, и нас ие убьют! А разобраться надо. Что ж мы, ёк-королек, не в своем отечестве? До Москвы дойдем! Комннтерн на ноги подни-

мем! А правду докажем! Выше голову! Дуй на колесах! Я следом!..

А вскоре, надев выходной костюм, Смыслов расчесал каштановые волосы на прямой пробор, потискал мясистый утиный нос и решительно отказался обедать. Разбранив жену за жесткие лепешки, он заторопился на двор, где ругань его смешалась с истошными голосами уток, кур, собак и козлиного поголовья.

— Расшумелись, душегубы! Хапни вас сомище, ёкоролек! А Лешка́ непременно выручу!..

Тем временем его племяш в самом деле попал в неприятную историю...

ПОЛЕЗНАЯ ГРЯЗЬ

Быстрая езда не мешала думать о предстоящей встрече. Начальник угрозыска, конечно, спросит: «Ну, Смыслов, кто твой учитель?» Тут не спеши: ответ — ума портрет. Можно назвать Шерлока, можно Порфирия из романа «Преступление и наказание». У английского сыщика все обозначено резко — профиль, трубка, память, наблюдательность и даже логика. А у русского следователя — тонко, умно, но как перенять все это? Леша не раз прочитал роман Достоевского. В Руссе сохранился дом Федора Михайловича. И тут же, в школе его имени, учитель словесности — поклонник писателя — страстно призывал: «Ребята! Человека с детства бьют, ругают! Ему в рот суют окурки, рюмки с водкой! Его портят, обманывают, обкрадывают, насилуют, сбивают с пути! И кто же, как не вы, русские, постоите за себя, заступитесь за сирот, за униженных и оскорбленных?!» И ребята, слушая учителя, негодовали, сжимали кулаки, клялись служить бедным и обездоленным.

Да, Леша так и выпалит Воркуну: «Хочу служить народу!» А тот крепко пожмет ему руку. «Молодчина,— скажет,— получай задание». И Алексей Смыслов станет красным сыщиком — изловит рыжего матроса, который украл у него браунинг.

На крутом повороте к Живому мосту Алексея задержал молодой милиционер:

— Слазь, наездник!

Вчерашнему красноармейцу в пробитой пулей буденовке показалось подозрительным, что на блестящей ма-

шине восседал босоногий парень, в простой косоворотке, с дорогим биноклем на груди.

Хотя гражданская война и обошла Руссу, все же многие принудительные изъятия у населения для фронта заметно изменили облик курортного городка. Теперь на улицах не увидишь рысаков и сытых коней, запряженных в кабриолеты. Их сменили верховые да бракованные коняжки, везущие крестьянские телеги или старые колясочки извозчиков. Если раньше изредка гудели автомобили (красный — миллионера Киселева и черный — графа Беннигсена), то сейчас единственный лимузин уполномоченного губчека — и тот стоит без горючего. Не слышно рокота моторок на Полисти. И совсем исчезли мужские велосипеды.

Напрасно Леша доказывал, что велосипед дамский, что бинокль театральный, что вещи эти не подлежат изъятию,— постовой неумолимо вел его в участок, на Торговую сторону.

Центральная площадь бушевала. Утренний дождь отодвинул открытие базара до второй половины дня. Отцовские часы «Павел Буре» показывали шесть часов вечера. Однако на рынке было многолюднее, чем днем: многие боялись ловушки — выложишь товары, а тут облава. Поэтому старорусцы сначала присмотрелись, прислушались, убедились, а потом уж повалили на Торговую площадь. Среди народа, телег, обозов затерялась даже красная дощатая трибуна.

Не желая быть узнанным, Алеша надвинул на глаза вислый козырек четырехгранной кепки. В ней лежала книга, с которой Леша почти не расставался. Сейчас она выручит его. Он положит ее на стол дежурного. Тот увидит черный переплет с белесыми прожилками и откроет титульный лист. А название книжки таит в себе нечто важное. Леша, например, всегда читал немножко торжественно: «Элементарный курс философии». И чуть ниже: «Учебник логики». А кто не знает, что логика — главное оружие сыщика! И много ли таких парней на свете, которые без помощи учителя одолели науку о правильном мышлении? Воркун, пожалуй, не поверит, прощупает: «Ну, Смыслов, что такое силлогизм?» Алеша глазом не моргнет: «Силлогизм — сила логики, вывод из посылок, умозаключение».

Леша «очнулся» перед столом дежурного. И сразу понял, что речь идет о преступлении, которого он не совершил. У него даже язык пересох. Смешно и обидно: гото-

вился в агенты, а предстал в роли похитителя своих же вещей, ехал в милицию по своей воле, а доставлен приводом, мечтал сотрудничать с Воркуном, а попал в компанию воров да самогонщиков. Нет, тут явное недоразумение! В приличном костюме не задержали бы. Но Леша варил соль не для того, чтобы принодеться.

Интересно, знает ли этот белобрысый усач в темной гимнастерке, что его пышные усы не скрыли от Лешиного взгляда верхнюю впалую губу — признак горячего, но безвольного человека? Леша разгадал, с кем имеет дело, а вот сидящий за столом наверняка не смекнул, что перед ним юноша, владеющий логическим анализом не хуже знаменитого сыщика...

— Товарищ дежурный, вы рассуждаете так: у бедного и вещи бедные, а этот,— Леша указал на себя,— одет бедно, но вещи богатые. Значит, украл...

— Факт,— буркнул тот, думая о чем-то своем.

— Не логично! В вашем силлогизме две неверные посылки...

— Чего-чего-о? — удивился дежурный, опуская в стакан с горячим чаем две таблетки сахарина, которые, как малюсенькие бомбочки, мигом взорвались, выкидывая на поверхность белую кипящую пену.

Леша вспомнил кипящий рассол на противне, поездку с мешочком соли в деревню, приобретенный браунинг, смерть Рогова и пожалел, что выехал без дяди Сережи. Нужно искать матроса в солдатских ботинках с подковкой, а тут самого поймали за голые пятки.

Поднимаясь над столом, белобрысый усач отчужденным взглядом ощупал босые ноги задержанного: «В блатном языке «посылка» имеется, а «силлогизм» слышу впервые. Похоже, босяк выдает себя за «графа», владеющего особым жаргоном и собственным имуществом...»

— Слушай-ка, барон — рыжие штаны, у кого взял на «прокат» вещички?— насмешливо спросил он и, вытянув губу, подул на стакан, который держал в руке.— Ну-у?

Молодой рабочий вскинул голову. Его темно-синие глаза смотрели на усатого с возмущением, и в то же время в них светился веселый огонек. Лешина совесть чиста, а вот положение дежурного комично.

— Вы не очень-то наблюдательны.— Леша провел рукой по штанине из чертовой кожи:— Побурели от минералки. Я работаю каталем на курорте. А то, что ноги побиты, так я голкипер первой команды допризывников...

— Ты-ы?— сощурил глаз усатый, продолжая думать о своем.— Ты разве футболист?

— Да!

— Постовой!— Дежурный кивнул на боковую дверь:— А ну-ка Федьку Лунатика...— И снова обратился к Леше, но уже с потеплевшим взглядом:— Федька любитель футбола: всех игроков знает...

Старорусский вратарь оглянулся. Сначала из приоткрытой двери пахнуло хлороформом, а затем высунулась испитая физиономия с фиолетовыми подглазьями. Забавно: опухшие веки Лунатика не шевельнулись, но черные всевидящие глазки обшарили голкипера с ног до головы...

— Отпусти,— безразлично зевнул Федька и, как привидение, исчез за боковой дверью.

Обычно Леша, стоя в футбольных воротах, изучал лица болельщиков, а такой физиономии не припомнит. Скорее Леше знакома внешность дежурного. Честное слово, где-то встречал этого усача в темной гимнастерке.

Алексей забрал со стола свой бинокль и оглянулся, ища дверь в кабинет Воркуна. По словам дяди Сережи, начальник угрозыска как-то особо обставил свою рабочежилую комнату.

— Как пройти к Ивану Матвеевичу? Мне по делу...

Дежурный отодвинул недопитый стакан и открыл безотрадную голубизну глаз:

— Я Воркун. Ну?

Леша оторопел: «Вот номер! А может, врет? С чего бы это начальник стал дежурить? Впрочем, в этой сутолоке легче забыться: ведь погиб его друг».

На лице юноши удивление сменилось разочарованием. Воркун служил в армии разведчиком, был ранен, бежал из госпиталя, возглавил заградительный отряд по борьбе со спекулянтами; не раз проявлял героизм, имел орден Красного Знамени,— и вдруг заподозрил в краже рабочего парня, комсомольца. Хотя в эту минуту он смотрит на тебя, а видит мертвого приятеля...

— Ну, ты что?— очнулся Воркун.— Не отнимай время, выкладывай!

Но как говорить, если сам обмишурился — принял Воркуна за милиционера. И проситель неловко выдавил из себя:

— Хочу к вам... агентом...

— Почетное дело.— Воркун достал кисет с махоркой, продолжая стоять.— Говоришь, блатной язык нюхал? «Посылка», «силлогизм». Ну?

— Не знаю блатного. Это из логики. Я раздобыл учебник Челпанова, поскольку Шерлок Холмс — мастер логического анализа...

Иван Матвеевич попал впросак и дернул себя за ус:

— Анализом, экспертизой и мы занимаемся.— Он скрутил цигарку.— Ерша Анархиста знаешь?.. Нет. А Рысь?.. Нет. А Катьку Большеротую?.. Тоже нет! Ну а сам-то воровал? Имеешь приводы?

— Что вы?!— возмутился Леша.— Конечно, нет!

На бледном лице Воркуна скопились морщинки не то досады, не то сожаления. И он сокрушенно отрезал:

— Не подойдешь!

— Как так?!— Леша подался к столу.— Вам нужны агенты только из воров?

— И такие нужны: мой лучший агент — бывший рецидивист.

— Вы доверяете преступнику?

— Народ говорит: «Алмаз алмазом режется, вор вором губится». В нашем деле, дружище, опыт бывшего преступника иногда приносит большую пользу.— Воркун пустил клуб махорочного дыма в сторону окна с железной решеткой, за которой шумела воскресная базарная площадь.— Скажи, на курорте имеется полезная грязь?

— Даже чистая! Но преступник есть преступник! И он приносит лишь вред, а не пользу. Вы, Иван Матвеевич, допускаете ошибку в суждении...

— Может, и допускаю.— И, улыбаясь, Воркун опять кивнул на боковую дверь:— А вот Федька Лунатик, бывший рецидивист, не ошибается, взглянет и скажет: вор ты или нет. Так как сам профессор по этой части. Наш врач, что трупы вскрывает, сказал о нем: «Феноменальная интуиция!» А ты: «Преступник есть преступник». Книжный ты человек. Куда тебе к нам...

Из коридора ворвались голоса и поросячий визг. Затем в дежурку ввалился разгоряченный милиционер в белом морском кителе. Одной рукой он подталкивал рябого паренька лет десяти, а другой пожилую полную женщину с трепещущим мешком в руке...

— Иди, бабуля, иди! Ты же пострадавшая!— Он снял фуражку водника и рукавом смахнул обильный пот со лба:— Уф, упарился!..

И без доклада постового было понятно, что рябой — карманник. Лешину догадку подтвердила пострадавшая. Правда, воришка вину свою отрицал: ссылался на какое-то наводнение. Его «самозащита» всех развеселила. Один

Воркуи оставался грустным и строгнм. Ои поинтересовался, почему жеищина упорствовала, неохотио шла в милицию.

— В чем дело, гражданка? Ведь базар-то под окном. Ну?

— Так мы-то не базарные, волотовские. Нам в сельсовете баялн: «Рыиок открыли для всех».

— Правнльно!— подхватил Воркун.— Заплати за место н торгуй на здоровье. А ты чего упрямнлась?

Толстуха, с красиой шерстяиой ииткой на руке, прнжала поросенка к животу и ухнула иа колени:

— Господни старший, отпустн иа волю...

Ее говор чередовался с повнзгнваиием чушки. Сморщнв лнцо, Воркуи добродушио отмахиулся:

— Встань! Теперь иет бар.— И, увидев Федьку Луиатнка, подал ему условиый сигнал: «Помоги мамаше»...

Агеит поправил иа длиииой шее воротиик брезеитовой курткн н, помогая толстухе встать, незаметио вытащил у иее из кармана юбки светлую бутылку с молочио-сизой жидкостью.

— Волотовскнй первач!— определил Федька и, поставнв улику иа стол, сонно плюиул иа пол:— Лосиха! Кто ее не зиает. Цеитр-сбыт самогонки. А порося — шнрмочка...

Не двигая головой, Федька подмигнул рябому:

— Пацаи, ты это с перепугу про «иаводиеиие»?

— Да ие-е!— Пареиек злымн глазами хлестиул торговку и пальцем ткиул в железную решетку распахиутого окиа:— Вон... башия. Водокачка, зиачит. А иа ией афиша насчет гипиоза. И он тут, этот гнпиотнзер-то. Горячится. Рукамн машет. На этого, что ведает кнематографамн. «Я, говорит, покажу наводиение». А тот: «Нельзя! У нас без дурмана. Откуда в зале вода?» А гипнотизер как засмеется, как взглянет на дяденьку да ка-ак взмахнет рукой: «Вот откуда!» Все глядь иа башню. Ой, из окои, дверей — воднща. И прямо иа иас волиой. Тут паннка, суматоха. Кто куда!..

— А ты в карман?— подзадорнл Лунатнк.

— Не-е! Лоснха упала, я иа иее. Она кричит: «Грабят!» А этот,— он моргнул иа морской китель,— и сгреб меия...

Леша погрустнел. Все ясио: старорусскому Шерлоку Холмсу агентом ие быть. Проштуднровал Коиан Дойла, восхищался Порфирием, изучнл логику, добыл сиаряжеине — и иа первом же шаге опростоволоснлся. Да еще

как! Проспал брауииг. Спекуляитку ие опозиал. А главиое, ие вспомиил Воркуиа, хотя и видел его раиьше. И поделом каталю-курортиику иос грязью утерли. Но ои ие рак: ие попятится.

И как только Воркуи остался одии, Алеша решительио подошел к столу:

— Мой дядя, мастер Смыслов, просил передать вам...

На сей раз Воркуи выслушал виимательио и даже крякиул:

— Ну ты, чудак! Да ведь этот рыжий матрос, хозяии брауиига, и есть тот самый Ерш Аиархист, которого мы разыскиваем.— Иваи Матвеевич вскииул ладоии к лицу.— Ты сможешь иарисовать его словесиый портрет?

— Смогу.

— Садись!— Воркуи придвииул Алеше чистый лист бумаги и чериильный караидаш: — Костюм, рост, лицо и маиеру говорить...

Иваи Матвеевич положил ладоиь иа Алешиио плечо:

— Тогда... ие видел Ерша возле дома Роговых?

— Нет, ие видел.

— Сегодия твой приятель Селезиев рассказывал о тебе.— Воркуи примолк, видимо, что-то вспомиил и спросил:— Сколько у вас в сарае было фаиериых листов?

— Двеиадцать.

— А Сеия сказал десять.

— Я пару поставил без иего, пока ои был в Питере. Взял у дяди Сережи. Ои сейчас подтвердит...

Тяжелая ладоиь стремительио оторвалась от Алешииого плеча...

ДВА БЕГСТВА

Вечерияя окраииа. Глухомаиь огородиая, старый забор, подпертый сплошиой теиью, и приземистый домик с прогиувшейся крышей, похожей иа заброшеииое богатырское седло. Невдалеке, иад садовой зелеиью, высится дача-особияк. На ее башеике чуть серебрится стекляииый шар.

В этом доме Ерш Аиархист сиимает комиату. Сеия Селезиев ие зиает, откуда председатель чека узиал адрес матроса, ио зиает, что Ерш во время облавы улизиул ие только от Воркуиа, ио и от Пальмы.

Красиоармеец Ахмедов, делопроизводитель чека Люба Добротииа и Воркуи с Пальмой окружили дачу, а Сеия,

в штатском костюме, поднялся на голубое крылечко и резко дернул за висячую ручку.

За дверью звякнул колокольчик. Хозяйка сдвинула оконную занавеску, увидела молодого человека в клетчатой кепке и неохотно пошла к двери.

Молодящаяся, но миловидная дама с длинными серьгами. На шее боа. При каждом ее судорожном вздохе перья трепещут. Сегодня она купила на рынке поросенка. Ей почудилось, что пришли отбирать покупку. Кто-то пустил слух, что все базарные продукты конфискуются в пользу голодающих волжан.

— Нам нужен, очень нужен ваш жилец-квартирант Георгий Жгловский...— Пряча документ в карман пиджака, чекист бросил взгляд на дубовую вешалку с рогами.— Где он?

— Божья матерь!— облегченно улыбнулась она.— Его нет и не будет, милый мой. Вот уже третий день, как он расплатился со мной.

— И куда переехал-переселился?

— Ничего не сказал, честное слово.— Она перекрестилась.— Оставил мне флакончик духов и далеко не деликатно заявил: «Это вам, хозяйка, за стол и кровать!»

Селезнев осмотрел комнату, которую занимал Ерш Анархист, и попросил Веронику Витальевну припомнить любимые словечки, жесты и другие особые приметы квартиранта. Мадам Шур охотно закивала головой, самозабвенно затараторила:

— К вашему сведению, молодой человек, я служу в бухгалтерии, получаю гроши и, сами понимаете, вынуждена сдавать комнату. Желательно, конечно, квартирантке. Мужчин, откровенно, я побаиваюсь. И когда увидела матроса с грубым лицом и наглыми глазами — побелела от страха. Но он предупредил: «Не трону! Я люблю русских ядреных баб!» Почему-то принял меня за иностранку. Моя фамилия Шур, но я...

Сеня вскинул ладошку:

— Кто указал ему ваш адрес, кто рекомендовал его?

— Я спросила. Георгий Осипович сразу осадил: «Никаких расспросов. Затопите камин. Я промерз, как пес на вахте!» Он прихватил охапку дров с кухни, и я поняла, что новый квартирант надел мне на шею поводок. Командовал, точно у себя на палубе: подай, принеси — никаких возражений! К счастью, не сидел дома. Приходил поздно. Однажды заявился на рассвете: промокший, грязный

и злой. Помылся и в постель. Во сне бредил, упоминал «карты», «червонцы»...

— А рысь или Старорусскую божью матерь не упоминал?

— Нет, не слышала.— Мадам Шур прищурилась и перевела взгляд на угол комнаты, где висела большая икона, освещенная лампадным фитильком.— Скажите, пожалуйста, это верно, что нашу чудотворную хотят передать в музей?

— Болтовня, гражданочка.— Сеня подошел к беломраморному камину и наклонился к хозяйке, сидевшей на мягком стуле: — А кто вам сказал насчет изъятия иконы? Жгловский?

— Ни-ни! На базаре услышала и сообщила об этом Георгию Осиповичу. Он, безбожник, обрадовался и, простите, плюнул: «Туда и дорога ей, шедевру древности...»

— Так и сказал: «шедевру древности»?

— Представьте! О живописи он говорил, как Сварог! Мечтал в Руссе открыть мастерскую.— Мадам Шур блеснула серьгами.— Оставил на хранение портрет чернобровой девушки. По-моему, это его кисти...

Хозяйка открыла дверь спальни. Пахнуло угаром. Свет электрической люстры ударил на белый камин. В соседней комнате Сеня увидел диван со множеством разных подушечек и гитару с ярким бантом.

Рассматривая небольшой портрет чернобровой девушки, Сеня вдруг смекнул, что Ерш вполне мог намалевать богоматерь на фанерных листах. Чекист распахнул окно, подозвал Добротину и передал ей портрет девушки:

— Люба, лети к Сварогу и по пути прихвати фанерные иконы. Пусть он сличит. Чуешь?

Он любовно подмигнул ей и повернулся к хозяйке:

— Не волнуйтесь! Вернем в целости-сохранности,— показал два пальца,— и портрет, и духи...

Он взял с туалета малюсенький флакончик с круглой стеклянной пробочкой, оставил хозяйке расписку и предупредил:

— Если матрос внезапно нагрянет, запомните-запишите наш адрес — Крестецкая, шестьдесят один, а телефон — двести двадцать три. До скорой встречи!..

Не успел Сеня выйти на крыльцо, как ему навстречу — младший Рогов. В расстегнутом пальто, без шапки, запыхавшийся...

— Здесь Ланская?

— Всю квартиру осмотрел: одна мадам-хозяйка...

— Врешь!— Карп схватил чекиста за грудь.— От тебя несет ее духами!

Увидев флакончик с парижской этикеткой, младший Рогов хотел вырвать его из рук чекиста:

— Мой! Клянусь, мой!

— Откуда твой, Карпуша-Рогуша?

— От питерского матроса. Я обштопал его на бильярде.

— Рыжего, желтоглазого?

Карп взглянул на особняк:

— Ланская с ним?!

— Повторяю, ни Ланской, ни матроса...

В окне появилась голова мадам Шур. Младший Рогов метнулся к ней:

— Вероника Витальевна, где Тамара?

— Не знаю, милый. Вчера в соборе, на клиросе, она сказала, что поет последний раз, что надолго покинет Руссу...

— С кем? С матросом?

— Боюсь ввести вас в заблуждение, но мой жилец как-то возмечтался: «Эх, я бы с ней на край света!»

— С Ланской?

— Не назвал имени.

— Значит, с ней!— Карп возбужденно вскинул руки.— Я обошел всех хористок, был у регента, на ее службе — нигде нет!

К чекисту подошли Ахмедов и Воркун с Пальмой.

Младший Рогов бросился к Ивану Матвеевичу:

— Ты был у Ланской! Допрашивал! Она говорила об отъезде?

— Да, упоминала о «бегстве из Руссы».

— Когда поезд отходит на Дно?— И, не дожидаясь ответа, Карп побежал в сторону трамвайной остановки.

Младший Рогов служил в трибунале и носил при себе именной наган. Однако Сеня не рискнул доверить ему арест Ерша Анархиста. Горячий, ревнивый, Карп не доставит матроса живым, если тот в самом деле с Ланской. Чекист извлек из кармашка брюк черные плоские часики:

— Дружок Воркунок, через тридцать три минуты отходит поезд на Новгород...

Он не договорил. К удивлению чекиста, усталый, понурый начальник угрозыска вдруг весь напружинился, вскинул голову и, опережая Пальму, устремился следом за Карпом.

Провожая взглядом Воркуна, Сеня подозвал к себе чоновца с винтовкой:

— Ахмед, ты знаешь, что я самый несчастный человек на свете?

Приветливо улыбаясь, татарин достал шелковый кисет с махоркой и протянул чекисту:

— Табак будет — хорошо будет...

— Эх, Ахмед, даже сам бог-аллах не знает, что будет с нами.

Весь обратный путь до чека Сеня декламировал свои стихи, полные грусти и любви.

Когда Сеня пришел в чека, в кабинете уполномоченного уже сидели Пронин, Калугин, Оношко и представители трибунала и воинской части. Люба Добротина еще не вернулась от Сварога. Если Ерш Анархист окажется автором фанерных икон, то позиция Калугина в споре с ученым-криминалистом сразу окрепнет.

— Начнем,— сказал председатель чека, занимая место за роговским столом.— Товарищи, только что звонили из губчека. Новгородцы интересовались результатом вскрытия трупа...

Он протянул руку за листком, подписанным врачом. На столе возвышался письменный прибор — всадник, летящий над круглым стеклянным барьером. Сеня вспомнил страсть Рогова к лошадям и музыке: «Напишу стихотворение о друге и учителе».

— Еще днем наш эксперт Аким Афанасьевич Оношко,— начальник почтительно посмотрел на профессора с трубкой,— определил, что смерть последовала от разрыва сердца. Диагноз подтвердился.— В его руке дрогнул листок.— Правда, в желудке обнаружен шоколад. Но это,— Пронин бросил взгляд на Селезнева,— пища для наших доморощенных шерлок-холмсов...

Единственная электрическая лампочка с бумажным абажуром подернута на блоке к самому потолку. Ее лимонный свет с трудом освещает участников экстренного совещания. И все же Сеня заметил, как большая лысина Калугина покрылась испариной.

— Товарищи, есть два предложения: продолжить расследование некоторых странных обстоятельств, сопутствующих смерти Рогова, второе — закрыть дело. Прежде чем принять окончательное решение, мы выслушаем две стороны...

По тому, как начальник уверенно проехался в адрес «доморощенных шерлок-холмсов», Сеня почувствовал, что Пронин располагает каким-то убедительным документом помимо заключения доктора. Начальник равнодушными глазами посмотрел на молодого чекиста и безразличным голосом приказал ему доложить о поисках Анархиста.

Сеня встал возле круглого столика, на котором чернел старый телефонный аппарат «эриксон» с красным вензелем. Молодой оперативник вынул из кармана душистый флакончик и, услышав за стенкой знакомые шаги, с надеждой уставился на раскрытую дверь: в ней показалась Люба с плоским пакетом. Пока Добротина шагала от порога до письменного стола, у него в сознании пронеслась вереница мыслей.

Сеня познакомился с Любой еще на фронте. Она работала машинисткой в штабе дивизии. Селезиев сразу ее приметил, переманил в чека и вместе приехали в Руссу, да что толку. Сеня снял комнату на двоих, а в этой комнате поселилась Люба с братишкой. Его же, бездомного, приютил старший Рогов. Сейчас братишка Любы сбежал из дому. Но она не приглашала Сеню к себе, хотя любила ходить с ним на рискованные операции. Вот и теперь она толково справилась с заданием:

— Художник Сварог сказал, что икона богоматери и портрет девушки дело одних рук способного самоучки...

— Ерша Анархиста!— не утерпел Сеня и вытащил из-за шкафа вторую копию Старорусской божьей матери:— Сравните, сопоставьте! Ерш и сюда, в кабинет, подбросил, и на чердак к Рогову...

— Ради чего, товарищ Селезиев?— спросил Пронин, наблюдая за председателем укома.— Какая причина или, как вы говорите, какое условие?

— В данном случае, голубчик, условие перешло в причину,— ответил Калугин и хотел пояснить, но его перебил Оношко:

— Коллега, нас интересуют только факты, голые факты!

Раздался стук. Все оглянулись на дверь. Сеня подумал: «Воркун с Ершом». Но немного ошибся: Иван пришел с младшим Роговым.

Карп, не здороваясь, окинул всех ищущим взглядом и остановился на Пронине:

— Ерш смылся с Ланской!

Воркун вскинул голову, но петроградский криминалист спокойно улыбнулся Карпу:

— Коллега, это абсолютная истина или ваше предположение?

— А ты, профессор, зря лыбишься!— Секретарь трибунала указал на рабочий стол Рогова:— Моего брата убили церковники. Ему не раз говорили: «Возьмешь икону — примешь смерть!» Так и вышло. Надо найти виновных, а не улыбаться, ученый эксперт!

— Товарищ Карп!— вмешался председатель чека.— Мы понимаем твое душевное состояние и сами переживаем потерю. Однако одних чувств и догадок недостаточно. Профессор прав: нам нужны факты, голые факты...

— Изволь!— Карп локтем задел рядом стоящего Воркуна:— Иван, скажи, из какого пистолета стрелял мой брат?

— Хозяин браунинга... Ерш Анархист.

— Позвольте, коллега, откуда это известно?— приподнялся толстяк, дымя трубкой.— Кто подтвердит?

— Алексей Смыслов. Он здесь... за дверью...

В кабинет сначала вошел старший Смыслов. Он громко поздоровался и вытащил из проема на свет своего притихшего племянника:

— Давай, Лешóк, руби, как было!

Сеня заметил, что приятель в отцовском коричневом костюме выглядел старше своих лет. Да и рассказывал он, нажимая на басы:

— Это было два дня назад. Я увидел на толкучке матроса: в бескозырке, тельняшке и в широченном клеше, а голова ершистая, рыжая и лицо приметное — желтоглазое и загорелое до черноты. Он тоже зацепил меня глазом и прямо предложил: «Хошь пушку на масло?» Обмен состоялся у малых ворот курорта. Матрос, понятно, мог выследить, куда я пошел. В парке ему каждое дерево помощник. Возле дома я в день пропажи обнаружил след — каблук с ломаной подковкой.— Он вынул из кармана свернутый листок и подал его Пронину:— Вот зарисовал...

— Все это хорошо, товарищ Алексей,— одобрил начальник и поморщился от боли в животе.— Но почему ты удрал, не оказал помощь сердечнику?

— Выстрелы спугнули. И браунинг свой признал. Поспешил сверить...

— А фанеру-икону не приметил?— уточнил Сеня.

— Нет, я искал убийцу. Подумал, что стреляли в чекиста...

Сеня указал на фанерный лист с образом:

— Как думаешь, ваша фанера?

Алеша перевернул лнст н указал на фабричиую марку Лютера:

— Вот корнчневый слон. А я прннес от дяди два лнста без маркн. Онн в сарае... в чнсле десяти...

— Выходит,— заключнл Пронии,— Ерш Аиархист взял нз сарая два листа, иамазал нкоиы, выкрал у тебя браунниг и сам сдал оружие уполиомочеииому?

— Выходит, что так...

На столе, рядом с портретом н фанерной нкоиой, появились бельгийский браунннг № 2 с якорем на рукоятке и флакоичик духов. Воркун выложнл томик «Метаморфоз» и рассказал о ночной облаве:

— Ну откуда у матроса этакне духн и карты?

— Ясио, ниточка-цепочка тянется за граиицу!— завернл Сеия и обратился к начальннку:— Павел Константиновнч, без Ерша Анархнста мы это дело не распутаем. Его нужно взять, куда бы он ни укрылся-спрятался. Поручите мне!

— Абсурд, коллега!— Профессор подиял трубку.— Ваша гнпотеза с ниточкой отдает инфантильиостью. Зачем пугать атеиста иконамн? Проще — убить! Однако уполномоченый ие убнт...

— Это еще ие доказаио, голубчнк!— подал голос Калугин.— Не забывайте, нщейка ие взяла след!

— Какой след? — Пронни выиул из ящнка стола помятое письмо.— Послушайте документ, подпнсанный Ершом Анархнстом...

Председатель чека бумажным листом перехватил пучок желтоватого света н начал глухо чнтать:

— «Товарнщ уполномоченный! Горячо прнветствую беспощадную борьбу с мракобесамн! Святошн всю мне жнтягу нсковеркалн. Батька мой, сельскнй поп, загнал меня в духовное учнлнще. А я еще пацаном имел тягу к цветным карандашам. И теперь могу любого длннноволосика шлепиуть карикатурой! И богородицу могу распучеглазить, отпугиет любого. Испытай, проверь на деле. А с наганом расстаиусь: иадоел аиархизм! Честно, по-морскому, старому амба! Давай работу. Мой адрес — дача Шур. Бывший анархист, ныне безработный Георгнй Жгловскнй».

Наступила пауза. Первым поднялся профессор Оношко:

— Дорогне коллегн, как внднте, картниа прояснилась. Жгловский написал нконы со страшными ликамн. Заказал

ли ему иконы Рогов или самородок выполнил по своей инициативе — роли не играет. Важно другое: Ерш Анархист не церковник, а безбожник. Следовательно, к смерти Рогова непричастен. Да и письмо без угрозы, с точным адресом. И даже история с браунингом раскрылась: он стащил у Смыслова и сам сдал уполномоченному...

— А чего же он удрал?!— выкрикнул Карп.

— Уважаемый Карп Силыч, какие у вас доказательства тому?

— Его видели с женщиной. Она прикрывала лицо платком. Они шли в сторону вокзала. Я уверен, что это была Ланская!

— А я уверен, коллега, что Ланская просто спряталась от вас, поскольку вы бесцеремонно пристаете к ней. А сегодня утром пытались даже изнасиловать ее...

— Это верно, Рогов?!— грозно спросил председатель трибунала, сжимая в руке железную трость.— Чего молчишь?!

— Пошли, вы все к чертовой матери!— выругался младший Рогов и выскочил из комнаты.

Сеня пожалел Карпа. Он не знал, что младший Рогов еще вчера положил партбилет в конверт и адресовал его председателю укома: «Не согласен с нэпом и порываю с предателями революции».

Пронин сморщил губы: видимо, боль в желудке обострилась. Сбился четкий ритм речи:

— Товарищи, мне думается... на этом письме... и закроем совещание.

Он обратился к председателю укома:

— Николай Николаевич, мы собрались... по твоей инициативе. Ты как считаешь, вопрос исчерпан?..

— Да, друзья мои, п о к а вопрос исчерпан...

Сеня не случайно пошел проводить Калугина и Воркуна. Молодой чекист понимал, что председатель укома напрасно не скажет: «Пока вопрос исчерпан». Хотя сам лично Сеня не представлял, как можно связать смерть Рогова с Анархистом. Даже мадам Шур подтвердила, что ее квартирант ненавидел служителей церкви. Ясно, Рогов решил проверить способности Ерша, дал ему фанерные листы и попросил снять копии. Тот задание выполнил, принес иконы и заодно сдал свое оружие...

На перекрестке улиц Калугин, прощаясь, спросил Воркуна:

— Голубчик, ты как-то говорил, что Леонид аккуратно вел дневник?

— Факт.

— А нельзя ли, друзья мои, заглянуть в этот дневник?

— Можно,— завернл Воркун.— Дневник в столе, на чердаке...

— Так ли, Воркунок-дружок?— усомнился молодой чекист,— я же составлял опись вещей и хорошо-отлично помню, что никакой тетради не было в роговском имуществе...

— Кто же его взял?

— Карп мог взять,— ответил Воркун, оглядываясь по сторонам.— Братья-то поссорились из-за женщины...

— Друг мой, не только из-за женщины,— дополнил Калугин и рассказал о выходе Карпа из партии...

Сеня настроился дать бой младшему Рогову и потребовать дневник уполномоченного губчека, но дома Карпа не оказалось. А из его комнаты исчезли книги, белье и гитара...

СВЯТАЯ СДЕЛКА

В Старую Руссу Ерш приехал поездом. Еще в вагоне он дал клятву: зажить дома по-новому. Ему давно хотелось вырваться из питерской шайки Леньки Пантелеева, поселиться на берегах Полисти и честно зарабатывать хлеб кистью...

«Пусть вывески, пусть афиши, только не грабеж, карты, распроклятый самогон»,— рассуждал он, раскачивая полы тяжелого бушлата.

Черная матросская куртка отяжелела, конечно, не потому, что была сшита из плотного сукна и подбита шерстяной ватой, а потому, что все карманы ее были набиты награбленным добром. Накануне своего бегства из Питера Ерш помог Леньке Фартовому очистить квартиру богатого домовладельца, который только что вернулся из Парижа с подарками для жены.

Черт его знает, как тут примут бывшего анархиста. Может быть, и без работы насидишься. Внешне город мало изменился: те же двухэтажные домики, садики, заборики, булыжники. Только вот одна новинка — от вокзала вырвался паровозик с вагоном и загромыхал по улицам города.

Говорят, трамвайная линия тянется до самого курорта,

но Ерш доехал до Полистн н сошел на Красиый берег. Река заметно обмелела, но освежиться можно. Он спустился поблнже к воде, н надо же такой случай...

Между Жнвым мостом и баржевндиой прнстанью прнкололась сняяя шлюпка, а в ней под соломенной широкополой шляпой сидел с удочкамн родиой дядя. Ерш вообще-то не любил свою родню: уж больио все онн релнгиозны. Но в этот прнезд племяиинку, пожалуй, есть смысл помахать бескозыркой...

И он пронзительно свнстиул:

— Дядя Савелнй, мое вам с леиточкой!

Дядя пригласнл его в гостн. Ерш гулко прошагал по деревянному мосту, свернул налево — на Александровскую улнцу.

На правой стороне белеет каменный дом с шнрокнм балконом. В этом зданнн в пернод двоевластия размещался клуб анархнстов. Здесь, возле черного знаменн, Гоша Жгловскнй выступал с революционнымн речамн. Говорнл пылко, брызгая слюной. За ершнстый характер и огиенную шевелюру его прозвали Ершом Аиархнстом. А через год он возглавнл отряд анархистов в черных бушлатах, и началась у ннх фронтовая свнстопляска: во нмя свободы глушнть стакаиамн горнлку, щеголять шнроченным клешем, харкать в рожу белопогонникам н насnловать хохлушек. С той поры Ерш Анархнст прнзиавал только то, что брал снлой.

А когда черный отряд разогиалн, его командир сбежал с фронта, надел на себя бархатную толстовку с баитом н очень быстро прибрал к рукам артель иконопнсцев. Но спрос на нкоиы с каждым месяцем все падал н падал. Свободный художинк прнсвонл артельиые деиьгн н удрал в Питер.

Вот здесь-то, между Загородным проспектом и Обводиым каналом, в знамеинтых «Снменцах», прнгрел Ерша баидитскнй прнтон Ленькн Пантелеева. Опять замелькали карты, бутылкн, выстрелы, бабы — и вчерашинй командир черного отряда пошел в гору. Но он не признавал вторые роли. А Ленька в шайке как царь на троне.

«Да, такого атамана не перешибешь»,— рассудил Анархист н после удачного ограбления подался в родные места.

Дядя Савелнй — церковный староста — жнл иапротнв старинного монастыря. Ерш пересек широкую улнцу н ударом солдатского ботннка открыл знакомую калнтку...

Кирпнчный домик с двумя окнамн смотрел на воеииый

памятник с орлом. Со стороны Красных казарм доносилась бодрая песня красноармейцев. Ершу вспомнилась фронтовая жизнь, и, поднимая голову, он лихо сдвинул набок бескозырку.

Рослая, с румяным лицом и высокой грудью, тетя Вера вышла на крыльцо и метнула мимолетный взгляд на пустые руки племянника. Ерш не заезжал в деревню к родителям, иначе он, конечно, привез бы посылку с продуктами.

— Здорово, тетушка, жениться прибыл!

И племянник так стиснул тетку, что у нее и дух захватило.

— Уф, бесстыдник!— проворчала она, облизывая пухлые губы.— Отпусти! Савелий идет...

Она была на двадцать пять лет моложе Савелия. В этот приезд Ерш особенно почувствовал такую разницу в годах: дядя побелел, спина ссутулилась, ноги отяжелели, он стал шаркать сапогами, а тетка, наоборот, из худенькой да бледной превратилась в дебелую купчиху.

Родные сестры — мать Ерша и тетка Вера — дочки сельского купца. Старшая сестра любила землю, вышла за местного священника и всю свою энергию пустила на сад и огород, а младшая, жадная до денег, прикинулась «святой» и очаровала Савелия, который с крестным ходом пришел в Леохново.

В то время Савелий, почтовый чиновник, получил наследство, но перед свадьбой, чтобы угодить своей невесте, помыслами устремленной к богу, пожертвовал отцовский капитал на построение храма. Дурацкий поступок жениха сразу подрезал ее здоровье, но отступать было уже поздно. Так и жили с «раной в душе», пока не пришла свобода на торговлю.

Теперь она твердо решила разбогатеть. В Гостином дворе откроется магазин, на витрине которого будут выставлены молитвенники, иконы, купели, прочая церковная утварь, и потекут денежки в ее карман.

Тетка Вера обрадовалась приезду племянника. Она отведет ему комнату, где он, сытый и обласканный, сможет писать иконы для продажи. А уж насчет женитьбы — разберемся не торопясь.

Завтракали на открытой террасе. Хозяйка, явно повеселевшая, угощала желанного гостя горячими сканцами[1] со сметаной. Ерш проголодался — ел за двоих.

[1] Местное название пряженых лепешек из черной муки с творогом.

Лнщь за чаем племяннннк разговорился. Он н впрямь настронлся жениться н зарабатывать кистью...

— Буду пнсать плакаты, вывески, картины, а с нконамн амба!— Ерш увидел в пузатом самоваре карнкатуру на свою физиономию и весело съязвил:— Разве только Хрнста на кресте без трусиков!

Старик гневно нахмурился. Тетка Вера поперхнулась, но мигом овладела собой.

— Тебе, Гоша, повезло,— она ложкой сняла румяные пенки с молока и положила их в чашку племяннника,— есть на примете краля, взгляиешь на нее — н глаз не отведешь...

— Кто такая?

Тетка кнвиула в стороиу моиастырской стены с угловой башенкой:

— Солнстка хора. Вдовушка. Зеленоглазка...

— Кошачьи глаза по мне! А нравом как?

— Степенная, тнхая...

— К черту! Я злых люблю: чтоб зубы, кулакн — все противилось!

Дядя Савелий вздохнул, перекрестился, вышел нз-за стола, грузно протопал в свою комнату и демонстративно закрылся на крючок.

А тетка Вера скрутила пополам полотенце, ошпарнла его конец кнпятком, поднялась н неожнданно огрела нм безбожника по уху. Тот вскочил:

— Ты что, курва?!

— Нничего, за дело,— отшила она, оставаясь в боевой позе.— Я тоже злая! Ты ведь любншь такнх...

В ее прищурых масляных глазах светились н вызов н похоть. Ерш почувствовал достойного противника:

— Где схлестнемся?

Она оглянулась н, приглушнв голос, пояснила:

— Пойдешь по адресу, снимешь комнату. А я уж, так н быть, навещу тебя разок-другой, рыжнка соленого...

Ерш уточнил адрес мадам Шур, подошел к тетке попрощаться н внезапно с такой снлой дернул ее за халат, что пуговнцы полетели на пол.

Но тут же две увесистые оплеухн откннулн его к калитке.

— Заходн, племянинчек, не забывай тетю!— Голос ее звучал медоточнво-нздевательски.

Мадам Шур преклоиялась перед Солеваровой. Ум н воля выделяли Веру Павловну нз уймы обывателей. Церковный староста всю жнзнь собнрал марки, но, сле-

пец, н мыслн не допускал, что самый драгоценный экземпляр — это его жена...

— Ваша тетушка, Георгнй Осиповнч, открывает магазнн. Я ее компаньон. У нас с нею иевеликн сбережеиия, но прн ее твердой руке...

Ерш осторожно потрогал прнпухшую скулу. В эту мннуту его ннтересовал другой человек, и он спросил:

— Знаете уполиомоченного губчека? Что за мужик?

— Я лучше знаю младшего Рогова: ои брал у меня уроки на гитаре. Но н о старшем нмею представлеиие: Лео любит музыку, лошадей и страсть как иеиавндит церковь. Хочет отобрать у нас чудотворную икоиу и передать ее в музей. Как это вам нравится?

— Молодчага!— восторженно отозвался матрос.

Теперь ои знал, как написать уполномоченному губчека, и не сомневался, что тот найдет ему работу по сердцу. А мадам Шур поспешила вернуться к прежней теме разговора:

— Георгий Осипович, нам потребуется агент по скупке церковных вещей.— Она привычио тряхиула.серьгами.— Вы как, любезиый?

— Придет тетка, тогда н карты иа стол! А пока — ручку н чистый лист...

Когда хозяйка выполнила его просьбу, он указал иа дверь:

— Давай отсюда!

— Господн!— всплесиула рукамн хозяйка.— Георгнй Оснпович, милый, хорошнй, ну зачем же так грубо?!

— Закрой дверь!— скомандовал он н сел писать рапо́рт на нмя уполномоченного губчека.

Через два дня Ерш зашел в аптеку н позвонил по телефону Рогову. Тот подтвердил, что запнску Анархиста получнл, но без биржи труда не обойтись: «Займн очереды!»

Ерш молча повесил трубку. Он подумал: «Пока стою в очередн, чекисты справку наведут».

— Полундра, так не пойдет! Уж лучше к тетке пришвартоваться...

А тетка с характером: пообещала, а сама и носу ие кажет. План действия созрел молниеносио. Мадам Шур как-то проболталась, что после всеношной помогает Савелию Иннокентиевичу подсчнтывать денежный сбор. Значнт, в это время тетя Вера сидит дома одна, без мужа.

Так оно и вышло. Из церкви тетка пришла без мужа. Она разделась, открыла окно в сад и опустилась на колени. В углу серебрилась икона. Тетка в одной нижней рубахе склонила голову. Она шепотом, страстно о чем-то просила Старорусскую богоматерь. Видимо, поясняла, что ей сорок пять, а старику семьдесят, что вышла замуж не по любви, что на ее месте другая давно бы согрешила...

Со стороны монастыря доносился стук деревянной колотушки. Ночной воздух насытился запахами липы и тополя. Ерш снял ботинки, срезал финкой длинную ветку смородины и блаженно стиснул зубы: «Пора, отмолилась...»

Осмотревшись по сторонам, он ухватился за подоконник и бесшумно влез в окно. Солеварова и вскрикнуть не успела, как племянник веткой сбил единственный огонек возле иконы...

Домой Ерш возвращался усталый, поцарапанный, но счастливый. Теперь он ближайший помощник хозяйки магазина. Теперь тетка Вера выполнит любую просьбу племянника. Она, оказывается, давно уже умоляла богородицу подослать к ней полюбовника.

Утром мадам Шур пригласила жильца к самовару и важно сообщила:

— Савелий Иннокентиевич просил вас зайти к нему по срочному делу...

«Не пронюхал ли, черт старый?»

Ерш зашел в городскую баню, дважды попарился, затем побрился, забрел в гостиницу — часика два погонял костяные шарики и наконец вспомнил о срочном деле.

Дома дядю Савелия он не застал. Тетка Вера, блаженно щуря глаза, протянула ему полные руки...

— Люба мой, прости меня, дуреху,— она целовала на его лице царапины.

«В самом деле, дура. Встретила бы оплеухой — навек бы морским узлом привязала».

Обласканный и зацелованный, Ерш выпил крыночку молока, прихватил пирожок с капустой и спросил о срочном деле. Тетка заволновалась:

— Не вздумал ли старый свести тебя с солисткой хора?

— К черту тихонь!— намекнул он притихшей тетке и решительно направился к калитке, полоща клешем на ветру.

За монастырской каменной оградой возвышались четыре белых храма. Вечерняя служба шла в большом соборе. На церковной паперти, где толпились нищие, матрос снял бескозырку и заработал широченными плечами.

Верующие оглядывались, ворчали, но пропускали его. Он пробивался к клиросу, к знаменитой древней иконе греческого происхождения. В храме он чувствовал себя, как на палубе крейсера. Его отец, сельский поп, заставлял сына с малых лет ходить в церковь. Но Гоша и в храме не расставался с мелом и углем: рисовал на полу и стенах рогатых чертей с хвостами. Батя драл его за уши, хлестал крапивой, и все тщетно. Попович признавал лишь одну «икону»— картину Айвазовского «Девятый вал». И когда отец отправил его в духовное училище, он сбежал на Черное море. А там жизнь, как известная одесская лестница, повела его по ступенькам: портовый грузчик, юнга, матрос, член партии анархистов, лихой участник боев и набегов. Однако и в те времена Ерш Анархист не расставался с карандашом и красками.

Вот почему и сейчас он остановился перед старинной иконой. Она вновь поразила его. И поразила не своими украшениями, хотя Ерш распрекрасно разбирался в драгоценных камнях. Богородица не позировала и не держала сына напоказ: «Полюбуйтесь, дескать, моим красавчиком». Нет, мальчик был хил, бледнолиц, но мать так бережно прижала его к своей груди, что без слов был понятен ее пристально-умоляющий взгляд: «Не троньте мое дитя».

Вдруг икону загородила плотная девушка с длинной черной косой. Она установила горящую свечу в высокий блестящий подсвечник, склонила голову и — ни с места. Ерш сердито дернул ее за косу.

Черноволосая на один миг оглянулась, плеснула чернотой своих глаз и кованым каблуком лягнула матроса. Удар пришелся по кости. От боли Ерш взвыл. К счастью, хор заглушил его выкрик. Он наклонился к ушибленной ноге.

А когда поднял голову — девки и след простыл. Напрасно он рыскал, искал ее: ни в храме, ни на дворе монастырском не нашел эту чернобровую с белым платком на плечах.

Зато встретил дядю Савелия. Старик, в темном сюртуке, распушив бороду на груди, с гордостью показал на большой новый собор, где шла служба:

— Воздвигнут в честь возвращения чудотворной ико-

ны Старорусской божьей матери. Воздвигнут, между прочим, иа мое пожертвованне.— Он взял племяииика под руку.— А теперь, чадо мое, взгляни еще на достопримечательности Спасо-Преображенского моиастыря...

Ризница притаилась под колокольней. Стены как у крепости. Железные двери под тремя замками: один внутренний и два висячих. Связку ключей старик всегда носил при себе. А ночью, видимо, прятал под подушку.

Кладовая небольшая, но вся заставлена драгоценностями. На широких полках и узком столе все искрилось, блестело, вспыхивало звездочками. Вот тучное Евангелие, усыпанное рубинами и жемчугами. А рядом с ним золотые сосуды старинной чеканки — потир, дискос и звездица...

— Эх, золотяги столько пропадает!— Горящая свеча в руке Ерша задрожала, и тени запрыгали по белой стенке ризницы.

Старик закрыл дверь на задвижку и, осенив себя крестным знамением, поцеловал массивный золотой крест, украшенный бриллиантами.

— Выкладывай, дядя, что за дело срочное?

— Чадо мое, к нашей святыне тянется рука красного дракона. Верующие выставили охрану к чудотворной...

Ерш вновь вспомнил темноволосую девку с приметными бедрами: «Наверно, из охраны».

— А все ж против штыков и крест не защита. Отберут окаянные и копию не дадут снять.— Церковный староста положил руку на плечо племянника.— Бог освятил тебя талантом. Ты возглавлял иконописную мастерскую. Прими наш заказ. Сними копию с чудотворной...

— У вас же есть копия в Воскресенском соборе.

— И на ту подимут руку безбожники. Так что нужны две иконы. Уважь нашу просьбу, а мы тебе на выбор любые дары.— Дядя Савелий перевел руку на самоцветные камни серебряной ризы:— Не все, что мы тут лицезреем, числится в описи, милейший кистетворец...

Положим, очистить эту ризницу Ерш сумеет и без кисти.

— Дядя Савелий, ты знаешь — я сам безбожник.

— Никто себя не знает, чадо мое.— Старик вскинул руку.— В час твоего рождения звезды сгруппировались в образ Георгия Победоносца. Всадник, конь, копье, змей-дракон — все просматривалось, как на фреске. Твой отец увидел знамение и нарек тебя Георгием. И быть тебе Победоносцем в храме искусства. Испытай свою судьбу,

проверь гороскоп. Ои, что иаука, предсказывает сбыточио...

Староста миогозиачительио загляиул в глаза матроса:

— Какой хочешь дар?

— Девку хочу, ой как хочу!

— Господи помилуй, какую девку?

— Чериоволоску, с косищей и бортами — во! Сейчас видел возле Машки Иисусовой...

— Груия, что ли? В белом платке и сапожках?

— Оиа самая!

— Зиаю. Богозаступиица. И лучшей жеиы ие иайти...

— Дай ее адрес!

— И только-то?

— Точка! Все сделаю!— заверил Ерш.

Из ризиицы оба вышли просветлеииыми.

«ЧЕРНЫЕ АНГЕЛЫ»

Икоиу Старорусской богоматери охраияли в три смеиы. Вечерией дружииой командовал Пашка Солеиый. Горбоиосый детииа, с впалой грудью и вислыми руками, ои за свои тридцать лет уже трижды сидел за решеткой. И помощииков подобрал себе достойиых. Только одиа Груия чиста перед властями.

Дочь лесиичего за восемиадцать лет жизии в дремучем лесу ие раз встречалась с волками, медведями и бракоиьерами. Ружьем и топором владела, как иголкой. Оиа сразу пригляиулась Пашке. Разок ои даже прижался к ией, да по зубам заработал.

О Груие Пашка рассказывал охотио, ио с адресом ее вилял. Видать, задаиие Солеварова пришлось ему ие по душе. Племяииик старосты расспрашивал о Груие ие без прицела. В Пашке заговорила ревиость, хотя верил, что Груия отошьет рыжего матроса.

— Смотри, Солеиый,— предупредил Аиархист, шагая рядом с Пашкой,— ей ии слова обо мие. Зарубил?

Тот ответил иеопределеииым мычаиием.

Возле Воскресеиского собора, освещеииого луиой, Пашка перекрестился и предложил:

— Матрос, махием в гарем?

— Рядом, что ли?

— Рдейская пустыиь,— ои рукой иаметил иаправлеиие вдоль реки,— жеиский моиастырь. Там моиашки свергли власть игумеиьи, выбрали комитет и просят местиую

власть признать их коммуну. А у власти и без них делов по горло. Вот мы как представители земельного отдела и нагрянем. Займем две кельи. И «опросим» каждую в отдельности...

Соблазн велик, но Ерш смекнул, что Пашка не хочет вести его к своей квартирантке.

— Другой раз, братишка. Шагай!

Напротив городской больницы Соленый опять задержался:

— А хошь, в очко сразимся? Тут, в Чертовом переулке, проживают мои дружинники — ангелы-хранители. Ась?

— Завтра,— отмахнулся Ерш.— Топай!

Они пересекли Соборную сторону. Пашка жил в собственном доме, недалеко от Солеваренного завода. Совсем недавно, в годы гражданской войны, эта солеварня сильно помогла Красной Армии. Пашка, работая на градирне, избежал фронта. А главное, соль нужна была не только бойцам...

И Пашка не терялся: теперь у него лодка, корова, свинья, сад и дом с мезонином. Нижний этаж занимал сам хозяин с матерью, а верхний сдавался квартирантам. Сейчас в мезонине осели Орловы: Груня и ее брат Вадим.

— Груня ищет работу, а брат заведует продовольственным складом,— сообщил Пашка и бесшумно открыл калитку:— Проходи, гостем будешь...

Рыжий матрос вскинул ладошку к бескозырке и неожиданно отчеканил:

— До завтра, братишка!

Он придет сюда, когда Груня будет одна, без брата.

Луна помогла рассмотреть Пашку. Тот остался стоять с разинутым ртом...

Ерш проснулся от жадного поцелуя. Замотал головой. Перед ним, возле подушки, на коленях размякла тетка Вера. Вдруг она что-то вспомнила, напружинилась:

— Признавайся! Что затеял с Орлихой?

— На работу пристроить.

— Куда?

— В наш с тобой магазин.

Тетка схватила племянника за горло:

— Задушу!

Ерш отвел теткину руку и, довольный, подмигнул:

— Дура! Для отвода глаз! Твой старбень пока что умом не слаб.

— И слушать не хочу!— не сдавалась тетка.— У меня нет лишних денег!

Он приподнялся, снял со спинки кровати тяжелый бушлат и стал разгружать его:

— Во!.. На два года вперед!

Она дрожащими руками разложила драгоценности, выбрала обручальное кольцо и опять вспыхнула:

— Задумал обвенчаться с Грунькой?

— В глаза не видел ее!

— Перекрестись!

— Дура! Я же анархист!

— И ничего святого?

— Есть святое! Искусство! Ради него и сюда причалил, и водку бросил, и с прошлым амба.— Он глазами измерил большую светлую комнату с мраморным камином:— Вот моя мастерская!..

— А святые образа для магазина?

— К черту халтуру! Твой портрет напишу...

— А потом Орлихин?

— Как она на ряшку?

— Да ты что, люба, в самом деле не видел ее?

На теткином широком лице расплылась улыбочка. А он, лежа в постели, покосился на дверь:

— Где твоя компаньонша?

— На базар ушла.

— Добро!..

Массивные двери собора открыл сам дядя Савелий. На каменных плитах, возле иконы Старорусской богоматери, стояли круглые банки с краской. Старик подал племяннику кисти и указал на фанерные листы, прислоненные к стене:

— Это тебе, чадо мое, для эскиза...

Ерш потребовал стул со спинкой, установил на сидении фанерный лист и приступил к работе. Давненько он не держал в руке кисть. Краски ложились густыми мазками. Его глаза впились в образ богоматери с младенцем на руках.

Божья матерь смотрела на художника, казалось, с укором: «Эх ты, попович, клялся — конец блуду, а сам что? Хотел работать в клубе, а сам что?!»

— Черт-те что!— обозлился Ерш и намалевал страхиду с грозными глазами.

Дядя Савелий молился за колонной. На втором листе

фанеры Ерш придал чудотворной облик Груни: резкий поворот головы, мохнатые брови, черные глаза и смуглость.

Второй эскиз он набросал быстро, вдохновенно. И только теперь захотелось курить...

— Дядя Савелий, дай спичку!..

Старик увидел в руке племянника кисет, открыл дверь храма и властным жестом пригласил курильщика на двор. Возле паперти, залитой солнцем, бродил лохматый рыжий пес. Староста ключами замахнулся на собаку:

— Пш-шел, поганый!

Матрос вынул из кармана шоколадную конфету, развернул ее и, причмокивая, направился к дворняжке:

— Не бойся... На-а, братишка...

Когда Ерш наговорился с Рыжиком и выкурил цигарку, он повел дядю смотреть эскизы. Племянник был уверен, что староста откажется от его дальнейших услуг.

— Что за черт?!— заорал матрос, войдя в храм.— Где они?!

Солеваров посмотрел на пустой стул и дрожащей рукой перекрестился. Он что-то забормотал, как тетерев на току.

Надо уметь из всего извлекать пользу. Ерш сказал дяде, что пока тот не найдет эскизы — племянник не возьмет кисть в руку. В сопровождении рыжего пса матрос пошел к монастырскому корпусу, в котором раньше находилось Духовное училище. Из этого заведения Гоша бежал когда-то на берег Черного моря...

«Вот бы с Груней в Крым»,— мечтательно подумал он и глазам не поверил.

Под арку монастыря гулко шагнула Груня в темном платье с белым платком на плечах. Шаг крепкий, а голова склоненная, и в глазах печаль. Ее сопровождал Пашка со своими приятелями. Ерш подозвал Соленого:

— Что с Груней?

— Не знаю,— поежился тот,— не говорит...

— Ты обидел ее?

— Обидишь!— Пашка вислой рукой качнул в сторону чернобровой девушки.— Сам спроси...

Ерш загородил дорогу Орловой:

— Судьба моя, что с тобой?

Груня вскинула голову и безразлично сквозь зубы процедила:

— Отойди!

— Не отойду! Что случилось?

Она оглянулась назад...

Соленый, сжимая кулаки, подмигнул приятелям:

— А ну, ангелы, дружно!

Их было с Пашкой четверо, но Ерш не дрогнул. Он вытащил из кармана браунинг и так загорланил, что даже пес попятился...

«Аигелы» сразу притихли. Груия презрнтельным взглядом окинула своих хранителей. Церковная дружнна скрылась в большом храме, где Ерш только что работал кистью.

Проводив глазами Груию, Анархнст подумал о ее брате. И как всегда, план действня нашелся быстро.

Матрос, шнроко расставляя ногн, осаннсто зашагал по каменным плитам в сторону Полистн. Он разыскал продовольственный склад, вызвал Орлова н по тому, как тот мгновенно побелел, смекнул, что беда приключилась не с Груней, а с ннм.

Местный трнбунал возглавлял балтнйский матрос. Увидев Ерша, Орлов решил, что к иему на склад с ревизией явился сам председатель трибунала, н прямо заявил:

— Недостает... шестнадцать фуитов ржаной...— Кладовщик чуть было не перекрестился.— Я не брал... Меня сюда выдвииули за честность...

В то время с провнзией было туго: за хищение муки — крепко судилн. Но брат Груни не походнл на вора. Ерш сказал ему:

— Пока, браток, замрн. А мука будет — жди меня...

Он пошел на базар, выменял пистолет на муку и отдал его Орлову. Только теперь Вадим сообразнл, что его благодетель — не председатель трибунала. Ерш, прощаясь, поясиил:

— Я вольный художник. Хочу твою сестру нарнсовать на полотне. Поможешь, браток?

— Помогу. Только сегодня, после всенощной, она собиралась к ясновидящей погадать...

Ерш уточнил адрес ясиовидящей. А вечером отправился в Чертов переулок. У дома гадалки его встретил... Пашка Солеиый. И как будто между ннмн не было стычкн: внимательный такой, радушный, в гостн приглашает. У матроса мелькнуло: «Может, Груню увижу?»

На Соборной стороне, поближе к тюремному замку, пристроился Чертов переулок. В нем проживала знаменитая гадалка. Ее деревянный домик с высоким забором прнкрывал глухой сад, заросший крапивой. Полуживые,

бесплодные яблони давно перестали привлекать внимание мальчишек. Единственная тропка в саду вела мимо домика гадалки к берегу Полисти, где под купой старых дубов замер полукаменный дом с разбитыми стеклами.

Было время, когда этот дом шумно и весело отмечал церковные праздники. Его хозяин, богатый солепромышленник, принимал у себя архиереев, митрополитов и петербургскую знать, отдыхавшую на Старорусском курорте. Говорят, что однажды среди гостей видели и Федора Михайловича Достоевского.

А теперь дом Солеварова стоял без дверей и перегородок. Только под лестницей сохранилась каморка с оконцем, смотревшим на тихую речку.

В этой каморке жил одинокий рыбак, прозванный за внешнее сходство с Христом — Боженькой. Правда, Боженька носил крест на груди лишь по привычке. Главная его страсть — карты. В родном селе он проиграл избу, скотину, сети. Жена с горя повесилась, а он, босой, пришлепал в Руссу и пал в ноги Солеварову. Тот нашел ему работу.

В нижнем этаже заброшенного дома стояли мережи, а на втором этаже висел невод: жалкие остатки прежнего хозяйства. До революции Спасо-Преображенскому монастырю принадлежали многочисленные озера и пожни, богатые рыбой и осокой. А после закрытия монастыря все рыболовные снасти достались церковному совету во главе с Солеваровым.

Команда баркаса состояла из четырех ловцов. На рыбалке в роли «ватамана» выступал Боженька. Но когда «черные ангелы» ночью грабили огороды, сады, склады, скотные дворы — командовал Пашка Соленый. На толкучке награбленное добро сбывал Мишка Цыган, не без помощи Капитоновны — прислужницы гадалки. А общую казну хранил Серега Баптист, он же ведал продуктами и самогонкой.

Обычно они резались в карты в свободное время. Но за последний месяц чаще играли ночью: днем охраняли чудотворную икону. Сегодня тоже собрались при лунном освещении. Гостя привел Пашка, решив обыграть матроса до ниточки.

Соленый посадил волкодава на цепь и провел Ерша на второй этаж к широкому окну, от которого к берегу спускался деревянный каток...

— По этому настилу сети поднимаем,— пояснил

Пашка и шепотком добавил:— Еслн что... по нему к реке... н в лодку...

Матрос, занятый своей думой, спросил:

— Кто у вас кок?

«О Груне думает»,— смекнул Пашка н пригласнл гостя на «кухню», где Боженька чнстнл картошку.

Под лестинцей в каморке пахло рыбой н смолой. Три скамейкн образовали треугольинк, в цеитре которого возвышалась пузатая бочка. В днище бочки вместо пробки торчала лампадка. Дрожащнй фнтнлек бросал свет иа нмпровнзнрованный стол.

Не первый случай, когда под крылом церквн скрывалнсь отпетые бродягн, воры, убнйцы. Опытным глазом матрос оценнл, в какую ои попал баиду. Он сел на стыке двух скамеек, чтобы легче иаблюдать за протнвникамн. Не было сомиеиня, что «чериые аигелы» будут действовать заодно.

За спнной Аиархиста ие было инкакой зеркальной плоскости, так что подглядываине нсключается. Скорее всего — карты мечеиые. И гость, раскрыв золотую кинжечку, вынул нз нее иовенькне карты с иепрнстойными картннками. Боженька увндел обнажениую грудастую даму «пнк» и смущенно покачал головой. Мишка Цыгаи, наоборот, сладострастно прнчмокнул. Пашка задумчиво почесал затылок: ему показалось, что матрос такнми картииками запутает любого. Но Серега Баптнст — рослый, мосластый парень — тщательно осмотрел каждую карту н отрубнл:

— Первый сорт!

Он иалнл нз четвертн в граненый стакан снзой жидкостн, выставил на «стол» тарелку отварных окуией н обратнлся к гостю:

— Давай по кругу!..

Ерш зарекся пить, курить, ио тут своя тактика. Возможно, проверяют иа выноснвость. На Украине он так проспиртовался горнлкой — теперь выдержнт любое зелье, лишь бы узнать, где Груня. От гадалкн она не вернулась домой.

Прннимая стакан, матрос заглянул в глаза Баптнсту. Он, вндать, был в шайке самым сильиым и самым добрым. Его простецкое курносое лнцо говорило: «Не бойся, ие подсыплю».

Ерш выставнл на кон золотой портснгар:

— Кто выйдет иа мостик?

— На медиый?— вставил Пашка н подмнгиул цыгаиу.

Тот опробовал золото иа зуб, лизнул, понюхал и увереиио выложил:

— Червонный и с пробой!

— Ставлю поросенка!— зажегся Пашка.— Ась?

— Мелко плаваешь! Корову да порося в прндачу!

Сошлнсь иа корове. Игралн вдвоем. «Черные аигелы» сгрудились возле Соленого. Горячий, непосредственный, с глазами, полиыми вожделеиня, Мишка Цыгаи, сам того ие зиая, подыгрывал матросу. Еслн он засматривался иа изображеиие, зиачит, у картинкн мало очков: иаиболее скабрезные фигурки соответствовали малым числам.

Пашка продул корову, поросенка, сад и дом.

Соленого от злобы перекоснло, а рукн сами потяиулись за топором. Однако Ерш опередил его: вытащил финку, повертел ею в воздухе и спокойно отрезал кусок хлеба.

— Я все вериу тебе, если ты...

Ои хотел узиать иовый адрес Грунн, но в это время в саду яростио залаял волкодав.

— Облава!— крикиул Пашка н первый бросился к лестинце, ведущей иа второй этаж...

Ерш, ие выпуская финку из рукн, рванулся за Соленым.

На бочке осталнсь граненый стакан н колода фраицузских карт.

В лодке Ерш сидел иа корме рядом с Пашкой. Тот рассказал о Груие все, что узиал от Вадима Орлова. Сестра рассердилась иа брата за то, что тот взял муку от рыжего матроса. Оиа действительно сегодия гадала в Чертовом переулке, ио от ясновидящей пошла не домой...

— А куда?

— Не зиаю, ей-бо, ие знаю,— перекрестнлся Пашка, левой рукой прндержнвая руль.— Даже Капнтоновна не в курсе...

— Кто такая Капитоиовна?

— Прнживалка ясиовндящей...

— Может, ясиовидящая укажет?

— Оиа-то укажет, да ведь не задарма н не сразу: к ией очередь большая. Вот Груия полмесяца ждала...

— Я ждать ие привык!— Матрос перехватил рукоятку руля.— Братва, к берегу!

Пашка попытался отговорить Анархиста. Он сказал, что ясновидящая без записи не примет, вернее, будет молчать, но Ерш и слушать не стал:

— У меня и мертвая заговорит!

— Постой!— Пашка почувствовал, что этак он останется без дома и хозяйства.— Верю, у тебя слово не разойдется с делом. Повтори при свидетелях: если я укажу адрес Груни, ты откажешься от выигрыша...

Закрапал дождик. В заболоченной Малашке квакали лягушки. По мере приближения к дому регента Ерш замедлял шаги: неудобно ночью стучаться. И не потому, что регент, по словам Пашки, шибко культурный человек, что у него местная интеллигенция «на привязи»: все ходят к нему за книгами. Даже председатель укома и уполномоченный губчека посещают его библиотеку — одну из богатейших в России (конечно, из частных коллекций). Нет, не поэтому главным образом, а потому, что влюбленному было как-то неловко будить Груню. Все равно в темноте портрет не напишешь.

За деревянным мостиком он свернул налево и остановился возле дома с большой стеклянной верандой. Здесь он прикорнет до утра. Однако дождь усилился. Мокнуть не хотелось. Ему показалось, что в одном окне за шторой мерцает огонек.

Ерш открыл калитку, обошел круглую клумбу и, встав на скамейку, заглянул в окно, рассеченное слабой световой полоской. Вдруг полоска мигнула. Ясно, что за окном, в комнате, кто-то не спит.

Он осторожно постучал по стеклу.

А через минуту худощавый мужчина, с черной узенькой бородкой и в золотом пенсне, провел матроса в длинную комнату, заставленную книжными стеллажами. Хозяин в сером халате усадил Ерша в вольтеровское кресло и почтительно представился:

— Абрам Карлович Вейц. Чем могу быть полезен?

Анархист обрадовался, что регент привык ко всяким посетителям и не страдал излишним любопытством. Матрос кивнул на закрытую дверь:

— У вас Груня Орлова?

— Вам по срочному делу?

— Не то что срочно,— смутился Ерш и с трудом подобрал слова:— Я свободный художник. Увидел оригинальное лицо. Решил написать ее портрет...

— Похвально!— отозвался Абрам Карлович и неожиданно признался: — Сам бог послал вас ко мне...

Вейц давно собирался запечатлеть в Старой Руссе места, которые связаны с именем его любимого писателя Достоевского. Он, регент, даже сам пытался зарисовать дом Федора Михайловича, Малашку, домик Грушеньки...

Ерш вытянул шею. Регент пояснил, что речь идет о главной героине романа «Братья Карамазовы». Анархист слушал с интересом. Увлеченность регента передалась ему. Свободный художник охотно зарисует памятные места великого писателя.

— А как насчет... портрета Орловой?

— Мне помнится, сегодня Груне не надо идти на биржу труда.— Вейц посмотрел на бронзовые часы под стеклянным колпаком:— Приходите к восьми часам утра с палитрой...

Ерш не умел говорить благодарности, комплименты. Он потряс регента за плечи и против своего желания спросил:

— Не боитесь, ежели пожар... книги-то?!

— Как не бояться, мил-человек, без книг и дня не проживу...

Груня позировала, хмуро глядя в одну точку. Она не отвечала на вопросы художника. Георгий работал с увлечением и за три часа написал полотно. Натурщица взглянула на свой портрет и первый раз улыбнулась:

— Надо же!..

Художник покраснел и неожиданно утратил дар речи. Его выручили супруги Вейц. Они наперебой стали хвалить мастера кисти. Их поразило не только портретное сходство...

— С такой быстротой писал фрески Феофан Грек!— сказал Вейц.

Груня глазами благодарила художника. Она еще больше потеплела, когда племянник Солеварова предложил ей работу в магазине.

От регента они вышли вместе: Груня пошла к Солеваровой, а Ерш отнес портрет на хранение мадам Шур и предупредил ее:

— От вас я выехал три дня назад, и точка!..

В это самое время на Ильинской один за другим раздались выстрелы.

Свершилось чудо! Икоиа Старорусской богоматери явилась перед Роговым и покарала безбожиика!

— Слыхал, паря, ясиовидящая еще вчера предрекла смерть чекисту! Вот те крест, ие сойти с места!

Такие разговоры Ерш слышал иа базаре, в чайиой, возле пристаии. Известие о смерти уполиомочеииого губчека его мало троиуло, а вот силой ясиовидеиия местиой гадалки ои заиитересовался ие иа шутку.

Ои зашел иа дом к Пашке Соленому и приказиым тоиом сказал ему:

— Иди к гадалке, запиши меия иа сегодия же, ииаче спалю!— Ерш сиял бушлат, сел иа стол и крикиул вдогоику:— Без ее согласия ие возвращайся!

Оставшись одии, Аиархист прислушался: иад головой раздались шаги. Может быть, Груия? Его даже в жар бросило.

Матрос подиялся по скрипучей лестиице и осторожио постучал в дверь мезоиииа. На пороге появился Орлов, в красиоармейской шииели, с белым фаиериым чемодаиом...

— Вадим, куда ты?

Жилец вериулся в комиату, закрыл дверь и поясиил:

— Нечисто тут. Не по иам с Груией. Ее пока пригрел регент с жеиой, а я деиь-другой поживу иа складе...

— Вы что, браток, поссорились из-за меия?

— Было дело.— Вадим потер иебритую щеку.— Гадалка иашептала Груие: «Берегись рыжего иасильиика».

Прозорливость гадалки изумила Георгия, ои с трудом скрыл свое смущеиие. Вадим дружески сказал:

— Павел что-то затевает против вас. Спрашивал меия: «Как приияла Груия матроса и прочее?» Ради бога, ие доверяйтесь этому типу. На складе мука исчезла имеиио после его посещеиия. Вороватый!..

Георгий одобрительио похлопал Вадима по плечам и проводил его до калитки.

Солеиый вериулся вечером с тревожиыми вестями. Ои встал перед большой иконой и степеиио перекрестился:

— Отсохии язык, ежели скажу иеправду. Плохи твои дела, матрос.— Его голос звучал без фальши.— Ищут тебя по городу. Все чекисты, мильтоиы и уголовиые агеиты подияты иа иоги. И у всех твой словесиый портрет: одежа, рост и ряшка — тютелька в тютельку...

— После облавы, что лн? Взяли карты с голымн бабамн? Велнко преступленне! Чего свнстншь?

— Не лезь иа рожон!— Пашка сжал кулак.— Схватят — объяснят: за что н как! Может, за грешкн прошлые? Ась?

— Еще гадалка!— ощетииился Ерш н строго спроснл:— Записал? На какой час?

— Ровно в полночь...— Солеиый услужлнво предложил: — Проводнть тебя?

— Обойдусь без провожатых. Не впервой в Руссе...

Вдруг Анархнст запнулся: вспоминл, как летом восемнадцатого года прнезжал домой на побывку, как раз когда вспыхнуло кулацкое восстаине. Мятеж возглавили богатей Голубев н его сын, эсер. Но Ерш тогда с ннм ие сблнзился. Нет, тут что-то другое...

Ерш Аиархист ие из трусливых. И все же он избрал окольиый путь: мимо Снмоиовского кладбнща, где похоронен комнссар отряда Миронов, убнтый городецкими кулакамн; мнмо темных силуэтов граднр н варииц — бывшего завода Солеваровых; мнмо прнтнхшей каменной тюрьмы, похожей на древиий замок.

А вот н Чертов переулок. Две наклонениые ивы образовали ворота, похожие на огромную пасть: войдешь в иее — н не выйдешь. Ерш прнслушался. Ему показалось, что позади иего в темноте кто-то остаиовился.

Луиы ие было. А старорусская земля к этому времеии совсем отвернулась от солица, и вид ночиого переулка заметно преобразнлся: дома, заборы, деревья потемнели, расплылись, затанлись.

Матрос иырнул в темный переулок, рукамн иащупал рябнну, которая росла возле домнка ясновидящей, н, согиув указательный палец, четырежды с паузамн стукиул по дубовой ставие.

В сеиях заскрипела дверь, звякиула железяка. Потянуло рыбной поджаркой. Из дверной щелн, пересеченной цепью, бабий голос спросил:

— Кого бог послал?

— Свон, Капитоиовиа...

— Проходн, попович...

На дворе гадалки стояла корова Солеваровых. Капитоиовиа ежедиевно доила ее н прниосила хозяевам молоко. Оиа, коиечио, зиала о приезде племянника Веры Павловиы.

Шустрая бабка с бойкими глазками вытерла краем передника потное, раскрасневшееся лицо и мелко перекрестилась:

— Слава богу, на свободе!

На кухне русская печь дышала жаром. На высоком столе, рядом со свечкой, лежали на блюдах овальные пироги с румяными боками. Похоже, в доме поджидали ночных гостей.

Капитоновна кивнула на боковую дверь в стене:

— Тебя ждет матушка.— Она мягко приоткрыла дверь:— Милости просим, попович...

— Забудь, Капитоновна, поповича!— заворчал Ерш.— Я не признаю ни отца, ни бога, ни духа святого!

— Успокойся, кормилец мой, успокойся,— залепетала бабка, уступая дорогу матросу.— Не шуми, мил-человек, ныне ясновидящая шибко недомогает. Уж только тебя, племянника Солеваровых, согласилась принять. Будь уж почтительней... желанный...

В глухой узкой комнатке на двух низких скамьях возвышался массивный, но короткий гроб. В нем лежала, на высокой мягкой подушке, гадалка. На волосы и лицо наброшена темная вуаль. В скрещенных руках дрожала тонкая свеча — единственный источник света. Погаси — и темень задушит.

За спиной Ерша Капитоновна защеколдила дверь. От лежащей в гробу исходил лежалый душок. Склеп да и только!

— Вот и свиделись, Георгий Победоносец,— прошамкала умирашка, шевеля губами кисею.— Спасибо тебе, гордый человек, за доверие к старухе. Знаю, не веришь ты в бога, а мне веришь. Премудрость человека непостижима: не сразу я научилась читать души людские и не сразу познала секрет, как заглянуть вперед...

— Ближе к делу, старая!— не утерпел Ерш.— Зачем я пришел?

— Ранила твое сердце чернявая, но чую, что тебя тревожит еще вопрос — мерещится казенный дом с решеткой.

«Не в бровь, а в глаз»,— подумал он и шагнул к гробу:

— Чего привязались? Чего им нужно от меня?!

— Вижу бумагу с гербом, а на ней печатные буквы со страшными обвинениями. Вижу фанерные листы с ликом богоматери. Вижу твой пистолет с якорем на рукоятке...

— Не спеши! Где мои эскизы? Кто спер?

— Один лист в казенном доме, а другой на квартире красного дракона, который сегодня испустил дух.

— Врешь, старая!

— Не веришь — уйди. Но знай, что пистолет твой в руке красного дракона...

— Как так?!

— Молчу. В твою душу вкралось сомнение...

— Говори! Верю! — Он смягчил голос: — Посадят меня?

— Тебя спасет человек под кличкой Рысь.

— Кто он такой?

— Давний друг твоего батюшки...

— К черту! Обойдусь без Рыси!— Георгий положил рядом со свечкой золотой портсигар:— Будет Груня моей?

— Будет, добрый человек, если ты не отвернешься от Рыси...

— Где Рысь?

— Пройди на кухню, там тебя ждет вожатый.

— Смотри, старая, за обман...

— Счастье и ласку в твои руки...

В дверях Ерш оглянулся: свечка горела, а золотой портсигар исчез. Матрос подумал: «Интересно, куда прячет добро?»

— Ба-а!— воскликнул он, входя в кухню.— Ты откуда взялся, Пашка?

Они выпили самогонки и закусили пирогами с рыбой. Ерш догадался, что Пашка Соленый не редкий гость в этом доме. Он развязал узел и, встряхивая брюки с пиджаком, окинул коренастую фигуру матроса:

— Как раз по твоим костям...

— Прятать собрался?

— Угадал!— осклабился вожатый.— Так схороним, ни один легавый не найдет!

Пашка передал костюм Анархисту и обратился к бабке, возившейся возле самовара:

— Капитоновна, ты служила няней в госпитале?

— Служила, кормилец мой, служила.

— Стригла больных да раненых?

— Приходилось, соколик.

— Принимай!— Соленый вручил бабке блестящую машинку для стрижки и взглянул на рыжую копну волос Анархиста:— Придется снять гриву...

Ерш хотел плюнуть в насмешливую рожу Пашки, но вспомнил про неведомую Рысь и смирился. Он понял, что Соленый все делает по чужой указке...

— Где Рысь?

Пашка прнложил кривой палец к бледным губам:

— Цыть! Переодевайся...

— Где Рысь?

— Спать будешь т у т — иа сеновале...

— А Рысь?

— Прндет к тебе...

«Неужто тетка Вера?»— с усмешкой подумал Ерш и швыриул костюм:

— Сиачала волосы долой!

На дворе ночиая темень спрятала деревья, забор н хлев. Было тнхо. Где-то вдали лаялн собаки. Тянуло навозиым теплом. Под ногамн путалась солома...

Ерш взялся за лестнnцу, прислоиенную к коровнику, н стрижеиой головой почувствовал холодок. Он ладошкой потер затылок. И ледок спустнлся поинже, в самую душу. Не о такой жнзни ои мечтал, возвращаясь на родину.

«Забрили»,— с грустью подумал свободиый художиик, подиимаясь по лестнице.

Открылась дверца сеновала, и незнакомый голос (не то мужчииы, не то жеищнны) прошептал нз темиоты:

— Ложись и слушай...

— А ты кто?

— Не узиал, Жёра? — спросил иезиакомец с одесским акцентом.— Мы с тобой, кореш, вместе ходнлн в бардачок на Молдаванке, вместе наснльннчалн на Полтавщине, вместе удралн с фроита, вместе разбиралн рельсы под Волотом, когда кулакн бузнлн, вместе очистили кассу икоиописцев, вместе жарнлн в очко в шайке Леиьки Паителеева н вместе повнснем на одной перекладине, еслн попадем в лапы дзержинцев...

Ерш решнл, что перед ннм в самом деле собутыльннк родного батькн: только отец знал всю бнографию блудного сыиа.

— Рысь, что лн?

— Ша! Тюрьма рядом,— произнес одесснт н вдруг заговорнл по-старорусскн, снльно окая:— Оснпович, погомоннм по делу...

— Э, да ты артист!

Матрос протянул в темноте рукн, но Рысь, видать, обладал кошачьнм зреннем. Он чем-то металлическнм совершеино безошнбочно тюкнул Ерша по кнстн. Тот вскнпел:

— Ты что, жаба, ножа захотел?!

Темнота откликнулась хохотком. Теперь речь держал образованный интеллигент:

— Успокойтесь, пожалуйста, Георгий Осипович, к сожалению, мое время ограничено. Разрешите приступить, милейший...

Черт возьми, такое впечатление, что на сеновале минимум три собеседника. Ерш пожалел, что прихватил с собой лишь финку.

— Дайте закурить!

— Простите, Георгий Осипович, здесь курить нельзя: сено. И во-вторых, перед вами п о к а один человек...

— Что значит «пока»?

— Через час сюда придет женщина...

— Груня?!

— Я не уполномочен выдавать женские тайны.— В голосе незнакомца звучала профессорская нотка.— Пардон! Прошу к палитре, милый Рафаэль! Вы сможете нарисовать портрет владельца уникальной библиотеки?

— Зачем это?

— Сегодня, точнее, вчера Абрам Карлович Вейц, как только услышал о поисках матроса, явился в чека и заявил, что ночью его посетил рыжий моряк...

— Он стукач?!

— К сожалению, он слишком честный, добрый. Открыл для всех двери библиотеки, сдружился с комсомольцами, коммунистами и теперь мечтает руководить не церковным, а клубным хором. Другими словами, вы больше к нему ни шагу...

— А Груня где?

— Могу вас порадовать, ее пристроила в магазин ваша тетушка. И она же, Вера Павловна, нашла для Груни с братом комнату...

— У мадам Шур?

— Я восхищен вашей прозорливостью, сэр!

— К черту цирк! Дуй на своем языке!

— Ты Ерш, слишком много захотел для первой встречи,— упрекнул Рысь, нажимая на бархатные басы.— Тебе известна судьба твоих эскизов?

— Ты спер?

— Плох тот организатор, который все делает сам...

— Кто же?

— Сейчас важно не «кто?», а «з а ч е м?».

— Ну?

— Вот так «нукает» местный начальник угрозыска. Кстати, у него твои «Метаморфозы». Не советую с ним играть в карты. Он служил в армейской разведке: прошел огонь, воду и медные трубы!

— И великий мастер до ночных облав?

— Пустая ирония, Анархист! Если б не мои люди — ты сейчас сидел бы за решеткой.

— И много у тебя т а к и х помощников?

— Помощников много, а вот одаренного мастера кисти — ни одного!

— Зачем тебе кисть?

— Без нее не проведешь глубинной диверсии.

— Против кого?

— Против тех, кто сию минуту рыскает по городу, ищет тебя.

— А может, тебя, Рысь?

— Нет, Ерш, уполномоченный, умирая, стрелял из твоего браунинга по иконе твоей работы...

— Что за бред собачий?!— возмутился Анархист, чувствуя, что против своей воли влип в неприятную историю.— Выкладывай!

— Вот что, Жгловский,— в голосе незнакомца звякнул металл,— ты свои повелительные глаголы прибереги для других, а пока что слушай внимательно...

«Только открой карты»,— затаился Ерш, потирая ушиб на руке.

— Семь часов назад в чека состоялось экстренное совещание...

«Значит, среди чекистов твой агент».

— Обсуждали необычную смерть Рогова. Показание медицинской экспертизы и твое письмо погасили очаг подозрения: председатель чека и петроградский криминалист убеждены, что Рогов сам дал тебе фанеру и заказал иконы. Но не все чекисты — ученики Оношко. Молодой дзержинец Селезнев, председатель укома Калугин и начальник угро Воркун считают, что произошло убийство без убийства...

— Как понять?

— С пороком сердца живут до глубокой старости, а Рогову этой весной исполнилось тридцать три года — молодой человек в самом соку...

— Э, на такой работе и не такие надрываются!

— И в то же время з а к а л я ю т с я — так говорит наш местный философ Калугин...

«Уж не ты ли этот философ?»

— Селезнев н Воркун под руководством Калугнна продолжают понск. Твое показание было бы нм на руку...
«Что я н сделаю»,— решнл Анархнст.
— Но Проннн н Оношко, одураченые, отомстят тебе...
— За уголовщину не ставят к стенке!
— Ты в восемнадцатом разбирал рельсы не радн ограблення «пассажнров»: онн везли с собой не мешкн с хлебом да картошкой, а внитовкн...
— Не я шлепнул Мнронова! Его из «централки», а у меня наган.
— Вот н расскажн ревтрибуналу, как палил нз своего нагана по красноармейскнм теплушкам...
— Четыре года! За давностью лет...
— Тебя погладят по головке: «Молодец, товарищ Жгловскнй, все четыре года честно работал на советскую власть — с фронта сбежал, артель обокрал, Пантелееву подыграл, родную тетку нзнасиловал...»
— Заткнись! Тетка радехонька была...
— В ту мннуту. А на суде — отомстит тебе за Груню!
— Куда рулншь, гад шнпучнй?!
— Курс у нас с тобой однн, дорогой соратник!
— К черту! Я сыт политикой по горло. Мне бы мастерскую да Груню...
— Обеспеченную жнзнь, свободу творчества, а кругом днктатура пролетарната. О чем мечтаешь?
— А ты? Днктатуру подорвать? Бред снвой кобылы! Чекисты раскрывают однн заговор за другнм. Эсеры, меньшевнкн, анархнсты раздавлены. И фракцноеры ндут ко дну. С кем взрывать-то?
— Есть снла! И неотразнмая! — Голос Рыси стал вкрадчнвым.— Волга — без хлеба. Голод расползается. Власть готова нзъять церковные ценностн. И патриарх Тнхон — я только что от него — шлет секретное посланне: «Не давать! Бороться!» Вся православная Русь до самых ее глубнн взорвется гневом. А мы с тобой — масла в огонь: бей, гонн нехрнстей!
— Черт, ты же не верншь в бога!
— Зато верю, что эта днверсня разом обезглавит исполкомы н укомы: онн ведь первымн полезут в рнзнццы...
— Чтоб помочь голодающнм!
— Голод — кара божья! Патрнарх ясно указует: «Важно не что давать, а кому давать». Редкая снтуацня! Голод толкнет большевнков на грабеж, а верующне задушат грабнтелей...
— А ежелн просчет?

— Днтя человечества! Здешний комнссар лишь нацелнлся на чудотворную, а верующне уже охранников выставнли.— Рысь торжественно изменил интонацню.— А представь, начнется грабеж. Да еще среди белого дня! Да еще по всей Руси! Гиев фанатнков страшен! Кто устоит?!

— А я тут при чем?

— Не дурн! Груия ведь верующая: без веица не возьмешь ее. А в храм пойдет с тобой, еслн ты защнтишь этот храм. Ее любовь надо завоевать. Для этого тебя доставнм в Боровнчи. Там возглавишь иародное ополченне. Комаидир ты волевой, смелый. Разгромнщь грабителей церквей. Займешь особняк — освятншь мастерскую. А Груия будет при тебе не только натурщнцей. Уразумел?

— Порядок! Одно тумаиио: как можио убить не убивая?

Вместо ответа где-то рядом промычала корова.

— Время! Твоя пришла,— весело нзвестил Рысь н зашуршал в сеие.

Не успела проскрипеть дверца с правой стороиы сеновала, как распахнулась левая дверца и пахиуло бабьнм потом.

— Где ты, люба моя?..— услышал Ерш теткин голос.

«Вот черт, и тут нашла»,— с досадой подумал он н тнхо спросил:

— Ты знаешь Рысь? Кто ои?

— Не знаю. Первый раз слышу. Меия привела Капнтоновна,— взволнованио проговорила тетка Вера и протянула теплые дрожащие руки:— Ой, наскучалась без тебя...

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

Хороинлн Рогова на Симоновском погосте. Тягучне звукн военного духового оркестра внушалн Алексею мыслн о бренности бытия, а полуденное солнце убеждало в обратном, весело играя иа блестящей медн, на золотом кресте белой церковки и даже на серебристой листве плакучей ивы.

Красный открытый гроб возвышался над свежей могнлой. Речь профессора Оиошко — образиая, прочувствованная — тронула всех. Алеша смотрел иа ученого-крнмнналиста с уваженнем. Тот взял шефство над ним и обещал сделать его классным агентом.

Но вот заговорил Воркун, и все еще ниже склонили головы. Кажется, и слова простые, и фразы несобранные, а Леша с трудом сдерживал слезы. За три дня поисков Анархиста Леша крепко подружился с Иваном Матвеевичем, только обидно, очень обидно: Ерш как в воду канул.

После Воркуна к изголовью покойника подошла Тамара Александровна. Она, во всем черном, склонилась над гробом и зарыдала. Ее обняла Лешина мама.

Пряча слезы, Алеша перевел взгляд на огромный венок из белых роз и прочитал на шелковой ленте надпись: «Дорогому Лене — Н. О.». Кто же скрывался за этими двумя буквами?

Алеша плечом задел приятеля и глазами показал на венок с загадочной надписью.

Сеня Селезнев с фуражкой в руке, неопределенно пожал плечами: не то хотел сказать, что сам не знает, не то дал понять, что не та обстановка для подобных расспросов.

Первый комок земли на гроб бросил Карп Рогов. Сеня предполагает, что Карп, уйдя из дому, прихватил не только свои вещички, но и дневник брата.

Покидая кладбище, Леша приблизился к приятелю, хотел повторить вопрос насчет «Н. О.», но Сеня перебил его мысль:

— Сегодня ночью обокрали-обчистили гадалку...

— Кто? Ерш?

— К сожалению, друг-приятель, визитной карточки не оставили...— съязвил Сеня.

Молодой чекист сердился на Лешу за то, что тот предпочел заниматься не в кружке Калугина, а с ученым криминалистом. Сеня прибавил шагу и, надевая фуражку, крикнул товарищу:

— Вечером у фонтана!

Курорт — резиденция Сени Селезнева. Обычно чекист переодевался в штатский костюм и проводил время там, где чаще всего отдыхали приезжие из других городов: музыкальный «пятачок», летний ресторан, теннисная площадка и футбольное поле.

Алеша обошел солнечную площадку с эстрадой, похожей на гигантскую раковину, и направился к высокому фонтану. Мощный источник бил под самый стеклянный купол.

Здесь взлет студеной воды и приток разогретого воздуха из южной арки заполняли застекленный шатер теплой прохладой. А по ногам, как всегда, гулял сквознячок. Он-то и принес сложный букет запахов: пахнуло свежим шоколадом и в то же время едко-соленой, лежалой минеральной грязью.

Юноша повел носом. На чугунной скамейке одиноко сидела незнакомая девушка с коробкой на коленях. Она привлекла его внимание не потому, что сидела в тени, а глаза щурила, словно глядела на солнце; и не потому, что блондинка была тоненькая, хрупкая, а косы у нее толстые, тугие, будто взяли от нее все соки; и не потому, что на фоне ее бледных, чуточку впалых щек губы казались яркими-яркими; и совсем не потому, что ее белоснежное платье из тончайшего маркизета насытилось влагой и местами прилипло к телу, оттеняя стройность фигуры.

Обычно Леша не заглядывался на курортных девушек: он понимал, что у него и манеры не те, и костюм не тот. Но приезжая привлекла его внимание: она ела душистые шоколадные конфеты!

В наше время свежий шоколад! Откуда? Сахара и того нигде нет!

Прошлым летом на станции схватили шпиона: у него отобрали оружие, поддельные документы и десять плиток шоколада. Может, и эта птичка прилетела из-за границы?

За спиной незнакомки пестрел рекламный щит курзала. Афиша извещала о сеансе гипноза. Леша сделал вид, что занят афишей, а сам незаметно бросил взгляд на круглую коробку с иностранной надписью.

Надпись запомнить нетрудно. Еще школьником Леша придумал числовую таблицу, с помощью которой любой предмет закреплялся в сознании одним признаком, затем двумя, потом тремя и т. д. Например, во всем мире только *одна* Старая Русса: больше такого города нет. Русса расположена на *двух* реках: Перерытице и Полисти. Город делится на *три* части: Вокзальную, Торговую и Соборную. В Руссе *четыре* достопримечательности: курорт, фанерная фабрика, дом Достоевского и старинная икона Старорусской богоматери. Лешина таблица помогла ему закончить школу с похвальной характеристикой.

Сеня опаздывал — видимо, заигрался в теннис.

Вот цементный корт, разделенный сеткой. Кругом гладкой площадки могучие деревья и длинные скамейки. На одной из них, в группе спортсменов, с ракеткой в руке,

сидит Селезнев. На нем рубашка апаш, белые брюки и мягкие лосевые сандалии. Светлый вихор прижат невидимой шелковой сеточкой. Алексей отозвал приятеля в сторону:

— Сеня, хочешь шоколаду?

— Розыгрыш? — Селезнев глазами прощупал карманы друга.

Алеша обрисовал коробку с красочным ярлычком: «Фигаро». Чекист заинтересовался: конфеты «Фигаро» и духи «Коти» — французского происхождения. Духи завез в Руссу Ерш Анархист. Возможно, и шоколад от него?

— Проверим, Лешка-Крошка...

Леша оживился. Не исключена возможность, что Рысь женщина. И может быть, будущий агент напал на верный след. При вскрытии трупа Рогова в желудке обнаружили шоколад: тут есть что проверить...

Смыслов не без волнения окинул взглядом сидящих возле водяного обелиска с радугой:

— Вон она...

Но что с чекистом? Всматриваясь в бледнолицую блондинку, он все шире и шире разгоиял по щекам улыбку:

— Тоже мне иностранка,— подмигнул Сеня.— Незнакомка давно знакомая.

— Нет, Сеня, одно из двух: либо ты ее знаешь, и она тебе знакома; либо ты не знаешь ее, и тогда она незнакомка. Третье — исключается. Таков закон логики!

— На бумаге! В жизни, друг-приятель, иначе. Я лично не знаком с ней, но знаю, что ее зовут Ниной, что она приехала из Питера и что она родная дочь профессора Оношко...

— Акима Афанасьевича?!— воскликнул Алеша.

— Да, того самого криминалиста, который запутал следствие и тебе мозги пудрит.— Сеня ракеткой накрыл лицо приятеля:— Так что Нина мне действительно знакомая незнакомка! Вот тебе и «закон логики»! Дошло-доехало?

За последнее время Леша наталкивался на факты, которые не укладывались в рамки логического правила «ЛИБО — ЛИБО». В жизни в самом деле родинились чуждые друг другу вещи: зло и добро, грязь и чистота, холод и тепло. Прошлые преступления помогли Федьке Лунатику стать полезным агентом. Сеня Селезнев, не зная логики, побеждает в споре.

Нет, Алеша нзучал учебиик Челпанова ие для того, чтобы сдаваться без боя:

— Поймн, Сеня, два враждебных признака, подобно двум медведям, не жнвут в одной берлоге!...

— Жнвут! Смотри-гляди!— Сеия ракеткой указал на водяной столб фонтана:— Сразу — и вверх и вннз! И взлет н паденне! Одна струя н миллиард пылниок! Подземиая, древияя вода, и оиа же открытая, сегодняшияя! Словом, тебе кнпящую «стужу», а мие шоколад!..

Сеня подошел к скамейке и смело представился петроградке. Шум воды заглушил их голоса. Но и без слов было ясно: «агеит» опять опростоволосился. И вообще ие везет ему: брауииг провороиил и Ерша ие поймал...

Вот днво, теперь фонтан ие ласкал, а раздражал слух. Да и все другое, куда ие взглянешь, предстало в ниом свете. Там, иа дальиевосточиом «пятаке», иашн отцы кровь проливают, а тут, иа солиечном «пятачке», военный духовой оркестр наяривает «Камариискую». На Волге суховей погубнл хлеб, люди с ужасом смотрят иа палящее солнце, а здесь, на озерке, нежатся, загорают, прогреваются лучами, а кое-кто пожирает сласти.

Все же загадочио: перед смертью Рогов ел шоколад. Тот, кто угостил его, был, возможио, последиим свнделем.

Вспомннлось кладбище, гроб, цветы, и вдруг озарнло: да ведь «Н. О.»— это же «Нниа Оиошко». Выходит, дочь профессора хорошо зиала уполиомочеииого губчека...

Нет, Сеия, хорошо смеется тот, кто смеется последиим!

Пестрые плакаты прнглашалн в курзал: «Все иа митинг!», «Спасите братьев от голода!». Комсомольцы курорта выступили застрельщиками сбора средств в помощь голодающнм. Леша заготовил три сотии красиых флажочков для продажн и семь жестяиых кружек.

В большом зале свет выключили. Леша сел в последнем ряду. Глаза еще не освоились с полумраком, и он ие рассмотрел своего соседа, ио по запаху дегтя н махорки Леша безошнбочно определил, что рядом с иим прикориул сторож курорта...

— Дядя Гераснм,— ои мягко разбудил бородача.— Оратор иа сцеие...

Леша зиал, что профессор Оиошко добровольио вызвался работать в комиссии по оказаиию помощи голодающим волжанам, и ие без гордости слушал речь Акима Афаиасьевича:

— Положение бедственное. Голодающие поедают собак, кошек и даже сусликов...

В открытые двери помещения ворвался шум Муравьевского фонтана. В светлом проеме показалась тонкая фигура регента Вейца. Сегодня Леша ходил к нему за книгой и был свидетелем, как Абрам Карлович пожертвовал золотые часы сборщику Помгола.[1]

Прижимаясь к соседу, Леша прошептал:

— Дядя Герасим, давай по мешочку картошки...

Сторож одобрительно мотнул бородой и, думая о своем, загудел в ухо комсомольцу:

— Слетай к Воркуну. Этой ночью на главной аллее видел прыгуна в белом саване...

Контора курорта рядом с Летним театром. Леша позвонил по телефону, но Ивана Матвеевича не оказалось на месте.

Леша зашел домой поужинать и порядком удивился. За кухонным столом с матерью беседовал Воркун, а возле ног начальника угрозыска лежала Пальма.

— А вот и сам комсомолец!— обрадовался гость и протянул Леше крепкую сильную ладонь:— К тебе... по делу... Насчет монастыря...

— А что там приключилось?

Мать с упреком посмотрела на сына. Сегодня ночью мать и Ланская тайно заказали панихиду: Тамара Александровна оплакивала Леонида, а Прасковья молилась за мужа-воина. Из монастырской часовни, расположенной в угловой башенке ограды, подруги вышли в темноте. И услышали, как в стороне от кладбища лязгали лопаты: кто-то рыл землю. Мать рассказала сыну о таинственном захоронении и просила его помалкивать о том.

— Мне могло и почудиться,— смягчила Прасковья свой рассказ и умоляюще взглянула на Воркуна:— Иной раз пес так цепью лязгает...

— Бывает, мамаша,— согласился Воркун и незаметно подмигнул Алеше:— Ну-ка, сынок, покажи свою машину...

Они прошли в сени. Осматривая дамский велосипед, Иван Матвеевич хвалил машину громко, а инструктировал тихо:

— У гадалки взято, запомни, три золотых монеты по пять рублей, диадема с крупными бриллиантами, колье

[1] Помгол — Комитет помощи голодающим на Волге.

с шестью рубниами, два платииовых слитка, дюжииа золочеиых ложек, разиые кольца и старниный перстеиь с мальтийским крестом. Да еще пачка иностраииой валюты. Повтори...

Повторяя, Леша думал: «Все это иочью зарыли».

Воркуи похвалил комсомольца за хорошую память и попросил его поездить по городу:

— На базар загляии, иа пристаиь, иа станцию: присмотрись, прислушайся. Ну, а потом ко мие...

— А в моиастырь?

— Пошукай и там...

Леша проводил иачальиика угро до горбатого мостика и тут вспомиил иаказ Герасима. Иван Матвеевич выслушал виимательио, но видио было — ие придал особого значеиия сигиалу сторожа...

— Ну что ж, дружище, будет желаиие — пройдись иочью по аллеям...

«Вот бы с Пальмой»,— мечтательио прикииул Алеша и вериулся домой.

После ужина Леша прошел в глубину парка, присмотрел место для иочиой засады и отправился в гостииицу к профессору иа заиятие. Ои будет рад, если Нииа окажется дома и послушает, как ее отец, профессор, стаиет экзамеиовать учеиика по логике. Не зря Алешииого деда прозвали Смысловым...

ДОЧЬ ПРОТИВ ОТЦА

После удачиого выступлеиия иа городском митииге и сытиого ужииа в летием ресторане Аким Афаиасьевич возвращался в гостииицу, с трех сторои окружеииую деревьями парка. Сейчас ои приляжет иа диван и прочитает свежие газеты.

Дымя трубкой, ои открыл дверь иомера и воскликиул:

— А-а, дочурка!

Нииа, сидевшая в темиом углу иа мягком стуле, пошевельиулась, перекинула косы за плечи.

— Папа, ты встретил Карпа?

— Ои был здесь? Что ему иужио?

— Поговорить с тобой иаедине без свидетелей.

— Не желаю говорить!— Профессор расстегиул пиджак и сиял чериую бабочку.— Карп скомпрометировал себя, Лаискую и тем самым ускорил смерть брата...

— Неправда, папуля!— мягко-ироиически возразила

дочь.— Карп честный. Он полез в окно, потому что Ланская разлюбила Леонида. Он вышел из партии, потому что не согласен с ее новой политикой. Он действует открыто, а ты, папочка...

— Что я?— Несмотря на свою полноту, отец поднялся на носки.— Что я?

— Ты обманул Карпа. Ты же хотел упрятать Ланскую!

Нина вскочила со стула и насмешливо осмотрела толстяка. Он поймал ее взгляд и смущенно ощупал однобортный чесучовый пиджак и широкие белые брюки.

— Что-нибудь... не в порядке?

— Да!— бросила она.— На тебе пятно!

Дочь направилась к двери, но отец задержал ее:

— Нет уж, Нинок, выслушай! И прости за грубость, но ты сама вынудила. Карп сказал, зачем он лез в спальню к вдове?

— Папуля, родимый, если бы ты имел такую же спортивную фигуру...

— Прошу без пошлостей!— У толстяка покраснела шея.— Так знай, дочка, Карп — насильник! Преследует беззащитную вдову. И наш долг с тобой — оберечь ее!

— Оберегай, пожалуйста, но зачем лгать?— Дочь встала к нему лицом.— Как можно смотреть близкому человеку в глаза и врать?!

Профессор отступил назад, задымил трубкой.

— Наивное дитя, у тебя за плечами один университет. Ты еще не жила! А жизнь без стратагемы невозможна! Врач обманывает больного...

— Обманывай! Но меня не учи.— Нина откинула косы.— И ты знай! Я сказала Карпу все!

— Что все?!

— Кто прятал ее и кто уговаривает ее бежать в Петроград.

— Ты шутишь?— Аким Афанасьевич с надеждой заглянул в глаза дочери:— Да?

— Нет, отец! Я еще три дня назад хотела сказать Карпу, пошла к нему на дом, ждала его, но он не пришел: сменил квартиру. Ему очень тяжело без брата...

— Тяжело? А кто ударил Леонида рукояткой нагана по руке?

— Карп вспыльчив.

— Но ты-то, трезвая умом, как могла поставить меня в такое пиковое положение?

— Ты сам себя поставил. Где твое благоразумие, профессор? Пузан. Подагрик. И с такой плешью воло-

чнться за красивой женщиной! Неужели ты не поимаешь...

— Замолчн!— прнтопнул ои ногой.— Запрещаю! Категорнчески запрещаю говорить со мной такнм тоном. Иначе я тоже не пощажу твое чувство, Ннна Акимовиа.

— Ты что имеешь в внду?— сощурилась она.— Мой флнрт с Роговым?

— Для тебя флнрт, а для него контроверза: он любнт давио, и любит только одну женщину. Он встречался с тобой, чтобы вызвать у нее чувство ревиостн. Это была его последияя попытка вернуть любнмую.

— А ты, папочка, знал это н помалкнвал?

— Не знал! Клянусь твоей матерью! И сейчас не знаю, а так просто, в пнку тебе...

Дочь улыбиулась н шагнула к пустой вазе с голубым орнаментом:

— Папа, где букет?

— Преподиес моей санитарке.

— Точиее, медсестре Тамаре Александровие Лаиской?

— Она лечит меия!

— Неправда, папуля!— покачала головой Нииа.— Ланская работает в процедуриой, где ванны, а не грязн...

— Святая Марня!— Отец тяжело опустился иа днваи.— Что тебе нужно от меня?!

— Не ставь себя в смешное положенне! Карп слышал твое сегодняшнее прнзнанне Ланской...

— Подслушнвал, мерзавец?

— Он любит ее н готов на все...

— Я тоже люблю н готов на все!

— Даже на дуэль?— засмеялась оиа, направляясь к выходу.— Карп обещал зайтн к тебе...

Акнм Афанасьевич улегся на диване, но так и не тронул газеты.

Прошлым летом, отдыхая на берегах Полистн, Оиошко посетнл Летннй театр, где шла опера Даргомыжского «Русалка». Лучшнй голос приiадлежал молодой певице, исполнявшей партию княгннн. В антракте профессор раздобыл цветы н прошел за кулисы. Завязалось знакомство. Затем перепнска. Предложеине н решнтельный отказ: «Люблю другого». Но в этот приезд у него зародилась иадежда. Неожндаииая смерть Рогова, прнставання Карпа н сильное желаиие поступить в коисерваторию — все это понуднло Лаискую задуматься о переезде в Петроград.

В Руссе оиа, коиечио, загубит свой талаит. Кто у иее учнтеля? Сварог — великолепиый художннк, одареииый музыкаит, ио не днрижер. Илн регеит Вейц: у иего абсолютиый слух, ио иикакой системы обучения. Оиошко предложил ей свою квартнру иа Невском и свое покровительство. Ои сказал сегодия:

— Драгоцениая Тамара Александровиа, одио из двух: лнбо Русса и церковиый хор, либо Северная Пальмира и академическая сцеиа. Выбирайте...

Оиа подумает. Перспектнва замаичива. И возможио, певнца с камелнямн переборет певчую со свечой в руке. Тем более что Карп бродит за иеи как тень...

Учеиый-кримнналист метнул взгляд иа дверь. Если Карп в самом деле потребует иевозможиого да еще пустит в ход кулакн, то лучше разговаривать с ревиивцем при свнделелях. Он с кряхтеиием встал и запер дверь.

Профессор прнпомнил рассказ Леоиида о младшем брате. Однажды белоказаки налетели иа штаб полка. Ночиые крнкн, выстрелы ие нспугалн Карпа. Ои подиял иа колокольню ящик с гранатами — помог штабистам отстоять полковое знамя. С гражданской войиы Карп вернулся с имениым нагаиом. Работая секретарем трибунала, младший Рогов ие пропускал ин одной облавы на самогонщиков. Ои любил рисковаииые операцнн н добровольно помогал то милнции, то чека...

— Нет, иет, ие посмеет!— рассудил Оиошко, прислушнваясь к шагам в коридоре.— У меия тоже имеются заслуги... Революцню встретил с красным баитом иа груди. Охотио возглавил кафедру кримнналистики. И до снх пор бесплатио читаю лекции чекнстам. Тот же Проиии ие даст меия в обиду...

Аким Афаиасьевич подошел к пнсьменному столу, выдвииул ящнк, иащупал брауииинг.

В это время постучали в дверь. Ноги сразу отяжелели. На часах — ровио восемь. Осевшим голосом он спроснл:

— Кто там?

Учеиый-кримииалнст с трудом прнзиал басок своего учеиика. Зато, открыв дверь, просиял:

— Лешенька! Мальчнк мой! Как я рад! Прошу к столу!..

Вечериий холодиоватый свет путался в табачном облаке. Профессор пожурил себя за прокуреииый воздух в иомере и пошире распахиул окио, смотревшее на солеиое озерко с подковообразной крытой террасой...

Учитель не крнвил душой: в лице Алексея Смыслова он нашел ие только одареииого учеиика, ио н козырь в борьбе с протнвниками формальиой логикн. Оин уверяют, что наука о логическом мышлении ие нужна пролетарской молодежн, что молодое поколеиие иадо вооружать иекоей «диалектикой». А вот рабочий пареиь, каталь Старорусского курорта, ие расстается с учебииком логики...

— Я вижу, коллега, вы чем-то озабочеиы?

Алеша утвердительно кивнул головой и тихо сказал:

— В парке,— ои указал иа окио,— появился иочиой попрыгуичик...

— Смею заверить вас, молодой человек, время попрыгуичиков миновало.— Толстяк положил на край стола два пухлых пальца: — Лучше, коллега, проаиализируем два загадочиых обстоятельства: каким образом ваш браунииг оказался иа столе Рогова и кто прииес на чердак фаиериую икону?

— Я так думаю,— начал Алеша, пряча грубоватые руки,— и браунииг выкрал, и образ прииес Ерш.

— Какие аргумеиты?

— Я сам видел, как Ерш иа базаре о чем-то беседовал с Карпом Роговым. Мне даже показалось, что Карп что-то вымеиял у матроса. Оии договорились о встрече в бильярдиой...

— Допустим, что оии встретились в бильярдиой.— Криминалист покосился иа кровать (ему вдруг показалось, что под нею спрятался Карп).— А дальше что, коллега?

— А дальше Карп решил убрать своего сопериика и подкупил Ерша — поручил ему докоиать больиого брата. Сеия Селезиев говорит, что убить можио ие убивая...

— Каким способом?

— Пснхической атакой.— Алеша пояснил без жестов.— В прошлом году Леоиид Силыч вытащил из чулаиа икоиу, расстрелял ее, бросил в садовую яму и ушел иа работу. Вдруг телефоииый звоиок: «Говорит простреленная икоиа: да отсохнут твои руки!» Он засмеялся. А вечером, вериувшись домой, увидел у себя на чердаке продырявлеииую икоиу...

— И что?

— Сжег ее! А Карп еще долго подшучивал иад братом: «Не троиь чудотвориую — явится с косой!»

— Допустнм, что фанериую нкоиу прииес Аиархист, но почему же Пальма не взяла след?

— Ерш привез из-за границы ие только бельгийский браунииг, французский шоколад и духи, но и особый порошок для уиичтожеиия запаха.

— Логичио!— Кримииалист заглянул в сииие глаза учеиика.— Можете своей мысли придать форму силлогизма?

— Попробую.— Леша придвииулся к открытому окну и глазами показал на три озерца:— Готовый силлогизм! Большое озерцо — большая посылка. Средиее озерцо — средняя посылка. А Малое, или Нижиее,— вывод из двух предыдущих озер...

— Похвальио, мальчик мой!— Профессор зиал, что все три солеиых бассейиа соедииены между собой протоками, ио сможет ли ученик иаглядиую схему силлогизма заполнить содержанием:— Итак, коллега, большая посылка... меиьшая посылка... и вывод...

Алеша ие замедлил:

— ВСЯКИЙ ОБЕЗУМЕВШИЙ РЕВНИВЕЦ — ВОЗМОЖНЫЙ УБИЙЦА.

КАРП — ОБЕЗУМЕВШИЙ РЕВНИВЕЦ.

ЗНАЧИТ, КАРП — ВОЗМОЖНЫЙ УБИЙЦА!

— Умница! Великолепио! — Король логики снова задымил трубкой и зашагал по комиате.— Откроюсь, коллега! Давио мечтаю иаписать учебиик, максимальио иасыщеииый иаглядиостью. Например, вы, следователь, снимаете копию следа с меткой.— Он трубкой указал на пол:— Случай из вашей практики: каблук со сломаиной подковкой. Ваша задача — установить тождество, полиое совпадение ершовского ботиика с вашей зарисовкой следа. Это ие так просто, ибо Аиархист мог иадеть чужую обувь, чтобы запутать сыщика. В криминалистике, изучающей методы и технику расследоваиия, это установление тождества называется и д е и т и ф и к а ц и е й.

Заложив руки за спииу, учеиый выпятил грудь:

— Обычио кримииалисты идеитификацию поиимают узко — как прием устаиовлеиия тождества лица и вещи. Ваш же покорный слуга,— он взял со стола переплетеиную рукопись,— возводит идеитификацию в осиовиой з а к о н криминалистики, ибо устаиовлеиие тождества есть выражение осиовиого прииципа логики...

— «А» есть «А»?

— Абсолютио так!— Профессор всплесиул короткими руками:— Из вас выйдет первоклассиый сыщик!

Смущаясь, учеиик призиался, что в споре его всегда забивает Сеия Селезиев, и спросил:

— А что такое диалектнка?

— Искусство спорить,— отмахнулся профессор.— Она иужиа для юрнста, адвоката, ио ие для следователя. Запоминте, юноша, вся кримнналистика зиждется иа законах формальной логнки...

Акнм Афаиасьевич видел, как внимательио слушал его учеиик, н совершеино забыл про Карпа. Но вот тема первого урока исчерпаиа. За окном уже сумеркн.

Профессор проводил юношу до Муравьевского фонтаиа, подышал свежестью источннка, вернулся в номер н остолбеиел: иа днваие сндел Карп, свеснв клешнястые руки.

— Входн!— скомандовал черномазый, свнрепо блеснув глазамн.

Оиемевший толстяк с трудом передвииул распухшне ноги...

ЖИВОЙ ПРИЗРАК

Алексей зашел домой за фникой. А маску, парик, наручиики отнес в чулаи. Еще недавио ои, подражая Шерлоку Холмсу, сидел в кресле и дымил трубкой. И неважно, что кресло самодельиое н трубка не глиняная, а лнповая, дедовская, с бочоиком на конце, да и табак, поиятио, не из далекой колоиии, а из дядииого огорода. Но так или ииаче старорусский сыщик окутывал себя табачиой завесой н продумывал «план действия».

Игре прншел коиец. Алеша почтн агеит угро: Воркуи доверкл ему проверку «снгнала»! Не может быть, чтобы Герасим куст белой акации принял за привидение. Скорее всего, ночиой прнзрак — переодетый Анархнст. Правда, профессор Оношко улыбается, хотя в первый день знакомства сам же сказал, что малые города всегда подражают большим с некоторым запозданием. Вот с иекоторым запозданием питерский попрыгуичик н прнскакал в Руссу. Леша даже в темиоте прнзиáет Ерша Аиархнста: у налетчнка шнроченная грудь, хрипловатый голос н походка вразвалку. Коиечио, одиому трудновато задержать матерого волка, ио выследить его логово можно.

Мать дежурила в ночь. Алеша доел овсяиый кисель с молоком, но не успел подняться нз-за стола, как распахнулась дверь и на пороге заулыбался приятель, в казацкой фуражке, с маузером сбоку:

— Сеия!— обрадовался Леша.— Со миой в засаду?

— Нет, Алеха, мой пост — сторожка-проходиая курорта. А ты, если что, свистии, вызови иа помощь. Учел?

Леша рад и ие рад такому обороту дела: с одиой стороиы, доверие, а с другой — коитроль и подстраховка. Ои молча слушал молодого чекиста. Тот поставил перед иим двойиую задачу:

— Выясии, дружок-приятель, с какой целью живой покойиик бродит иочью. И проследи, куда ои сховается. Чуешь?

— Чую, да ие все!— усмехиулся Леша.— Как так «живой покойиик»? Если живой, зиачит, ие мертвый, а если мертвец, зиачит, ие живой. У тебя, Сеия, явиое противоречие...

— Ой ли?— Сеия тряхиул светлым чубом и указал иа потемиевшее окио:— Баидюга — труп! Его ждет расстрел. Но труп пока еще жив и опасеи. Гляди в оба! Дошло?

Опять Сеия забил его в споре. Леша спросил:

— Ты сколько классов окоичил?

— Моя аикета у Калугииа. Зайди к иему...

— А что мие в Калугиие-то?

— Вот те раз! — развел руками Сеия.— Председатель укома! Бывший учитель! Зиаток природы, в песчиике гору видит. Я же тебе говорил: у иас в чека кружок ведет...

— Обучает искусству спорить?

— Бывает, что и спорим-дискутируем. Но любо-дорого ие это! Калугии учит видеть то, что ие видио. Заходи, послушай!

— Некогда.— Леша важио иаправился в сеии.— Со миой заиимается сам профессор Оиошко...

— Подиимай выше! Учеиый-кримииалист!— провозгласил приятель, хлопиув себя по животу:— Только вот у иего брюхо — помеха!

— В чем помеха?

— Читает, скажем, лекцию: «Агеит должеи быть ловким, подтяиутым», а сам еле иоги тяиет. Или говорит о страшиом голоде, а у самого от жира лосится ряшка!

— Излишияя полиота — от больиого сердца.

— А ты ие обжирайся — и сердце ие заболит!

Сеия миновал горбатый мостик и посмотрел в сторону лесиой чериоты:

— Начии с лимаиа. И ие забудь: туго придется — дай сигиал. Договорились?

Леша утвердительио кивиул головой.

В темноте хорошо изведанные места казались незнакомыми. Широкая песчаная аллея сузилась, а скамейки прижались к земле. Куда-то исчез дуб: все деревья слились в сплошную массу. И звезд не видно, над головой нависла длинная туча, похожая на богатырскую палицу.

Теплая ночь, словно ожидая удара, притихла, насторожилась. За спиной Алеши ритмично скрипел дергач. Болотная птица, имея крылья, разучилась летать. Вот так и человек: забудет о своей мечте и приживется к мещанскому болотцу.

Алексей переживал горечь очередной ошибки: принял русскую за иностранку и ее же, дочь криминалиста, за шпионку. Нет, скорее всего Ерш и Рысь — одно лицо. Если его сцапать — многое прояснится...

Напрягая слух, Алеша вышагивал медленно. На нем потертая кепка, рабочие штаны и отцов пиджак, пропахший махоркой и суриком. В правом кармане — финка.

А вот и место ночной засады. Впереди высоким стогом чернела «беседка любви». Не там ли попрыгунчик?

Если сейчас выскочит саван, Леша испугается, но не убежит. Увы, по Челпанову, трусость исключает храбрость. А в жизни Леша, испытывая страх, всегда поступал смело. Больше того, иногда страх-то и толкал его на геройство. Ему нравилось, испытывая боязнь, бороться с нею. Еще ребенком, страшась ведьмы, любил сказку про бабу-ягу. Пугался темных углов, а лез в глухой чулан. Избегал холодной воды, а переплыл на льдине Полисть. В нем уживались трусишка и отчаянный парень.

Вот и сейчас почудился шорох, и Леша готов сверкнуть пятками, но пристыдил себя: уж больно паникерство не вязалось с его дюжей фигурой, твердой походкой и давней мечтой — ловить бандитов.

Зажав крепче финку, Леша заглянул в беседку, обвитую хмелем. Никого! Редкий случай: это уединенное место в парке всегда занято влюбленными. И здесь же удобное место для грабежа.

Рядом с беседкой он нашел елку и лег под нее. План засады прост: если налетчик будет угрожать своей жертве, то Леша, конечно, окажет помощь. Но если преступник попытается улизнуть с награбленным добром, то ему все равно не избежать ареста. Ну а если окажется шайка, тогда придется вызвать приятеля.

Он приподнялся на локтях. На песчаной дорожке послышались легкие шаги.

Потом из лесной темноты выступило продолговатое

белое пятно. Оно чуть заметно колыхалось, точно шло на ходулях. Леша опять прижался к земле. Еле дыша, он поджидал «привидение». Узкий саван и легкая походка подсказали Алексею, что приближался не Ерш Анархист...

Но что такое? Белый саван повис в воздухе. Видать, живой призрак почуял опасность.

Не уйдешь! Алексей приподнялся и прыгнул на аллею.

— Стой!— крикнул он басисто.

Попрыгунчик слегка качнулся и, всматриваясь, неожиданно усмехнулся:

— У вас почему рука дрожит?

Шагнув вперед, Алеша различил девичью фигуру в белой накидке. Большие темные глаза походили на впадины.

— Ты кто такая?!— строго спросил он.

— Ваше обращение на «ты»— признак близости. Вы давно знаете меня?

«Зубастая»,— подумал Алеша и, смягчая голос, сказал:

— Танцы закончились. Зачем полуночничаете?

— Люблю ночные прогулки...

— Одна? И не боитесь?

— Мистер Шерлок Холмс, вы сегодня дважды напали на ложный след...

— Нина?!— изумился Алеша.— Зачем вы здесь? И в таком костюме?!

— Костюм летний. Люди в темноте шарахаются от меня, а вы накинулись. Не случайно мой отец заинтересовался вами...

Леша смущенно пробурчал:

— Проводить вас?

— Спасибо. Я не боюсь. Впрочем, у меня недоброе предчувствие.— Она зашагала рядом с Алешей.— Сегодня весь день один вспыльчивый субъект пытался объясниться с моим отцом...

— Карп, что ли?

— Да!— отозвалась Нина и прибавила шагу.— Как вы думаете, сколько людей ежедневно на нашей планете ссорятся из-за ревности?

— А разве есть такая статистика?

— Скорее, можно ли учесть?

Леша вспомнил, как однажды Карп ревниво грозил старшему брату: «Убью! Дом сожгу!»

Нина намекнула, что отец взял шефство над певицей Ланской, а Карп категорически против этого шефства.

— Пойдемте, Алешенька, быстрее!

И оин устремились иа шум Муравьевского фоитаиа...

Профессор Оношко лежал в постели. Он был еще в обмороке. Возле его хлопотала дежурная сестра Тамара Лаиская. Она, в белом халате и белой косынке, положила шприц на столик и растеряниыми глазамн встретнла Нниу с Алешей:

— Не беспокойтесь... пульс нормальиый...

Леша остановился в дверях, а дочь кииулась к отцу:

— Что с инм, Тамара Александровиа?

— Нервный шок...

Акнм Афанасьевич открыл глаза. Он вииовато посмотрел на дочь, на Ланскую, на своего учеинка н снова сомкиул отяжелевшне веки.

Нниа отозвала в сторону Тамару Алексаидровну н вопроснтельиым жестом обвела комнату:

— Что здесь пронзошло?

— Не зиаю,— замялась Ланская.— Ко мие в дежурку прншел Карп н сказал: «Срочно к профессору». Вхожу. Ваш отец у порога, вннз лнцом. Я повернула его на спнну. Он был без чувств. Карп крикиул лнфтера, н мы с трудом подняли тело на кровать...

— На ием есть следы побоев?

— Нет, по-моему.— Тамара Алексаидровна обратнлась к Алеше:— Подождн меня. Я сейчас сдам дежурство и пойду к вам...

Нииа, видимо, представила Карпа нападающнм на «охраиу» Ланской н предупредила Алешу:

— Будьте ко всему готовы...

— Да, да, мальчнк мой!— вскинул голову учнтель.— Закройте окиа н дверн, нначе он опять влезет!

Оии шли молча. Только на горбатом мостике Ланская задержалась и, видимо, после долгнх раздумий, довернлась:

— Нет, нет, я ие поеду в Петроград!

— Но ведь Карп жнтья ие даст.

— Даст.— Она загадочно прошептала:— Есть такой человек, Лешеиька, который утихомнрнт Карпа...

«О ком она?»— заннтересованно подумал Леша, но ие спросил.

МЕТАМОРФОЗЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В доме Роговых чердачную комнату называли «голубятней». Ее занял Воркун. Вещн помоглн перетащнть Сеня Селезнев, Федька Лунатнк н Алеша Смыслов. Онн же сообщилн Ивану Матвеевнчу последние новостн.

От Сенн он узнал, что Карп завладел дневннком Леоннда н заявнл: «Ннкому не покажу!»

Федя обратил вннманне на тот факт, что гадалка до снх пор не обращается за помощью в угро: на понскн вора она организовала своих людей. «Вндать, бонтся конфискацнн»,— заключнл Лунатнк.

Отрадную весть сообщнл Алеша. Ланская отказалась ехать в Петроград с профессором Оношко.

— Ну а вообще... поедет учнться?— уточинл Иван.

Эту ночь Тамара Александровна ночевала у Смысловых. Алеша слышал, как певнца сказала матерн: «Я сорвала голос. Теперь поздно учнться».

Иван зиал, что Ланская хотела бежать нз Руссы от Карпа. Выходит, сейчас она не боится младшего Рогова. Что же произошло?

Воркун выпустил Пальму на двор и иевольно взглянул на флигель, освещенный вечерннм солнцем. На окнах подияты жалюзн, н дверь прноткрыта. Не зайтн ли?

В этот момеит распахнулось окно флнгеля, н Ланская взмахом рукн позвала Иваиа.

— Я ждала вас, Иван Матвеевнч,— прнзналась она, пропуская его в прихожую.— Как хорошо, что вы переехалн! И как было бы прнятно, еслн возродились бы воскресные коицерты. Хотнте чаю?

— Нет... благодарю...— застеснялся он и погладнл собаку:— Вот разве Пальме что-инбудь... Я дам команду...

Хозяйка провела овчарку на кухню, погремела посудой и вернулась в столовую. Иван заметил, что Тамара бесцельио переставила с места на место тарелку иа столе. Затем подошла к окну, опустнла жалюзн, иа ходу поправила прическу.

— Простнте меня, ради бога!— Она посмотрела на часы:— Скоро прндет Карп за ответом...

Иван, сндя на стуле, выпрямил спииу. Это что-то новое. До сих пор младший Рогов приставал к вдове без серьезиых иамереинй...

— Сделал предложенне?

— Да!— Тамара иадела иа чериое платье белый передник с кружевами.— Ои решил, что я остаюсь в Руссе ради иего. Однажды я имела иеосторожиость сказать братьям, что младший красивее старшего...

— Вы сказали правду.

— Но дело ие в красоте, Иваи Матвеевич. Вериее, не во виешией красоте. Кроме того, Карп младше меия. А главиое, ои иеуравновешеииый, чистая ртуть. Вы зиаете, что вчерашний секретарь трибунала стал частииком?

— Частииком?!— удивился Иваи.

— Да, Солеварова, Шур и Рогов открыли магазин в Торговом ряду: все для церкви и верующих...

— Вот это метаморфоза!— Иваи вспомиил Калугииа и покачал головой:— Комсомолец, коммуиист, активиый безбожиик и вдруг торгует икоиами! Какую долю капитала ои виес и как раздобыл ее?

— Я спрошу его.

— Ну тогда еще узиайте, пожалуйста,— Иван перевел взгляд иа портрет Рогова,— говорил ли Карп брату о своем выходе из партии и о своем желаиии заделаться совбуром [1]?

— Нет, иет! Сказать этакое — убить брата!

«Но ведь кто-то убил»,— подумал Воркуи и подиял два пальца:

— У Леоиида было два дневиика: раииий и поздиий. Раииий в виде простой сииеи тетради, а поздиий — с бегущей лошадью иа обложке. Какой диевиик у Карпа?

— Поиимаю. Спрошу...— Тамара скрестила руки.— Я боюсь одиа...

Оиа прислушалась. На кухие чавкала Пальма.

Иваи покосился иа стариииые часы с гирями:

— Я буду за дверью...

Ои прошел в прихожую. Рядом с иим, возле вешалки, притаилась Пальма. Лаиская зажгла свет в столовой.

И в тот же момеит иа веранде, выходящей в сад, раздались шаги. Иваи слышал, как пропела дверь и в столовую ворвался взволиоваииый Карп:

— Кто был здесь?

— Иваи Матвеевич.

— Ушел?

— Если ои тебе иужеи — могу вериуть.— И, ие дожидаясь ответа, хозяйка пригласила Карпа к столу:— Самовар еще горячий...

---

[1] Совбур — советский буржуй.

— Поиачалу я должеи убедиться, что мы с тобой одни...

— Зиай, Карп, мы с тобой иикогда ие были и ие будем одии.

— Кто же между иами?!

— Не повышай голос.

— Прости. Меия взвиитил Оношко. Просил ие говорить тебе, что он в обморок упал от страха.

Карп засмеялся. Лаиская, наливая чай, спросила:

— Ты приметам веришь?

— Не очеиь! Но ясиовидящей поверил. Она иарекла нам с тобой взаимиую любовь и богатство.

— Насчет взаимиой ошиблась, да и богатство откуда?

— Как откуда?! Я же говорил! Магазии иа бойком месте!

— Чтобы иачать торговать, иадо...

— Имею! Взял в долг!..

«Уж ие у гадалки ли?»— подумал Иваи, иапрягая слух.

— И иа свадьбу отложил! Вся Русса позавидует иам: подвеиечиое платье из Питера, фаэтоиы из Новгорода, столы накроем в Летием ресторайе. Рыба! Дичь! Колбасы! Кагор из моиастырского погреба! А медовый месяц — иа яхте! Ильмеиь! Волхов! Ладога! Нева! Да, еще забыл — в храме сводиый хор!

— Мой отпуск зимиий,— вставила оиа с ирoиией.

— Ты теперь ие работать будешь в курорте, а разъезжать по курортам. Нэп дает право на широкую жизнь. И иадо быть олухами, чтобы ие воспользоваться свободной торговлей!

— Думаешь, частиая торговля иа веки вечиые?

— За иаш с тобой век ручаюсь. Собствеииость — самый живучий кореиь. По рукам?

— Что по рукам? Торговать, обмаиывать покупателей?

— Проценты — ие обмаи. За прилавком иаши компаиьоиы, а мы будем разъезжать по городам: ты — с коицертами, я — с торговыми сделками. Дело поставим иа широкую иогу. Тебе это сродии. Твой дед торговал каиатами, а мы — свечами, икоиами...

— Что я слышу? А ие ты ли, Карп, вместе с комсомолией жег икоиы и малевал иа храме: «Долой попов!» А теперь готов под веиец, крест целовать, пасху справлять. Где же твоя прииципиальиость?

«Ах, молодчиина!»— мыслеиио воскликиул Воркуи.

Наступила пауза. Карп ие сразу иашелся что ответить:

— Тогда мною руководил старший брат. Он и сам расстреливал иконы, и меня на то же толкал. За что ты и остыла к нему. Хотя поначалу сильно любила...

— Откуда знаешь? Из дневника?

— Не только! Сам многое видел. И многое учел. Ошибку брата не повторю. Я не потребую: «Либо храм забудь, либо я тебя забуду».— Его голос потеплел.— Вера — романтика для тебя. Молись на здоровье. Повторяю, я на все согласен, обручальное кольцо, церковный брак, крестины, престольные праздники...

— А в душе потешаться будешь?

— Я не ханжа!— обиделся он и снова заговорил напористо:— И ты, Тома, не будь ханжой! Ведь я ради тебя, верующей, бросил партбилет, работу в трибунале! Сжег все мосты! Теперь у меня нет пути назад! И пойми, Тома, не всякий пойдет на такое! Оцени по достоинству! И будь до конца милосердной!

Опять наступила тишина. Теперь Ланская задумалась. Карп в ожидании ответа замер.

Благозвучно пробили часы. Тамара, видимо, вспомнила церковный звон. Она перекрестилась:

— Бог свидетель, не просила я от тебя такой жертвы...

— Но ты брата просила! «Без венца не выйду замуж»— твои слова?

— Мои. Но ты не Леонид. Я даже не дружила с тобой!

— Неправда! Ты любила и любишь только меня!

— Я тебе доказала обратное!

— Ты не долго бы сопротивлялась! И если б не брат...

— Нет, нет! Не подходи!

— Томуля, не бойся! Я не стану, как в прошлый раз...

В сознании Ивана мелькнул образ вдовушки, в рваной сорочке, с подтеком на груди. Он взялся за ручку двери.

— Я только поцелую и буду ждать тебя хоть месяц, хоть год.

— Не жди! Если выйду, то за другого...

— Не выйдешь! Никому не отдам!

— Я не собственность твоя!

— Кто он? Регент?

— Не отгадаешь!

— И гадать не буду! — выкрикнул он.— Я расстался с партбилетом, но сохранил именной наган...

Карп, видимо, вытащил наган.

— Не испугаешь!

— И не собираюсь пугать. Ты знаешь мой характер: тебя и себя...

— Убийца! Ты и брата не пощадил!
— Он умер от разрыва сердца!
— А кто довел?
— Ты!
— Ложь!
— Нет, правда!— вскипел он.— У брата есть запись: «Разлюбит — не перенесу».
— Разлюбила, но молчала! Щадила! А ты ворвался сюда! Он решил: «Отдалась!» Сердце и не выдержало!
— Выдержало!..
— Убила ты! Ты сказала...
— Не сказала, а поблагодарила, что он прогнал тебя.
— Ты же сама нахваливала мои кудри и глаза!
— Покажи дневник!
— У меня лишь первая тетрадь.
— А вторая?
— Не знаю. Наверно, у дочки Оношко.
— У Нины?
— Да. Увлеклась братом. И не раз спрашивала: «Где Леня? Чем занят?» А когда узнала про дневник — покраснела...
— И не без причины?
— Чушь!— отмахнулся Карп.— Он даже с ней говорил о тебе.
— Так зачем ей дневник?
— Мне кажется, она призналась ему в любви.
— Но ведь дневник лежал в столе — на мансарде.
— Так что?! Труп увезли. Часового убрали. Дело закрыли. А я, покидая дом, не закрыл двери.
— В котором часу?
— Да... к полуночи...
— И девушка не испугалась?
— Надо знать эту девушку...
Иван вспомнил рассказ Алеши о ночных похождениях дочки профессора. «Такая в самом деле могла взять дневник любимого»,— рассудил он, прислушиваясь к разговору за дверью.
Ланская спросила Карпа:
— Ты дружишь с Ниной?
— Она и без дружбы отдаст дневник, если тетрадь у нее. Я все сделаю! (Послышался шаг.) Только один поцелуй...
— Никогда!
— Ах, вот как?!— взорвался Карп.— Нет на тебе креста! Где твое христианское сердце?! Думаешь, легко

расстаться с партбилетом? Да я ночами не спал! Я знал, что потеряю брата! Я знал, что от меня отвернутся! Я знал, что в меня будут тыкать пальцем: «Предатель!» Я знал, что мне придется уйти из трибунала! Но я на все пошел ради тебя! Я думал, ты оценишь мою жертву! Я верил в твое милосердие! Верил, что ты протянешь руку...

— Послушай!..

— Нет, ты слушай! Я уже слушал тебя и здесь, и дома, и в храме, и на сцене — поешь звонко, но без души! Ты отвергла брата. За что? Он не принял твой крест. Ты отвергла меня. За что? Я ведь целую твой крест?!.

— Карп!..

— Молчи, святоша! Я проклинаю тот день, когда увидел тебя, рыжую! Я презираю тебя, бестию! Я ненавижу тебя, ханжу! И если давеча хотел прикончить тебя из ревности, то сейчас пристрелю как...

— Стреляй!

Иван дернул дверь.

Пальма бросилась на Карпа.

Раздался выстрел...

На пол рухнула посуда...

КЛЮЧ ПРОНИКНОВЕНИЯ

Младший Рогов, с перевязанной рукой, сидел на стуле и зло косился на Пальму. Овчарка сильно повредила ему кисть. Ищейка спасла жизнь Ланской: опоздай она на секунду, и Карп застрелил бы Тамару. Он нажал спусковой крючок, когда собака схватила его за руку. Пуля повредила лишь часовой футляр красного дерева.

— Ты, Карп,— начал Иван, садясь за стол,— работал в трибунале и знаешь, что полагается за покушение...

— Какой трибунал?— усмехнулся Карп.— Два гроба и точка. Верни наган!

— Зачем?

— Оружие именное: память о войне.

— Ты осквернил эту память. Оружие не получишь.

— Не ты награждал и не тебе лишать!

Иван перевел взгляд на овчарку с острыми ушами:

— Не повышай голос, Пальма не любит...

— Верни наган.

Овчарка зарычала. Карп оглянулся на собаку и положил забинтованную руку на стол. Воркун спокойно разгладил усы:

— Ты когда был у гадалки — до кражи или после?
— О какой краже речь?
— Вчера ночью обокрали ясновидящую.
— Значит, до.
— Ты не заметил, куда гадалка положила твои деньги?
— Я заплатил прислужнице.
— Ну а сколько дней ждал своей очереди?
— Это что, допрос?
— Умирашка не заявила о пропаже. Однако есть решение — выселить ее из Руссы.
— Не ко времени!
— Почему?
— Она предсказала смерть брату. У нее дар к телепатии, читает мысли на расстоянии. И мою судьбу угадала: погибну из-за женщины. Старухе многие верят. И скажут: «За правду пострадала».
— Карп, неужели и ты веришь старой пройдохе?
— Ей все верят, кто только не был у нее!
— И даже коммунисты?
— И даже коммунисты.
— Это те, кто боятся чистки партии?
— Председатель укома боится чистки?
— Николай Николаевич Калугин?
— Он самый,— торжествующе ухмыльнулся Карп.— Своими глазами видел, как он выходил из ее дома.
— А ты не обознался?
— Маленький, лысый, с бородкой и в толстовке. Он?
— Портрет его. Но причина посещения, ручаюсь, иная. Калугин — краевед: собирает песни, сказки. А бабка, прислужница гадалки, великая мастерица до слова.— Теперь Иван улыбнулся:— Ну, еще кого назовешь?
— Зря лыбишься! Ее популярность велика: даже из Питера приезжают гадать.
— Даже из Питера? Ой ли?!
Карп здоровой рукой сделал жест, типичный для бильярдиста.
— Я тут шарики гонял с матросом. Так он из Питера приехал специально погадать в Чертовом переулке.
— Это который матрос: крепыш, рыжий и желтоглазый?
— Он самый!
— Говоришь, специально погадать, а может,— Иван сгреб пальцами серебряную солонку,— очистить гадалку?
— Взгляд у него дерзкий и пронырливый...

— Обыграл тебя?

— Хотел! На кон — духи, шоколад. Но я же что левой, то правой.— Он шевельнул забинтованной рукой и скривил рот.— Обштопал как миленького!

— Первый раз, а второй?

— Не лови на слове! Мы один раз играли. Больше я его не видел.

— А духи и шоколад куда дел?

— Духи подарил Ланской, а шоколад дочке профессора...

— За прекрасные глаза?

— Глаза у нее в самом деле прекрасные, но душа еще лучше. Но подарил не за глаза, не за душу. А за что — не скажу!

— Твое дело,— поднялся Иван и жестом пригласил Рогова к двери:— Пошли! Провожу тебя...

— Что я, барышня?— И, не поднимаясь со стула, повысил голос:— Иван, последний раз прошу — верни наган, иначе врагом станешь!

Исполком хотел вселить Калугина в каменный дом купца Киселева, но любитель природы предпочел комнату на окраине города, где скворцы и жаворонки поют под окнами.

Воркун первый раз был на квартире своего учителя. Он ожидал увидеть большую библиотеку, но все книги и тетради Николая Николаевича умещались на одной пятиполочной этажерке. Зато все три окна были заставлены и завешаны клетками с птицами.

Хозяин сел на низкую железную кровать, а гостю уступил единственный венский стул и подкрутил фитиль настольной лампы.

— Голубчик, я беседовал с Капитоновной. Она спросила меня: «Это верно, что мою благодетельницу хотят вон из города?»

— Вот это разведка!

— Да, друг мой, ты попал в точку: Капитоновна — первоклассная разведчица. Без нее ясновидящая — слепышка. Не случайно гадалка никого сразу не принимает. Капитоновна сначала запишет твой адрес, затем наведет о тебе все справки, а потом уж известит тебя, когда можно прийти на сеанс гадания.

— Ловко одурачивают!

— Одной ловкости недостаточно, батенька,— заметил Калугин и перешел на полушепот:— Я только что узнал биографию ясновидящей...

— От Капитоновны?
— От Жгловского!
— Ерша Анархиста?!
— Нет, голубчик, от родителя, от священника отца Осипа.
— Ездили к нему на село?
— Наоборот, друг мой, он приехал, сидел здесь, на вашем стуле, и уговаривал меня «опять поддержать церковь»...
В первую секунду Иван удивился, но вспомнил позицию Калугина против роговщины и, вытаскивая кисет, приготовился слушать.
— Так вот, отец Осип, узнав мои краеведческие интересы, поведал мне не совсем банальную историю. Накануне войны с Японией граф Беннигсен, старорусский помещик, ради шутки спросил гадалку: «За сколько недель разобьем япошек?» Гадалка раскинула карты: «Япошки побьют нас». Граф и гости захохотали. Второй ответ тоже развеселил аристократов. Все знали, что граф любил свое родовое имение, а гадалка предрекла «распродажу земельных богатств». Однако все сбылось: войну позорно проиграли, а в пятом году граф, напуганный бунтарским настроением крестьян, продал рамушевским кулакам все свои пахотные земли, луга и леса...
Калугин отмахнулся от дыма и продолжал:
— Гадалка в моде! Ее клиенты — купцы и петербургская знать. Для простых смертных она не доступна. К ней предварительная запись. Теперь она назначала сеансы. А платные агенты наводили справки о клиентах. Смышленая, волевая, она быстро разбогатела. Но тут черт ударил в ребро: сорокапятилетняя влюбилась в молодого красавчика и обвенчалась с ним подальше от насмешливых глаз. Выбор пал на волотовскую церковку. Отец Осип стал ее душеприказчиком. Ему-то на исповеди и призналась: муженек обобрал ее и сбежал в Париж, да еще на прощанье сломал ей позвоночник. Здешние грязи помогли, да не совсем. Она ударилась в мистику, легла в гроб и вернулась к прежней профессии. Нуте, голубчик?
Иван ответил вопросом:
— Николай Николаевич, вы лично познакомились с нею?
— Нет, друг мой, я беседовал с Капитоновной. Она, кстати, проговорилась: некоторые посетители засыпают возле гроба...
— Это что же... внушение?

— Да, голубчнк, она ие прнмнтнвная гадалка.— Калугин глазамн указал на окно с клеткамн:— У нас, в Руссе, гастролнрует гнпнотнзер. Я попрошу его продемоистрировать один нз прнемов ясиовндящей. А вы, друг мой, не спешите с выселеинем.

— Почему?

— Поставьте себя иа место Рысн. Есть смысл нспользовать готовый аппарат разведки? Нуте?

— Факт,— буркнул Иван, чувствуя, что краевед дает ему в руки прекрасный «ключ пронникновення».— Я установлю наблюденне за домом гадалки.

— Мало того, голубчнк, попытайтесь завербовать Капнтоновну. Для этого сложнлась благоприятиая снтуация: гадалку обворовалн н впередн — выселенне. Бабка прикииет: угро — надежный доход, а хозяйка — пустой кармаи н запрет на гадаиие. Так илн ие так, батенька?

— Так,— одобрил Воркун и подумал о Федьке Лунатике...

В кабннете начальннка угрозыска все было по-старому: даже аквариум н рога лося на прежннх местах. Только кровать за ширмой стояла без подушки, одеяла да кннгн нсчезли. За служебным столом восседал Федька Лунатик с бинтом на шее. Его измотал телефои. Со всех концов города названивали, спрашивалн Воркуна. Федька молча выслушивал, тяжело вздыхал и вешал трубку. Он сам ие зиал, где начальинк. И вообще Федя не любнл телефонный разговор: он крнчал в трубку, н иад ним подшучнвалн.

Только поздно вечером объявнлся иачальннк. И по тому, как ои вошел в кабинет, агент смекнул, что сейчас Иваи Матвеевнч заговорнт о важиом деле...

— Федя, ты хорошо знаешь Капнтоновну?

— Судн сам, иачальник,— поднялся агент,— все вещички сбывал через нее.

— В этот час примет тебя?

— Судн сам, начальиик: ежели Капитоиовиа проснла меня личио разыскать покражу.

— Добро!— Воркуи поставил перед агентом две задачн:— Узиай, когда Ерш Аиархист был у гадалкн и куда подался. И попробуй, Федя, завербовать ее...

Начальиик рассказал об удачной ситуации н, посматрнвая на карманые часы иа волосяной цепочке, поторопил агеита:

— Я буду ждать тебя здесь, у телефоиа. Если что... позвони: тюрьма рядом...

Луиатик поморщился: в этой тюрьме он отсидел больше года.

Агеит шел быстро, ио думал ие о предстоящем задании. Воспомииаиие о домзаке[1] притяиуло мысли о иескладно прожитой жизни. Теперь в Руссе мало кто знает, что в парке курорта стояла сказочная избушка, разукрашенная деревянными кружевами. В этой избушке продавали сливочиое масло, молоко, творог и простоквашу. Все эти молочные продукты доставляли из имения киязя Васильчикова, а продавал их отец Феди. Тогда жилось Федьке сытио и привольио. Но вот киязь Васильчиков открыл при имеиии винокуренный завод — отцу Феди доверил склад со спиртом. Будь проклят этот завод! Отец непробудно пил и утоп пьяиый. Мать вышла замуж за конюха, который готов был языком вылизывать барского жеребца, а Федьку хлестал кнутом до крови. И хлестал только за то, что тот вслух молился за покойиого отца. В детстве Федя сильно верил в бога. И тот сказал ему во сие: «На скотиом дворе мышьяком травят крыс». Мальчугаи растолковал божьи слова как указание. Но в отравлеиии коиюха обвииили Федиину мать, и, как ни доказывал Федька, что виновник он, никто не поверил, что тихий, религиозиый мальчик решился иа такое. Мать сослали в Сибирь, а Федю пристроили в Аитоииевский монастырь, где иаблюдательный инок быстро усомиился в боге. По иочам монахи плавали через реку к моиашкам Звериионо монастыря, а иеромоиах Трифон, старый развратиик, стал подбивать Федю на распутство: пустил в ход ласку, лесть, гостинцы и даже платииовый крест на золотой цепочке. Недолго прожил иинок в белой келье с окоицем на Волхов — сбежал, крест продал и поехал в Сибирь к матери. Но и до Чудова ие доехал, как попал в шайку железнодорожиых воров. Первый раз дверь тюрьмы открыла революция, второй раз Федю взял иа поруки иачальиик старорусского угро...

Иваиа Матвеевича он полюбил, как отца родиого. В первый же деиь работы Воркуи доверил ему нагаи, деньги и солдатские ботиики с шерстяиыми обмотками. Начииающий агент задаиие выполиил раиьше срока.

[1] **Д о м з а к** — дом заключения, тюрьма.

И сразу стал ближайшим помощником «бати»— так Федя Громов называл начальника за глаза.

Сегодня «батя» подбросил ему крепкий орешек: Капитоновна шагу не сделает без совета своей благодетельницы, а та, ясновидящая, разом смикитит, что к чему, и все карты спутает.

Федя представил гадалку со свечкой в руке, рыжего матроса возле гроба, и вдруг в голове агента сверкнула мысль: «А что, если в гробу двойное дно?»

ДВУЛИКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Когда вор приносил дорогую вещь, Капитоновна крутила ее в руках, точно ветошь. Бабка умела скрывать свои чувства. Вот и сейчас она провела Федю на кухню и засуетилась возле стола — не спросила о главном. Можно подумать, что без него нашлась покража.

Агент молча наблюдал за Капитоновной. На ней, как на цыганке, надеты три юбки. Круглая, курносая, с румяными щеками, она бойко накрывала на стол. Наконец ее серые глазки уставились на дверь, ведущую в комнату гадалки:

— Совсем занемогла, моя кормилица. Не дай бог никому такое переживание.— Бабка перевела взгляд на Федю:— Пришел порадовать, соколик?

— От тебя зависит, Капитоновна.

Его слова прислужница растолковала по-своему:

— Ух-ма, Федюньчик, за нами дело не станет! Все вернешь — бо́льшую долю возьмешь, не все вернешь — меньше возьмешь...

Капитоновна повернулась лицом к красному углу с иконами и, склонив голову, перекрестилась:

— Покарай меня, Никола Чудотворец, ежели я нарушу свое слово...

Большой иконостас освещался тремя лампадками. Центральная икона Николы Чудотворца была украшена длинным полотенцем с черными узорами на концах. На белоснежном полотне утиральника проступали темные отпечатки пальцев. В сознании бывшего вора всплыло неприятное воспоминание, и он отвернулся от икон...

— Капитоновна, когда и во сколько был здесь рыжий матрос?

— Ау, брат, в этом доме свой устав, соколик.— Она уважительно кивнула на дверь без ручки: — Когда и кто был — не узнаешь. Благодетельница строго наказывала...

— Дура!— перебил агент.— Вас же обчистил рыжий!

— Господи помилуй!— встрепенулась бабка.— Сын поповича, родной племяш Солеварова, морской воин... Кто поверит, сударь?!

— Любой поверит, если вскроет нутро Ерша Анархиста: у него даже сердце не красное, а черное. Какого числа он гадал?

— Да, кажись,— задумалась бабка,— в день памяти великомученика Феодора Стратилата.

— Восьмого июня, что ли?

— В сей день.

— А золотишко пропало?

— Через трое суток, в ночь на одиннадцатое...

— Так, сначала разведал, потом нагрянул.— Федя показал на двери без ручки:— Через эти?

— Ой лихонько! Ума не приложу! Эту дверь-то не откроешь без шума. А иной нету, каморка-то глухая...

— Чем же дышит хозяйка?

— А есть пробоина в потолке...

— Пролезть можно человеку?

— Разве... мальчонке...

Агент вспомнил базарного мальчишку с шадривым[1] лицом. Федя накрыл спекулянтку Лосиху, но карманного воришку пощадил. Теперь пацан отплатил бы добром — показал бы, можно пролезть или нет.

— Значит, золотишко хранилось тут, за дверью?

Старая лиса поняла, что ее обложили красными флажками. Она покорно развела ладошки:

— Тут-то оно тут, а где да в чем, не ведаю. Потому как ясновидящая в тайне хранила. Писульку вручила, что пропало, и говорит: «Найми своего сыщика».

— А что там кроме гроба?

— Ничего, соколик.

— Люк есть?

— Нету.

— Значит, в гробу двойное дно.

В глазах бабки вспыхнули светильнички. Она удивленно покачала головой, завязала уголки платка под пухленьким подбородком:

— Дивлюсь тобой, Феденька!— Она переметнулась на голос озорной девки:— Зайди, родимый, да попробуй приподнять старушку: тут тебе и смередушка!

— Шпалер под рукой?

[1] **Ш а д р и в ы й** — по-местному: рябой.

— У иее глаз шибче всякого шпалера!

Федя улыбиулся:

— Куда же оиа глядела, когда гроб-то чнстнлн?

— Ой, паичка, сама не разумею: прошло как в Камскнй мох — и следов иету. Что за наваждение?

— А вот что!— Агент кивиул на дверь.— Оиа спит. А сверху на нитке пучок куделн с душком сонным. Потом — веревочиую лесенку. По ией винз пацаи с фоиариком. Старушку — на бок. И давай шуровать...

— Господи, страх-то какой! Лнк-то у ией завсегда в саже — чернявый, и зеики, как у Мурки, горят. Меня и то в дрожь бросает...

«На лице маска»,— отметил про себя Федя, но заговорил о другом:

— Помощиик Ерша, подн, не однн гроб распотрошнл иа кладбище. Клад у рыжего. Помогн иайтн его. Куда ои подался?

— Поди-зиай! Отсохии язык — не ведаю!

— А ты, Капитоновна, спроси у ясиовидящей. Она все видит.

— И взаболь, мнлый, спросить — ие ударить. Да лншь вот беда: после этой иадсадушки инкого ие прннимает н со миой молчнт да иа руки мон смотрит — драгоцениости ждет. Аж еду ие берет!

— Так вот и к гробу присохиет. Останешься ты одна. Что будешь делать, Капитоновна?

— Ох, желаииый мой Федюша, вся надежда иа бога!

— На бога иадейся, а сама ие зевай.— Агеит вытащил пачку денежиых зиаков:— Малины [1] ие обещаю, а голодать ие будешь. Кажнннный месяц по такой колоде. И услуги для тебя привычные...

— Какне, соколнк?— заиитересовалась бабка.

— Будешь у меня иаводчицей.

— Спасн бог н помнлуй! Не хочу кормить клопов в качеване. [2]

— Говорншь, кубышку сколотнла?

— Откуда, Феденька? Барахлишком, сам зиаешь, давио не промышляю, а что скопнла — уж проела. Сама жнву, видишь, прнжнвалкой.— Она взглянула на стол и спохватилась:— Ах ты память-решето! Совсем заболталась! Давай, сыиок, кусовиичать: молочком попотчую...

— Солеваровским?

[1] Малнна — воровское житье.

[2] Качеван — на воровском жаргоне: тюрьма.

— Хозяйское, утренний удой отношу, а вечерний оставляю.

— А сено чье?

— Не моя забота. У хозяина сенокос на Ловати, на трех коров хватит. Сам-то вчерась отбыл пожню посмотреть да рыбку половить...

«А может, племянника покормить?»— подумал агент, присаживаясь к столу.

Капитоновна подала гостю рушник, чтобы тот прикрыл новые брюки, и обратилась к Николе Чудотворцу. Она зашептала молитву, а Федя, с утиральником в руке, усмехнулся:

— Капитоновна, кому ты поклоны отвешиваешь? Взгляни, Чудотворец-то двуликий!

— Свят! Свят!— закрестилась она, не оглядываясь.

Федя предложил проверить его слова:

— Сними икону, только не оставь отпечатки пальцев на полотенце. И увидишь с лицевой бородку, а сзади доску с кубышкой...

Бабка вздрогнула и, поворачиваясь, грохнулась на колени:

— Сынок, не оставь меня нищей!

— Я не грабитель!

— А Пашка Соленый сказывал, что ты таперича легавым стал.

— Я, Капитоновна, агент второго разряда, а ты моя помощница. Сообщила мне о пропаже, вручила список драгоценностей...

— Соколик, я же не ведала, что ты государственный...

— Теперь будешь знать. И дальше помогать. Начальник у нас с тобой надежный, справедливый. Выхлопочет тебе пенсию по старости. А пока что получи подъемные...

Федя положил на стол пачку совзнаков и помог бабке встать на ноги:

— Связь держать будешь только со мной...

— А как же, любезный, благодетельница?— Она со страхом посмотрела на дверь без ручки.— Без ее благословения...

— Не бойся, Капитоновна, она благословит. Только поначалу с ней поговорит наш начальник.

— А ежели станет молчать?

— Есть решение: гадалку вон из Руссы. Заговорит, поверь мне.

— Тебе-то верю, соколик, а вот поверит ли мне начальство? Куда нам, скажут, безграмотную да еще с таким иконостасом!

— Живи, Капитоновна, как привыкла, живи здесь, с иконами.— Федя кивнул на дверь:— Пока прислуживай. Береги скарб. Обряжай скотину. Носи молоко. Делай все, что и раньше делала. Только соблюдай две статьи: никому о своей секретной службе — раз и честно выполняй мои поручения — два. По рукам?

Она утвердительно кивнула головой, хотя видно было, что в ней идет душевная борьба. Наконец Капитоновна шагнула к черному поставу с белой занавеской, открыла застекленную створку, достала берестяную чашку и опрокинула на стол звонкие медные пуговицы с якорями.

— А морскую окруту в печи спалила...

— Костюм матроса?

— Евонный. А ему взамен штатский, как повелела хозяйка. Он тут три ночи спал на сеновале...

— А потом?

— Не ведаю, забава [1].

— А хозяйка знает?

— Как пить дать!

Отхлебнув из кружки молока, Федя взял корку хлеба и тихо предупредил:

— Я вернусь с начальником. А ты, Капитоновна, жди нас...

На кухне остались Капитоновна и Федя с Пальмой, а Воркун прошел в темную комнату и включил электрический фонарик. Световое пятно скользнуло по верхней кромке гроба и застыло на белой марле.

— Открой лицо!— приказал Иван и сдвинул яркий луч на застывшие пальцы старухи.

В левом кулаке расплавился огарок свечи. От гроба пахнуло тленностью. Иван приподнял кисею и вздрогнул — он не ожидал, что придет к трупу: лицо гадалки застыло, обнажив страшный оскал зубов.

Луч света с воркуновским терпением осмотрел половицы, пустые стены и невысокий потолок с квадратным проемом. Федя прав: в такое отверстие вполне мог пролезть пацан.

— Опоздали,— с горечью сказал начальник агенту и попросил его осмотреть гроб.

[1] Забава — по-местному: милый.

Капитоновна обхватила руками голову и с воплем грохнулась на пол перед иконостасом.

Федя вернулся быстро.

— Начальник,— агент показал крупный перстень с гербом,— вот и все...

— Ну а гроб — с двойным дном?

— С двойным: тайник просторный... да пустой...

— Загляни, Федя, на сеновал,— распорядился Воркун, а сам подумал: «Не прозевать бы похороны».

На сеновале Федя нашел дамский платочек с буквами «В. С.».

ГИПНОЗ БОГОРОДИЦЫ

Алеша сидел между Федей и Сеней и думал, что Воркун начнет прямо с него. Но вышло не так. Первым получил задание Лунатик: он нашел платок Солеваровой, и начальник сказал ему:

— Следи за ней. Она пригрела Ерша и, возможно, скрывает его. Но племянник втрескался в Груню Орлову,— Иван Матвеевич перевел взгляд на Лешу,— и он наверняка попытается повидать ее. Не прозевай, дружище... матроса.

Сидя за столом, Воркун положил руку на синюю тетрадь Леонида Рогова и обратился к Селезневу:

— Вторая часть дневника у Нины Оношко?

— Проверим, постараемся.— Сеня лукаво сощурил глаза.— Напомню, друзья-приятели, Пронин закрыл роговское дело, но не закрыл дело Рыси. Охота-поиск продолжается. И Ерш — это лишь приманочка-зацепочка. Чуете?

Молодой чекист первым поднялся с дивана и дал понять, что оперативки любят оперативных. Он быстро исчез. Федя остался на «голубятне» с начальником.

Алеша, покидая дом Роговых, вспомнил, как совсем недавно испугался выстрелов, позорно бежал, как остался без браунинга и попал в милицию. Правда, его мечта осуществилась — он рядом с Воркуном. Однако пользы от Леши почти никакой, один словесный портрет Ерша Анархиста. Вот бы поймать рыжего матроса или выследить Рысь! Иван Матвеевич предупредил Алешу: «Перед тобой три ступеньки: комсомолец-активист, стажер и агент». И он, Алексей Смыслов, во что бы то ни стало поднимется по всем трем ступенькам! И поднимется за одно лето!

Ясновидящую отпевали в большом храме на Соборной стороне. Сводным хором руководил знакомый регент с черной эспаньолкой, владелец богатой библиотеки. Певчих было много, но Ланская почему-то не пришла.

По обеим сторонам гроба стояли с горящими свечами поклонники усопшей. А у изголовья новопреставленной седенький священник старчески дребезжащим голосом читал пухлый томик в бархатном переплете. В момент остановки чтения рослый, молодцеватый дьяк, размахивая кадилом, басил:

— Госпо-оду бо-огу помо-о-олимся!..

Певчие подхватывали сладкозвучно.

Серебристая ряса священника, запах ладана, песнопение на минутку отвлекли внимание Леши. Но вот он остановил взгляд на чернобровой, крепко сколоченной девушке и сразу вспомнил портрет Груни, исполненный Анархистом.

«Она!— обрадовался он и тут же с горечью подумал:— А что, если сообщница Ерша?»

Он отошел к двери, где торговали свечами, и стал внимательно всматриваться в мужчин.

Нет Ерша! Зато признал Федьку Лунатика. Тот одобряюще подмигнул Алеше: «Не унывай — впереди еще кладбище».

Однако ни на погосте, ни на обратном пути Анархист не показался. Алешу догнал Федя и шепнул:

— Грунька-то ксиву читала...

Леша не знал, что на воровском жаргоне «ксива» значит «записка», но догадался по смыслу и спросил Лунатика:

— Кто передал?

Федя не видел, кто передал, но видел, как Груня зашла за куст сирени, вынула из кармашка платья записку и дважды прочитала ее. А прочитав, аккуратно сложила листок треугольником и снова в кармашек.

«Если письмо от Ерша да еще с адресом, то мой испытательный срок значительно сократится. Но как раздобыть?»— думал Алеша, незаметно следуя за Груней.

Он проводил ее до самого дома. Она и брат снимали комнату с окном, выходящим в сад. Вот бы забраться, когда все уйдут...

Ночью Леше приснилось, что Ерш залез на грушу и смотрит в освещенное окно шуровской дачи, куда Орловы переехали.

Рано утром, до работы, Леша проник в сад мадам Шур и спрятался в малнииик. Юношу поджидало неожиданное зрелище.

На веранду вышла Груня в простеньком капоте, энергичио помахала рукамн, затем, голоногая, с распущенными волосами, подбежала к колодцу, загремела цепью, выкрутнла ведро воды...

И не успел Алеша отвестн глаза в сторону, как оиа скииула капот и, зажмурясь, окатила себя студеной водой.

А вскоре, прощаясь с братом, Груня крикнула в окио:

— Вадим, ужииай один: я с крестиым ходом!..

Ои забежал к Воркуиу, предупредил товарищей по работе н попрощался с матерью. Она обрадовалась, что сын идет в Леохиово, и дала ему деиьги на большую свечу...

— Ты уж, Алешенька, не забудь там, родной, поставь к мощам Антония Леохновского...

Крестный ход ои догиал за городом. Еще издали увидел зиамеиитую икоиу Старорусской богоматери. Она слегка покачивалась иад головами несущих ее мужиков. Длиииые здоровенные иоснлкн скрипели под тяжестью. Трудио поверить: икона чуть выше трех аршин, а весит несколько пудов!

Весь секрет в украшениях: позлащенная рама, риза бассейного серебра, массивные ожерелья из крупного китайского жемчуга, золотые кресты с драгоцеиными камнями, миожество самоцветов — вот что заставляло иести икону двумя шереигамн по трндцати человек в каждой.

Встречая чудотвориую, жители деревни цепочкой стали на колени посредине дорогн. И когда над ними проиосилась богородица, сверкающая бриллиантами, топазамн, гранатами, бирюзой, верующие лбамн бились о землю, судорожно крестились, вскидывали руки, истошио кричали: «Помоги! Спаси! Соверши чудо!»

И что удивнтельио: иекоторые с больными зубами, мигренью нсцелялись. Леша понимал, что силою самовнушения достигается многое, ио как это объяснить Груне?

Вот она умиленно-доверчиво ощупывает руку пожилой крестьянкн, которая только что разогнула закостеневший локоть...

— А скрючило еще весной,— свидетельствует женщина, «исцеленная» чудотворной иконой.

Леше очень хочется подойти к Груне, познакомиться с ней, но он сторонится ее: каждую минуту может объявиться Ерш. Видать, в своей записке Анархист просил Груню пойти с крестным ходом. Здесь, вне города, в большой толпе людей проще свидеться.

Перед окнами изб стояли столы с квасом, молоком, хлебом, сканцами, кокорами. Леша взял кусок пирога с рыбой, но не стал есть: ему показалось, что Старорусская божья матерь скосила на него глаза. Он вышел на дорогу, взглянул на икону и опять удивился: богородица не спускала с него глаз.

Свернув в прогон, Алеша был уверен, что оторвался от взгляда богородицы, но не тут-то было! Она по-прежнему смотрела на него. Он бросил пирог в крапиву, вернулся к вереницe коленопреклоненных, опустился на дорогу и чуть не перекрестился.

Божья матерь надвигалась, не спуская глаз с Алеши. Она гипнотизировала его до последнего момента, когда икону пронесли над Алешиной головой.

Он не интересовался живописью. Откуда ему знать фокус богомаза? Но ему кое-что подсказал истеричный крик молодухи:

— Она глядела! На меня глядела! Только на меня!..

Алеша снова нашел Груню. Она несла на длинном древке полотнище с изображением Христа. Тронутая ветром хоругвь напомнила боевое знамя. И Леша почему-то представил Груню впереди красного отряда знаменосцем. Потом фантазия нарисовала какую-то музейную комнату, где они с Груней осматривают древнюю икону Старорусской богоматери [1].

Леохново вознеслось над тихой речкой. В прибрежных кустах укрылся шалашик святого отшельника. Груня поклонилась мощам Антония Леохновского, затем нарвала полевых цветов и возложила их, видимо по просьбе Абрама Карловича, на гранитную плиту с золотой насечкой: «Вейц».

На кладбище никто не подошел к Груне. Наверное, Ерш дожидался ночи. Юноша остановил Груню в тени высокой колокольни:

— Добрый вечер, Грушенька!

[1] В 1941 году фашисты вывезли икону Старорусской богоматери, и до сих пор судьба ее неизвестна.

Мохнатые, сросшиеся брови девушки дрогнули. Она пристально уставилась на незнакомца:

— Откуда знаешь меня, парень?

— Тебя хорошо знает моя мать. Она поет вместе с Ланской в соборе — Прасковья Михайловна Смыслова...

— Добрая женщина,— просветлела Груня, и тут же ее густые брови нависли на глаза:— Так это ты, комса, поснимал иконы в доме?!

Он не ожидал такого вопроса. В прошлом году, под влиянием Леонида Рогова, Леша действительно снял материнские иконы, но не успел их сжечь: зашел Герасим, друг отца, и заступился за мать: «Не самовольничай, паря, а то силенки у меня поболе».

Над колокольней крикливо суетились галки. Леша вскинул голову:

— Не от этой ли стаи ты отбилась? Такая же черная...

— Не отвиливай!— Ее черные глаза осветились насмешливым огоньком.— За иконой следуешь? Боитесь: унесем, спрячем? Ты кем работаешь?

— Каталем... на курорте...

— А здесь зачем в рабочий день?

— Так... мать наказала,— он взглянул в сторону белостенного храма,— свечу поставить: давно нет писем от бати...

Видимо, мать рассказывала Груне о том, что не получает писем от мужа. Орлиха доверчивее глядела на сына Прасковьи.

— Поставил свечу-то?

— Нет еще...

— Пойдем! — Она откинула черную косу за спину.— Заодно искупаюсь...

Они шли тенистой тропкой. От высокой чащи пахло ольхой и овражьим застоем. Алеша думал: «Не здесь ли ночью они встретятся?»

На огромном камне он прочитал меловую надпись: «Тут был Харлампий Темноверов». Печатные прямые буквы, похожие на частокол, помогли Алеше представить образ богомольца. Он шутки ради нарисовал его словесный портрет...

Груня приостановилась и серьезно спросила:

— Ты умеешь по письму разгадывать натуру человека?

Леша отрицательно замотал головой, но тут его озарила идея, и он исправил свою ошибку:

— Я-то нет! А вот мой хороший знакомый не хуже знаменитого графолога Зуева-Инсарова — взглянет на почерк и весь твой характер прочитает!

— Здóрово! — заинтересовалась она и после минутного колебания взяла его за локоть: — Если дам письмо, он не откажет тебе?

У Леши и дух перехватило, он с трудом овладел голосом:

— Думаю, не откажет, я ему бамбуковую удочку подарил...

— Письмо без подписи.

— Неважно,— заверил Алеша, думая: «Лишь бы адрес был».

Письмо Груня обещала переслать с Лешиной матерью.

Он не сомневался, что завладеет адресом Ерша Анархиста. Если матрос назначил свидание в Леохове, то Груня выйдет к нему на условленное место.

Леша всю ночь продежурил возле школы, где Груня ночевала с другими богомолками. Но ни Ерш, ни она не показались...

Возвращалась чудотворная другими деревнями, хотя картина та же: жара, пыль, мольбы, стоны, исцеления...

Леша жалел, что уездный исполком разрешил крестный ход. Еще больше возрос авторитет Старорусской богоматери. Попробуй теперь снять драгоценности с иконы — взбунтуются верующие!

На обратном пути он хотел подойти к Груне, но не подошел: смущал обман с письмом Ерша...

Алексей шел по центральной аллее парка. В одной руке — жестяная кружка с сургучной печатью, в другой — красный сердцевидный щит, утыканный малюсенькими флажками. Его остановил Сеня. Чекист спросил насчет ершовского письма...

Рядом с ними никого не было. Леша ответил спокойно:

— Завтра в храме мать встретится с Груней. Потерпи денек...

— Лишь бы не передумала чертовка-плутовка.— Он ракеткой тыкал в рекламный щит с афишей, извещавшей о выступлении известного гипнотизера:— Сеанс будет исключительный! Калугин подбил артиста на такое, что ясновидящая в гробу перевернется...

Леша подумал о Груие. Он видел, как брат ее покупал билеты иа выступленне доктора Мурра. Вот бы догадалась пнсьмо прнеести. Юноша почувствовал прилнв эиергнн, бойко зашагал к Муравьевскому фонтану...

— Граждане, помогите голодающнм!..

Стеиы курзала пестрят афншами. Треиируя память, Леша машниальио запомниал заглавня: «Человек без костей — Карлони», «Музыкальиые комикн Бом и Лиди», «Баяиисты Жерехов и Савицкий», «Амернкаиский боевнк „Тайны Нью-Йорка"». А иад сцеиой вытянулось белое полотиище с чернымн буквами: «ЧЕМ ТЫ ПОМОГ СВОИМ БРАТЬЯМ, ГОЛОДАЮЩИМ НА ВОЛГЕ?»

Когда открывалась входная дверь, в просторный зал влетал шум фонтана. Груия пришла с братом, онн сели в третьем ряду. Она что-то рассказывала, а глазамн стреляла по сторонам. «Может, меия ищет?»— заволновался Леша н, выдвннув вперед щит, прошелся по центру до сцены н обратно. Трое девчат купили у него флажочки, ио Груия даже не заметила его. «Что б это зиачило?»— нахмурился ои.

Публнка с нетерпеинем ждала иачала представления. Обывателн двадцатых годов смотрелн иа гипиотнзера как иа странствующего факира или циркового иллюзионнста. И вдруг на сцену вышел врач курорта и деловнто предупредил:

— Гипноз — это бодрствующий сои. Загнпиотизированный ходнт, поет, даже пляшет, ио все это в сонном состояиии. Пснхологнческнй экспернмеит доктора Мурра иичего общего не нмеет с магней балагаииых шарлатанов и ясновидящих гадалок...

По залу пронесся шепот возбуждеииого любопытства.

— Гнпнотнзер виушеннем лечит зубы, нсцеляет иервиобольных, нскореняет прнвычкн к водке, куреиню и вызывает любые вндення: нллюзню иаводиення, пожара и т. д.

На аваисцеие гнпиотнзер появился в длиином черном фраке н белой чалме. Когда ои, плотиый, как Оиошко, стоял прямо, лнцом к публике,— сросшиеся брови и серые глаза с черными зрачками делали взгляд артиста острым, сверлящим, сосредоточеиным. Когда же ои поворачивался боком, в профнль, выставляя полиый живот н сильио припудренный грушевидиый иос,— смахивал иа клоуна.

Доктор Мурр заговорил размереииым голосом, сохраняя в лнце выраженне, с каким врач обращается к больным:

— Граждане! Кто из вас желает зарядиться хорошим самочувствием, выявить свой талант, бросить курить, побывать в роли медиума... прошу ко мне.— И широким жестом указал на пустые стулья:— Занимайте, пожалуйста!

Желающих оказалось много. Гипнотизер заглядывал каждому добровольцу в глаза и отборочным жестом одних оставлял на сцене, других возвращал в зрительный зал, в том числе и Груню. Вадиму повезло.

— Хотите петь, сочинять стихи?— спросил доктор Вадима.

— Песни я люблю и без гипноза,— тихо ответил Вадим и, смущаясь, склонил белокурую голову.— Вы можете отгадать мое имя, возраст и профессию?

— Будет исполнено.

Доктор перевел взгляд на парня в черной косоворотке:

— А вы что желаете?

— Бросить курить.

— Начнем!— Гипнотизер взглядом уперся в глаза курильщика, трижды пальцами провел над бровями медиума, и тот зажмурился...

Доктор внушительно заговорил о том, что любой табак отравляет организм человека, что первый признак отравления — отвратительная горечь во рту.

Разбуженный клиент закурил свою папиросу и скривил губы:

— Отрава!

Зал наградил доктора дружными аплодисментами.

Затем девушка, которая заявила, что не обладает талантами, под гипнозом пела и танцевала. Она же вскрикнула и обожглась, когда доктор приложил к ее руке холодный металл: на коже выступила краснота...

— В этом тайна стигмы!— Он объяснил, что верующие в экстазе внушением вызывают на теле подобные пятна —«раны» Христа.— Темные люди такую стигматизацию принимают за чудо...

Леша вспомнил случай «исцеления» во время крестного хода и заметил, что Груня заерзала на стуле. Она не утерпела, подошла к сцене и пощупала металлическую планку:

— Холодная!

И снова раздались хлопки.

Вадим и без пассов гипнотизера сидя дремал. К нему обратился доктор в чалме:

— Имя, возраст и фамилия?

Брат Груни ответил вялым сонным голосом.

— Любимая игра?

— Футбол.

Получив ответы, маэстро внушил Вадиму:

— Сейчас бодро откроете глаза с полной убежденностью, что перед вами гадалка...

Экспериментатор вынул из кармана свечу, зажег ее и лег на три стула. Поза знаменитой старорусской гадалки была знакома многим рушанам. Сосед по стулу спросил Алешу:

— Неужто и наша таким манером?

Алеша поддакнул. А тем временем Вадим открыл глаза и без тени юмора обратился к ясновидящей:

— Кто я такой?

— Твоя фамилия Орлов,— начала «гадалка» бабьим голоском...

И по мере точных ответов «ворожеи» белокурый медиум все выше и выше поднимал голову. Его удивление было настолько искренним, что публика одобрительно взревела.

Но раздался и такой голос:

— Подставной, дуй со сцены!

Алеша не видел, кто это крикнул, но твердо решил после сеанса последовать за братом и сестрой.

Предчувствие не обмануло. На тихой улочке двое «хулиганов» настигли Орловых и накинулись на Вадима:

— Ты, шут, сколько получил за...

Двуногий жердина захлебнулся: с неженской силой ему по зубам отвесила Груня.

Второй, кривоплечий, замахнулся железной тростью, но Леша не дремал: подскочил, ухватил его за руку. Раздался хруст. Железка брякнула о землю.

Не ожидавшие отпора налетчики пустились наутек. Вадим узнал старорусского вратаря и протянул ему руку:

— Спасибо, Смыслов!

Леша приветливо кивнул им:

— Проводить?

Брат утвердительно кивнул головой, но сестра подняла железную трость и отказалась от Лешиных услуг:

— Мы теперь с оружием. Шагай домой, пока совсем не стемнело.— Она посмотрела в сторону убежавших:— Пашкины друзья. Вадим сказал Соленому, что он украл муку. Вот Пашка и подстроил...

Груня взяла брата под ручку и через плечо попрощалась с Алешей, но и шага не сделала, как, видимо, вспомнила про ершовское письмо.

— Ты где работаешь в парке?— спросила она каталя и, немного подумав, сказала:— Я сама занесу...

На всякий случай Леша, прижимаясь к забору, проводил Орловых до шуровской дачи. Он слышал, как мадам Шур открыла двери квартирантам. Сегодня на сеансе гипноза она сидела рядом с младшим Роговым. Карп перестал играть в футбол: ударился в коммерцию.

В проходной курорта Лешу поджидал Сеня. Он отвел приятеля к одинокому кусту жасмина:

— Дала письмо-записку?

— Завтра... днем...

— Точнее!

— Не знаю, сама принесет,— заверил Алеша, а в сознании мелькнуло: «Не показать ли ученому-криминалисту? Ведь Груня ждет графологического анализа...»

ГРАФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Работали под горячим, ослепительным солнцем. Сегодня почему-то Леше не шло на ум задание по логике. Все его мысли сводились к одной: скорей бы пришла Груня.

Нижнее озерцо походило на раму со множеством деревянных переплетов, между которыми под тяжестью минеральной воды созревала лечебная грязь. Сезонники, без рубах, в засученных штанах, нагрузили тачки минеральной грязью и задымили махоркой.

Стоя на дощатом настиле квадратного отсека, Леша энергично орудовал длинным черпаком. Он трудился за двоих: небольшой загон позволит ему спокойно побеседовать с Груней. Лишь бы Оношко не помешал. Профессор, прогуливаясь по парку, ежедневно навещал своего ученика. Впрочем, сейчас его приход будет кстати: ученый-криминалист наверняка разбирается в почерках.

С берега раздался условный свист. Сеня не побоялся испачкать белый костюм и лосевые сандалии. Переодетый чекист подошел к приятелю и, приветствуя, лукаво спросил:

— Был тут пузан-нарзан твой?

— Осторожней, не замарайся!— Леша вскинул черпак, полный грязи.— А что?

— Не вздумай дать ему письмо на экспертизу...

— А что?! Криминалист! Ученый! Поможет...

— Цыть, дура! Он уже разок помог: закрыл одно дело.— Сеня шагнул ближе к приятелю:— Снесешь на «голубятню». Чуешь?

Селезнев был всего на один год старше Смыслова, но всегда и во всем верховодил. Однако придет время, когда Леша даст ему отбой. Каталь осторожно опрокинул черпак в широкобортную тачку:

— Сеня, а дневник добыл?

— Все на мази: мы с Ниной идем по грибы!— Сеня ракеткой изобразил лопату:— А ты, дружок-приятель, что-нибудь откопал?

Каталь удивился. Он не рассказывал чекисту про случай в монастыре. Выходит, Воркун работает не только в угро.

— Ты от Ивана Матвеевича узнал?

— Впредь, Леха, меня не обходи — докладывай...

— Да пустое дело! Кто-то начал рыть, а там слой битого кирпича: попыхтел и отвалился...

— Куда? В какое место? Нашел-разыскал?

— Нет.

— Плохо искал, друг-приятель. Рыли-то ночью.

— Думаешь, Ерш Анархист?

— Не только Ерш. По всей Руси слух идет об изъятии ризниц. Церковники не дремлют. Понимать надо, Смыслов!

Чекист увидел на аллее девушку с черной косой и поспешил на берег.

Леша почувствовал во всем теле беглый озноб. Он почему-то вспомнил Груню возле колодца с ведром. Ему нужно идти, двигаться, иначе выдаст свое волнение...

— Здравствуй, Грушенька!— встретил он ее на берегу, сопровождаемый завистливыми взглядами товарищей по работе.

Груня ответила легким кивком головы. Она протянула ему бумажный треугольничек без адреса и вопросительно заглянула Леше в синие глаза:

— Когда вернешь?

— Завтра,— твердо заверил он и указал в сторону спортивного городка:— Приходи на футбол. Игра с новгородцами!

— Вадим говорит, ты знатный игрок,— проговорила она в раздумье и, не прощаясь, повернула назад.

Он долго смотрел ей вслед, думая: «Если придет — судьба».

«Груня, паллнда моя!

Пишу тебе с другого берега, но никакая волна не разлучит нас. Мы связаны морским узлом. Лишь дай сигнал — я мигом примчусь за тобой. На горизонте нашем житуха что надо!

Говорят, что художник Сварог похвалил твой портрет. Возьми его на память. Ты мне нужна живая.

Решай, зазноба! Жду весточки!

Твой суженый».

Записка без подписи и адреса, но Воркун явно заинтересовался ею. Он старательно разгладил пышные усы, одобрительно посмотрел на Лешу:

— Добро! Считай себя стажером.— И кивнул на дверь «голубятни»:— Крикни Сеню!..

Вскоре Иван Матвеевич и молодой чекист сообща составили «графологический анализ». Закрыв окно, Сеня прочитал вслух:

— «Прямые жирные буквы говорят о том, что написавший их обладает смелым, напористым характером. Все заглавные буквы имеют свое лицо: автор письма не лишен художественного глаза. А то, что буквы отрываются друг от друга, свидетельствует, во-первых, о свободолюбии, капризности, неуживчивости; во-вторых, о бурно прожитой жизни; в-третьих, о рискованной погоне за счастьем. Письмо без подписи, выходит, автор осторожничает, побаивается правосудия. Каждая строка лезет вверх: автор стремится покончить с низкой почвой и взойти на открытую гору...» — Сеня передал листок приятелю и подмигнул: — Повери́т?

— Конечно!

— Ну тогда,— пробасил Воркун,— узнай адрес или место встречи. Да, дружище, с работой каталя — конец...

Радость щекотала язык. Хотелось всем знакомым, всем товарищам по работе, по футбольной команде сообщить: «Я стажер!»— но Воркун предупредил Алешу: «Скажи только матери».

Мать подарила сыну отцовский костюм. Она, сторожиха курорта, знает: работа уголовного агента опасна. Ее советы, наставления не лишены мудрости. Он слушает, а сам смотрит через открытое окно на футбольное поле. Там заиграл духовой оркестр. Там состоится встреча

с Груией. Он ие сомневался, что оиа придет сегодия. Только не подкачать бы!

Да, игра ответствениая. Сбориая Новгорода — сильиая команда. И матч судит известиый петроградский футболист Бутусов. Ои приехал иа курорт подправить здоровье.

В костюме голкипера Леша походил иа спортсмена из аиглийского журиала. Тетя Марфа и дядя Сережа славио отметили деиь рождеиия племяииика: тетя подарила шерстяиые иоски до колеи, а дядя — старый охотничий костюм и греческий флаг в бело-сиию полоску. В 1910 году Старую Руссу посетила королева эллииов кягиия Ольга. В честь ее иа Путевом дворце, где Марфа мыла полы, развевались греческие флаги. Леша ие выясиял, каким образом одии флаг попал к дяде Сереже. Важио, что дядя, ярый болельщик футбола, своим глазом изобретателя узрел в бездействующем полосатом полотиище великолепиую голкиперскую форму.

Пусть смотрит Груия! И костюм хорош, и сам вратарь — акробат. Леша отличился еще в детской комаиде, где играли в особый мяч. Его покрышка — шита-перешита, заплата иа заплате, шар ие шар, а колбаса. От сильиого удара мяч описывал в воздухе дугу и летел иазад, как бумераиг. Наступательиый полет иес в себе же обратную силу. Пас другому — пас себе. Бьешь в левую голштаигу, а мяч летит в правую. От вратаря требовалось цирковое мастерство. Но Леша иикогда ие суетился. Кажется, ои постороииий в игре. На деле же вратарь, словио ястреб, зорко следит за мячом и зараиее выбирает едииствеииую возможиую позицию. Умиый вратарь ие зиает иеожидаииых ударов...

В первом тайме иовгородцы иепрерывио атаковали ворота, и всё безуспешио. Леша, как всегда, играл виртуозио. За три миииуты до перерыва старорусские иападающие Юхиов, Коростыиский и Витя Масловский удачио разыграли комбииацию и забили гол в сетку гостей.

Длительиый свисток судьи. К воротам Алеши подошел Вадим в иовой красиоармейской гимнастерке. Он, сияющий, довольиый, стал хвалить вратаря, ио тот прервал его:

— Где сестреика?

— Поехала с хозяйкой иа Ловать.

— Зачем?

— Сеио коснть. Записку проснла передать мие...

За пакетом Алеша сбегал домой. Его подстегнула страшная мысль: «Груня поехала к Ершу и больше не вернется в Руссу». И как он, агент, прозевал! Все эти дни следил за ней. Днем она работала в магазине Солеваровой, а вечером читала книги или шла в церковь. Сегодня Леша задержался в конторе курорта, оформлял документы, а потом отправился в угрозыск и заспешил на футбол...

Во втором тайме Смыслов пропустил два мяча. Он смотрел на игроков, а видел Груню рядом с Ершом Анархистом. Вратарь с трудом дождался финального свистка.

К счастью, дом возле футбольного поля. Леша быстро переоделся, вскочил на велосипед и помчался на Ильинскую к Воркуну.

По двору бродила хмурая Пальма. Она ждала хозяина. Он все чаще и чаще задерживался во флигеле Ланской.

Иван Матвеевич провел Алешу в дом Роговых:

— Что стряслось, дружище? Ну?

Он спокойно выслушал сбивчивые объяснения Леши. Помолчал. Потом перевел взгляд на стенной календарь:

— Через день открытие охоты — твое появление в челне с ружьем не вызовет подозрений. Ну как, охотник, махнешь на Ловать?

— Хоть сейчас!— обрадовался Леша.

Иван Матвеевич улыбнулся, извлек из портфеля карту Старорусского уезда и показал расположение монастырских покосов...

— Будь готов к тому, что здесь,— Воркун пальцем провел по левому берегу Ловати,— место встречи не только с Ершом, но и Рысью. Солеваров уже второй день там. Ерш и Рысь скорее всего где-то рядом с пожней. Они не дураки: в лагерь, к костру не подойдут. Так что ты по всему берегу пошукай...

Он завистливо вздохнул:

— Эх, отвел бы душу — погонял бы утят, да не могу — нет заместителя, второй год без помощника. Как ты думаешь, твой дядя расстанется с фабрикой?

— Конечно! Он же с вами был в разведке!

— Да, Сергей — разведчик и стрелок отменный, но и теперешнее дело любит. А все ж попробую переманить...

Спрятав карту, Иван Матвеевич крепко пожал руку стажеру:

— Ну, дружище, ни пуха ни пера...

На обратном пути Леша встретил Сеню с Ниной Оношко. Она узнала, что Смыслов едет на охоту, и радостно воскликнула:

— Идея! Алешенька, возьмите меня с собой!

— Минутку!— вмешался приятель.— Вы же собирались в лес по грибы — по ягоды?

— Нет, Сеня, ваша прогулка не спасет меня от танцев и фантов с поцелуями. Здесь все помешались!..

Недоговорив, она повела «охотника» в гостиницу.

Профессор приветливо встретил своего ученика, но дочкину причуду не одобрил.

— Ты только представь, Нинок, туман, сырость, комары и кругом одна осока! Нет, нет, доченька, не с твоим здоровьем. Вот в лес на час-два, пожалуйста!

— Иди сам в лес, папуля! Тебе это очень полезно! А я поеду на охоту!

— Никуда не поедешь!

— Поеду!..

Не успел Алеша выйти из гостиницы, как его атаковал Сеня. Он сказал, что поездка Нины на охоту сорвет ему операцию с дневником Рогова...

— Я все подготовил, а ты, олух царя небесного, подставил ножку! Вернись и скажи: «Мой челн рассчитан на одного!»

— Ни мой челн, ни твоя операция не рассчитаны на одного.— Алеша оглянулся по сторонам.— Прикинь, Сенечка, с кем она скорее заговорит о дневнике Рогова: с тобой, чекистом, или со мной, футболистом? Больше того, на охоту она может взять дневник, если не рискнет оставить его дома, в гостинице...

— Пойдем-бежим к Воркуну: он рассудит нас!..

ПОВОРОТ ЗА ПОВОРОТОМ

Попутный ветер и течение согласно гнали челн. Леша с длинным веслом сидел на корме. Нина лежала на ватнике, раскидав косы... Вместо подушки — корзина с подсадной уткой.

Полисть! Удивительная река! Одно колено за другим — поворот за поворотом. Так и в жизни. Еще позавчера он работал каталем, а сегодня он — стажер, выполняет ответственное задание. Еще вчера казалось, что Сеня опять побьет его в споре, и вдруг Иван Матвеевич

говорит: «Алексей прав, присутствие Нины — дополнительная маскировка».

Скрывая улыбку, рулевой отвернулся к берегу. Над кустами возвышался стог сена, а над ним в утренней дымке плавилось солнце. Юноше дышалось легко. Он веслом резанул воду:

— По этой реке славяне передвигались на север. Значит, Русса старше Новгорода...

— Кулик вы, Алеша! Великий Новгород — колыбель России...

— Нет! Здесь началась Русь. Откройте карту России. Где еще, в какой местности столько названий с корнем «Русь»?

— Русса Старая...— Нина приподняла голову.— Еще что?

— Хотя бы Околорусье! — Он рукой повел по горизонту:— Считайте! Руснно. Русаново. Роснно. Руска. Русское. Порусье. Доварус и дважды Новая Русса!

— Наука покажет, кто прав. Впрочем, Полисть несет в себе греческий корень «полис»— город, государство. Возможно, реку назвали в честь нового русского государства...

Она опустила голову и закрыла глаза. Интересно, о чем она все время думает?

Впереди широкая Ловать. Леша внимательно окинул взглядом осочное царство. На левом берегу Полисти, в районе озерка Копанец, виделся сизый дымок. Вдруг дым смешался с паром...

«То ли костер залили, то ли потаенный сигнал»,— рассудил Алеша и причалил к берегу.

Долбленое суденышко носом клюнуло песок. Нина, протирая глаза, расправила худенькие плечи:

— Приехали?

Скрывая истинную причину остановки, молодой охотник сказал:

— Поищем, где больше рыбы и дичи. Я разведаю, а вы тут пока искупайтесь...

Прихватив ружье, он вышел на землю. Заросли ивняка затемнили песчаную кромку берега. Тропка вывела Лешу на косогор. Там, между рекой и озерком, он увидел двускатный шалаш. Из крыши торчало поломанное косовище. На нем восседала ворона.

«Опоздал»,— подумал он и прибавил шагу.

Птица взлетела. И на один миг ее тень накрыла потухший костер с мокрым пеплом. На березовой плахе све-

жий след от малюсенькой наковальни, на которой правят косы.

— Готовый ночлег! — объявила Нина, подбегая к шалашу.

Со стороны озерка раздался пронзительный свист. На маленьком островке кто-то махал зеленой шапкой. Неизвестный подзывал рыбака на лодке, загруженной мережами. Все это показалось Алеше загадочным, и он дал команду:

— Нина, на разгрузку челна!..

Перетаскивая вещи, он взял Нинин пакет с продуктами и старательно ощупал его. Ему показалось, что на дне пакета лежит тетрадь. Леша нарочно замешкался, свернул в кусты и спрятал пакет.

Профессор жаловался, что дочка ничего не ест, питается лишь сластями. Он будет рад, если Нина вернется домой с волчьим аппетитом. Леша убьет двух зайцев: порадует своего учителя и добудет роговский дневник...

Нина помогла Леше перетащить пустой челн в озерко. Тихая зорька обещала хороший клев. Удочка с поплавком досталась девушке, а себе взял «дергалку» с блесной. Он сел в челне лицом к островку...

Там, на зеленом бугре, торчало сухое дерево с белым полотенцем. Неизвестный охотник в зеленом костюме о чем-то беседовал с пожилым рыбаком. Они сидели на поваленной березе возле потухшего костра.

По гладкой воде звук летит отлично. Леша услышал заключительную фразу, произнесенную охотником:

— Удар без удара — необычное убийство!

Вспомнился приятель Селезнев. О смерти Рогова он сказал: «Убийство без убийства». Может быть, неизвестный охотник рассказывал о таинственной смерти уполномоченного губчека?

Леша через плечо взглянул на Нину. Она поймала окуня и взвизгнула от восторга:

— Ура! Карась!

Юноша помог снять с крючка «карася» и, подергивая короткой удочкой, снова перевел взгляд на островок. Рыбак уже стоял в лодке с веслом в руке, а неизвестный охотник крикнул ему:

— Пахом, спасибо за леща!

«А вдруг Рысь переоделся охотником?»— подумал Алеша и решил сегодня же познакомиться с ним.

Земля заметно притянула к себе солнце. Вечерняя зорька не обманула надежды юноши. Клев был прекрас-

иый. Уха получилась иаваристая. Но Нииа отказалась. Оиа загляиула в шалаш и быстро вериулась к костру:

— Алешеиька, вы куда положили мой пакет?

Ои обыскал шалашик и развел руками:

— Вот те раз! Пока удили — кто-то свнстнул. Завтра открытие охоты: тут за каждым кустом охотиикн...

— Чепуха! Я могу иеделю иичего ие есть!..— она равнодушио махиула белой паиамкой.

«Выходит, пакет без диевиика»,— смекиул Алеша. Зайдя за куст, ои осмотрел пакет, прикрыл его травой, зашагал обратио. На ием был дядии охотничий костюм, высокие сапогн. Выглядел ои солидио. Заговорил баском:

— Свежие следы ведут к реке...

Ниіа промолчала и, пожелав спокойиой иочн, забралась в шалаш. За деиь оиа иадышалась свежим воздухом, устала и захотела спать. Ему стало жаль голодиую девушку, ио мысль о Груие отвлекла его...

Ои вымыл солдатский котелок, иарубил веток для утреиией охоты и, засуиув фнику за пояс, иаправился к челиу.

На островке, возле костра, сидел иезиакомый охотник. Ои пил чай с чериыми сухарями, которые мочил в голубой кружке. Его шапка с длииным козырьком и окаитоваииая куртка подкрашеиы пламеием костра. Освещеииое лицо с бородкой при каждом движеиии иижией скулы то удлиияiлось, то сокращалось. По краям костра иа одиой рогатке обсыхал иачищеииый котелок, а на другой медиый чайиик. За спиной охотиика иебольшой самодельиый столик из прутьев. Полотеице по-прежиему висело иа сухой ветке. А за кучей хвороста, у подиожия холмнка, угадывался иебольшой чели по росту хозяииа.

На приветствие Леши иебритый отшельиик поднял голову и простужеииым голосом пригласил его к чаю:

— Ну как, голубчик, рыбалка?

Отвечая, Леша отметил: «Глазастый».

— А вы без удочек?

— С переметом...

«Голос иезиакомый, а лицо видел»,— припомнил Алеша и присел на корточки:

— Вы из Старой Руссы?

— Да.— Ои иадел простые очки и уставился иа Лешу:— Не вы ли продавали флажочки в пользу голодающих?

«Вот это память!»— удивился юиоша и сорвал былинку:

— Вы с каким цветом чай пьете?

— Только не с этим, друг мой,— улыбнулся незнакомец.— У вас в руке знаменитая цикута, или вех. Ядом ее был казнен Сократ. Вы слышали о греческом философе?

Алеша утвердительно кивнул головой и против своего желания хвастливо заявил:

— Я изучаю логику...

— Логику?!— удивился охотник и вскинул глаза:— Какую же, батенька, формальную или диалектическую?

— Ту самую, которую изучал Шерлок Холмс.

— Значит, формальную.— Он прислушался к всплеску воды.

Леша подумал о прожорливом соме, но собеседник уверенно бросил в темноту:

— Цапля!— И продолжал:— Для нашего времени Холмс далеко не идеал сыщика. Судить по большому размеру шляпы о большом уме хозяина шляпы; распутывать сложные преступления только с помощью элементарной логики; видеть чуть ли не в каждом человеке преступника. А главное, Шерлок, по существу, всегда и всюду действовал о д и н, как сверхумный сыщик. И в этом, учтите, его ограниченность...

— Я знаю профессора, ученого-криминалиста. Так он тоже большой поклонник английского сыщика и его логики!

Защищая ладонью глаза от пламени, пожилой охотник опять взглянул на молодого собеседника:

— Новому следователю, голубчик, нужна и новая логика.

— А в чем разница между старой и новой?

Незнакомец поинтересовался Лешиной профессией, выяснил его основной инструмент труда и наглядно пояснил:

— Ваш черпак пригоден для расчистки канавы, но, чтобы углубить фарватер реки, нужна землечерпалка. Так и формальная логика хороша только для узкого и мелкого вопроса, а чтобы проникнуть глубже и шире, чтобы вскрыть пласты противоречий — нужна диалектическая логика. Другими словами, друг мой, первый шаг следователя — обозрение, а второй — проникновение. Обозревать можно и с помощью школьной логики, но для второго шага — для проникновения — нужен инструмент сложнее и гибче...

— Какой, например, пласт противоречия?

— Ну, скажем, преступление, которое можно выразить такой формулой: УБИЙСТВО БЕЗ УБИЙСТВА.

— Это же нелогично!

— С точки зрения элементарной логики, но жизнь, голубчик, заставляет нас смотреть иначе.— Он веткой указал на озерко:— Здесь недавно старый рыбак проверял мережи и рассказал мне быль. Заметьте, с такими подробностями, что видно, сам пережил все это...

Рассказчик откашлялся и, вынув платок, отмахнулся от дыма:

— Невзлюбила свекровь невестку и задумала извести ее. Невестка была из другой деревни, не поозерка. И шибко испугалась, когда муж, рыбак, принес домой, как диковинку, большого угря. В этих местах угорь — редкий гость: здесь водятся вьюны. Жена кричит: «Ой, страх, умру!» А муж смеется, не верит. Тогда вмешалась свекровь — упрятала угря. А ночью, когда сын ушел на сойме в озеро, она, босая, подкралась к спящей невестке, да и пустила под одеяло ползучего, как змея холодного. Жертва раз вскрикнула и каюк. Вернулся сын, а мать на него: «Вот, душегуб проклятый, напугал женку, а ей, видать, и приснился змей. Сама слыхала, как, бедная, во сне ойкнула!» Ни лекарь, ни становой, ни поп, ни муж — никто не заподозрил убийства. А убийство налицо. Только перед смертью старуха исповедалась в тяжком грехе. Нуте, голубчик, что тут получится с точки зрения формальной логики?

И собеседник не без улыбки преподнес умозаключение:

— СМЕРТЬ БЕЗ СЛЕДОВ УБИЙСТВА НЕ ПОДЛЕЖИТ РАССЛЕДОВАНИЮ.

СМЕРТЬ МОЛОДУХИ БЕЗ СЛЕДОВ УБИЙСТВА.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СМЕРТЬ МОЛОДУХИ НЕ ПОДЛЕЖИТ РАССЛЕДОВАНИЮ.

Если бы в эту минуту охотник с бородкой бросил в костер фунт пороха, то взрыв потряс бы Лешу меньше, чем этот неожиданный силлогизм. Юноша привстал:

— А как же... а как же... это будет по-вашему?

Большелобый охотник поднял с земли горсть песку и развернул ладонь к свету:

— Скажите, друг мой, песок полезен или вреден для нас?

Раньше ученик Челпанова и Оношко ответил бы категорично: либо «да», либо «нет». Но сейчас, подражая Селезневу, он развел руками:

— И да и нет.

— Совершенно верно!— подтвердил незнакомец вытянутой ладошкой.— В составе стекла песок полезен, а на стекле вреден. Песчинка царапает драгоценности, и она же рождает жемчуг в раковине. В затворе винтовки песчинка губит солдата, а тот же песок в мешке на бруствере спасает. Песок крепит бетон, и он же символ рыхлости —«строить на песке». В одном месте создает плодородную почву — лесс, в другом голодную степь-пустыню...

— От сырого песка простуда, а от горячего здоровье,— дополнил Алеша, чувствуя, что сейчас в его голове совершается крутой поворот.

— Да, голубчик, все зависит от места, времени и условий.— Бросив песок, он вскинул руку:— И второе! Все на свете противоречиво. Отсюда, друг мой, и разноречивый подход к поозерской были...

Боясь пропустить хоть слово, Леша приблизился к пожилому охотнику и замер. А тот продолжал:

— Чем бесспорнее причина смерти — разрыв сердца от страха, тем сомнительнее, что смерть наступила в результате ужасного сна, ибо сон пугает, но он же и предохраняет, уступая место спасительному акту пробуждения. Так или не так?

— Так!— твердо ответил Алеша и почему-то вспомнил выступление гипнотизера.

— Стало быть, причина испуга молодухи — другая. Стало быть, единственный очевидец необычной смерти может быть свидетелем, но может быть и убийцей. Так или не так?

— Так!

— Значит, голубчик, мы анализируем убийство без убийства?

В сознании Леши промелькнули кадры прожитых дней — загадочная смерть Рогова, постоянное превосходство Селезнева в споре, его страсть сталкивать разноперые слова и его частые отзывы, полные уважения, о своем учителе Калугине...

— Николай Николаевич, я признал вас!

Теперь Калугин приподнялся:

— Каким образом, голубчик?!

— Ваш ученик Сеня Селезнев — мой друг. Он часто рассказывал о вас...

— И так точно обрисовал мой портрет?

— Нет! У вас с ним общий строй мысли: очень редкий...

— Ну-с, друг мой,— оживился Николай Николаевич,— найти «игрека» среди болот, не зная его конфигурации, без посторонней помощи, только по строю мысли — это больше чем похвально. Заметьте! Даже Шерлок Холмс не решал таких...

Он не договорил. С берега долетел девичий крик.

Алеша оглянулся.

На стоянке горел шалаш, а вокруг огня бегала Нина. Она была в одном купальнике.

— Ваша сестра?— спросил Калугин, щуря глаза.

— Дочь профессора Оношко!

Юноша бросился к челну. Изо всех сил действуя веслом, он ломал голову: «Кто же поджег?»

Леша и мысли не допускал, что жизненные повороты могут быть и такими. Нина сама подожгла хижину, в которой оказались насекомые. Пострадавшая сердилась и хохотала:

— Чуть живьем не съели! Что за дрянь?!

Леша вспомнил, что на охоте дядя Сережа всегда избегал готовых шалашей. Молодой охотник уверенно ответил:

— Блохи! Комары! Тараканы! Муравьи! Клопы!

— Почему же не предупредил?! Куда исчез?!

Оказывается, Нина знает Калугина. Их познакомил Сеня. Калугин провел с ними экскурсию по городу и признался, что мечтает вернуться к преподавательской деятельности.

— Я тоже буду учительницей. И начну, как Николай Николаевич, с деревенской школы. Не веришь?

Он верил, только не мог понять, почему Нина любила уединяться. Вот и сейчас курортную жизнь променяла на охоту. Она что-то скрывает.

Леша укрепил железные дуги на челне, натянул палатку. Он лег ногами к корме, а Нина к носу. Она долго не могла заснуть — крутилась, вздыхала, наконец не утерпела:

— Я ведь давно знаю Леонида Рогова. Приезжая в Питер по делам, он всегда останавливался у нас в доме. Они с папой старые друзья. Я увлеклась Леонидом. Но призналась ему лишь незадолго до его смерти...

— Нина, а тебе не кажется, что смерть чекиста загадочна?

— Не думала и думать не хочу об этом.— У нее дрогнул голос.— Ты не представляешь, что я пережила, когда он сказал: «У меня одна страсть — Ланская». И последнее время он безумно страдал от того, что она не сняла крест ради него...

— Ты прочитала об этом в дневнике?

— Нет, я чужих дневников не читаю, это подло!— Она выглянула из палатки и радостно воскликнула:— Калугин не спит! Я хочу к нему. Алешенька, не обижайтесь на меня. За мной заедете на обратном пути...

В самом деле, жизнь полна крутых поворотов!

ОХОТНИК В ЛОВУШКЕ

За ночь туман-пришелец полонил сотни озерок, рек, речушек и даже огромный плес Ильменя. Над всем краем, куда ни взглянешь, нависла белая тьма. Солнца еще нет, но восток уже бросил в бой полчища света. А молодого селезня снетками не корми, дай лишь полюбоваться редким зрелищем. И вот летит, быстрокрылый. Смотрит кругом, крякает от счастья. А песня-то и погубит его чистую душу.

Услышав гостя, подсадная кряква Машка распластала крылья. Затрепетала. А он, ухажер кольцастый, ничего не видит, кроме нее, крякушн. Шипит! Петушится. Хвостом веерит. К счастью, вместо выстрела из челна раздался веселый басок.

— Спасайся, дурак! — крикнул Алеша.

Пощадив селезня, охотник думал о себе. Его сердце тоже на мушке. Как-то встретит Груня? А может, Леша опоздал: рыжий матрос опередил и увез ее?

Юноша приподнялся и осмотрел горбатую пожню. Солеваровский лагерь просыпался. Возле трех шалашных построек мужчины точили косы, а костер обхаживали две женщины: одна высокая, полная, другая и ростом ниже, и стройнее.

«Эх, вот бы Солеварова и Груню сюда»,— прикинул он и повел глазами по горизонту.

Со всех сторон гремели выстрелы: сегодня открытие охоты. Появление на берегу Ловати молодого охотника не удивит Солеварова, и все же есть смысл повидаться с Груней наедине.

Он посадил Машку в корзину, собрал чучела и загнал челн в прибрежный ракитовый куст. Отсюда лучше всего вести непрерывные наблюдения за лагерем.

Вот мужчины позавтракали и с косами в руках пошли в сторону скошенной осоки. Один из них, бородатый, повернул к берегу Ловати. У него — весло и удочка. Похоже на то, что это старик Солеваров. Женщины остались мыть посуду.

На козлах сох просмоленный невод. Сетка позволила Леше незаметно приблизиться к лагерю. Он услышал, как дородная женщина по-хозяйски распорядилась:

— Груня, иди за ягодами. Я уж домою...

«Не успела с Ершом!»— счастливо забилось сердце.

Леша поспешил к берегу Ловати. В кудрявых кустах пела зорянка. Она приглашала к спелой малине и сочным черно-сизым гроздьям ежевики. А над водной гладью, высматривая добычу, резво порхали, как гигантские бабочки, речные чайки.

Здесь никто не помешает поговорить с Груней. Наблюдая за лагерем, юноша тихонько запел:

Мы — кузнецы, и дух наш молод,
Куем грядущего ключи...

Ему представилась Русса с тысячью фонтанов. Ветерок относит брызги на гладкие дорожки, по которым они с Груней мчатся на велосипедах...

Идет!..

На ней белая легкая блузка и черная расклешенная юбка. Она пересекала прокос. Босые ноги, опасаясь щетины скошенной травы, скользили, как лыжи. В руке качалась плетеная корзиночка. Темная коса лежала на груди.

Над ее головой пронеслась стая чирков. Леша вскинул ружье — два залпа, и пара уток перевернулась через голову. Груня кинулась к кустарнику, над которым таяли два облачка порохового дыма.

Сердито закричала:

— Эй, охотник, осторожней!

Он вышел навстречу девушке. Она не сразу признала Лешу в охотничьем костюме. Гнев сменился на ее лице удивленно-довольной улыбкой.

— Ты ли это, Алексий?!

— Нет,— засмеялся он.— Алексий в Новгороде, а я здесь... [1] Ты веришь в судьбу, Грушенька?

— Я верю своим глазам и сердцу. Оно не обманет меня.— Груня вынула из кармашка платья знакомый лист

[1] **Алексий** — тогдашний новгородский митрополит.

с графологическим анализом:— Вот, спасибо тебе, все как есть в жизни! Так я и думала о нем...

— Кто же тебе доставил?— Алеша показал глазами на лист.

— Вадим. Вчера подъехал на «Мелководном». И тебя видел.— В ее карих глазах вспыхнул огонек.— Кто такая в синем костюме и белой панамке?

— Дочь профессора.

— С тобой-то одна, без профессора?

Он рассказал о злополучном шалашике и о Калугине...

— Нина осталась с ним на островке,— юноша махнул рукой в сторону Взвада,— а я сюда по Ловати к тебе... Не рада?

— Рада. Очень рада, если это взаболь [1].

— Разве тебе сердце не подсказывает?

— Если верить сердцу, то ты чего-то таишь от меня.— Она заглянула ему в глаза:— Чего задумал?

Вспомнились слова Калугина о связях агента, и Леша, поколебавшись, бухнул:

— Хочу Ерша повидать.

— Зачем?

Они сели на толстое бревно, наполовину утопшее в песке. Их прикрывали кусты, впереди золотилась широкая Ловать. Речную дорогу резал маленький буксир. Пыхтя, фыркая, он тащил длинную баржу с дровами.

Леша рассказал историю с обменом масла на браунинг...

— А на другое утро он выкрал свою пушку...

— Так это твоя мука?— удивилась Груня и, в свою очередь, известила Лешу о пропаже на продуктовом складе, где работает ее брат.— Вадим просит меня подоброму откликнуться на письмо поповича.

— А ты?

— Я б откликнулась, если б тебя не встретила.— Она плечом туго прижалась к плечу Алеши.— Этакое со мной впервые...

— Я тоже... еще ни с кем...

Он смутился, опустил голову. Груня с первой встречи заметила, что сын Прасковьи серьезный, неизбалованный, приятный. С таким она охотно будет водиться.

— А эта, беленькая... дочка профессора?

— Она до сих пор любит Рогова.

[1] **Взаболь** — по-местному: правдиво, без обмана.

— За это хвалю! Я тоже такая, если полюблю — иавек!

Оиа решительио подиялась: иужно собирать ягоды. Леша помог. Оии вдвоем быстро заполнили корзииочку до краев.

Прощаясь, Леша подарил Груие пару чирков и спросил:

— Тебе кто передал записку Аиархиста?

— Пашка Соленый.

— Он зиает его адрес?

— Зиает, да ие скажет.— Груня приподняла плетенку с ягодами: — Хозяйка собирает посылку для племяиника.

— Кто повезет?

— Меия ие пошлет,— улыбнулась Груня и свободиой рукой показала на камень: — Жди тут! После обеда приду с бельем...

Ои глазами провожал ее до самого лагеря. Ему и в голову не пришло, что его чиркн будут поджарены Солеварихой и уложены рядом с банкой варенья в одной посылке...

Молодой охотник перегнал челн к песчаиой косе и стал собирать сухую древесину. Под иогами блестели ракушки. А с кручи, где лентой вытяиулся кустарник, доносилась красноармейская песия: «Белая армия, черный барон...»

Леша зиал, что здесь, иа Ловати, каждое лето заготовляла сено хозяйствеиная рота старорусского гарнизона, и посмотрел в сторону военного лагеря: «Может, и отец сейчас возле костра?»

Утиный бульон получился иа славу. Обедая, Леша вспомнил про Нинин пакет с провизией и фруктами: «Не угостить ли Груню сластями?» Но побоялся опоздать иа свидание: до Полисти туда и обратно добрый час с лишним.

И хорошо, что не рискнул. Груня забежала на одиу минуту. Хозяйка поручила ей варить варенье. Девушка пожалела, что принесла в лагерь чирков. Буквальио все заинтересовались: «Чья дичь?»

— Я, дуреха, сказала: «Зиакомого охотника». Вера Павловна и сам хозяии примолкли. Но Пашка крепко присосался: «Кто да где?»— Груия махиула косой в сторону лагеря:— Солеиый приказал Цыгаиу присмотреть за тобой. Оии шептались, что-то задумали против тебя. Гля-

ди в оба!— На миг прижалась к нему:— Приходи к стогу, когда взойдет луна...

К ночи утки жмутся к заливным пожням. Место для вечерней охоты Леша облюбовал возле сенокосного кряжа. Нос челна загнал в куст, а корму замаскировал ветками. За спиной — море заливной осоки; впереди — полоска чистой воды с Машкой и чучелами, а за ними сухая часть пожни, которая постепенно восходила к берегу Ловати, где сплошной стеной серебрились ивы-бредины.

В кормовой части челна Леша, как всегда, стоял на коленях. Такая поза устойчива и удобна для наблюдения. В правой руке он держал двустволку со взведенными курками.

Солнце еще не скрылось за холмом Взвада, а Машка уже известила о начале зорьки. Высоко над головой просвистела крыльями пара кряковых. «На Ильмень»,— определил Алеша, провожая уток взглядом.

А в это время, прикрываясь низкорослыми кустами, Мишка Цыган выследил место охоты молодого охотника и тотчас поспешил в лагерь красноармейцев. У костра сидели новобранцы-татары. Он указал им утиный плесик, где можно запросто подстрелить болотную дичь.

На горизонте расквасилось солнце. Скоро на воду ляжет густая тень, и чирки первыми потянутся к пожне. Леша приложил кулак к чуть зажатому рту и ловко передал звонкий чирковый зов.

Леша не знал, что своей приманкой облегчил задачу красноармейцам. Они ползли по-пластунски на зов «чирка» и кряковой утки. А тут еще легкий ветерок оживил плавающие чучела. Надо было спешить. И молодые красноармейцы, лежа на земле, прицелились в «стайку диких».

Сухо треснули выстрелы. Пули скользнули по воде и рикошетом ударили по кусту, где спрятался Леша.

Машка, привязанная к колышку, рванулась к хозяину. Чучела, конечно, не взлетели. Зато молодой охотник вскочил во весь рост и вскинул «централку»:

— Кончай! Ослепли, что ли?

Не ожидая такого окрика, новобранцы поднялись и панически побежали к лагерю. Спаси аллах! Один татарин даже винтовку бросил.

Если бы не кровь на руке, Леша захохотал бы. Пуля выбила из борта челна планку, которая и ранила охотника. Вспомнился рецепт дяди Сережи: земля, паутина и порох — лучшая мазь в таких случаях.

На свидание Леша пришел с ружьем. Груня увидела охотннка с перевязанной рукой н закндала его вопросами. Оиа ие сомневалась, что ловушку подстронл Пашка Солеиый...

— Ои разок и меия замаинл, да спасла бутылка. Я разбила ее об его башку,— закончила Груия н посмотрела в сторону уснувшего лагеря:— Не заметнлн, как я ушла...

Прижнмаясь спниой к стогу сеиа, Груия прнтяиула к себе Лешу:

— А все ж бережеиого и бог бережет, давай в теиь...

Леша почувствовал иа плече теплую руку девушки. Первый раз в жизни ои познал безмолвиую близость любимой, горячий трепет ее губ вызвал у иего неизведаииую дрожь. Но это — ие страх и ие холод. В эту миииуту ои забыл все иа свете.

Первой овладела собой Груия. Оиа опустнла ладоии иа его грудь и не без сожаления прошептала:

— Все наше будет иашим...

Ему показалось, что она ие все сказала. Он ожидающе застыл. И Груня пояснила:

— На могнле отца поклялась... Еще год проиошу траур...

Леша подумал о судьбе своего отца, и ход мысли привел его к Воркуиу, который относился к иему по-отцовски. Агент вспоминл задаиие начальинка и иеожиданио спросил Груию:

— Кто повезет посылку Ершу?

— Узиала.— Оиа взглянула иа притихший лагерь, освещеииый луиой.— Пашка Соленый...

— Когда?

— Завтра.

— Отсюда?

— Нет, со Старой Руссы. Он уже там...

— Как там?!— оживился Леша.— Когда же успел?

— Поужниал, мешок за спииу и в город. Там еще коечто прихватит. Хозяйка иаказала...

— А хозяии?

— Молчит. Рыбу ловит. Молится...

Стажер понимал, что ему иадо иемедля возвращаться домой. Одиако виезапиый уход выдаст его как агента. Ои хотел и в то же время опасался совсем доверитья Груие: верующая, оиа могла поступнть «по-христиаискн»— отвести беду от Солеваровых...

Его выручила сама Груния: ей почуднлось, что в кустах кто-то затаился, и оиа проводила Лешу до челиа:

— Смеии-ка стоянку...

Ои поблагодарил ее долгим поцелуем.

ТАЙНЫЙ АГЕНТ

Пришлось разбудить Иваиа Матвеевича. Ои подиялся с днваиа ие потягиваясь, ие протирая глаза: сказалась привычка спать урывками. Протянул Алеше руку и расправил усы, как бы говоря: «Докладывай».

Стажер еще в челие продумал каждое слово.

— У Нниы Оиошко иет диевинка Рогова.— Он глазами указал иа толстый будильник, блестевший иа письмеиином столе:— Через час Пашка Солеиый повезет посылку Ершу Аиархисту. Надо успеть на пристаиь!..

Выиимая деиьги из ящика стола, Воркуи рассуждал вслух:

— Вндать, Ерш в Новгороде или рядом.— Начальник вручил Алеше иовеиькие госзиаки:— Действуй, дружище, по обстоятельствам, ио без адреса ие возвращайся...

Пальма проводила Лешу до калнткн, села, слегка взвизгиула. Оиа скучала без дела. Стажер с великим удовольствием взял бы ее с собой, да ведь известиая ищейка сразу выдаст его тайиу.

Впереди шагала собственная длиниая теиь. Леша вспоминл устиый портрет Пашки Солеиого и подумал: «А что, если ие призиа́ю?»

На пристаии Леша купил билет до Новгорода и сел на пароход «Мелководиый». От густого тумана палуба и скамейки покрылись каплями росы. Стоя возле бачка с кипятком, агеит иаблюдал за посадкой.

«Дылда. Грудь впалая, руки вислые, белобрысый, подбородок острый, глаза водянистые»,— повторил приметы про себя и остаиовил взгляд иа долговязом парие, в брезеитовом пальто, с мешком за спниой.

«Ои! И возраст средиий. Теперь ие уйдет»,— обдумал Алеша и вдруг почувствовал, что веки его слипаются. Ои опустился иа деревяииую скамейку с высокой спиикой и мигом засиул.

Только за Кривым колеиом Алеша открыл глаза. За бортом плыли береговые кусты. Возле иог иа горячей па-

лубе волновалась тень от густого дыма. На противоположной скамейке Пашка Соленый играл в карты с молодым рыбаком в высоких сапогах и линялой военной фуражке.

Леша подошел к играющим. На нем черные ботинки, отцовский коричневый костюм и коричневая кепка с длинным козырьком. На груди комсомольский значок. Он едет в Новгород поступать в совпартшколу и готов ответить на любой вопрос без запинки.

Тасуя карты, Пашка вскинул глаза:

— Подсаживайся, комсомоля!

— А это что за игра?— разинул рот Алеша.

— Игра знатная: карты с рук и весь «крюк»! [1] — Соленый сбросил третью карту:— Испытай счастье!..

Играя роль простака, агент ударил себя по карману:

— Пусто!

— Говоришь, в кармане вошь на аркане?— Пашка вытащил из мешка бутылку с белесой жидкостью: — А закусенец есть?

— Хлеб да вобла.

— Давай с икрой!

Вернувшись к своей скамейке, Леша вынул из фанерного баула пузатую воблу с куском хлеба. Он угостил Пашку, но сам отказался пить, а тем самым допустил явную ошибку. Соленый разом потерял всякий интерес к земляку в кепке и протянул бутылку партнеру по картам:

— Дерни малость!

Игра возобновилась. Все деньги, вырученные за рыбу, поозер проиграл Пашке. Последний нацелился на высокие кожаные сапоги, но вмешалась сестра рыбака: она схватила колоду карт и бросила ее за борт.

— Ты что, стерва!— взревел Пашка и замахнулся пустой бутылкой:— Вот тебе!..

Удар не получился: брат помешал Соленому, вырвал бутылку. Пашка почувствовал силенку, огрызнулся на рыбака, да тем вспышка и закончилась.

В это время кто-то крикнул:

— Встречный!

И все пассажиры уставились на белый пароход с толстой трубой. Он шел по Ловати. Сейчас будет пересадка на большой пароход. «Мелководный» прижался к берегу. Леша узнал место, где он с Ниной перетаскивал челн

---

[1] **«Крюк» — азартная карточная игра двадцатых годов.**

в озерко Копанец. Вспомнился пакет с фруктами и сластями. Его вдруг осенило. Комсомолец указал на кусты ивняка:

— А здесь шикарные груши растут!

— Брехня! — оскалился Пашка. — Тут ежевика да малина!

— Нет, и груши, и яблоки! — упрямо повторил Алеша и протянул руку: — Давай на американку! Вот сойду и нарву...

Пашка водянистыми глазами ощупал Алешины карманы и перевел взгляд на фанерный баул. Алеша понял его ход мысли:

— Я сойду с пустыми руками, а вернусь с фруктами. Струхнул?

— Бояться не в нашей натуре.— Пашка звучно вложил ладонь: — Отдашь все, что потребую!

— И ты отдашь!

Пассажиры окружили спорщиков. Кто-то из них сочувственно заметил Алеше:

— Смотри, милый, побежишь до Руссы в одних порточках!

Свидетели необычного спора засмеялись. А тем временем Леша прыгнул на берег и скрылся в кустах. Конечно, риск большой: пакет могли уничтожить водяные крысы или охотничьи собаки. В таком случае Пашка заберет отцовский костюм да еще баул прихватит. Немало неудач пережил Алеша. Но на сей раз ему повезло: пакет целехонек. За двое суток даже роса не размочила упаковку. Леша конфеты и печенье разложил по карманам, а спелые, сочные груши и яблоки бегом понес в кепке.

Двухпалубный пароход «Форель» еще ближе прижал «Мелководный» к берегу. Молодой рыбак в военной фуражке протянул Алеше руку и помог вскочить на низкую палубу.

— Угощайтесь, братцы!

Пассажиры быстро утихомирили Соленого. Напрасно тот кричал, ругался, доказывал, что здесь, на берегу, не растут груши и яблоки. Свидетели спора в один голос заявили:

— Уговор дороже денег!

Болельщики советовали победителю:

— Раздень его!

— И мешок забери!

Как только все пассажиры переселили на большой пароход, Алеша приказал Пашке вернуть деньги рыбаку и по-

интересовался содержимым мешка. Соленый молча расстался с выигрышем, но мешок не хотел выпустить из рук:

— Не загуби матку! Голодает она. Лежит в больнице. Это еда для нее...

Пашка вытащил из мешка фанерный ящик с надписью: «Марии Федоровне Коньковой».

Агент рассчитывал прочитать адрес Георгия Жгловского. Он с трудом скрыл разочарование:

— А твоя фамилия?

— Павел Коньков.— Он полез в карман:— Хошь — документ покажу...

Леша вспомнил, что Пашку Конькова прозвали Соленым, и добродушно отмахнулся:

— Ну раз матери, так вези...

Пассажиры зашумели: им хотелось посмеяться над раздетым детиной. Однако Соленый на сей раз ловко вывернулся из пикового положения. Он извлек из кармана блестящую губную гармошку и поднял ее над головой:

— Германская! Из плена привез!— Он лихо провел двухрядным ребром по губам и вывел задорный запев плясовой:— Выходи, сапогом молоти!

Вышла загорелая рыбачка с платочком в руке. Образовался круг зрителей. Леша смотрел на пляску, а сам думал: «Неужели Ерш вместе с Коньковой в новгородской больнице?» Он решил в Новгороде выследить, куда Пашка понесет посылку.

— Привет тебе, Великий Новгород!

Леша поневоле залюбовался старинным городом: кремлевская стена, каменные башни, множество белоснежных храмов — все это напомнило яркую картинку из народной былины «Садко Богатый».

Здесь, на берегу Волхова, Леша впервые. Ему хочется взглянуть на памятник «Тысячелетие России». Но Пашка Соленый проголодался и, выйдя на бульвар, указал в сторону Великого торга:

— Сначала пошамаем...

«Он тут бывал»,— смекнул Алеша и для отвода глаз спросил:

— А где совпартшкола, не знаешь?

Соленый уверенно повернулся налево:

— За Федоровским ручьем. На Московской. Самое большое здание. Я здесь солдатом служил. Шагай за мной, не заблудишься.

Мнуя рыбные ларькн, онн вышлн иа многолюдную площадь, где перед фасадом горсовета крутилась разноцветная карусель. От новых палаток пахло смолой. На прилавках товару мало, а зевак мiого. В Старой Руссе частная торговля развернулась быстрее.

Пашка купил кусок отварного мяса, пнрог с черннкой н, усаживаясь на скамейку, сказал спутннку:

— Раздобудь попнть чего-ннбудь...

Алеша зашел за прнлавок с грнбамн, оглянулся назад: Пашка, не поднимая головы, резал мясо на две частн. «Не уйдет»,— решнл агент и быстро зашагал в молочный ряд. Ои купил две бутылкн молока, поспешил назад...

Что такое? На скамейке лежалн кусок мяса н половнна пирога. А где же Пашка с мешком?

Оглядываясь по сторонам, Алеша почувствовал горячнй уголек в сердце. Веселая музыка каруселн, казалось, смеялась над тайным агентом. Он побежал в толкучку. Он найдет Соленого...

Солнце давно спряталось за башню Кукуй, а Леша все еще броднл по городу. Он навел справку в больннце, заглянул на вокзал, обошел все чайные, посетил даже Софийскнй собор, но не нашел Пашку Соленого.

«Возможно, его схватилн?»— подумал Алеша н зашел в милнцню. Потеряв всякую надежду, агент попросил начальника связать его с Воркуном. Но прямой провод с Руссой оказался в Десятинном монастыре, где временио расположилась губчека.

Леша попроснл к телефону Сеню Селезнева. Прнятель посоветовал другу вернуться домой ночным поездом.

В те годы Новгород соедннялся со Старой Руссой узкоколейкой. Леша забрался на верхнюю полку вагона, вытяиулся, голову положнл на фаиериый баул н задумался. Как же так случилось, что ои выпустил нз рук Соленого? Видимо, напрасио позиакомился с Пашкой. Наблюдая со стороны, агент наверняка бы выследнл убежище Аиархнста.

Ночь прошла в бессонннце. Он ждал, что Иван Матвеевич вкатит ему выговор.

Однако Воркун начал с того, что похвалнл стажера за находчнвость:

— Поимаешь, дружнще, адрес на посылке прнведет нас к цели...

Иваи Матвеевнч подозвал Федю Лунатнка н поручнл ему через Капитоновну разузнать местонахожденне Марнн Федоровны Коньковой...

— Я так полагаю,— подытожил Воркун,— где Конькова, там и Ерш Анархист.

Бывший рецидивист многозначительно улыбнулся:

— Да ведь Конькова — это же Лосиха, торговка самогоном...

Пока наводили справку о Лосихе, Леша успел арестовать спекулянта, поймать вора и трех беспризорников.

Справка пришла неожиданная. Мария Федоровна Конькова, по прозвищу Лосиха, находилась в исправительном лагере под Боровичами. Выходило, что там же, в лагере, вместе с Лосихой, сидел и Ерш Анархист. Второй ответ пришел быстрее, но не менее странный: в лагере не числился Георгий Жгловский, прозванный Ершом Анархистом. Все же Воркун решил послать Алешу в лагерь...

— Поедешь «подсадной уткой»...

Молодой охотник зримо представил свою Машку в стайке чучелов и засмеялся. Иван Матвеевич понял реакцию стажера и осторожно осадил его:

— Если Ерш скрывается там под чужим именем, то ты, охотник, опять можешь попасть в ловушку.

— На меня нужно «состряпать» дело.

— Ты уже состряпал,— улыбнулся начальник,— хранил оружие. Так и скажи Ершу, если он признает: «Подвел-де меня!»

В дверях кабинета Воркун задержал Алешу:

— Ты уверен, что Груня Орлова не повела тебя по ложному следу?

Вспомнилась прощальная сцена возле стога, ее чуткие губы. Нет, он верит ей. Ему даже обидно стало — покраснел до ушей.

И на сей раз начальник правильно понял стажера и доверительно похлопал его по плечу:

— Завтра твое «дело» будет рассматриваться в трибунале. Не исключена возможность, что Ершу покровительствует Рысь... Действуй с максимальной осторожностью...

ТРЕВОЖНАЯ РАДОСТЬ

Он вышел из каменного здания милиции, остановился. Со стороны Красного берега донесся протяжный гудок. На отцовских часах — девять часов. В это время фанерная фабрика никогда не гудит.

Леша вскинул глаза на пожарную каланчу. Под шатровым навесом дежурный ударил в звонкий колокол. И в тот же миг тихий дом из красного кирпича с большими дверями оживился.

«Неужели у дяди?»— мелькнуло в сознании, и Леша почувствовал, что теперь воркуновское задание вызвало в нем реальное опасение.

Вторично взревел тревожный гудок. За спиной хлопнула дверь. Алеша оглянулся, увидел плоский деревянный ящик «Для жалоб» и Воркуна с Пальмой. На ящик он обратил внимание, конечно, не случайно. Но понял это не сразу...

Побежал за Воркуном. Начальник рукой подал сигнал бородатому брандмейстеру в медной каске. Иван Матвеевич сел рядом с кучером, а Лешу подхватили пожарники и потеснились. Пальма помчалась впереди четверки здоровенных лошадей.

За Живым мостом ищейка безошибочно повернула на Красный берег. Она выбрала наикратчайший путь к пожару, где прерывисто надрывался гудок. Однако до фабрики еще далеко. Лешу трясет, в ушах звенит колокольчик.

Наконец показался высокий серый забор с колючей проволокой. Дым застилал фабричную трубу. Горела не то кочегарка, не то машинное отделение. Леша рассчитывал встретить дядю Сережу и не ошибся: мастер Смыслов помогал тушить пожар.

Загорелось чердачное помещение над машинным отделением. Пожарники повернули лошадей назад, а Воркун с Пальмой остался на фабрике. Дежурный монтер сказал, что на чердаке вспыхнула электрическая проводка...

— Тут самозагорание, товарищ начальник...

Воркун и дядя Сережа одобрительно покачали головами, но сами рассудили иначе: «Нет ли тут диверсии?» Фабрика получила военный заказ на особую фанеру для самолетов. Бывшие однополчане организовали проверку: нет ли где вставной проводки тонкого сечения...

Они пошли в длинное здание с американской сушилкой. Леша настроился принять участие в осмотре, но Воркун шепнул ему:

— Завтра отъезд, займись своими делами...

На обратном пути Леша зашел на почту, написал письмо Груне и отнес его Вадиму. Тот охотно передаст письмо сестре. Брат Груни давно искал случая подру-

житься с вратарем. Вадим даже согласился ходить с Лешиной кружкой и продавать красные флажочки.

Леша знал, что он не скоро вернется в родной город. Юноша представил исправительный лагерь, Лосиху, Ерша и вдруг вспомнил почтовый ящик на двери милиции. И вспомнил не случайно: Груня пришлет письмо в лагерь, а там, поди, Анархист будет следить за новичком. Если матрос поймет, почему Груня не откликнулась на его записку,— убьет соперника.

И все же Алексей не забрал свое письмо обратно. Он крепко пожал руку Вадиму:

— Пусть Груня навестит мою мать...

— Обязательно навестит!— заверил брат Груни. Вышел из склада и шапкой, белой от муки, помахал вслед вратарю...

В проходной курорта Герасим вручил Алеше повестку из трибунала. Сторож запустил пальцы в бороду, виновато сощурился, но почему-то промолчал, явно что-то скрыл. Алеша тоже не стал откровенничать: Воркун запретил говорить даже матери о неизбежном приговоре трибунала.

Дома Лешу поджидали нежданные гости — Нина и Калугин. В шутливой форме Николай Николаевич упрекнул юношу за то, что тот бросил девушку среди болот, и поинтересовался результатом охоты.

Леша вспомнил горящий шалашик и немедля сообщил о пожаре на фанерной фабрике. Председатель укома насторожился. Возможную диверсию со шнуром тонкого сечения он перевел на свой язык:

— Если поджог без поджога, то здесь, голубчик, одна рука, один почерк.— Он пальцем провел зигзагообразную линию:— Нуте?

— Конечно, Рысь. А ему, может, помог Ерш.

— Сомнительно, друг мой, чтобы матрос остался в Руссе.— Калугин снял очки.— Пашка Соленый не объявился?

Алеша отрицательно мотнул головой и решил вытащить «занозу». Соленый скрылся от агента совсем не потому, что его предупредила Груня. Сегодня Воркун спросил: «Не могла Груня навести тебя на ложный след?» Возможно, и Николай Николаевич заподозрил Груню? Юноша решительно заявил:

— Только не Груня! Скорее, Герасим. Он, по словам Сени, и на допросе вел себя странно: пугливо пялил глаза на ершовский браунинг. И сейчас, в проходной, затаился...

Калугин молчал. Алеша показал повестку в трибунал. Теперь Нина знала, что он работал стажером в угро, и не сомневалась, что «тройка» вынесет ему лишь словесное порицание. Она заговорила о другом:

— Приятная весть, Алеша,— она глазами указала на Калугина,— Николай Николаевич согласился вести краеведческий кружок. Ты как?

— Первый запишусь!— Он с благодарностью посмотрел на гостей и подумал: «Неужели учитель пришел ради меня?»

Калугин вынул из кармана толстовки листок, надел простые очки и глазами пробежал список литературы.

— Все эти книги, голубчик, мы получим у Вейца, но Абрам Карлович просил нас выделить ответственное лицо и сам же подсказал кандидатуру. Ты частый посетитель его библиотеки, друг мой?

— Я беру у него книги, которые есть даже в городской библиотеке.

— Почему? Нуте?

— У него золотое правило: возвращая книгу — расскажи о ней!

— Действительно золотое, друзья мои!— воскликнул краевед и мечтательно проговорил:— Вот бы такое правило по всем библиотекам мира!

Принимая список литературы, Леша опять напомнил о повестке в трибунал. Однако и Калугин отмахнулся панамкой:

— Заниматься будем на Успенской, в строительном техникуме...

Алеша проводил гостей, вернулся домой и удивился, что мать тоже не стала говорить о трибунале.

Вечером зашел Сеня. Он тоже удивился: застал приятеля дома. Обычно в это время Леша занимался у профессора.

— Что я вижу,— подмигнул чекист,— никак благородная измена?

Леша показал другу список литературы и повестку в трибунал. Ему не хотелось думать о встрече с ученым-криминалистом. Однако встреча произошла раньше, чем он предполагал...

Утром, за два часа до заседания трибунала, Леша подметал пол и услышал торопливые шаги. «Оношко»,—

мелькиуло у него в созиании, и он сиова почувствовал, как на хорошее иастроенне наслоилось беспокойство.

Круглеиький раскрасиевшийся Аким Афаиасьевич вкатился в открытую дверь точио шаровая молиня и мягко закружился по комиате, подинмая вокруг вихрь табачного дыма, жестов и слов. Говорнл быстро, горячо, обращаясь к оторопевшему юиоше:

— Что случнлось, мальчик мой? Почему не прншел вчера? У тебя бледиый внд. Я так и подумал: заболел...

Леша сковаиио следнл за инм. В такой же позе ои стоял ныие весиой, когда вот так же в распахиутую дверь вкатился ярко светящийся колобок молиии. Тогда Леша белил потолок, а иебесиый гость раскалеииым ядрышком обошел плиитус порожней комиаты, подиялся по стеие к окну и через подокоиинк перевалился иа землю. И задень ои малярной кистью этот шарик, иачниеиный электрнчеством,— произошел бы страшиый взрыв. Так и сейчас: скажн правду — и Оношко вскнпнт, взорвется гиевом.

Все же ои прнзиался: рассказал о своем знакомстве с Калугииым. Профессор поморщнлся:

— И ои сразу покорнл тебя?

— Нет, не сразу.— Леша взглянул иа стеиу, где висела ракетка прнятеля.— Учеинк Калугина, Сеия Селезнев, давио заочно познакомил меня с ним. И в споре вечно забивал: их логика поснльнее нашей...

— О молодой человек!— Оиошко выиул из кармаиа жнлета зажнгалку, н в его рачьнх глазах вспыхиул огонек.— Почтн все люди земиого шара мыслят по законам традициониой логнкн, н только ничтожное меиьшннство пытается орнгниальинчать — рассуждать наперекор человеческому разуму. Но где большинство — там и правда!

— А вот Николай Николаевич говорит: такая мерка ие всегда прнгодиа. Большиииство верит в бога, а меньшиииство иет, одиако правда не за большиииством...

— Позвольте, коллега! Религия и логика — аитиподы. За веру со времеием будет держаться меиьшииство, а за иауку большииство.

К уднвлеиию Леши, профессор ловко повернул чужой довод в свою пользу. К счастью, Калугии тогда ие ограиичился одним примером...

— Волховстрой одни иа всю страиу, а частные лавочки растут как грнбы, ио жизнь пойдет за Волховстроем.

— Поживем увидим, за кем пойдет!— Оиошко лукаво улыбнулся.— Не поймн, пожалуйста, превратно. Я не

против вашего знакомства. Однако пойми, наивный мальчик, Калугин не криминалист. Его тезис «убийство без убийства»— игра слов! Рогов умер от разрыва сердца. Ни Ерш, ни Рысь тут ни при чем! Ты сам в этом скоро убедишься и вернешься ко мне...

«Нет, черпаком отработал»,— подумал Алеша и хотел сослаться на поджог без поджога, но промолчал: Сеня сообщил, что пожаром заинтересовались чекисты, что расследование еще не закончено.

Профессор по-своему понял молчание юноши. Сопровождая концовки фраз однообразным жестом, толстяк как бы мотал клубок красноречия:

— Наш спор с Калугиным научно-принципиальный!..

Леша положил метелку и взял с комода повестку в трибунал — дал понять, что хозяину пора закрывать дверь на ключ...

Его судила «тройка». Председатель трибунала, вчерашний балтийский матрос, своими усами напомнил подсудимому Ивана Матвеевича. Леша глазами пробежался по залу с тремя окнами, выходящими на солнечную улицу.

Народу было много. Лешино дело разбиралось первым, а на столике секретаря трибунала высилась целая горка папок. В последнем ряду сидели мать и Груня. Видать, девушка только что вернулась с Ловати: загорелая, непричесанная, с травинкой в волосах, она держала руки на груди, прикрывая мятую блузку.

Их взгляды встретились. Алеша бодро кивнул головой. Она ответила легким тревожным поклоном.

Мать улыбнулась: она давно присмотрела эту смелую девушку с крестом на груди, да боялась, что верующая черноглазка отвернется от комсомольца, а тут бог послал такое счастье...

Когда председатель спросил Алешу, где тот добыл браунинг, юноша рассказал про обмен с матросом, а сам невольно поискал глазами Ерша Анархиста. В первом ряду пристально наблюдал за Лешей какой-то брюнет со стеком в руке. Его офицерская выправка навела Лешу на мысль: «Не Рысь ли?»

Председатель «тройки» выложил на красный стол знакомый вороненый браунинг с якорем на рукоятке. Леша представил покойного Рогова, ождал неприятного вопроса, но судья не коснулся смерти уполномоченного губчека:

— Смыслов, твой браунинг?

— Мой.

— Ты знал, что надо иметь особое разрешеине?

Алеша прнзнался, что знал н все же приобрел оружие.

Слушая прнговор, он склоинл голову и одним глазом измерил бывшего офицера с малюсеинькими усами. Тот был статиый, среднего роста. Агеит еще заметил: лакированиый стек, сннне галифе с кожаиым кантом н кавказскую рубашку с тоиким ремешком, украшенным серебряиыми ромбнкамн.

После вынесеиия приговора все шумио селн, только в последнем ряду по-прежиему стояли мать и Груия. Оин ие ожидалн, что за храиеиие оружия могут дать трн недели трудповниности. Да еще с такой виезапиой концовкой:

— Взять под стражу!..

В комнате с окиом, забраииым решеткой, пахло карболовкой. Едва Лешу водворнлн в одниочную камеру, как сиова отворнлась железиая дверь. Вошел Сеня. Ои спешил.

— Друг-прнятель,— зашептал чекист, вручая пакет с едой,— в лагере ты иикому ие открывайся. Кроме доктора-врача...

Ои нарнсовал словесиый портрет врача и кивиул иа окоииую решетку:

— На фабрике «поджог без поджога». Чуешь?— И, ие дожидаясь ответа, Сеня пожал агеиту руку.— За мать ие волиуйся...

— Постой! Тут в зале... подозрительиый тип...

Чекист выслушал, одобрнтельио мотнул чубом н, вскинув ладоиь, скрылся за дверью.

Алеша остался одии с противоречивым чувством: ответствеиное задаиие его радовало и в то же время ему стало тоскливо и иемного страшио...

«ГОРОХОВАЯ РЕСПУБЛИКА»

С первого дня лагериой жнзии Леша, как и все новнчки, сразу понял, что бойцы с виитовкамн и иачальиик охраиы с иагаиом образуют особое кольцо, в центре которого находится иной мир — своя «Гороховая республика».

«Гороховой» ее назвалн потому, что здесь заключеиных кормили т о л ь к о горохом в внде хлеба, супа, каши и воскресиых лепешек. Исключение — чечевнца. А «республикой» имеиовали потому, что заключеииые нз своей среды выбиралн «президеита». Полномочня его былн

почти не ограничены: он назначал себе помощников, ведал «золотым фондом», судил провинившихся, вел переговоры с администрацией лагеря и «принимал присягу» от новичков.

Не успел Алеша положить вещевой мешок на приземистые нары, как двое громил взяли его под руки и подвели к столу, на котором, покачиваясь, с папиросой в зубах, восседал бритоголовый крепыш. Все, что было на нем,— красные сапожки, голубые шаровары, цветистый халат и пеструю тюбетейку — Леша видел впервые, но в загорелом безбровом лице с вислыми усиками просматривались знакомые скулы с желваками и наглые желтоватые глаза в редких ресницах.

— Ясак! На чашки!— приказал он с восточным акцентом.

И в тот же миг две ладони, как широченные ножи мясника, подрубили Лешины поджилки и он упал на колени. Верзилы-палачи ногами зажали его бока. Глава «Гороховой республики» сдвинул тюбетейку на узкий лоб и, размахивая расшитыми сапожками, предупредил коленопреклоненного:

— Правду сказал — твоя жизнь, неправду сказал — не твоя жизнь...

Отвечая на вопросы, Леша напряженно думал: «Неужели Ерш? Сбрить рыжую шевелюру, повыдергивать брови, отпустить усы — нетрудно. Даже якорь на руке можно вывести кислотой. Но гнуть речь на татарский лад — нужна актерская жилка».

Не ведал Алеша, что Георгий Жгловский всю жизнь играл: то бунтаря-анархиста, то одесского биндюжника Жёру, то свободного художника. Не знал агент, что Ерш остановился в Боровичах на квартире театрального костюмера. И откуда было ему знать, что Рысь снабдил племянника Солеварова паспортом на имя Кави Гафаровича Бакирова, уроженца города Казани.

Очистив гроб гадалки, Ерш массивное золото зарыл, а с собой взял мелочь — обручальные кольца и восточные бусы. Его задержали на базаре как спекулянта драгоценностями. Паспорт, стрижка, акцент, костюм (хотя и условный) спасли его от чекистов; аресту по мелкому поводу он был рад.

И все же агент опознал в «татарине» Анархиста и с обидой в голосе объяснил свое появление в лагере:

— Рыжий матрос за масло всучил мне шпалер, а не предупредил, что за пушку берут за макушку!..

«Президент» улыбнулся кончиком рта. Уж он-то, хозяин браунинга, не сомневался, что пострадавший говорил правду. Но все же решил прощупать: «Не подсадная ли утка?» Он расспросил о заседании трибунала, об арестантском вагоне и заявил:

— Твоя вещь — моя вещь, моя вещь — пока не твоя вещь...

Один из помощников «президента» вытряхнул на стол все содержимое Алешиного мешка, а второй детина очистил карманы новичка — ничего подозрительного. Анархист мягче взглянул на стоявшего на коленях. Обычно новенькие выслушивают «законы конституции» и тут же клянутся не нарушать их. Старорусец же сначала поинтересовался «мерами наказания», а потом уж принял присягу. Да и взгляд у него цепкий, любопытный. «Президент» похвалил неофита:

— Я сказал — ты повторил. Нет ошибка. Память твоя хорош. Школу кончал. Правду любишь. Помогать будешь.— Он жестом разрешил подняться.— Хвала аллаху! Я хан, ты казначей!..

В барак заглянул косой детина и крикнул:

— Президент, Лосиха посылку получила!

Вероятно, с посылкой Ерш ждал ответа от Орлихи. Как тигр он бросился к двери.

Что говорить, удача — в первый же день обнаружить Анархиста! Теперь Ерш не уйдет. Надо скорее связаться с доктором, пока Груня не прислала письмо на имя Алексея Смыслова.

Да, одно дело — изучать преступный мир по романам Достоевского, и совсем другое — жить с ворами, бандитами в одном вонючем бараке и подчиняться неписаным законам «Гороховой республики». Ерш, назначив Алешу «казначеем», хитро привязал его к мешку с миллионами. «Казну» необходимо охранять не только от воров, но и от лагерного начальства. Так что тайный агент не мог ни мешка бросить, ни с мешком подойти к охране. А главное, за каждым шагом «казначея» следили приближенные «президента».

Лешу выручил забинтованный палец. Сестра-медичка, сменившая ему бинт, сказала, что доктор приезжает в лагерь из Боровичей один раз в неделю — по субботам.

В субботу — в банный день — Алеша не удивился, что «президент» мылся и парился один: скрывал свою при-

метную татуировку. После бани Ерш устроил выпивон с копченой и соленой рыбой. Он ругался, что посылка шла долго: стухли жареные утята — те самые чирки, которые Леша подарил Груне! В свое время Анархист выручил Вадима, и сестра за добро платила добром. Но на зов матроса не откликнулась: «татарин» пил много и жадно, видать, хотел забыться.

Леша тоже приуныл: не приехал доктор, заболел. Теперь надо ехать в Боровичи. Там, на базаре, помощники «президента» закупали самогонку, курево и постный сахар. Отпустит ли Ерш своего «казначея»?

Пожалуй, нет. Алеша чувствовал, что Анархист все время присматривается к нему. А сегодня утром «татарин» умышленно обронил свой ножик. Холодное оружие приметное: рукоятка как у финки, а лезвие длинное и обоюдоострое — кинжальное. Леша, конечно, вернул ножик хозяину. Тот похвалил:

— Ты вернул — я верну...

Он вытащил из кармана халата помятое письмо и затряс им над тюбетейкой:

— От кого ждешь? Кого любишь?

«Неужели от Груни?»— побелел Алеша. К счастью, в бараке было темновато. Он быстро овладел собой и начал перечислять:

— Мать! Дядя Сережа! Тетя Марфа! Нина...

— Хоп, джигит!— Ерш развернул письмо и приступил к допросу:— Кто Нина? Сестра, невеста?

— Невеста!— бойко ответил «жених».

— Кто Калугин?

— Учитель!

— Какой учитель? Чему учил? Куда нацелил?— Ерш кончиком ножа отметил строку письма:— Читай, жених!

Алеша прочитал:

— «Голубчик, рассмотри лагерную жизнь с точки зрения однообразия, единообразия, разнообразия, своеобразия и многообразия...»

— Шифровка?!

— Нет,— улыбнулся Леша,— за каждым словом кусок нашей житухи.

— Достал кусок — живи, не достал кусок — умри!— Он блеснул клинком.— Пять пальцев — пять заездов. Джигитуй, жених!

Медлить нельзя: лезвие ножа — бритва. И Лешины мысли полетели со скоростью стрижа...

— Оглянись кругом, президент! Все одно и то же: высоченный забор с колючей проволокой, шесть грязных бараков, кирпичное здание охраны. И распорядок что приевшийся горох — монотонный звон рельса, одноголосые утренние и вечерние переклички. И так изо дня в день! Словом, куда ни глянь — всюду однообразная дрянь!

— Раз!— заломил Ерш мизинец.

— А всмотрись получше!— Леша указал на тусклое окно, смотревшее на песчаный двор с одинокой сосной.— И рельса на суке. И длинные бараки под серой черепицей. И кирпичная казарма с вышкой у ворот. И та же перекличка. И тот же горох! Все они не врозь, не раскиданы по всей губернии, а здесь, в одном месте, слились в единообразную картину лагеря!

— Два!— подсчитал Ерш, загибая безымянный палец.

— Все одно, все едино, и в то же время у каждого «штата» своя метка.

Леша оказался настоящим учеником Калугина. Он так ловко проиллюстрировал на местном материале разнообразие, своеобразие и многообразие, что даже «президент» взглянул на свою «республику» новыми глазами...

— Пять!— облегченно выдохнул Ерш и протянул письмо.— Хорош жених! Умный джигит! Пиши ответ: «Жду посылка».

«Жених» пояснил, что пока письмо идет в Руссу, пока собирают посылку, пока она дойдет до лагеря, он выйдет на свободу. Ерш ножом пригвоздил лист бумаги к столу:

— Тебя нет, друг есть!

Леша написал, понимая, что за спиной Нины стоят Калугин, Воркун и Сеня Селезнев. Они действительно ждут ответа. И тайный агент пожаловался: «Разболелся палец. У нашей сестрицы один йод, а врач сам лежит в госпитале».

«Президент» прочитал Алешино письмо и покосился на забинтованный палец. Он проявил внимание к другу:

— На дворе луна, на душе тоска: дай, казначей, мешок, иди к бабам...

Любители женского пола ухитрялись ночевать в «Гнезде двух галок». Алеша не заводил таких знакомств. Он выставил большой палец:

— Ноет. Не до баб. Мне бы в город к врачу...

«Президент» задумался. Он организовал в лагере круговую поруку: за попытку к бегству заключенного накрывали ватным одеялом, клали сверху доску и кувалдой

дубасили по ней. На теле пойманного нет синяков, но внутренности отбивали так, что тот больше не ходил, а лишь ползал.

Ерш, видимо, прикинул, что «жениху» нет смысла бежать: через пять дней свобода. Он отпустит, но не без задания. Близилась четвертая годовщина Октября. Ерша, как и всех заключенных, интересовал вопрос: будет ли амнистия? Леша заметил, что за последнее время в лагере поднялась трудовая дисциплина. Заключенные охотнее шли на кирпичный завод и на заготовку дров.

Просьба «президента» давала Леше право зайти за справкой в милицию или в чека. Ерш это понял и вдруг заявил:

— Сиди тут, я пошел, врачу сказал: «Али-баба, мой друг беда!»

В это время в барак вбежал косой помощник «президента» и возбужденно закричал:

— Рысь! Рысь!

Ерш вздрогнул, обронил цигарку. Видимо, он чем-то насолил Рыси. И несмотря на то что рысь оказалась натуральной, что пострадал не косой детина, а лагерный петух, все же Анархист помрачнел, замкнулся, а ночью ушел якобы в «Гнездо двух галок» и больше не вернулся...

В лагере поднялась тревога. Начальник организовал погоню. Помощники «президента» сбились в кучу — судачили. Никто не ожидал такого сюрприза. Но больше всех расстроился молодой стажер из старорусского угрозыска. Найти Ерша, быть рядом, стать его казначеем и не суметь арестовать преступника! С какими глазами Леша явится в Руссу? Чем можно оправдаться? Что скажет Воркун?

Все пять последних суток Алеша почти не спал. Он вставал, прислушивался к ночной тишине: все еще теплилась надежда, что Ерша поймают.

В субботу приехал врач, вскрыл Алешин нарыв — боль в пальце приутихла, но сердце ныло пуще прежнего. Он получил документы и незаметно покинул лагерь...

СОПЕРНИКИ

Русса проснулась для того, чтобы своими храмами усыплять мысли горожан, а школами, клубами бороться против спячки; она проснулась, чтобы растить одних и проводить на Симоновское других.

Как просто взять косырь и очистнть мостовую от травы и как трудио соскрестн с человеческого мозга коросту прошлого! На паиелн перед Алешей прошмыгиула чериая кошка, н ои уже подумал: «Плохая примета».

По безлюдиой улнце прогромыхал первый трамвай. Леша удивился: трн неделн назад он также вндел здесь кошку н первый трамвай, ио иастроеине тогда у него было совсем нное.

Теперь же вместо тревожиой радости — одиа слабая иадежда иа чудо...

Весь путь от Боровичей до Руссы стажер прнсматрнвался к прохожим, к пассажирам, но, конечно, Ерша не встретнл. Сейчас осталась последияя инточка — Орлова. Возможио, радн Груин Аиархист н сбежал на волю.

Ежась от холода, Леша посмотрел иа осениее хмурое иебо и снова поплелся вдоль берега Малашкн. Ои обошел стороной дом Роговых. Ему не хотелось встречаться с Воркуиом. Теперь иачальиик не доверинт ему ответственное дело, да н Сеия вдоволь посмеется иад «красиым сыщиком».

В проходной курорта дежурил Герасим. На ием белосиежиый фартук с иагрудииком. Ои широко улыбается, обиимает Алешу:

— Матушка твоя, иатуральио, заждалась. Поспешн, паря. У вас новый жнлец!..

«Ерш»,— мелькнуло в голове стажера, н ои, ие уточняя, помчался по цеитральиой аллее к спортивиой площадке.

Возможио, мать всю иочь поджидала сыиа. Ее осаика, руки, глаза — все выражало радость. Оиа встретнла его на крыльце. Ветер трепал ее поседевшие волосы и подол платья. Мать н сыи ие замечали холода...

— Вериулся... живой...— Оин прошлн иа кухию.— Здесь меия навещалн Сеия н Груия...

— Оиа с братом... в городе?— тнхо спроснл Алеша, оглядываясь иа дверь, ведущую в спальию.— Она ннчего не писала...

— Знаю,— улыбнулась Прасковья,— Сеня запрет наложнл. Груия вчера уехала в деревию закупать нконы. А брат ее у иас...

В дверях показался белокурый юноша в воеиином костюме. Ои заулыбался, протянул руку:

— С приездом, Алексей...

Не все иовости угадал Алеша. Он ожндал, что в Руссе мог объявиться Ерш, что Солеварнха постарается угиать

Груню подальше от города, но разве подумаешь о том, что Карп Рогов начнет волочиться за Груней...

Вадим взглянул на Лешину мать:

— Вот Прасковья Михайловна приютила нас...

Алеша провел Вадима в свою комнату и, слушая его рассказ, смотрел в окно, выходящее в сторону футбольного поля и тенистого парка. Если Ерш не знает, что Груня уехала, то он может прийти сюда, прямо к дому агента.

— Карп начал с того, что на работу и с работы ходил только с Груней. Солеварова очень обрадовалась этому: всячески хвалила Рогова моей сестренке. А мадам Шур, наоборот, ополчилась на Груню и отнюдь не вежливо попросила нас очистить комнату. Карп где-то снял квартиру, принес нам ключи. Но сестра отказалась от его услуг. Он сделал ей предложение. Она опять же: «Нет!»— Вадим резко ударил себя по ноге.— Карп обозлился. Утром подкараулил ее возле колодца и накинул на голову мешок. Но у нее ноги, как у лосихи. От удара он даже взревел, отпрянул. Она скинула мешок, схватила коромысло и прогнала его. Теперь он за версту обходит ее...

Светлые глаза Вадима обежали Лешину комнату.

— И в тот же день мы переехали сюда. А вчера новое происшествие!— Он кивнул в окно:— В парке Груню встретил племянник Солеваровой. Шикарное пальто. Рыжая бородка, перстень. Сестра говорит: не узнать его. Манил в Одессу, сулил золотые горы. На сей раз сеструха,— Вадим смущенно опустил глаза,— попросила обождать с ответом...

«Молодчага!»— мысленно одобрил Алеша. Он догадался, почему Груня не сразу отказала Ершу. Еще на Ловати стажер сказал любимой, что ищет встречи с Анархистом...

К удивлению матери и Вадима, уставший с дороги Леша разом воспрял духом, отказался завтракать и, схватив кепку, стремительно вывел запыленный велосипед на дорожку...

Воркун с Пальмой выходили из флигеля Ланской. Иван Матвеевич столовался у Тамары Александровны. А Леша решил, что без него тут сыграли свадьбу.

— Можно поздравить?— Он глазами указал на фасад флигеля.

— Не спеши, дружище!— начальник сильно пожал руку.— Ну?

Леша докладывал на дворе, одной рукой удерживая велосипед...

Иван Матвеевич заинтересовался, перестал курить и спросил:

— Куда выехала Орлова?

— В Волотовскую волость.

— Родина Ерша. Там у него могут быть дружки. Так что ты постарайся не привлекать местную милицию и сельских исполнителей. А если затрет — позвони мне. Ну?..

Скрывая радостное волнение, Леша утвердительно качнул головой:

— С вечерним поездом?

— Да.— Воркун не попрощался.— Перед отъездом зайдешь, оформишь командировку...

— Есть зайти!

Алеша опередил начальника и Пальму — первым выбежал на улицу...

Продовольственный склад находился на берегу Полисти, напротив Воскресенского собора. Вадим вышел к Алеше весь белый от муки. Моросил дождик, и на лице Орлова выступали «веснушки». Он не без тревоги уставился на велосипедиста:

— Случилось что?

— Ничего. Ты же сам просил заехать...

— Ах да,— смутился Вадим.— Я не хотел при твоей матери. Она... стала... прислуживать в церкви...

— Как прислуживать?

— Свечами торгует, с подносом обходит...

«Солеваров завербовал»,— с горечью подумал Алеша.

На площади Революции обновляли трибуну. Возле памятника Ленину спорили председатели исполкома и укома.

Рослый председатель в черной шинели доказывал, что памятник нужно оставить на праздник, а Калугин убеждал, что в таком виде бюст вождя нельзя оставлять на площади:

— Ты взгляни, голубчик... сырость, ржавчина, зелень...

Николай Николаевич заметил Алешу и подозвал его:

— Вот комсомолец! Что он скажет? Нуте?

Леша знал, что памятник сделал местный рабочий, что скульптура получилась грубой, и откровенно высказал свое мнение:

— Его надо подправить и — под крышу...

Калугин выкинул ладони: спор-де закончен. Он спиной повернулся к председателю исполкома и стал расспрашивать стажера о лагерной жизни. Учитель не ожидал, что ученик столь успешно выполнит его задание о пяти углах зрения. Он похвалил Алешу и заинтересовался новой поездкой в Волотовскую волость:

— Друг мой, там же, в Погорельцах, Нина Оношко. Профессор вернулся в Питер, а дочь с первого сентября сельская учительница. Ты, голубчик, обязательно навести ее и передай книги.— Калугин протянул листок с названиями книг.— Будь добр, зайди к Вейцу. Я говорил с ним, он обещал...

Ученик с завистью вздохнул. Учитель понял его правильно и заглянул ему в глаза:

— Не вздыхай, батенька! Волотовская земля богата краеведческим материалом — разъезжай, наблюдай, расспрашивай и обо всем пиши мне. Это тоже школа! Нуте, друг мой?

Только подъезжая к дому регента, Леша вспомнил, что он не поздоровался и не попрощался с председателем укома. Удивительный этот коммунист Калугин: совсем невидный, в очках, с бородкой, лысый. А тут еще панамка, черный плащ с цепочкой на груди — вылитый учитель-репетитор. Однако дядя Сережа, Воркун, Сеня, Пронин уважали Калугина.

Абрам Карлович, к которому Леша пришел за книгами, тоже всегда с почтением говорил о председателе укома. Калугин большое внимание уделял ликвидации неграмотности. Под его влиянием Ланская возглавила кружок ликбеза...

— Теперь моя очередь,— признался коллекционер, снимая с полки том в коричневом переплете.— Вот поищу себе смену на клиросе и начну учить темных людей читать...

Он раскрыл книгу:

— Великое чудо! А мы его не замечаем и подчас черт знает на что тратим время! Вот ты, наследник Белинского и Достоевского, куда пропал? Почему не приходил? Футболил?

— Нет, отбывал срок за хранение оружия...

— Дико! Самое мощное оружие — книга!— регент протянул коричневый том.— Нина Акимовна далеко пойдет! Великий Ушинский тоже начинал с маленькой школы. Кстати, Погорельцы рядом с дачей моей матушки. Она

круглый год живет в деревне. Тебя не затруднит передать ей письмо?..

Худощавый книголюб сел за широкий письменный стол с зеленым сукном и взял в руки гусиное перо с золотым колечком. Леша первый раз в жизни увидел гусиное перо в действии и почему-то вспомнил Пушкина. Ему захотелось взять с собой лирический томик Александра Сергеевича, но спросил другое:

— Абрам Карлович, у вас есть что-нибудь про диалектику?

— У меня есть Гегель. Но он там, у матушки. Я напишу...

Укладывая книги, Леша думал: «Мы с Груней тоже соберем большую библиотеку».

Стажер тихо вошел в кабинет Воркуна. Там Сеня Селезнев, не замечая приятеля, высказывает обиду: он-де примчался в «Гороховую республику», а там ни «президента», ни «казначея»...

— Где же Алеха?

Накручивая усы, Иван Матвеевич глазами показал на открытую дверь. Приятель оглянулся и, сохраняя недовольную мину, строго спросил:

— А Ерш?

Алеша, приложив палец к губам, закрыл дверь. За стажера заступился Воркун — напомнил чекисту:

— Не ты ли, дружище, настоял, чтобы Смыслов не подходил к страже лагеря?

— И врач заболел!— вставил Алеша.

— А сестра, помощница врача, на что?

— Э-э, дорогуша,— начальник погрозил пальцем,— о сестре и речи не было...

— Думать-соображать надо!

— Инструкцию тоже соблюдать надо,— отпарировал Иван Матвеевич и принял от стажера командировку.

Подписав документ, Воркун подробно проинструктировал стажера и, подавая руку, кивнул Селезневу:

— Не ворчи, старик! Лучше проводи приятеля на станцию: не пойдет ли за ним Рысь...

— А как определить-узнать Рысь?

— На то и чекисты,— улыбнулся Иван Матвеевич.

По длинному коридору милиции друзья шли вместе, но на площадь вышли врозь и в трамвае сидели на разных скамейках.

НЕУДАЧЛИВЫЙ СЧАСТЛИВЕЦ

Дорогой Николай Николаевич!

Поезд отбыл иа Волот-Дно, я же сошел иа полустаике Взгляды. Глушь, голое поле, полузакрытый дощатый иавес. Фасад у него грязио-желтоватый, а иазвание поиравилось: оио иапомиило Вашу просьбу...

Собираю краеведческий материал. Летом 1918 года местиое кулачье во главе с эсером Голубевым захватило Волот и заияло обороиу иа этом полустаике — разобрали рельсы и сюда же согиали крестьяи. Им говорили: «Голодиые рушаие едут с серпами. Спасайте урожай! Вооружайтесь чем попало!»

Одиииадцатого июля из Руссы иа Взгляды прибыл эшелои с бойцами восстаиовить путь. Исполкомовский представитель Мироиов обратился к обмаиутым с речью, ио был убит. Поезд ответил огием из виитовок. Рожь, поиятио, иикто и ие думал жать. Мятеж заглох.

Деревия Погорельцы иа большаке, в пяти верстах от полустаика. На окраиие, иад оврагом, двухэтажиая бревеичатая, под красиой черепицей, школа. Помещение приличиое, классы просториые, ио дров иет — тепло только у сторожихи в комиате, где Нииа спасается от холода.

Посылка — праздиик! На партах появились тетради, учебники. А глобус иа учительском столе!.. Но самая большая радость для ребят — детекториый приемиик. К одиому иаушиику припадало по двое учеииков. Слушали Москву, Берлии, Париж и даже Лоидои. Слух о чуде из чудес облетел соседиие деревии — теперь от любопытиых отбоя нет.

Нииа сколотила актив. Вечерами репетирует пьесу. За грим и парики спасибо Лаиской. И Вам великая благодариость.

От ребят узиал, что в деревие Горшково какая-то молодуха скупает молитвеииики, икоиы, лампадки. Иду иа встречу с Груией. Заодио отиесу письмо регеита.

Сердечиый привет!

Ваш А. С.

Р. S. Письмо вручит кооператор Прошкии.

Дорогой Николай Николаевич!

Вейцовская усадьба иа берегу Переходы. У помещицы отобрали землю, леса, оставив старый дом и старый сад.

Родословная — герои Отечествеииой и Крымской войи. Последиий геиерал, отец регеита, участиик русско-япоиской. На фроите ие отличился, ио зато зиачительио пополиил семейиую коллекцию воеииыми реликвиями.

Екатерииа Романовиа, геиеральша, встретила меия хорошо, ио музей ие показала: все экспоиаты в ящиках. Абрам Карлович едет иа юг лечить горло. Ему иужиы деиьги. Коллекцию покупает профессор Оиошко. Мать прочитала письмо сыиа вслух. Оиа очень беспокоится за его здоровье.

Оказывается, Абрам Карлович закоичил коисерваторию, по желаиию отца служил в царской армии капельмейстером. Рассказывая о сыие, старушка молодеет. Ее подлиииые слова: «Если бы сыи верил в бога — ие заболел бы». Еще: «Наша заброшеииая баия по иочам дымит, ие иначе как водяиой».

Навериое, «водяиой» гоиит самогоику. Завтра зайду к иачальиику волостиой милиции.

Груию встретил иа проселочиой дороге. Шел мокрый сиег. Свистел ветер. Но мы были счастливы. Хотя изредка посматривали иа березовую рощу. Вчера здесь объявился Ерш. Опять соблазиял Груию теплым краем, «богатой житухой» и разиыми подарками. Через деиь ои придет за ответом. Спешит, видать, иервиичает...

Плаи засады усложияется. Груия ходит по деревиям — трудио угадать, в каком месте Ерш подойдет к ией. Оиа ие боится его и готова сама оглушить «ухажера». Но «президеит» это ие Карп. Лучше устроить деиь отдыха в школе и замаиить его в ловушку. Тем более что мой приезд к Ниие вие подозреиия: Аиархист считает меия ее жеиихом.

Сейчас же запрошу Воркуиа...

С комсомольским приветом!

Ваш А. С.

Дорогой Николай Николаевич!

Телефоииый разговор Вам известеи. Воркуи выслал в школу «иистектора». А Груия пригласит Ерша послушать по радио цыгаиский хор (из Парижа). Насчет же ящиков с музейиым оружием я обязательио подсчитаю и составлю опись. Повод прекрасиый: Вейциха заиитересоваиа в том, чтобы из ее баии прогиали самогоищиков.

Начальиик волмилиции дал мие двух исполиителей. Призиаюсь, вчера я в овраге осваивал иагаи (первый раз в жизии стрелял из револьвера) и так увлекся, что в ба-

рабаие осталась одиа пуля. Думал, местный начальинк милнции выручит, а тот сам ходит с пустым иагаиом.

Еще дорóгой нас иастигла темнота. Сиег растаял, шли по грязи. Старая баия иа берегу реки. Труба искрилась. Окоице прикрыто плотно. В предбаиинке кололи дрова. Звеиел топор. Мои спутиики, безусые парни, войтн испугались. Тогда я велел им громко разговаривать и скомаидовал: «Окружить баию!»

А сам, с нагаиом, распахиул дверь. Предбаииик освещался слабо. Пареиек в рваиой рубахе пытался вытащить топор из плахи. Я, угрожая оружием, потеснил подростка, выдериул топор и вскочил в баню.

Возле плиты с котлом вытяиулся иебритый детниа. За его спииой, в углу, копошился пьяиый мужнк. Я ие медлил. Нагаи в левую руку, топор в правую — шайку с бардой, витые трубки, цинковую крышку от котла, четверть самогоики — все смял да разбил! Самогонщики иаблюдали за миой оиемевшие. Оии иавериякa считалн себя окружеииымн. Я приступил к допросу, не зиая, что мои спутинки — сельские исполнители — удрали.

Небритый детииа оказался батраком мельинка. Ои выполиял приказ хозяиид, который дома загулял с какимто скупщиком мяса. Пьяный мужик, брат мельиика, еле ворочал языком. Пареиек, младший сыи мельиика, ходил в школу, заиимался у Нины Акимовиы. Ои подписал протокол, а батрак поставил «крестик».

Ночиой огоиек, точно маяк, привел меня в дом Вейцихи. На лице геиеральши тревога смеиилась радостью: коиец «водяному», и пропавший котел вериулся в баню. О мельиике она сказала: «Редчайший жулик!»

Мие постелили иа широком диване. В «поисках» уборной я забрел в холодную комиату и иасчитал девять ящиков со стариииым оружием. Одии из иих без крышки. Со миой была свечка. Осветил. Сверху рубашка, сплетеииая нз металлнческнх колечек. Под ией меч без рукоятки.

С полки я сиял книгу. Это была «Наука логики» Гегеля. Мне бросились в глаза слова, которые Вы часто употребляете: связь, противоречие, стаиовлеиие, превращеиие, миогообразие и взаимодействие. А начал читать — ничего ие поиимаю. Почему так?

Утром шагал вместе с учеииками Нины. Сыиншка мельиика узнал меня и отозвал в сторону. Ои показал хутор с мельинцей и предупредил, что батькии гость обещал прирезать мнльтоиа. Я уточнил портрет закупщика мяса: Ерш!

И крепко пожалел, что раньше времени разгромил самогонный аппарат. Ерш наведет справку, узнает, что «мильтон» из города, и начнет путать следы.

Письмо кончаю, ждет Прошка.

С уважением!

Ваш А. С.

Дорогой Николай Николаевич!

Так оно и вышло. Я спугнул Ерша. Он не пришел на свидание с Груней. Сынишка мельника сообщил, что закупщик мяса уехал в Питер. «Инспектор» вернулся в Руссу. А мне, как знаете, приказано обождать. Груня ходит по деревням, а ночует в школе.

Нина на уроке русского языка использовала карту Новгородской губернии. Изучая приставку «пере», ученики искали на карте реки, озера, населенные пункты, названия которых помогли усвоить тему урока: ПЕРЕхода, ПЕРЕрва, ПЕРЁрытица, ПЕРЕкоп, ПЕРЕдольская, ПЕРЕтерки...

И тут же с помощью учительницы раскрывали все богатство оттенков и сторон значения приставки: ПЕРЕстройка, ПЕРЕлом, ПЕРЕворот. Честное слово, даже приставка дышала революцией и великой любовью к родному краю.

Сегодня вечером пришел слушать радио батрак мельника. Он шепнул мне: «Хозяйка носит на мельницу еду». Хутор рядом, хозяин питается дома, спрашивается: кому же носит?

Иду на разведку.

С комсомольским приветом!

Ваш А. С.

Дорогой Николай Николаевич!

Поздравляю Вас с четвертой годовщиной Октября! Мои дела далеко не праздничные...

Убежище Ерша хитрое: высокий ветряк — сторожевая башня. К ней ни с какой стороны не подойдешь незаметно. А под навесом стоит оседланный конь, весь день жует клевер да овес. Все продумано...

С утра валил густой снег, и вдруг проглянуло солнышко. Я наблюдал из оврага. Мне показалось, что в оконце мельницы блеснули два солнышка. Если Ерш с биноклем, то он видел наши с Груней прогулки возле школы и, конечно, смекнул, что к чему...

Завтра Груня едет в Руссу. Анархист тоже снимается

с якоря. Надо действовать. Мой план таков: надеть кольчугу. Вейцнха не откажет. Скажу: меня хотят зарезать самогонщики...

...Сбегал. Не отказала. Кольчуга на мне. Сверху охотничья куртка. Решил вечером, во время спектакля, незаметно уйти на хутор.

Но Ерш опередил меня. Он сам явился в школу. Его телохранитель, старший сын мельника, встал возле дверей. А «закупщик мяса», в шубе на лисьем меху, не снимая собольей шапки, прямиком ко мне.

В этот момент открывался занавес, так что Груня, как и все зрители, смотрела на сцену. Ерш прижался ко мне: рыжая бородка лоснится, глаза хмельные. Он дружелюбно процедил: «Жених, на двор».

Я с трудом сдвинулся. Хуже нет, когда инициатива за противником: не знаешь, что тебя ждет в потемках. В лагере «президент» учил других бить ножом под левую лопатку. А вдруг сунет выше — в шею?

На крыльце Анархист взял меня за руку, завел за угол школы, где на мягком снегу насторожилась вороная лошадь с седлом. Ерш отпустил руку, засмеялся: «Ловко... лизнул... генеральшу!»

«Неужели пронюхали про кольчугу?»— подумал я. Но Ерш смаковал мой налет на баню. Он решил, что я задумал ограбить бывшую помещицу, и тут же предложил сделку: «Джигит, тебе коня, мне Груню. Грузи добро, и деру! Иначе враги!»

Он не знал главного. Я успокоился, но не совсем: «президент» хитер и мстителен. Его излюбленный удар ножом мне известен. Любуясь конем, я умышленно повернулся спиной к Анархисту.

И в тот же миг он сильно ткнул меня под левую лопатку: острие уперлось в кольчугу, а его кулак соскользнул с рукоятки, и сжатые пальцы проехались по лезвию кинжала.

Окровавленный нож упал на снег. Ерш сразу отрезвел, тряхнул подрезанными пальцами и простонал: «Медяшку повесил. А, черт!» Он схватил ножик левой и пырнул мне в живот.

Все повторилось: опять нож выпал из порезанной руки. Ерш замер, открыв рот. Он даже боли не чувствовал.

Я вытер снегом ножик, засунул его себе за голенище и повел раненого в сторожку. Там перевязал ему руки, придвинул к светильнику мою командировку и прочитал вслух.

Он опять застоиал, ио застоиал от другой боли. Его желтые глаза иалнлнсь кровью. Он повернулся, упал иа кровать и лнцом уткнулся в подушку. Да, песия спета! Но это ие значит, что ои развяжет язык: так просто не отдаст золото. Надо было что-то придумать...

Сыи мельинка увлекся спектаклем. Я толкиул его в бок: «Закупщнк зовет». Телохраиитель Ерша, виднмо, решил, что у иас мировая, даже облизиулся.

В комнате сторожихи я показал иа лежащего: «Никак засиул?» Сыи мельника наклонился к Ершу и получил по затылку рукояткой нагана. Ерш ие подиял головы, ио ухо иавострнл. Я разряднл обрез, привел парня в чувство и вернул ему оружие: «Отнеси в милицню н скажн: иашел иа дороге. Ступай!» Парень обрадовался, а Ерш наверияка намотал на ус.

Кончилось первое действне. Груия зашла в сторожку. Я сказал, что Георгнй Жгловскнй иечаянно порезался, прилег н заснул. Хотя знал, что ои ие спнт. Я иарочио спросил Груню: «Как лучше поступить? Еслн Жгловского доставнть как арестованного, то ои, гордец, заявнт: «К стеике, н точка!»— а если отпустить его, то ои сам во всем прнзнается, укажет, где зарыл золото. Его, поиятио, помнлуют. И ои иачиет иовую жнзнь. Ты как?»

Ерш напружинился. Груия сообразнла, куда я клоню. Ответнла умио: «Ежелн сам явится, ему больше скндки будет. И я уважать стану».

Мы с ней ушлн на спектакль. Вериулнсь вместе с Ниной. В сторожке Ерша ие было. Нина одобрила мой поступок, но сторожиха обозвала меия недотепой. Оиа даже поклялась, что иедорезанный еще опасиее, что ои-де сейчас иа поезд и — помниай как звали.

Я вышел на двор. Вороной коиь стоял иа месте.

Нет, Ершу есть смысл самому прийтн с повиниой.

Пнсьмо кончаю при Прошке. Ои качает головой, хмурится: увереи, что Аиархист сбежнт.

Пойду позвоию Воркуну.

Да скорой встречн!

Ваш А. С.

Дорогой Нnколай Нnколаевнч!

Воркун прнказал мне оставаться иа месте. Выходит, Ерш пока ие прншел в чека. Мы здесь думаем и говорим лншь иа эту тему. Я обрадовался Вашему задаиию: немного отвлекусь...

Философская библиотека Вейца небольшая: Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Штирнер, Шопенгауэр и Ницше. Оказывается, Екатерина Романовна увлекается немецкими философами и, как сын, безумно любит Достоевского.

Я заговорил о «Братьях Карамазовых» как о философском романе. Она возразила: «Философия и роман — антиподы!» Я раскрыл «Карамазовых», прочел суждение Коли Красоткина о вольтеровском «Кандиде»: «Я, конечно, в состоянии понять, что это роман философский». И мягко добавил: «Гимназист в состоянии понять, а вы разве не в состоянии?» Старуха заупрямилась: «Это психологический детектив!» Я тоже: «Через детектив автор столкнул людей противоположных мировоззрений...»

Удивительно, спорю, а сам думаю: «Придет или не придет Ерш?»

Дорогой учитель, как только явится Анархист, напомните, пожалуйста, обо мне Воркуну. Груня верит, что Ерш сам придет в чека, а Нина заколебалась.

Вы говорили, что логика — искусство делать выводы. Жизнь, факты толкают к положительному умозаключению, а скрытый голос нашептывает одно: «Надует!» Выходит, логику нельзя отрывать от психологии?

Жду весточки!

Силу и ласку в Ваши руки!

Ваш А. С.

ПРИДЕТ ИЛИ НЕ ПРИДЕТ?

В кабинете председателя укома многолюдно. Отчитывались секретари партийных ячеек. Несмотря на скверную погоду, военные и рабочие охотно вышли на праздничную демонстрацию. Хуже обстояло дело со служащими...

Калугин слушал очередного оратора, а сам посматривал на телефон. Начальник угро и председатель губчека обещали немедленно позвонить, как только явится Ерш Анархист.

— Что там канцелярские крысы!— горячился докладчик.— У меня партиец не вышел на праздник. Я, говорит, не согласен с новой экономической политикой...

«Выступить в Дискуссионном клубе по вопросу нэпа»— записал в блокнот Николай Николаевич и, выронив карандаш из руки, взялся за телефонную трубку...

— Слушаю,— отозвался он, прикрывая рот ладонью.

Голос у Пронина сухой, чуточку раздраженный: то ли очередной приступ язвы, то ли лопнуло терпение ждать Анархиста...

— Прочитал я письмо Алеши. Обычно ученики подражают учителям. Неужели ты, Николай, отпустил бы преступника?

— Все зависит от места, времени, условий, голубчик. В данном случае, мне кажется, Алексей поступил не глупо.— Калугин поднялся:— Извини, друг мой, у меня народ: зайду...

Вскоре председатель укома освободился и позвонил Воркуну:

— Чем порадуешь, друг мой?

— Зимы как не бывало,— басисто проговорил Иван,— опять осень. На площади обсохли флаги, вот бы так в торжественный день...

«Ждет, смотрит в окно»,— сообразил Калугин и пригласил друга в чека.

По дороге друзья обсуждали общую тактику. Правда, в одном вопросе Иван колебался: его смущал конь...

— И он не брал!— заступился Калугин.— Вспомни, голубчик, Ерш исчез, а коня оставил: без рук не сядешь в седло...

На вечерней улице показался извозчик. Друзья остановились. В коляске с открытым капотом восседал белобородый Солеваров.

Николай Николаевич опять вспомнил о своем письме к Ленину. Пользуясь доверием местных церковников, краевед обошел старорусские церкви, заглянул в инвентарные книги и составил примерную опись церковных ценностей. Одна Русса лишь ризницами спасет от голода целый уезд на Волге! Владимир Ильич, поди, заинтересован в таких фактах...

Первым нарушил паузу Воркун:

— Солевариха, говорит Федька, спокойно торгует в магазине.

— Хочешь сказать, ее любовник в надежном месте? Нуте?

— Нет, она пытала Груню. А та нашлась: «Ваш племянник лечит руки у знахарки».

— Голубчик! А что, если в самом деле лечит?

— Груня придумала.

— И неплохо, батенька!..

В разговоре с Прониным друзья выдвинули версию со знахаркой. Но председатель чека кисло улыбнулся:

— Предположнм, залечивает руки. А дальше?— Проннн почесал за ухом.— Выкопает клад, сядет на поезд и дернет, как Махно, в Румынию. Нет, товарищи, так не пойдет! И дело не только в золоте. Он знает Рысь! Его показания решающие!— Он бросил взгляд на дверь кабинета:— Я сейчас же дам команду начать розыск!

— Не спеши, голубчик!— ожнвился Калугин.— Мысль Грунн Орловой здравая. Волотовская земля — ее роднна. Там наверняка есть знахарка. И Жгловский вырос в тех краях. Он мог, вполне мог обратиться к ней за помощью. Тем более что пойти к городскому врачу рискованно,— Ершу выгодно самому прийти с повинной.

— А еще выгоднее — удрать за границу!— Председатель чека обратился к Ивану Матвеевичу:— Не ты ли заверял, что Смыслов прирожденный чекист, что он выполннт задание?— Он накрыл рукой пачку писем, лежавшую на письменном столе.— Хорош чекист! Отпустнл контрика!

— Не шуми, голубчик!— Николай Николаевнч отобрал предпоследнее письмо Смыслова, прочитал его и заметил:— Смыслов преследовал важную цель — толкнуть Анархиста на верный путь. Остаться на всю жизнь калекой — уже наказанне, н страшное наказание. Такому инвалиду и расстрел нипочем! Смыслов верно разгадал его душевное состояние: «К стенке, н точка!» И золото пропадет! Прнзнаюсь, батенька, я так же поступил бы! Теперь у Жгловского зароднлась надежда: очистнть душу н взяться за кнсть. Я верю, он придет с повинной!

— А еслн не придет?— сощурился Пронин.

— Придет, голубчнк! Груня отказалась бежать с ннм. А Солеварова и такого пригреет.— Калугин взял письма Смыслова.— Подождем день-другой.

— Хорошо! Даю три дня!— Пронин перевел взгляд на Ивана.— Но если Ерш не явится — Смыслова под трибунал! Кстати, чего он застрял в деревне?

— Составляет опись коллекции, батенька. Мы хотнм Воскресенский собор под музей...

— Но ведь коллекцию приобрел Оношко?

— Он дал задаток. А вся коллекция — огромные деньги. Где возьмет нх профессор? Нуте?

— Его забота!— отмахнулся Пронин н поднялся из-за стола. Калугнн задержал его. Председатель укома показал письмо к Леннну и попросил Пронина подписать его:

— Отправим за тремя подпнсямн: моя, твоя и председателя исполкома...

— Боишься, что церковники растерзают?! — пошутил Пронин и скупо, сжато нацарапал свою фамилию.— Помните мое слово: изъятие церковных ценностей не обойдется без кровопролития! У меня на это...

Он отозвался на стук в дверь. На пороге кабинета вырос Селезнев с запиской в руке.

— Товарищ начальник,— он протянул листок Ивану Матвеевичу,— Смыслов просит разрешить ему приехать на выборы начальника милиции... [1]

— На твоем месте,— вмешался Пронин,— я заставил бы Смыслова уточнить, есть там знаменитые знахарки или нет.

— Добро! Но это надо осторожно, чтоб не спугнуть Ерша...

— Телячьи нежности!— сказал с досадой Пронин.

И Николай Николаевич почувствовал, что председатель чека сам начнет (если уж не начал) поиск Анархиста. Иногда опыт приносит вред: начинаешь действовать по шаблону. Ерш любому следователю плюнет в лицо. К нему нужен особый подход.

Калугин задержался в кабинете председателя чека:

— Голубчик, почему Рысь до сих пор на свободе?

— Думаешь, он гуляет по Руссе?

— Похоже, батенька.— Калугин подошел к стене, где висела карта города.— Поджог фабрики — его след! Он здесь...

— Еще скажешь, в нашем аппарате?

— Во всяком случае, друг мой, он не один. И действует тонко. Случай в лагере, когда одно слово «Рысь» встревожило Ерша, говорит о том, что Анархист знает его. Твоя задача, голубчик, расположить Жгловского к откровенной беседе, именно к беседе, а не к допросу. Явится — пригласи к себе домой на чашку чая...

— Да ты что, товарищ, в своем уме?! Контрика к себе?!

— Вчера был контрик, а завтра — твой помощник. Вспомни, голубчик, Федьку Лунатика...

— Тот уголовник, а этот анархист, участник кулацкого мятежа! Не зря испугался!

— Отлично, батенька! Его показания будут еще значимее. Я уверен, что Феликс,— он показал на стенной портрет Дзержинского,— завербовал бы Ерша...

[1] В те годы должность начальника милиции была выборной.

Вндимо, чекнст припомнил аиалогнчный случай из деятельиостн Дзержинского н дипломатично отмахнулся:

— Ерш смылся! Не жди!

— Нет, друг мой, подождем три дия. И ие вздумай ловнть его: иос к иосу столкиешься — уступн дорогу. Нуте?

— Ладио! Но я ие забыл, как вы с Иваном разок перегиули палку: Рогов умер ие от руки...

Калугин зиал, что Воркуи и Селезиев тайио ведут следствие по делу преждевремеииой смертн уполиомочеииого губчека, ио ие стал выдавать своих друзей. Он улыбиулся:

— Батенька, ты закрыл дело, ио ие закрыл глаза любопытиым!

У председателя исполкома Калугии не задержался. И, думая о пнсьме к Леиниу, зашагал домой обедать. Неплохо иапнсать еще воззвание: «Мертвое золото на спасенне жнвых»— н поместить в газете.

Мать привыкла к тому, что сыи за обедеииым столом ие расставался с карандашом или книгой. Но сейчас старушка сердито сбросила с белой головы платок н шумно села на стул:

— Коля, так вредно... врачи рекомеидуют во время еды думать только о еде...

Нпколай Николаевич положил караидаш на чистый листок, а сам мыслеиио составлял воззвание. Маленькая жеициииа брякиула поварешкой по кастрюле:

— Коля, ты отправнл пнсьмо?

— Какое, голубушка?

— Которое пнсал утром... За этнм столом...

— Нет еще...

— И не отправляй! Прошу тебя как мать!

— О чем ты, матушка?

Ее сухие, бледные пальцы пробежались по морщинкам лица и зажалн остреиькнй подбородок:

— Не огорчай меия... Дай мие умереть спокойно...

Последнее время Анна Васнльевиа все чаще и чаще говорнла о своей смертн и все чаще и чаще стала молнться богу. А ведь было время, когда оиа увлекалась математикой, переписывалась с Софьей Ковалевской н только в пасху и рождество ходнла в церковь.

Сын вскниул глаза:

— Опять приезжал отец Оснп?

Аииа Васильевна утверднтельио кивнула головой:

— И с ним епископ Дмнтрнй...

Николай Николаевич вспомнил рыжебородого священника из Волота и поинтересовался судьбой его сына:

— Отец Жгловский не упоминал о своем чаде? Говорят, попович сильно порезал руки?

— Отец Осип не любит блудного сына, никогда не вспоминает о нем.— Мать глазами обвела комнату:— Представь, Коля, ты приходишь домой, а полки без книг, клетки без птиц, аквариум без рыбок, рамки без портретов. Что ты испытаешь?

— Если мои вещи возьмет музей, я буду рад.

— А если не музей?

— Помгол? Ну что ж, матушка, ради голодающих...

— Да Помголу никто не отказывает. Его сбор исключительный! Он всех спасет!— Ее глаза остановились на иконе в серебряной ризе:— Но представь Старорусскую божью матерь без привычного украшения. Кто взял? Кто посмел? Коммунисты! И мой сын — первый зачинатель! Сколько проклятий обрушится на твою голову! А каково мне, одной ногой стоящей в могиле? Пожалей меня! Пожалей верующих!

— Мама, речь идет о спасении тридцати миллионов голодающих только на Волге...

— А ты забыл, как я спасала тебя от жандармов?

— Ты спасала меня во имя лучшей жизни народа. И сейчас верующие и священники должны поступить по-христиански — помочь своим сестрам и братьям.

— Замолчи! Я дала слово, что мой сын не пойдет против меня и богородицы. Ты же, вспомни, заступался за чудотворную. И меня всюду благодарили.

— Я заступался ради одного: поместить чудотворную в музей, как только дрогнет вера в нее...

— Спасибо за откровенность!— Анна Васильевна взяла со стола белоснежную салфетку, свернутую трубочкой, и показала на дверь:— Я уйду из дома, если ты пошлешь это письмо Ленину!

Николай Николаевич выронил ложку. Зная материнский характер, сын крепко задумался...

Ему пришел на помощь Воркун. Иван посоветовал учителю самому уйти из дому.

— Приют тебе найдется...— Воркун намекнул, что он охотно переедет во флигель.— Пора и мне... свить гнездо...

Калугин не против занять роговскую «голубятню».

— Но с одним условием, голубчик, организуем коммуну...

Во время новгородской партконференции Николай Николаевич посетил коммуну, организованную местными партийцами. Они жили в одном доме, сообща питались, поочередно дежурили на кухне. За обеденным столом спорили, обсуждали, делились новостями и знаниями.

Рассказ Калугина о коммуне заинтересовал Ивана. Он пошел за тележкой, а председатель укома остался укладывать вещи. Связывая книги, он все же надеялся, что мать начнет его отговаривать. Но она ушла на кухню, принялась греметь посудой.

Вернулся Воркун. Он попросил у хозяйки попить. Удобный случай для матери шепнуть: «Ваня, темно на дворе. Переждите до утра».

Старушка молча отошла в угол, где висела икона. Острые плечи матери слегка вздрагивали. На прощальные слова сына она не ответила.

Сумерки зачернили мостовую. По узкой панели Калугин шел понурив голову. Иван толкал впереди себя высокую двухколесную тележку и старательно всматривался в прохожих. В каждом встречном мужчине он видел Ерша Анархиста. Воркун считал, что Жгловскому есть смысл использовать темноту, чтобы избежать случайного ареста...

Минули два дня напряженного ожидания. Если завтра Ерш не явится с повинной, то Пронин начнет розыск. Калугин знал, что Иван Матвеевич вызвал Алешу Смыслова из деревни, и понимал, с каким настроением юноша вернется в город.

Николай Николаевич заметил, что даже Воркун заколебался. Перед сном Иван позвонил по телефону в чека, медленно повесил трубку и, думая о своем, спросил новосела:

— Ну как, дружище, на новом месте?

— Отлично, голубчик!— Калугин напомнил:— Завтра открытие коммуны. Кого пригласим?

— Это обсудим сообща,— задумчиво проговорил Воркун и, направляясь к лестнице, недовольно заметил:— Ононко приехал...

— Зачем?

— Навестить дочку и заодно осмотреть коллекцию оружия.

— Привез деньги?— насторожился Калугин.
— Не знаю.
— Друг мой, надо завтра пригласить к нам Вейца и коллективно обработать его: коллекция не должна попасть в частные руки. Вейц посчитается с Тамарой Александровной. Ты, голубчик, подготовь ее. Спокойной ночи!..

ЗА И ПРОТИВ

В доме Роговых ждали гостей. Обильный дождь вперемежку со снегом то залеплял окна, то промывал их. Калугин снял мокрые ботинки. Его поход к матери не порадовал: она отказалась идти на праздник коммунаров.

Николай Николаевич надел валенки и бесшумно спустился в столовую, где Сеня и Тамара Александровна украшали круглый стол, освещенный верхним электрическим светом.

Прихожая загудела голосами. Там Иван встречал гостей с подарками. На открытие коммуны пришли Пронин, Люба Добротина, Федя Лунатик и мастер Смыслов, фронтовой друг Воркуна. А вскоре явились Груня с Алешей.

Стажер только что вернулся из деревни. Он успел переодеться, но не успел побриться. Его встревоженные глаза остановились на председателе чека. Тот молча спрашивал: «Где же Анархист?»

Груня поняла безмолвный диалог молодого чекиста с начальником и твердо заверила:

— Придет!

Она потянула Лешу к большому граммофону, но стажер повернулся к Ивану Матвеевичу.

— Я выяснил,— начал он простуженным голосом,— в уезде две именитых знахарки. И ни к одной Ерш не обращался...

— Удрал, значит?— сощурился Пронин.

Праздничное настроение оказалось под угрозой. А тут еще профессор Оношко пожаловал.

— Сколько лет, сколько зим!— раскланялся толстяк, вытирая платком мокрое лицо.— Коллеги, я искренне соскучился по вас. Что у вас нового?

Воркун заговорил о новой коммуне, а Николай Николаевич подумал: «Криминалист наверняка был у хозяина коллекции». И действительно, Аким Афанасьевич объявил, что у Вейца очередное осложнение на горло...

— Он уполномочил меня, дорогие коллеги, поблагодарить вас за приглашение и просит извинить его...

— Профессор, голубчик, вы сполна рассчитались за коллекцию старинного оружия?

— О нет!— Толстяк попросил разрешения закурить трубку.— Я дал задаток. Мне предстоит поездка в деревню: надо ознакомиться с покупкой...

— Вы покупаете, батенька, для себя или учреждения?

— А что, коллега?— осторожно пустил дымок Оношко.

— Мы открываем музей...

— Следовательно, идея Рогова наконец-то восторжествовала?!

— Уточняю, голубчик,— Калугин рукой показал на Воркуна и Пронина,— мы никогда не возражали против музея. Но противились против преждевременного изъятия популярной в народе иконы.

— А теперь, коллеги?

— И теперь еще рано брать икону, но время открывать краеведческий музей.— Николай Николаевич сослался на дневник Рогова:— Оказывается, батенька, вы подсказали идею с местным музеем...

— Старинный город! Разумеется!

«И ты же, профессор, указал первый экспонат — чудотворную икону»,— мысленно досказал Калугин, приглашая петроградского гостя к накрытому столу:

— Голубчик, очень похвально: ваша инициатива открыть музей и ваш дар музею!

— Какой дар, коллега?

— Вейцевская коллекция.

— Позвольте! Я еще не хозяин ее!

— А мы поможем вам стать хозяином — заплатим остальное.

— Но я еще и в глаза ее не видел!

— Увидите!— Калугин вынул из кармана толстовки блокнот:— А предварительно, батенька, ознакомьтесь с описью. Множество экспонатов! Огромные деньги!

Принимая опись, толстяк зафыркал трубкой:

— Странно... сам хозяин коллекции Абрам Карлович не имеет инвентарной книги.— Криминалист вскинул глаза:— А у вас откуда, коллега?!

Николай Николаевич показал на притихшего стажера:

— Алексей Смыслов только что от Екатерины Романовны...

— Позвольте! Все экспонаты уже в ящиках?!

— Да, батенька, лежали в ящиках без упаковки. А теперь каждый экспонат завернут в паклю, как яичко.— Опять жест в сторону Леши:— Гордитесь вашим учеником! Нуте?!

Ученый-криминалист перевел взгляд на председателя чека. Видимо, Пронин успел сообщить профессору о «нелепом» поступке «ученика Калугина и Воркуна». Аким Афанасьевич трубкой прикрыл улыбку:

— Нет, коллеги, пока юноша был моим учеником, он поступал логично.— Оношко навел трубку на Калугина:— Но как только он перенял от вас искусство мыслить шиворот-навыворот, ваш ученик наперекор здравому смыслу выпустил из рук матерого волка...

— Не волка, а человека!— вставила Груня, сверкнув глазами.

Все удивленно посмотрели на черноокую девушку. Она стояла возле граммофона и, казалось, ждала конца скучного разговора, чтобы пустить веселую пластинку.

Пронин назидательно сказал ей:

— Товарищ Орлова, иной человек опаснее волка.

Мастер Смыслов решил, что девица не знает, какую штуку выкинул Ерш Анархист.

— Мой племяш, ёк-королек, слишком доверчив,— сказал он, хмуря поседевшие брови.— Еще молокосос! В ком хотел пробудить совесть, елки-палки?! Ерш колючий и склизкий, крючок ему в глотку!..

Груня молча играла кончиком длинной косы. Ее вызывающую позу и чуточку насмешливое выражение лица Калугин разгадал правильно и вспомнил недавнюю уверенную реплику Груни: «Придет!»

Начальник чека ждал Анархиста до конца рабочего дня. Теперь в голосе Пронина зазвучала нотка угрозы:

— Срок истек! Начнем действовать иначе...

Он не раскрыл значения слова «иначе», но Калугин и его друзья поняли: с утра он бросит всех чекистов на поиск Ерша, а младшего Смыслова отправит в трибунал.

Дядя Сережа считал, что второй раз он не имеет права заступаться за родственника:

— Эх, племяш, и лагеря отведал, а ума не набрался!

За круглый стол Груня села последней. Она взяла Лешину руку и придвинула ее к своей:

— Мы с Алексием не пьем зелье...

— Ёк-королек, да ты никак баптистка?

— Еслн слово «бабтнстка» от кория «баба», то ты, дядя Сережа, иа сей раз не промахиулся!— улыбнулась она, дерзко глядя на мастера.

— Елки-палкн! — нахохлнлся тот.— Ты о каком промахе?!

— Был такой случай,— быстро отозвалась Груия,— стрелял охотинк в волка, да без толку — попал коню в холку!

Все за столом дружио рассмеялись. Даже старшнй Смыслов, заядлый охотиик, ухмыльнулся:

— Ишь ты какая когтистая!

Ланская любовно посмотрела иа Груню и указала на граиеный штоф с вишневой настойкой:

— Милочка, это же слабый дамский иапиток!

— Любой грех начиииается со слабостн,— строго отрезала Орлиха н снова глазамн вцепнлась в мастера в черном пнджаке:— Зря ты отвернулся от своего племянника. Не по-родствеиному, дядюшка, вышло...

— Наоборот!— заступнлся профессор.— Прннцнпиальность, мадемуазель, это...

— Это,— обрезала Груня,— не ваша монета! Расплачнвайтесь своей деньгой, господин ученый!

— Ай да Груня!— пробасил Воркун, разглажнвая усы.

Пучеглазый толстяк с трудом проглотнл неожиданную «пнлюлю». Он не сразу совладал с собой...

— У жеищиины природиый ум — редкий дар!— Профессор прндал голосу деловнтость:— Я охотно взял бы вас... домработиицей!

— Плохн вашн дела, ученый человек, если вся надежда иа ум домработннцы,— отколола Груия, готовая к новой атаке.

Оношко явно обозлнлся:

— Не изощряйтесь! Все равно не защнтите женнха!

И как бы в подтверждеине этой мысли Проинн с усмешкой спроснл стажера:

— Надеюсь, ты догадался привезтн ершовский нож?

Сеня с иадеждой взгляиул иа прнятеля. Тот ответил утверднтельно. Председатель чека прнказал:

— Утром сдашь...

— Зачем утром?— подиялась Груня.— Я мигом...

Алеша хотел пойтн с ней, но она почему-то отказалась от провожатого.

Наступила пауза. Ее нарушнл старшнй Смыслов. Он отодвннул миску с солеиыми грибамн н одобрительно проговорнл:

— Ой, племяш, с такой подругой не пропадешь, ядрено-корено!

— Факт! — пробасил Воркун, улыбаясь.— Вот придет такая на чистку партии и прочистит тебя с песочком!..[1]

Калугин был уверен, что Груня ушла не только за вещественным доказательством. Наблюдая за ней, Николай Николаевич отметил, что она совершенно не волновалась за любимого человека. В чем причина такого спокойствия? Вероятно, в новой позиции Солеваровой. Теперь она не смотрит на Груню как на соперницу и доверила ей тайну беглеца, который, возможно, спрятался не столько от чекистов, сколько от Рыси...

Пальма бросилась в прихожую.

Все напряженно смотрели на входную дверь...

БОЖЕСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

Ерш подкараулил тетку возле ее дома. Был осенний темный вечер. Она не узнала его, испугалась: черная одежда и белые перчатки (забинтованные руки). Зато грубый, хрипловатый голос матроса мигом успокоил ее и тут же опять вызвал тревогу...

— Сейчас, сейчас что-нибудь придумаю,— залепетала она, напрягая зрение.— Иди рядом... люба моя...

До набережной Перерытицы они шли молча. Только возле каменного дома с тремя освещенными окнами тетка шепнула:

— Врач Глинка...

За плечами доктора многолетняя работа в военном госпитале. Опытные руки врача смочили бинты, запекшиеся кровью, промыли раны, наложили шинки на бледные ладони и снова забинтовали...

— Доктор, скажи прямо,— раненый протянул руку,— смогу я держать кисть?

— Малярную?

— Нет, художника.

— Сможешь. Сухожилие большого пальца не повреждено...

От врача Георгий вышел с твердым решением взять курс прямо на Крестецкую, в чека, но его смутила тетка Вера:

---

[1] В двадцатых годах чистка партии проходила при открытых дверях.

— Приехал эмиссар патриарха, тобой ннтересовался...
— Вндела его?
— Нет, люба моя, Савелнй сказал...

Ерш задумался. Он сам не знает Рысь в лицо. Эмнссар беседовал с ним в темноте. А чекнсты могут не поверить. Скажут: «Жгловский нарочно покрывает». Вот бы еще раз повндаться с представнтелем патрнарха и засечь его рожу...

Заныли растревоженные пальцы. Ерш поморщнлся. Он представил себя иа допросе. Раны будут мешать ему спокойио беседовать с чекнстамн. Нет, есть смысл обождать. Племянинк плечом прижался к тетке:

— Укрой в иадежном месте н органнзуй встречу с эмнссаром.

На сей раз Пашка Соленый не рнскнул проявнть гостепрннмство: он своими глазамн вндел, как агент угро Федька Лунатнк украдкой встречался с Капнтоновной. Может быть, иочиой иалет на картежннков не обошелся без помощн бабкн.

Георгнй ие возражал протнв нового адреса. Дом перевозчика с иебольшим садом однноко стоял на берегу Полистн, кругом пустыри. Зато за рекой — казарма, фабрика и цепочка камеиных домов. Блнзость воды всегда прнятна матросу. Ои сидел перед окном, любовался высоким Красиым берегом, чнтал нллюстрнрованный журнал «Огонек», а вечером, в потемках, гулял по саду. Его сопровождал сын перевозчнка, прозванный Баптистом. Ерш, конечио, не прнзиался к «черному ангелу»: ему вообще хотелось забыть свое прошлое.

Поздио вечером прншла тетка Вера. Прннесла слнвкн, теплые пироги с капустой н прнятную весть: «Придет». Эмнссар не указал ин дия, ин часа. Однако Ерш был увереи, что Рысь явнтся виезапио, ночью, н заказал электрнческий фоиарнк...

— А то, сама поннмаешь, чуть в сенях не грохнулся...

Ои был рад и не рад приходу теткн: она, конечно, помогает ему делом н в то же время мешает думать о Груне...

Ночью, прощаясь с теткой, он строго напомннл ей:

— Без фонарнка не прнходн!

На другой день перевозчик передал жильцу пакетик. Георгий зубами развязал веревку, развернул бумагу и увидел малниовые плнтки постного сахара, между которымн чериел плоскнй фонарнк с толстым стеклом.

Не доверяя Баптисту, Георгий сам оттянул бинт на правой ладони и замаскировал фонарик. Одно движение рукой, и выстреливал луч света. Теперь он перехитрит Рысь: подглядит его морду.

А тот, как язь, осторожничал, не спешил к Анархисту...

Только на третьи сутки заявился Рысь. Георгий шел по садовой дорожке. Под ногами костенел снег. Со стороны Полисти наседал студеный ветер. Вдруг из темноты, откуда пахло черной смородиной, раздался хруст ветки...

Ерш чуть было не зажег фонарик,— к счастью, Рысь опередил его: на один миг ослепил Жгловского и лучом света указал на заснеженную скамейку:

— Прошу, милейший...

По шагам эмиссара Анархист определил, что Рысь обладает легкой, кошачьей походкой. Долгожданный гость сел на край скамейки. Его темный плащ с поднятым остроконечным капюшоном сливался с черным фоном голых яблонь — трудно было определить его рост. Во всяком случае, эмиссар был выше Ерша.

— Как ваши руки, голубчик? — спросил Рысь задушевным голосом.

— Что?!— огрызнулся Ерш.— Без рук не нужен?!

— Нужен, друг мой. Сильнее прежнего. Но сейчас о другом...

Он прислушался к ночным шорохам. Ерш заметил, что сегодня Рысь не модулировал голосом: видимо, учел, что игра речью тоже примета. Это была, пожалуй, его обычная интонация.

— Батенька, мне известно, как ты попал в лагерь и как сбежал оттуда. Я догадываюсь, ради кого ты подался в деревню. Но я не пойму, как ты без рук улизнул из-под ареста. Нуте?

— Обычное дело: подсунул вместо себя коня.

— Как?! Подкупил чекиста?!

— Он не чекист — из угро.

— А теперь каков план, друг мой?

— Мстить большевикам!

— Не так громко, батенька!— Он прислушался и продолжал:— Ты что запомнил из нашей беседы на сеновале?

— Одну песню: я тогда травил баланду...

— Все же, голубчик? Нуте?

«Проверяет память»,— смекиул Ерш н перешел в коитратаку:

— Мы схлестиулнсь, кажнсь, седьмого нюня...

— Нет, друг мой, восьмого: в день памяти святого великомученика Феодора Стратилата.

«Из духовиых»,— решил Аиархист. Его отец, поп, тоже говорнл ие «Федор», а «Феодор».

— Ты проповедовал какую-то стратегию...

— Не какую-то, батенька, а стратегию и з б р а и и ы х.

— Прокладывал иовый фарватер.

— Ннчего нового, голубчнк! Я просто пересказывал святую Библню.

— Бнблию?!— удивился бывший ученнк духовного учнлища.— Воевать под руководством прославленного полководца, которого иикогда н иа свете ие было?! Разве это из Бнблнн?

— Да, друг мой, из иее.

— А стратегия избраиных?

— Из иее же.

— В каком же месте, черт возьмн?

— Пятикиижие, батенька!

— Убей, не помню, где там стратегня?

— А ты, друг мой, как понимаешь стратегню?

Когда-то Аиархист выступал с полнтнческнмн докладамн, но сейчас утратил навык давать развернутые определення.

— Стратегня, братншка, что иаша лоцня, ио только наука о вожденнн армий, а не кораблей,— высказал он, опасаясь махать руками: однн иеосторожиый жест, и фоиарик брякнется иа обледеиевший снег.— А Монсей чего создал?

— Тоже иауку о вожденнн армнй.

— Но стратег, подобно капитану, намечает главный путь до конечиой пристаии.

— И за спииой Моисея верховиый, всевышннй! Вспоминте, батеиька, перед всякой крупиой операцией Моисей поднимался на гору и там, заметьте, без свидетелей, выслушивал указаиня бога...

— Но ведь бога иет! Это же лнпа!

— И в этом фокус, голубчик! В этом отличне божественной стратегин: удача — бог помог, иеудача — бог покарал. А Моисей тут ии при чем: он выполняет лишь инструкцин всевышиего. Моисей первый в истории военного

искусства сражался под руководством верховного главнокомандующего, им самим же придуманного.

— Свистун первой статьи!

— Друг мой, умный обман — психическая атака. Вспомни, смерч сбросил зерно — манна небесная; из скалы бьет вода — божья воля; река подкраснилась — вино святое. Любой трюк природы Моисей выдавал за чудо. Поднимал авторитет всевышнего и от его имени руководил военным походом.

— Военным походом?

— Да, голубчик. Он создал народное ополчение и вооружил его до зубов. У каждого воина меч, копье, щит и даже солдатская лопатка.

— Но ведь военный поход — это же не только шествие по знойной пустыне.

— Совершенно верно, батенька. Моисей, приближаясь к цели, проводил одну операцию за другой — захватывал области, покорял чужеверцев, сажал своих людей. И все это не без стратегии...

Со стороны Дерглецких казарм донесся окрик часового. Рысь немного помолчал и спокойно повторил:

— Не без стратегии, голубчик. Моисей обучал евреев военному искусству, закалял их в боях, в тяжелых, изнурительных переходах и...

— С ходу взял пристань?

— Нет, друг мой. Его разведчики донесли: земля богата, очень богата, да только стены крепости могучи и народ рослее, здоровее и, главное, многочисленнее. Евреи сразу сникли. Тогда Моисей...

— Загнул речугу и сам повел на штурм?

— Нет, голубчик, тогда Моисей повернул свое войско назад, в пустыню. А там муштровал, гонял, обесстрашивал молодых воинов до тех пор, пока не поумирали старые.

— Здóрово! — искренне удивился поповин, вспоминая свою сонливую физиономию над раскрытой Библией.

— Моисеевская школа жестока, бессердечна; тактические приемы он внедрял до автоматизма. В момент схватки все решает быстрота, навык и злоба. Его универсальный устав все учел — от уличного боя до похоти воина. Не зря книга перенасыщена повторами, наставлениями, заветами. Известно, повторение — мать учения. Но учтите, голубчик, цель оправдывает средства...

В доме перевозчика хлопнули дверями, лязгнула цепью собака. Рысь уверен в ночной охране...

— Опять Монсей на берегу Иордаиа. Однако его войско совсем иное. Теперь еврен не боялись превосходства врага в количестве. Запомнте, вступила в силу диалектнка качества: «Пятеро из вас прогоият сто, н сто нз вас прогоият тьму!» Теперь каждый воин зиал, как действовать в завиcнмости от обстановкн. Многочисленности врагов Монсей протнвопоставнл искусство ополченца н стратегню хнтрого полководца. Он вооружил своих не только холодным оружием, но н огненным девнзом: не убей ближиего, убей дальнего...

— Святая агрессия?

— Да, батеиька, с иамн бог, мы его нзбранные, нам все дозволеио...

— Режь, бей, обмаиывай любого?

— Да, голубчнк, моисеевская стратегня самая изощренная. Она, как баиный лист, может прилнпиуть к любой нации: мы, иемцы, выше любой расы, мы, англосаксы, должиы господствовать иад мнром и т. д.

— А ты, эмиссар, какой иацни?

— Я прнчислю себя к той нации, которая быстрее другнх вооружнтся божественной стратегней Монсея...

— Стоп! — остановил Ерш.— Напомии, Моисей махнул через Иордан н всех чужаков к ногтю?

— Нет, батенька. В том-то н суть, что Монсей остался на месте, а форсировала реку и завоевала Ханаан его стратегия. И эта же стратегня, учтите, сметет воииство красных, еслн...

— Что еслн?

— Если найдется новый Монсей, способный заразнть целый народ стратегией избраииых.

— Не твоя ли задумка, Рысь?

— Моя.

— А шаисы?

— Я уж говорнл тебе — благоприятиая снтуация: разруха, голод н народный гнев протнв расхитителей церквей...

— Разве декрет подпнсан?

— Подпишут, голубчнк, не сомиевайся: голод ие тетка...

Георгий вспоминл тетку Веру, пнрогн с капустой и то, о чем избегал думать,— зарытое золото гадалкн. Голос нэпа внушал: «С драгоценностямн ие пропадешь», а давияя мечта стать художником звала к нной жизнн.

Задумчнвость собеседника Рысь понял по-своему. Поворачнваясь боком к ветру, он вкрадчиво спроснл:

— Друг мой, почему тебя не ищут чекисты?

— Ищут, да не тут, а где-нибудь на юге. Я же...

— Ша, Жёра!— вдруг зашепелявил Рысь по-одесски.— Если тебя застукают, не дай бог маме траур, не грусти, кореш, за решеткой: мы к твоей клетке подкатим на фаэтоне с надувными шинами. А там на шаланду — и в Турцию или Румынию: куда угонит попутный...

— Рысь, давай тяпнем за искусство, зайдем ко мне?

— Хочешь запечатлеть мой портрет, голубчик?

— Без рук, что ли?

— Ницше упал с лошади. У него постоянно болела голова. Однако мыслитель работал ежедневно и подолгу. Друг мой, начни с малого, напиши-ка плакат: «Люди православные, не допустим антихристов в дом божий! Долой грабителей храмов!» Полотно пришлю. Нуте?

— Присылай. Попробую. Может, с привязанной кистью...

Правую руку Ерш нацелил на голову эмиссара, а левой включил свет. Луч фонарика ослепил Рысь. Он мгновенно отвернулся. Но Анархист успел запомнить: простые очки и бородка клинышком. Щеки и лоб прикрывал капюшон. Пучок света пробежался по темному плащу, шмыгнул на русские сапоги из грубой кожи и погас. Вопреки ожиданиям Ерша, Рысь не вскочил, не зашипел. Анархист дерзко усмехнулся:

— Не богат агент патриарха.

— Хочешь поделиться награбленным, голубчик?

«Все знает черт»,— раздраженно подумал Георгий и поднялся:

— Когда пришлешь материал?

— Когда достану, батенька. Быстрей поправляйся...

Не подав руки, он растворился в темноте...

На другой вечер загавкала собака. Баптист выскочил на двор, быстро вернулся и, завистливо подмигивая, подал квартиранту шубу на лисьем меху с широкими поповскими рукавами:

— Груня ждет...

УДАР БЕЗ УДАРА

Груня запаздывала. Леша завел граммофон — веселая полька смутила его. Он переменил пластинку. Калугин шепнул ему:

— Подожди минутку...

Слышно было, как иа «голубятне» Проиии позвоиил в чека и громко спроснл:

— Дежуриый, что нового?

Видимо, Ерш не явнлся с повинной. Председатель чека пригласил на чердак Воркуиа н Калугина. За роговскнм столом, где поблескнвал телефонный аппарат, сидел Проиии, скованный и мрачный. Ои заговорил, глядя на лист бумагн с рукописным текстом:

— Я иаписал характеристику. Завтра пошлю в губчека. Начальство настроилось тебя, Иван, выдвинуть на мое место, а меия вместо Рогова. Ты деловит н предан партии. Мне ие привыкать с тобой работать. Но у тебя, Воркуи, есть загиб — начал мудрствовать. Усложнил дело со смертью уполиомочениого: отвлек чекистов от работы. Передоверил стажеру — Ерш, понятио, облапошил мальчишку. Не обижайся, товарнщ, в нашей снстеме, сам зиаешь, дружба дружбой, а служба службой. Пришлось упомянуть н об этом...

Подиимая лнст, Проинн перевел взгляд на малеиького человека с большой лысиной:

— Калугин, я обошел тебя в характеристнке, но тебе скажу прямо в лнцо, как коммуинст коммуиисту. Корень ошибок Воркуна, Селезиева, Смыслова в тебе, Николай. Ты дурио влияешь, особеино на молодых. Нет, я не против твоего нитереса к нашей работе. И не против, что ты ведешь у нас кружок по философин. Но сам поинмаешь, фнлософия это не крнмниалнстнка. В этом отношеинн лекции профессора Оношко иам, чекистам, полезнее. Нет, я зиаю, ты еще в подполье разоблачнл провокатора с большнм стажем — проявнл способиостн следователя. Одиако твоя основиая профессия ииая, ты специалист в другой областн — ие зря мечтаешь вериуться к преподаваиию естествозиаиия и краеведеиия. В добрый час! Я первый буду голосовать за твое освобожденне, хотя н с сожалеием. Ты же хороший председатель укома, тебя уважают партийцы, к тебе тянутся комсомольцы, тебя любят массы. К твоему голосу прнслушнваются в Новгороде. Я сам охотио подписал твое письмо к Лениину. Но когда ты предлагаешь нам, чекистам, вместо лупы диалектику...

— Нет, голубчик, не «вместо», а вместе и лупу и диалектнку!

— Да поймн, Николай, твой метод расследоваиия...

— Не мой, а Дзержинского! И проверенный практикой!

— Знаю, Калугин, ты уважаешь факты. Обратнмся к жнзин.— Проинн назидательно улыбнулся.— Разве товарнщ Феликс, поймав Анархиста, отпустнл бы его без контроля? А?!

— В данном случае, батенька, отпустил бы!

Председатель чека засмеялся и положнл руку иа телефоииую трубку:

— Где же он, твой отпущенный?!

— Друг мой, потерпн еще...

— Хватнт!— встал Проинн.— Немедленно объявлю розыск. А тебя, Ннколай, прошу больше...

Он не договорил: винзу, в столовой, залаяла Пальма. Воркуи бросился к лестиице. Николай Николаевнч проводнл его взглядом и, продолжая сидеть иа днване, прислушался. Он услышал веселый голос Груин:

— Вы куда, профессор? Не спешите!

Дружиый хохот заглушил голос Оношко...

Толстяк застегивал пальто иа дворе. Ои ие мог оставаться в обществе вора: от Ерша всего можно ждать. Но была еще одиа причина бегства: давинй спор с Калугииым закоичнлся явно не в пользу петроградского крнминалнста.

Не ждал такого сюрпрнза и председатель чека. Он не поверил Воркуну, заглянул вннз, увндел рыжебородого мужчину с забинтованными руками и, точио рак, попятнлся назад по лестннце на «голубятню».

— Кто поймал его?— спроснл ои Ивана.

Тот улыбиулся:

— Никто. Сам прншел с Груией.— Щелкнул пальцем по шее: — У Тамары Алексаидровиы есть немного спирта...

— Это еще что?!— возмутнлся Проннн и вдруг, прижнмая рукн к животу, осторожио опустнлся иа днван:— Грелку...

Николай Николаевич положил подушку под голову больного, а Воркун послал Тамару Александровну за грелкой.

Винзу кто-то завел граммофон — запел Шаляпнн. Калугнн закрыл дверь «голубятин» н спустнлся в столовую. Он заметнл уднвлеино-прнстальный взгляд Аиархнста. Председатель укома впервые встретнлся с Ершом н не мог понять, почему тот пялнт на него глаза.

Возможно, Леша рассказал Жгловскому о своем новом учнтеле. Виешне Калугни совершеиио не походил на

уездиого руководнтеля — обычио первое зиакомство ие обходится без уднвлеиия. Ннколай Ннколаевнч прнветливо кивнул Анархнсту и сел за стол:

— Кто еще не пнл чаю, друзья мон?

— Мы с «презндентом»!— радостно отозвался Леша н жестом пригласил Жгловского:— Согреться горячеинкнм...

— А мы что, не русскне людн, елкн зеленые!

К честн старого мастера, он, в отличие от Проинна н Оиошко, мужественно признал свою ошнбку: обнял племяниика...

— Ёк-королек, промахиулся твой дядя!

Заглох граммофон. Из флнгеля Воркун принес флакон спирта, вылил его в графни с иалнвкой и подсел к иеобычному гостю:

— Ну, Георгий Осипович, кто старое помянет, тому глаз вон! Тебе, брат, штрафиую...

Жгловский иемного помягчел, расправил плечн, положнл забиитованные руки на стол:

— Мие стакан удобней...

К столу подошли Груия, Люба и Сеия. Калугнн решил отвлечь вннманне молодежн на себя, чтобы дать возможиость инвалнду спокойио выпнть внио. Ои выиул из карманa толстовки лнсток:

— Друзья мон, к нам прибывает иовая партия сеитябрят [1]. Неплохо встретнть коицертом...

— Отлнчио-чуднеько!— зажегся Сеня и стал перечислять, указывая пальцем:— Лаиская... пеине! Орлова... пляска! Добротина... соло на маидолине! Селезиев... мелодекламация! Воркун... варнации на гармоин! Смыслов... цнрковой номер с мячом!..

— Голубчик, что это за номер?— Калугнн обратился к Леше.— Нуте?

Вратарь ие успел шевельнуть губамн. Раздался звон. Из рук Жгловского выпал стакаи. Ерш обвел глазамн присутствующих:

— Есть тут чекнсты?

— Есть-нмеются,— отозвался Селезнев.

— Полундра! Рысь тут!— Ерш забннтоваиной рукой, как пикой, иацелнлся на лысого в толстовке и простых очках:— Вот ои, гад!

---

[1] Сентябрятвми называлн ребят нз голодиого Поволжья, которые первый раз прнбылн в Руссу в сентябре 1921 года.

Никто не ожидал такой выходки. То ли вино ударило Ершу в голову, то ли он нарочно явился учинить скандал в коммуне? Мастер Смыслов сжал кулаки:

— Ёк-королек, ты что, рыжий, очумел?

Вскинув голову, Ерш заскрипел зубами:

— А вы что, ослепли, черт вас дери?!

Назревал скандал, который мог обозлить Жгловского. А Иван Матвеевич стремился расположить Анархиста к откровенной беседе. Калугин спешно спрятал листок в карман:

— Голубчик, вы обознались, поверьте мне...

— Тебе поверить, курва?!— вскипел Ерш.— Нашел дурака! Отвечай, гнида, ты приходил ко мне?

— Куда, батенька?

— На перевоз?

— В каком часу?

— Поздно вечером. Ты подошел ко мне в саду...

— И вы в темноте рассмотрели меня?

— Я осветил тебя! Вот эти очки, бородка,— указал Ерш.— И твоя манера подсыпать: «Голубчик, батенька, друг мой. Нуте?»

Коммунары и гости переглянулись. А Калугин спокойно спросил:

— И мои сапоги, и плащ с капюшоном?

— Точно! Засыпался, гад!

— И рост мой?

Прищурив глаз, художник заколебался:

— Да нет... я чуть повыше тебя, а он чуть повыше меня...

Калугин перевел взгляд на друзей:

— Значит, Рысь основательно присмотрелся ко мне...

— Где он мог, в каком месте?— заинтересовался Селезнев.— Где?

— Уком... Дискуссионный клуб... Фабричная ячейка — всюду возможно, друзья мои.

— А зачем он гримируется под вас, Николай Николаевич?

Вопрос Любы насторожил Анархиста. Калугин с благодарностью посмотрел на Добротину:

— Представь, голубушка, что в темноте Георгий Осипович не обратил внимания на рост эмиссара. Что бы тогда произошло? Жгловский выдает Рысь чекистам, а те Жгловскому не верят. Больше того, берут меня под защиту! Жгловский, естественно, нервничает, злится. А при

такой ситуации, голубушка, вместо откровенного разговора — обоюдная неприязнь...

— Другими словами,— подхватил Сеня,— Рысь нанес удар без удара!

— Совершенно верно, голубчик!— Калугин придвинул Жгловскому тарелку с маринованными грибами.— Рысь все время имитировал мою речь?

— В саду почти так. Разок только загнул по-одесски. А при первой встрече он, как артист, шпарил по-всякому.

— О чем же, батенька?

— Доказывал, что каждый смертный несет в себе трещину, только надо уметь нащупать ее...

— Чтобы не убивая убить?

— Точно! И, как пример, пришил судьбу уполномоченного губчека.

— Конечно, не вдаваясь в детали?

— Да, карты не раскрыл. А вчера больше нажимал на Библию.

— В каком смысле, голубчик?

— Расхваливал божественную стратегию Моисея...

— За что же?

— За искусство охмурять сынов земли. Моисей выполнял приказы всевышнего, которого сам же придумал, избрав путь не бога — дьявола: налет, убийство, насилие. Призывал всех почитать и слушаться только верховного, а сам же всеми верховодил. И так нашпиговал свой народ, что тот захватил богатую страну. Он назвал такую стратегию живучей.

— Совершенно верно, голубчик! Магомет, точнее, Мухаммед тоже прикрылся аллахом, в одну руку взял Коран, в другую меч и завладел Меккой.

— Рысь хочет моисеевой стратегией прикончить совдепию.

— И опять же план без деталей? — спросил Калугин.

— Нет, есть о чем посекретничать...

Калугин указал на лестницу, ведущую на чердак. Иван Матвеевич, видимо, вспомнил, что там лежит больной с приступом язвы, и глазами показал в сторону флигеля, но Селезнев правильно разгадал замысел председателя укома:

— Лучшего лекарства-бальзама и не придумаешь. Чуешь, Ваня-Ванек?

Действительно, больной совсем забыл про боль в животе. Прислушиваясь к рассказу Ерша, он поднялся с ди-

ваиа и подошел к столу, за которым сидели Аиархист, Калугии и Воркун.

— Тебе кто заказал икоиы?— спросил председатель чека.

— Солеваров. Но спер их, видать, помощник Рыси...

— Кто? Имя, фамилия?

— Черт его зиает!— пожал плечами Ерш.— Сам-то Рысь мелочишкой ие пачкается. «Плох тот руководитель, говорит, который все сам делает». Он ие одии, но в открытую играл только с гадалкой, покойиицей. Я Рысь поймаю. Лишь ие спугиите его. Удерет из Руссы.

Проиии смял в комок листок характеристики Воркуиа, а Калугии иезаметио улыбиулся...

ГРОЗНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Воркуи ие поздравил ее. Оиа зиала, что ои торопился по важиому делу. Одиако Сеия урвал мииутку, заскочил во флигель и преподиес полиое собраиие сочииеиий Тургеиева:

— От всей коммуиы, Тамарочка Алексаидровиа!

Сияющий, ои взмахиул роговским хлыстом:

— Друг-приятель отдал мие Желаииого!

Оиа улыбиулась, а сама подумала: «Не зашел».

Воркуи и Селезиев уехали до завтрака. Оии спешили, пока мороз ие сковал землю. Ерш зарыл золото глубоко.

За круглым столом пили чай Лаиская с Калугииым. Ои пожелал ей здоровья и всяческих успехов. Вчера Ерш часто цитировал Ветхий завет, поэтому Тамара ие удивилась, когда Николай Николаевич спросил:

— У вас есть Библия, голубушка?

— Я брала у регеита. Если хотите...

— Спасибо, матушка, я сам зайду.— Ои задержал взгляд иа вдовушке: — Ба-а! У вас совсем ие праздиичиое иастроеиие! Нуте?

— Погода действует.— Оиа повериулась к плакучему окиу:— Полюбуйтесь...

— Запомиите, голубушка, если дожди перейдут в сиежиую зиму, а веспа дружио иагряиет — ие избежать иаводиеиия.

— И что тогда?— спросила оиа, думая о своем.

— Русса превратится в три холма. В стариину, заметьте, Ильмеиь омывал старорусскую землю. Ваш сад растет иа дие бывшего огромиого озера...

Славный Николай Николаевич: он старался отвлечь ее от печальных мыслей. Но вот Калугин взял толстый портфель и скрылся за выходной дверью. Тамара вымыла посуду, вернулась во флигель, взглянула на пачку книг в бурых переплетах и опять за свое...

«Иван внес свою долю в общий подарок. Он не мог не знать о дне рождения...»

Осторожно звякнул звонок в прихожей. «Регент»,— подумала она и не ошиблась. Сосед оставил мокрый зонтик в прихожей, а букет свежей герани внес в комнату:

— От меня и супруги...

— Преступники вы оба! Загубили домашние цветы!— заворчала она, принимая букет.— Великое спасибо, Абрам Карлович... Как ваше горло? В такую погоду...

Стройный регент, в черном костюме, с черной эспаньолкой на бледном подбородке, попятился к мокрому зонтику:

— Ничего... Благодарю... Ваш совет помог... Теперь только с утра легкий хрип...

Щелкнула дворовая калитка. Тамара увидела за окном грузную фигуру церковного старосты в клеенчатой накидке с капюшоном...

— Нет, нет, подождите!— задержала она регента.— Я не хочу оставаться наедине со своим благодетелем...

Молнией промелькнул в памяти голодный, тифозный год. В монастырской церкви — два гроба. Тома сразу осталась без отца и матери. Все похоронные расходы взял на себя Солеваров и сироту не забыл: пристроил в церковный хор...

Дверь открыл регент. Савелий Иннокентиевич скинул мокрую накидку, перекрестился и поцеловал певицу в лоб.

— Прими от старика...— протянул он крошечный молитвенник в золотой коробке.— Не забывай создателя — молись, грешница...

Староста бородой кивнул на регента:

— Его бог простит: занемог горлом. А ты, душа моя, погляжу, цветешь, силы набираешь. И голос окреп, на сцене поешь...

— Концерт в пользу голодающих.

— Благотворительно!— он взял ее за руку.— А верующие разве не твои братья, сестры? Разве они не жаждут послушать твой голос серебряный? Почему же их отвергла? Почему перестала петь на клиросе?

Продолжая стоять у окна, певица освободила руку.

— Савелий Иннокентиевич, у меня теперь опера, концерты, ликбез, сентябрята — совершенно нет времени!

— Нет времени?! — нахохлился старик. — А петь под гармошку в соседнем доме находишь время?!

Краска покрыла щеки Ланской. На помощь пришел регент:

— Не осуждай, старина, рядом живут ее лучшие друзья...

— Коммунары-безбожники?!

— Я тоже безбожник! Тебе известно. Однако ты умолял меня не оставлять хор. — Регент закашлялся и заранее угадал мысль старосты: — Не бог — доктор спасет меня!

— Так знай, нехристь, твоя чахотка — божья кара! — Он направил трость на Тамару: — И тебя, отступница, накажет господь!

Застегивая накидку, старик ехидно спросил:

— Это верно, что в коммуне жены-то общие?

— Нет, Савелий Иннокентиевич, в коммуне общие только идеи да стол, — строго ответил Вейц, подавая старосте трость.

В прихожей Солеваров потеснил входящего профессора Оношко и, не закрывая дверей, потопал на крыльцо.

Она не сразу вникла в профессорскую речь. И пакет не раскрыла. И поблагодарила не подавая руки. В ее ушах все еще звучала угроза старика. А что, если господь уже наказал и Ваня разлюбил ее?

Оношко задержался в Руссе, ждал санного пути в деревню. Он пожаловался на дождливую погоду:

— Представляю, что за дорожка на вашейземельке. — Аким Афанасьевич потряс пухлыми руками. — Шагнешь и завязнешь. Да, коллега, — обратился он к Вейцу, — я видел список вашей коллекции. Можно снять копию..

— И вас удовлетворят одни названия экспонатов?

— Я боюсь, что вы передумаете и коллекция попадет в руки Калугина. Он мечтает о краеведческом музее.

— Хорошая мечта.

— А если вам вместо денег дадут бумажку с такими словами, как «национализация» или «конфискация», тогда как?

— Не волнуйтесь, профессор, у меня имеется охранная бумага с печатью исполкома.

Хозяйка поймала томный взгляд толстяка и снова с горечью подумала, что день ее рождения проходит без любимого.

— Скажнте, пожалуйста, а верхом на лошадн ие опасно...— Она ие договорнла: Иван проснл ее никому не сообщать о сегодняшией поездке за город.

Оношко прниял ее беспокойство иа свой счет, проснял:

— Ах, душечка, я ннкогда не сидел в седле!— Он засмеялся:— Упаду в самую грязь и не вылезу! Бедняжка Нниок! Как она там жнвет? Дома чуть ноги промочит — уже насморк! Коллега, а ваше здоровье?

И, не дождаясь ответа, возмущенно вскинул руки:

— Где же глаза Фемиды?! Ерш Анархнст, подонок человеческого рода, иа свободе! Его же расстрелять мало — повесить надо!

— Очеиь опасный?

— Сейчас не очень: ои почтн без рук...

— Пощадите меня!— взмолилась хозяйка.— В день рождення хочется тепла н радостн. Лучше отведайте горячего пнрога с капустой...

Она прнслушалась. В прихожей шум. Кто-то спешит. Что случилось?

В столовую влетел Алеша Смыслов. Он, не здороваясь, окниул взглядом мужчнн:

— Где Солеваров?

— Ушел,— ответила Тамара, меняясь в лнце.— Зачем он тебе?

— Нужен! — Юиоша стряхиул с руки капли дождя и круто повернулся к выходу: — Очень нужен!

Провожая взглядом помощника Воркуиа, Ланская подумала о том, что Солеваров ие пойдет на уголовиое преступлеиие. Видимо, что-то другое.

Профессор укоризненно помотал головой:

— Не поздоровался, не поздравнл...

— Ои чем-то взволнован,— заступнлся Вейц.— Обычио удивительно тактнчен. Мой давний чнтатель.

Тамара вспомнила о своем кружке лнкбеза н попросила Вейца раздобыть для нее «Азбуку»:

— У меня один учебник, а три ученика.

Регент обещал достать букварь и мечтательно произнес:

— Поправлюсь, окрепну н с иовымн снламн за новое дело...

— Если вас допустят, коллега!— Толстяк вздыбил потухшую трубку.— Сын генерала, дворяиин, бывшнй регент... н лнкбез?!

— Допустят! Я увереиа!— Тамара взяла том Тургенева н подияла его над головой:— Библнотека Вейца до-

ступна всем! Книгами Вейца пользуется тот же председатель укома. Кстати, сегодня Николай Николаевич зайдет к вам за Библией...

— За Библией?— удивился криминалист.— Странно!

— Ничего странного,— пояснил коллекционер.— Он, вероятно, сличает христианскую Библию с иудейской: они, как известно, совпадают не полностью. А эта разноголосица в священных книгах иногда влечет за собой страшные последствия. Например, на Руси в молитвенники дониконианской печати вкралась опечатка: «Святить ОГНЕМ», а не «ВОДОЙ». Из-за этого «огня» разгорелся великий спор с доносами, пытками, жертвами...

— Господи, из-за одного слова?

— Да, Тамара Александровна, одна опечатка погубила тысячи невинных.— Вейц мягко поклонился профессору:— Извините, странно другое. Вчера ко мне пришла за Библией Груня Орлова...

— Вы ее знаете?— заинтересовалась Ланская.

— Да! Однажды она попросила у меня убежища: ее преследовал Ерш Анархист. А кончилось тем, что Груня у меня же дома позировала своему преследователю. Мне кажется, Ерш — самобытная, одаренная натура, но, к сожалению, очень рано попавшая под дурное влияние...

— Зверь!— вставил Оношко.

— Извините, Аким Афанасьевич, этот «зверь» сделал то, чего я не мог сделать со своей эрудицией. Он заинтересовал Груню Библией. Девушка заявила: «Проверю! Ежели святая книга в самом деле учит грабить, насиловать, убивать, обращать в рабство людей только за то, что они верят в иного бога, то я первая плюну на Библию!»

Регент закашлялся, приглушил голос:

— Она при мне читала проповедь Моисея. Вы не представляете, какой темперамент, какая это цельная натура! Даже моя жена, любящая одних кошек, очаровалась ею.

— Охотно верю!— воскликнула Тамара и неожиданно подумала: «А вдруг Иван увлекся Груней?»

Уходя в школу, Тамара приколола на двери флигеля бумажку: «Скоро вернусь. Ланская». Она боялась, что Иван вернется домой без нее...

Ученики преподнесли учительнице огромный букет белых махровых хризантем. Жена Герасима — хозяйка курортной оранжереи — сказала Тамаре Александровне:

— Желаем вам здоровья и семейного счастья...

Ланская зарделась. Ей показалось, что Прасковья, ее подружка по церковному хору, выдала тайну. Тамара заглянула в глаза Алешиной матери:

— Ты не знаешь, зачем твой сын искал Солеварова?

— Не знаю,— смутилась та, прижимая букварь к груди.— Может, Савелий Иннокентиевич оставил что. Он вчерась был у нас...

Тамара отвела глаза. За окном повалил густой снег. Она представила Ивана со снежными усами и, скрывая улыбку, наклонилась к столу:

— Начнем с арифметики...

Наконец-то урок закончен! Она завернула цветы в газету и, как только вышла из сторожки парка, побежала, радостно вдыхая свежесть молодого снега.

«Ждет! Ждет!»— верила она в свое счастье.

А вот и родной дом. Она остановилась, перевела дух. Рука потянулась к чугунному кольцу калитки. Если он любит, то ждет возле окна.

Прикрывая лицо букетом, она прошмыгнула мимо большого крыльца и застыла на пороге флигеля. Дверь открыл Сеня Селезнев. Он, весело напевая, принял от именинницы цветы и задорно подмигнул:

— Кто забыл-оставил ключ в дверях?

— Сенечка, я торопилась на занятие.— Она бросила тревожный взгляд на порожнюю вешалку:— У вас благополучно?

— Всё без обмана! Только не сразу нашли место. Промерзли, проголодались, а Ерш, в поповской шубе, байки сыплет: смех один! Мировой парень! Теперь они с Воркуном — не разлей водой!

— А где же Иван Матвеевич?

— В чека. Клад описывает! Не забудьте поздравить его: наш председатель!

— А Пронин?

— Занял кабинет уполномоченного губчека! И заметьте, как говорит Калугин, вновь открыл дело по убийству Рогова.

— Разве его убили?

— Да еще как убили — не убивая, Томочка-Тамарочка!— Сеня вернул цветы и ладошкой ударил по деревянной кобуре маузера.— Ой, самовар-то!..

Закрыв дверь спальни, хозяйка надела зеленое, под цвет глаз, бархатное платье, уложила огненную косу в три ряда, взглянула в высокое зеркало и вдруг пожалела, что

не прнгласила к себе Алешиину маму: «Бедияжка скучает без мужа».

Серебрнстый, пузатеиький самовар пыхтел, долго не мог успоконться. Сеия поставил иа иего фарфоровый чайинк н весело прнветствовал малеиького человека в серой толстовке:

— Николай Николаевич, Люба не звоиила?

— Звоиил, друзья мон, Иван Матвеевнч: просил разрешеиия приехать вместе с Георгием Жгловскнм. Нуте?

— Пожалуйста!— оживилась хозяйка н крикиула убегающему Сене:— Поторопите!

Тамара рассказала о раинем визнте Солеварова. Николай Николаевнч открыл кннгу Тургенева и посоветовал вдовушке перечитать рассказ «Живые мощи»...

Тамара нсполияла народиые русскне песии. Ей вторнл Иван, играя иа гармоин. Сеия чнтал тургеневские стнхн в прозе. Георгнй отлнчно рассказывал одесские анекдоты. Все смеялись, всем было хорошо. Но когда гостн собрались в прнхожей, голодиая Пальма лизнула сапог хозяиига...

— Боже, забыла накормить!— Тамара кинулась на кухию.

Воркуи закрыл парадную дверь, вериулся за Пальмой.

Старииные часы пробили полиочь. Тамара слышала его шагн в столовой, бой часов. Оиа опустила миску на пол, прнласкала овчарку н, чуть пошатываясь, словно пьяиая, медленио зашагала на свет...

— Что с вами?— испугался Иваи.

— Не зиаю,— смутнлась она.— Устала, иавериое...

Ои придвннул стул и накннул на ее покатые плечн теплый платок. Она поблагодарила его н подияла голову...

Их взгляды встретились.

И тут же они быстро повернулись к окну: чья-то рука очищала стекло от снега.

Из кухнн вырвалась Пальма. Воркун вышел на двор: свежнй след мужского ботинка вел к открытой калитке. Овчарка легко догнала иочиого внзитера. Иван подозвал Пальму, вернулся во флигель н как можно спокойиее назвал имя младшего Рогова.

— Карп! Я так и думала! Боюсь его, боюсь!..

— Не бойся.— Он впервые обратился к ней на «ты».— Я с тобой. И если ие возражаешь, всегда буду с тобой...

Вдовушка щекой прижалась к его широкой груди.

Пальма посмотрела на них и, поджав хвост, поплелась на кухню...

РАБЫ БЕССИЛИЯ

Савелий надел меховую шапку и задержался в прихожей. За стенкой, на кухне, тетка секретничала с племянником. Все эти дни Вера молилась за Георгия: вслух просила чудотворную, чтобы чекисты не расстреляли поповича. Старорусская богоматерь свершила чудо — Анархиста помиловали. Теперь рыжий безбожник смеется, говорит, что его спасла не божья матерь, а золото.

«Какое золото?»— струхнул старик.

Летом он доверил жене церковную тайну: ночью пошел зарывать монастырское золото. Но не зарыл, лопата уперлась в слой битого кирпича. Староста спрятал драгоценности в семейном склепе, а жене повторил старое: «Зарыл, слава богу».

«Нет, скорее Ерш обокрал гадалку»,— успокоился старик и вышел на улицу.

Снег больше не таял, мороз освежил воздух. В такую погоду Савелий любил прогуливаться. Жена знала об этом и, конечно, не могла заподозрить мужа в том, что он прихватил ключи от семейного склепа.

Тайник известен только ему, Солеварову, но прятал церковные вещи он по указанию эмиссара патриарха. Раньше все сакраментальные указания исходили из надежных уст: Капитоновна приглашала Савелия к ясновидящей, а та передавала слова новгородского владыки. Теперь же, после смерти гадалки, о приезде эмиссара известила мадам Шур.

Неужели она приближенное, доверенное лицо? А впрочем, мадам Шур окончила Сорбонну, пять лет хозяйничала на мызе новгородского архиерея; затем купила в Старой Руссе дачу, пела в хоре, давала уроки на гитаре, а теперь совладелица магазина. Такая вполне заменит ясновидящую...

Над монастырем искрились золотые кресты церквей. Старик поднял отяжелевшую руку, медленно перекрестился и заметил, что прохожие теперь редко осеняют себя крестным знамением. И вообще, если не закрывать глаза, вера в бога угасает. Не он ли, староста, пригрел сиротку, похоронил ее родителей, привел на клирос, возвел

в солисткн? И что же? Подружилась с безбожиикамн, вступила в коммуиу и выходнт замуж за чекиста.

Илн регеит. Почему отрекся от хора? Ои много лет жаловался иа горло и все же руководил, ие пропускал ни одиой службы в храме. А ыне нзбегает: неловко, стыдно — променял иа лнкбез.

Солеваров остановнлся перед монастырскими воротамн с крестом н мысленно обратился к богу: «Верин людям веру!»

Под кнрпнчной аркой оголеиные булыжинкн лосннлнсь ледяиой плеикой. Старик покачнулся, налег иа трость н мелкими шажками выбрался иа сиежиый покров. Ему тяжело ходить, ио иужио: ои обойдет всех отступннков, еще раз попытается вернуть их в лоио Старорусской богоматери.

На монастырском дворе ребятншки каталнсь с ледяиой горки. Перегоияя друг друга, они кричали, толкались, смеялись. Старику хотелось спросить: «Дети, кто с крестом?» Ведь судьба церквн в нх руках. А в школах отменилн закои божнй. Как быть? Что придумать? Вся иадежда иа прихожаи-роднтелей. С инмн иадо вести беседы, проповеди.

Старика догиал кореиастый священиик с широкой рыжей бородой. «Вот иекстатн»,— подумал Савелий н вопрошающнми глазамн встретнл родителя Ерша Аиархнста. Тот слегка прнподиял шляпу.

— Савелий Инокеитиевич, достопочтеиный свояк,— громогласио поздоровался отец Осип и, огляиувшись, тихо сообщил:— Я за твоей мнлостью. Созови-ка завтра «двадцатку», брат мой.

— Гроза иадвигается, отец Осип?

— И страшиая, громовая!— Он глазами показал иа белое камениое здаиие:— Зайдем к дьякоиу, потолкуем иаперед...

— Ты за этим и пожаловал в Руссу?

— Кто может угадать помыслы божьи? Приехал хоронить чадо свое, а ои, греховодиик, с твоей супругой чаек попнвает.

Старнк поежнлся и сухо сказал:

— Ждн у дьякоиа, я же поклоиюсь родителю,— ои указал в стороиу моиастырского кладбища.— Не задержусь...

Три старииных храма н три иизких поклоиа. Старик крестился, а сам думал: «Сыиок-то весь в батюшку блуд-

ливый. Нет такой вдовы в Волотовском приходе, у которой ие ночевал бы отец Оснп. И пнть горазд, чревоугодинк».

Савелий сильно недолюбливал свойственника, но ладнл с ним, потому как священннк Жгловский окоичнл Петербургскую духовиую академню, часто помещал богословскне статьн в «Новгородскнх епархиальиых ведомостях», а главное — удачно вел полемнку с обновлеицамн. Когда-то перед ннм открывалась радужная стезя, да за блуд потесинли в деревию.

Снежиая тропка вела в тупик, к железиой часовеике. С темно-синими стеклами н острымн башенками, она резко выделялась средн надгробиых памятников. Перед семейиым склепом старнк прнслушался.

Над крышамн древних храмов, где возвышалась колокольня, судачилн галки. Где-то мяукала кошка. Вдруг за спиной старосты заскрипели на снегу шаги.

Хоть ои н жаловался на стариковскне глаза, все же заметнл, что следом за иим вышагнвал рослый парень в охотничьей куртке н кепке с обвнслым козырьком.

Не дай бог, если переодетый чекнст...

В склепе схоронены драгоценностн, не отмечеиные в моиастырском ивентаре. Чекист подумает, что золото спрятал хозяии моиастыря. Господн, проиесн нечнстую...

Солеваров, войдя в часовню, не закрыл дверн, встал меж надгробных плнт и впервые ие пересчнтал металлнческие веикн, прнвезенные еще нз Петербурга. Он поклоннлся застекленной нконе, внсевшей на глухой стене. Чудотворная заступинца ие оставнт в беде раба божня Савелия...

Теперь нельзя спускаться в склеп. На плоском камне, лежащем у входа, стоят сапоги. Пахиуло селедкой. Чекнсты неважно питаются. А у него, Солеварова, нмеются масло, яйца, окорок. Только людн бают: «чрезвычайку» не подкупнщь.

Божья матерь вразумнла старика.

Староста, кряхтя, опустнлся на коленн. Кто же мог донести? Не вернлось, чтобы родной племянник выпустнл нз рук золото. Надо не замечать агента. Пресвятая дева, спаси...

Он, Савелий, шестьдесят лет отслужил на почте. А чекнст, поди, думает: хозяин часовнн — буржуй. Да, род Солеваровых торговал солью, стронл граднрни и варннцы для «государева завода». Екатерина Вторая, посетив Руссу, пожаловала городу герб с изображеннем двух

медведей и жаровии иа плите, а Солеваровы приняли герб как свой фамильиый.

Все оии, кряжистые, мускулистые, волосатые, смахивали иа медведей, и все оии промышляли солевареиием. Только Савелий с детства пристрастился к собираиию марок и поступил иа почту. Хотя виешне ои тоже медведь: у иего, как и у всех родичей, крупиые челюсти, волосатые иоздри и сросшиеся брови-мохиатки, из-под которых сейчас блесиули звериные глазки.

Безусый чекист глядит иа ширь его сутулой спииы, иа толщу разлапистых иог и ие зиает, что перед иим Топтыгии иа привязи. А цепь в руках поводыря. Вот повериуться и поведать все как иа исповеди. Да страшно! Вдруг ои эмиссаром подослаииый?

Кто зиает, иа что решился бы перепуганый старик, если бы в это время ие заговорил иезиакомец:

— Староста, как забеседуем: официальио иль по душам?

В голосе иеизвестиого ие то просьба, ие то угроза.

— По ду́шам,— ответил старик по-старорусски — с ударением иа первом слоге и сильно окая.

Солеваров медлеиио подиялся и шагиул к собеседнику: лицо, кажется, зиакомое, а голос чужой.

— Вы чей будете, отрок?

— Осади иазад!— тот выхватил иаган.

Отступая, старик почувствовал себя совершенно разбитым. Кажись, мясо отошло от костей: толкии — и ои развалится. Нет прежией силы. Вся иадежда иа чудо...

Лобастый, с куриосым лицом, словио прессуя слова мясистыми губами, тяжко спросил:

— Кто у тебя в храме торгует свечами?

— Степаиида Ковылева и Прасковья Смыслова.

— Одиа Ковылева справлялась. Зачем привлек Смыслову?

— Бог свидетель, сама предложила свои услуги...

— Так вот, старбеиь!— оборвал парень.— С этого дия Смысловой иикаких поручеиий! Иначе пеияй иа себя! Договорились?

— Свято слово,— облегчеиио вздохиул старик.

— Еще! О иашем разговоре ии звука.

— Могила...

Строгий пареиь суиул иагаи за пояс и, застегивая куртку, быстро исчез в голых кустах. Старик размашисто перекрестился:

— Благодарю тебя, владычица, отвела беду...

Теперь скорей домой. Солеваров поспешил и, падая между могил, веткой поцарапал лицо.

На выходе из кладбища его встретил отец Жгловский:

— Боже милостивый, что с тобой, свояк?

Старик рассказал о вооруженном парне, но промолчал о кладе. Священник взял его под руку и убежденно заговорил:

— Я так разумею, брат мой, подослали. Они не дремлют. Сегодня тебя припугнули, завтра меня. У них свои десять заповедей: иконы изъять, соборы закрыть, попов в Сибирь, а верующих, как они глаголят, «под стрелы критики!».

Отец Жгловский указал на фасад церковного здания:

— За каждым стеклом, в каждом окне учреждения будут висеть списки верующих, смешные изображения и непристойные слова Демьяна Бедного да Маяковского.

Савелий застонал от боли в ноге. Отец Осип по-своему воспринял протяжный возглас старика.

— Подожди, брат мой, еще не так заноешь!— Он перешел на шепот:— Они написали Ленину. Просят ускорить — издать декрет. Хотят прибрать к рукам все церковное богатство. Наш долг, наша святая миссия — спасти реликвии...

Отец Осип наметил ближайший план действий. Старик согласно качал головой.

Дома жена накинулась на Савелия с вопросами:

— Где ты был? Кто тебя так разукрасил?

Она подозвала работницу магазина:

— Груня, помоги старику!..

Савелий кряхтел. На все вопросы ответил отец Осип. Груня заинтересовалась парнем с наганом. Смывая кровь с лица пострадавшего, она попросила обрисовать внешность мальца. И по мере того как старик рассказывал, она менялась в лице...

Вдруг девушка, скрывая смущение, спросила попа:

— Батюшка, Пятикнижие — библейское священное писание?

— Священное, дочь моя,— ласково улыбнулся он.— Православная церковь признает каноническими тридцать восемь книг Ветхого завета, в том числе и Пятикнижие. А ты разве в школе не изучала закон божий?

— Изучала. Но не читала Библию. А вот тут заглянула — и глазам не верю!..

Отец Осип и супруги Солеваровы вскинули удивленные глаза на черноокую девушку. Она выдержала их взгляды и продолжала:

— Бог учит Моисея, а Моисей своих воинов — грабить, умерщвлять, брать в рабство...

— Кого? Иноверцев!

— А разве иноверцы не люди? Разве их не бог сотворил?

— Бог сотворил, дочь моя, а дьявол увел их на ложную стезю.

— Так и воюйте с дьяволом, а тех, кто заблудился, выведите на истинную дорогу. Зачем же их резать, колоть, насиловать?

— Дитя мое, божья кара всегда справедлива. Господь владыка указал, Моисей выполнил — полонил хананцев.

— Ради чего? Обогатиться за чужой счет! Захватить землю, сады, дома, скотину и заставить покоренных работать на себя?

— Без страдания, чистилища в рай не попадешь!

— Чего же Моисей своим обещал не рай, а обетованную землю?

— На то воля всевышнего!

— И я про то!— Груня вскинула руки:— Всевышний один народ натравливает на другой! Учит воевать, драться! Так можно любую войну оправдать — воля божья! Читайте священное писание!

— Читать нужно, дитя мое, но с разумением.— Отец Осип бросил взгляд на стенные часы:— Приходи завтра в такое время сюда, мы вместе почитаем Библию. А сейчас я с дороги немного приустал...

«Приустал или почувствовал свое бессилие?»— задумался Савелий, наблюдая за волотовским попом.

Тот фыркал возле умывальника, смачно чавкал за столом, громко говорил, бодро рассказывал о своей сельской жизни. А после ужина увел старосту в небольшую комнату, закрыл двери и, прикрывая ладошкой рот, третий раз забубнил все о том же:

— Брат мой, пришел наш час. Нельзя боле молчать. Будя! Они не молчат. Исполком запретил крестные ходы. А завтра и колокольни под замок! А там и ризницы очистят. И нас, служителей церкви, в Сибирь по этапу. Сам патриарх указует нам: не вставать на колени. В чем наше спасение?..

Отец Осип прислушался, встал, тихонько подошел к двери и, придерживая рукой тяжелый крест на груди,

рыжей густой бородой уткнулся в дверь. Савелий услышал хрипловатый голос племянника. Раньше, годков пять назад, Солеваров схватил бы прелюбодея за шиворот и, как кота, вышвырнул бы на улицу. А теперь даже голос осел...

Голоса за дверью утихли. Священник заглянул в скважину, покачал головой, вернулся к старику. Он жесткой пятерней закинул рыжие волосы назад и злыми глазами пригвоздил свояка:

— Слыхал, брат мой?

— Я не подслушиваю...

— И зря, Савелий Иннокентиевич.— Отец Осип опять загнул бороду ко рту.— Мое чадо любопытствовал, где остановился эмиссар патриарха. Зачем ему, безбожнику, понадобился адрес московского гостя? Сейчас у дьяка мадам Шур сказала, что чекисты ищут Рысь, который якобы умертвил Рогова, и что для них Рысь и эмиссар одно лицо. Схожу-ка еще разок к дьяку...

«Ты же приустал»,— мысленно заметил Савелий.

ДВОРЕЦ, КАЗАРМА, ВИЛЛА

Вчера Жгловский сказал, что встретил товарища по анархической партии. А сегодня он не явился на отметку в чека. И не звонит. Иван посматривал на телефонный аппарат: «Почему молчит?»

У Пронина обострение язвенной болезни. Он лежал дома. Врач запретил чекистам беспокоить больного, но не запретил больному беспокоить чекистов. Пронин уже дважды заставил Воркуна снять телефонную трубку и дважды бил в одну точку: «Что случилось со Жгловским?»

Приход Ивана в чека совпал с неприятной процедурой — сокращением штатов. Воркун вызвал Сеню по срочному делу, а тот выступил в роли адвоката.

— Товарищ председатель-начальник, виноват. Ей-ей, не выдержать девушке такую нагрузку: делопроизводитель, машинистка, оперативник, а теперь еще взвалили контроль за ордерами на обыск и арест...

Не давая Селезневу закончить мысль, Иван подхватил его интонацию:

— Товарищ следователь-оперативник, пойми, по всем учреждениям сокращение. Экономия — новая политика. И не одна Люба Добротина с перегрузкой.— Он кивнул на

дверь:— Раньше комендант ведал лишь содержанием арестованных, выдавал пропуска на свидание и отвечал за работу справочного стола, теперь же на него взвалили еще хозяйственный отдел: хранение имущества комиссии, распределение конфискованных товаров, использование перевозочных средств, ведение отчетности и выдачу жалованья. И он, ей-ей, не жалуется...

— Чудно́ и чудно́!— удивился Сеня.— Быстро ты освоил этот дом!

— У тебя учусь, дружище.— Иван спрятал улыбку в усы.— Оперативное задание: разыщи Георгия Жгловского...

Не прошло часу — Селезнев докладывал. Он заглянул в магазин Солеваровой, застал Груню без хозяйки...

— Вчера Ерш жаловался, что его принимают за попа. Решил избавиться от батькиной шубы. А может быть, просто Груню пожалел: грянул мороз, а она в легкой кацавейке. «Возьми, говорит, а то все равно пропью». Груня поблагодарила, но не взяла. Он пригласил на танцы под духовой оркестр. Не пошла. Вышел из магазина Ерш грустный...

— А где вчера танцевали под духовой?

— В белой казарме на Красном берегу.

— Ну, Сеня, слетай в Дерглецкие казармы. Может... Постой-ка!— Воркун снял трубку:— Вас слушают...

Говорил мастер Смыслов. Начал он издалека. Видимо, не хотел огорошить друга. Но Иван сразу почувствовал неладное и прервал его охотничью прелюдию:

— Сергей, при чем тут зайцы, ближе к делу!

— Ек-королек, у меня нет дроби. А в разрушеном дворце — свинцовые трубы. Я спустился в подвал, смотрю, лежит окоченевший. Стены белы от мороза, а он в сапогах, галифе и гимнастерке. Признал только по забинтованным рукам...

— Убит? Рана?

— Нет, елки-палки, видать, забрел пьяный...

Иван усадил за свой стол Селезнева и, накидывая шинель, позвал Пальму...

Иван осмотрел труп Анархиста: ни царапинки. «Неужели опять «убийство без убийства»?»

Пальма вывела хозяина к чугунной решетке калитки и села. Дальше следы смешались со множеством отпе-

чатков солдатских сапог. Путевой дворец времен Екатерины Второй сильно пострадал в 1917 году, но одноэтажный флигель сохранился. В нем расположилась хозяйственная рота кавалеристов. Лошади стояли в царской конюшне. Из нее доносилась задорная песня:

Как-то раз на полигоне
Раннею весной...

Возле ворот пестрела полосатая будка. Часовой указал вчерашнего дежурного, а тот показал, что вчера поздно вечером двое военных, сильно выпивших, просились переночевать. Один был в солдатской шинели, другой в комсоставской. Часовой пропустил их к командиру роты. Они не вернулись.

Выходит, собутыльник завел Жгловского в подвал дворца, положил пьяного на солому и накрыл шинелью. Как только Ерш захрапел, он снял шинель и, наверное, вылез в разбитое окно.

Воркун вернулся в подвал, в котором раньше находилась кухня и людская. Разбитые окна выходили прямо на панель. Заиндевевшие стены без единой подозрительной метки...

— Пальма, где же обратный след?

Ищейка словно поняла озадаченность хозяина. Она поднялась по каменной лестнице из подвала и не вышла на двор, а продолжила путь по ступенькам на первый этаж и остановилась на балконе.

Иван снял кожаный ремень, обвил им чугунную балясину и, держась за оба конца ремня, легко спустился на панельные плиты. На ремне остался след чуть заметной потертости. Иван дождался Пальму и, минуя Дворцовую улицу, зашагал по набережной к белой казарме.

Под высокой аркой Воркун предъявил документ, вызвал командира караульной роты и навел справку:

— Вы лично были вчера на танцах?

— Был.

— Не обратили внимания на мужчину — коренастый, с рыжей бородкой и забинтованными руками?

— Как же,— оживился комроты,— он здорово отплясывал «яблочко»!

— Кто его пригласил, с кем он был?

— С нашим интендантом Зубковым.

— Где он сейчас?

— Да, наверно, в каптерке...

Они пересекли большой двор. Из двери кладовой пах-

нуло кожей, махоркой и едкнм мылом. За деревяниым столнком щелкал на счетах сонный каптенармус. Он, зевая, сдвинул будеиовку на затылок н с трудом поднялся с табуреткн.

Прн нмеии Георгия Жгловского кладовщик развел пальцем малюсеиькие усикн под солндным красным носом и опять опустился иа стул.

— Мы с иим когда-то дружилн, состоялн в одной партнн. Теперь опять договорнлнсь о встрече. На танцы обещал прийтн с бабенкой, но явнлся однн, жутко мрачный.— Он указал иа стеллаж с солдатскнмн котелкамн:— Вот здесь Ерш сброснл шубу н сказал: «Переобмундировать!» Прншлось отдать свою шинель, старую гнмиастерку образца восемнадцатого года, галнфе с кожаиыми иаколеиинками, красиоармейские сапогн мон, поиошеииые. А его вещички в мешок. Обещал сохраинть.— Зубков дыхиул перегаром.— Вы за шубой?

— Нет, за Георгием Жгловскнм. Он не явился на отметку в чека.

— Да, да, вспомниал!— Кладовщик осторожно иогтем снял волосннку с века.—«Я, говорнт, пойду позвоию н вернусь». А сам ие вериулся. Наверно, думаю, остался на внлле...

— На какой внлле?

— Да что рядом,— махнул на дверь,— за нашим забором...

— Разве у вас иет телефона?

— Есть! Я предложнл ему. А он говорнт: «Проведаю управляющего и заодно подышу свежнм воздухом».

— Ои был пьяи?

— Пил стакаиами.— Кладовщнк показал на стол:— Вот здесь. Встречу отметнлн. Подиялнсь иаверх в большое зало. Он еще плясал. Потом добавнл н на улнцу...

— В каком часу?

— Примерио... в двадцать однн...

Воркуи бросил взгляд на стеииые ходикн, где рядом чериела кожаиая куртка с медными пуговицамн. Иван искал комсоставскую шннель, но не увидел.

Внлла находнлась между Путевым дворцом н казармой. Высокнй серый забор с колючей проволокой обрывался на Дворцовой улнце, открывая подход к парадной дверн. Воркун нажал киопку, подиял голову. Он не раз любовался этнм домом, сделаиным нз фанеры.

Двухэтажиое здаиие с высокой готнческой крышей до революцин прннадлежало хозяину фанерной фабрнки.

Теперь в фанерном замке проживал управляющнй, с которым Иван познакомнлся во время иедавиего пожара.

Виктор Константиинович, в грубошерстном костюме, с бородкой, расчесаииой иа две половииы, провел чекиста в свой кабииет. Обилие света, паровое отопление, вращающиеся двери, ковры, полированиая мебель, картииы — все это поразнло Ивана. Ои ие сразу обратился к управляющему фабрикой:

— Вы зиаете Георгия Осиповича Жгловского?

— Да. В семиадцатом году его вселилн к нам... сюда...— Виктор Коистаитиинович протяиул руку к иастольному телефону:— Вчера он пришел позвоиить. Но был настолько пьян, что с трудом ворочал языком.

— Ои дозвоиился?

— Не зиаю. Я вышел из кабииета...

— Понимаю.— Иваи посмотрел иа широкое окио, выходящее иа Дворцовую улнцу.— Вы случайно ие виделн... его иикто ие поджндал возле дома?

— Не заметил, хотя парадную дверь открывал я лично, прислуга ушла на таицы.

Меньше всего Воркуи рассчитывал иа показаиия домработиицы. Остроиосая девушка в кружевиом передиике покрасиела, замкиулась. Но постепеиио уясиила, что речь идет ие о том красиоармейце, который провожал ее. И тогда вдруг виятио заговорила:

— Меия, зиачнт, задержала хозяйка. Я, зиачит, ие сразу вышла нз дома. И вот нду по Дворцовой, а уже темно, и слышу за углом мужскне пьяиые голоса. Думаю, от греха подальше. И, зиачит, прнжалась к иашему забору. Нн жива ин мертва. Трусиха я. А оин с бульвара свериули иа Дворцовую. Оба в шииелях. Одии еле иа иогах держится, а другой его поддерживает. И как только мннулн меия, одии, что потрезвее, остаиовился, а пьяиый, снльно качаясь, зашагал дальше к иашему дому. Ну я, значит, и прнпустила: за угол и бегом до казармы...

Иваи подумал о Зубкове. Кладовщику иичего ие стоило иадеть иа себя комсоставскую шииель. Он, коиечно, н завел Аиархнста в подвал. Но с какой целью? Завладеть шубой или убрать с дороги опасиого свидетеля? Возможио, Зубков совсем ие случайио встретил Ерша на мосту. Уж больно спокойио держался кладовщик. И ие зря повесил свою кожаную куртку иа видное место. В свое время Жгловский явился с повинной в чека — мог предложить и Зубкову последовать его примеру. Тот виешие: «Да, да!»— а сам споил матроса, иарочио уговорил «от-

каблучить „яблочко"». Ерша, понятно, разморило, потянуло на воздух. Но почему не позвонил из казармы?

Скорее всего, на танцах Жгловский опознал Рысь. Или Зубков проговорился: хотел Ерша завербовать. В таком случае Жгловский не мог звонить в чека из казармы. Одно ясно, что Зубков не Рысь. Эмиссар патриарха — образованный, умный, скрытный враг. А этот, узколобый, со стеклянными глазами и красным носом алкоголика, походил на исполнителя, а не на руководителя.

Длинная белокаменная казарма имела форму буквы «Г». На обратном пути Иван не зашел к Зубкову и решил закрепить за ним Селезнева. В данном случае слежка лучше ареста. Пронин арестовал сына перевозчика. Баптист держался уверенно, отвечал твердо, дал точный портрет ночного гостя: «В черной накидке с капюшоном, в очках и с бородкой, как у нашего председателя укома».

Нет, пусть Зубков приведет к Рыси!

Труп вывезли из дворца ночью. Вскрытие показало, что Ерш пил самогонку и денатурат, настоянный на дубовых листьях. Однако умер не от алкоголя, хотя сильное опьянение способствовало быстрому переохлаждению. Он заснул и не проснулся.

Его похоронили родители и Солеваровы. На поминках Зубков напился, плакал и утешал Веру Павловну, рядом с которой сидела Груня...

СШИБКА УМОВ

Недели мелькали, как страницы детективного романа. В коммуне сыграли свадьбу Ивана с Тамарой, встретили Новый год, отпраздновали четвертую годовщину Красной Армии, дождались декрета об изъятии церковных ценностей, а дело с убийством Рогова все еще оставалось открытым.

Больше того, загадочная смерть Ерша Анархиста дополнительно запутала следствие по делу Рогова. Селезнев «сдружился» с кладовщиком Зубковым, но — ни одной улики. Бывший анархист даже пил только вне служебного времени. Сеня начал подумывать, что Георгий Жгловский «сам себя угробил»: перепил и замерз. А отсюда один шаг и до мысли: «Рогову отказало сердце, и точка».

К счастью, свои сомнения Сеня не высказывал вслух. Его смущала твердая позиция Калугина: он по-прежнему утверждал, что и Рогов, и Жгловский погибли от руки Рыси. Один и тот же прием — убийство без убийства.

Февральский декрет ВЦИКа растревожил церковников. Они прислали анонимку Калугину: если-де возглавишь комиссию по изъятию церковных ценностей — распрощаешься с жизнью. Воркун приказал Сене охранять председателя укома.

Молодой чекист вышел на улицу и оглянулся на желтый дом, на фасаде которого чернела вывеска с прямыми крупными буквами:

СТАРОРУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВГОРОДСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

Он надеялся, что Люба помашет ему в окно. А увидел Алешу Смыслова возле дома.

— Друг-приятель, ты по делу?

Алеша расстегнул полушубок, вытащил из-под ремня широкую книгу и, улыбаясь, протянул ее:

— Отнеси Калугину...

— Ты откуда знаешь, что я иду к нему?

— Я знаю, что я не могу идти к нему: меня ждет Воркун...

Принимая книгу, Сеня подумал о дневнике Рогова и сказал:

— Вот бы тетрадь-записки уполномоченного...

— Эта книга тоже обрадует Николая Николаевича. Спрячь под шинель и вручи без свидетелей...

— Есть такое дело!— Сеня подмигнул товарищу:— Когда свадьба?

— Когда Груня откажется от церковного брака. А у тебя?

— Как только переедет-переберется к нам в коммуну.

— Что же ей мешает?

— Мой рост. Все вздыхает: «Хоть бы на вершок выше!»

Он горько засмеялся. А перед зданием укома завернул в соседний дом и раскрыл книгу. Автор — Ницше. В глаза бросились строки, отмеченные ярко-красным карандашом:

«Любите мир как средство к новым войнам».

«Я не работать советую вам, но воевать».

«Война и мужество создали больше великих вещей, чем любовь к ближним».

Удивленные глаза Сени метнулись на соседнюю страиицу:

«Жизиь есть ие что иное, как война за власть».

Тряхиув чубом, чекист начал листать кингу в поисках подчеркнутых фраз.

«Будь всегда первым н возвышайся над другими».

«Способен ли ты быть убийцею?»

«„Не грабь! Не убий!“ — такие слова считались когда-то священиыми... Но спрашиваю вас: где в свете были лучшие разбойники и убийцы, чем вот эти святые слова?.. Разве не есть всякая жизнь — разбой и убийство?.. О братья, разбейте же, разбейте старые скрижали!»

Несмотря иа оттепель, Сеня почувствовал, как холодок пробежал по спние. Он захлопнул кннгу н внимательно перечитал иадпись на обложке: «Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Киига для всех и иикого. Полный перевод с иемецкого А. Н. Ачкасова. Москва, Моховая, дом Бенкеидорфа. 1906».

Сеия задумался: «Кто же так старательио читал?»

Кабиист Калугина освещался ослепнтельным мартовским солнцем. Перед пнсьменным столом сиделн, щуря глаза, представители укома, исполкома, Помгола, милиции, чрезвычайной комиссин, профсоюза и общественных организаций.

Обсуждался список канднлатов в комиссию по изъятию церковных цениостей. Московская иструкция предписывала: «Включить одного-двух представителей духовенства». Но нн однн священиослужитель ие явился на совещание в уком.

— Может, еще подойдут,— сказал Пронни.

И Калугин выложил на стол второй список членов техннко-экспертной комиссии. В иее входили музейные работиики, ювелиры и бухгалтер. Доктор Глика предложил дополнить список известным художником Сварогом. Все единодушно проголосовалн «за». Сеня тоже подиял руку, да так и застыл. Распахнулась дверь, блесиул на цепн золотой крест, мелькиули желтоватые глаза, раздутые иоздри н огнеиио-рыжая борода. Отец Осип решнтельно перешагиул через порог н широкими ладонями прикрыл солидиый живот.

— Мир н правдолюбие этому дому,— поклоиился он.

Калугни ответил приветствнем, указал свободное место н зачитал список кандидатов...

— Гражданин Жгловский, кто войдет от духовенства?

В начале нового года отца Осипа перевели в Руссу с повышением. Он чувствовал, что настало время для него, опытного полемиста. Ему выгоднее говорить стоя. Его руки легли на спинку стула переднего ряда...

— Вразумите меня, служителя церкви,— начал он, склонив голову,— зачем я приглашен на оное светское собрание? Мы же, слуги бога, не занимаемся мирскими делами...

— Совершенно верно, батюшка,— подключился Калугин,— мы тоже не служим в храме и не поем псалмы. Однако голодающие ждут от нас хлеба, а не песнопений. Вы лично, гражданин Жгловский, не откажетесь участвовать в комиссии по изъятию церковных ценностей? Нуте?

— Я лично, гражданин, внес свою лепту и всегда протяну руку любому страждущему. Но...— он провел рукой по рясе,— мой сан священника обязывает меня во всем слушать патриарха...

— Во всем?! Девятнадцатого февраля восемнадцатого года патриарх Тихон предал анафеме большевиков. Вы, его послушник, тоже проклинали нас в своем приходе? Нуте?

— Я не фарисей из «живой церкви». Это лишь обновленцы дерзнули осудить патриарха Тихона...

— Другими словами, батюшка, вы тоже анафемствовали?

Жгловский почувствовал достойного противника и опять вскинул голову:

— Исповедуйте свое кредо: не суесловьте. Наши братья и сестры ждут хлеба...

— А хлеб ждет золота!

— Освященные реликвии — ризы, чаши — не подлежат изъятию. Патриарх Тихон указует, что можно добровольно пожертвовать церковный лом и подвески на иконах...

— На́ тебе, боже, что нам негоже!

Присутствующие засмеялись. Но отец Осип не смутился:

— Если ваша комиссия последует указанию патриарха, я войду в нее, если же вы посягнете на святые вещи храма — не войду!

— Батюшка, комиссия на месте разберется: что взять, что не взять. И ваше присутствие, как видите, необходи-

мо.— Калугин взялся за перо:— Разрешите внести вашу фамилию, голубчик?

Прищурив глаз, Жгловский обратился к собранию:

— У вас все решается большинством голосов, и у нас в пастве все решают миряне. Завтра общее собрание прихожан. Если они благословят изъятие святых предметов, то я ваш слуга; если же верующие запротестуют, то и дверей не открою...

— А декрет ВЦИКа?!

— Бог свидетель! Вы же сами, большевики, провозгласили полное отделение церкви от государства. Советская власть отказала нам в материальной помощи, заявила, что религия есть частное дело каждого гражданина, предоставила нам самоуправление, так исповедуйте свое же кредо: не вмешивайтесь в частное дело граждан, предоставьте им самим решать вопрос о благотворительности.— Он шагнул к двери.— Не задержусь с ответом. Мое почтение!..

Сеня вышел на площадку, проводил взглядом священника и вернулся в кабинет, где больше всех возмущался старший Смыслов:

— Ек-королек, это же волкодав в рясе! Завтра на церковной сходке он всех рабов божьих поднимет против комиссии. Его надо немедля арестовать!

— За что, голубчик?

— Елки зеленые, председатель укома спрашивает: «За что?» Да этот поп, кол ему в глотку, грозился закрыть двери храмов! Надо воевать, бороться с церковниками!

— Но как, голубчик?!— Калугин вскинул глаза на стенной портрет Ленина:— Владимир Ильич говорил, что надо у м е т ь бороться с религией. Если мы арестуем священника накануне работы комиссии, то фанатики растерзают комиссию на паперти храма. Нет, друг мой, на данной стадии борьбы важнее доказать верующим, что помощь голодающим не противоречит христианской морали.

— Так они и будут тебя слушать! К собранию не подпустят!

— Конечно, все это сложно и особый разговор.

Калугин окинул взглядом присутствующих:

— Друзья мои, надо быть готовыми к тому, что ни один служитель культа не войдет в нашу комиссию. Это, естественно, усложнит изъятие. Поэтому, пока не поздно, каждый из вас может отказаться... Нуте?..

Сеня метнул взгляд на преподавателя истории с лопа-

тообразной бородой. Ему показалось, что бывший учнтель гнмназии струхнет, но ошибся. Ни однн член комиссии не отступнл...

Они остались вдвоем. В кабинете пахло махоркой. Сеня открыл форточку, подошел к письменному столу н выложил кнnгу Ницше. Ннколай Ннколаевич не удивился. Видимо, он ждал ее...

— Спаснбо, друг мой.— Председатель полистал сочннение немецкого философа и воскликнул:— Поразительно! Моисей создал стратегию для избранных, а Ницше для избранного, для сверхчеловека. Голубчик, Алеша не сказал... чьи это пометки?

— Нет, но он просил передать-вручнть без свнделетелей.

— Значит, друг мой, он выполнил задание. Прнгласи его, пожалуйста, к нам в коммуну... и хорошо бы вместе с Груней...

Спор разгорелся, как всегда, за круглым столом. Кому выступить на собрании верующнх? Ланская пришла ужннать вместе с регентом. В коммуне Вейц появнлся впервые. Он хорошо знал церковиый мир и заявил:

— Завтра все решнтся. Священник Жгловский — отличиый оратор. Верующие пойдут за иим. Его влияние следует приглушить. Я выступлю. Меия знают прихожаие...

Абрам Карлович говорил больным, беззвучным голосом. Сеня, как н все другне коммунары, понимал, что чахоточный не оратор: он сам себя не услышит. На открытом воздухе перед большой массой надо выступать горластому. Или Калугину: у него голос несильный, но он умел заставить себя слушать, его слабость оборачнвалась силой. И знаток релнгии.

Николай Николаевич словно разгадал ход мысли Селезнева:

— Я готов, друзья мои...

— На что готов?— вклнннлся Воркуи.— На самоубийство?

— Мы будем охранять-подстраховывать..

— Не дури, Семен!— нахмурился Иван Матвеевич.— Пораскинь мозгами! На собраннн верующих берет слово председатель укома, известный антирелнгнозник...

— А кто спас-отстоял чудотворную?

— Было дело, дружище!— отмахнулся Воркун.— А теперь Калугии возглавил комиссию по изъятию церковиых ценностей. И возглавил, несмотря на угрозы, предупреждения. Тот же Жгловский был в доме Калугнных

н сумел мать восстановить против сына. Черт возьми, Анна Васнльевна первая закричит: «Не слушайте безбожника!» Да ему н рта не дадут раскрыть!

— Мы сейчас с Абрамом Карловнчем встретнли мадам Шур. Она сказала, что в Руссе эмиссар патриарха, что он привез воззвание за подписью самого святейшего Тихона.— Ланская вопросительно взглянула на мужа:— Иван, ты имеешь послание патриарха?

— Это не послание, дорогуша, это секретная инструкция.— Воркун напряг память:— Тихон с гневом отвергает даже добровольное пожертвование... Он говорнт: «Важно не что давать, а кому давать»... И заключает: «Читая строки посланния нашего, указуйте о сем своей пастве на собраннях, на которых вы можете н должны бороться против нзъятня ценностей».

Иван Матвеевнч перевел взгляд на Сеню:

— Завтрашнее собрание — по прямой указке патрнарха. И надо быть готовыми ко всему.

— Как же так?!— недоумевала Тамара Александровна.— Помочь голодающим — ведь это наш христианский долг. Я скажу об этом открыто...

Воркун покосился на беременную жену, но ничего не сказал. Пальма бросилась к дверям. Сеня весело приветствовал Алешу с подругой н, любуясь, закрутился вокруг Груни:

— Посмотрите-оцените! Обновка к лицу!

Черная, лихо посаженная кубанка н черный полушубок, отороченный белым барашком, удивительно дополняли ее девичью осанку н озорной взгляд.

— Хватит, сглазишь!— звонко засмеялась она, глазамн нща Добротнну.— А где Люба? Она собиралась сюда с вещамн...

— Розыгрыш?

— Вот свидетель,— Груня указала на Лешу.— В чека был, с Любой разговаривал...

Сеня потащил приятеля на кухню. Секретннчали недолго: Любу уговорил вступить в коммуну не Леша, а Воркун. Сеня броснлся к Ивану Матвеевнчу, но раздался звонок, н молодой чекист выкннул такой пнруэт на носке, что все рассмеялись.

Новый член коммуны принесла шуточное заявленне н мешочек сушеной чулановки [1]. От радости Сеня взялся

---

[1] Чулановка — местный сорт яблок.

варнть компот. Он слышал, как в столовой Калугин готовил Груию к выступлению:

— Совершеино верио, голубушка, у вас отличная память. Вы рождеиы для трибуиы! Итак, повторяю, Аитиохский собор, Златоуст Коистантинопольский, Юрьевский моиастырь...

Сеия выглянул из кухни. Люба сидела рядом с Груией и восхищеино смотрела на иее. А та горячо, страстио перечисляла доказательства, словно стояла на возвышеиии перед толпой.

Теперь ясио, почему Калугин пригласил Алешу вместе с Груней, но как поиять обособлениый разговор на «голубятне»? Интересно, о чем секретиичал Николай Николаевич с Алешей? Смыслов ушел домой сильио озадачеииый.

«Навериое, книга с пометками?»— подумал Сеня и не ошибся. В двенадцать часов иочи Калугин окончил осмотр книги Ницше и позвал к себе иа чердак Воркуна с Селезневым. Николай Николаевич заговорил шепотом:

— Друзья мои, вот Рысьи следы,— он пальцем указал на красиую линию под строкой.— Этот же карандаш чиркал и Библию, страницы, посвященные стратегии Моисея. Обе книги из библиотеки Вейца...

Калугин взял толстый том с тисненым крестом:

— Вручая мне Библию, хозяин сказал, что он признает в ней только «Песию песней». Выходит, кто-то другой штудировал Пятикнижие. Но вот, приметьте, Леша берет Ницше «Так говорил Заратустра». Хозяина нет. Книгу разрешила взять его жена, предупредив, что муж ее почти ие расстается с «Заратустрой»...

— Неужели он?— Иван переглянулся с Сеней.

— Он эстет, друзья мои. Он может восхищаться стилистикой философа. Но на его столе лежит красный карандаш. Надо сличить.— Калугин обратил их внимание на яркость и прямоту линии:— Видите, и «Заратустра» и «Пятикнижие» подчеркнуты одной рукой. Алеша обещал принести листок с пометками Вейца...

Иван и Сеня опять переглянулись:

— Неужели чахоточный?

— Друзья мои, вспомните показание Ерша Анархиста: Рысь выше меня ростом и виртуозно владеет голосом. Все это относится к регенту. Даже сегодняшняя хрипота его, возможно, искусственная. Его библиотека — прекрасная приманка. К нему идут те, кто ловит его. Он дружит с теми, кто близко связан с чека...

Воркун, видимо, подумал о жене и смущенно крякнул. Николай Николаевич положил ладошку на его грудь:

— Голубчик, ни слова Тамаре Александровне. Никаких перемен. Малейшее подозрение — Вейц уедет «лечить» горло и не вернется. Так или не так? Нуте?

Воркун одобрительно моргнул. Сеня представил Алешу в кабинете Вейца и понял, почему приятель ушел озадаченным. Попробуй-ка спокойно смотреть на регента, зная, что он-то и есть Рысь, контрик-убийца!

— Черт возьми,— взорвался Иван, дернув усами,— ну кто мог подумать?! Тихий. Общительный. Сочувствующий большевикам. Безбожник. Бросает церковный хор. Помогает ликбезу. Пользуется всеобщим уважением. Снабжает литературой председателя укома...

— И слушателей философского кружка при чека,— улыбнулся Николай Николаевич, хватаясь за голову.— Уму непостижимо!

— Интересно-любопытно, а завтра он выступит?!

— А что толку от хрипуна?— Иван приказал Селезневу следить за тем, чтобы Вейц не удрал из Руссы, и опять взорвался:— Ей-богу, не засну сегодня!

Сеня тоже всю ночь проворочался на кухонных табуретках: на его кровати спала Люба.

СХВАТКА С РЫСЬЮ

Ему предстоит обхитрить регента. Леша приготовил красный карандаш для подмены. Он завтракал молча...

Груня бубнила тезисы своей «речи». Она не знала, почему сегодня Леша не спешил на работу. И даже не заметила, что он не доел свой любимый овсяный кисель с молоком.

Лешина мама и Вадим пытались отговорить ее от выступления, брат даже нарисовал «жуткую картину» побоища. Груня резко осадила его:

— Трус ты, Вадька!

Мать с надеждой посмотрела на сына: образумь ее, пока не поздно, образумь хоть ты. Леша понимал, что Груня рисковала жизнью. При мысли о разлуке его захолодило. И все же лучше подстраховать ее, чем сорвать калугинское задание.

Обиженный Вадим ушел на работу раньше всех. Груня поцеловала заплаканную Прасковью.

— Обедать не жди,— она взяла кусок хлеба, посолила его и завернула в чистый носовой платок.— Придешь на собрание?

— Приду, милая.— Мать снова бросила взгляд на сына:— А ты, Алешенька?

— Конечно...

Они вышли вдвоем. Больше месяца Груня дулась на Лешу за то, что он «натворил» на кладбище,— напугал до смерти старика Солеварова и не попросил у него прощения. К людям преклонного возраста она относилась с почтением и не раз говорила: «И мы же состаримся». Но сама Груня не спешила стариться: спала под тонким одеялом, купалась в соленом ручье и усердно молилась: «Боже, сохрани здоровье!..»

Однажды Сеня подмигнул коленопреклоненной Груне: «Я тоже просил-молил бога удлинить мне кости. А он ни в какую!» Она перестала с ним разговаривать. Вот теперь он при каждом удобном случае шлет ей приветики. Но примирению помог Калугин.

Неожиданно Николай Николаевич поддержал Груню. Он осудил Алешу за то, что тот, как пасач [1], тряс наганом перед стариком. «Это, голубчик, роговская отрыжка. Так церковника не одолеешь». А Сене заметил: «Раз верующая обиделась, значит, ты, друг мой, в чем-то не прав». Насмешник хотел оправдаться: «Да ведь молитва — бред собачий!»—«Нет, друзья мои, молитва — ловкий прием церковной стратегии. Верующий ежедневно утром и вечером сосредоточивается на ближайшей цели. Он просит бога помочь ему достигнуть задуманного. Внушает себе, что с ним сам всевышний, и действует значительно смелее, фанатичнее. А церкви только это и нужно: фанатизм ослепляет разум. Заметьте и другое! Я планирую свои дела на листочке и каждое утро читаю, как «молитву». А перед сном опять за листок: проверяю, что сделано. Учтите, ребятишки, молитва даже с медицинской точки зрения — прекрасное средство для успокоения нервов. Без анализа ты, Сеня, рискуешь превратиться в балагура! Так или не так?»

С того дня Груня другими глазами стала смотреть на председателя укома. Обычно о коммунистах она судила по старшему Рогову. Его крылатые словечки облетели всю Руссу: «Раз верит, значит, дурак!», «Все попы жлобы!». А Калугин никогда не оскорблял чувства верующего. Вот

---

[1] Пасач — по-местному: хулиган.

почему Груня охотно беседовала с ним, прислушивалась к его голосу и согласилась выступить на собрании верующих. Он убедил ее: у церкви есть лишнее золото...

За воротами парка Груня спросила:

— Ты куда, Леш?

— Отнесу книгу регенту...

Она просила передать привет Вейцу и направилась в магазин Солеваровой. На бирже труда очереди не сокращались. При первой возможности Груня сменит работу. Она получала небольшие деньги. А Леша зарабатывал неплохо: за каждое раскрытое преступление получал вознаграждение двадцатью процентами рыночной стоимости похищенного натурой или денежными знаками.

Новый, двадцать второй год пугал и одновременно бодрил Алешу. Любовь Груни, дружба с Вадимом, успехи в калугинском кружке, поручения Воркуна и Калугина — все это не могло не радовать его. В то же время нет писем от бати, мать зачастила в церковь, а тут еще сговор церковников, наглость торгашей, рост преступности, сокращение штатов, закрытие школ — все это настораживало Лешу.

Вот и сейчас — мартовское солнечное утро, а на душе несладко. Вчера в коммуне он заметил, что Вейц нервничал. Видать, почувствовал, что над ним сгущаются тучи. Сейчас жена его откроет двери и скажет: «Уехал в Питер лечиться».

Агент нащупал в кармане толстый карандаш. Что покажет последняя проверка? Если карандашный цвет один и тот же на Библии и на страницах Ницше, если все пометки сделаны рукой Вейца, то последователь Моисея и Ницше не уйдет от чекистов. Хотя до ареста еще далеко: мало ли кто увлекается идеями Моисея и Ницше. Ведь подчеркнутыми цитатами не докажешь, что и Рогова, и Жгловского убил Рысь. И что Рысь — это и есть Вейц. Возможно, Калугину известно нечто большее?

Отсчитав пять знакомых ступеней, Леша дернул деревянную ручку коридорного звонка...

Алеша старался быть таким, как всегда: внимательно-молчаливым. Однако зрение и слух настолько обострились, что даже привычная обстановка казалась ему необычной.

Хозяин вежливо пропустил гостя по узкой дорожке деревенского половика. Леша вышагивал по коридору и думал: «Если дернуть за конец дорожки, то брякнешься

на пол». Жена Вейца н раньше не выходнла на звонок, а теперь померещилось, что муж нарочно выпроводил ее из дома. В кабинете тяжелые шторы давно защищалн книги от солнца, а сейчас почудилось, что занавешенные окна и тнхнй полумрак предвещалн преступление.

В углу библиотеки чернел кабннетный рояль. Регент, как всегда, сел на винтовой стул, подиял крышку и, закрыв глаза, исполннл нзлюбленные отрывкн нз Бетховена и Бортнянского. А в сознанни юношн мелькнуло: «Неплохая сигнализация».

Леша осторожно шагнул к письмениому столу, где лежал толстый карандаш. Удобный момент для подмены. Но под ногой скрипнула деревяиная половица, и агент застыл.

Музыкант словно разгадал замысел Алешн — оборвал игру...

— Простите, Алексей Петровнч, вы же спешите на работу.— Он глазами указал на кннгу в руках читателя:— Ну как?..

— Читалось легко, изложение светлое, ио проповедь Заратустры черна-а...

— Отлично! Другого ответа не ждал.— Абрам Карлович взял кннгу от Леши н прнжал ее к груди.— Не правда лн, маэстро, в ней пленительная музыка слова н страстная энергия слога?! Однако мыслительный настрой мне тоже претнт: страшный аморалнст...— Он распахнул кннгу: — Вы не моглн не заметнть подчеркивання.

Регент остановился перед большим портретом в золоченой раме:

— Присмотритесь, пожалуйста, к лнцу генерала. Это мой фатер. Обрусевший немец. С головы до ног военный. Но, в отличие от деда, который преследовал Наполеона, чуть было сам не попался в плен к самураям. Победа япоицев толкнула отца к Бнблии. В ней он нашел военную науку. Я плохо разбираюсь в стратегнн, но хорошо помню, как фатер заменнл икону Хрнста статуей Моисея. А вскоре повесил и портрет Ницше.— Он протянул руку.— Вот отцовскнй карандаш. Он был с ннм в Порт-Артуре, под Мукденом: сначала ставнл метки на военной карте, а потом на страницах Бнблнн н Ницше...

Сын брезгливо взглянул на образ отца с пышными бакеибардами и тонкнмн сжатымн губами:

— Властолюбивый, бессердечный! Хотел н меня затяиуть в мундир с погоиамн. Спасло мое слабое здоровье.

Я родился рахитичным, с кривыми ножками. Так фатер уложил меня в постель, стянул полотенцем изгибы ног, сдавил кости, но добился своего. Через месяц я заново учился ходи́ть... на прямых ногах. Затем он привел меня к речному плесу и голого бросил с крутого берега. Я не умел плавать, страшно боялся воды — спас инстинкт самосохранения. Выкарабкался. Но от испуга стал заикаться. Вмешалась мать: увезла меня в Петербург к тетке, большой любительнице музыки...

Он показал пожелтевшую фотографию и снова уставился на портрет родителя:

— Корчил из себя сверхчеловека! Я всегда боялся и ненавидел его. Однако портрет храню, и вот почему. Тихий, мечтательный, я бредил монастырем. Фатер напоил денщика, бывшего монаха, и приказал ему рассказать мне о «святой жизни отшельников». Отец выправил не только мои ноги... Хотя церковную музыку, особенно творения Бортиянского, обожаю до сих пор...

Хозяин задумался, не подозревая о том, что творилось в голове гостя. В эту минуту Леша совсем забыл про криминальный карандаш. Он вдруг почему-то вспомнил рассказ Лунатика о монастырской жизни, затем в сознании пронеслись кадры из бытия «Гороховой республики»: Ерш в роли «президента», его поспешное бегство, когда Анархиста спугнул не сам Рысь, а только одно упоминание о нем...

— Мой дядя заядлый охотник!— неожиданно засмеялся Алеша.— Однажды зимой на опушке леса он поджидал зайца и гончую. А дождался того, что ему на холку с дерева спрыгнула рысь...

Леша взглянул на Вейца и весело продолжал:

— Ружье полетело в снег, но дядя устоял. Закинул руки назад. Сдавил зверю горло. А скинуть — никак! Кошка когтями вцепилась в спину, в плечи, а зубами прокусила поднятый ворот полушубка и вонзилась в шею. Пришлось ему, как лосю с рысью на холке, пролезть под сук...

— Как вам не стыдно, Алексей Петрович,— удивился хозяин.— Если б не воротник, ваш дядя истек бы кровью. Я не понимаю, что в этом смешного? Не узнаю вас! И какая связь между рассказом о моей жизни и страшным случаем на охоте с вашим дядей?

— Сам не знаю,— покраснел Алеша.

— В таком случае, Алексей Петрович, рекомендую книгу австрийского психолога Фрейда.— Он достал

с полки том без переплета.— В этой работе раскрывается метод толкования снов, оговорок и свободных ассоциаций. Прочитайте, проанализируйте данный случай. Для вас, агента уголовного розыска, ценное пособие.

И, вручая книгу, он вежливо поклонился:

— Не смею больше задерживать...

«Черт возьми, зачем я бухнул о схватке с рысью?»— огорченно думал Алеша, выходя на улицу.

Калугин в орготделе проверял партийные взносы. Увидев Алешу, он отложил папку:

— Что случилось, голубчик?

За столом сидел заведующий орготделом. Леша замялся. Николай Николаевич провел юношу в свой кабинет. Ученик подбирал самые безобидные слова, чтобы не огорчить учителя своей оплошкой...

— Сегодня не удалось сверить карандаши. Но через два-три дня снова пойду к нему. Он дал книгу и задание...

— Какое, друг мой?

— Мне надо объяснить, почему я, во-первых, вдруг вспомнил случай на охоте и, во-вторых, почему вспомнил с хохотком.

— Какой случай?

Слушая рассказ, Калугин неодобрительно закачал головой:

— Ты думал, что Рысь, как Ерш, саморазоблачится? Не-ет, батенька, регент посложнее Анархиста. Когда заговорщики терпят поражение в центре, они действуют на периферии осторожнее, умнее.— Калугин придвинул книгу Фрейда:— Автор настолько произвольно толкует сны, оговорки, свободные ассоциации, что ты, друг мой, легко выполнишь задание Вейца...

Он поднял глаза на ученика:

— Идя на работу, ты думал о том, что теперь в кабинете Воркуна сидит твой дядя?

— Конечно, подумал.

— Всю зиму дядя носил рысью шапку. Образ дяди воскресил схватку с рысью. Так или не так?

— Та-ак.

— Охотник всегда вспоминает о своей схватке с юмором...

— Выходит, мой смех оправдан?

— Только для Вейца, батенька!— Учитель вынул из серой толстовки платок и протер очки в белой металлической оправе.— Но мы не станем себе туманить мозги.

Корень твоей ошибки в том, что ты не выполнил нашу инструкцию. И через два-три дня не выполнишь! Сейчас Рысь наверняка насторожился и начнет водить тебя за нос с помощью Фрейда. Успех с Ершом вскружил тебе голову, друг мой. Но, признаюсь, в твои годы я сам не раз спотыкался...

Калугин взглянул на окно, залитое мартовским солнцем:

— Почему у Вейца в библиотеке вечный полумрак?

— Оберегает книги...

— Нет, батенька,— он надел очки.— Постоянно приучает глаза к темноте. Вспомни показание Ерша: «Рысь, как цыган, действует ночью». Его хрипота тоже ширмочка, как выражается Федя Лунатик. Регент виртуозно владеет голосом. И к тому же актер! Будь он моего роста — Ерш не перешел бы на нашу сторону. А показание Анархиста, пожалуй, решающее! Учти, именно Моисей и Ницше привели нас к регенту...

— Но как же фатер? Карандаш-то генерала?

— Совершенно верно, голубчик!— Учитель прищурил серые глаза.— Его карандаш. Его подчеркивания. Его сплав идей Моисея и Ницше. Его школу прошел сынок. Да, да, батенька, Карл Августович, властолюбивый генерал, не только превратил хилого мальчонку в закаленного юношу, но и вооружил его стратегией избранных. Не случайно сын хранит портрет отца. Влияние петербургской тетки, преподавательницы музыки, началось позже, когда ее племянник поступил в консерваторию...

Калугин метнул взгляд на стенные круглые часы:

— Скоро собрание на монастырском дворе. Вейц попытается выступить, несмотря даже на «больной» голос. Сын превзошел отца. Он подкрепляет стратегию психологией. Ты же писал из деревни, голубчик, что в книге «По ту сторону добра и зла» иной карандаш подчеркнул изречения Ницше: «Если дрессировать свою совесть, то, кусая, она будет целовать нас», «Ты хочешь расположить его к себе? Так представься смущенным»...

— Николай Николаевич, но вы же вчера еще колебались...

— Совершенно верно, батенька!— Он поднялся из-за стола.— А вот внимательно выслушал тебя, взглянул на книгу Фрейда и окончательно убедился, что «скромный регент» организовал убийство и Рогова, и Жгловского. Теперь задача — найти исполнителей...

Учитель подиял телефоииую трубку. Звоиил Воркуи. Ои срочио выезжал из города: какое-то секретиое задаиие. Леша ие смел расспрашивать, хотя подумал, что без мужа Лаиская, иаверио, ие рискиет выступить иа собраиии прихожаи.

Видимо, о том же подумал и Калугии. Ои ноиитересовался:

— Груия ие передумала?— И, ие дожидаясь ответа, увереиио сказал:— Нет, иет, голубчик, оиа ие из пугливых...

В уголовиом розыске Леша попросил Федю Луиатика пойти с иим в моиастырь и позвоиил приятелю в чека. Сеия заверил, что ои сейчас переодеиется и мигом иа собраиие.

Подстраховка была обеспечеиа, и все же Алексей крутил в руках толстый караидаш, иевпопад отвечал Феде, попросил у иего закурить и все время подгоиял спутиика. Ои волиовался за Груию...

АЛТАРЬ БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Весеииее солице загляиуло в окиа детдома. Медсестра Лаиская, в светлом халате, осматривала иовую партию ребят, прибывших из Поволжья. В теплой просториой комиате щелкали большие весы. Пахло масляиой краской и лекарствами.

Тамара ваткой бережио промывала слипшиеся глазеики мальчика, который скорее походит иа старичка с тощими плечиками, впалой грудкой и вспухшим животиком. Кости у иего обтяиуты сухой желтоватой кожей, руки обвисли.

Вчера Тамара обмеияла золотые булавки, брошки иа овсяиую муку, иапекла сладкого печеиья и теперь угощает голодиых детей гостинцами. Стрижеиый мальчугаи, живая мумия, ие в силах дотяиуть лепешечку до рта. Тамара помогает ему с улыбкой и слезами.

Лаиская верила в бога, но очеиь сомиевалась в том, чтобы всевышиий заиимался судьбой каждого человека. Ее девиз: помоги всякому, кто иуждается. А Солеваров убеждал ее спасать ие людей, а церковиые вещи.

Вот и сегодия старик «случайио» встретил ее возле детдома. Староста просил прихожаику выступить иа собраиии верующих:

— Из всех клирошан ты, дочь моя, самая желанная, приметная. Народ привык к твоему голосу. Скажи им слово, благословенное патриархом всея Руси. Встань на защиту святых реликвий. И миряне не допустят расхищения храмов...

Сегодня он не упрекал ее за брак без венчания, бил в одну точку:

— Пока крест не сияла — служи кресту: постой за церковь...

Бывшая солистка монастырского хора слушала молча: она не могла возразить человеку, которому была многим обязана и который был намного старше ее, но перед ее глазами стояли опухшие дети с голодными глазами...

Благодетель поцеловал воспитанницу в лоб: ему показалось, что он убедил ее.

Во флигеле Ланскую поджидали ее ученики — Прасковья и Герасим с женой. Учительница была в том положении, когда не дай бог упасть. Особенно коварны теневые аллеи парка: над головой солнце, а под ногами скользко, как на катке.

Она поблагодарила учеников за внимание и положила на стол свежие газеты. Последнее время «Правда» и «Звезда» заменяли книги по чтению: не хватало букварей. Тамара Александровна вымыла руки, вернулась в столовую, обратилась к сторожу курорта:

— Читай только заголовки...

Герасим прижал бороду к груди, склонил голову над газетой и неуверенно собрал слоги в слово:

— У-жа-сы,— он сдвинул палец,— го-ло-да...

— Хорошо. Дальше...

— Па-три-арх Ти-хон про-тив...

— Против чего? — спросила учительница и заглянула в газету.

Мелкий шрифт труден для ученика. Тамара Александровна прочитала заметку вслух. Автор упрекал главу православной церкви в том, что тот отвергал изъятие «священных риз и чаш» и грозил карой за святотатство: «мирянам — отлучением от церкви, священнослужителям — низложением из сана».

— Кто прав: автор или патриарх?

Вчера Лешина мама слушала проповедь отца Осипа. Он сказал, что все мечты страждущих сбудутся, если они решительно выступят против изъятия церковных цен-

ностей. Она больше двух лет мечтала о возвращении мужа. Вся надежда на бога: он всемогущ. И все ее помыслы сводились к одному — угодить всевышнему. Сегодня на собрании она поднимет руку за послание патриарха. Ее откровенное заявление смутило жену Герасима:

— Я уж не знаю, как тут речь вести — с одной стороны, слово патриарха для нас, верующих, закон, а с другой стороны, нельзя не помочь людям в большой беде. Вот и получается, что...

— Тебя тошно слушать!— вмешался Герасим, поднимая бороду.— На кой ляд богу золото! Наш Христос, натурально, не украшал себя бриллиантами. Икона останется чудотворной и без самоцветов.

Слушая сторожа, Тамара решила: «Скажу об этом». Она почувствовала, что теперь ничто не остановит ее. Тем более что муж уехал в уезд: Иван мог бы отговорить ее. Сегодня утром он приложил ухо к ее чреву, прислушался и засмеялся: «Футболист!»

— А поп Осип голосист,— продолжал Герасим.— Отрастил пузо, как боров! Натурально, сытый голодного не разумеет...

Тамара Александровна осторожно намекнула ему о совместном выступлении на собрании прихожан. Герасим отвел взгляд на высокие часы и опустил бороду:

— Не смогу, уважаемая, в это самое времечко у меня аккурат дежурство...

Он глазами показал на жену:

— Вот разве Степанида...

Курносая женщина, с теплым платком на плечах, смутилась:

— Не привыкши мы, бабы, к сходкам: язык примерзнет, и вся тут! А руку уж не вскину против совести...

— И на этом спасибо,— сказала учительница и глянула на часы:— Пора обедать и на собрание...

На угловой башне церковной ограды шелестело объявление:

«В среду, 15 марта,
на монастырском дворе в 6 часов вечера —
СОБРАНИЕ
представителей всех коллективов верующих
г. СТАРОЙ РУССЫ
по вопросу ОБ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ».

Степанида самостоятельно прочитала знакомые слова и с благодарностью посмотрела на свою учительницу:

— Не оступись, матушка...

Ланская, в синем пальто и зеленом гарусном платке, шла осторожно, избегая ледяных накатов. Ее обгоняли прохожие. Они со всех сторон стекались к монастырю. Тамара искала среди них Ивана: к вечеру обещал вернуться и зайти за ней на собрание.

Главная арка монастырских ворот с восьмигранной башней гудела возбужденными голосами. Обширный двор перед тремя старинными храмами был забит участниками собрания. Возле колокольни дежурили Боженька и Пашка Соленый. Их настороженные лица как бы говорили: мы готовы в любой момент ударить в колокола.

Люди стояли плотно, как в пасхальную службу. И все же Груня пробилась к Ланской. Чернобровая девушка энергично пожала ей руку и бодро шепнула:

— С нами друзья...— Затем ее глаза высмотрели группу нэпманов:— Э, да тут все линии Гостиного двора: мучная, шелковая, железная...

В компании торговцев шумела Вера Павловна. Про свою хозяйку Груня сказала, что она после смерти племянника целиком отдалась коммерции...

— Боится, как бы комиссия не заглянула в магазин да на склад...

В это время все собравшиеся смотрели на древний храм с высокой каменной папертью. На нее взошел церковный староста. В черном пальто, с непокрытой седой головой, Солеваров перекрестился перед фресками портика и старательно отвесил поклон притихшей толпе:

— Возлюбленные во Христе братья и сестры!— Его степенный голос на последнем вздохе напрягся:— Вам ведомо, месяц назад правительство советское узаконило изъятие ценностей из храмов. Мы собрались обсудить этот декрет...

Старик обвел взглядом собравшихся и снова натужился.

— Да помянем восемнадцатую годину. Тогда совет нечестивых отделил церковь от государства. И с той поры государство само по себе, а церковь сама по себе. Стало быть, государство может лишь просить нас о помощи, а не принуждать...

— Верно! Правильно!— отозвалась толпа.

Ланская почувствовала озноб, прижалась к Груне.

Девушка не спускала глаз с церковного старосты. А тот меховой шапкой прикрыл седую бороду и смиренно закатил глаза к небу:

— В православной церкви высшей властью наделен патриарх. Он наш пастырь. Его слово для всех нас закон.— Оратор надел очки, развернул послание Тихона и прочитал:—«Мы не можем одобрить изъятие из храмов хотя бы и через добровольное пожертвование...»

— Истинно верно!— подхватили мужские голоса.

— Православные!— продолжал Солеваров, вскидывая лист.— Завтра по городу начнет орудовать комиссия: грабить церкви. Храм — божий дом! Решайте сами: допустить обирателей или нет? Выступай кто хочет! Но слушать будем того, у кого крест на груди...

— Святые слова!— крикнул Пашка Соленый.

На каменное возвышение решительно поднялся коренастый поп с длинными рыжими волосами и такой же огненной бородой. Его курносое, скуластое лицо дышало воистину сатанинской энергией...

Груня шепнула Ланской:

— Отец Ерша Анархиста.

Тамара впервые видела этого священника со злыми глазами. Она оглянулась на арку: нет ли военного в черной шинели и черной кожаной финке? Утром Иван надел необычную форму...

— Христиане!— заговорил Жгловский резким, неступленным голосом.— Почему святейший патриарх Тихон повелел закрыть двери храмов для нехристей? Потому что употребление священных предметов не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею как святотатство: мирянам — отлучением от церкви, а священнослужителям — низложением из сана...

Толпу придавил страх. Груня взяла за руку Ланскую и, действуя плечом, стала протискиваться вперед. Тем временем священник Жгловский поднял над головой золотой крест:

— Хвала тому, кто постоит за святое дело!

— Постоим! Не допустим!— закричали со всех сторон.

— Но мы, тихоновцы, не против помощи страждущим!— продолжал отец Осип, прижимая крест к груди.— Патриарх разрешил отдать церковную утварь, коя не

употребляется для богослужеиия,— подвески на икоиах нлн лом какой...

— Благослови, батюшка!— склоннла голову Груия н, целуя крест, слегка потеснила священннка на возвышеинн.— Уважаемые рушане!..

Ее зычный голос долетел до аркн ограды. Соседка Лаиской сказала носатому старнчку:

— Наша. С крестом. Охраняла чудотворную.

Груия нзвлекла из полушубка темную кннгу с белым крестом иа обложке н выставила ее вперед.

— Апостольское Еваигелне гласнт: просящему у тебя дай! Голодающне волжане — иаши братья, сестры! Оии протягнвают руки, просят помощи! Там, в городах и деревнях, трупы. Моргам ие вместить покойннков! Церквам не отпеть усопших! Там матерн подбрасывают детей! Там людн едят крыс...

— Господн,— вздохнула старушка рядом с Ланской.

Груня снова выставила священную кннгу:

— По общему воззренню апостолов н определенню Антнохского собора, церковное нмущество есть имущество бедных. Поэтому еще архнепнскоп Коистаитинопольскнй охотно жертвовал церковное серебро на покупку хлеба голодающнм. У иас, на Русн, Юрьевский монастырь пожертвовал огромные ценности иа войну с немецкнми рыцарямн. И царь Петр Велнкнй, спасая роднну, приказал колокола перелнть на пушкн...

— Справедлнво!— крнкнул Сеня Селезнев в штатском костюме.

— Людн добрые!— взмахнула Евангелнем Груня.— Хрнсту не иужны былн сапфнры: он умер инщим. И хрнстову храму нужна не роскошь, а доброе дело! Нет большего счастья, чем помочь блнжнему!..

— Куда гнет?— встревожнлнсь «черные ангелы».

— Правду говорнт!— поддержал Алеша Смыслов.

— Одна Русса спасет целый уезд от гибелн! В нашнх храмах достаточио золота, серебра н дорогнх камней!— Она еще раз вознесла кннгу.— Кто за то, чтоб нмущество бедных отдать бедным?..

— Рано голосуешь!— опомннлся отец Осип и вытолкнул вперед Лосиху:— Пусть иарод скажет свое слово!

Толстая торговка с красным носом торопко осеннла себя крестом н визглнво обратнлась к собранню:

— Любезные прнхожане! Тут распнналась девка. Прнзывала иас к добру. Мы ие протнв добра! Мы против

обмаиа! Кто скажет, куда пойдет наше золото? Кто уследит? На дармовщину желающих миого: тут и красиоармейцы полуголодные, тут и партейиые голодраицы...

— Разбазарят и пропьют!— завопил Баптнст.

— Отказать!— заорал Цыгаи.

Ланская заметила, что больше всех крнчалн солеваровскне прнхлебатели. Оии протнснулнсь к папертн, но смотрелн на Груию, возле которой стоялн Сеня и Леша.

— Тут девка била иа то, что цари брали у церкви добро! — продолжала Лосиха.— Да, цари брали, так оии и давали! Тот же Юрьевский моиастырь получил от Романовых земли, угодья, рыбиые озера. Вот наш моиастырь Спасо-Преображеиский одиих покосов имел от Руссы до Ловати! А что советчики дали иам? Моиастыри закрыли! Луга отобралн! Полушки ие дали.

— И мы не дадим!— загудел Пашка Соленый, сверкая глазамн.

— Что хотят, то творят!— исходила криком Лоснха.— Храмы оскверияют! Икоиы жгут! Над святынью глумятся! Служителей храма хватают за горло! Нашему старосте грозили иагаиом!..

Лаиская подумала о Рогове. Прихожане, видимо, зиают, о ком идет речь. Над головами замахалн кулаками. Больше нельзя было медлить. Тамара грузно взошла иа камеииый помост. Оиа еще раз глазамн поискала мужа, встретилась взглядом с Солеваровым. Тот одобрительио кивиул головой.

— Дети Христа!— заговорила певнца снльиым, грудным голосом.— Сам бог испытывает иас. Тридцать четыре губериин без хлеба. У матерей сухие груди. Малютки без молока! Проявнм мнлосердие. Церковь всех накормит, еслн повсюду прнхожаие поступят по-христиански. Спасем голодающих. Коммуиисты ие воры! Себе ие возьмут!

— Сиюхалась! — завизжала Лосиха.— Крест иа постель промеияла. Шлюха! Храм забыла! Безбожиикам подпеваешь?!

Пашка Соленый гиутым концом тростн зацепил Лаискую за ногу и рванул. Алеша и Сеия пробнлнсь через толпу, но поздно... Взметиув руками, беременная женщиниа упала иавзиичь и со всего маху затылком ударилась о каменную плнту...

МЕЧ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ

Воркуновский отряд занял опушку леса. Иван Матвеевич, Люба и пять бойцов с винтовками спрятались за кусты, а лошади, охраняемые Пальмой, стояли в лесном овраге.

На снеговой дороге стрекотали драчливые сороки. Почему-то санные подводы запаздывали. По донесению агентуры ящики с оружием должны прибыть в Руссу засветло. Воркун спросил помощницу:

— Люба, ты точно запомнила слова Прошки? Может, направление...

Он вытянул голову. На горизонте обширного белого поля зачернела первая точка. За ней потянулись другие. Иван насчитал девять подвод и уточнил:

— А Смыслов сколько ящиков видел у Вейцихи?

— Девять. Выходит, по ящику на сани?

— Не спеши, дорогуша, с выводами...

Сороки улетели в лес. Обоз груженых саней приближался. Воркун скомандовал: «По коням!» Он подпустил первую подводу к черной березе, пострадавшей от молнии, и своим конем загородил дорогу:

— Перекур!

Сын мельника в бараньем тулупе нехотя вывалился из саней, зажал кнут под мышкой и, щурясь от солнца, поднял голову:

— Товарищ военный, мы спешим к товарному поезду...

— С каким грузом?

— Старину, значит, в Питер... к профессору...

— Сколько ящиков?

— Восемнадцать.

— Половину в багаж, а другую куда? Ну?

— В магазин Солеваровой. В нашем крае церковку закрыли, так мы целый иконостас везем...

— Проверим!— Иван вытащил из кожаной сумки седла железный молоток с широкой развилкой:— Где иконы?

Сын мельника оглянулся назад. Почти у каждой подводы — конник с карабином. Он снял толстую рукавицу и, вытирая влажный лоб, покосился на серую огромную овчарку:

— Кусается?

— Хуже волка!— припугнул Воркун, слезая с коня.— Особо тех, кто врет!

Приятель Ерша узнал вороного жеребца и, видимо, вспомнил, как сам чуть не попал в руки старорусского агента: от испуга не смог скрутить цигарку. А Иван сдвинул сено, и на санях обнаружились два ящика — на крышке одного чернел петроградский адрес, а на другом старорусский: «Магазин Солеваровой и К°».

Заскрипели гвозди. Вздыбились одна за другой доски. Сверху блестела икона пресвятой девы Марии. Воркун приподнял ее и вынул кавалерийскую саблю, свежеотточенную.

— Это что же... меч пресвятой девы?!— ехидно спросил он.

— Бог ты мой!— растерялся детина.— По ошибке, что ли?

Иван вытащил из ящика винтовку образца 1891 года:

— А эта пятизарядная тоже по ошибке? Ну?!

— Впервой вижу,— поежился возчик.— Мое дело десятое. Мне сказали: довези ящики из церкви...

— Кто сказал?

— Солеваров. Он приезжал осматривать иконостас...

— Хорошо! На месте разберемся.— У чекиста возник план дальнейших действий.— Поступай, как тебе велели,— петроградские сдай на товарную станцию, а солеваровские доставь в магазин, но помни: ты нас не видел и знать ничего не знаешь...

Воркун подозвал Добротину, дал ей поручение и, надвинув на брови финскую шапку, вскочил на коня...

...Воркун веселым свистом подзадорил жеребца. Улыбаясь ветру и солнцу, Иван спешил в город. Сейчас он порадует Пронина и Калугина: засада удалась — наконец-то Рысь забьется в капкане...

Пронеслась тревожная думка, но Иван успокоил себя: чекисты и Смыслов не дадут в обиду его жену. Да и сама будущая мать не рискнет ребенком — не станет выступать на собрании...

Впереди всадника бодро бежала Пальма. Лесная дорога то пряталась в гуще елей-мохначей, то открывалась белоснежными полями с темно-синими прожилками.

Быстро сменялись придорожные картины, и казалось, все кругом спешило на свидание с весенним солнцем. Оно и понятно! Весна — хозяйка чудесных преображений: спящее просыпается, замороженное тает, застывшее бежит; безмолвное запевает, белое чернеет, а там, глядишь, и весь земной покров перекрасится в зелень.

Звоикими переливами встретили тепло овсяики и пищухи. Слушая лесную песию, Иваи подхлестиул коия:

— А иу, Грач, подиажмем!

Если судить по солицу, Воркуи как раз успеет иа собраиие верующих. Он запел. Все же есть иа свете счастливые совпадеиия! Еще пастухом Ваиятка распевал про русскую красавицу. А сколько лет сиилась ему стройиая княжиа с золотым вихрем волос и лучистым малахитом в глазах. И вот сои в руку: певица Лаиская — его жеиушка, величавая раскрасавица.

Коиь споткиулся: кончилась лесиая дорога, и сиег под копытами стал проваливаться. Всадиик ослабил поводья, ииаче изувечишь породистую лошадь. Грач перешел иа ускореииый шаг.

Так можио и опоздать. Мелькиула мысль о Груие. Оиато обязательио выступит. У иее отчаяииый характер. Но если толпа озвереет, разве массу утихомирят два-три чекиста? Фанатики и взвод бойцов растерзают. Пальма огляиулась иа всадиика, словио хотела поторопить: «Смотри прогарцуешь».

Солице отяжелело. Вытяиулась собачья теиь. Южиый ветерок дышал оттепелью. Впереди показались слободские крыши с чериыми проталииами. Из труб клубился легкий дымок: ставили вечериие самовары.

Проселочиая дорога вышла иа объезжеииый большак. Всадиик поравиялся с дубовицкими крестьяиами. Оии громко обсуждали собраиие верующих. Пожилая жеищииа в бархатиом жакете ругала тех, кто выступал за помощь голодающим, за изъятие церковиого золота. Ей возражал мужик в старой солдатской шииели:

— Добро! Голосуй! Вразумляй! А зачем же бабу-то бить?!

Иваи, осадив коия, спросил: что случилось иа собраиии? Ответил ему мужик в солдатской шииели:

— Молодку, что раиьше пела в хоре, сбили. А другая, что помоложе, чериявая такая, прикрыла ее своим телом. И видать, второй-то горазд досталось. Ногами били, топтали...

Всадиик пришпорил коия. Тот рваиулся в карьер...

На Живом мосту Воркуиа остаиовил Сеия. Иваи с трудом узиал своего сотрудиика: в штатском костюме, с подбитым глазом, молодой чекист походил иа базариого хулигаиа...

— Иван Матвеевич, быстро-срочно в исполком!

— А почему не в больницу?

Селезнев понял неожиданный вопрос Ивана Матвеевича. Он не скрыл истинное положение.

— Тамара Александровна в больнице, ее доставили без сознания. Весь удар приняла на себя Груня: она жива, но ее сильно помяли-побили.— Сеня сказал, что он специально ждал Воркуна на мосту:— Чрезвычайное совещание! Тебя ждут, дружок Воркунок...

В коридоре старый плакат: «Мир беднякам, война волкодавам-кулакам». Иван подумал: «Кому война? Волкодавам? А ведь волкодав травит лютого зверя. Выходит, кулак пользу приносит? Чушь какая-то!»

Иван поймал себя на том, что он нарочно цепляется за все глазами, лишь бы не думать о жене.

Его ждали. Кто-то открыл дверь кабинета председателя исполкома. Совещание вел Калугин. Одни члены комиссии предлагали завтра выйти под охраной красноармейцев, другие, в том числе Калугин, отказались от штыков. Голоса раскололись поровну...

— За тобой слово, голубчик!— известил Николай Николаевич, указывая на свободный стул.— Удачно съездил?

— Удачно,— ответил Иван.

Обстановка не позволяла рассказать подробно, да и ждали от него другого. Фронтовой друг поспешил перетянуть его на свою сторону, энергично замахал кулаками:

— Не то времечко, не царское, мать честная! Мы не одни, ёк-королек! С нами железнодорожники! С нами рабочие лесопилки, фабрики, завода! С нами милиция и армия! Толбухин пришлет роту красноармейцев! И пусть они, гнилые обломки, только встанут на пути! Всех к чертям собачьим разнесем!

— Только так!— поддержал учитель Рубец.— Иначе повторится сегодняшнее побоище.

Иван представил жену с закрытыми глазами и забинтованную Груню. «Зачем еще жертвы?»— подумал он и был готов присоединиться к старшему Смыслову. Но его опередил Пронин.

Уполномоченный губчека ознакомил комиссию со свежей депешей — ему только что вручили. Он сверил часы и глухо прочитал:

— «Пятнадцатое марта. Город Шуя. Комиссию охраняли бойцы. Церковники пытались разоружить. Произошло кровавое столкновение. Имеются жертвы».

— И у нас будут жертвы, если мы встанем под охрану штыков. Нет, друзья мои, пока никакого оружия и никакого насилия! Решающее слово за тобой, батенька! Нуте?

Воркун, пожалуй, единственный знал, почему завтра церковники останутся без оружия. При таком положении восстание исключается. Он твердо заявил:

— Обойдемся без винтовок!

— Это же самоубийство!— воскликнул учитель истории.

— Да уж, елки-палки, дадут прикурить!

На улице сумерки, но снег по-прежнему проваливался под ногами. Иван спешил на Соборную сторону, где помещалась больница. Его провожали Калугин и Пронин.

Уполномоченный губчека настроился ночью арестовать Солеварова, Жгловского и «черных ангелов»...

— А начнем с Вейца,— медленно добавил Пронин и кинул взгляд на председателя укома: — Ты как, Николай?

Последнее время Пронин считался с мнением Калугина, о профессоре Оношко он даже не вспоминал. На след Рыси напал Николай Николаевич — нельзя с ним не посоветоваться.

— Друзья мои, вам известно, кто непосредственно убил Рогова и Жгловского? Нуте?

Чекисты переглянулись. Они понимали, что у Вейца имеется исполнитель, возможно, не один...

— Допрос выявит, кто убил,— ответил уполномоченный.

— Что выявил допрос Баптиста?— вспомнил Иван и уверенно дополнил:— Ручаюсь, Солеваров до сих пор не знает, что регент и есть Рысь. Надо подождать, кто придет в магазин за оружием...

— Совершенно верно, голубчик, поймать с поличным — приблизить суд!

Раньше Пронин наверняка заупрямился бы, но сейчас он согласно кивнул головой:

— Да, завтрашний день многое выявит...

Длинный коридор с белыми дверями освещался тусклой электрической лампочкой. На деревянной скамье сидел Алеша Смыслов. К нему подошли Воркун, Калугин и Пронин. Юноша встал:

— Доктор пока иикого не впускает...— Ои перехватил воздух.— Тамара Александровиа все еще спнт, а Груия попросила пить...

Открылась дверь палаты. Пахнуло йодом. Вышел знакомый доктор, с проседью в бородке. Он, расстегивая белый халат, обратнлся к Проннну:

— Орлова трижды шепиула: «Чекнста». Это не бред...

Уполиомоченный, словио прочитав мысли Алеши, довернтельио положил руку на плечо юношн:

— Ты скорее поймешь ее...

На бледиом поцарапаиином лице Алеши выступил румянец. Он вынул нз кармана мятый листок, вручнл его Проиниу н скрылся за дверью палаты.

Уполиомоченный развернул бумажку и жестом пригласнл спутииков к электрической лампочке. Прижимаясь плечом к Калугниу, Иваи прочитал колоику фамилий, кличек:

«Лосиха
Пашка Солеиый
Баптист
Мишка Цыган
Боженька

Солеваров
Жгловский
Мадам Шур
Солевариха
Офицер с усиками и стеком».

«Первые прнложили руки, вторые науськивали; фигуры все зиакомые, ио кто офицер с усиками и стеком?»— задумался Иваи.

Калугии обратил виимаиие иа то, что Вейц ие прншел на собраине.

— Заметьте, друзья мои, опять его уловка — ие присутствуя присутствовать.

— Как бы не смылся,— заметил Пронин, пряча листок.

Мужчины шагиулн иавстречу Смыслову. Тот, взволноваиный, раскрасиевшнйся, осмотрелся по стороиам и взгляиул иа побелевшего Ивана Матвеевича:

— Все еще спит...

— А Груня?— спроснл Пронин.

— Ничего ие сказала. Только вот...— ои протянул ру-

ку с двумя ключами на черном колечке.— От магазина, что ли...

— Скорее всего,— согласился уполномоченный.

— Однако, заметьте, друзья мои, она пригласила не хозяйку, а чекиста.

— Может, знала о подводах,— предположил Иван и взглянул на часы.— Добротной я поручил задержаться на товарной станции. Надо выявить, кто будет принимать ящики...

Воркун оставил в больнице Смыслова дежурить и спросил его насчет офицера с усиками и стеком. Алеша напомнил:

— Тот самый, который был в трибунале, когда меня судили. Пьяная, наглая рожа! В голубой шинели! Выправка царских времен! Он лип к Солеварихе, что-то шептал ей...

— Любовное?

— Деловое! Глаза строгие!

— Может, он и есть исполнитель?— Иван засунул часы в кармашек брюк и доложил уполномоченному:— За магазином наблюдает Селезнев. Сейчас прибудут подводы.

— Пойдем.

Калугин пожелал чекистам успеха; он задержался в больнице.

На крыльце больницы Иван обнял Пальму, вынул из шинели забытый бутерброд и отдал его собаке:

— Это хозяйка подумала о нас...

ЦЕРКОВНЫЙ МАГАЗИН

Белая аркада Гостиного двора. Торговый день кончился, а на магазин Солеваровой все еще не навешен большой замок. Карп поджидал Груню. Она должна помочь ему приинять товар и открыть кладовую в подвале.

Он допил стакан водки, закусил селедкой и задумался.

Обстановка благоприятная: Солеварова и мадам Шур на собрании. Мужики быстро выгрузят ящики с иконами, повернут обоз назад, и в магазине он останется с Груней наедине...

Мимо витрины, заставленной иконами, купелями, позолоченными митрами, прошагал сторож-горбун. Его ме-

ховая шапка напомиила кубанку Орловой. Карп взглянул на броизовые часы под стекляииым колпаком: «Время прийти».

Звякиул колокольчик. Пахнуло свежим воздухом. В магазии быстро вошла крупная женщнна в белом шерстяном платке с длиииыми кнстями. Рогов с трудом узиал Веру Павловиу. Оиа иервно спросила:

— Подвод еще нет?

— Как видишь,— сердито ответил Карп.— Ты что, вместо Груии?

Солеварова размашисто перекрестнлась:

— Жаль девку: смышлеиая, работящая была...

— Что зиачит «была»?!

— Ой, сильно изувечнлн...

Слушая рассказ, Карп уставился на молоток, лежащнй под прилавком:

— Не скули, хаижа, твон же люди избили!

— Ты что, подонок, опять иажрался?!— Оиа, сжимая кулаки, шагиула к прилавку:— Как разговарнваешь с хозяйкой?!

— Я сам хозяни!

— Ты? Хозяни?— засмеялась она, хватая бутылку.— Ты кот мадам Шур! Прихлебатель ты! Оиа виесла за тебя пай! Заткиись!..

Хозяйка замахиулась, ио Карп, стоя за прилавком, иаклонился, и в тот же миг в его руке оказался молоток.

— Поставь бутылку!

— Не комаидуй! Я тебе ие мадам Шур!— Ее острый взгляд засек молоток.— Ловко! Ограбить задумал? Прнзнавайся!

Карп и раиьше ие терпел допросов. Ои молотком ударил по прилавку, и стакаи полетел иа пол.

— К черту разнесу твою лавчоику! Святоша проклятая! Чем торгуешь? На чем наживаешься? Кого обмаиываешь? Верующнх! Свонх же товарок!

— А ты где стоишь?— оскалнлась Солеварова.— За трибуиой? Под красиым флагом? Речь держишь перед народом? Нет, кот пьяный! Ты стоишь за прилавком! И ради него отдал свой партбилет! Не тебе, иудушка, проповедь чнтать! Помалкивай, шарик бильярдиый!

Не ожидая такого удара, Карп оиемел. Он машииальио вытащил из-под прилавка бутылку с водкой и, не спуская злых глаз с хозяйкн, ногой прндвннул к себе пустой стакаи.

Только на секунду он перевел взгляд на булькающую жидкость, но этого достаточно было для Солеваровой — она выхватила стакан с водкой и мигом опустошила его. Удивленный Карп смягчился:

— Вот это да-а!

Веру Павловну бросило в жар — распахнула платок и пальто. Карп вышел из-за прилавка, сделал вид, что хочет принять хозяйское пальто, и неожиданно прижался к груди Солеваровой. Она схватила его за кудри:

— Ты что?!

— Сама знаешь!

Звякнула дверь, и в магазин влетела мадам Шур.

— Приятный пассаж!— воскликнула Вероника Витальевна и укоризненно уставилась на компаньонку:— Из какой это оперетки, милочка?

— Спроси своего кота!— Солеварова оттолкнула Карпа и, чуть пошатываясь, подошла к выключателю: — Да будет свет!

Мадам Шур увидела водку и снова вспылила:

— Примитивный камуфляж! Спешит в магазин принять товар, а принимает в объятия чужого мужика!

Вера Павловна захохотала, но мадам Шур угрожающе затрясла руками:

— Карп, что за шутки?!

— Никаких шуток! С этой минуты...

Он оглянулся на звонок. Сын мельника, в сером армяке, ввалился в магазин и пьяным голосом проговорил:

— Здравия желаем, барыня!

— Почему с опозданием?— грозно спросила она.

— На товарном задержали!— Он махнул кнутовищем.— Прикажете выгружать?

— С богом!..

Солеварова не знала, что муж ее ездил в деревню не только в интересах магазина. Она была уверена, что в ящиках лежат иконы древнего иконостаса.

Отшумели грузчики. Не успели закрыться двери за последним извозчиком, как подошли Солеваров и Жгловский. Они были в отличном настроении: собрание верующих проголосовало против изъятия церковных ценностей.

Священник энергично захлопнул дверь и, рыжий, потный, извлек из рясы красный платок.

— Павловна, с благополучием, что ли?

— Да, отец Осип, все девять ящиков налицо...

— Отменно,— прогудел поп и сел на высокий ящик.— Я слышал, что иконостас, тобой приобретенный, сборный, имеются и древние иконы. А твой Савелий да я — слава богу!— кое-что смыслим в старине.— Он ладошкой похлопал по крышке ящика:— Окажем тебе услугу — рассортируем товар. За час-два всё одолеем. Давай ключ от подвала, сестра моя...

Охмелевшая хозяйка изменилась в лице:

— Одна связка ключей — дома, а вторая у Груни...

При слове «Груня» священник вскочил с ящика:

— Свят, свят! Не девка — дьявол!— Он ладошкой закрыл крест на груди.— Златоуст в юбке! И откуда эрудиция? Антиохский собор!..

— Не шуми, батюшка, не пришлось бы тебе свершить соборование.— Солеварова сняла с полки банку с елеем и понюхала:— Заморский, оливковый...

Последнее слово она с трудом выговорила. Но поп не заметил ее опьянения и вскинул руку:

— Елеопомазание исключается! Груня вышла замуж за комсомольца!

— За Лешку Смыслова?— вытянул шею Карп и отмахнулся:— Вранье! Она зарок дала! Год после смерти отца...

Распахнулась дверь. На пороге магазина стояли чекисты. Пронин вошел молча, а Воркун глухо пробасил:

— Извините за беспокойство.

Он остановил взгляд на Карпе:

— Гражданин Рогов, оставайтесь на месте...

Иван Матвеевич повернулся к хозяйке магазина:

— А вы прогуляйтесь с «молодыми людьми»!— он кивнул на старосту и священника.— Минут пяток, не больше...

Пронин закрыл дверь на задвижку, вынул из кожанки связку ключей, полученных от Груни, и направился к подвалу. А Воркун указал на ящики:

— Карп, ты знаешь, что в них?

— Знаю. Иконы. А что?

— А вот что...— Иван Матвеевич воспользовался его молотком, вскрыл ящик, вынул икону, а затем саблю и винтовку.— Чем же торгует ваш магазин? Ну?!

Хмель как пробку вышибло. Карп судорожно скосил глаза:

— Клянусь памятью брата — не знал! Я... я...

Он не лгал. У него даже выступили слезы. Видно было,

что молодой человек наконец-то осознал свои ошибки — воочию увидел, куда скатился. Он с трудом договорил:

— Я... сволочь... Расстрелять меня мало...

Воркун почувствовал, что младший Рогов не притворялся, и смягчил голос:

— Ну что, Карпуша, сыт нэпом?

— Да,— склонил он голову,— сыт по горло...

— Вижу. И хочу помочь тебе как брату моего лучшего друга. Но знай,— Иван опять нажал на басы,— если что... не жди пощады! А сейчас начнем с малого: ты подменишь Лешу Смыслова...

— А что с ним?— поднял голову Карп.

— Ничего. К себе забираю. А ты будешь работать с его дядей, армейским разведчиком, в угро. Парень ты смелый, смекалистый...

— А веришь именной нагan?

— Верю,— твердо заверил Иван Матвеевич, подергивая ус.— Только пройдешь одно испытание...

— Какое?

— Установи степень знакомства мадам Шур с типом, с которым ты сегодня играл на бильярде,— место, характер встреч и прочее...

— Валютное дело?

— Проверь,— развел руками Воркун и обратился к Пронину:— Ну как?

— Мешок гранат.— Уполномоченный взглядом уперся в Карпа:— Кто принес «бутылки»?

— Не знаю,— побелел Рогов.— Мне ключей не доверяли...

— А мы, чекисты, доверяем тебе,— веско сказал Воркун и хлопнул Рогова по плечу.— Для них ты пока «их-ний»...

Дверь захлопнулась, а Карп все еще стоял с протянутой рукой. Он опомнился, когда вернулись Солеваровы и священник Жгловский. Последний осторожно расправил рыжую бороду:

— Сын мой, кого они ищут?

— Какого-то валютчика...

— Пошли бог им удачи,— облегченно вздохнул отец Осип и попросил Карпа проводить Веру Павловну домой.— А мы тут с братом Савелием трошки потрудимся...

Вера Павловна пригласила его на чашку чая. Карп отказался: он спешил на дачу мадам Шур.

Доверие Ивана Матвеевича будто вернуло ему былую спортивность — он бежал по улице, перепрыгивал через лужи. Хотелось петь, свистеть, гнать футбольный мяч. Задание ему показалось несложным. Вероника настолько любит его, что он сейчас же заставит ее во всем признаться.

Дача встретила его темными окнами. Вероника, видимо, спит. Он открыл дверь, прошел в столовую, включил свет. На хрустальной розетке лежала записка: «Котик, единственный мой! Я задержусь у епископа Дмитрия. Не скучай без меня. Поужинай один. Любящая Вероника».

В десять часов Карп надел кожанку, направился в дом епископа. Мать Дмитрия любезно встретила Рогова и сочувственно покачала головой:

— Вот уже третий час мы ждем вашу подругу. Заходите...

Нет, он не любил ждать. Побежал к Гостиному двору. На дверях церковного магазина висел большой замок. Знакомый сторож сказал, что Солеваров и батюшка Осип недавно ушли-с...

— А вашу супружницу не видел с ними...

Домой возвращался ночью. На улице было тепло. Давно Русса не знала такой дружной весны. Карп окончательно протрезвел. И возле дачи вдруг вспомнил, что партнер по бильярду спросил его: «Мадам Шур сдает комнату?» Выходит, он хочет жить рядом с ней. Да, есть о чем поговорить с Вероникой. Но поговорить не пришлось: она так и не явилась домой.

НОЧНОЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Еще зимой Абрам Карлович ездил «показаться» знаменитому московскому горловику. Большая очередь к профессору не смутила провинциального регента: в свободное время он обошел всех букинистов, потом беседовал с патриархом Тихоном и, наконец, познакомился с переводчиком из немецкого посольства, в Москве.

Курт Шарф в совершенстве владел русским языком. Его страсть — древние гравюры. Одногодки Вейц и Шарф встретились на Кузнецком мосту, один нашел редкую гравюру Альбрехта Дюрера, а другой —«Автобиографию» Фридриха Ницше.

Вейц нарочно вслух по-немецки прочитал название

главок: «Почему я так мудр», «Почему я так умен», «Почему я пишу такие хорошие книги». И Курт Шарф вышел от букиниста следом за поклонником Ницше.

Они бродили по тихим горбатым улицам до вечера. Курт Шарф сообщил потрясающую новость: оказывается, в Германии ницшеанцы сколачивают нацистскую партию, которая стратегию избранных, стратегию, созданную Моисеем, повернула против потомков самого же Моисея.

О евреях Курт говорил с пеной у рта. Он не сомневался, что ницшеанцы, придя к власти, уничтожат всех израильтян. Вейц не возражал, хотя считал, что стратегия избранных пригодна для любой нации.

Единомышленники обменялись адресами. И вот первая весточка. Ее привез из столицы Зубков. Курт Шарф писал: «Кулак голода навис над Кремлем, засуха и частная торговля — лебединая песня советской власти». Он звал Вейца на берега Рейна, где сойдутся все дороги поклонников Ницше. Революция в России — это лишь подземный толчок. А главный центр социальных потрясений — великая Германия!

Нет, Курт, великое путешествие начинается с одного шага, а большая победа складывается из маленьких. Если завтра благословенная Русса не взбунтуется, если фанатики не перебьют всех коммунистов, то не жди большой победы. Любая стратегия наступает в сапогах тактики. Завязла нога в Руссе — не ударишь кулаком в Москве. Сначала одолей местных большевиков, а потом уж замахивайся на столичных.

Дрогнул свет ночной свечи. Абрам Карлович, сидя за письменным столом, взглянул на плотную штору. Долгожданный стук по стеклу чуточку изменился в ритме. Музыкальный слух регента уловил ускоренный такт: либо радость подстегивает, либо беда...

Мадам Шур сняла вуаль и, таинственно улыбаясь, глазами показала на дверь столовой:

— Заждался?

— Наверно,— ответил безразличным голосом хозяин и пригласил ее на маленький кожаный диван:— Одну минутку...

Он взял свечу и прошел в столовую. Мадам Шур не удивилась тому, что ее оставили в темноте. Она знала, что эмиссар патриарха беседует без света и свидетелей. Но она не знала, что сейчас из столовой выйдет сам Абрам Карлович в черном ночном халате и выступит в роли поверенного Тихона.

Говорил он уже не хрипловатым голосом и не столь медлительно:

— Слушаю, мадам.

— Отрадные, очень отрадные вести я принесла вам, мосье,— залепетала она взволнованно.— В магазине Солеваровой девять ящиков оружия, мешок граиат и ящик патроиов. Завтра комиссия выйдет без охраны. Основиое ядро ее — председатели укома, исполкома и чека. Город остается без руководства...

— Но не без военного начальства.

— Основная воинская часть рядом с монастырем, в Красных казармах, а комиссия начнет с кафедрального собора, где поблизости лишь часовой возле военного склада, да и то через реку. Зато в зоне скопления верующих под рукой окажутся исполком, уком и трибунал. Погром неизбежен. И возглавит его опытный офицер...

— Зубков?

— Он хотел с вами повидаться.

— Передайте ему, что накануне мятежа малейшая неосторожность погубит его и нашу святую миссию. Тем более что он был на подозрении по делу загадочной смерти Ерша Анархиста. Его демобилизация, поездка в Москву, игра на бильярде, увлечение водочкой — все это шаткая маскировка. Он был в вашем магазине?

— Нет, что вы! Гранаты он выносил из склада по одной штуке. А в магазин принес Пашка Соленый. Я лично приняла...

— Солеварова в курсе?

— Нет.

— А Рогов?

— Что вы! Он совсем опустился: одно на уме — женщины и вино.

— Бывший секретарь революционного трибунала?

— Увы! Остались кудри и гитара...

— Плюс исключительная привязанность к вам?

— Не сказала бы! Только что обнимал Веру Павловну.

— Где?

— В магазине.

— Вы разве прямиком из магазина?

— Нет, от Зубкова. А что, мосье?

— Перед вашим приходом епископ прислал мне записку: ваш муж разыскивает вас, мадам.

— Боже, зачем? Что-то небывалое!

— Не станем рисковать. Надеюсь, хозяин уступит вам мое место: я на всякий случай сменю адрес.— Рысь отошел

к двери.— Завтра в полдень встретимся на Соборной стороне. Я подойду к вам, Вероника Витальевна. Спокойной ночи...

За письменным столом хозяин сидел в темноте. Без света лучше думается. Перед решающим броском надо еще раз взвесить шансы за и против. Он не случайно нащупал толстый карандаш, лежащий перед ним...

Насколько удачно он отразил атаку Калугина? Нет сомнения, что комсомолец действовал по плану своего учителя. Старый большевик, умудренный опытом подполья, наиболее опасен в Руссе. Однако какими аргументами он располагает?

Одни догадки да подозрения. А взгляды, интерес к Ницше — не вещественное доказательство. Богданов, Луначарский увлекались не тем, чем им следовало. Исправление их ошибок обошлось без ареста, допроса, тюрьмы. Если коммунисты спотыкаются, так что же требовать от беспартийного?

Нет, здешние чекисты мелко плавают. А председатель укома завтра останется без головы. Его прикончат разъяренные миряне. Это будет третья операция по типу — ЯСНОСТЬ ПРИКРЫВАЕТ НЕЯСНОСТЬ. Рогов умер от разрыва сердца, Ерш замерз пьяный, Калугин — жертва фанатиков. А истинный убийца известен только убийце.

Он бесшумно засмеялся: «Рысь! А кто видел в лицо Рысь? Только одна женщина — и та в могиле». Образ гадалки в гробу напомнил похороны Анархиста. Тогда Вера Павловна не пожалела денег на большой хор с регентом. Тогда Вейц молился своему богу — разуму. Он, божественный ум, спас его от предателя. Ерш не только рассказал чекистам о стратегии избранных, но и обхитрил Зубкова — разнюхал про Рысь. К счастью, ударил сильный мороз — Анархист окоченел и не успел сообщить в чека...

Абрам Карлович улыбнулся. Он поставил толстый карандаш острием кверху и представил высокую колокольню Воскресенского собора. Завтра она послужит ему наблюдательным пунктом. Он, как и Моисей, не будет командовать... на решающем этапе. В бой поведет стратегия. Все участники восстания будут действовать по единому плану. У каждого отряда — свой вожак. И каждый из них знает, что делать. Солеваров и Жгловский, мадам Шур и Зубков, Лосиха и Соленый не подведут.

Комиссия начнет работу с кафедрального собора. И ни один член комиссии не выйдет из храма: их растерзают. И пожалуй, без помощи «черных ангелов». Труднее придется Зубкову... Ему нужно принять оружие, раздать его и возглавить налет на исполком...

Вейц знал, что Зубков сейчас укрылся в Воскресенском соборе, но он не знал, что последние два дня чекисты следили за каждым шагом Зубкова.

Полночный бой часов напомнил о кровати. Абрам Карлович положил карандаш на место и бесшумно направился в спальню. Он попробует заснуть, хотя лежа, с закрытыми глазами, всегда активнее думает. Все лучшее он изобретал в моменты ночных просветлений.

«Завтра! Все решится завтра»,— начал он думать, закрывая глаза...

НЕПОГРЕБЕННЫЙ МЕРТВЕЦ

В больничном коридоре Леша увидел военного в черной шинели. Придется Ивана Матвеевича обрадовать и огорчить: его жена очнулась, но родила мертвого ребенка. Вызвали на консультацию доктора Глинку. Михаил Павлович обнаружил у пострадавшей потерю зрения, слуха и речи...

— Подумать только, христиане, верующие!— гневался доктор, покинув палату.— Да что там, изуверство и суеверие — одного поля ягоды.

Воркун последовал за врачами, зашел в кабинет главного, выслушал заключение консилиума и, хмурый, вернулся в коридор.

— Все это на почве сильного сотрясения,— пояснил он Алеше и сел на скамью.— Я побуду здесь. А ты быстро к собору. Там тебя ждет Люба. Поможешь ей...

Воскресенский собор находился недалеко от городской больницы. В храме горела единственная лампадка возле иконы Старорусской богоматери. Люба отошла от окна, протянула Леше руку и сочувственно, не без тревоги, спросила:

— Как Груня и Тамара?

Вопрос, конечно, искренний, но Леша чувствовал, что Люба не случайно все время посматривала на соборные двери:

— Понимаешь, он там. Его закрыли...

Теперь Алеша знал, что офицер с усиками и стеком,

а также кладовщнк из белых казарм — одно лнцо. Люба шла за ним от Красиого вала до Воскресенского собора. Она видела, как Зубков вошел в храм, ио не вышел. Воркуи дал задаиие: «Взять живым»...

— И до утра,— подчеркиула Люба н кнвиула иа белый храм:— Как лучше проникиуть?

— А кто закрывал дверь?

— Староста Воскресеиского собора, хранитель ключей... Ты что задумал?

Алеша предложил вызвать группу оперативииков, произвестн ночной обыск у старосты н забрать у иего ключн от собора...

— А чем мотивируем обыск?

— По всей Руси церковиикн прячут золото...

— Ясио!— оживилась Люба и, не покндая поста, бросила вслед Алеше:— Пришли ко мне отделение чоновцев!

Она рассудила правнльно. В соборе имеются запасные выходы. Храм нужио оцепить, ииаче Зубков улизиет.

Староста жил на Соборной стороне. Леша ждал перед освещениыми окнами. Оперативники в присутствии понятых искали золото. Хозяии отказался открывать замки. Ахмедов забрал все ключи, открыл кладовую, подвал, затем вышел иа деревянное крыльцо с железиым навесом н вручнл Алеше тяжелые ключн, завернутые в платок.

Луна освещала снежную почерневшую дорожку. Леша быстро добежал до большого собора, окруженного бойцамн с вннтовкамн. Они былн в белых халатах. Однн нз них присоедииился к чекистам.

В ролн чекиста Леша выступал впервые. Ему хотелось оправдать доверне Воркуиа. Он первым вошел в храм, где лунный свет падал на каменные плнты н нижнюю часть стеиы папертн.

За ним, с наганом в руке, вышагивала Люба. Часовой остался возле главного входа. На правой стороне папертн стоял на подставке гроб. Завтра будут отпевать покойиика, чтобы помешать работать комисснн. Леша заглянул под узкий стол и внимательно осмотрел все углы предхрамовой постройки.

Массивные квадратные колонны Леша н Люба обходнлн с двух сторон. Онн обыскали все приделы, клнрос, алтарь, но все тщетио. Зубков, наверно, улнзнул от чекисткн. Но Люба заверила:

— На окнах решетки, а перед запасными ходами не тронут снег. Он где-то здесь. Староста ушел один, а входили вдвоем...

Чекисты еще раз обшарили храм, вернулись на паперть и задумались. Люба предложила сходить за Пальмой, а Леша перевел взгляд на одинокий гроб и обратил внимание на то, что крышка гроба, возле изголовья, неплотно прикрыта.

На столе лежал молоток. По краям гроба торчали незабитые гвозди. План родился молниеносно. Леша взял молоток и нарочно с досадой, выкрикнул:

— Давай присадим крышку! Пусть староста покряхтит!

— Не шуми! Успокойся!— осадила Люба.— Что за ребячество?!

— Все равно! — Леша поочередно забил четыре гвоздя и тихо спросил посуровевшую девушку: — Ты знаешь, какой здесь непогребенный мертвец?

— Неужели он? — удивилась Люба и хотела подойти к гробу.

Но Леша остановил ее:

— Не подходи! Он с наганом!

— Задохнется же!

— Да нет, гроб со щелями. Видать, наспех сколочен...

— Все же хитро!

— Наверняка Рысья проделка! — Леша направился к выходу: — Я за Воркуном.

...Из больницы Иван Матвеевич вышел мрачным. Ланская опять потеряла сознание. Впереди Воркуна бежала Пальма.

Шагая рядом с начальником, Алеша посмотрел в сторону собора и усомнился: «А что, если он удрал, а в гробу настоящий покойник?» Молодой чекист представил картину, как Пронин, Селезнев, Люба и другие сотрудники засмеются: «Отличился новичок — поймал труп!»

В храме Леша с надеждой погладил овчарку. И не ошибся. Она кинулась к столу и зарычала на гроб. Слышно было, как «покойник» зашевелился. Он, видимо, приготовился стрелять.

— Труп-то и вправду живой,— сказал Воркун и осторожно приблизился к столу:— Ну, Зубков, ты вовремя забрался в гроб!

Иван Матвеевич занял безопасную позицию, возле изголовья, и ровным, спокойным голосом произнес:

— Ваша песня спета. Твой шеф Абрам Карлович Вейц в наших руках. А мятеж без главарей не мятеж. Сейчас тебя доставим в чека. И не вздумай играть в молчанку. О тебе все известно. Из склада таскал по гранатке в день. Потом Соленый доставил этот «товар» в магазин Солеваровой...

Воркун прислушался. В гробу было тихо.

— На твоей совести,— продолжал чекист,— твой однопартиец Ерш Анархист. Ты завел его, пьяного, в подвал. Снял шинель и сжег ее в печке: пепел с пуговицами, крючками Капитоновна доставила нам. Да, да, та самая бабка, которая приносила продукты твоей сожительнице. А в Москву тебя сопровождала наша сотрудница. Ты встречался там с патриархом Тихоном. Затем — с сотрудником немецкого посольства. От него привез письмо в Руссу и передал шефу. Как видишь, вполне заработал пулю в лоб. Теперь у тебя единственное спасение — твое участие в раскрытии роговского дела. Ты можешь помочь нам?

— Могу,— глухо, не сразу откликнулся голос из гроба.

По указанию Воркуна Леша подозвал четырех бойцов с винтовками. Они, действуя штыками, вскрыли гроб. Из него поднялся знакомый мужчина с усиками, в черной куртке автомобилиста, в кожаном кепи с длинным козырьком. Он положил на стол наган, гранату и, несмотря на лунное освещение, безошибочно опознал Ивана Матвеевича:

— Я верующий. Можно помолиться?

— Молись. Но недолго.

В светлой половине паперти на деревянном станке стояли на древках иконы, кресты, крылатые херувимы, священные хоругви — все атрибуты для крестного хода. Зубков взял икону на древке, прислонил ее к железной решетке окна и опустился на колени.

Молился недолго, встал энергично и быстро направился к выходу, где его поджидали чоновцы.

Закрывая двери на все запоры, Леша выслушал новое задание. Надо было отнести ключи Ахмедову и снова браться за ключи от магазина Солеваровой...

— Оружие доставь в чека, а ящики набей церковным барахлом, что потяжелее.— Иван Матвеевич нажал на плечо молодого чекиста.— Потом сходи к Рогову и скажи, чтоб он не препятствовал отправке ящиков сюда... в собор. Понял, дружище?

Как не понять?! Значит, Карп вериулся в строй. На диях ои призиался Алеше, что ему опротивела жизиь альфоиса, что ои готов повеситься. Выходнт, Воркун вовремя протянул ему руку...

ВО ИМЯ ПРЕЧИСТОЙ

Поодаль Воскресеиского собора возвышалась белая колокольня. Вейц подиялся иа третий ярус, где виселн заиндевевшие колокола. Отсюда можио обозреть все три части города.

Щуря глаза от утреииего солица, ои устремнл взгляд иа дальнюю Вокзальную сторону и над снежиыми крышами разыскал золотой крест Духовской церквн. Там, вероятио, уже собрались прихожане. Их возглавит поп Жгловскнй. Свою колоину ои прнведет сюда с одиой целью — прикрыть деревяииый мост, который соедниял Торговую н Соборную стороиы.

Абрам Карлович перевел взгляд иа ближиюю Торговую часть. Ои быстро нашел Спасо-Преображеиский храм. Под стенами моиастыря Солеваров примет вторую колоину. Ее задача — заполонить улицу, по которой пойдут красноармейцы, вызваиные на помощь.

Эмиссар посмотрел винз иа мост и площадь перед собором, где стояли крестьяиские подводы и лошади с дереввеиской седловкой. Бывшне солдаты н кавалеристы съехались из деревень. Имн будет командовать опытиый офицер. Этот ударный отряд, вооружеииый винтовками, саблямн, гранатамн, разгромнт чека, трибуиал и чоиовцев.

Сегодия базарный день — часть коиииков ударит виезапио с Торговой площадн. Вейц бросил взгляд иа водокачку, здаиие угро н Гостиный двор. Возле магазина Солеваровой шла погрузка ящиков с «цеииым товаром». Кафедральный собор купил «древиие нкоиы», и сейчас Зубков поможет старосте прииять покупки.

Над головой заворковалн голуби. Весеияя капель отбнвала секуиды. Абрам Карлович, как Наполеои перед боем, взгляиул иа кармаииые часы. Все идет по плаиу. Стратег спокойио перевел взгляд иа берег Перерытицы. Ветвистые ивы прнкрывали дом Достоевского. Видиелась лишь серая крыша. Федор Михайлович хорошо иаучил его поиимать человеческую душу, без чего иикакая тактика н стратегия ие прииесут успеха.

Хотелось взять веревку с узлом и раскачать язык колокола. Пусть старорусский перезвон войдет в историю. И пусть Курт Шарф поймет, что церковная стратегия пригодна для любой нации. Отлично сказал Зубков: «Русский с двумя «С»— Самый Совершенный представитель человеческого рода!» Иван Зубков такой же националист, как и Курт Шарф!

Абрам Карлович обошел парапет колокольни. Со всех сторон города стекались верующие: по Красному берегу шла колонна Жгловского; Торговую площадь пересекла толпа мирян во главе с Солеваровым,— по всем улицам шли люди в одном направлении...

А вот и подводы остановились перед Воскресенским собором. Сейчас Зубков примет оружие, раздаст его единоверцам и выставит в окне храма крест — подаст сигнал готовности...

Вейц увидел за оконной решеткой икону и протер глаза:

— Неужели перепутал?!

Нет, кадровый офицер не перепутает. Что-то случилось! Была договоренность, что «икона в окне» послужит сигналом провала основной операции.

Он спустился на вторую площадку и осторожно выглянул в пролет. Возле углового дома притулился Сеня Селезнев. Он смотрел на колокольню. Все ясно!

Рысь дождался того момента, когда толпа верующих растеклась до колокольни, открыл дверь и, пригибаясь к земле, нырнул в массу возбужденных прихожан...

Ночное задание Алеша выполнил и вернулся в больницу. Возле деревянного дивана стояла сестричка в белой косынке. Она сообщила, что Ланская очнулась, а Груня пила молоко:

— Не горюй. Они молодые — все затянет...

В кабинете врача стенные часы пробили с протяжным звоном. Алеша помялся у дверей палаты и направился к выходу. К десяти часам он должен быть на посту.

Старинный Воскресенский собор возвышался на береговой стрелке — на стыке двух рек — Полисти и Перерытицы. Дивный многокупольный храм на крутом бугре обычно зачаровывал Алешу, но сейчас его вниманием завладела другая картина.

Еще издали он услышал приглушенный ропот огромной толпы. Возбужденно-настороженные прихожане плотной стеной загородили все подступы к церковной

крепости с золотыми крестами. Леша с опаской прикинул: «Без штыков и впрямь не пробьешься».

За себя не волновался, он-то проскочит незамеченным. На нем старые бутсы, рабочие штаны и потертая куртка мастерового — никто не признает в нем чекиста. И задание несложное — засечь наиболее активных церковников.

На соборной площадке верующие поджидали комиссию по изъятию церковных ценностей. А в комиссию входили близкие ему люди — дядя Сережа, Воркун, Калугин. Сегодня может повториться вчерашнее: во имя пречистой фанатики пойдут на любое преступление. Они гудели, как растревоженный улей.

Лешин пост в храме. Юноша пробился через толпу, снял шапку и взошел на каменную паперть собора.

Возле гроба лысый коренастый староста разгружал последний ящик с церковным барахлом. Сегодня ночью Леша и Люба постарались в магазине Солеваровой, даже кирпичи из подвала не обошли.

Толстая шея приемщика налилась кровью. Он цедил сквозь зубы:

— Распять Солевариху мало! Перепутала, видать, ящики, дура!

А тем, кто приходил за оружием, староста зло бросал:

— Поворачивай оглобли! Вишь, вся надежда на чудо!..

Боевое настроение заговорщиков быстро сменилось растерянностью. Многие из них, крестясь, возвращались к своим подводам. Однако народ не убывал, а прибывал. На паперти к Леше подошел Герасим, положил бороду на плечо юноши:

— Вот попомни, ежели комиссия рискнет — хана́ ей натурально.

Чекист не возражал. Провал организованного восстания не исключал стихийной расправы с членами комиссии. Надо быть начеку.

Он протиснулся внутрь собора. Пахну́ло ладаном. Четыре массивных столба полосами прикрывали золотой иконостас, залитый солнечным светом и свечами. Верующие молились, стоя на коленях.

Через ряды молящихся пробивались трое здоровенных бородачей в серых поддевках. Лица холодные, незнакомые. Леша последовал за ними в сторону большой, ярко блестевшей иконы. Это хоть и была копия Старорусской

божьей матери, но искрилась золотом, серебром и самоцветами не хуже подлинника.

Драгоценный образ охраняли «черные ангелы»— Боженька, Лосиха, Цыган, Баптист и Пашка Соленый. Это они вчера опрокинули Ланскую, избили Груню. Почему же бандиты на свободе? Видимо, массовые аресты накануне изъятия церковных ценностей еще больше подлили бы масла в мятежный огонь. Ничего, расплата не за горами.

Пьяный Пашка выкатил глаза на тройку бородатых в поддевках. Выправка у них явно военная. Глаза решительные и чуть насмешливые. Не то переодетые чекисты, не то члены комиссии.

Соленый локтем толкнул здоровенного Баптиста:

— Если не перекрестятся — не зевай!..

Многопудовая икона утопала в серебре, золоте, жемчугах, бриллиантах, голубой бирюзе, гранатах и топазах. Трое бородачей уставились на богатое убранство...

— Да-а,— тихо произнес, разинув рот, один из них,— чего бы не приобрел на такие драгоценности...

Как выяснилось потом на судебном процессе, это были порховские торгаши. Они приехали за старорусскими знаменитыми поросятами, услышали на базаре про «чудотворную в камнях» и зашли в собор полюбопытствовать. Будучи староверами, они, разумеется, не перекрестились...

Пашка первый накинулся с кулаками на безбожников:

— Бей нечисть!

«Черные ангелы» не оказались одинокими. Православные, во имя пречистой, тут же, кучно наваливаясь, повалили староверов на каменные плиты. Их били сапогами до тех пор, пока пол не окрасился кровью.

Затем полуживых незнакомцев вытащили на паперть, и опять на них посыпались удары. Особенно старался Баптист.

— Вот тебе, хапуга, вот тебе!..— топтал он здоровенной ногой.

Ему не уступал Соленый:

— На мост! Скинем нехристей!

Алексей схватил Пашку за руку:

— Стой!

— А-а, комса! Заступничек?!

Кто-то сзади сильно ударил Алешу по уху, и он бы упал, если бы в этот миг его не подхватил Федя Лунатик.

Воспитанник Воркуна помог Алеше удержаться на ногах и вывел его на свежий воздух:

— Не рыпайся, Леш, красным платком быка не успокоишь!

Чекист смирился, перевел взгляд на мост. Там над перилами взлетел бородач в окровавленной поддевке. Он упал на лед и не шелохнулся. Второй старовер, наоборот, от удара об лед очнулся, медленно поднялся на четвереньки, затем выпрямился и, пошатываясь, побежал на середину реки.

За ним вдогонку кинулся Мишка Цыган. Но красноармеец, охранявший военный склад на берегу, выстрелил в воздух и отпугнул преследователя.

Третий, русобородый торгаш, остался лежать на паперти собора: его убили еще возле святого образа богоматери.

Разгоряченный, хмельной Пашка Солевый подскочил к старосте собора и сгреб его за грудки:

— Где оружие?!

Он, видимо, посчитал, что с комиссией разделались и пришло время громить исполком.

— Ты ж, пузо, обещал! Давай!..

Его голос заглушил женский истеричный крик:

— К о м и с с и я!

Все люди повернулись лицами к Торговой стороне. В начале Успенской улицы действительно показалась группа людей во главе с Калугиным. Маленький, в коротком пальто и высокой меховой шапке, он смело вышагивал впереди членов комиссии — Воркуна, дяди Сережи, врача Глинки, историка Рубца и председателя исполкома в кожаном реглане красного цвета.

Поняв свою ошибку, Пашка на миг оцепенел. Со всех сторон полетели возгласы удивления:

— Глядь, без штыков!

— И охраны не видать!

— Может, то не комиссия?!

Толпа на берегу расступилась, комиссия взошла на мост, но впереди людская пробка по-прежнему распирала перила. Они зловеще потрескивали. Члены комиссии остановились. Калугин шагнул и обратился к прихожанам:

— Граждане! Мы идем не изымать церковные ценности, а лишь составить опись соборного имущества...

— Не допустим! Не дозволим!— загнусавила Лосиха и подтолкнула Пашку:— Гони безбожников!

— Бей нехристей!— Соленый выскочил из толпы на мост.

Ему навстречу рванулась Люба в черном платке:

— На кого руку поднимаешь?! На доктора, который лечит нас? На учителя, который учит наших детей? На лектора, который отстоял чудотворную икону? На кого?! На старого мастера?!

— А ты кто такая?!— завопила толсторожая Лосиха и, не дожидаясь ответа, закричала:

— Христиане, постоим за пресвятую!

— Бей антихристов!— Пашка потянулся за Калугиным, но его руку перехватил Воркун.

— Кто бросал невинных с моста?!— спросил он громовым басом.— У кого руки в крови? Где убийца?

— Сейчас укажу!— Пашка нырнул в толпу.

Случилось так, что первый прилив гнева фанатики выхлестнули на людей, не причастных к изъятию церковных ценностей, а вторая вспышка ярости не затронула миряи: их вниманием завладел сигнал к бедствию.

В это время со стороны Успенской улицы донесся тревожно-назойливый звон колокола и конский топот. Городская пожарная команда мчалась прямо на мост. Толпа отхлынула на берег, открывая путь на Соборную сторону. Пожарники в блестящих касках рассыпались возле храма. Они накрыли два трупа рогожами и прошли в собор. А следом за ними последовала комиссия.

Алеша вернулся на свой пост. Наступила решающая минута. Лысый староста спиной повернулся к святыне и, раскинув руки, обратился к членам комиссии:

— Предупреждаю! Кто из вас прикоснется к Владычице, даже взглянет на нее недобрым глазом — у того отсохнет рука или он ослепнет!

Об этом Алеша слышал от матери: ходило поверье, что у вора, который вскрыл кружку возле иконы, отсохли руки.

Наэлектризованная толпа уставилась на Калугина. Он, держа шапку в руке, почтительно поклонился старосте и спокойно заявил:

— Повторяю, мы пришли не изымать ценности, а помочь вам составить опись имущества. Вас, Петр Гаврилович, тоже выбрали в комиссию. Пожалуйста, голубчик, принесите инвентарную книгу...

Спокойный, деловой тон Калугина обескуражил старосту. Он покорно опустил руки.

«Обошлось»,— подумал Алеша и вздрогнул. Его сильно схватил за локоть Сеня Селезнев. Бледный, встревоженный, он потянул приятеля к выходу. Видимо, случилось нечто страшное. И Леша не ошибся.

— Рысь,— Сеня глазами показал на колокольню,— утек...

— Как утек?

— А так...— Сеня стрельнул взглядом по толпе,— нырнул и затерялся-исчез...

Мелькнула мысль о Пальме. Под ногами чавкала жижа, растоптанная тысячами ног — уж какие тут следы...

— Может, Зубков знает место явки?..

Друзья прибежали в чека. Дежурный открыл железную дверь с круглым глазком. На столике белел чистый лист бумаги, а на полу распластался Зубков, у него из уха торчал кончик карандаша...

— Мозг проткнул!

ОХОТА ЗА РЫСЬЮ

— Так могло случиться с каждым из нас,— заступился Леша за приятеля.

— Не выгораживай! У нас, чекистов, так не принято,— строго проговорил Пронин и перевел взгляд на Селезнева:— Чего доброго он подумает, что и в самом деле не виноват. И потом, я вызвал не для этого...

Уполномоченный окинул взглядом всех оперативников, стоявших вокруг письменного стола.

— Арест церковников и «черных ангелов» отложить. Они не уйдут от нас. Главная задача — поймать Рысь, пока он под руками.— Пронин остановил взгляд на Сене: — Селезнев, тебе в деревню. Постарайся опередить. Он может заглянуть к матери. Иди!

Алеша заметил, что Люба грустными глазами проводила провинившегося чекиста.

— Добротина,— продолжал Пронин,— на станцию. Быстро!

Алеша нетерпеливо вскинул руку.

— Чего, школьник?

— Разрешите заглянуть в дом Вейца?

— Думаешь, что он забежит попрощаться с женой?

— Нет, начальник, он не забежит, но я хорошо знаю его жену. По ее поведению, по некоторым вещам можно определить, продумано бегство или нет. Если продумано, то Рысь и все его соратники разбегутся поодиночке в разных направлениях. Если не продумано, то его ближайшие помощники зайдут к Вейцу, чтобы через него связаться с Рысью. Ведь они не знают, что регент и Рысь — одно лицо.

— Резонно!— одобрил Пронин и кивнул на дверь:— Дуй!

Почти каждый месяц Алеша помогал Елизавете Ивановне убирать библиотеку Вейца. Хозяйка нисколько не удивилась и на этот раз, когда заядлый читатель явился в рабочем костюме и попросил мокрую тряпку.

— Я видел Абрама Карловича. Он сказал: «Задержусь. К обеду не ждать»...

Стройная бледнолицая женщина в светлом капоте вскинула тонкие пальцы на плоскую грудь.

— Знаю. А вечером — ужин с гостями.— Она сняла с катушки передник.— Так что я сегодня вам, Алешенька, не помощница...

— Один справлюсь... Да, чуть не забыл! Абрам Карлович просил: кто придет к нему, провести в библиотеку. Он дал мне инструкцию: как и что. Не затрудниг?

— Очень затруднит,— улыбнулась она, направляясь к плите.

Алеша прошел в библиотеку, придвинул стремянку к высокому стеллажу и, закинув влажную тряпку на плечо, поднялся по лесенке. Дело привычное, но глаза заняты другим. Он бросил взгляд на рабочий стол коллекционера.

Знакомая книжка «Так говорил Заратустра» лежала на прежнем месте, рядом с красным карандашом. Признак хороший. Хозяин, видимо, не сомневался, что мятеж закончится победой, что он вернется домой и закатит пир. Если бы готовился к бегству, то заранее уложил бы вещи в чемодан и подготовил бы жену к долгой разлуке.

Впрочем, Рысь не простак. Он мог схитрить: если жена не в курсе дела, так зачем же готовить ее к долгой разлуке. Она затоскует — один вид ее насторожит чекистов. Нет, наоборот, надо все оставить так, как было раньше. Пусть жена искренне ждет его, а вместе с нею пусть ждут хозяина и чекисты.

Скорее всего, что план отступления продуман тщательно и для себя, и для ближайших помощников. Пустой

гроб в соборе — это наверняка Рысья придумка. К сожалению, Зубков не знал убийцу Рогова и вынужден был покончить с собой...

Коридорный звонок оборвал ход мысли чекиста. На кухне раздались женские голоса. Затем заскрипела дверь, и в библиотеку быстро вошла мадам Шур. На ней фетровая шляпа с узкими полями, легкое драповое пальто чуть ниже колена и высокие зашнурованные сапожки. Она подняла встревоженные глаза.

— Давно видели Вейца? И где?— спросила мадам Шур.

— Он шел на Соборную сторону. Это было после завтрака, около девяти часов.— Леша влажной тряпкой обтер пустую полку.— Абрам Карлович попросил меня убрать тут и наказал: «Если зайдет Вероника Витальевна, то пусть обязательно дождется меня. И никуда из дома!»

Раздеваясь, мадам Шур дрожащими руками сняла шляпу и спросила:

— Алеша, ты был на мосту?

— Был,— с досадой проговорил он.— Сбросили, да не тех...

Она удивленно задрала подбородок:

— Это говорит комсомолец, агент уголовного розыска?

— Поднимайте выше, Вероника Витальевна, второй день уже в чека!

— В чека?!— изумилась мадам Шур, роняя шарф.— Шутите?

— Наш с вами шеф не любит шуток...

— Как наш?— насторожилась она.— Ты о ком?

— Все о нем.— Он указал книгой на дверь спальни.— Сейчас укажет: куда и как...

— Он здесь?

— Придет. Эта квартира вне подозрения.— Леша поставил книгу на чистую полку и деловито заметил:— Пройдите в спальню, опустите шторы...

— Почему в спальне, обычно в столовой?

— Окна спальни выходят в сад, наверно, поэтому,— ответил Алеша, думая: «Не знает о бегстве, значит, не первый помощник».

Раздался телефонный звонок. Мадам Шур подошла к столику и сняла трубку. Непонятный разговор закончился ясной фразой:

— Придет, приезжайте...

Повесив трубку, мадам доверительно бросила Леше:

— Отец Осип...

Она задержалась возле лестницы, неожиданно заговорила о Карпе:

— Ты играл с ним в футбол. Не замечал в нем странность?— Ее голос стыдливо размяк.— Только что говорил о свадьбе, беспокоился обо мне, искал, а сегодня утром в магазине вдруг заявил: «Возвращаюсь домой». Ушел от меня на Ильинскую, в коммуну. Разве примут без партбилета?

— Карп второй день работает на моем месте в угро. Это он вынул оружие из ящиков...

— А как он проник в магазин?

— Друзья помогли...

— Боже, какое коварство!— Она перекрестила грудь и, зевнув, ладонью прикрыла рот.— Я сутки не спала. Попробую хоть чуть сомкнуть глаза...

Она открыла дверь спальни и остановилась на пороге:

— Алеша, не заходил сюда Зубков?

— Сегодня ночью его арестовали, и он покончил с собой.

— Святая Мария! До или после допроса?

— До! Чекисты не знают, откуда гранаты.

На лице мадам выступил нежный румянец. Она, видимо, окончательно поверила, что Леша — один из приближенных Рыси. Она сказала:

— Я-то ломала голову: кто это информирует эмиссара о делах чекистов. Молодец, Алеша!

— Спасибо! Но я лишь второй день в чека...

— А кто же тогда... информировал?

— Знаю. Но шеф повесит меня на этой лестнице...

Помешал парадный звонок. Мадам Шур скрылась за дверью спальни. В библиотеку хозяйка привела худенького мужичишку с козьей бородкой. Леша обрадовался, что «черные ангелы» прислали Боженьку. Он не знал в лицо младшего Смыслова...

— Вейц будет вечером,— сказал Леша.— Хочешь — подожди, хочешь — оставь адрес. Хозяин пришлет записку с верным человеком...

— Меня ждут. До вечера не смогу. Уж лучше адрес, мил-человек.— Боженька шапкой указал на окно:— Знаешь Рдейскую пустынь?

— Бывал разок.

— Так пусть постучится к игуменье. А матушка уже доставит нам записку. Низко кланяюсь...

Алеша проводил его долгим взглядом. Осторожность Боженьки не удивила его. Чекист смотрел на «черного ангела», думая о своем: «Кто в чека предатель? Почему же он не предупредил Рысь о ночной операции в магазине? Возможно, его исключили по сокращению? И не он ли убил Рогова? И не он ли припрятал дневник уполномоченного?»

Чекист внимательно обшарил библиотеку, ящики стола, но не нашел роговской тетради с лошадью на обложке.

Снова прозвенел колокольчик. Следом раздался звон посуды на кухне. Резкий звонок, видимо, напугал хозяйку — она выронила тарелку. Густой бас Жгловского извинялся, указывая на примету к счастью. Поп не пожелал идти в библиотеку. Слышно было, как он жадно пил воду. К нему подошла мадам Шур. Они оживленно обсуждали события на мосту.

Леша воспользовался шумом, позвонил Пронину и попросил начальника срочно выслать в дом Вейца оперативников.

Мадам Шур и священника Жгловского арестовали в доме Вейца. Но доставили в чека ночью. Леша понял, почему не тронули хозяйку... Рано или поздно Рысь даст о себе знать Елизавете Ивановне...

Чоновцы во главе с Ахмедовым окружили Рдейскую пустынь и без боя забрали «черных ангелов». Они крепко спали у монашек в кельях. Операция протекала на рассвете. Леша не принимал участия: ему поручили следить за Солеваровым.

В десять часов ночи старик вышел из дома и побрел на Соборную сторону. Конечно, хотелось, чтобы староста привел на явочную квартиру. Ни мадам Шур, ни отец Осип не знали адрес Рыси. Пронин просил Алешу проявить максимум старания...

Солеваров свернул в Чертов переулок, постоял немного. Видимо, боялся слежки. Затем дошагал до рябины, придвинулся к деревянному домику и тихонько постучал по оконной ставне.

Дверь в темноте открыла Капитоновна:

— Проходи, кормилец мой...

Прислужница гадалки сотрудничала с Федей Лунатиком. Он проникал к ней в дом через черный ход. Второй ключ лежал на дверной перекладине. Лучше всего войти в дом незамеченным. Чем черт не шутит, может быть, Капитоновна работает и на нас, и на Рысь...

Леше помог мягкий сиег. Ои бесшумно подкрался к черному входу, шагиул иа крылечко, иащупал в указанном месте ключ, смочил его слюиой н осторожио вставил в скважниу...

У молодого чекиста забилось сердце. Ои представил, как сейчас окажется свидетелем тайного совещания заговорщиков под водительством Рыси.

Только ие спугнуть бы...

Два поворота ключа — два пружиииых скрипа, н дверь ослабла...

КАМЕНЬ НА ДОРОГЕ

Свояк ие вериулся домой. Попадья позвоиила регенту, жена Вейца ответила: «Молитесь богу»— и повесила трубку. Солеваров догадался, что отца Осипа арестовалн. И мадам Шур наверняка в чрезвычайиой комиссии.

Сейчас придут за иим, церковиым старостой. Он главный поставщик оружия. Ему поручнли поехать в деревию — осмотреть нконостас и заодно с образами упаковать сабли, винтовки, обрезы. Оружие осталось еще от «зелеиых». Мельиик вынул из ямы содержимое и иочью на своих лошадях доставил в часовию.

Вспомиилось совещаиие в темной комиате регеита. Выступал эмиссар патриарха. Говорил ои душевно, убедительио. Тогда всем присутствующнм казалось, что Русса и вся Россия — огромиая бочка с порохом: достаточио поджечь фитилек — н красиые обручи разлетятся вдребезги.

Но свершилось светопреставлеиие! Даже собствеииая жеиа взбуитовалась протнв мужа. Вера Павловна не хуже обновленки кляиет патриарха Тихоиа и весь церковный сброд Старой Руссы. Оиа, грозя кулаками, крнчала на старнка:

— Чего тебе ие хватало?! В храмах служба, в магазииах торговля! Молись, иаживай! Так иет, сиюхался с рыжим попом! Это же вы подбнлн головореза Пашку Солеиого и его братию! В святом месте побоище учиннлн! Невииных с моста побросали! На комиссию руку поднялн! Буитовать вздумалн! На что благословил вас патриарх Тихои? На убийство! Эх ты, христнанин! Глаза б ие глядели иа тебя! Старый пес! И меня не пощадил! Чего в ящики иатолкали! Чтоб вас с отцом Осипом иа одном суку вздериули! Ироды бнблейские!..

Сопя носом, старнк иадел шубу, меховую шапку с бархатным верхом и захромал к двери.

Нет покоя. И ие совладать с мыслями. В голове хаос. Дрожат колени. С трудом добрел до аптеки Феертага. Забыл назваине лекарства. Взял порошок от головной боли.

Вышел на Ильинскую. Перекрестился иа часовню и зашагал по людиой улнце. Прн народе ие возьмут. Пока сумерки, не арестуют. А ночью его дома ие будет. Чем бы успоконть сердце?

Он снял шапку, вытер красным платком вспотевшую лысииу и пугливо огляиулся иа тяжелые шаги. Слава богу, зиакомый прихожаиии. Староста поздоровался со сторожем парка:

— Герасим Паителеймоиович, был там... иа мосту?

— Был, сударь, только рук не марал.— Сторож разгладил черную бороду.— А вы, Савелнй Иннокеитиевнч?..

— Шел, да ие дошел: иоги отказали... вериулся домой...

— Да, сударь, зрелище жуткое! Загубили иепричастиых. Ну а потом, иатуральио, пропустили комиссию в храм...

— Пропустили?! А вчера за что голосовали иа общем собраиии?

— Да ведь и вы, сударь, вчерась руку вздымали, а иыие и до моста ие дошли...

— Заиемог я, Герасим Паителеймоиович.— Ои сложнл руки крестом: — Вндать, прншла моя смертушка...

Отговорился, ио ие успокоился. Двориики да сторожа продажиый иарод: кто им платнт, тому и служат. Герасим бывалый, хитрый мужик, бога боится, а иачальству в глаза заглядывает. Вот зайдет в чека и скажет: Солеваров иаправился к парку.

Старик круто повериул в переулок. Повстречалась иезиакомая дородиая жеищииа. Перед глазами встал образ разбушевавшейся жеиы. Надо напомииить ей блуд с родиым племяиииком. Ушла гибкость мысли. Все же ие зря вспомиился Ерш Аиархист. Ои ловко откупился золотом. У иего, Савелия, тоже имеется клад. Только вот как передать чекистам?

«Подослать своего человека, поставнть условне,— рассудил старик и начал перебнрать в памяти вериых

людей:— Мадам Шур сидит за решеткой, а Пашку и его приятелей наверняка схватят, если уже не схватили. Вот разве Капитоновну...»

До революции Солеваровы жили на Соборной стороне в своем двухэтажном каменном доме. А рядом с домом, через сад, деревянный флигелек занимал солеваровский дворник с дочкой Капочкой. Савелий, единственный сын богатого солепромышленника, восемнадцатилетний гимназист, любил в дальнем углу сада играть с Капочкой. В десять лет она испытала первую настоящую любовь и до сих пор смотрела на него умиленными глазами.

Они беседовали в комнате, освещенной двумя лампадами. Савелий сидел за столом, а Капитоновна крутилась возле самовара:

— Чаек, батюшка, никогда не повредит. Ваш родитель даже очень уважал индийский...

— Без зла вспоминаешь Иннокентия Спиридоновича?

— Боже милостивый!— оживилась шустрая бабка.— Ваш батюшка — благодетель наш. Бывало, что ни праздник — то подарочек. Жили мы в этом домике как у Христа за пазухой. Да и вы, соколик, меня сильно баловали. Яблони в саду засохли, а память о райских днях живет...

Старик представил курносую, краснощекую пухлянку в ярком платьице и перевел взгляд на икону Николы Чудотворца. Старый грех он давно замолил,— своей законной жене ни разу не изменил. Теперь заговорил без угрызения совести:

— Капитолина Капитоновна, мне кажется, что я не на восемь, а на восемнадцать лет старше тебя. И телом, и духом сильно сдал. Сестра моя, не откажи мне в помощи...

Бабка укрепила самоварную трубу и повернулась к столу:

— Надумал коровку продать?

— Нет, Чернуха остается тебе: столько лет кормила, доила, молоко приносила...

— Домишко на дровишки?

— Да нет, Капитоновна, живи на здоровье.— Он положил отяжелевшую руку на стол:— Хочу умереть на своей постели, а не на казенной...

За дверью проскрипела половица. Хозяйка прислушалась. По ее настороженности старик угадал источник ми-

нутного всполоха. Он бородой навел на стенку комнаты, где раньше в гробу лежала гадалка:

— Кто там?

— Никого, батюшка. Ветер аль крыса: ныне голодные стаями бродят. Положил в кормушку свинье — и стой, ни шагу. А то крысы все подчистят...

Нахлынуло воспоминание: возле гроба ясновидящей Савелий однажды в темноте беседовал с эмиссаром патриарха.

Старик тихо спросил:

— Капитоновна, ты хоть раз видела эмиссара в лицо?

— Он ходил к ней со двора. Разок столкнулась в сенях, так у него платок на лице...

— Как думаешь, сейчас он вне Руссы?

— Бежала Пижа[1] до Парижа, да Ильмень задержал!

— Как понять, сестра моя?

— Никто от могилы не убежит, кормилец мой!

«Не поняла»,— решил он и поставил вопрос ребром:

— Ты знаешь, где сейчас эмиссар?

— Не ведаю, батюшка. А зачем он тебе?

Старик нахмурился, седыми бровями придавил глаза.

— Клялся: «В беде не оставлю», а теперь...

— Ни весла, ни посла?

— Сущая истина!

— А что за беда, сударь?

Солеваров покосился на комнатную дверь:

— Отец Осип и мадам Шур арестованы, и меня заберут...

— Господи помилуй!— перекрестилась бабка.

— Непременно заберут, если не откуплюсь, как словчил мой племянник.— Старик умоляюще взглянул на подругу детства:— Сходила бы на Крестецкую, да условие поставила бы: «Так и так. Он вам золото, а вы ему домашний арест. Пусть старик умрет на своей постели». Ты же, Капитоновна, ходовая!

— А много золота?— деловито спросила она, прислушиваясь к самовару.— Стоит ли овчинка выделки?

— Стоит, сестра моя.— Он растопырил толстые, кривоватые пальцы:— Золото, серебро и самоцветы. Всего пуда на три.

---

[1] Пижа — речка, впадающая в озеро Ильмень.

— Отцовское еще?

Говорнть правду не хотелось. Старнк перевел взгляд иа стеииую фотокарточку, вздохнул:

— Анна Иннокентневна... За что тебя любила моя сестра, покойннца?

— Не знаю, сударь, а только со мной и на германскую пошла: сама в госпнталь н меня ияией прнстронла. Сердечная была у вас сестра, Савелий Иннокентневнч.

— Да ведь и у тебя душа добрая,— ои погладил ее руку.— Сходншь, душа моя?

— Сходить не трудно, сударь: Торговая сторона не за горамн. А вдруг не поверят. Скажут: «Покажи, старая!»

— А ты нм прямо: «Еслн б знала, сама прннесла бы к вам». И добавь: «Солеваров — человек солндный, богу преданный, не обмаиет вас, только дайте ему спокойно умереть».

— Ладно, сударь, схожу.

— Завтра! Утром же! А то опередят, станут трясти, н тут уж инкакой добровольиостн.

— А может, сударь, самому явиться?

— Ой, боюсь! Прн одной мыслн... дух захватывает.— Староста вспомннл Рогова:— Вызвал! За горло! Несн чудотворную! Меня водой отлнвалн. Хорошо, Калугни подвернулся, дай бог ему здоровья. Нет уж, Капнтоновиа, сделай милость — сходн...

Она подсыпала в самовар углей, брякиула трубой и вериулась к столу:

— Теперь в чека бывший начальннк угро. Мужнк, говорят, справедлнвый. За иего Лаиская замуж вышла.

Старнк опустнл глаза. Но бабка продолжала:

— Пострадала, бедная: оглохла н мертвенькнм разрешнлась. Да и вашей работннце нз магазнна шнбко досталось, слóва сказать не может. Ваша супружница велела отнестн ей молочка...

Савелнй совсем склонил голову, ему хотелось сжаться, сделаться незаметным комочком н закатнться в темный угол. Ои вспомннл слова племянннка: «Эх ты, глыба каменная, загороднл дорогу с крестом иа пузе, не даешь проходу иашему брату!»

В пустой комнате раздался стук. Старнк н бабка огляиулись иа дверь.

— Феденька, это ты?— громко спросила Капнтоиовна.

Солеваров увидел Алешу, побагровел н повалился со стула.

СХВАТКИ НА ДОПРОСАХ

У мадам Шур серьги бутылочками. Они, как и глаза ее, поблескивают презрением. Всем своим видом она говорит сидящим за столом: «У меня диплом Сорбонны, книги на французском, обширная переписка с культурными людьми, а у вас что, неучи?»

Алеша вел протокол, а допрашивали Пронин, Воркун и Калугин. Уполномоченный развернул пачку писем и строго спросил:

— Кто такой Федор Кузьмич Тетериков?

— Неужели вы такой невежда?

— Но, но, полегче! — прикрикнул Пронин, и, заглядывая в письмо, спросил:— Где он живет?

— В Детском Селе.

— Про какие это он тут намекает «Политические сказочки»?

Арестованная захохотала. Уполномоченный цыкнул на нее. На помощь пришел Калугин. Он сухо, с чуть заметной улыбкой, пояснил мадам:

— Я вижу, вы впервые на допросе. Так учтите, гражданка Шур, опытный следователь заинтересован раскрыть не свою, а вашу эрудицию. Мы знаем, что речь идет о русском писателе Федоре Сологубе. В свое время Федор Кузьмич преподавал в здешней гимназии. Он ваш духовный отец. Но у него даже внешность противоречива: простые, мягкие, чеховские очки и суровые, внушительные усы, как у Ницше. Ваш наставник проповедовал крайний индивидуализм и в то же время в художественной прозе высмеивал этот самый мещанский солипсизм. Именно здесь, в Старой Руссе, он собрал материал для своего «Мелкого беса». Его герой романа Передонов стал нарицательным подобно Хлестакову и Обломову. К сожалению, вы забыли те книги, в которых ваш учитель бичевал мелкую пошлость, злобу, тупость захолустья — словом, передоновщину. Я уверен, что вы не дочитали «Политические сказочки», в которых автор откликнулся на революцию пятого года...

— Почему вы так решили?

— Скажите, пожалуйста, какие рассказы входят в сборник «Истлевающие личины»? Нуте?

Вероника Витальевна прикусила губу. Видать, одно заглавие сборника кольнуло ее. Она беспомощно пожала плечами:

— М-м... сейчас... не припомню...

— Зато вы отличио запомиили его символические стихи: даже поете их под гитару.

— Что в этом дуриого?

— Дуриое в том, что вы под влияиием символизма ударились в мистику: поступили иа богословский факультет в Париже, а возвратясь иа родииу, вступили в религиозио-философское общество Мережковского, Розаиова, Миского...— Николай Николаевич бросил письма иа стол.— Бог и моиарх — вот ваше кредо!

— Я исповедую то, что доступио и любо русскому.— Оиа вызывающе вскииула голову.— Наш иарод поиимает «Капитал» без кавычек!

— Ясио! К богу и моиарху вы приплели промышлеииков. Но это ие зиачит, что вы, мадам, обладаете ясиым, проиикиовеииым взглядом иа вещи и людей. Скажите, голубушка, кто такой Абрам Карлович Вейц?

— Воспитаииый, высокообразоваииый дворяиии,— увереиио иачала мадам Шур.— Одареииый регеит. Большой зиаток Достоевского. Страстиый коллекциоиер-библиофил. Очеиь гостеприимиый и прекрасиый семьяиин. Правда, человек иемиого вялый, болезиеииый и далеко стоящий от политики.

Предвкушая эффект расставлеииой ловушки, Леша с трудом удержался от улыбки. Проиии и Воркуи тоже иичем ие выдали Калугииа. Тот спокойио, деловито продолжал:

— А теперь обрисуйте портрет эмиссара патриарха. Нуте!

Все еще возвышая себя иад чекистами, мадам Шур ие без апломба красиво выставила ладоиь:

— Виешиость я ие могу обрисовать: мы с иим беседовали в темиоте. Одиако иатура его абсолютио очевидиа волевой, умиый, поиимающий толк в политике и воеииом искусстве. Исключительиый коиспиратор! У иего все подчииеио цели. Я убеждеиа, что ои ие жеиат, далек от мира изящиого и от всего музейиого!

— Словом, эмиссар прямая противоположиость Вейцу?

— Да, иебо и земля!

— Так вот, голубушка,— иакоиец-то Калугии усмехиулся,— эмиссар и Вейц — одио и то же лицо!

— Как?!— пошатиулась оиа, сверкая серьгами.— Не может быть! Я зиаю, я убеждеиа...

— Вы только что были увереиы, что мы ие зиаем

псевдоннм Тетерннкова. Вы не сомиевалнсь, что ваш друг Карп Рогов ннкогда не выступит против вас. Вы н мыслн ие допускалн, что можете оказаться на процессе старорусских церковннков. А ведь вам, голубушка, ие нзбежать скамьи подсуднмых. И мой добрый совет, мадам, держнтесь скромнее н честно отвечайте на вопросы...

Арестованная платочком вытерла лоб и попроснла разрешення выпить воды. Иваи Матвеевнч твердо спросил:

— Прошлым летом вы преподнеслн нкону Леоииду Рогову?

— Нет.

— А кто?

— Не знаю.

— А вам известно, кто выкрал брауииг у Смыслова?— Воркун глазамн показал на Лешу.— Ну?

— Нет.

— А что задумалнсь?

— Еслн говорить честно,— она уставнлась на Лешу,— ваш новый сотрудинк — довереииое лнцо Вейца.

— Ошнбаетесь, мадам!— Пронин одобрнтельно похлопал Алешу по плечу:— Смыслов был аккуратным читателем, помогал Вейцу прнбирать библиотеку н любил беседовать с ним о Достоевском...

— Ради чего?— И, ие дожидаясь ответа, мадам Шур укоризнеиио покачала головой:— Втереться в доверне, а потом предать! И кого? Благородиейшего человека!

— Благороднейшего?!— возмутнлся Пронин.— А кто организовал убийство Рогова и Жгловского? Кто подстроил пожар иа фабрнке? Кто пытался вооружнть обезумевшнх фанатиков саблями, гранатамн, внитовкамн? Кто толкал верующнх иа протест против помощи голодающим? Кто прикидывался «красным», безбожинком, сочувствующнм советской власти, а иа деле прнслужнвал патриарху и прочей коитрреволюцни? Молчнте?!

Мадам Шур упрятала лнцо в пушнстое боа: оиа, видать, была не рада своей реплнке. Калугни заставнл ее съежнться:

— Учтите, гражданка, мы знаем — кто вы. И не становитесь в позу. Ваша «святая миссия»— образец греховностн. Для вас трндцать миллионов голодающнх ие горе, а радость! Вы хотелн преподнестн своим землякам не божью благодать, а кровавое побоище! Вы даже близкнх вам людей — Карпа, Веру Павловиу — поставнли под удар, прнкрыв оружне нконамн да молнтвеннка-

ми. Вы же знали, что прибыло в магазин из деревни? Нуте?

— Да, знала,— проговорила она упавшим голосом.

— А знаете, кто «подарил» иконы Леониду Рогову?

Арестованная взглянула на Воркуна и отрицательно замотала головой. Иван поверил, что она в самом деле не знает...

Отец Осип концом рясы потер голенище сапога, выставил вперед живот и крестом сложил руки на груди. Он дал понять, что в это время пора думать о хлебе насущном...

— Без трапезы, люди добрые, не до глагола. Здесь не пустынь, чтобы сидеть на пище святого Антония...

— Короче! — оборвал Пронин.— Одного обеда мало?

— Святые слова!

— А как же на Волге без обеда и день, и два, и три?

— Так Полисть-то, сын мой, не Волга.

— Да ведь и у вас, батюшка, живот что бочка: с таким запасом жира безболезненно отслужите панихиду.— Уполномоченный подошел к низкому столу, откинул желтоватую простыню и глазами указал на покойника с усиками:— Узнаёте?

Священник скосил рыжую бороду, пристально всмотрелся в мертвеца и отрицательно покачал лохматой головой:

— Кто это?

— Убийца вашего сына.

— Свят! Свят!— мелко перекрестился поп.— Мое чадо во хмелю замерз.

— Нет!

Уполномоченный рассказал, при каких обстоятельствах погиб Ерш Анархист, и снова накрыл труп.

— Зубков, покойник, действовал по указке эмиссара патриарха Тихона...

Леша заметил, что поп бросил взгляд на дверь, словно хотел узнать: поймали Рысь или нет?

— Вы, гражданин Жгловский, встречались с эмиссаром?

— Единожды, и во тьме кромешной.

— Где?

— У регента в доме.

— О чем говорил эмиссар?

— О живой церкви. Просил меня дать бой обновленцам.

— Кто был с вами еще?

— Эмиссар беседовал с каждым в отдельности, сын мой.

— Этакая конспирация, и ради чего?!— воскликнул Воркун.— Дать бой обновленцам?

— Меня благословил на бой, а что другим наказывал — не ведаю, дети мои.

— Значит,— продолжал Пронин,— ночью в магазине вы, батюшка, помогали Солеварову догрузить ящики с оружием по своей инициативе?

— Сохрани, господи! — поп увесисто отмахал крестное знамение.— Я оценивал древние иконы, а свояк занимался ящиками. Спросите его, раба божьего...

Леша заерзал на стуле. Он вспомнил, как нечаянно распахнул дверь в доме Капитоновны и до смерти напугал Солеварова: «Неужели старик заглох навеки?»

Он пожалел, что Калугин ушел на изъятие церковных ценностей. Без него допрос утратил результативность. Поп удачно отбрехивался. Пронин с Воркуном не могли припереть его к стенке. Иван Матвеевич спросил:

— Гражданин Жгловский, вы знаете, где сейчас находится Вейц?

— Убег, что ли?

— Отвечайте на вопрос!

— На берегу Переходы проживает его матушка.

— Он там, у матери?

— Не ведаю, но разумею, почему он сбежал.

— Почему?— спросил Пронин, не замечая поповской хитрости.

— Зряшное подозрение пало на него...

— А именно?

— Не ведаю, но будь я на воле — убег бы, переждал бы смутное время. Вы в каждом православном лицезреете злодея.

— Не в каждом, батюшка, а только в тех, кто, например, выступает на общем собрании верующих и почем зря ругает советскую власть, призывает мирян к бунту, «лицезреет» избиение женщин.— Воркун повысил голос:— Узнал себя?

— Ой, сын мой, не в том ключе завел орга́н! Ты солдат, я солдат. Тебе приказывает Ленин, мне — патриарх Тихон. Попробуй-ка не выполнить приказ Москвы?! Ты

должен уважать во мне то, что уважаешь в себе, а не корить за службу верную...

— Хватит, батя!— не вытерпел Пронин, наступая на попа.— Одно дело служить мировой революции, и другое — всероссийской контрреволюции. Не старайся, не собьешь с панталыку! Знаем тебе цену! На очной ставке по-иному запоешь. Иди в камеру!

Больше уполномоченный не проронил ни слова. Воркун тоже молчал. Алеша смотрел на протокол, не подписанный арестованным.

В чека притихли. Алеша ждал взрыва. Люба привела с вокзала беспризорных. Сеня вернулся из деревни с мельником. Ни один чекист, ни один агент угро не напал на след Рыси. Новгородское начальство уже дважды вызывало к прямому проводу своего уполномоченного. Пронин осунулся, помрачнел. Он сам лично допросил арестованных, но они не знали, куда сбежал Вейц.

Алеша сопровождал начальника до постели Солеварова. Разбитый параличом старик смотрел на всех бессмысленными глазами.

— Сунул тебя черт спугнуть,— заворчал Пронин, покидая домик Капитоновны.

«Началось»,— подумал Алеша и не ошибся.

Пронин вызвал к себе в кабинет Селезнева.

— Ты не коммунист, а балагур, ты не чекист, а ворона!— гневно кричал Пронин.— Поймай Рысь либо сдашь маузер и — катись из чека!

Трудно представить приятеля без деревянного футляра сбоку: без чека Сеня зачахнет. Но как помочь ему? Леша не без волнения слушал пронинский разнос...

Из кабинета Селезнев вышел потный, как из бани. Люба склонилась, застучала на машинке.

Друзья молча прошагали в комнатушку коменданта с окошечком, выходящим на двор. По стеклу хлестал первый весенний дождь. Сеня сел за свой стол, оперся головой на руки. Думали молча.

Вдруг Сеня поднял голову:

— Его ждет в деревне мать, а тут жена...

— Так что?

— А нельзя ли и жену Вейца соблазнить деревней? Чуешь?

— Чтоб легче следить за Рысью?

— Допер, Лешка!

— Айда к председателю!..

Угол кабннета завален оружнем. Воркун готовнлся к допросу мельннка — главаря «зеленых». Поначалу Иваи Матвеевнч встретил молодых чекнстов недовольным взглядом. Он хотел отмахнуться от инх, но Сеня успел ребром ладошки резануть себя по горлу:

— Срочно, до зарезу!

Воркун вел следствие по делу Рогова. Теперь он ие сомиевался, что травля уполиомочениого губчека была организоваиа Рысью. Однако Вейц до сих пор ие пойман. А задумка молодых чекистов вселяла иадежду...

— Сейчас согласую с Прониным,— ои рванулся к дверн.

Алеша бил иа то, что сейчас Екатерина Романовна волиуется за сыиа, что ей одной тяжело...

— А мне, думаете, легко?— пожаловалась жеиа регента.— Не зиаешь, что с ним! Убит, заболел, разлюбил? Ваш дядя, поблагодарите его, только что звоиил: «Труп ие обиаружеи». Меня как обухом по голове: «Труп!» Я растерялась — ие сказала спасибо. Извините, Алешенька, я бестолково говорю. Такие сюрпризы: приходят вооруженные и уводят отца Осипа и мадам Шур. Неужели они причастны к трагедии в соборе? Что за время! Что за люди! Только в одио верю: мой муж и мухи ие обидит. Вы же, Алешенька, хорошо его знаете! За пятнадцать лет супружеской жизни он ни разу даже голоса не повысил на меня. Что с ним, где он, как думаете?

Алеша заставил себя смотреть прямо в глаза собеседнице:

— Мие кажется, такой мягкий, чуткий, легкоранимый человек не мог перенести ужасные сцены избиения женщин и гостей из Порхова — ушел от всех, поселился в Леохнове, рядом с могилами родиых, а потом навестит мать...

— Да, он очень ее любит.— Оиа встала: — Я, пожалуй, потороплюсь, пока нет распутицы. Вдвоем, конечно, легче. Одна я тоже извелась. А здесь оставлю записку: «Я у матери в деревне».

Елизавета Ивановна протянула руку:

— Спасибо, родной, вы меня воскресили. Собираюсь в дорогу!..

А вскоре в кабинете уполиомоченного закрылись Воркун, Калугин, Селезнев, Смыслов и сам Пронин. Встал

вопрос: кому поручнть охоту за Рысью? Проинн указал на Семена: дадим возможиость исправнть свою ошибку. Воркун выдвинул Алешу: он Ерша одолел, не подведет. Решил голос Калугниа:

— Нет, друзья мои, оба оии слишком прнметны. Пусть лучше Нииа просигналнт нам: ее школа рядом с домом Вейцихи. Нуте?..

ЛЮБИТЕЛИ ДОСТОЕВСКОГО

Одиажды Вейц водил Алешу по тем местам, где развернулись события в романе «Братья Карамазовы». Абрам Карлович показал путь, по которому бежал Дмитрий Карамазов от Грушеиьки к батюшке. А экскурсию регент закоичил словами: «Ницше — большой любитель Достоевского».

Во время этой прогулки Леша жадио слушал все то, что отиосилось к зиамеиитому роману. А теперь, когда Вейц раскрылся иицшеанцем, Алеша вдруг вспомннл заключительные слова Абрама Карловича. Оказывается, философ Ннцше — очеиь важиая ииточка для следователя. Если бы Леша раиьше раскусил Ницше, возможио, разоблачнл бы Вейца. Знаиие фнлософин помогло Калугину иапасть на след Рыси. Не зря Николай Николаевнч говорнт: «Прощупай у врага ие только пистолет за поясом, но и мировоззреиие его!» Но в одиом Калугии, кажется, ие прав: Ннна настолько заията ребятами, что прозевает Рысь.

У Лешн в руке кннга Фрейда. Ои иесет ее в дом Вейца. Его подгоняла надежда, что сейчас Елизавета Иваиовиа вручнт ему ключи от дома и скажет: «Прнходите за кннгамн». И вот иочью он сидит в библиотеке н вдруг слышит шорох н осторожные шагн...

Ночной мираж оборвался: Леша вышел на аллею парка, ему в глаза ударнло солице. Он иаклоиил голову н чуть не выроинл книгу: иа рыхлом потемиевшем сиегу вндиелся свежий отпечаток столь памятиого ему ботиика с ломаиой подковкой иа каблуке.

Долгожданный след! Хозяии этого ботиика выкрал у иего брауииг, и он же иаверияка отнес икоиу иа чердак Рогова, ииаче чем же объясннть появлеиие Алешииого брауиинга на роговском столе? Наконец-то Иваи Матвеевич сможет закрыть дело...

След привел Алешу к длииной кирпнчиой оранжерее.

Стены ее, наполовину занесенные снегом, заиндевели. Покатая решетчатая крыша поблескивала стеклами. По краям ската лежали свернутые в трубку соломенные маты. Из открытой двери валил пар и пахло прелой землей. Тут жена Герасима выращивала цветы для парковых клумб.

Но зачем сюда забрел похититель Алешиного браунинга?

Леша заглянул в приоткрытую дверь. Между пальмой и агавой, где Степанида Васильевна поливала фуксию, стоял Герасим. Он что-то доказывал жене. У нее валенки с галошами. Сторож носком солдатского ботинка сердито постукивал о землю — каблук с подковкой был виден отлично.

Вот те раз! Лучший друг Алешиного отца, честный добряк, надежный сторож — стащил браунинг! Нет, тут что-то не то. Сейчас Герасим улыбнется и одним словом разубедит Алешу.

Он открыл дверь. Бородач горестно удивился:

— Легок на помине!

Герасим хотел что-то сообщить Леше, но тот опередил его:

— Дядя Гера, ты стащил у меня браунинг в день смерти Рогова?

— Смотри, Стеша, ворожей нашелся!— он черной бородой достал Алешину грудь.— Вишь, паря, тогда времечко сдалось тревожное: попрыгунчик объявился в парке. Вот матушка твоя и кажет мне: «У сына пистолет под подушкой. Возьми от греха подальше». Я зашел. Тебя дома нету. Взял без шума. Да и понес твою штуку к Рогову. И только вышел на главную аллею, а он сам передо мной. Ну я и вручил ему...

— Почему же молчал об этом?

— И ты, паря, помалкивай, потому как до сего дня не найден тот, кто икону принес на чердак. Признайся с пистолетом, а тебя заподозрят с иконой. Натурально, по допросам затаскают — только на ложный след наведешь...

— А ты, дядя Гера, как полагаешь, кто икону принес?

— Принес тот, кто Леонида Силыча до могилы довел.

— Кто же?

— Знал бы, паря, так давно бы указал...

— Ты н сейчас можешь указать,— ожнвнлся Леша, не замечая заплаканиого лица жены Гераснма.— В каком часу встретнл Рогова?

— Да... около... полудия...

— Откуда он вышел иа аллею?

— Со стороны Муравьевского фоитана.

— Фоитаи — место встреч. Выходит, один призадержал Рогова в парке, а другой в этот момент спокойио внес икоиу иа чердак. Эх, дядя Гера, зря ты сразу не сказал об этом...

— Вот вндишь, Стеша!— упрекиул Гераснм жену.— А ты опять свое: «Молчн да молчи». Нет уж, Васнльевиа, больше молчать ие буду...

Он вытащнл нз кармаиа листок с печатиымн буквамн и дрогнувшнм голосом проговорил:

— Крепись, паря, похоронная с Дальнего Востока...

Леша не помиил, как вышел нз ворот парка. На улице, возле калитки, пожилая женщииа легким ломнком колола ледяную корку. Юноша подумал о матерн: теперь оиа может совсем замкнуться — одни слезы и молитвы. Скорей бы возвращалась Груия, без иее дом кажется с закрытыми ставнямн.

Он машниально открыл кннгу. Автор учил обращать виимаиие на врожденые иистиикты. Сын все время ждал отца н чувствовал, что ои встретится с инм. И чувство это, если верить Фрейду, согревалось имениo врождеиным иистииктом.

Нет, Калугин прав: «Пой с чувством, а действуй с умом!»

Леша закрыл похорониой заглавие книги, вышел иа берег Малашки н остаиовился перед одииоким домом Вейца. На окнах плотные шторы, за стеклом двери записка: «Я уехала к свекрови. Твоя Лиза».

Ои уцепнлся за каринз н броснл кингу в открытую форточку бнблнотеки. Прижатая шторой к стеклу, кинга опустнлась на ребро. Юиоша прочитал: «Знгмунд Фрейд. О психоанализе. 1911 год». Автор тоже любнл Достоевского, сказал Калугнн.

По этой улнце часто ходнл Федор Мнхайлович. Собственный след на талом снегу вдруг напомиил бородатого сторожа. Леша прнподиял помятую бумажку с печатиымн буквами. И в созииании все спуталось...

В кабннете Калугнна маленькая женщниа с седымн волосами. Ее глаза с голубникой — это глаза Нnколая Николаевнча. Она руками уперлась в стол председателя укома:

— Коля, последний раз прошу: позвонн в чека, мне нужно видеть отца Осипа.

— Нет, мама, я не буду звонить.

— Ты жестокий!— отшатнулась оиа и, направляясь к двери, наскочнла иа Лешу:— Что с тобой, мальчнк? Кто обидел?

Юиоша стряхнул слезу и глухо ответнл:

— Отца убнли.

— Кто?

— Белые... на Дальнем Востоке... вот извещеиие...

Старушка погладила Лешу и, склоиив голову, молча вышла...

Калугии сиял трубку, вызвал комеидаита чека и предупредил:

— Голубчнк, если прндет моя мать, ие давай ей свидаиия ии с одним арестоваиным...

Николай Николаевнч, как мог, успокоил Алешу. Старый большевик зиал, что важиое задаине — лучшее лекарство от горя. Ои иезаметио перевел разговор на солеваровский клад:

— Староста, скорее всего, спрятал золото по указанню эмнссара. Рысь сейчас попытается завладеть кладом. Стало быть, друг мой, есть смысл парализоваииого старика оставить у Капитоиовны, ио предупредить ее. Она дружит с Федей Луиатиком?

— Давно.

— Отличио, голубчик, переговорн с иим.— Ои бросил взгляд на стеиные часы в круглом футляре.— Заходил к Вейцу?

— Да. Уехала.

— Нниа обещала иемедленно позвоинть по телефону.

— От школы до телефоиа пять верст!

— Нет, батенька, волость переехала в Песково: десять мннут ходьбы.

— Но ведь Нниа вся в заботах о школе.

— Совершеино верио, голубчнк, вся иадежда иа ребят: оии лучшие разведчнкн. И Рысь меньше всего опасается малышей. Так илн ие так? Нуте?

Ох, это «иуте?». Леша позавидовал способности учителя убеждать людей. Юиоша вспомиил своего школьиого

учителя, большого поклонника Достоевского, и неожиданно спросил:

— Николай Николаевич, вы любите Достоевского?

— И да, и нет!

— Что «да»?

— Глубокое проникновение в жизнь, в характеры людей.

— А что «нет»?

— Его церковную стратегию и все то, за что его поднимают на щит контрреволюционеры.— Он снова взглянул на часы.— А подробно мы поговорим на эту тему на занятии философского кружка. А сейчас, друг мой, тебя ждут в больнице. Порадуй наших героинь. В городе открывается второй детдом — заведующая Ланская, завхоз Орлова...

— Здóрово! Но ведь они не скоро встанут на ноги!

— Да ведь и дом сильно разрушен, батенька.

— Какой дом, Николай Николаевич?

— Тот самый — каменный, двухэтажный, бывший солеваровский. Одним субботником не отделаешься. Так или не так?

Леша бодро кивнул головой и, поднимаясь, вдруг смущенно спросил:

— Ваша мать больше не придет к вам?

— Придет, голубчик, только не так скоро...

В палате сидела Алешина мать. Она принесла Груне овсяные блины, а своей учительнице творожники. Ланская поблагодарила ее прикосновением руки. Тамара Александровна не видела Прасковью, она ничего не видела.

Леша постоял, поглядел: «Здесь и так хватает горя». Он спрятал похоронную, осторожно прикрыл дверь палаты и быстро вышел из больницы. На берегу Перерытицы стоял полукаменный дом, в котором когда-то жила Грушенька Меньшова. Ее биография стала биографией Грушеньки Достоевского.

Назойливая мысль о Достоевском привела Лешу к воспоминанию об одном посетителе вейцевской библиотеки. Он интересовался садовой беседкой Достоевского. Абрам Карлович раскрыл том «Братьев Карамазовых» и прочитал подробное описание круглой беседки. Потом сказал: «Готовый план! Вы легко воссоздадите беседку в своем саду». Любитель Достоевского поблагодарил Вейца и пригласил к себе на чашку чая: «Мой дом напротив дворца».

На Дворцовой улнце жнл дядя Сережа. Леша разыскал Федю Лунатнка, передал ему порученне Калугнна н заглянул в кабннет нового начальннка угро. Дядя Сережа внимательно выслушал племянннка, поинтересовался внешностью чнтателя Достоевского н уверенно восклнкнул:

— Ек-королек, да это же днректор фанерной фабрнкн! У него же сын Внтюшка — футболнст!.. Чего ты, елкипалкн?..

Леша помрачнел, вручнл дяде нзвещенне н попроснл его навестить мать:

— Ты уж вдвоем... с тетей Марфой...

Через час фанерный замок, бывшая лютеровская внлла, был оцеплен чекистамн. Леша, в штатском, нажал кнопку электрнческого звонка н попроснл прнслугу вызвать товарнща по футбольной команде. Сын управляющего, отлнчный спортсмен, танцор, собрался на маскарад н вышел в костюме англнйского жокея с хлыстом. Алеша поясннл, что ему хочется взглянуть на беседку Достоевского. Внтюшка уднвнлся:

— Надо же! Уже второй экскурсант!

— А первый кто?

— Регент! Бреднт Достоевскнм! Онн с отцом весь день, вечер н ночь проговорнлн!

— И сейчас все о Достоевском?

— Нет, вчера расталнсь.— Внтюшка окннул взглядом вечернее небо.— Пойдем со мной на танцы?

— Танцы не футбол,— вяло процеднл чекнст, прощаясь.

ОПУСКАЯСЬ, ПОДНИМАЙСЯ

Новгородская газета «Звезда» подробно рассказывала чнтателям о старорусском процессе над церковннкамн. Рабочнй народ требовал расстрелять основных вняовннков злодеяннй: Жгловского, Солеварова, Пашку Соленого, Лоснху. А мадам Шур н Баптнсту не нзбежать тюрьмы.

Дожндаясь поезда, друзья чнталн газету. О Вейце, о деле Рогова нн слова. Сеня поннмал, что в этом он вн-

новат. Сегодня Калугин пожелал ему успеха и сказал: «Опускаясь, поднимайся, как волна».

Леша понимал, о чем думал приятель: главный преступник на свободе. Нина, видимо, потеряла надежду на приезд Рыси к матери, уезжает в Питер на весенние каникулы.

— Как просто в романах,— с горечью заговорил Алеша.— В конце повествования, как правило, все злодеи несут кару, и читателю ничего не остается, как закрыть книгу и спокойно уснуть. А в жизни не так. Вот где сейчас Рысь? Кто помог ему доконать Рогова? Где роговский дневник? Куда спрятал золото Солеваров?..

— Капитоновна говорит, старик начал шевелить губами.

— Сегодня шевелит, а завтра отдаст концы.— Леша передал приятелю пакет.— Что... Люба собрала?

— Порядочек! Можешь поздравить: всю ночь прощались...— Сеня покачнулся от приятельского поздравления и заглянул ему в глаза:— А твоя все еще носит траур-поминание?

— Не знаю, пока все еще носит бинты...

Донесся паровозный гудок. К широкой платформе с навесом шумно подкатил поезд. Сеня поднялся на лесенку вагона. Пожимая руку приятелю, Алеша напомнил:

— Выйдешь во Взглядах...

На кирпичном здании вокзала возвышалась башенка с часами. Сверив время, Леша решил идти на судебный процесс пешком. К выступлению Калугина он успеет. Общественный обвинитель, наверно, начнет так: «По всей России более тысячи кровавых столкновений...»

Леша почувствовал на плече мягкую руку. Он оглянулся:

— Вадим! С приездом!

Юноша в новой шинели, с вещевым мешком за спиной, обнял Алешу:

— Как здоровье сестренки?

— На суде выступала, но еще на костылях.

— Были в загсе?

— Вот окрепнет, снимет траур...

— А крест не сняла?

— Сняла,— смутился Алеша и слегка потрепал белокурого курсанта:— Надолго?

— На три дня!— Вадим прищелкнул каблуками.

Занятый своей думой, Алеша представил беглеца

в военной форме, в синих очках, без клинообразной бородки...

— Вадим, ты помнишь здешнего регента с черной эспаньолкой?

— Как же! Мы с Груней брали у него книги.

— Ты случайно не встретил его где-нибудь?

— Видел, но не уверен, что он: сутулый, без бородки...

— Где видел?!

— У нас, в Боровичах. Мы шли строем по цепному мосту, а он вел огромного пса. Охотничьи сапоги, куртка и двустволка...

Вадим не договорил: чекист на ходу прыгнул на подножку трамвая...

Воркун поднял архив. Алеша заметил, что у Ивана Матвеевича побелели виски. Ланская до сих пор ничего не видела, хотя слух и речь вернулись к ней. Председатель чека молча положил на стол протокол допроса Ерша Анархиста. В прошлом году Рысь послал Ерша в Боровичи, где Анархиста арестовали за спекуляцию золотом. Леша выписал адрес явочной квартиры и показал Ивану Матвеевичу...

— Я занят в комиссии,— Воркун кивнул на дверь.— Поедешь с Любой...

Провожая командированных, он поделился своими соображениями:

— Ружье у него, понятно, с пулями и собака для защиты. Бродит по лесам, а в город заглядывает за газетами. Его, конечно, смущает: о нем ни строки, дом не описан, жена на свободе и о роговском деле ни гу-гу. Если настигнете, действуйте осторожно. Возьмите живым...— Иван Матвеевич остановил взгляд на Леше:— Да, дружище, когда Вадим встретил Вейца?

Алеша покраснел. Он забыл спросить об этом. Воркун вынул карманные часы:

— Быстро! Успеешь до поезда...

Из кабинета Леша вылетел пулей.

Дома Вадим держал костыли, а Груня пыталась пройти по комнате без поддержки. Увидев Алешу, она зашаталась:

— Что случилось? Почему потный?

— Спешу на поезд. Небольшая командировка.

Он повернулся к Вадиму:

— Ты когда видел его на мосту?

Белокурый юноша зажмурнлся, поиграл пальцамн, твердо ответнл:

— Пять дней назад.

«Опоздали»,— подумал Алеша н не ошибся.

Все отделення Новгородского губчека получнлн новые словесные портреты Вейца. Не успелн старорусскне чекнсты сойтн на боровнчскую землю, как местиые сотруднннкн чрезвычайиой комнссни встретнлн нх малоутешительной информацней: «Нет охотника».

Ннчего не дала и явочиая квартнра: прежний квартнраит, театральный костюмер, нсчез в тот же день, когда замерз Ерш Анархнст. А новый квартирант, вселенный чека, не выявнл нн одного подозрнтельного «гостя».

Боровичи Леша н Люба покидали, «поджав хвосты». Она еще шутнла, но он мрачно крутнл головой по стороиам: все еще надеялся на ошибку здешиних чекистов.

Во время пересадкн Леша успел обежать два поезда. Не пропускал нн одной станцнн. То н дело заглядывал в окна вагона — не терял надежды увидеть Вейца. Даже Люба уднвилась:

— Ты что, с монм Сеней соревноваине затеял?

— Нет, просто обндно, когда коитрнк за иос водит...

Лишь иа стаицнн Шнмск он, злой н голодиый, устронл себе иебольшой отдых. В буфете вокзала работал бывший повар киязя Васнльчнкова. Велнкнй мастер своего дела прославил небольшую станцню иа всю железнодорожиую ветку. Его слоеиые пнрожкн с мясом пользовалнсь таким успехом, что ради ннх сюда приезжали из Новгорода н Старой Руссы.

И иадо же так случнться, смаковаиие горячнх жнриых пнрожков ие помешало Алеше услышать за своей спиной примечательиый дналог:

О н. Клянусь, даже у иас на Невском нет ничего подобиого!

О н а. Не уднвляйтесь, повар учнлся во Франции.

О н. Превосходные! (Секуидный хруст.) Вы здешняя?

О н а. Нет, старорусская.

О н. О, я ваш спутинк! Скажнте, пожалуйста, дом Достоевского открыт для обозрения?

О н а. Открыт.

О и. Вдова Федора Михайловича в Руссе?

О н а. Я слышала, что она, как только собрала библиотеку прн школе нмени Достоевского, так и уехала. А вы, случайно, не интересуетесь церковиой стариной?

У меня в магазине бывают очень древние иконы, кресты, кратиры, сионы, оклады, кадила и даже эмаль на золоте.

Он. Боже, любой музей позавидует! Непременно зайду! Я с детства неравнодушен к прикладному искусству. Простите, адрес вашего магазина?

Она. Гостиный двор, Солеварова...

Он. Солева-а... (Подавился.)

Она. Ах ты грех какой! (Хлопок по спине.)

Он. Ой, благодарю!

Раздался второй удар колокола. За спиной Алеши загремели стульями. Он чуточку задержался, завернул пирожки для Любы и последовал за Солеваровой и полным туристом в черной шляпе, с кожаным баульчиком в руке.

Они сели в соседний вагон. Алеша вручил Добротной пирожки и загадочно подмигнул:

— Графские! Только не подавись...

Опытная чекистка почувствовала резкую перемену в настроении Смыслова:

— Что, Алексей, отвел душу в буфете?

— Да, Любушка, не без пользы! Ешь! С пустыми... животами не приедем.— Он засмеялся и спиной повернулся к окну.— Я немного вздремну...

За окном прозвенела медь. И поезд тронулся...

В бывшем роговском кабинете, освещенном настольной лампой, Пронин, Воркун и Смыслов ждали Добротину. Она следила за Солеваровой и туристом. Иван Матвеевич высказал предположение:

— Мне думается, Алексей прав: турист не случайно подавился на фамилии Солеваровой. Пожалуй, он и остановится у нее. Она, того не зная, поможет ему навестить больного мужа. Теперь глаз и глаз нужен за стариком...

— Как хорошо, что он лежит не дома, а у Капитоновны,— заметил Пронин и придвинул пачку папирос к Ивану Матвеевичу:— Хватит тебе дымить махрой!

— Окопная привычка!

— Бедная Тамара!

— Нет, я ухожу на кухню...

— А ночью, перед сном?

— Открываю форточку!

Пронин засмеялся. Алеша давно не видел уполномо-

ченного в хорошем настроении. Он тоже улыбнулся: теперь-то ниточка от туриста приведет к Вейцу. Об этом же, видимо, подумал и Воркун:

— Пожалуй, Рысь сейчас в Питере, а не на охоте...

— И все же Селезиева пока оставим в деревне.

— Конечно, пусть дождется Нины...

Пальма, лежавшая у порога, вскинула голову. Все трое чекистов примолкли. В соседней комнате раздались быстрые шаги. Люба распахнула дверь кабинета и скороговоркой выпалила:

— В доме Солеваровой!

Воркун дернул себя за ус. Пронин хлопнул его по плечу:

— Командуй!

Иван Матвеевич поручил Добротной следить за туристом, а Лешу послал в Чертов переулок предупредить Капитоновну...

СПОРНАЯ ВОДА

Коммунары на субботнике. Они обставляют новый детдом мебелью, украшают окна розовыми занавесками. Груня, стоя на подоконнике, машет куском материи:

— Ко мне! Смотрите!

Воркун, Калугин и Леша кинулись к свету. Лаиская, протягивая вперед руки, тоже идет на зов подруги.

Ледоход — захватывающее зрелище. Противоположный отлогий берег скрылся под водой. Огромная льдина, сокращая путь, сломала длинный забор и подмяла его под себя.

— Так и надо было ожидать, друзья мои! — воскликнул Николай Николаевич и пояснил: — Обилие снега. Дружная весна. И ночи теплые.

Иван Матвеевич подумал о предстоящей борьбе со стихией. Он хотел спросить краеведа о масштабе наводнения, но в это время за его спиной раздался певучий голос Капитоновны:

— Соколик! — Она радостно перекрестилась: — Больной-то заговорил! Трижды сказал: «Могила». Видать, все ж к земле тянет...

— Нет, Капитоновна, старик жить хочет!

Алеша пригласил Воркуна в соседнюю комнату:

— Иван Матвеевич, он, может, имел в виду свой склеп, где схоронил золото. Теперь я понимаю, почему зимой Солеваров «молился» в надгробной часовенке...

Не успели чекисты вернуться в большую комнату, как в нее вбежала Люба:

— Начальник! Они у постели Солеварова!

Вдали зашумело, загрохотало и разом стихло. Иван выглянул в окно. На стыке двух рек черным пятном плыл рухнувший деревянный мост, который только что соединял Соборную с Торговой стороной. Мелькнула мысль о западне. К счастью, Солеварова и турист в таком же дурацком положении.

Калугин остался на берегу. Он лишь помог чекистам спустить лодку на воду. По признанию Боженьки, на этом ушкуе «черные ангелы» ушкуйничали — совершали ночные набеги под «ватаманством» Пашки Соленого.

Теперь командовал Иван Матвеевич, сидя на корме с рулевым веслом. Гребли Леша и Люба. Иногда Смыслов брал багор и расчищал путь среди больших и малых льдин.

За ними наблюдали из большого каменного дома. Ланская махала белым платком. Она не видела, но догадывалась, что на реке льдины стукались, налезали друг на друга и раскалывались. Кругом шуршало, шипело, крутилось.

Нет сомнения, что энергичная Солевариха сумеет организовать переправу. Надо было спешить — первыми откопать клад и организовать засаду. Есть смысл взять туриста в самом склепе, тогда скорее развяжет язык.

Сильное попутное течение быстро доставило просмоленное суденышко на Торговую сторону. Но случилось нечто непредвиденное. Еще утром от Красного берега лед оторвал пристань — длинную баржу, которая концами прижалась к каменным быкам железнодорожного моста, и в зажатом месте реки взгромоздился плотный затор.

Полисть разом вышла из берегов. Гостиный двор, площадь Революции залило водой. По улицам заскрежетали льдины. Волны бились о стены домов и сносили заборы. На высоких крылечках сидели крысы, кошки, собаки. А вода прибывала каждую минуту.

Неделю назад Калугин предупредил председателя исполкома о возможном наводнении, но в своем отечестве нет пророков — бедствие захватило Руссу врасплох. По-

всюду срочно возводили настилы, сколачивали плоты, ремонтировали лодки.

Да, неутешительная картина. Все низины города под водой. От стихии всегда неудобства, беды, жертвы. И в то же время какое богатое зрелище — венецианский пейзаж! Под окнами двойное солнце, крылечные пристани, «гондолы», а волны гуляют и плещутся меж белых арок Гостиного двора.

Воркун повернул ушкуй на Александровскую улицу. По ней пожарники на длинных линейках везли школьников. Ребята возбужденно кричали. На плывшем черном комоде жалобно мяукал серый котенок.

Иван Матвеевич подрулил к комоду. Леша спас дрожащего мокрого котенка. Школьники благодарно замахали руками.

Туча накрыла город. Заморосил дождик. Ветер гнал волны в сторону Спасо-Преображенского монастыря, который, как и все старинные храмы, был воздвигнут на высоком месте.

Центральная площадка, окруженная церквами и монастырскими корпусами, забита народом. Здесь спасались те, квартиры которых затопило. К людским голосам и детскому плачу примешивались мычание коров и лай собак. А из открытой двери собора доносилось песнопение. Духовенство тоже «откликнулось» на стихийное бедствие: день и ночь служило молебны, умиротворяя разгневанную богородицу.

Вода залила монастырский сад и подобралась почти к самому кладбищу. Между могил виднелись люди. Они осматривали надгробные памятники.

Дождь кончился. Снова выглянуло солнце. Воркун загнал лодку в кусты бузины, а Леша помог Любе выскочить на сушу.

Работа в уголовном розыске пригодилась: Иван, действуя фомкой, легко открыл старый замок часовенки. Пахнуло ржавым железом. Алеша поднял дверцу склепа и, приняв спички от начальника, спустился вниз по кирпичной лесенке. Он скрылся меж двух свинцовых гробов.

Вспыхнул огонек. Раздались шаги. Заскрипела железяка. Что-то брякнулось о цементный пол. Затем из темноты показалась довольная физиономия молодого чекиста:

— Нашел! Нашел!

— Вылезай, дружище...

Люба метелкой подмела пол склепа-часовеики, Воркуи закрыл дверн. Он рассчитал, что сейчас турнст ие прндет за кладом: светло н зеваки бродят по кладбнщу.

На всякнй случай Иваи оставил возле часовни Лешу и Любу.

Вечером Воркуи вернулся с Калугиным. Они прннеслн молодым чекнстам бутерброды и две бутылки молока. Дежурные доложилн, что инкто не подходил к солеваровской часовне.

Иван и Нниколай Нниколаевнч поднялнсь иа колокольию. Со второго яруса хорошо просматривалось кладбнще. Калугни обратил вннманне на затопленный город, который превратился в группу островов.

— Заметь, голубчнк, в десятом веке арабскнй путешественннк пнсатель Абу-Дастн землю руссов иазвал «островом».

— Наверио, ои плавал тут во время наводиения?

— Нет, друг мой, скорее, озеро Ильмень заливало, вернее, доходнло до этнх мест...

Послышались шаги. По лестнице поднимается Люба. Она промочила ногн. Леша прнказал ей переобуться. Она не хочет уходить: впереди увлекательная операция. Калугни протянул свежую газету:

— Голубушка, чулки мокрые вон, а ногн заверин в бумагу...

Разрывая газету, Люба прочнтала: «Троцкий против иэпа...»

— Как это так, члеи партнн против курса партии?

— Ои не понял суть нового курса,— сказал Иван, не зная, как проще и нагляднее объяснить новую экономическую политнку.

На помощь пршел учитель. Он спросил Добротниу:

— Любушка, ты когда-ннбудь слышала такое выражение: «спорная вода»?

— Спорная?— уднвнлась она.

— Да, друг мой. В сильное половодье Ильмень настолько переполияется водой, что возиикает противоборство: нижиее течение Полнсти, Ловатн сохраияет прежнее иаправленне — на север, к озеру, а перензбыток нльмеиской воды в е р х н и м течением устремляется в обратную сторону — на юг, к Старой Руссе...

— Любопытио!— оживилась Люба.— Вода спорит, борется...

— Но эта борьба, голубушка, незаметна для глаз. Поэтому верхогляды видят лишь одну зримую сторону течения и говорят: «Река пошла вспять».

— Поняла!— воскликнула Люба.— В нэпе та же картина! Основное глубинное течение — социалистическое, а встречное, наносное, верховое — частная торговля, магазины...

— Совершенно верно, Любушка! Троцкий увидел только верхний напор нэпа и завопил: «Революция пошла вспять! Частный капитал затопит нас!» Для него один закон: «Либо свобода частникам, либо мировой простор революции! Третье — исключается!» А Ленин указал именно третий выход, хотя и временный: противоборство кооперации с торгашами и закупка машин на нэповские червонцы, словом, о т с т у п л е н и е ради н а с т у п л е н и я...

Со стороны кладбища раздался условный свист.

Иван первым подоспел к часовне. Возле железных венков стоял турист в черной шляпе. В одной руке он держал брезентовый мешок с драгоценностями. Сумерки мешали рассмотреть его лицо, но, судя по твердой позе, похититель не чувствовал себя вором:

— Я выполнил лишь просьбу Савелия Иннокентиевича. Он попросил взять этот мешок и передать его чекистам.

— Так и сказал паралитик, лишенный речи? Нуте?

— Нет, он говорил жене: она все понимает по движениям губ.

Калугин вынул из мешка золотые изделия — потир, дискос, звездицу — и усмехнулся:

— Хозяйка магазина охотно отказалась от такого товара?

— Она не знала, что за клад. Думала, что больной бредит. Взяла у него ключи от часовни, заранее извинилась передо мной: «Если чушь, не обессудьте».

Иван шагнул к туристу:

— Зачем вы с ней ходили к Солеварову?

— Жена — проведать мужа, а я — навести справку. В Старой Руссе долгое время работала известная окулистка Кошеварова-Руднева. Это первая русская женщина — доктор медицинских наук. Можно сказать, гордость России. Она вернула зрение моему отцу. Он, умирая, наказал мне найти здесь ее могилу. А Солеваров прекрасно знает могильные памятники. К сожалению, он

плохо говорит. Я так и не понял, на каком кладбище искать. Вы случайно не знаете?

— Могила Кошеваровой-Рудневой рядом со склепом Солеваровых,— ответил Калугин и передал мешок с грузом Алеше:— Странное совпадение, эту могилу прошлым летом искал профессор Оношко.

— Ничего странного!— выкрикнул турист.— Аким Афанасьевич — сосед по этажу. Я попросил его найти, но он не нашел...

Воркун заметил, как председатель укома резко снял очки.

— Вы не в курсе, голубчик, профессор приобрел коллекцию старинного оружия?

— Как же! Все стены кабинета в древних доспехах!

— Он не говорил, в какую сумму обошлась она?

— Нет, я не спрашивал.

— А не видели, батенька, бывшего хозяина этой коллекции? Сейчас он у профессора гостит?

— Не-ет, не виде-ел,— растянул слова турист.

«Немедленно ехать в Питер»,— подумал Иван.

Совещались недолго. Пронин одобрил мысль Ивана Матвеевича:

— Рысь возьмут петроградские чекисты, а за профессором я поеду сам...

Насколько в начале прошлого лета Пронин уважал петроградского криминалиста, настолько теперь он не мог говорить о нем без гримасы:

— Не сомневаюсь, что Оношко пригрел беглеца!

— Голубчик, в доме отца гостит Нина. Она знает, кто такой Вейц, и, конечно, догадалась бы, что сделать. Однако она молчит. Видимо, регент переменил адрес.

— Все равно пошлю депешу и поеду сам.— Уполномоченный кивнул на дверь:— Туриста призадержите. Иван, что молчишь?

Воркун пытался все детали, связанные с туристом, соединить воедино. Он размышлял вслух:

— В буфете Шимска он поперхнулся на солеваровской фамилии. Наверно, ехал к Солеварову по поручению Вейца. Отправиться в Руссу ради поклона могильному памятнику — вызывает улыбку. Пойти в разлив на Соборную сторону — нужна причина поважнее справочки. Засыпаться с поличным и суметь выдать себя за друга чекистов — это вейцевская школа. Не он ли второй помощник Рыси?

— Одио ясио, голубчик, турист выполиял задаиие Вейца...

— А профессор Оиошко в благодариость за коллекцию спрятал Вейца,— подхватил Прокин и отодвииул стул.— Время ие ждет! Иваи, займись туристом. Если нужио, потревожь Солеварову. А ты, Николай, подпиши акт передачи золота Помголу... Если что, звякиу из Питера!..

Иваи вопросительио взгляиул иа учителя:

— Николай Николаевич, профессор иужеи для очиой ставки?

— Не только для очиой, голубчик,— улыбиулся Калугии.

«ИНСТИНКТ ПРОРОЧЕСКИ-СЛЕПОЙ»

Нииа приехала домой за литературой. Квартиру не узиать: все стеиы прихожей, столовой, кабииеты обвешаиы старииным оружием. Киигн, тетради перекочевали иа аитресоли. Забравшись туда, чихая от пыли, оиа вслух прочла стихотвореиие Тютчева:

Иным достался от природы
Инстннкт пророчески-слепой —
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...

Отец, видимо, был чем-то расстроеи, придрался к словам поэта:

— «Инстиикт пророчески-слепой»! Дурацкий эпитет! Одио из двух: либо инстиикт слепой, и тогда ои ие пророческий; либо инстиикт пророческий, и тогда ои ие слепой...

— С точки зреиия детской логики, папа!

— С любой точки зреиия, коллега, «пророчески-слепой»— абсурд!— Профессор вскииул глаза иа аитресоли:— Слезай! Там паутиив, пыль, сажа!

— Вот отберу библиотечку и сойду!— Дочь почувствовала, что отец не хочет, чтобы оиа рылась на аитресолях, и подумала: «Не окажется ли слепой инстиикт пророческим?»

Оиа с пачкой кииг сошла по лестиице и с притворной усталостью вздохиула:

— На сегодия хватит.

Нииа вымылась в ваиной и заметила, что на стекляи-

ной полке отцовские вещи лежат не в том порядке, которого он всегда придерживался:

— Папа, кто у нас гостил?

— Почему ты решила?

— Твой бритвенный прибор на самом краю полки.

— Дочь пошла в отца! Похвально, коллега! Но в данном случае твоя наблюдательность излишне растревожила твою фантазию: я сам положил на край, потому что увидел в зеркале покрасневший нос...

— Пить начал?

— В том-то и дело, что по-прежнему не пью, а нос пухнет и краснеет, как у пропойцы или у турка!

— А вдруг у тебя прадед из Турции?

— Не болтай, дочурка, лучше сходи на базар...

— Спасибо, папочка!— Нина указала на стенной календарь:— У дочки весенние каникулы. Приехала отдохнуть. И в первый же день любимый папаша гонит ее на шумный рынок. Не ты ли писал мне: «Приезжай...»?

— Сдаюсь!— Он потянулся за трубкой.— А ты подмети квартиру!

— С удовольствием, только не этим драным голиком. Разорись, пожалуйста, на метелку!

— Говорят, блондинки мягкие, а брюнетки жесткие, волевые. Почему же у тебя светлые волосы не соответствуют характеру?

— Но ведь и у тебя, папуля, красный нос, к счастью, не соответствует твоей трезвой натуре!

— О, прощай мое тихое одиночество!

— Нашел невесту?

— Нет, дочка приехала на каникулы! — Он надел серую шляпу и отсалютовал дымящей трубкой: — Хвала Старорусскому курорту! Теперь не жалуюсь на ноги! Постараюсь быстро-быстренько, как говорит Сеня Селезнев. Адью!

Отец вышел на лестницу.

Закрыв парадную дверь на цепочку, Нина вновь поднялась на антресоли. В углу лежала пачка журналов по криминалистике. Дочь обратила внимание на то, что старые журналы были перехвачены новенькой веревкой... Развязала. Журналы рассыпались.

Ого! Корки журнала, а в них — темная тетрадь с белой лошадью на обложке...

— Дневник Лени!— воскликнула Нина и вспомнила, как упорно искали эту тетрадь старорусские чекисты. Но почему отец спрятал?

Ответ, пожалуй, в самом роговском дневнике. Она внимательно прочитает. Однако у отца глаз криминалиста. Он обязательно поднимется сюда и проверит, что и как.

Вмятины по краям журналов помогли вернуть веревку на прежнее место. Пачку поставила в угол, где и раньше стояла. И запылила следы своих пальцев.

Но где читать? Закрыться в своей комнате — вызвать подозрение. Лучше всего в поезде. А пока что тетрадь вон из дома. Но куда? Сосед — приятель отца. Дворник даже письма вскрывает. Камера хранения!

Она положила в дорожный чемодан книги, дневник, быстро накинула пальто, выбежала на улицу, села в трамвай, идущий на Московский вокзал, и сдала чемодан на хранение.

Объясняться не пришлось: отец вернулся позже дочки...

Она прогостила пять дней и оставила записку:

«Отец!

Пойми меня. В школе столько неотложных дел, что где там отдыхать?! Лучше ты приезжай на пасху. Поможешь мне. И привезешь остальные книги. Они у меня в комнате на столе.

Жду тебя. *Нина*».

Но, прочитав в поезде дневник, Нина высадилась не на полустанке Взгляды, а на станции Старая Русса.

Городской трамвай курсировал только до Живого моста. Нина, с двумя тяжелыми чемоданами, вышла на Красный берег и не без любопытства и ужаса повела глазами по разлившейся реке.

Вместе со льдом плыли бочки, сани, крыши домов и бревна. Еще на вокзале ей сообщили о старорусском наводнении, но то, что она увидела сейчас, ее потрясло...

На одинокой льдине чернеет собака. Жучка на цепи, а цепь прибита к будке, которая плывет рядом с льдиной. Но деревянная будка легче льдины — плывет по ветру быстрее и тянет за собой собаку. Жучка приседает, упирается, а лапы ее скользят, скользят...

— Ошейник!— закричала Нина.— Ошейник!

Не лопнул ремень на шее...

Грустная, усталая, Нина прошла по дрожащему мосту и пересела на бревенчатый плот. Она, поеживаясь от ветра, удивленно посматривала на затопленные улицы и новые вывески частных магазинов.

Вот застекленная крыша «Фотографии» Быкова. Пройдет двадцать лет, и хозяин «ателье», бывший нэпман, станет при фашистах бургомистром Старой Руссы. Но разве могла Нина угадать судьбу дельца с усиками Вильгельма!

На землю она сошла возле государственной лавки с водочными бутылками на витрине. Нину пьяными глазищами поедает субъект в офицерской шинели, из кармана которой торчит «белоголовка».[1]

«Неужели все к старому?»— задумалась сельская учительница и представила свою школу без дров, учебников, пособий.

Вот и дом Селивестрова: вместо чека теперь ГПУ. Нина заколебалась, что будет с отцом? Она сама в школе прививает любовь к родителям, а сейчас...

«Нет, сначала повидаю Калугина». И она повернула назад.

Николай Николаевич встретил ее как родную дочь. Он напоил ее горячим чаем, внимательно выслушал и вместо ответа рассказал о своем конфликте с матерью...

Теперь Нина не станет колебаться — передаст дневник...

Вечером за круглым столом не хватило стульев — коммунары принесли кухонные табуретки. Нина оказалась в центре внимания: ее расспрашивали про деревню, про Питер, но никто не торопил гостью с дневником Рогова. Видимо, Николай Николаевич предоставил ей самой принять окончательное решение.

В свою очередь Нина поздравила Тамару, Груню и Любу с замужеством. С особым вниманием она поглядывала на тихую, седенькую старушку, мать Калугина. Сельская учительница заметила, что старушка, волнуясь, закрутила кончик темного платка, лежавшего на ее худеньких плечах, когда речь зашла о героическом поведении Ланской и Орловой на собрании верующих.

Но вот свидетели вспомнили кровавую сцену избиения в Воскресенском соборе, перед образом богоматери, и жуткую расправу на мосту. Мать Калугина склонила голову и стянула платок на колени.

---

[1] В те годы горлышко водочной бутылки заливали белым сургучом.

— Вы не представляете, как я ждала ребенка,— с дрожью в голосе сказала Ланская.— Теперь я не могу носить крест: он напоминает мне...

Старушка так вздохнула, что все с опаской посмотрели на нее. Карп снял со стены гитару и весело объявил:

— Народная песня! Посвящается сельской учительнице!

Из рассказа Калугина Нина знала, что мать его когда-то преподавала в деревне, и мысленно поблагодарила Рогова. А главное, она поняла, что Николай Николаевич никому не сказал о дневнике. Все собрались ради нее, а не злополучной тетради.

После третьей песни старушка глазами показала на чердачную лестницу. Сын помог матери подняться на «голубятню».

Николай Николаевич пошел против матери. Поначалу она прокляла сына. Теперь рядом с ним. Нина тоже пойдет против отца. Он намного моложе старушки — быстрее поймет свою неправоту и падение. А близость Тамары и Груни подогревала в ней решимость.

Нина прошла в переднюю, открыла чемодан и вернулась к столу, держа в руке темную тетрадь с белой лошадью на обложке...

Первым увидел дневник брата Карп. Его гитара заглохла.

— Нина, откуда?— сорвался он с места.

Воркун дернул себя за ус. Алеша уронил вилку. Груня шепнула Тамаре:

— Записки Рогова...

Ланская покраснела: а вдруг Леонид в этих записках смеется над ней?

В это время из «голубятни» вернулся Калугин, его спокойный вид придал нужный настрой для чтения дневника. Все разместились за круглым столом: Ланская рядом с Воркуном, Груня с Алешей, Нина придвинулась к младшему Рогову, а Калугин занял стул поблизости от Добротиной.

Нина передала дневник учителю. Калугин медлил. Почерк у Леонида четкий, ясный, но как читать: все подряд или только концовку?..

— Тетрадь увесистая, друзья мои...

Все высказались за то, чтобы читать подряд — от корочки до корочки. Только Тамара промолчала.

Карп сннзнл абажур, свет ярче ударнл по белой скатертн. Нnколай Нnколаевнч укрепнл очкн н открыл темную обложку с белой лошадью...

ДНЕВНИК РОГОВА

1 августа 1918 года

Москва. Большая Лубянка, 11. Мы во всем подражаем железному Фелнксу. Его школа жнзнн мне сроднн: я тоже, пусть не так долго, был подпольщнком, чнтал книгн в тюрьме, промышлял охотой в ссылке, совершнл побег н даже, как он, обучался портняжному делу в Бутырках, где н познакомнлся с Фелнксом.

Дзержннский говорнт: «Быть светлым лучом для другнх, самому нзлучать свет — вот высшее счастье для человека». Воспитывает нас в духе бойцов революцнн — не жалеть себя раднн победы коммуннзма. Все это по душе, одного не пойму: красная столнца н церковный звон?! Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстрелять, церквн под клуб — н крышка релнгнн!

10 августа

Работаем день н ночь. Тетрадь заполняю урывкамн. Сегодня елн суп нз селедочных голов н мечталн о будущем. Покончнм с контрой — постронм коммуну. Склад товаров для всех однн: берн что хочешь, только работай на совесть. Через год-два в нашей стране — нн одного спекулянта, саботажннка, служнтеля культа. Общество — одна семья трудовая.

Конец августа мрачен.

В Пнтере убнт Урнцкнй. В Москве эсерка Каплан тяжело ранила Леннна. Чекисты прохлопалн! Фелнкс ночамн не спнт. Мы тоже на ногах. Совесть грызет. Эсерам не поздоровнтся...

6 сентября

Меня гнпнотнзнрует плакат: «Всё для фронта!» Карп — доброволец. Я проснл — не отпустнлн. Чем ус-

пешиее жмут белые, тем злее враги в тылу — от бандитов до попов. И передышки не жди! Феликс сказал: «Счастье — это не жизнь без забот и печалей, счастье — это состояние души».

Декабрь

Дзержинский на фронте выясняет причину колчаковского прорыва. Сегодня один попик взывал с амвона: «Супротивничать красным антихристам». На допросе божий агитатор признался, что проповедь сочинил его чадо — меньшевик.

Видел на улице чистокровную арабскую: ростом невелика, но вся в пропорции — изящна, легка и суховата, как балерина!

Март 1919 года

Конгресс Коминтерна. Нет времени следить за газетами. В соседнем клубе суд-инсценировка над убийцами Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Настроение неважное: ни одна революция на Западе не завершилась победой пролетариата. Нас зажимают в кольцо...

Карп отличился в бою, награжден наганом. Отец борется с кулаками. А я что? Специализируюсь на длинноволосиках. Феликс недоволен мною: «Перегибаешь!» А что миндальничать?! Рясники голосят за упокой...

Против нас державы. Подняли плакат: «Все на борьбу с Деникиным!» Я снова на комиссию, и снова не взяли: порок сердца.

Октябрь

Сразу две вести: разгром белых под Орлом и гибель родителей от кулацкой мести. Феликс все время присматривается ко мне. Я задержал попов, он отпустил...

Весна 1920

Опять лезут враги: Врангель угрожает Донбассу, поляки жгут Украину. А турки — молодцы, дружат с нами. Вчера охранял Чичерина и гостей из Турции.

Патриарх Тихон — неприкрытая контра. Большевиков предал анафеме. А Феликс против его ареста. Я выложил ему все, что наболело. Либо религия — опиум, и тогда всех попов к стенке; либо она полезна, и тогда нечего бороться. Я волновался, точно не запомнил его ответ, а смысл таков: расстрелять попа и дурак сможет, вот сумей противника превратить в помощника, ибо лучший атеист — разочаровавшийся священник. У тебя, Рогов, слишком прямолинейное мышление, нет гибкости, с такой головой легко заблудиться...

Победоносный октябрь!

Основные силы интервентов разбиты. Я в госпитале: сдает сердце. Меня навестил друг нашего дома профессор Оношко. Он защищал моего отца на процессе. Теперь преподает криминалистику. У него четкое мышление. Подарил мне учебник логики. Охотно изучаю.

1 декабря

Получил назначение в Новгород. Работаю секретарем губчека. В городе более семидесяти церквей. Духовенство — основной враг. В январе восемнадцатого года мятежники засели в Антониевском монастыре. Спасал окруженных сам новгородский митрополит. И теперь горой за контрреволюцию! Церковники задают тон всей России. Если петроградский владыка получает в год 210 тысяч, а московский 280, то здешний 310!

15 декабря

Здесь Оношко. Читал лекцию чекистам. Ночевал у меня. Беседовали долго. Его формула либо наука, либо религия, третье исключается — понятна и убедительна. Он подо все подводит базу логическую. Мне бы так!

18 декабря

Проводил Оношко. Он собирается в Руссу на грязи. Карп демобилизовался. Работает в трибунале. Пишет о красивой соседке, певице.

20 декабря

По совету Оношко прочитал «Гамлета». Аким Афанасьевич прав: знаменитое «Быть или не быть?» — это шекспировская трактовка логического закона исключенного третьего: либо быть, либо не быть, другого выбора нет. Я тоже во всем склонен выбирать одну четкую линию.

31 декабря

Я в Руссе. Новый год встретил дома. Воркун играл на гармони, Карп на гитаре. Сеня плясал. Ланская пела. Она в самом деле красивая. И голос чудный! Но вот дикость — богомолка! Брат не спускает с нее глаз.

Двадцать первый год

Мир. Только Приморье еще в огне войны. Перевод в Руссу.

3 января

Я — уполномоченный губчека. На работе порядок. Но дома назревает конфликт. Карп пристает к соседке. Она ищет во мне защиту. Откровенно говоря, я полюбил ее с первого взгляда. Очень полюбил! Но у нее крест на груди. Попробую воздействовать на нее шуткой, насмешкой...

8 января

Ездил в Питер. Навестил Оношко. У него дочь кончает университет. Изложил им свой план: попов в Сибирь, иконы в костер, а храмы под клуб. Отец одобрил, дочь промолчала.

Конец января

Дискуссия о задачах профсоюзов. Карп с Троцким за военизацию. Ленин за школу коммунизма. Читаю мало: заедает работа. «Богоспасаемая Русса»— старый купеческий городок. Спекуляция неслыханная! В Питер — хлеб, мясо; в Руссу — мануфактуру, мыло, сахарин и железо.

Карп приоделся, похорошел и совсем одурел — готов обвенчаться с Ланской. Мой брат и церковный брак! Это же предательство! Я же даю ей выбор: либо храм, либо я. Если любит — на все пойдет!

1 февраля

Дискуссионный клуб. Слушал антирелигиозную лекцию председателя укома. Пригласил его на воскресный обед и пожалел: он против немедленного закрытия церквей и высылки попов. Его план — утопия! Сколько лет уйдет на просвещение верующих?!

15 февраля

События в Кронштадте. Мятеж генерала Козловского. Враги идут на все с молитвой на устах. Старорусская контра тоже ставит свечки чудотворной. Расстрелять бы ее, христову шлюху!

Подружился с Иваном. Бывший пастух любит животных. Мы с ним восстановим городской ипподром.

Беда с Карпом! Пьет. Задирается. Пристает к Тамаре. Стычка неизбежна.

Говорил с регентом. Он дал слово, что бросит церковный хор. Неужели солистка не сделает вывода?

Март

Десятый съезд партии. Новая экономическая политика: допускаются частная торговля и частные мелкие предприятия. Карп кричит: «Революцию рубят под самый корень!» Калугин говорит о временном маневре в области экономики. Хорошего, конечно, мало: я нажимал на

местных купцов, а теперь изволь охранять их карман. Дзержинский тоже с Лениным...

8 мая

Открытие горсовета (двадцать два члена РКП, трудовики, беспартийный). Продразверстка заменена продналогом. Еще не объявлена официально свободная торговля, а на базаре уйма продуктов. И не тронешь: «Я сдал продналог. Отвались!»

У Карпа другая крайность. «Надоела мне, говорит, голодуха да нехватка. Хочу пожить всласть». Молод еще!

10 мая

Война мало разорила старорусскую землю, каждый сотый горожанин — торгаш. Долгополов опять открывает магазин. Федосеев берет в аренду мастерскую фанерных изделий. Запестрели вывески частников. Карп спрашивает: «За что же боролись, за что проливали кровь — шли на жертвы?» Он за оппозицию! Его настроение тревожит меня. Надо напомнить ему нашего отца-подпольщика, нашу первую маевку, наше знакомство с Горьким в 1905 году.

12 мая

Пригласил Карпа в парк. Лучшие воспоминания связаны с курортом, где побывали Добролюбов, Менделеев, Достоевский, Кустодиев. Наше знакомство с писателями началось с поэта Фофанова. Чахоточный, с трясущимися руками, он читал нам свои стихи, полные горечи, уныния. Но однажды Константин Михайлович гневно продекламировал:

О Старорусский наш курорт —
Курорт поистине злодейский,
Больным здесь ставит ножку черт,
Здоровым ножку — полицейский!

Мы с Карпом заинтересовались: кому конкретно ставят ножку? Фофанов подвел нас к высокому усатому курортнику в черной широкополой шляпе и сказал: «Алексей

Макснмовнч, эти юиошн по вашу душу». После беседы с Горькнм мы сталн еще больше помогать отцу. Распространялн листовки. Охранялн маевку. И кажется, оба прошли однн путь. Откуда же у младшего тухленькнй душок? Мечтает о сытой жнзнн нэпмана. Узнал бы об этом отец — в гробу перевернулся бы!

Моя попытка образумнть брата коичнлась тем, что я первый раз ие смог выйти на службу. Врач категорнчески запретил верховую езду н рекомендовал «нзбегать снльных волнеиий». Тамара достала мие редкое лекарство. Что это, долг медсестры нлн нечто другое? Мне кажется, она тянется ко мне, ио между иами крест и Карп. Брат затаился, как тигр перед прыжком.

15 мая

Встретил регеита. Ои мечтает руководить хором в Народиом клубе. У иего богатая библнотека. Я попросил кингу о лошадях — обещал заиести.

17 мая

Воскресеиье, а иастроеиие совсем ие воскресное. В моиастыре епископ Дмитрий провозгласил здравицу в честь свободиой торговли. Еще бы! В Гостнном дворе открывается магазии церковиой утвари. Нэп — животвориая вода для церковииков. Свечки ставят за новую полнтику. Вся сволочь недобитая повалила к чудотвориой. Не допущу!

18 мая

Лаиская умоляет ие трогать «святыию». Еще иелепость! Вызвал Солеварова. Взял старосту за горло: либо икоиу сюда, либо сам к стеике!

21 мая

Духовеиство состряпало жалобу на меия. Председатель укома — ярый атеист, а выступил протнв нзъятия нконы. Говорит: «Не спешн!» Его ход мысли напомииает

Дзержинского: убеждать, перевоспитывать, просвещать. Нет, слишком долгая история! Нам быстрей нужен коммунизм, а коммунизм и религия несовместимы! Изъять икону!

25 мая

Объявился Ерш Анархист. Хочет быть художником, просил посодействовать. Наведу справку о нем,— тут спешить нельзя. Одно приятно в нем — безбожник!

27 мая

Церковники распустили слух, что чудотворная покарает меня, если я заберу икону. Запахло травлей.

29 мая

На курорте Оношко с дочкой. Первые слова профессора: «Сажали коммуну, а выросла богадельня!» Попы готовят вынос иконы Старорусской богоматери в Леохново. Я против церковного хода. Со мной Карп, Оношко, Вейц и председатель исполкома.

1 июня

За круглым столом дискуссионный клуб. Карп против частных магазинов и концессий. Калугин говорит: «Отступая, мы наступаем!»—«Это игра слов!— возражает Оношко.— Капитализм, как змея, лишь голову пусти — хвост пролезет!» Воркун осуждает коммунистов Алексеева, Рассаукина, Павловского: вышли из партии. Брат тоже грозится бросить партбилет на стол укома, но не бросит: я уж знаю. Приближается чистка партии.

3 июня

Тамара любит меня, но креста не снимает. Чем пронять ее? В парке встретил Нину Оношко, нарочно прошелся с ней: может быть, ревность поможет?

4 июня

Началась травля: телефонный звонок от имени Старорусской владычицы. Подметная записка: «Не трожь богоматерь, иначе она покарает тебя!» А сегодня в окно кабинета подбросили фанерную икону с дикими глазами владычицы.

Вечером опять с Ниной. Она во всем белом. Тамара видела нас, но не сдается. Что еще придумать?

5 июня

Спорил с Калугиным чуть не до рукопашной. Говорит: «Прямолинейная логика мышления определяет и прямолинейную логику действия». Всячески внушает, что я в плену элементарной логики, что она загонит меня в тупик. Неужели формальная логика — мертвец? И неужели этот мертвец, как выражается Калугин, схватит меня, живого?

Оношко смеется над Калугиным. Пронин тоже уважает профессора. Наверно, Николай Николаевич просто обиделся на меня, что я не посещаю его философский кружок.

6 июня

Вернулся из Питера Селезнев. Еще не легче! У меня под носом орудует Рысь, агент Тихона. Указали другие. Позор!

Сеня привез мне направление в санаторий. Да, подлечиться надо и с мыслями собраться тоже. В голове, как у Гамлета: быть или не быть? В самом деле, что выбрать? Остаться самим собой — икону отобрать, попов разогнать и у Тамары содрать крест с груди или не быть самим собой — отступить? Посоветуюсь с Оношко.

Его дочь неравнодушна ко мне. Я честно признался, что люблю Ланскую, что сделал той предложение и жду ответа.

7 июня

Зашел во флигель за ответом. Там буянил Карп. Пришлось его выставить за дверь. Обстановка не для объяснения.

На дворе стоял оседланный Орлик. Я поручил Алеше подготовить стол к воскресному обеду, а сам помчался на ипподром. От быстрой езды заколотилось сердце. Вернулся домой шагом. На дворе ездовой указал на флигель: «Женщина кричит!» Вхожу. Опять Карп. Взъерошенный. У Тамары порвана блузка. Мне стало еще хуже.

Прошел в парк. Сторож передал мне браунинг, якобы найденный на аллее. Вызвал из гостиницы Оношко, пригласил его на обед. Он сказал: «Коллега, я сейчас проверю два факта и позвоню тебе».

С трудом поднялся на чердак. И только сел за стол — звонок. В трубке голос Оношко. Он не пощадил меня: «Крепись, коллега, Карп вышел из партии, а Тамара Александровна едет со мной в Петроград н а в с е г д а!»

Чтобы успокоиться, опять открыл дневник. В это время перед моим столом возле дивана стала подниматься глазастая икона...»

Запись оборвалась. Калугин, снимая очки, обвел взглядом удивленных слушателей: «Как подниматься?»

МЫСЛИТЬ НАДО ПО-НОВОМУ

Рано утром, как всегда, Калугин вышел на прогулку. Наводнение сократило его обычный путь. Он обошел «остров» кругом и возле дома обратил внимание на мальчика. Тот пытался на бегу поднять с земли бумажного змея.

Николай Николаевич помог ему и неожиданно нашел ответ на загадку: почему «сама» поднялась икона с пола?

Воркун еще не ушел на службу. Они вдвоем быстро проверили калугинскую догадку. Положили фанерную икону на коврик возле дивана. Сложили длинную суровую нитку вдвойне. Петлю накинули на край иконы, двойную нить просунули через фарфоровую трубку для электрического провода, заделанную в стену, а конец нити вывели в чердачное окошечко и бросили клубок в сад.

Николай Николаевич сел за роговский стол. Тем временем Воркун прошел в сад, поднял клубок и осторожно начал тянуть суровую нить.

Действительно, сначала послышался легкий шорох, а следом за ним лежащая фанера стала одним концом подниматься, открывая образ свирепой богоматери.

Калугин мысленно представил удивленное лицо Рогова...

Зазвенел телефонный аппарат. Пронин вернулся из Питера с профессором Оношко.

— Где соберемся?— спросил уполномоченный.

— У нас в коммуне. И сейчас же, голубчик, пока все в сборе!

Повесив трубку, Николай Николаевич взглянул на икону. Она лежала образом кверху, а от суровой нитки и след простыл. Ее вытянул Иван Матвеевич в сад. И тянул за один конец...

Но кто же принес икону?

Калугин послал Добротину за Алексеем Смысловым, но тот сам явился. Не раздеваясь, он вбежал в столовую:

— Николай Николаевич, я вспомнил!— Он перевел дух.— Накануне убийства Рогова мы с Елизаветой Ивановной прибирали библиотеку. Вейц взял продолговатый альбом с жокеем на обложке и сказал жене: «Я отнесу обещанную книгу, постараюсь не задержаться».

— В каком это было часу, голубчик?

— В обед, когда здесь ни души.

— На чердаке альбом не обнаружен. Значит, друзья мои, Вейц прихватил его на тот случай, если нарвется на Леонида или Карпа. Трюк с иконой — типичен для Рыси: все так просто и в то же время не разгадаешь.— Калугин обратился к Алеше:— И когда он вернулся домой, голубчик?

— Без меня, а я помогал хозяйке около часа.

— Значит, друзья мои, завершающий удар подготовил сам Рысь. Ерш написал образ страшной богоматери, а Вейц обратную сторону фанеры расписал под ковер и положил на него. Нить протянул тоже сам. Видимо, и сам же «запустил змея». Это он мог сделать из собственного сада: у соседей общая изгородь. Но кто-то должен быть дать сигнал: «Рогов на чердаке!»

— Здесь перед балконом маячил Солеваров,— вспомнил Воркун.

— Это было дождливое воскресенье, но икона лежала с субботы. Почему, друзья мои, Пальма и не взяла следа.

— А если б Рогов задел ногой фанеру?— спросила Люба.

— Конечно, не тот эффект, голубушка. Однако Леонид отметил в дневнике «тра́влю». Вторая икона еще больше

обозлнла бы его. А главное, Рысь добнвался своего — чекиста иатравливал иа церковииков, толкал его иа адмнннстративные меры, а тем самым восстаиавливал верующих.— Калугии метнул взгляд на окно:— Нашн идут!..

По тому, как профессор важио закурнл трубку, Калугнн понял, что тот не обнаружнл пропажу дневннка Рогова. Аким Афаиасьевич бесстрашио выдержал взгляд Воркуна и бодро кнвнул дочке: «Не волнуйся-де за меня — крнмнналнста и короля логики!»

— Граждаини Оношко,— иачал офнцнально Иван Матвеевнч,— вы обвнияетесь...

— Что?!— качнулся толстяк.— Я обвиняюсь?!

— Да, батенька, вы обвнняетесь в убнйстве без убнйства...

— Это еще что за галнматья?!— Он захохотал.

Калугии терпелнво выдержал смех профессора н строго повторил:

— Вы, не убнвая, убилн Рогова.

— Рогова?!— Толстяк отмахнулся дымящей трубкой.— У меия нет снл смеяться! Мы с ним давнне н верные друзья!

— Совершенио верно, голубчик!— В слово «голубчнк» Нниколай Николаевнч вложнл особый, ледеиящнй душу оттенок.— Все иачалось с вашего влияиия иа друга, который был зиачительио моложе вас, профессор. Имеиио вы, учеиый-криминалист, подогрели, ускорили в нем левацкий загиб — хватать церковииков, изымать икоиы...

— Позвольте, коллега!— выпятнл он грудь.— Я и сейчас утверждаю: борьба с релнгней протекает строго по закону нсключенного третьего: ЛИБО вера, ЛИБО социалнзм, ДРУГОГО выхода нет!

— Другнмн словами, батенька, раз религня камень на дороге — быстрей вооружайся ломом?! Учтите, профессор, сломаешь церковь, ио не веру в бога!

— Вера в бога н наука несовместнмы!

— И все же, господнн учеиый, даже прн социалнзме храмы будут открыты для верующих.

— Ха-ха-ха!— затрясся толстяк, дымя трубкой.— И это говорнт председатель укома, атенст, краевед?!

— Так говорят все нстнннные марксисты, батенька!— поправнл Калугнн.— Вот вы, профессор, ссылались иа закон мышлення. Ваша старая логика прнзнает лишь одну

формулу: БЫТЬ или НЕ БЫТЬ РЕЛИГИИ. А новая логика дает новую формулу: религии БЫТЬ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ НЕ БЫТЬ! Быть религии в том смысле, что вера в бога будет очень долго сопровождать строителей нового общества, и в то же время религии не быть, поскольку она неизбежно отмирает и совсем отомрет...

— Позвольте, коллега,— вставил Оношко.— Кивок на грядущее не довод! Время покажет, кто прав. А сейчас бытуют разные аспекты, разные догадки о судьбе религии. И нет ничего криминального в том, что моя точка зрения не совпадает с вашей, коллега!

— Конечно, криминал не в разных точках зрения, а в том, что ваша мертвая теория хватает живых людей. Вы отлично знали, что Карп и Тамара — самые близкие, любимые для Рогова. И вы отняли их!..

— Я?!— привстал Оношко.— Где факты, доводы?!

— Извольте, батенька!— Николай Николаевич перевел взгляд на младшего Рогова:— Карп Силыч, под влиянием каких ФАКТОВ и СООБРАЖЕНИЙ ты прислал мне свой партбилет?

— Я уж говорил,— Карп решительно поднялся за столом.— НЭП сбил с толку!

— А почему, друг мой, Пронина, Воркуна, Селезнева не сбил? Какую роль сыграл здесь друг вашего дома? Нуте? Какова его точка зрения?

— Я сам скажу!— Толстяк выставил живот.— Коллеги, я убежден, нэп окрылит не только торговцев, кулаков, спекулянтов, но и бюрократов, саботажников и фракционеров. Развяжет руки карьеристам, взяточникам, стяжателям. Приумножит воров, бандитов, развратников! Создаст фронт голодных, безработных, беспризорников. Откроет двери концессиям, валюте, буржуазной культуре. Оживит мракобесов и монархистов! Следовательно, нэп — самоубийство революции!

— И этот тезис о *самоубийстве* вы подкрепили излюбленной формулой: ЛИБО наступать, ЛИБО отступать, ДРУГОГО варианта нет. Нуте?

— Да, одно из двух: либо — либо!

— Но есть, повторяю, более гибкая формула!

— Чья формула?

— Ленинская! — ответил Калугин и пояснил: — Владимир Ильич нашел *третий* вариант. Частной лавочке быть и в то же время не быть долго: ее вытеснит кооперация и государственный магазин. Мы, большевики, отступаем для наступления! У нас впереди победа! А вы,

профессор, со своей школьной логикой и сами зашли в тупик, и Карпа подтолкнули на измену партии.

— Позвольте?!— оторопел толстяк.— Что значит «подтолкнул»?!

— А вот что!— вскипел Карп, сверкая карими глазами.— Ты говорил, да недоговорил. Прошлым летом ты особенно ко мне присосался.— Он сделал жест в сторону Нины:— Дочь твоя свидетель! Ты мне и про нэп, и про голод, и про своего коллегу, который ради любимой бросил партбилет.

Нина презрительно взглянула на отца.

— Ты подкинул мне все секреты, как завоевать Ланскую, но не сказал главного...— Карп сделал паузу,— что ты сам хотел жениться на ней! И когда твоя дочь раскрыла мне глаза — я пришел к тебе в номер убить тебя! Но ты ловко растянулся на полу и спас себя. Но сейчас не выкрутишься. Ты знал, что брат болен, ибо сам же просил меня пощадить его сердце — не говорить ему о порванном партбилете. А сам что сделал, друг нашего дома?! Отвечай!

— Ты уже ответил, коллега,— улыбнулся Оношко.— Я просил тебя не говорить брату...

— Я-то не сказал, а вот ты, убийца, сказал ему, да еще в какую минуту!

— Позволь, коллега!— опять вскочил толстяк с трубкой в руке.— Прошу не оскорблять меня! Я не говорил твоему брату!..

— Нет, говорил, голубчик!— осадил Калугин, вынимая руки из карманов толстовки.— Мы знаем, с кем имеем дело, и за документами дело не станет, батенька.

— Не трудитесь, коллега, моя совесть чиста!

— Поначалу, профессор, мы тоже так полагали.— Калугин обратился к слепой:— Тамара Александровна, голубушка, припомните, пожалуйста, прошлым летом, накануне убийства Рогова, вам сделал предложение профессор Оношко?

— Да, вторично.

— И что вы ответили?

— То же самое, что и в первый раз: нет.

— А вот Аким Афанасьевич заявил больному Рогову, что вы едете с ним, профессором, в Питер н а в с е г д а...

— Позвольте!— возмутился толстяк.— Где сказал, когда?!

— Да, ученый-криминалист, насчет «где» и «когда» вы уж продумали профессионально...

— Кончайте комедию! Где аргументы, где вещественные доказательства?— Он чуточку повысил голос:— Я спрашиваю вас: где?!

— Извольте, голубчик.— Калугин из-под газеты вытащил темную тетрадь с белой лошадью на обложке:— Узнаете, батенька?

Отец растерянно взглянул на дочь и тяжело сел на стул, не зная, куда спрятать позеленевшее лицо. Тем временем Калугин прочитал выдержку из роговского дневника:

— «Крепись, коллега, Карп вышел из партии, а Тамара Александровна едет со мной в Петроград и а в с е г д а...»

— Сволочь!— не вытерпел Пронин.— Два удара в больное сердце!

Все с презрением уставились на Оношко. Иван хмуро поднял палец на толстяка:

— Еще болтал о чистой совести!

— Но это не все, друзья мои.— Калугин глазами показал на лестницу, ведущую на чердак:— Вспомните, как ученый-криминалист потешался над провинциальными сыщиками. И осмотр места не так. И протокол не так! И преступления нет! Обычный разрыв сердца. А на деле, как показала жизнь, профессор запутывал следствие...

Оношко встрепенулся, но смолчал. Калугин продолжал, все еще держа в руке тетрадь:

— И за эту путаницу криминалист получил солидное вознаграждение — старинную коллекцию оружия...

— Я купил!— крикнул Оношко.

— Нет, профессор, ты не купил ее, а сам продался Вейцу! Ты информировал его о делах чекистов!..

— Ложь! Требую очную ставку!

— Очную?— вмешался Пронин.— А ты уверен, что хозяин коллекции, он же регент и Рысь, не перешел финскую границу?

— Первый раз слышу! Клянусь, коллега!

— Я тебе не коллега: я не прятал на квартире агента патриарха, как ты!

— Я?!— побелел толстяк.— Я никого не прятал!

— Прятал!— подала голос Нина.— Вспомни прибор на краю полки!

— И послушай показание твоего соседа по дому.— Воркун вытащил из ящика стола протокол допроса и, вынимая закладку, развернул материал.

— «Оиошко пригласил меия к себе,— иачал читать Иваи.— В кабииете иикого ие было. Сосед предупредил: «Сейчас выключу свет, поговорим втроем». В темиоте я услышал третий голос: солидиый, хорошо поставлеииый. Незиакомец предложил мие сделку...»

Опустив папку, Воркуи взглядом как бы прижал Оношко:

— Продолжать? Ну?

— Я ие поиимаю, что здесь происходит?

— Пока суд чести, батеиька, а потом — трибуиал!

Толстяк заскрипел стулом, у иего в руке задрожала трубка.

— Я же... специалист... могу вам пригодиться, коллеги...

— Можешь, если укажешь заграиичный адрес Рыси,— Проиии протянул белый лист.— И пароль...

Оиошко прииял бумагу.

Калугии отошел к окиу. По двору пробежал Селезиев. Видимо, Пронии вызвал Сеию из деревии.

Люба кииулась открывать дверь. В прихожей звеиели молодые, счастливые голоса...

ТАЙНА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РУССКАЯ ДОРОГА

Так назвал ее Господин Великий Новгород. Людн давно забылн это летописное нмя, но оиа н поныне соеднияет родные мне места — Детннец на Волхове н Старорусскнй курорт на Полистн.

Бегая по древней дороге, я н знать не знал, что оиа таит в себе. И, поди, иикогда бы ие узиал, если б ие местный нсторик Калугни. Через эту дорогу он раскрыл мие доброту русскую: еще прн Ярославе Мудром нноземиые беженцы иавечио селилнсь вдоль Русской дороги.

«Но,— говорил ои,— Русская дорога — свидетель и русского возмездия: кто рыл тут волчьи ямы — сам туда же кубарем... Старушка дорога видела ратиые походы Алексаидра Невского, восстаиия против бояр и торжество открытия памятика Тысячелетию России. А сегодия эту дорогу топчет батюшка иэп с его гримасами н причудами».

Калугнн жнл в Тронцкой слободе у самой Русской дорогн. Мы с ннм часто хажнвалн по ией. И, боже мой, какнми только гранями не поворачивал он старнннный укат. А когда казалось, что тему уже нсчерпал, то дополиял:

«Голубчик, русский путь — русскнй нрав: всем открыт, всем доступен — без тупнков н завалов. И заметь, столбовая дорога эстафетная: из деревнн в деревню, нз города в город передавались по ией русское слово и русские традицни, которые н сделали наш народ несокрушимым,— голос учнтеля звучал гордо.— А мы, революцнонеры, отечествеииые тракты вымерилн шагами. Я, дружок, знал, куда со временем придут росснйские путн — Русская дорога одна нз первых вышла к нашему Кремлю...»

Дорогой читатель, ты уже смекнул, что именно с помощью Калугина я сделал первые шаги по Русской дороге, и, как мог, отблагодарил его своим повествованием.

МОСКОВСКАЯ НОВОСТЬ

Ему не спалось: московская новость завладела им. То, что он узнал в столице, поглотит теперь все свободное время Калугина.

Озадаченный открывшейся перед ним счастливой неизвестностью, он не уходил от распахнутого окна. Звездное небо с его бесконечными загадками, история с ее белыми пятнами и тайны микромира не казались ему столь важными по сравнению с той, которую он выведал в Москве. Пожалуй, за тысячу российских лет она самая значимая...

Странно! Зачем он, историк, взял условную меру времени: тысячелетие России давно позади, а ему не расстаться с этой датой. Значит, есть тому причина...

Калугин отмахнулся от побочной мысли и снова вернулся к московской тайне. Не терпелось приступить к разгадке. Он отошел от окна, прилег на кожаный диван и не уловил, как погасли его мысли...

«Вот так утро! Вот так первый день отпуска! Сны желанные, а проснулся взволнованным. Откуда беспокойство?»— думал Калугин. Он резко поднялся с постели и поморщился: обострилась боль в пояснице. Память хранит оглушительный взрыв: тогда ему повредило спину.

Воспоминание о недавней победе над белыми не успокоило его,— наоборот, усилило тревогу, точно он, бывший председатель военного трибунала, за какой-то недогляд ждет взыскания. Нелепица!

Отпускник увидел настенный круглый барометр и понял, почему заныли позвонки: золотая стрелка упала на черту с отметкой «Буря». «Рыбалке не быть, а искупаться надо»,— рассудил он и быстро убрал постельное белье в кожаный диван с высокой спинкой и полкой, уставленной ярколикими матрешками.

На утреннюю зорьку Николая Николаевича всегда сопровождали его любимцы — огненный длинношерстный сеттер и пятнистый широкогрудый гончак.

Настороженно встретили купальщика мутное небо, мутный Волхов и зловещая непроницаемая тишина: ни чаек, ни ласточек, ни рыбных всплесков. Вот-вот разразится буря...

Домой бежал без передыху: активность — лучшее средство против радикулита. И вообще новгородец склонен клин вышибать клином: врачи, признав травму неизлечимой, строго наказали — не охлаждаться, не снимать с поясницы заячьей шкурки, а он распарит в деревенской баньке спину и бросится в родниковую воду. Неделя таких «процедур» избавила его от хронического недуга. С той поры ежедневно купается до поздней осени.

Утренняя зарядка сняла нервное напряжение. Но стоило ему вернуться домой, увидеть на письменном столе плотную тетрадь в малиновом переплете, и снова охватило беспокойство. Удивительно: его тянет к записной тетради, но что-то выманивает из дому на улицу.

Он занял рабочее место и сразу осознал причину своего тревожного состояния. В начале этого года Калугин отпечатал свой многолетний поиск —«Логику открытия»— в одном экземпляре (бумажный кризис) и отвез в Москву.

В редакции журнала «Под знаменем марксизма» его принял член редколлегии философ Деборин. Тот спросил Калугина: «Как вы понимаете сам процесс открытия?» Гегель, Маркс, Ленин помогли собеседникам найти общий язык. Абрам Моисеевич обещал не задержать с ответом. Но вот пятый месяц... ни ответа ни привета. Одно из двух: либо рукопись забыта Дебориным, либо заинтересовала членов редколлегии и пущена «по кругу».

Вот бы сон-то в руку! Снилось, что его вызвали в Москву, хвалили статью и согласны печатать ее с незначительной правкой...

Конечно же так и будет! Тогда, после беседы с Дебориным, Николай Николаевич зашел в Институт Ленина при ЦК. Там готовили к изданию ленинские «Философские тетради». Товарищ Савельева сообщила редкую весть: оказывается, Ильич использовал в марксистской логике показатели точных наук — аксиому, фигуру, формулу. Но, спрашивается, зачем? Кто ответит? Вот загадка номер один.

В комнате матери английские часы благозвучно пробили восемь раз. В это время в Троицкой слободе разносят почту. Теперь ясно, почему его влекут одновременно и стол и улица: в деревянном ящике, прибитом на столбике калитки, наверняка лежит желанное признание долголетнего труда. И все же, наперекор здравому смыслу, внутренний голос лукавил: «Тебя ждет разочарование».

Так неужели чутье сильнее разума? А что? Инстинкт указывает нам, где поджидает опасность, ориентирует в лабиринте бытия и даже подсказывает решения самых сложных задач.

Чем сложнее человек, тем сложнее его подсознательный мир. Достоевский открыл за гранью разума бездну интуиции, ее загадочность, разноречивость. Чутье — великий дар жизненной эволюции и вместе с тем коварное наследие; нельзя во всем полагаться на предчувствие, оно может здоровую личность превратить в мнительного психопата.

Нет, старый подпольщик не допустит в себе подобной метаморфозы. Он, как опытный охотник, не просто следит за собакой, а наблюдает за нею; одна стойка на притаившуюся тетерку, другая — на змею.

Вот и сейчас он не просто ждет московскую рецензию, но и постоянно анализирует «за» и «против». Разумеется, «за» предпочтительнее, но в данном случае чутье сильнее разума: оно пророчески угадывает подвох...

Сдерживая любопытство, Калугин сначала отнес миску овсяной похлебки в сарай, закрыл там собак, а потом уж нарочито медленно пересек дворик, присыпанный свежим речным песком.

Калитку он открыл в тот момент, когда на противоположном берегу реки, на Торговой стороне города, взвинтился к небу серый столб пыли и, крутясь, двинулся к Волхову. Смерч прошелся по центру и, надо полагать, нанес немалый урон городскому хозяйству.

Калугин, председатель Контрольной комиссии, лично не отвечал за меры борьбы со стихией, но все же решил немедля связаться с дежурным горсовета и проверить его расторопность.

Из почтового ящика он вынул «Ленинградскую правду» и местную «Звезду», снова обратив внимание на то, что нет центральных газет. В чем тут дело?

Его рука нащупала письмо-треугольник и замерла: недавно им получена схожая записка с тремя углами. То была отповедь молодой вдовы: «Не серчайте!— писала она.— Мне скучно с Вами: три встречи — и три лекции о философии. Даже матушка Ваша признает, что Вы не от мира сего...» Старый холостяк трижды влюблялся в красивых женщин и только последняя избранница приоткрыла тайну его сердечных неудач. Но, может, вдовушка передумала?

Нет, почерк мужской, грубый. Аноним упреждал:

«Антихристы окаянные, если посмеете закрыть святой храм Софии, Бог тяжко покарает вас!»

Рука снова замерла. Продолговатый конверт с темно-синим штампом: «ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА».

Предчувствие не обмануло: ответ из Москвы. И суть рецензии тоже предугадана: свежая мысль всегда натыкается на старую перегородку. Калугин, не вскрыв письма, положил его на свою тетрадь и энергично крутнул ручку магнето. Дежурная барышня упорно молчала.

Ясно: ураган оборвал телефонную связь. Придется идти в горсовет и заодно известить Передольского. Тот приобрел письмо, в котором утверждается, что на памятнике Тысячелетия России есть засекреченная статуя, да притом еще антимонархическая.

Документ очень кстати: здешние леваки свалили исторический обелиск новгородским ополченцам 1812 года, а теперь нацелились на микешинский монумент,—«реклама русского царизма». Борьба за памятник предстоит жаркая: леваки заручились поддержкой самого Зиновьева, а тут его слово пока закон, не то что во Пскове.

На спинке кресла висела аккуратно отутюженная серая толстовка. Подумал о матери. При всей своей любви к сыну, она обрадуется отрицательному ответу из Москвы. Анна Васильевна убеждена, что ее ущербная старость без внуков — от безумного влечения сына к философии. В сердцах мать выговаривала любимцу: «Ты историк! Зачем тебе метафизика? Схемы засушили тебя. От твоих мудрствований шарахаются прекрасные женщины. Ты оборвал калугинский род! Твой ученик — не сын тебе: у него есть свои родители.

Учитель думал о своем ученике: «Пожалуй, именно Глеб — лучшее доказательство жизненности и действенности логики: вчерашний неуч — ныне отличник педтехникума. И почем знать, возможно, он, вооруженный «Логикой открытия», станет моим подлинным наследником. Правда, за последнее время ученик зачастил в музей Передольского. А профессор может увлечь юношу редкими экспонатами, занимательными рассказами о своем путешествии в Сибирь, гипнотическими сеансами. Но Владимир Васильевич неорганизован: он никогда не создаст ни системы в учебе, ни атмосферы дружбы, тем более — от-

цовского тепла. Коллекционер даже со своимн детьми ие заиимается. Нет, нет, Глебушка вернется...»

Калугии вскииул бровн: ворвался резкий звонок телефоиа. Трубка гудела от баса приятеля:

— Дружище! Будь в одииiадцать у памятника России. Подробности на месте. Очень спешу!

Чекист озадачил Калугииа. Обычно иачальн礦 губотдела ГПУ иазиачал свидания у себя в доме нлн сам прнходил сюда, а тут — в Кремле, на бойком месте. Чем это вызвано? Если Иван решил постоять за монумент Тысячелетию, то сказал бы по телефону. Нет, тут что-то иное!

Еще семииаристом Николай, развивая руку, брился иа ощупь. И сейчас, не глядя в зеркало, спокойно водил бритвой, хотя она, острая, чем-то напо́мнила московский конверт. Калугин вскрыл его н бегло прочел:

«Уважаемый тов. Калугнн! Проиллюстрнруйте Вашу статью хотя бы одним примером иаучиого открытня, сделанного с помощью дналектнки. И ваш труд будет опубликован в журнале. С комприветом!»

Ирония прозрачна! Даже великий Гегель не открыл, а лишь предугадал таблицу Меиделеева. Остается одно — искать самому иаучиое открытие с помощью диалектики.

Его взгляд выбрал портрет Леннна, стоявший на прнземистом столе. Ведь имеиио Ильич завещал разрабатывать диалектику со всех сторон. Возможно, одна нз сторои и есть ЛОГИКА ОТКРЫТИЯ?

В соседней комнате послышалось знакомое шуршаиие. В субботу матушка поднималась раиьше обычного: сегодня в доме уборка, стирка, баия. Оиа, бывшая сельская учительниица, жеиа лесничего, прнвыкла к трудовой колготе и отказалась от прислуги: «Работаю, пока живу, и живу, пока работаю».

Калугии наколол дров для каменки, натаскал в бочку воды; заглянул на кухню, выпил париого молока впрнкуску с морковиым пирожком и затем крикнул в окио, открытое в садик:

— Мама, передай, пожалуйста, Глебу: обедаем вместе!

— А ты, сынок,— оиа выдержала паузу, полнвая розовый куст возле вераиды,— уверен, что он позвонит?

— Уверен, абсолютно уверен!

Город готовится принять участников международного автопробега: всюду звенят топоры, стучат молотки, а на вышке яхт-клуба, что рядом с железным мостом, укрепляют флаг, сорванный бурей.

Слобожанин шел вдоль реки, где на берег были выброшены лодки и плоты. Бурелом — беда, но беда активизирует нашу деятельность, заставляет думать над причиной и следствием, равновесием и противоборством. Именно здесь, над Волховом, Рерих увидел столкновение грозовых туч и создал картину заоблачной борьбы.

«Что рождает бурю? Стык полярных температур! Перепалка земли и неба! Всем крутит противоречие!» — размышлял Калугин, отгоняя ненужные мотивы ради главной мысли. Он думал только о предстоящей встрече с чекистом.

Вдруг он остановился. Из окна речного буфета на него пристально смотрела белокурая незнакомка с газовым шарфиком на шее. Что бы это значило? Возле кремлевской арки Калугин оглянулся. Темно-синие глаза следили за ним. Невольно вспомнились дни подполья, слежки и агентурный «хвост». Явное недоразумение: его приняли за другого. Не знает он этой блондинки: ее не забудешь — личико юное, а плечи гребца.

Войдя в крепость, Калугин разом освободился от цепкого взгляда незнакомки: повсюду еще валялись окурки, клочья бумаги, сухие ветки: заверть стихла два часа назад. Микешинский памятник сверху был накрыт полосатой палаткой, заброшенной сюда, видимо, смерчем. За круглой решеткой монумента обнаружились два паренька: крепыш в жилетке, с черной челкой, держал лесенку, а худой, в грязной майке, босой, стоя на стремянке, тянул на себя полотно, похожее на арестантскую рубаху. Они, наверное, подрядились к пострадавшему торговцу.

Калугину, председателю Детской комиссии, казалось, что он знает наперечет местных беспризорников, а вот — совсем незнакомые. Надо взять их на учет, но в это время из окна углового дома раздался призывный голос члена Контрольной комиссии:

— Отпускник, на минутку!

Калугин обязательно зайдет в губком: узнает новости, проконтролирует ликвидацию последствий урагана, запросит почтамт насчет московских газет и позвонит на кирпичный завод...

(Не удивляйтесь, дорогой читатель, в те годы партийцы во время отпуска не освобождались от общественных нагрузок. Калугин и сейчас, в дни каникул, ловил беспризорников, содействовал автопробегу, рыскал в поисках вагонеток: все губкомовцы помогали восстанавливать промышленные предприятия).

Он бросил взгляд на памятник Родине и глазам не поверил: мальчишки исчезли вместе с лестницей и палаткой. До чего же проворные, бесенята!

Захрипел длинный, с квадратным раструбом громкоговоритель, установленный на здании губкома. Радиостанция «Коминтерн» сообщала точное московское время.

Все намеченное выполнено за полчаса. И, выйдя из парадной губкома, он направился к центру Кремлевской площади, где возвышался гранитно-бронзовый монумент со множеством фигур. А рядом с решеткой увидел странную особу. Молодая женщина в белом перемахнула через кольцо ограды, шагами измерила подножие памятника и вынула из бисерной сумочки сиреневый блокнотик.

Такое впечатление, словно город уже запрудили иностранные машины. Вот из комфортабельного лимузина вышла леди осмотреть русское чудо. Она заставила новгородца вглядеться в микешинское творение, похожее на шапку Мономаха.

Еще ребенком Николка подбегал к высокому изваянию с такой непосредственностью, словно перед ним горела нарядная елка с новогодними игрушками.

Затем Коля по статуям наглядно изучал историю России: за каждым героем закреплял даты, события, биографии. Гимназиста прозвали Карамзиным.

А приезжая на каникулы, семинарист изучал бронзовую летопись как победное вторжение жизни в мир художественной пластики. Когда же молодого революционера выслали в Новгород, то громадный конус монумента чудился ему набатным колоколом: здесь все напоминало о мятежах, восстаниях свободолюбцев.

Еще больше заострила его взгляд первая русская революция: на пьедестал Родины он мысленно возвел Пугачева, Радищева, декабристов и Герцена.

Гражданская война надолго разлучила его с родным городом. И вдруг на Дону он, председатель военного трибунала, изъял у белогвардейца бумажные деньги с изображением памятника Тысячелетию. Даже Деникин знал, что Русь — монумент, но белому генералу было невдомек,

что распродажей земель не сохранить единую и неделимую.

И вот опять не без сюрприза: скульптурным хороводом России залюбовалась приезжая журналистка — первая ласточка международного автопробега. Корреспондентка в белых замшевых туфельках, в строгом английском костюме цвета слоновой кости и светлой вуалетке на лице: глаз не видно — думай что хочешь...

Заметив плотного черноглазого новгородца в серой блузе, она приподняла вуаль и, щурясь от солнца, внезапно обратилась к нему:

— Николай Николаевич, вы очень нужны мне.

Он узнал темно-синие глаза и от неожиданности онемел. Старый холостяк всегда робел перед красивыми женщинами. А тут еще показалось, что он где-то видел ее щеки с детскими ямочками. И мозг лихорадочно заработал: «Кто она? Откуда знает?»

— Я немного озадачила вас,— ее светлые глаза сузились до прищура.— Нас познакомили заочно...

«Узнала по словесному описанию»,— насторожился бывший председатель военного трибунала и, уловив запах тонких французских духов, робко глянул на ее загорелое личико, одолевая смущение:

— Слушаю вас, голубушка.

— Верно, что вами выиграно необычное пари?

— Какое пари?!— удивился он, думая: «Туфельки на высоких каблуках, а барьер перескочила, как парень».

— Мальчика исключили из школы: он тугодум и косноязычен. Учителя отмахнулись. А вы за один год подготовили неуча...

— Нет, голубушка!— Он не сдержал улыбки.— Я преподаю не в школе, а в совпартшколе. И случай был не с мальчиком, а с юношей. И, наконец, я ни с кем не спорил. Никто об этом не знает, кроме профессора Передольского. Вы знакомы с ним? Нуте?

Не ожидая контрвопроса, собеседница не сразу ответила:

— Да. По Ленинградскому университету. У меня диплом историка. Я не случайно занялась тайной памятника.

Калугин вспомнил о редкой находке Передольского, но почему-то иронически улыбнулся.

— Здесь киот с иконой,— показал на южную сторону монумента.— Говорят, «чудотворная» подвывает?

Со стороны ярмарки доносились тягучие звуки карусельной шарманки и редкие выстрелы из тира.

— Не то!— Она обозначила заречье, где жил Передольский.— Профессор приобрел уникальную записку...

— Текст помните?

— Дословно!— Зажмурив глаза, белокурая мелодично и в то же время многозначительно «прочла»:— «1 октября 1862 лета. Любезный друг, Михайло! Пишу из Новгорода. Только что лицезрел твое детище. Феномен! Скрытая фигура меняет смысл самодержавности. И ты прав: тайну Тысячелетия отгадают лишь потомки. Восхищен смелостью и мастерством. Да хранит тебя бог! По известным причинам сей автограф шлю с оказией. Твой Н. Ф.».

Распахнув ресницы и заметив на лице новгородца усмешку, молодой историк поспешно заявила:

— Разгадка в самом письме...

На высоком лбу Калугина восклицательным знаком обозначилась глубокая морщина.

— Если оно подлинное.

— Ваши сомнения напрасны: стиль письма, водяной знак на бумаге — середина девятнадцатого века.— Она выбрала сложное переплетение статуй на пьедестале и категорично заявила:— Здесь укрылся террорист. И когда царь дернул шнур, покрывало опустилось под выстрел. Я рассчитала полет пули. Все реально!

— Кроме одного, коллега, император убит не здесь. А террористов в тот год вообще не было. Хотя в канун торжества Александр арестовал Чернышевского и, разумеется, боялся возмездия.— Калугин взглядом окинул солнечную площадь.— Представьте! Город забит войсками. Всюду часовые, шпики. Народ за Кремлем. Тут лишь знать, купцы и духовенство. Так что проникнуть сюда с пистолетом, да еще укрыться на пьедестале...

— Хватит!— побагровела она и взмахнула блокнотом.— Не делайте из меня дурочку! Моя версия допускает заговор и переписку по этому поводу. Как можно прочесть текст секретки? «Тайна Тысячелетия»— это место покушения, «скрытая фигура»— цареубийца. Отсюда — постскриптум: «По известным тебе причинам сей автограф шлю с оказией». Кто такой «Н. Ф.»? Не друг ли Чернышевского? И не готовил ли он возмездие?

Не дождавшись ответа, она повысила голос:

— Исключаете наличие тайны?

Николай Николаевич увидел ее колючий взгляд и по-

чувствовал не только удовлетворение тем, что выдержал характер, но и угрызение совести: обычно он поощрял в людях любознательность, а тут впервые в жизни поступил наоборот.

— Тайны были и будут.— Он положил газеты, взятые в губкоме, на поручень решетки и кивнул на монумент: — Одно бесспорно, здесь каждый из нас находит нечто свое, родное, близкое...

— Не говорите за всех!— огрызнулась она.— Я обожаю французских мыслителей. Декарта! Его систему координат!

— Она тут представлена.

— Кем?— усмехнулась вчерашняя студентка.— Тут нет даже Софьи Ковалевской!

— Зато монумент венчают координаты, вертикальная и горизон...

— Фу! Пакость! Крест — символ склепа царского!

«Политпросветчик Пучежский в памятнике видел «царский склеп»,— задумался историк.— Неужели общается с леваком?»

— И вообще, город подобен кладбищу — весь утыкан крестами,— продолжала она сухим, недовольным голосом.

Тон закономерен, ибо сам испортил настроение собеседнице. Его лицо осветилось интригующей улыбкой:

— Не таит ли система координат философского смысла?

— Не вижу никакой философии!

— Позвольте! Система координат, независимо от замысла ее создателя, порождена противоречием. Не так ли?

— Это не для меня!— Она не выдержала калугинского изучающего взгляда.— Я солгала! Мне чужда философия! А Софью Ковалевскую, умнейшую, обожаю. Здесь нет математических координат!

— Зато есть координаты Тысячелетия.— Он раскрыл философский смысл скрещения полярностей:— Без борьбы противоборствующих сил России не открыть тайны Тысячелетия...

— Вы — мыслящий таран! Ваш ум хорош для шахматной борьбы...

Она оглянулась на стук копыт. На дороге торговец Морозов вожжами круто осадил горячего, в крупных яблоках жеребца. Сидя в пролетке, нэпман зычно пригласил собеседницу Калугина:

— Берегиня, не желаете с ветерком?

— Мерси! Занята! — Она благодарно помахала ридикюлем, затем взглянула на ручные часики и, не прощаясь, энергично зашагала к театральному подъезду.

НЕ ТАК ВСЕ ПРОСТО

Отгоняя назойливый вопрос о Берегине, Николай Николаевич, как всегда в таких случаях, ушел в мир размышлений. Только мысль способна одолеть текущий миг.

В крепости, где Дом партии рядом с храмом Софии, сновали верующие и безбожники. Примечая все это, историк думал не только о настоящем.

Встарь через весь Детинец шла улица Пискупля. И, возможно, на ее плаховой мостовой задиристая волховника спорила с чернобородым волхвом: и, возможно, прорицатель пытался разгадать ее душу, а душа во все века была и остается великой тайной.

Против своего желания Калугин снова думал о Берегине. Первый раз он услышал имя «Берегиня» во время ссылки, на Севере. Там, в глухой деревеньке, старуха Берегиня занималась знахарством, гаданием и темными делами. И эта молодайка, с вуалеткой на глазах, тоже темнит: диплом историка — и шашни с мясником. Не о ней ли заговорит чекист? Чем объяснить, что она по-мужски взлетела над оградой, узнала Калугина по словесному портрету и ввернула словцо «моя версия»? Думается, что ей не совсем чужд уголовный мирок...

Тем временем Берегиня прошла в ТОР (Театр Октябрьской революции). Там у подъезда — щит с афишей. И перед глазами Калугина всплыла эстрадная реклама: «Вечерний соловей Берегиня Ясинопольская». Вот где он поймал улыбку юного личика. Ему хорошо известны причуды нэпа. И нечего удивляться, когда смазливенькая девица диплом историка меняет на эстраду. Кругом еще не такие метаморфозы!

Однако в пролетку она не села. И шашни, видимо, не шашни, а преклонение Морозова перед талантом и красотой. Он с его широкой натурой наверняка осыпает ее цветами. Кто не рад такому вниманию? Важно другое: она сохранила любовь к истории, ищет разгадку тайны Тысячелетия.

Он покосился на губкомовские окна. Дело в том, что в каждом городе облюбованы места свиданий: в Старой Руссе — парк с муравьевским фонтаном, а здесь — Кремль с его бронзовым каскадом фигур. Ведь сослужив-

цы могут превратно истолковать его беседу с приметной особой.

Перебирая в памяти губкомовцев, он не нашел ни одного, кто мог бы столь легкомысленно подумать о нем. Нет, его беспокойство от другой причины.

Он не прав. Хорош педагог! Она наверняка ждала помощи; возможно, как Глеб, многим увлекается, разбрасывается. Приелась эстрада; актриса в тупике — не случайно заговорила о неуче. А он, учитель, в такой момент отмахнулся от нее. И хорош пропагандист! Кичился своей аналитической натренированностью. За что и получил по заслугам: она окрестила его «мыслящим тараном» и даже не попрощалась с ним.

Честно говоря, поступил он не лучшим образом: резко критиковал вчерашнюю студентку, усомнился в подлинности документа, бросил тень на профессора. И даже не извинился за свою бестактность. А Берегиня, не в пример ему, нашла мужество признаться в своей выдумке о французских мыслителях. А с другой стороны, она нашла его через Передольского, нуждается в нем, хочет, видимо, заняться историей и, пожалуй, вернется к нему.

Он взглянул на монумент России и вдруг осознал, почему давеча московскую весть датировал Тысячелетием: жизнь породнила его с микешинским памятником, а тут еще тайны — засекреченная фигура и загадка «Философских тетрадей».

Обобщая историю Руси, художник заглянул в будущее своей родины, а может быть, и всего мира, и спрятал от глаз цензора статую со смелым и глубинным подтекстом; а Ленин, обобщая историю философии, осмыслил перспективу исторического развития и смело выдвинул грандиозную задачу — всесторонне разработать диалектику. Значит, в диалектике есть что-то недоработанное? А что?

Все точные науки когда-то были неточными. Философия до сих пор застряла на стадии описательной науки. Возможно, Ильич и задумался над аксиомами, формулами ради того, чтобы оснастить ее законы количественными показателями. Конечно, может, это и не так? Возможно, Ильич имел в виду что-то другое? Однако на то и загадка, чтобы ее решить.

Вдоль крепостного прясла шелестела липовая аллея. Калугин занял одинокую скамью, изрезанную именами и амурными рисунками, и, поджидая друга, положил на колени газеты. Перед глазами чернели каждодневные шапки обзоров: «ПРОЧЬ РУКИ ОТ КИТАЯ!»

«ЧЕМБЕРЛЕН ПРОТИВ СССР». Факт повтора зовет мысль к обобщению.

«Возможио, что-то серьезное в мнре? Воркун иамерен сообщить об этом?»— предположил он н тут же резонно перекрыл догадку: о таких новостях можио говорнть по телефону.

Так что же случнлось? Иваи, приезжий, не раз обращался к другу, корениому иовгородцу, за справками. Недавио в Покровском храме случайио обиаружили ящики с ризницким серебром и золотом. Чекист заподозрил утайку церковиых цеииостей. Калугин — эксперт — отвел подозрение: буржуазная Латвия упраздиила одну из православных церквей, а ризинцу разрешила вывезти. Новгородский музей прннял багаж н забыл о нем.

Что же стряслось теперь? Историк тормошит запасиик памятн. Трн дня назад контрики взорвали на Волховстрое склад. Часового подбросило в воздух, ио с винтовкой он не расстался. Иван предупредил: «Вражий след ведет к Новгороду».

А теперь Новгород похож на островок во время половодья, где сбнлось зверье разных мастей. На берегах Волхова разрешалось жнть с пропнской «минус сто». Здесь, ближе к Питеру, «бывшие» осели густо. Выслаииые уркн облюбовали кабачок Шпека, что ближе к стаиции: в случае чего — прыг иа товарняк!— и лови ветер в поле. Опадышн иевскнх клубов — пьяннцы, картежники, жулики н ночные бабочки — гнездилнсь на Веселой горке, в ресторане с велнколепным видом на речной простор. Черепки царизма — бывшие помещики, вельможи, офицерье — завсегдатаи Софийской столовой, которая вечерамн сверкала ресторанным светом, шумела музыкой, эстрадой н бильярдиыми шарами.

На Торговой стороне лншь два притоиа, зато самые бузливые: пивная на Буяновской, где смутьяннли вчерашине аиархнсты да эсеры, и знаменская ночлежка гопииков. А еслн учесть, что скоро нахлынут участники междуиародного автопробега, то будь готов ко всему: хулиганские выпады, спекуляцня музейнымн ценностями и петиции: «Спасите Софию!», «Спаснте памятинк Тысячелетию!».

Скорее всего чекист решил постоять за монумент России: ие случайно назиачил встречу в Кремле. Непостижимо! Судьба микешниского шедевра иа волоске. Заведующий губполитпросветом, лучший оратор города, открыто требует «взорвать рекламу царнзма»!

Чудовищно! На майские торжества горе-просветители обшили фанерой памятник Отчизне. Наследники русской культуры стыдятся великих деятелей, изваянных реалистично и художественно.

Удручающий факт! У начальника просвещения полно единомышленников. И первую схватку выиграл он — правда, в отсутствие Калугина. Обелиск на городской площади славил победу русских над французами. Теперь там — голое место: бронза и чугун сброшены в утиль.

Невозможно представить Кремль без монумента Отечеству! Калугинский взгляд проскочил мимо памятника к театру: из дверей большого здания вышли Берегиня и Пучежский.

Статный, с волнистой шевелюрой, в алой косоворотке, губполитпросветчик что-то горячо доказывал, важно вышагивая рядом с ученицей Передольского.

Нет сомнения, что эпитет «царский склеп» позаимствован Берегиней у левака. Однако письмо «Н. Ф.» с вольнодумной подоплекой, разумеется, упадет между ними яблоком раздора.

Сейчас Пучежский, видимо, убеждает в том, что на державном пьедестале не может быть скрытой фигуры и что автор «секретки» сам Передольский, на которого он давно точит зуб. Оратор хотел взять актрису под локоток, но та решительно отвела его жест: надо полагать, они тоже не нашли общего языка. К чувству удовлетворенности примешалась нотка настороженности: наблюдавший вспомнил случай, когда Пучежский переубедил делегатку не логикой, а своей бесспорной красотой и благозвучием голоса.

По единственному в городе асфальтированному проезду назойливо скрипит телега ломового извозчика. Калугин представил пролетку Морозова, и образ Берегини почему-то отождествился с засекреченной фигурой памятника.

Наконец-то в крепостной арке с видом на городскую площадь показался усач богатырского телосложения. Темные брюки его заправлены в сапоги, а полотняная рубаха перехвачена узким кавказским ремешком. По тому, как Иван размашисто шагал, бойко рассекая воздух руками, видно было, что он спешит по чрезвычайному делу.

«Если Берегиня под наблюдением, то почему она заинтересовалась Глебом? — задумался он.— Какая тут связь?»

Смерч ошеломнл новгородцев. Я бежал по его следам: на улицах то тут, то там повержеиные столбы, заборы; под моими бутсамн хруст битых окоиных стекол.

Крутая ломка погоды подстать моему душевному настрою: я тоже меняю свое увлечеине — буду гнпиотизером, а ие писателем, о чем твердит мой учитель Калугнн. Ну какой из меня Гоголь: я лншь в девять лет научнлся правильио произносить слова. Косиоязычный тугодум, я ие выдержал насмешек одноклассннков н бросил школу. Зато спорт сулил мне успехн: я еще пиоиером защнщал футбольиые ворота допрнзывииков.

И все же свершнлось педагогическое чудо! За одни год Калугин подготовил меия в техиикум. Я чту своего терпеливого наставинка. Ои спас меия. И все же меня влечет к Передольскому.

С профессором меня свела Старая Русса: там, в клубе железиодорожников, он прочитал лекцию о системе йогов и продемоистрировал снлу виушеиия. Его способиость передавать мыслн иа расстоянии потрясла меия. Белое полотеице я чалмой уложил иа свои упругие кудри н часамн прнстально глядел на блестящий шарик ннкелированной кроватн.

Это мое увлеченне еще больше подогрел Новгород: здесь выступалн гнпнотнзеры: комиссиоицик Коршуиов, иижеиер Костннскнй, садовник Снльвестр, врачи Пуипянер, Фриккеи и конечио же Передольский.

Теперь мие, жителю Новгорода, рукой подать до Ильииской улицы, где двухэтажиый дом из толстеиих бревеи Владимир Васнльевич превратил в музей и библиотеку. Здесь мие иравится все: и богатейшая коллекцня новгородских древиостей, н большие застекленные шкафы с новгородикой, и сам хозяин — иеотразимый маг.

(Дорогой чнтатель, речь ндет о подлинном нсторническом лице.)

Коллекционер только что приобрел редчайшее свндетельство о статуе, запрятаииой среди фигур памятиика Отечеству. Ясно, что тайна захватнла меня. Невольио вспомиилась калугиская фраза: «Тайиа дразиит разум». И сердце екиуло: ведь мой учитель преподает нсторию — ему также это ннтересно.

Я взялся добежать до Калугина. Владимир Васнльевнч одобрил мой порыв н сел за стол сиять копню с пнсьма, адресованного Мнкешнну. Профессорская борода при-

крыла наклонно стоящую рамку, почему-то закрытую бархоткой.

Возникла догадка: «Уж не портрет ли чей?» Откуда было знать, что рамка с черной заслонкой сыграет немалую роль в жизни не только профессора, но и Калугина, и даже срикошетит в меня.

А пока что я с конвертом в руке бегу и думаю о скрытой фигуре памятника. Мне полагалось свернуть в Троицкую слободу, а я с моста — прямо в Кремль.

Раньше монумент с бронзовой круглой державой, окруженной статуями, виделся мне большенным футбольным мячом среди защитников и форвардов сборной России, теперь же — шарадой в лицах.

Отыскивая таинственное изваяние, я как следователь вглядывался в каждую статую и вспоминал калугинское задание — изучать биографии писателей, отлитых в бронзе.

Вот они, дорогие — Ломоносов, Фонвизин, Карамзин. Крылов, Жуковский, Гнедич, Грибоедов — и самые близкие — Пушкин, Лермонтов и Гоголь! Казалось, я никого из русских литераторов не пропустил на пьедестале, а учитель взял да и уколол меня: «Ты обошел видного поэта-трибуна. Он-историк, политик, философ, математик и публицист. Кстати, похоронен на берегу Волхова». На берегу Волхова, известно, погребен Державин, но последний не из математиков и философов, хотя и писал философские вирши.

И вдруг меня осенило: «Коли пропущенный мною поэт-трибун — публицист, так не он ли призывал к свержению царизма и не его ли фигура стоит в секрете?» Определить в Новгороде место действия былинных героев Садко и Буслаева нетрудно, но как обнаружить скрытую личность поэта среди ста тридцати фигур? Мой учитель — диво: любое задание преподаст как тайну. Любопытно, что скажет о моей догадке?

Обидно: не застал Калугина. Меня встретила его мама. Она, сельская учительница, много лет ежемесячно опускала в копилку один рублик — теперь она хозяйка домика с верандой и палисадом.

По двору старушку шумно сопровождали собаки, куры, утки. В длинном черном платье с белоснежным воротничком, она осторожно отвела седую прядь от темных участливых глаз:

— Ты что, Глебушка, с рассказом? — Глядя на мой конверт, Анна Васильевна одобрительно моргнула:— Выполнил урок?

— Нет,— смутился я, оправдываясь.— Пытался, да никак. И боюсь... не выйдет... Восемнадцать стукнуло!

— Понимаю, мальчик.— Стоя в ажурной тени рябины, Калугина спросила:— А ты не задумался, почему твой учитель, историк, пичкает тебя не летописями, экспонатами, а литературой?

Не зная, что ответить, я отмолчался. Она продолжала:

— Потому что мой сын отталкивается от т в о и х возможностей.— Старушка подняла седовласую голову и глазами указала в сторону золотых куполов Софии: — Видел смерч?

Охотно рассказал я и что видел и чего не видел, в пределах правдоподобия: привирал с малых лет. Она тяжко вздохнула:

— Слава богу, обошел нашу слободку. Прошу тебя...

Анна Васильевна привела меня в кабинет сына, усадила за письменный стол, положила передо мной лист бумаги:

— Порадуй учителя, опиши смерч...

— Не успею!

— Успеешь,— ее чуткая рука потрепала мои кудри.— Его срочно вызвал известный тебе Воркун: зря не потревожит...

Ивана Матвеевича Воркуна — дотошного чекиста — я знал еще по Старой Руссе. Раз позвал,— значит, что-то приключилось...

Словно в поиске ответа, я осмотрел книжные стеллажи, подоконник с газетами, сторожкую стрелку барометра, будильник и остановил взгляд на плотной тетради, одетой в малиновую кожу. Я не раз видел этот дневник в руках учителя, но тот почему-то избегал говорить о тетради и никогда не оставлял ее на столе.

«В самом деле спешил»,— заключил я, оглядываясь на дверь, и опасливо открыл титульный лист загадочного альбома.

Крупные заглавные буквы: «ЛОГИКА ОТКРЫТИЯ», а чуть ниже прописной бисер: «Познай число поворотов ключа проникновения! Но помни: число управляет всем — мистика, закон управляет числом — наука!..»

Я листал страницы, пока не нашел запись о себе: «Мой ученик. Родители видят в нем только спортсмена. Профессор пророчит ему карьеру краеведа. А сам Глеб меч-

тает стать гастролирующим гипнотизером или Шерлоком Холмсом. На деле у него необузданная фантазия. Она-то, в рамках литературной учебы, и обеспечит ему построение сюжета и разработку характеров. Сейчас стараюсь привить ему вкус к слову и страсть к художественной прозе. Начал с новгородских былин, теперь подвел к скульптурному ансамблю писателей России. Надеюсь, моя логика поможет ему открыть свой стиль — стиль философского романа...»

Я нехотя отложил калугинскую тетрадь. То ли во мне колыхнулась любовь к нему, то ли я устыдился, то ли поверил в свои силы, а может, все вместе взятое, но мне страсть как захотелось обнадежить наставника — блеснуть словцом и образностью.

Что со мной? Я буквально набросился на чистый лист, ощущая напор воображаемой воздушной волны. Да, да! Писал почти без помарок:

«Ветрище хватил ильменского пенистого зелья и лихо вторгся в белохрамный город, рассеченный рекой. Гуляка с лету прочесал улицы, сорвал ветхие крыши, а в саду Передольского повалил дупляной клен. Затем налетчик, высотой с гридницу, смерчем ворвался на звонко кипящую ярмарку, сгреб полосатую палатку, завихрил базарный мусор и, взбурунив Волхов, сломался о каменную твердь новгородского Кремля.

Палаточная парусина вылетела на крепостную площадь и зацепилась за монумент русского Тысячелетия. Местный нэпман Морозов искренне возрадовался: «Русь-то под нашим знаменем!»

Объявились, конечно, и другие толкователи. Из окна кабинета редактор местной газеты взглянул на высоченный памятник — единственное торчило — и авторитетно заявил: «Никакого чуда!»

Из типографии вышел сухопарый наборщик в очечках, увидел холстину на микешинском сооружении и, улыбаясь в колючие усы, мысленно набрал заглавие фельетона — «Треп и тряпка».

Бронзовые монархи кое-кому намозолили глаза, а тут еще балдахин посреди Кремля. И политпросветчик, зло щурясь, смял на своей груди красную рубаху: «Взорву трон!»

Светлоглазый чекист в солдатских ботинках поднял с земли самодельную листовку: «Люди православные! Не дозволим разрушить памятник России! Выйдем крестным ходом и обратимся молебствием к Всевышнему...»

А небо порошило иа прохожнх подсолиечную шелуху, папнросные окуркн, фантнкн н даже кульки, свериутые из листов церковиого архива. Такой иеобычиый сюжет обвнл литую державу».

Я поставнл точку. И вместо того чтобы бежать к профессору составлять кннжиый каталог, кинулся в столовую и помог Анне Васнльевие иакрыть иа стол. Сейчас вернется учитель и коиечио же похвалит мое творчество.

Но он почему-то запаздывал. Неужели н вправду ЧП?

НЭПОВСКИЙ АЛХИМИК

«Зачем вызвал?»— думал Калугии о чекисте, встретнв его глазами. Иван — ученнк особый. Отвлечеииых вопросов не прнемлет: затыкает ушн, крутит головой и, краснея от злобы, крнчнт: «Я пастух!» Одиако ои умиый от прнроды, решал сложные жнзненные задачи. Теорню прнзнавал только в практической упряжке. Увлечеи ие кнԋгами, а стрельбой, охотой, собаками и — особенио — будениовскнмн скакунамн.

Когда журнал «Под знаменем марксизма» напечатал программную статью Ленина о борьбе на фнлософском фронте, Калугнн позиакомил Иваиа с ией, учитывая строй его мышления:

«Друг мой, представь себе пять идейиых мишеней: фнлософа под шляпой мухомора; чериорясиика с бнблней; натуралнста с завязаииыми глазами; диалектика Гегеля, стоящего на голове, и самую устойчивую цель — дальиейшую разработку нашего метода».

Мишеии Воркуи толковал с юиошескнм запалом: «Бнть ядовнтую философию — раз! Просвещать верующнх — два! Подковать учеиых марксизмом — три! Чнтать Гегеля глазамн материалиста — четыре! И обогащать свой метод — пять!» А вскоре во время чистки партнн он, едииственный нз старорусских чекистов, полно н точно ответил иа вопрос «о зиаченни воинствующего матернализма».

С тех пор Иваи крепче прежнего привязался к старшему прнятелю.

Так уж повелось, где бы друзья ин встречались, всегда прежде всего вспомннали свою милую Старую Руссу: имеиио там оии иаучилнсь поннмать друг друга с полуслова.

Вот и сейчас Калугии зиал иаперед, что Иваи расска-

жет байку — снимет напряжение, а потом уж приступит к делу.

— Весточка из Руссы,— пробасил он, дымя папиросой.— Курорт ищет питьевой источник. Пробурили скважину. Фонтан ударил на тридцать метров. Не заклинь его — за одни сутки он засолил бы все огурцы на грядках...

Обычно Иван хохотал во всю мощь широченной груди, но тут даже улыбку загнал в буденновские усы:

— Извини, старина, что потревожил. Сам бы зашел, да вот жду звонка из Питера. Понимаешь, два раза на дню запрашивает Гороховая,— оглядываясь по сторонам, он сел на скамью.— Известно, государство без золота, что кочегарка без топлива...

— Выкладывай, голубчик!

Чекист носком сапога притушил дымящий окурок и тут же закурил новую папиросу с толстым мундштуком:

— В городе Алхимик. Плавит золото и снабжает слитками невских дантистов. Кто он? Откуда качает золото? Неведомо...

— Ни одной зацепки?

— Есть, да прок не велик. Одного зубного техника видели в темном коридоре с приезжей бабенкой...

— Рост, костюм? Лицо? Что в руках?— оживился Калугин, думая о Берегине.— Нуте?

— Вот она, школа трибунала!— голубые глаза Ивана вспыхнули и тут же потухли:— Эх, даже походку не засекли! Случайный свидетель услышал только прощальную фразу дантиста: «Поклон Новгороду!»

— И все?

— Нет, есть еще.— Неуловимым движением чекист откуда-то извлек мятый лист бумаги с анархическим росчерком.— Автор якобы выслан за кляузный фельетон. Прочти...

Дальнозоркий Калугин примостил письмо поверх газет:

«Берточка, ты самая респектабельная бомбошечка на свете, но это не значит, что, получив мою цидулку, надо сразу же бежать за билетом и ехать ко мне.

Что делает Абрам, приехав в чужой город? Идет в ближайшую аптеку и у Мойши узнает, где парикмахерская, гостиница, базар и синагога. Так вот, моя половиночка, Новгород — увы, не Северная Пальмира и не Одесса-мама, а ветхий городишко: два облезлых берега

и семьдесят два облупившихся храма. Есть на задворках и сннагога — без провожатого не иайдешь.

Все улицы иа одну колодку: заборы, козы, куры н пахучие гераин на подоконниках, а под ногамн пыль, мусор, чертополох выше нашего едииствеиного Семочки. За весь деиь ие встретил нн одиого дворннка с метлой и ии одиого представителя власти: есть лн она тут вообще? На весь город однн мильтон н тот дремлет иа волховском мосту.

Велнчие прошлого всегда отрыгается комедийной мелкотой: сегодня Господии Великий Новгород — постоялый двор нэпа, с кутежами и битой посудой, яркими вывесками и загажеииыми каиавами, азартиымн бегами и ядреной браиью ломовых извозчиков. За одним ресторанным столиком здесь тяиут пнво и бывший граф, и отпетый мазурик.

Для меня, юморнста, высланного за острый язычок, иашлись эстрада, клуб, театр, редакция газеты и уйма тем на злобу дня. Здесь миого судачат о бешеных псах. Оии — плюгавые н мордастые, безухие и хромые — так и шныряют в ногах. Герой дня — Илюша. Кожаной петлей ои ловнт бездомиых, швыряет нх в фаиерную кутузку и сдает иа живодерню. А нас, укушениых, колют сывороткой, да 40 раз! Так что, моя иаливиая, ие спешн ко мие, пока Илюша не запетляет последнюю шавку и пока твой благоверный не съедет из иомериого клоповиика в чнстенькую комнатку с вндом иа речку.

Меня прннял сам иачальинк ГПУ. Лнхой рубака, с ордеиом н буденновскими усамн, не вернт, что я дал подпнску не разглагольствовать о содержаиии моего фельетона.

Хвала Иегове! Мие пока везет: перемена мест — перемена счастья, гласит Талмуд. Я весь в порыве взяться за перо. Когда-то Новгородчина подарила пннту сюжет «Ревнзора». Я тоже напишу комедию на местном материале «Доходная старнна»— о том, как ревнители древностей греют рукн у древностей. Есть музей, три частиых коллекцнн н больше десятка спекулянтов всякнмн цеиностями. Одна нз таких золотых штучек весит сорок фунтов.

Её история — презабавиый детектив! Местные купцы, желая утереть иос дворяиам, подарившим царице броизовую модель Тысячелетия, заказали золотую. Но вручить ие успелн: монарх отрекся от престола. Подарок мастерили, конечно, под строжайшнм секретом. А под коиец заспорили: однн — кинуть жребий н быть едниому хозян-

ну; другие — за продажу кусками, благо нэп щеголяет золотыми улыбками. Мода на червонный блеск во рту дошла до курьеза: портят здоровые зубы. Видать, победили дельцы: дантист Давидович клянется Моисеем, что новгородское золото утекает, как Волхов, через Ладогу, по Неве, а там каналами по квартирам зубных техников».

Озорное письмо прочитано залпом. И, не дожидаясь вопроса, Калугин пояснил:

— Удостоверяю, наша знать действительно преподнесла императрице Марии Федоровне модель памятника, но та бронзовая...

— А золотая?— не утерпел чекист.— Пудовая?

— Впервые слышу, друг мой.

— Что? Групповая утайка?

— Голубчик, трое сохранят тайну, если не знают ее.

В голубых глазах Воркуна проглянул хохотун, но бас его без веселых ноток:

— Фукс упоминает т р и коллекции.

— Мне известны две: Передольского и Молочникова.

— А что у Молочникова?

— Вещи и письма Льва Толстого.

— Черт подери!— рявкнул Воркун, отгоняя дым от лица.— Может, золотая модель у третьего коллекционера? Кто он?

Вопросительный взгляд чекиста говорил: «Налицо нераскрытое преступление, а у тебя, приятель, логика открытия. Помоги!»

— Хорошо!— Калугин бросил взгляд на площадь и вернул письмо.— Ты исходи из того, что золото потихоньку распиливают, а я постараюсь доказать обратное: золотая модель — легенда. Кто-то хитро придумал вести нас по ложному следу. Но автор легенды — тоже зацепка. Так?

— Так-то оно так,— проворчал Воркун, постукивая дымящей «Пушкой».— Кто же помогает Алхимику? Может, мадам Квашонкина? Агент комиссионки, она часто ездит в Питер. Да ты ее знаешь: она собирает тебе библиотеку...

Без достаточного основания Николай Николаевич не спешил подозревать людей:

— Не поймал — не вор! Присмотрюсь.— Он взглянул на полуденное солнце.— И Передольского повидаю: коллекционеры жадны до редких экспонатов.

Одобрив глазами, Воркун нервно дернул ус:

— Верно, что профессор утаил от комиссии ряд ценностей?

— Верно, друг мой. Но верно и то, что он работает, читает лекции, расширяет музей отца, бережет каждую находку. И нате — отбирают все. Ни в Москве, ни в Ленинграде ничего подобного нет. Я, разумеется, вмешался и отстоял.— Калугин заострил взгляд:— Опять анонимка?

— И опять без вранья!— Иван резко встал.— Вспомнил! Ты ищешь вагонетки для завода. В Руссе на фанерной фабрике есть лишние. Напиши — отгрузят.

Калугин поблагодарил друга и, поднимаясь, указал на газету:

— Почему у нас нет «Правды»?

— С бумагой туго.

— А почему «Ленправда» в избытке?

— Мы же непосредственно подчинены Ленинграду, а там дела вершит Зиновьев. Он пробивной, председатель Ленсовета.

— Вот-вот!— повысил голос историк.— Расплавил в Ленинграде бронзовую ограду, с корнем вырвал трофейные пушки Двенадцатого года. И здесь, глядя на него, его люди обнаглели: убрали памятник народному ополчению. Теперь на очереди монумент России...

— Не допустим!

— Верно, друг мой! И в этой схватке нам поможет документ.— Калугин рассказал о секретке и подумал: «Неужели Берегиня связалась с Алхимиком?»

Задумчивость друга Иван истолковал по-своему. Было время, когда они вдвоем изучали труды Ленина, теперь же один из них частенько пропускает занятия...

— Понимаешь, дружище, текучка заела: газеты читать некогда, а к вечеру в башке затор.

— Но-но!— Калугин, улыбаясь, пальцем постучал по виску:— Учти, батенька, мысль не знает границ. Можем мысленно нырнуть сквозь землю, выйти в знойной Сахаре, погреть пятки в горячем песке, утолить жажду апельсинами, осмотреть пирамиды; потом заглянуть в Лигу наций, покончить с войной в Марокко; отрубить лапу янки в Китае, поклониться праху Сунь Ятсена; махнуть в Рим, плюнуть в глаза Муссолини, приструнить фашистов Болгарии, затем умчаться на Сатурн, сосчитать его кольца, вернуться домой и все это — за пять минут. Не так ли?

— Эх,— тяжко вздохнул Иван.— Я во всем отстал от тебя!

Николай Нниколаевнч не переноснл похвалу в свой адрес н стремнтельно указал иа белое угловое здаиие губкома:

— Сомса переводят. Обндно, голубчик, теряем хорошего руководнтеля и друга...

— Так его ж с повышеннем!

Честный, преданный партни Иван и мыслн ие допускал, что Зиновьев лениицев заменяет свонми ставлеиииками н что центральиая пресса не поступает сюда нмеино по его указке.

Калугии не пристыднл Иваиа за партийную блнзорукость: старый большевик инкогда не подчеркнвал умственного превосходства перед товарищами. К тому же дело не только в уме: однн закончил учительскую семинарию, а другой — сельскую школу; один прошел «университет подполья», а другой пас помещичьнх коней; первый возглавил трибуиал, второй — будениовский эскадрон.

Предстоит деликатиый разговор с Иваном: не задевая его самолюбия, иадо помочь чекисту открыть глаза на иовую оппознцию, ио пока мало фактов. А главное, ситуацня на берегах Волхова настолько пестра, запутанна, что одни поспешный непродумаиный шаг может надолго разлучить Калугниа с друзьями, матерью и родиым городом. Зниовьевцы мстительиы!

Нарушая паузу, Воркуи вынул карманные часы с темной крышкой:

— Извини, дружище, мие пора к телефоиу.

— Кланяйся Тамаре. Как чувствует себя?

— Цветет,— зарумяннлся Иваи.— Заията пеленками-распашонками. И сама не своя до клюквы! Так что ныне сезон охоты откроешь без меня.

Его бас звучит увереино. Чекнст пока не сообразил, что новый секретарь губкома — ставлеиник Зиновьева, что соотиошеиие сил не в пользу Воркуна н Калугииа, что друзьям нынче будет не до охоты.

«Прндется ндти по следам не только Алхимика»,— рассудил Нниколай Николаевнч н, сделав шаг, замер...

КЛЮЧ ПРОНИКНОВЕНИЯ НОМЕР ТРИ

Уднвнло ие то, что возле монумеита появился Передольский (нмея секретку, дома ие усидншь), а то, что профессор глядел ие на памятник, а по сторонам, словно нскал свою ученнцу. Любопытно, что скажет о ией? Все

гнпиотизеры — психологи, да и педагог ои одареиный. Чем он объясиит ее работу ие в музее, а на эстрадиых подмостках?

Учеиый походнл иа купца нз пьесы Островского: волосы под горшок, окладнстая борода и костюм в том же духе — сиий картуз, летияя поддевка иараспашку и хромовые сапоги со скрнпом. Но острый взгляд его заставит любого встречиого ие заметить ни запаха ваксы, ии цветиой рубахн с внтым шелковым пояском. Рослый, плечистый, он протяиул широкую ладоиь и, как всегда, спокойио проявнл благозвучие баритона:

— Милейший Нниколай Николаевич, вы получнли копию письма?

— Нет еще! Но я, голубчнк, в курсе: сюда приходила ваша бывшая студеитка. Портрет ее, кажется, на рекламиом щите?

Густая бровь гипиотизера дрогиула. Его взгляд пробежался по широте крепостной площадн. Ои, бесспорио, ждал Берегнию:

— Еще в уннверснтете ее увлек драмкружок. Круг ее иитересов обшнреи: музыка, стрельба, шахматы н даже бнльярд. Нн в чем не уступает нашему брату. Хватается за все!

«Зашла в тупик»,— подытожил Калугин, но, как всегда, ие огранннчился одиозиачиым выводом.

— Друг мой, скажу в защиту. Сейчас многие жеищнны утверждают в себе мужскую стать, волевой голос, иезависимый характер и свободу поведеиия. Таково веленне дия! — Ои выставил ладоиь.— Заметьте, ее захватила тайна Тысячелетня. Не так ли?

— Дорогой земляк,— кисло улыбнулся профессор,— вы, как н мой покойный отец, прнрожденный адвокат: вынскнваете прежде всего смягчающие обстоятельства...

Владнмир Васильевич явио что-то иедоговорнл, давая понять, что Берегиию-то ои зиает:

— Вы, историк, говорите от имеии эпохи...

Скрывая смущеине, Нниколай Нниколаевич газетным свнтком обозначил загадочный моиумент:

— Так в чем же разгадка, дорогой профессор?

— Тайиа, безусловно, в духе нашей русской традиции.— Ученый вынул из футляра пеисие с дрожащими стеклышками:— Вспомнните хотя бы колоииу перед Знмним: на ней ангел с крыльями, а голова Алексаидра Первого. Илн фронтоиы Исаакия: горельефы мифологические, а лица нсторнческне. Тогда, как вы знаете, были модны

подобные экстравагантиости. Не исключено, что и здесь, иа пьедестале, кто-то с обликом первого революционера иа Русн...

— Позвольте, разве есть портрет Ваднма? Нуте?

— Рюрик без портрета, одиако представлеи,— уверенио парировал профессор и прищипиул к переносице пеисие с высоким стальиым зажимом.— В моей коллекцни имеется прелюбопытиейший документ: секретное предписание иовгородскому воеводскому правлению о иемедлеиином изъятии и уиичтожеиии по «высочайшему повеленню» сочниения статского советника Кияжниина «Вадим, или Освобождение Новгорода». Каково? Невольно замуруешь статую!

— Голубчик, это рабочая гипотеза или вы действительно обиаружили скрытую Микешииым статую Вадима?

— Отвечу вашнм любимым афоризмом: спешите медлеиио. Ииаче придумаешь историю с покушеиием иа Алексаидра Второго в Новгороде. Это же профаиация науки!

Передольский явио злнлся иа Берегиию. Калугни с трудом сдержал свое любопытство:

— Друг мой, мие рассказали легенду о золотой модели сего памятинка. Вы знаете, кто ее автор?

— Нет, ио об этом меня вчера спросила ваша подзащитиая...

«Вот те иа! Нацелнлась иа пуд золота»,— иасторожился исторнк, понимая, что профессору ие иравится поведение Берегиии. Калугии ждал откровеиия, но его ие последовало.

Бородач покосился на окна редакции местиой газеты. Видимо, вспоминл о разгромной статье «Передольщииа». Автор Пучежскнй окрестнл Передольского «буржуазным ученым» за ндеалнзацию Великого Новгорода и его памятнников. Особеиио критик обрушнлся на персоиажей «Тысячелетия Россин»: Петр I — сифилитик, солдафон, деспот; Екатерниа II — проститутка и т. п. Профессору запретили водить экскурсии по городу, иесмотря на то, что слушателн устраивалн ему овации.

— Это Пучежский требует очистнть Кремль от «вредиостн»?

— Не одии! И мы ие одни! И очеиь кстати для нашей борьбы письмо «Н. Ф.».

— Пучежский зарится иа мою коллекцию?

— Друг мой, пока вы лектор уииверситета, пока вы издаете книгн, ваша коллекция будет прн вас.

В светлых глазах профессора сверкнуло золото Софии. В соборе церковный хор разучивал божественный концерт «Всякую прискорбны еси, душе моя». Певчие готовились к молебну.

Калугин с детства любил музыку Бортнянского.

— В чем секрет чистоты, задушевности, голубчик?

— Мне ближе рисунок, а не звук. И потом, признаюсь, сейчас меня занимает тема нашей последней беседы...

Николай Николаевич избегал позы наставника: никого не поучал, а в то же время охотно отвечал на вопросы, помогая советом любому, кто тянулся к нему.

Минуло много лет, прежде чем Передольский принес Калугину свой учебник «Антропология». Прочитав труд профессора, он честно заявил, что автор, как и большинство естествоиспытателей, многое теряет оттого, что не владеет передовой философией.

Калугинская логика открытия, ее ключи проникновения с контрольными числами, сразу же заинтриговала ученого.

Профессор сдернул с массивной решетки обрывок бечевы от копченой рыбы. Веревочку занесло сюда недавней завертью. Ученый потянул ее за концы, словно испытывая на прочность:

— Легко узреть раздвоение единого: вот левый край, вот правый; вот начало, вот конец — пара противоположностей. Словом, как видите, милейший, я уверенно вращаю ключ проникновения номер два. Зато ключ номер три выскальзывает из рук. Что нужно?

Профессор уловил суть калугинского рассуждения и середину бечевки перехватил узлом:

— Это зачаток «мозга» — сводящая сторона противоположностей: начала и конца, приема и ответа, то есть пример ключа номер три. Но вы, батенька, не забегайте вперед!— Калугин шутливо погрозил пальцем.— Сначала в совершенстве овладейте ключом проникновения номер три. К примеру, ваша книга гласит: «Антропология — наука о человеке». Значит, надо четко выделить человека из царства животных. А вы этого не сделали — не повернули «ключ» трижды.

— Поверну!

Профессор впервые улыбнулся и снова окинул взглядом площадь: он явно высматривал Берегиню. Но о ней — ни слова. Видимо, что-то выжидает. Калугин не стал мешать...

Кремлевская арка с горельефамн-бороздкамн светотенямн напомннла нсторнку небесную радугу. И в сознанни почему-то выплыла утиная принльменская глухомань.

Вот оно что! Возле проезда на крепостной стене черно-красная афнша прнглашала горожан на воскресную выставку охотннчьих собак. А следом за выставкой — открытие охотннчьего сезона.

На Ильмене, как это нн странно, Калугнн чаще охотился не за днчью, а за свежнмн ндеямн. Наеднне с прнродой его пытлнвый ум смелее шел на понск, за выводамн н к обобщениям.

Ныне, возможно, охота прннесет ему нанбольшую удачу: он обоснует научное открытне с помощью дналектнкн, а тем самым получнт право снова отослать свою статью в Москву.

НА ПУТИ К ДОМУ

Под аркой Кремля, где гуделн шагн прохожнх, Ннколая Нноколаевнча задержала соседка по Тронцкой слободе. На загорелом лнце пожнлой женщнны прочертнлнсь морщнны. Она с обндой в голосе горевала:

— Жнльцов монх угоняют в Пнтер. Славные ребята, совестлнвые, самн комнату прнбиралн. Теперь не знаю, кого впустнть. Может, опять прнсоветуете?

Калугнн хорошо знал местных руководнтелей молодежн, Александра Мартынова н Ннколая Ларнонова, особенно своего тезку. Тот, секретарь губкома комсомола, часто возвращался домой вместе с нсторнком н жадно расспрашнвал его про древннй Новгород.

До снх пор казалось, что Знновьев заннмается перетасовкой партнйных кадров старшего поколення, но, оказывается, Грнгорнй Евсеевнч готов прнбрать к рукам и комсомольскнх вожаков.

— Голубушка, рекомендую лнтератора Фукса. Высланный, но не за уголовное дело: ннтеллнгент, воспнтан. У него жена н сын...

Уговарнвая соседку, он думал о том, что Фукс не случайно скрывает содержанне своего фельетона. Редактор «Ленправды» прочнтал опасную рукопнсь н сразу же передал ее Зиновьеву. Тот, со слов чекнста, своей властью изъял ее н прнказал немедленно выслать фельетоннста нз Леннnграда. И, видать, злослова люто прнпугнулн: автор не назвал Воркуну даже заглавня своей сатнры.

Небесполезно Ларионову посетить от имени Фукса его ленинградскую квартиру, рассказать жене о чудесной комнате на берегу Волхова, помочь ей собрать вещи и — почем знать,— возможно, Берта сама заговорит о злополучном фельетоне мужа.

Напротив яхт-клуба пестрел рекламный щит. Калугин не мог не взглянуть на портрет Берегини Яснопольской. Художник украсил ее длинной косой.

«Вечерний соловей»,— прочитал он и перевел взгляд на соседнюю афишу фильма «Женщина из тумана». Иногда случайность красноречивее известного факта. В самом деле, интересуется золотой моделью. Ради чего? И чем не угодила профессору? Получается, соловей-то в тумане...

Солнце давно перевалило за Волхов. Прибрежная дорога слегка пылит. Дома его ждет любимая окрошка, приготовленная матерью и учеником. Он ускорил шаг и в тот же миг уловил за спиной стук каблуков. Видимо, догоняет слободской паренек, страстный любитель голубей. Дядя Коля тоже любит птиц: им есть о чем поговорить.

Настиг не сосед, а горожанин, заведующий губархивом Иванов. Маленький, в очках, с большим зеленым портфелем в руке, он-то и семенил ножками. Давно покончено с белыми, а Пискун, прозванный так за ломкий голосишко, все еще рядился в костюм комиссара гражданской войны: галифе с хромовыми наколенниками, черная кожанка и фуражка из бордовой замши. Спрашивается, к чему Иванову, бывшему монаху, никогда не видевшему фронта, такое облачение? Тем более что он не таится своего прошлого и вовсю щеголяет церковными словесами.

Что ему надо? Видимо, речь поведет о жилплощади. Он и его мать живут в подвале. А чем поможешь? Новгородцы уплотнены до предела.

— Догнал, слава богу, догнал,— пропищал он через учащенное дыхание. Ровесник Калугина, Пискун в свои пятьдесят лет много курил и баловался вином: выдох источал запах пивного перегара.— Бог свидетель, денно и нощно размышлял: не приемлю ваш подход к диалектике...

В его партийной анкете значилось, что он, монах, тайком читал в келье Гегеля:

— Дозвольте возразить?!

То ли Иванов уважал старого революционера, то ли побаивался его, председателя Контрольной комиссии

губкома,— во всяком случае, к ровеснику обращался на «вы».

Его резкий петушиный надрыв не располагал к спокойной беседе. Калугин решил слегка утихомирить провожатого:

— Сначала уточним. При вас падал обелиск, посвященный русским патриотам?

— При чем тут я?!— взвизгнул он, показывая на Торговую сторону.— Пучежский явился в горсовет. В одной руке декрет от двенадцатого апреля восемнадцатого года — о снятии памятников царям и слугам их, а в другой — список дворян, упомянутых на обелиске. И рече: «Дворяне — слуги царя?» Исполкомовцы ему: «Слуги».— «Тогда выполняйте указание». И обелиск в преисподнюю. Вас не было...

— Но вы-то, батенька, жили здесь! И отлично знали, что на памятнике имена не слуг царских, а новгородских ополченцев. Как вы, ценитель древностей, архивариус, допустили такое варварство?!

Пискун оцепенел. Его подслеповатые глаза, увеличенные толстыми линзами очков, готовы прослезиться:

— Каюсь! Пучежский обошел меня. Он не ко мне за справкой, а прямиком в горсовет,— Иванов резко опустил портфель.— Что упало, то пропало! Спасайте ковчег Россиюшки!

— Спасать будем вместе! Подготовьте исторические справки,— историк пояснил суть задания и приглушил голос:— Мы идем по Русской дороге. Ее путь прослеживается в любой области...

— И даже в философии?!

— Разумеется, голубчик! Наша философия наиболее действенная. Еще Герцен сказал: «Диалектика — алгебра революции».

— Тю, тю!— ухмыльнулся Пискун, щурясь.— Алгебра — это образ, а вы буквально диалектику подчиняете алгебре.

— Наоборот! Из диалектических законов вывожу математические истины.— Он стал подсчитывать подорожные столбы.— Вот предметы обозначаем числами, а все предметы появились за счет единства и борьбы противоположностей. Так или не так?

— Так! Все развивается за счет противоречия.

— Значит, арифметическая прогрессия обязана противоречию?

— А если налицо геометрическая?

Зная, что Пискун увлекается шахматами, Николай Николаевич перешел на язык этой игры:

— На доске два цвета, по четыре фланговых клетки, по восьми переходных, шестнадцать черных фигур, шестнадцать белых, всего тридцать две фигуры и шестьдесят четыре клетки на доске. Это какая прогрессия?

— Два, четыре, восемь, шестнадцать, тридцать два, шестьдесят четыре — конечно же геометрическая!

— А почему, батенька? Да потому, что я играю за белых и черных, и ты, противник, играешь за себя и пытаешься разгадать мои ходы. Значит, в основе игры не одно, а два ведущих противоречия.

— Это что же?!— изумился Пискун.— Развитие одного противоречия определяет ход арифметической прогрессии, а два противоречия ход геометрической?

— Совершенно верно!— просветлел Калугин.— Все прогрессии, ритмы, математические действия, формулы в конечном счете вытекают из развития одного узла и системы противоречий.

— Боже мой!— ужаснулся бывший монах.— А ведь наш комвузовец приписывает вам обратное, что вы не выводите числовую науку из диалектических законов, а вульгарными гвоздями пришпандориваете числа к диалектическим законам; что вы приспешник Прудона и Дюринга, что ваша диалектика кухонная! (Он осмотрелся по сторонам.) Пучежский готовит вам разгром. И меня подбивает...

Иванов открыто дружил с Пучежским. Николаю Николаевичу было неприятно, что Пискун «продавал» приятеля, и сменил тему. Увидев на берегу реки одинокую кирпичную башню, охраняемую музеем, он подумал о предстоящем посещении Молочникова.

— Александр Павлович, вы были в музее Льва Толстого?

По тому, как сжался архивариус, надо было ожидать, что сейчас последует необычный вопрос о создателе литературного музея в Новгороде. Пискун пропустил мимо себя статную женщину с бадейкой, залюбовался ее обнаженными ногами и провокаторски зашептал:

— Крайности сходятся, глаголет Гегель. Молочников начал с того, что предал иудейскую веру, переметнулся к христианам, заделался толстовцем и упростился: взял из деревни бабу с увесистыми кулаками, и она вовсю покрикивает на блаженного муженька...

Рассказчнк снова задержался взглядом на голых ногах слобожанкн н тнхо продолжал, посасывая папиросу:

— Толстовец — оригниал: на нем чесучовая пара, черная шляпа н галоши и зонтик в любую погоду. В таком облаченнн он ездил в Ясиую Поляну. Брал там крамольную литературу и распространял ее. За что и угоднл за решетку...

Видимо, Иванов почувствовал, что его шовиннстический душок раздражает старого революционера, и осведомнтельскнй тон сменнл на адвокатскнй:

— Владнмир Айфаловнч — новгородскнй слесарь. У него своя мастерская. Чннит хлебодарам орудия труда. В шестнадцатом продал заводнк Новгородской губерской кассе молочного кредита за сто шестьдесят тысяч. Бывшего хозяина, опытного мастера, назначили управляющнм теперь уж казенного предприятия и обеспечили твердым окладом...

Архивариус прнподнял толстый портфель:

— А где тысячн? Пропнл? Спрятал?— показал кукнш.— На дворике поставил каменный павнльон и открыл в нем музей Толстого. Из частных музеев — первый в Россин. Знаменне Новгорода!

Загадочно улыбаясь, он вдруг заговорил тоном обвинителя:

— Летом двадцать второго года завод подвергли ревнзнн. Обнаружили незаконную продажу локомобиля, большого молота н недостачу в сумме трндцати шести тысяч. Толстовец вскипел: «Какая растрата? Я хозянн, что хочу, то и делаю!» Главный ревизор мигом в актохранилнще, затребовал нужный архив, открыл папку и ахнул: все документы подшнты, а еднственный акт купли-продажн завода нсчез...

Пытаясь отождествнть Молочннкова с Алхимнком, нсторнк спроснл:

— Суд был?

— Был. Но по другому нску: нэпман Молочинков зашнлся с налогами. Непомерны! Но у него даже имущество не опнсалн.

— Почему?

— Гусев, бывший секретарь Толстого, произнес на суде Демосфенову речь: Молочников-де против царнзма, год отсндел в крепостн; среди поклонников Толстого олицетворял рабочий люд; получил от писателя сорок два пнсьма; недаром Софья Андреевна отдала ему лнчные вещи мужа; недаром академик Браз нзобразил основате-

ля толстовского музея просветителем.— Иванов поставил портфель на камень, торчавший из крапивника, и, скрестив руки на груди, заверил:— За точность ручаюсь: за каждым словом документ...

Архивариус предложил сгонять партию. Калугин отказался: тот лучше играет в шахматы, а главное — историк дорожил временем, и к тому же Иванов готовил биографическую справку о Зиновьеве и не раз подкидывал за шахматной доской скользкие вопросики — допытывался, как Николай Николаевич его оценивает. Такое впечатление, что бывший монах шпионит. Подозрение было продиктовано тем, что Калугин открыто осуждал Зиновьева за его вульгарную оценку исторических памятников России. Пискун от рождения глуховат, недавно ездил в Ленинград за слуховым аппаратом и конечно же мог видеться с Зиновьевым.

— Товарищ Калугин, вы знаете, я давно дружу с Пучежским, но душой и умом за ковчег России. Мой тезка, выпускник Ленинградского комвуза, слушал лекции Зиновьева и круто проводит его линию. Он даст вам бой по двум пунктам: снесет микешинский памятник — раз! — Пискун конспиративно огляделся.— И припишет вам ревизионизм — два! Я тоже считаю ваше желание подковать диалектику числом мистикой! Так что в одном деле я вам помощник, а в другом — лютый враг. Ась?

«Вьюн»,— подумал Калугин, а вслух поблагодарил бывшего монаха за откровенность. Первый наскок с «троицей» ему не удался. Теперь жди второго...

Калитку в родной дворик открыл ученик, которому он обрадовался и которого решил взять с собой на экскурсию в литературный музей Молочникова.

МУЗЕЙ ТОЛСТОГО

Шагая рядом с Калугиным, я мучительно ждал оценку моему описанию смерча, но учитель говорил о «Войне и мире»:

— Учти, дружок, недопонимание философской идеи ведет к искажению поведения персонажей. Лев Николаевич недооценивал обратного влияния личности на массы и события. Отсюда — образы Кутузова и Наполеона излишне скованны, пассивны, хотя роман, разумеется, эпохальный, философский.

— Философский?!— удивился я.

— Да! В романе философская идея определяет выбор материала, сюжета, героев и даже язык и стиль произведения.

— А какой философской идеей сшит роман «Война и мир»?

— Идеей свободы и необходимости.

— Ой, сложновато!..

— Верно, душа моя, философский роман, как горный пик, доступен лишь тому, кто упорно годами готовится к восхождению. Наскоком не создашь ни «Фауста», ни «Братьев Карамазовых»...

Так, беседуя, мы пересекли городскую площадь, лишенную памятного обелиска «Народным ополченцам», и вышли на Чудинскую улицу к музею Толстого.

Угловой дом в железной ограде. На ней плакаты: «Все люди равны!», «Перекуем мечи на орала!» Рядом с калиткой щиток: «Принимаем заказы на плуги, печные дверцы и штампы». А над воротами черно-зеленая вывеска: «МОЛОЧНИКОВ С СЫНОМ».

Парадное открыл сам хозяин: умный взгляд, вислый нос и темный комбинезон, из нагрудного кармашка которого торчат очки и карандаш. Молочников узнал местного историка:

— А-а, наш краевед! Очень рад!— тряхнул он черными волосами с прядкой ослепительной седины.— За мной, пожалуйста...

Меня охватило легкое волнение.

Экскурсия началась со двора. Между домом и мастерской белел кирпичный флигель с колоннадой и фронтоном, а перед входом в круговой оградке высился бронзовый бюст великого писателя.

— Работа скульптора Гинцбурга,— важно объявил хозяин.

(Дорогой читатель, горька судьба портретного изваяния: фашисты, захватив Новгород, расстреляли гения. Изрешеченный пулями бюст хранит местная художественная галерея.)

Молочников открыл помещение экспозиции и любовно тронул просторную, белого полотна блузу с накладными карманами и отложным воротом:

— Шитье Софьи Андреевны. В этой самой толстовке Лев Николаевич создавал «Войну и мир». Однажды автор, надев блузу наизнанку, не на шутку расстроился: был очень суеверен...

От рокового совпадения у меня запылали уши: в воротах я всегда стою в красном платочке — поначалу сдерживал им свои упрямые кудри, а затем косыночка стала моим талисманом.

Вечернее солнце подрумянило застекленную витрину с письмами. Владимир Айфалович выбрал верхний автограф Толстого:

— Лев Николаевич, задумав роман о Петре Первом, тщательно изучал Великий Новгород. Вместе с сыном он отдыхал неподалеку от Окуловки, в имении своей тещи, а надзорщики, потеряв из виду «опасного яснополянца», рыскали по всем весям России...

Он сослался на валдайский документ, который я видел в нашем Музее революции. Полицейские скрупулезно описали внешность «государственного преступника».

— Автор «Воскресения»,— продолжал экскурсовод,— самоотверженно отстаивал свободу. Вот вырезка из газеты «Русь», двадцать второе мая девятьсот восьмого года: мой владыка протестует против приговора вашему слуге!

Надев очки, Владимир Айфалович склонил голову:

«Опять и опять совершается это удивительное дело: мучают и разоряют людей, распространявших мои книги, и оставляют в покое главного преступника...»

Кончив читать, толстовец мозолистой ладонью накрыл впалую грудь, как знак чистосердечности:

— Лев Николаевич просил меня писать ему из острога об арестантах и тюремных нравах. Вот подтверждение. Читайте!..

Я обозрел развернутый лист с толстовским почерком: писатель благодарил Молочникова за живые, проницательные рассказы об уголовниках. Мне тоже захотелось в тюрьму, чтобы оттуда знакомить нашего пролетарского писателя Горького с блатным миром. Калугин, словно высветив мои грезы, шепнул мне на ухо:

— Год среди мазуриков научит многому. Не так ли?

Только через неделю, когда учитель посвятил меня в тайну золотой модели, я оценил смысл калугинской реплики. Теперь Николай Николаевич не сомневался, что архивный акт Молочникова исчез не без участия самого Молочникова. Однако заподозрить его в спекуляции золотом историк не посмел. Он искренне благодарил хозяина за интересную экскурсию:

— Я высоко чту коллекционеров! Вы сохраняете для народа и государства исторические ценности, документы, реликвии...

А на улице, когда мы остались вдвоем, учитель дополнил:

— Учти, друг мой, истинный коллекционер может один экспонат обменять на другой, но он не продаст его, не спекульнет, не наживется. Голодать станет, но музей не разорит. Таков и Передольский. Я преклоняюсь перед этими энтузиастами-бессребрениками!

Он задумался, а я повел разговор о последствиях бури, надеясь, что учитель вспомнит мое неотразимо художественное сочинение. Так оно и вышло:

— Душа моя,— он оглянулся на музей Толстого,— учти, пишущий красиво недолговечен, как фейерверк. А стиль, освобожденный от красот, подчас тяжеловат, но он, по мерке Чернышевского, диалектик души. Гонись за образами не ради образности, а вникай в человека, пойми его противоборство с самим собой и со средой: ведь сила, движущая нашими переживаниями,— противоречие. Однако анализ души — венец учебы. Мы начнем с простого...

— Постижения пейзажа?

— Верно, голубчик, но и природа — это не только внешняя красота, гармония, настроение, но и буря, смерч, бедствие. Более того: любая былинка — энциклопедия развития.— Указал на Летний сад.— Деревья исторические, ибо посажены руками пленных французов. Вникай! Открывай то, что не видно! Ключи проникновения тебе известны. Глубокая мысль лишь обогатит образ...

Выходя из крепости, учитель замедлил шаг:

— Первая тема — река. Не возражаешь?

Я готов кричать «гип-гип-ура!». Недавно я изучал теорию литературы и новгородские былины, а сейчас, подумать только, с помощью калугинских инструментов познания буду членить Волхов на внешние и внутренние потоки, заглядывать в глубь истории великого пути «из варяг в греки». А главное, все находки, все примечательное метить числовыми буйками. Учитель давно сказал: «Восходить по лестнице противоречия — значит, вести счет показателям любого развития. Даже гармония обязана борьбе противоположностей».

Окинув взглядом вечерний Волхов, где двугорбый мост любовался своим отражением в речной глади, я, словно язычник, взмолился перед величественной картиной природы: «Скорей бы!»

Скорее не получилось. Николай Николаевич по-прежнему пропадал на кирпичном заводе. И вдруг подвернулся случай...

От имени Детской комиссии Калугин попросил меня собрать из ребят Дома юношества футбольные команды и провести соревнование на городском газоне у Летнего сада. «А я,— добавил он,— обеспечу духовой оркестр».

Задание, конечно, обдумано: ребята живут со мной в Антонове. Они боготворят соседа — вратаря сборной Новгорода. К тому же я «пересказывал» им фильмы, которые никогда не видел.

Желающих играть на центральном стадионе, да еще под музыку, больше нормы: запасные игроки пригодились для другой цели. И вот в канун матча приглашаю Николая Николаевича. Он явно смущен. «Постараюсь, друг мой, у нас субботник: прибираем территорию завода».— «А мы поможем»,— заверил я.

И помогли. И матч провели. И занятия наши возобновились.

Мы стоим возле Кремля на высоком яру. По Волхову, освещенному ярким закатом, медленно скользит одинокая яхта под бело-розовым парусом. Учитель ореховой палочкой с резьбой прочертил на земле аршинную стрелку:

— Что за фигура? Ответь.

— Линия. Линия развития. Первый ключ проникновения.

— Верно. В чем суть его?

— Линия таит в себе все ступени развития противоречия: линия одна, она же двоится — начало и конец; она же троится — зачин, середина, конец; она же четверится...

— Так, так!— одобрил он, переводя палочку на реку.— Вот напротив пристань. (Его указка выбрала высокую баржу с застекленной надстройкой.) Это единство прибытия и отбытия приглашает нас пуститься в занимательное путешествие. Ты как?

— С радостью!

— За штурвал! И веди по курсу первой фигуры...

Я уверенно раздвоил Волхов на противоположные берега, указал середину, где проходил фарватер, и все же сел на мель: одно дело — логистика и другое — живопись словом, да еще мудрая.

На помощь пришел «капитан». Его голос бодрый и добрый:

— Дружок, перед нами единый сплошной поток. И в то же время в нем уживаются плавность и пороги, и излучины и стремнины, прозрачность и муть, старь и новь: Волхов из древнего озера течет в грядущее — ильменские воды завтра начнут питать первую стройку коммунизма...

— Волховскую гидростанцию?

— Но учти, дружок, только ограниченные люди довольствуются контрастами. Красочные полюса — сфера поэзии, а не философской прозы. Укажи-ка ведущую сторону.

— В могучем потоке одной реки?

— А что? Волхов — старый волшебник классического противоборства течений. Вспомни-ка Новгородскую летопись...

— О капризах Волхова?

— Старик нижним течением всегда устремлен на север, в Ладогу, а верхним иногда гонит воды обратно в Ильмень. И все же в этой схватке всегда побеждает нижнее, ведущее течение...

— Как в нашей торговле?

— Умница!— Он осмотрел притихший базар Торговой стороны.— Напором товаров нэпманы пытаются повернуть вспять жизнь и затопить все частной собственностью, но в этой битве победа за глубинным, ведущим течением социализма.

Учитель продиктовал мне домашнее задание и неожиданно спросил:

— Тебе известна на толкучке торговка по кличке Жаба?

— А что?

— Профессор Передольский купил у нее старинную книгу с голубой печатью новгородской духовной семинарии. Нуте?

Здание бывшей духовной семинарии занимал наш педтехникум, где мой отец, агроном, преподавал сельское хозяйство и где мы жили: мама, папа и я. Из окна моей комнаты виднелась белая двухэтажная постройка с большой проездной аркой в поле. На втором этаже находилась фундаментальная библиотека XVIII века.

— Еще вчера я видел на двери книгохранилища целехонькие замки и красные сургучные печати...

— В том-то и уловка, что крадут, не тревожа замков и печатей. При этом рамы второго этажа заделаны позимнему, а форточка невелика. Спрашивается, кто и как проникает в помещение?

— Рядом с библиотекой — детский распределитель, а поодаль, за монастырским садом, Дом юношества. Там и тут полно моих друзей. Мы всё разведаем.

— И знай: на книгах могут быть не только штампы семинарии, но и автографы замечательных людей восемнадцатого века. Ведь библиотека собрана культурнейшим библиофилом Амвросием Юшкевичем и видным просветителем, поэтом Феофаном Прокоповичем.

Меня словно катапультой подбросило. Я победно вскинул руку:

— Так вот кто похоронен в Софийском соборе и представлен на памятнике России!

— Не задирай нос: на одних подсказках далеко не уедешь! Нет, мальчик мой, Феофан Прокопович не подрывал трона Петра Первого, наоборот, поддерживал умного царя и его новшества.— Калугин достал карманные часы с волосяной цепочкой.— Проводи хотя бы недалеко, пожалуйста...

Он, видать, вспомнил что-то грустное: шел молчаливо-мрачный. И вообще последние дни учитель часто думает с печалью в глазах. Что с ним? Как помочь?

Расстались у Белой башни. На обратном пути я взялся за домашнее задание, хотелось хоть чем-то порадовать своего наставника.

Вот старинная стена, выложенная из тонких кирпичей и булыжин, а рядом с ней электрическая проводка; современная моторка, а надпись «Перун»; да и сам древний град именуется Новгородом...

Мне стало стыдно: дальше контрастов я не пошел. Насколько калугинский пейзаж сложнее, динамичнее, противоречивее, а тем самым и поучительнее. Мои примеры не порадуют учителя.

Я остановился возле рекламы: меня зазывали «Женщина из тумана» и «Вечерний соловей». Недавно на Ильинской я приметил испорченную афишу: кто-то вырезал оригинальное личико Берегини Яснопольской.

И вдруг дерзкая мысль: рамка на письменном столе Передольского прикрыта черной бархоткой. Вот бы приподнять уголок. Не влюбился ли профессор в певицу?

— Навещу! Завтра же!— решил я, упрекая себя за бегство из профессорского музея. Нехорошо: я так и не закончил опись библиотеки ученого.

А пока что я махнул через забор Летнего сада, где на открытой эстраде заливалась соловьем Берегиня Яснопольская. И был немало удивлен, когда в толпе востор-

женных слушателей увидел красную сорочку Пучежского, белые лайковые перчатки торговца Морозова и густую, с проседью бороду профессора Передольского. Гипнотизер держал в руках огромный букет белых роз.

Вот кто вырезал портрет «Вечернего соловья».

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

Радушно встречая сына, Анна Васильевна шепнула:

— У нас Владимир Васильевич...

Профессор и раньше заходил к Калугиным, но не в такой поздний час. С лаем и визгом, энергично махая хвостами, собаки облапили хозяина. Он улыбался своим любимцам, а сам думал: «Этот визит неспроста». Хотя Передольский иногда навещал лично Анну Васильевну.

Их дружба началась так: матушка чудом спасла редкую икону, выхватив ее из рук комсомольца. Тот хотел бросить образ в печь. Богоматерь новгородского письма лишила коллекционера покоя. Он бредил ею, просил продать икону. Анна Васильевна не торопилась. Тогда жена профессора, математичка, поздравила свою коллегу с днем рождения, подарила ей породистых щенят Плюса и Минуса. С той поры домашний гвалт кур, уток, канареек пополнился лаем гончей и легавой, а в личную коллекцию Передольского благодарные Калугины отнесли чудесный лик Марии.

Калугинский кабинет, до потолка заставленный книжными стеллажами, походил на шкаф: лишь одно окно, доверенное палисаднику, нарушало иллюзию.

Профессор свободно расположился на кожаном диване, раскидав руки по сторонам высокой спинки. И вот загадка: не был Передольский таким уж корпулентным, тем более без поддевки и картуза, однако и с непокрытой головой, в легкой косоворотке, создавал иллюзию кафедральной представительности.

— Николай Николаевич, извините меня...

— Нет, нет, голубчик, никаких извинений, я рад видеть вас. Пожалуйста, нас ждет ужин,— он пригласил гостя на веранду, где плетеный стол был уже накрыт и где желтенькие пташки, завезенные к нам с далеких Канарских островов, славили вечернюю зорьку.— Не уступают соловью...

Расхваливая солистов, Калугин продолжал думать о профессоре: «Видимо, сильная натура возвеличивает внешность».

— Друг мой, как ваша супруга, детки?

— Все живы! К счастью, упавшее дерево задело лишь забор. Но, признаюсь, я стал мнительным: мне кажется, что буря — предвестник больших бед — гнетет предчувствие...

Еще днем возле памятника профессор был чем-то озадачен и раздражен, а вечер еще больше усилил его душевные тяготы. В чем истинная причина? Неужели бывшая студентка?

— Голубчик, очки ваши не «затуманились»?

— Нет! Шпаргалка остроумная: надеваю пенсне — и сразу вспоминаю ваш ключ номер три. Не хватает должного навыка, да и склад ума не философский. Я легко улавливаю частности, а вот обобщить, как вы, пока не могу...

Историк чуть было не проглотил рыбью косточку:

— Батенька, я сам часто спотыкаюсь. Да-да, ошибки закономерны, у них своя логика. К тому же философия — самая сложная наука. К логике открытия я пришел через логику ошибок.

— В старину логику открытия называли эвристикой?

— Верно! Но эвристика признает лишь случайные, бессознательные открытия, а логика ПОИСКА — закономерный подход. Ведь таблица Менделеева заранее указывает, где и что можно открыть в мире элементов. Не так ли?

Владимир Васильевич, бесшумно кромсая вилкой судака, глазами показал на притихший сад:

— Больше часа просидел в беседке. Очки со мной. Ищу различие между человеком и животным. Заведомо знаю: любая грань обязана противоречию. Что выделяет личность? Орудие труда. Это главный, ведущий признак. Наметка плана действия — вторая ведомая грань. А что связывает их?

— Язык, разумеется! Без речи не передашь опыт, приобретенный в труде, молодому поколению. Не так ли?

— Справедливо!— встрепенулся ученый.— Традиция — эстафетное звено в развитии человечества. Как я сразу не вспомнил ваш рассказ о Русской дороге?!

Развивая мысль о традиции, историк вскинул глаза на прутяную клетку и противопоставил птичью «традицию»:

— Один инстинкт и одни «ноты» для всех поколений...

Видимо, пение канареек воскресило в памяти профессора пение «Вечернего соловья»— гость, принимая сахарницу, нарушил свое размеренное благозвучие:

— Блеф! Был я иа коицерте Берегиии Ясиопольской. Сей псевдоиим ложиый, как и ее иакладиая коса. Нет, Ольга Муравьева талаитлива. Но избрать эстраду с ресторанной публикой? Мясиик Морозов чего стоит: орет, швыряет цветы иа сцеиу, шлет воздушиые поцелуи, вызывает иа бис. Отвратительио! А рядом красиая рубаха иаяривает в ладоши...

— Пучежский, что ли?

Утвердительио качиув бородой, профессор поморщился:

— После коицерта поперся к ией за кулисы. Зачем?

Старый революциоиер всегда испытывал иекоторую неловкость, когда беспартийиые презрительио отзывались о коммуиистах:

— Начальиик губполитпросвета,— уважительио напомиил ои,— заведует репертуаром...

— У этого ловеласа репертуар одии — совратить свежеиькую актрисулю,— Владимир Васильевич, откинув чайиую ложку, опередил хозяииа:— Милейший, отвечаю головой! Вчера актриса ТОРа Чарская умоляла мою супругу, чтобы я, гипиотизер, виушил ей отвращение к Пучежскому. Она в положенни. Ои обещал жениться н вдруг облюбовал иовую жертву...

Злые языки судачат, что у Пучежского в театре гарем, ио пока в Коитрольиую комиссию жалоб ие поступало. Другое дело — сигиал профессора. Калугии, разумеется, проверит, ибо жеищииа из ревиости способиа иаговорить лишиего.

— Дорогой мой, вы хорошо зиаете свою студеитку? Чем может увлечь ее Пучежский?

— Миогим!— Гость красиым платком вытер влажиый лоб и собрался с мыслями.— Импозаитиостью. Положеиием. Красиоречием. Оиа, чеховская попрыгуиья, увлечется и ораторским искусством...

— Позвольте, батеиька! Берегиия, возможио, разочаровалась в эстраде, бичует себя, ищет выход. Вы же учитель ее. Так?

Владимнр Васнльевич смутился. Его светло-серые глаза с чериыми точками метиулись к двери, за которой исчезла Аииа Васильевиа, и собеседиики сиова встретились взглядами.

— Четыре университетских года! При моей общнтельностн я узнал о ией лишь то, что на первом курсе она связалась с воровской шайкой и чуть было ие угодила за решетку; скрытиая, умиая, универсальиая спортсмеика,

свободио говорит по-фраицузски, переписывается с отцом, тот живет где-то за граиицей. Вот и все!— кисло улыбиулся гость.

В Кремле профессор искал свою учеиицу, пережнвал за иее, хмурнлся, ио ие говорил о ией иронически сухо. Чем вызваиа такая смена чувств? Уж не влюбился лн ои?

— Голубчнк, кто из нас ие грешил в молодостн,— спокойио говорил хозяии, допивая остывшнй чай.— Мие кажется, ее незавнсимость, гордость проднктована тем, что она просто-напросто презирает иашего брата.

Благодушный тои ие помешал Калугину сопоставнть Берегиию из воровской шайки с помощницей Алхимнка. Тем времеием профессор выиул из кармана брюк часы в виде золотого яйца и заторопился домой.

Проводнв земляка до калитки, историк пожал ему руку, вернулся в кабинет и окаменел: на рабочем столе, где перед ужнном была оставлеиа малниовая тетрадь,— пусто.

Кто взял? Калугнискне глаза, заполиеииые бездоииой черныо, уставнлись иа свежую вмятииу диваиа. Здесь, близ стола, сидел Передольский. Мог лн ои протянуть руку?

Человек без сложиых виутренннх коифлнктов — простак. Владнмнр Васильевнч танл в себе дерзиовеииую, противоречивую иатуру. Еще до профессорской деятельиости ои взял в дом снроту, воспитал ее, дал высшее образоваиие, по-отечески благословнл, как дочь, иа личиое счастье и вдруг... женился на ией, будучи иа двадцать лет старше ее. Добрый, ои прощал иемалые долгн беднякам, а с давиим соседом затеял тяжбу из-за клочка земли.

А где стык полярностей, там и переходы. Передольскнй вполие «оправдал» свою фамилию: ои всегда стремнлся ПЕРЕкрыть долю, отпущеииую ему судьбой.

Леиииградский уинверситет зиает иемало мастеров слова, ио Владимнр Васнльевич ПЕРЕговорнл своих коллег: за иим слава блистательного лектора, как у зиамеиитого Коии. Все ие прочь прогуляться за городом или махиуть в столицу, ио пуститься одиому в челие по днкому Еиисею, честное слово, ие каждый ПЕРЕсилит себя да еще напишет кннгу о своем путешествии...

Новгород славеи гипнотнзерамн, ио лншь Передольский ПЕРЕшагнул порог обычиого сеаиса внушеиия: разработал свою методнку лечеиия гипнозом.

Другое дело — метод поиска закоиа: ои дает ключи проиикиовеиия в тайны мироздаиия. И эта логика откры-

тия изложена в малиновой тетради. Надо только протянуть руку и ПЕРЕубедить себя — смириться с подлостью. Но способен ли он на такое? Сможет ли обокрасть земляка, который в горсовете отстоял его коллекцию, который поддержал ученого в ту пору, когда местная газета бездушно чернила профессора? Нет, ни при каких обстоятельствах Передольский не отплатит своему покровителю неблагодарностью!

Калугин шагнул к распахнутому окну. Тянуло дымком — соседи коптили рыбу. Он внимательно осмотрел подоконник: газеты и журналы не сдвинуты. Отсюда никто не проник. Кто же взял?

Вдруг догадка обожгла сознание: «Мама!» Она против его умствований. Утром упрекала: «Сынок, ради здоровья — отдохни хоть раз в жизни. Не переутомляйся. Даже ночью бредишь категориями. Отложи тетрадь! Забудь книги! Возьми удочки! На то и каникулы. Умоляю тебя! Ну сделай это хотя бы ради меня!»

Сейчас перед сном старушка выгуливает собак. Есть возможность проверить свою догадку. Он прошел в материнскую комнату и, против своего желания, заглянул в резную раму трюмо. Обычно он, старый холостяк, не задерживался перед зеркалом: минута размышления дороже созерцания своей персоны.

Серая блуза слилась с обоями серого цвета, а его круглая бритая голова и узкий темный галстук обрисовались в тусклом стекле учебным пособием на подставке. «Глобус» — вспомнил он свое школьное прозвище, и память восстановила торжественную картину выпускного экзамена.

Над зеленым сукном строгие лица учителей, батюшки, инспектора гимназии. Улыбку сохранил лишь меценат Масловский с лучистой звездой на темно-синем мундире.

Коля поблагодарил благодетеля за стипендию, а сановитый добряк поздравил выпускника с золотой медалью и подарил ему плотную тетрадь в малиновом переплете.

Теперь эту тетрадь, испещренную стремительным почерком, родная мать прокляла и куда-то спрятала, с глаз подальше. В старом комоде ящики, набитые бельем, с трудом выдвигались.

«Лишний раз не станет надрываться», — рассудил Николай Николаевич и перевел взгляд на деревянную кровать с овальной иконкой у изголовья.

Подойдя к постели, сын засунул руку под пирамиду подушек и благоговейно скользнул ладонью по шелко-

вистому переплету. А беспокойиый взгляд погас на фарфоровой копилке в виде памятиика России. Детская игрушка Коленьки помогла матери скопнть солидную сумму. Его же рубликн превращаются в книги: иной раз нет деиег иа букет цветов.

Он почему-то представил актрнсу Яснопольскую н себя с краснымн тюльпаиами. Нет, ие быть тому: губкомовец рядом с мясиком Морозовым иа ее коицерте?!

Завтра проводы Сомса н неизбежиый разговор с иовым секретарем губкома, ставлеииком Зиновьева.

«Драться буду»,— твердо решил Николай Николаевнч и поспешил из материиской комиаты, давио пропахшей лекарствеииыми травамн. Мать не прнзнавала врачей.

На дворе хлопиула калнтка, словио выстрелили из обреза.

АГЕНТ КОМИССИОНКИ

Как всегда, он чуть свет искупался в Волхове, иакормил собак, подсадиую утку, кур, канареек, а потом уж позавтракал сам. Но дальнейший плаи действий иарушил телефонный звоиок.

Вот уж верио: иа ловца и зверь бежит. Только Иваи взял иа прицел агеитшу лениииградского комиссионного магазииа, мадам Квашоикииу, как оиа дает о себе зиать:

— Николай Нниколаевнч, воскресный сюрприз: выполиила одии из ваших заказов. Заиесу редкую кингу.

Сюрпризу, разумеется, рад, ио визнт его ие устраивал. Он поблагодарил агеитшу за услугу н поясиил, что сейчас идет иа проводы товарища и мимоходом зайдет сам.

Квашонкина поставляет своему магазину антнкварнат, да н муж ее Васнлнй Алексеевнч помогал невским и московским любителям собирать древиие иконы, рукописи н кабинетиую мебель красиого дерева.

Надо полагать, кое-что оседало в доме: возможио, квартира Квашонкииых и есть «третий частный музей», где хранится золотая модель памятиика. Вполие правдоподобиа версия чекнста: Любовь Гордеевиа часто ездит в Питер — почему не подработать у Алхимика? На худой коиец, супруги Квашоикины могут зиать об авторе золотой модели. По этому адресу он шел впервые.

Супруги проживали иа Софийской иабережиой. Однн участок дорогн, от Кремля до перевоза, вел между шеренгой цветущих тополей и парком, где иад летннм ресто-

раном дымился тополиный пух. Там, на Веселой горке, вечерами поет Берегиня, «соловей из тумана». Что за песни? В них приоткроется ее душа. Не послушать ли?

Отгоняя незваную мысль, он заставил себя думать о любимом дереве. Тополь — самый жизнелюбивый и мудрый. На ладони Калугина волнуется белая воздушная недотрога с малюсеньким зернышком. Последнее как бы говорило: «Мой росток сначала подобен былинке, затем кусту, а потом я — дерево. Восхищайтесь разноцветьем флоры, но не забывайте, что любое многообразие сводимо к одному закону, а тайна любого закона в предельно кратком выражении множества. Все великие науки тянутся к м а л ы м показателям...»

Деревянный дом в два этажа с мансардой когда-то составлял личную собственность новгородского купца третьей гильдии Алексея Квашонкина: нижнее помещение занимала чайная с бильярдом, а верхнее — хозяева. Теперь сын бывшего богатея и жена его Любовь Гордеевна занимают мансарду.

На площадке крыльца тополиные пушинки скатались в длинный шлейф. Лестничные ступеньки четко подсчитывали сами себя. По тому, как хозяйка проворно открыла дверь и предстала надушенная, нарядная, историк понял, что ждала она не только его: мадам Квашонкина часто катается с Морозовым в пролетке с надувными шинами. Хитрая дама не выдала своего разочарования. Она, видимо, еще не знает, что любовник ее теперь ухаживает за «Вечерним соловьем».

— Голубушка, вы были на концерте Яснопольской?

— Фи, бездарь!— хлопнула она дверью.

Он подумал: «Знает». По выходным дням Квашонкин, король местного бильярда, проводит свободное время с кием в руке; и Любовь Гордеевна без мужа, которого не любила, побеседует более откровенно о своих агентурных делах.

В светлом коридоре хозяйка обратила внимание гостя на висящий портрет своего отца, похожего на Чехова. То был революционер старшего поколения. После одиночной камеры Петропавловской крепости его выслали на вечное поселение в Новгород, где он отошел от политики и женился на цыганке.

Дочь унаследовала от родителя ясные лучистые глаза, а все остальное от матери: смуглость лица, верткие прямые плечи, тяжесть смоляных кудрей и привычку повязывать цветистый платок на подвижные бедра, а с большими

кольцами в ушах она не расставалась с детства. Цыганка любила свободу. Муж ее заведовал софийской ризницей и днем, естественно, находился на работе, а вечерами предпочитал бильярдную, что жену вполне устраивало.

— Проходите, пожалуйста! Это моя комната...

Мебель красного дерева, французские гобелены, китайские вазы, японские статуэтки, новгородские древние иконы без ажурных окладов — все это нагромождено, как в лавке антиквара.

Прошло то время, когда Николай Николаевич не мог без смущения смотреть в глаза первой красавице города. Сейчас историк думал не о ней, а о третьей коллекции.

Хозяйка подняла штору венецианского окна и, с голубым котом на руках, важно кивнула на картину в золоченой раме: Екатерина II амазонкой восседает на белоснежном коне.

— Вглядитесь! Краски, композиция — стиль Лямпе. Но который? Если старший — находка; если младший — так себе: сын слабее отца. Ищу автограф. Вижу через лупу наплывы масла, а подписи нет и нет. Я уж отчаялась! Вдруг на изгибе седла... знакомый росчерк Лямпе-старшего...

«Откуда такая ценность?»— заинтересовался историк и сам же сообразил: посредница ленинградской комиссионки ездит по всей Новгородчине, где немало больших дворянских имений. Видимо, в усадьбе помещика-книголюба она раздобыла и редчайший том «Философии общего дела», изданный на востоке нашей страны.

— Книга Федорова открывает ваш список...

— Спасибо, Любовь Гордеевна!— обрадовался он, поясняя:— Утопист, но оригинальный мыслитель. Им интересовались Толстой, Достоевский, Циолковский и даже народовольцы...

— Народовольцы, говорите?— уточнила она и взглянула на календарь, прибитый к наличнику двери.— Год назад скончался народоволец, соратник Желябова и Софьи Перовской...

— «Последний из могикан», как назвал его Ленин.

— А известно ли вам, что именно Ленин вернул ему, Тыркову, сад и двух коров?

— В усадьбе Улькова на берегу Волхова?

— Все-то вы знаете, историк! Но,— она загадочно улыбнулась,— одно, наверное, вам не известно...

— Что ваш отец сидел в крепости?

— Отрадно! Очень!— у нее дрогнул голос.— Вы всегда по-доброму вспоминаете моего папу, но сейчас о другом...

Пустив кота на пол, Любовь Гордеевна взяла с ломберного столика костяную шкатулку и восторженно воскликнула:

— Смотрите! Форма! Резьба! Прелесть!

Изящная работа художника заслуживала похвалы, но краевед по тону скупщицы смекнул, что ларчик не без секрета. И не ошибся.

— Приобрела в бывшем имении. Держу в ней аптечку. А Маркиз,— погрозила коту пальцем,— учуял валерьянку и опрокинул шкатулку на ковер. Смотрю — проглянуло второе дно, а над ним желтый от времени листок...

«Секретка Н. Ф.»,— пронеслось в сознании историка.

Огонек догадки в глазах гостя насторожил цыганку, и она, спохватившись, мигом придумала отговорку:

— Любовная записка восемнадцатого века!

Широковещательная заявка — и скромная концовка. Это несоответствие толкнуло хозяйку сменить пластинку:

— О, вы не представляете, какие уники выдает наш край! Полотна! Иконы! Самоцветы! Графскую мебель! Наш магазин на Морской — клад интуристам: вагонами везут за границу. А жаль!

— Увы, голубушка, нам нужны машины,— Калугин выставил ладонь.— Я собираю, как знаете, местные легенды. Вы не слышали о золотой модели памятника России? Нуте?

У агента не дрогнула даже ресничка:

— Бронзовая модель хранится в Русском музее, а золотая не может храниться даже в памяти: монумент поставлен шестьдесят три года назад — еще не настало время для возникновения легенды,— резонно рассудила она и тревожно спросила: — Говорят, американцы прицениваются к Софии, а немцы — к творению Микешина?

— Будьте спокойны, голубушка, собор и памятник навечно в Новгороде.— Он почтительно приподнял книгу в потертом переплете:— Сколько обязан?

Она заломила два червонца. Калугин добавил трешку. Эту работу Федорова он искал более пятнадцати лет:

— Спасибо! Не забывайте, звоните!..

Прощаясь в коридоре, он взглянул на портрет революционера в очках, с бородкой, и твердо уверовал: «Гор-

дится нменем отца и радн его светлой памяти ни за что не пойдет иа уголовную сделку с Алхимнком».

Калугину даже ступенькн лестинцы дружно поддакиулн. Шагая мимо Веселой горки, откуда доиосняись удары бильярдных шаров, он сиова, против своего желаиня, вспоминл Берегиню Ясиопольскую: «Профессор слvшал ее, а почему же мие иельзя?»

ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕГО ДЕЛА

Проводы Сомса через час. Калугии ие опоздает: теперь он прнходнт к местам встреч всегда зараиее. Это стало прнвычкой. Когда-то семннарист опоздал на маевку: подвел пьяный перевозчнк. Нниолай подошел к оврагу, когда полнцейские уже конвонровалн подпольщиков. Однн нз арестоваииых так резанул его взглядом, словио он, ннтеллнгеитншка, продал рабочнх. Нн арест, ин заключенне, ин допросы не в снлах былн снять гнетущего стыда. А после тюрьмы н ссылкн Калугнн первым делом разоблачнл провокатора. С тех пор ои действует, нмея в запасе время.

Увидев на афише «Вечернего соловья», старый революцноиер вернулся к текущнм заботам. Он исключил нз «черного спнска» Молочннкова и Квашоикиу, ио держал в поле зрення Берегнню. Тот факт, что оиа студеиткой якшалась с ворамн, еще больше насторожнл его: зачем ей, певунье, мужская хватка, стрельба, бнльярд и золотая модель памятника?

Он не вндел, что в эту минуту она следнла за ннм, хотя ие нсключал встречн с нею н зараиее внушил себе, что не оробеет перед ее артистической внешностью.

Под аркой Кремля вьется летияя пурга: обнльиое цветенне тополя к засухе. Теперь ждн лесные пожары и молебны. Сейчас церковннкн по всем прнходам «обновляют» старые икоиы. Софнйскнй собор продолжал готовнться к массовому церковному ходу: слаженные голоса певчнх прнзывают верующнх к участню в шествни прн хоругвях, с нконамн н крестамн.

Нельзя допустнть молебна у подножня памятннка в днн автопробега. Здешннй владыка твердит, что только оии, хрнстнане, любят Русь н чтят ее велнких сынов, а безбожннкн лншь глумятся надо всем. К сожаленню, Пучежскнй не понимает, что церковная стратегня — одна из самых жнвучих и многоопытных. Ударамн в лоб ее ие одолеть.

Чувство досады отступило перед обозреием любимой площади: от иедавиего беспорядка и следа не осталось. Хотелось похвалнть подметальщнцу. У стены крепости увидел метелку и деревянный ящик. Тот напомнил шкатулку с двойиым диом. Историк подумал: «Накоиец-то проясиилась судьба секретки. Оиа ие один год пролежала в костяиом тайиике, потому и ие получила огласки».

Трудио угадать, каким образом уникальный документ оказался в доме Тыркова. Одио бесспорно: агентша комиссноики была в усадьбе «последнего из могикан». Возможно, и кинга Федорова из библиотеки народовольца? Нет ли экслибриса Тыркова?

С волнением открыл титульный лист. Экслнбриса иет. Но налицо совпадение иинициалов: автор записки —«Н. Ф.» и автор труда — Николай Федоровнч. Не он ли вдохиовил Микешииа воплотить в броизе «Философию общего дела»? И ие он ли, Федоров, первым открыл тайну Тысячелетня?

Калугин взгляиул на скульптурную Россию глазами мыслителя Федорова. Оиа предстала удивительной: на пьедестале люди разиые, ио все оии скреплеиы общим делом — защитой Родииы. Даже реакциоиер Паскевич бился с французами за Русскую землю; даже артиллерия Аракчеева, царского пса, успешио громила наполеоиовскую армию. Зиамеиательио! Народиая память не сохраннла ни одного имени предателя в Отечествениой войие двенадцатого года.

Одиако Микешии, разумеется, и без Федорова знал, что иашествие иноземцев — бедствие иомер одии и что служение патриотов Отечеству было столь убедительным: миогоиацноиальиая Русь ие распалась, как распалнсь другие великие империи.

Но Федоров не только утопист с релнгнозиым уклоном, он — гуманист. Он убеждал людей жить ие для себя, а со всеми и для всех. Путь к такому союзу — ОБЩЕЕ ДЕЛО. Он верил не в силу пушек, а в преобразующую мощь разума и науки. Настойчиво призывал к коллективиой деятельиости радн большой целн — например, освоить космос. Но русские способиы создать рай и иа земле, пример тому — иовгородские ушкуйнники, искавшие рай ие иа небе, а на земле.

Все это, к сожалению, ие представлеио иа микешииском памятинике. И иет осиоваиия приписывать философию Федорова творчеству Михаила Осиповича. Тем более внушить художинку засекретить крамольиую фигуру: ведь

русский мыслитель мечтал о сильной централизованной монархии.

Нет, нет, Федоров не ключ к разгадке тайны Тысячелетия! Историк устремился к бронзовой летописи и порядком удивился, что в тени высоченного монумента затаилась актриса в белом.

Ожил тонкий запах французских духов. И снова робость толкает губкомовца к излишней строгости, хотя вор не пойман и будь любезен придерживаться своего кредо: все имеет цену, кроме человека,— он выше всяких цен.

Послышалась легкая уверенная поступь. Берегиня обратилась к нему без приветствия:

— Николай Николаевич, мы с подругой расшифровали секретку.

— Простите, с какой подругой?— Он ужаснулся своей глупости: «На кой черт мне подруга?!»

— Вера Чарская в душевном трансе. Чтобы развеять ее, я посвятила подружку в тайну Тысячелетия. И вот!— Взгляд стремительно взлетел к пику пятнадцатиметрового конуса:— Нашли!

Ее восторг передался ему: теперь он одобрил свой «глупый вопрос». Оказывается, Пучежский сел в лужу: бросил Чарскую ради Берегини, а та не пошла под локоток с красавцем мужчиной. А может, «Вечерний соловей» ведет двойную игру?

Историк перекинул взгляд на столь близкий ему трехъярусный памятник, высвеченный полуденным солнцем. Нижняя цепочка из фигур ратоборцев, художников, просветителей и слуг государства; средняя площадка вокруг державы — проход героев эпохальных событий, а верх бронзового шара увенчан крестом, ангелом и россиянкой со щитом тысячелетнего Отечества.

— Она!— девичьи глаза горели.— Кто поднят выше всех? Великий князь? Государь? Нет и нет! Простая женщина! Наша судьба! В будущем не вы, мужчины, а мы, «слабый пол», возглавим мир...

— Всемирный матриархат?!— съязвил он, не желая того.

— Да!— в голосе угроза и вызов.— И в прошлом мы давали о себе знать. (Из нижнего пояса фигур выделила княгиню, прозванную народом Мудрой.) Сравните Ольгу и россиянку! Псковитянка возглавила Русь, а россиянка поднялась над планетой. Выходит, не монархи, а рядовые матери поведут за собой народы. Не в этом ли тайна Тысячелетия?

— Позвольте напомнить,— иронически улыбнулся он, жалея наивную собеседницу,— ведь в письме «Н. Ф.» речь идет о скрытой фигуре, а россиянка просматривается со всех сторон. Так?

Она помрачнела, замкнулась. А он, искренне сочувствуя ей, нанес очередной удар да еще в грубой форме:

— Учтите, голубушка, женщина без логики — медуза.

— Хотите сказать, что я бесхребетная? Так медуза может и ожечь. Берегитесь!

К ней вернулась твердая поступь. Гордо вскинув голову, актриса зашагала к театральному подъезду, ни разу не оглянувшись. Иначе удивилась бы, увидев спесивца с поникшей головой.

Проклиная свое бездушие, он не понимал, что с ним происходит. Разум диктует жесткое отношение к «женщине из тумана», а чуткая интуиция шепчет: «Догони, извинись».

Вспомнился случай из практики военного трибунала. Он, председатель, приговорил к расстрелу деникинского лазутчика, а жену его, похожую на Веру Холодную, рекомендовал в штаб машинисткой. Поручился за нее партбилетом. Во время налета белых она спасла секретную карту.

Но было и такое. Он возглавлял комиссию по чистке партии. Доверился показанию женщины, которую бросил партиец. А выяснилось, что вина коммуниста в том, что он, бывший батрак, женился на красивой дамочке, подверженной алкоголизму.

Кто скажет, как раскроется Берегиня и что она выкинет, чтобы «ожечь»— оправдать свою угрозу?

Руками Калугин держался за медные поручни решетки, согретые солнцем. Струящееся тепло, казалось, греет потревоженные когда-то позвонки. Со своим недугом он обошелся круто, но лишь сейчас осознал, что вышибание клина клином: сильно действующие средства — лед, яд, голод, китайская иглотерапия — все они заквашены на противоречии. Все на свете, даже здоровье, обязано борьбе противоположностей. Любая гимнастика строится на сопротивлении.

Вот и сейчас, чтобы вернуть себе боевой дух, он сначала представил себя коленопреклоненным перед Ясинопольской и, ужаснувшись, стал самим собой: отбросил мысль о Берегине. Есть вещи поважнее.

Его взгляд остановился на угловом здании с репродуктором. Председатель Контрольной комиссии строго

оценивал сегодняшнюю обстановку в Новгороде и сам себе наказал: «Осторожней, старина, на проводах товарища. Особо не доверяйся Пискуну. Он опаснее Пучежского: умнее и хитрее своего дружка, да и поведение подозрительное — часто ездит к Зиновьеву, пишет его биографию, явно подлизывается...»

ПРОВОДЫ

Провожая верного, близкого товарища, всегда испытываешь чувство тоски, а тут еще примешано ощущение обиды, несправедливости, ибо за «проводами с повышением» скрывается утонченный прием Зиновьева изгонять нежелательных для оппозиции ленинцев.

Интересно, придет ли Иванов? Он грозился вывести Пучежского на чистую воду, а на деле — боится своего начальника. Но при чем тут подспудная мысль о книге Федорова? Почему невидимая нить странной ассоциации требует к себе внимания? Видимо, интуиция сама, без воли хозяина, выдаст разгадку на-гора. Надо лишь подождать...

Загудела широкая арка крепости. В Кремль вошла первая партия провожающих. Групповой приход объясним: все приезжие коммунисты жили сообща — большая коммуна на Большой Михайловской, малая коммуна на Малой Михайловской, а средняя на Московской в совпартшколе, где объединились латыши. Они-то и нахлынули, окружив плотным кольцом земляка Карла Сомса; наперебой желали ему здоровья и успехов на новом посту в Москве.

(Дорогой читатель, ты спросишь: а где напутственные тосты, вино, закуски, музыка и ресторанные столики? Увы, автор, очевидец событий, не имеет права на смещение временных примет: партийцы даже образом жизни боролись с гримасами нэпа.)

Вот те на!.. замаячил зеленый портфель. Правда, Пискун совсем не походил на прежнего Пискуна: не семенил ножками, не суетился, не заглядывал в глаза, а пристально следил за восточными воротами, где вот-вот появится красная рубаха. Пожалуй, Иванов сдержит слово, а начальник слишком самолюбив: жди скандала. И это в момент прощания с бывшим секретарем губкома, да еще на площади, где в избытке зевак. Упрекая себя за то, что подзадорил архивариуса на выпад, Калугин подошел к нему:

— Голубчик, перенесем вашу очную ставку с Пучежским на Контрольную комиссию, а то здесь...

— Что здесь?!— резко перебил Иванов.— Усомнились во мне?

— Сначала усомнился,— честно признался Калугин.

— Очная ставка за мной!— Угрожающий тон Пискун сменил на доверительный шепоток:— Для него Зиновьев — владыка...

До сих пор Иванов и Пучежский — не разлей водой. И вдруг бывший монах наговаривает на приятеля. Нет ли тут каверзы? Не ведет ли Пискун разведку в пользу ленинградского шефа?

В это время Карл Сомс вышел из группы провожающих. Он, седовласый, крепкий, в гимнастерке военного пошива, коротким янтарным мундштуком указал на губкомовские окна:

— Дико! Из кабинета я ежедневно видел монумент, чем-то напоминающий огромную буденовку, а вот разглядеть поближе никак...

Латыш по-солдатски шагнул к Николаю Николаевичу:

— Дорогой историк, что тут примечательного?

Калугин увидел быстро шагавшего Ивана Воркуна в форменной фуражке с красным околышем и заговорил повеселее:

— Перед нами,— кивнул на бронзу, прогретую жарким солнцем,— памятник Дружбы народов...

— Что?! Что-о?!— театрально рассмеялся новый вожак молодежи Дима Иванов, однофамилец архивариуса.— Цари не объединяли нацменов! Сталкивали их лбами!

Дима, ставленник зиновьевцев, заглянул сюда не прощаться, а выявить, кто провожает ленинца. Он вызывающе сунул руки под боковой ремень портупеи: «Ну, что-де, и крыть нечем?!»

Робэне, заведующий совпартшколой, представительный латыш, с белой пушистой бородищей, словно бог Саваоф, грозно глянул на комсомольского руководителя в новеньком юнгштурмовском костюме и брезентовой шляпе с прямыми широкими полями.

— Не мешай слушать!— И мягкий взгляд, полный признания, в сторону Калугина:— Продолжай, пожалуйста...

«Не есть ли это начало открытого противоборства с зиновьевцами в нашей парторганизации?»— подумал

Николай Николаевич, не желая оставить реплику противника без ответа.

(Дорогой читатель, в те годы не было теперешнего гимна Советского Союза, и Калугин, естественно, не мог осадить Диму Иванова общепризнанной истиной: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь».)

— Одно дело цари, и другое — люди русские!— Прижимая книгу к сердцу, он восхищенным взглядом окинул гранитную кафедру отечественной истории:— Здесь плечом к плечу — русские и украинцы, грузины, молдаване, греки...

— Конкретней!— взмахнул шляпой Дима, лицом похожий на популярного актера Макса Линдера.— Который грек?

— Вот Максим Грек! Рядом немцы, скандинавы, татары и даже воспетый Пушкиным тунгус...

— А при чем тут «дружба народов»?— выкрикнул Дима.— Липа!

— Нет, батенька, аргументы налицо.— Историк книгой выделил статую в гетманской одежде, с булавой в руке:— Богдан Хмельницкий! Олицетворяет объединение Украины с Россией. (Перевел взгляд на генерала с кавказским профилем и вьющимися бакенбардами.) Полководец Багратион. Потомок грузинских князей Багратиони. Именно они добились присоединения Грузии к России. А Багратион личным примером содействовал великому единству: вместе с Суворовым он бил заклятых врагов Грузии турок и персов, а тем самым наглядно убеждал, что в союзе с русскими кавказцам не страшны никакие набеги ворогов. (Вскинул книгу.) Но полнее всего здесь представлена наша дружба с прибалтами!..

Грохнись в тот миг высоченный памятник, он не потряс бы латышей, как слова Калугина. Даже Воркун бухнул:

— Кто?!

Выждав паузу, историк достойно произнес:

— Вот Гедемин... Ольгерд... Кейстут... Витовт... Довмонт...

— Все литовцы,— вздохнул Робэне, протягивая крупную крестьянскую ладонь.— А эстонцы, латыши?

В его голосе столько надежды, что экскурсовод не посмел разочаровать рижанина и рассказал о скрытой фигуре памятника:

— Не она ли олицетворяет латыша? Ведь мы же вместе боролись против царизма. Так или не так?

Неважно, что сейчас не обнаружили засекреченную статую, зато латыши обнаружили на постаменте русское дружелюбие. Карл Сомс, в прошлом рижский рабочий, признался:

— Меня давно волнует: почему русские доверяют нам, не русским, руководящие посты? Почему так? Откуда это?

— От Великого Октября!— вставил Дима.— Смотри в корень!

— Верно! Но, друзья мои, смотрите и под корень: корень тоже чем-то питается.— Историк снова обратился к памятнику:— Перед нами уникум! Из всех народов мира только русские подняли на свой национальный пьедестал столько нерусских. Не так ли?

Все латыши: Сомс, Робэне, Калейс, Кродов, Каулин — национальный вопрос изучали в подполье, тюрьмах, ссылках и схватках с белыми,— они одобрительно смотрели на памятник Дружбе народов. А гид вывел тысячелетний смысл России глазами современника:

— Всякое царствование кончается царствованием народа!

— Правда! Здорово! Спасибо! — дружно благодарили латыши.

Смущенный похвалой, историк двинулся к чекисту:

— Голубчик, продолжать поиск? — спросил он тихо.

Иван злыми глазами стрельнул на дорогу, где в открытой коляске ехал местный комиссионщик Коршунов, обложенный покупками.

— Замахнулся на пивоваренный завод. Откуда капитал?

Чекист никак не мог смириться с частной торговлей, но в данном случае его реплику Калугин воспринял как ответ на свой вопрос и решил сегодня же зайти в коршуновский магазин.

Воркун заметил в руке друга книгу и глазами спросил: «О чем она?» Тот, рассказывая о противоречивом мировоззрении Федорова, вспомнил о недавнем споре в большой коммуне. Там свой устав, совет, свои дежурства и общая столовая, где завтраки, обеды и особенно ужины сопровождались обсуждением новостей и оживленными дебатами. В последнее время умами коммунаров завладел первый «Ленинский сборник». В нем — замечательные письма Ильича к Максиму Горькому. Горячую перепалку вызвала ленинская реплика: «Я считаю, что художник

может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии».

Пучежский считал: «Вредная философия вредна всем». Коммунары, разумеется, не зря пригласили к себе Калугина. Они общими усилиями отбили атаку губполитпросветчика. Тот признал, что диалектику подарил нам идеалист Гегель. Но Калугин остался недоволен собой: не сумел назвать художника, черпающего полезное из всякой философии.

А сейчас у него в руке книга религиозного утописта, идеи которого волновали титанов русской литературы: Толстой, как и Федоров, войне противопоставил вселенский мир; Достоевский увлекся космическими фантазиями Федорова.

Насколько нить интуиции сложна, запутана, скрыта, настолько она в конечном счете ясна и продуктивна: связь-то меж большевиками и Федоровым в одном отношении оказалась вполне реальной, Федоровский призыв к сознательному овладению природой средствами науки и техники, к выходу в космос, а главное, дерзновенная мысль управлять эволюцией — все это широкомасштабно и прогрессивно. Вот и ленинский план электрификации России удивил даже фантаста Уэллса!

Тем временем чекист, прощаясь с другом, глазами стрельнул на белое здание губкома:

— Новый секретарь тоже латыш, а не проводил земляка...

«Явно прозревает»,— обрадовался Калугин и подбросил ему еще факт для размышления:

— Ты знаешь судьбу Александра Мартынова?

— Секретаря горкома комсомола перевели с повышением.

— А он не спешил, задержался, так новый руководитель Клявс-Клявин выпроводил его отсюда в Питер с милиционером, словно уголовника. А ты говоришь —«с повышением»...

Цветущие тополя Летнего сада сбросили на Кремль миллионный десант белесых «лохмачей». Пух влетал в окна, забивался в пишущие машинки, типографские станки и скатывался в фитили, грозя вспыхнуть бездымным порохом.

Вспомнилась гражданская война. «Видать, битвам не будет конца. И сколь проще сражаться с открытым врагом. Пискун по документам коммунист, а кто он на самом деле? Он свой и не свой. Он с нами и не с нами. Как ули-

чнть его многолнкого? Пучежскнй однобок: с ннм бороться проще»,— думал Калугии, направляясь иа Торговую сторону.

ТРОИЦА РУБЛЕВА

Разновысотные фермы железного моста походнлн на «американские горы». Свежне сосновые доскн благоухалн: здесь все еще плотннчают. Калугин посуровел, глядя иа мостовнков. Он, члеи комнтета содействия автопробегу, зашел в горсовет и предупредил иачальство: «Телеграфнрую Еиукидзе, еслн в срок ие закончнте покрытне моста».

На Московской улице, которая для иовгородцев была своим Невским, бородач в белом перединке, громыхая тележкой с белым ящнком, горлаиил: «Мо-о-ро-же-е-еиое-е!»

Коршуиовский магазии заиимал перекресток, напротив Соловьевской гостииицы, где в XIX веке останавлнвался Герцеи и где, возможио, штудировал «Феномеиологию духа» Гегеля.

Коршунов прниимал иа комиссию не только костюмы, мебель, фарфор, музыкальные ннструменты, диковииные безделушки, ио н редкие иоты, альбомы, книгн.

Историк давио разыскивал «Феноменологню духа» с пометками Герцена. И вот неделю назад телефоииое приглашение: «Николай Ннколаевич, вас ждет Гегель». Вспомиилось об этом ие без улыбки. В магазии иаш герой бежал с Миниусом и Плюсом: собаки увязались за иим. Действительио, Гегель! Даже издаи до новгородской ссылкн Герцеиа, но, увы, никаких пометок. И тот же Коршуиов раздобыл ему гегелевскую «Эстетику», так что посещение историком комиссноиного магазниа ие в днво хозяииу. Другое дело — разговор с иим о золотой модели.

Коршуиов — нэпман с размахом: свой дом с магазниом, дача, яхта н ларек с иапнтками (славился черный бархатный портер), а теперь задумал арендовать пивовареииый завод. Человек большой культуры, гипиотизер, он комисснонку превратнл в своеобразный клуб, где посетители играли в шахматы, музицнровали н читали свежне газеты.

Обсуждать междуиародиые новости с торговцем ие хотелось. Калугии решил сориентироваться иа месте, не забывая о том, что Коршуиов гипиотизер: с иим иадо быть настороже.

Магазниная дверь нзвлекла нз подвесных валдайскнх колокольчнков музыкальиый перезвон «Дар Валдая». Под эту мелодню историк переступнл порог лавки.

Прохладный зал, заставленный вещами, пахнул нафталнном и крепким табаком. Голландский буфет петровского временн, высокое кресло в готнческом стиле, ннкрустнрованиый столик с тульскнм самоваром — все потеснилось в угол, уступая место белому длнниому роялю на трех тонких ножках фнрмы «Стейнвей». Не здесь ли третий частный музей?

Грузиый хозяин осторожно сошел по железной винтовой лестиице. На нем черная бархатная жнлетка, украшеиная золотой цепью крупного плетення. Курчавые бакенбарды излишне отрослн. Увидев знакомого покупателя, он приветлнво улыбнулся:

— Опоздали! — дымящей трубкой указал на концертный рояль:— Только что во всю мощь звучал Скрябнн! Из соседней гостииицы заходнт Берегння Яснопольская, отводнт душу...

Калугнн рад, что опоздал на концерт: восторженный отзыв о «Вечернем соловье» вызвал в нем смутное угрызение совести; н вместе с тем он пожалел: Скрябнн прнятно поражал его не только страстной, вдумчнвой музыкой, но н тем, что композитор вдохновлялся фнлософскнмн работами Плеханова.

— Голубчик, мой спнсок не затерялся?

— Не тревожьтесь! Список цел, но не поступалн вашн книги.

— Еще просьба! Если предложат книгу со штампом новгородской духовной семннарнн...

— Извинннте!— перебил Коршунов, дымя трубкой.— Вор не оставнт ни уликн, ни адреса своего.— Хозяин укладывал в плоский ящик разные двухцветные шахматные фнгурки: — Полюбуйтесь! Королева — Екатерина вторая, конь — лошадь Богдана Хмельннцкого, тура — памятннк Росснн...

— Батенька!— встрепенулся нсторнк.— Это же копнн микешинских скульптур! Продаются?

— Опять опоздали. Хозяйка вот-вот вернется за покупкой.

«Еслн Квашонкнна — уступнт»,— рассуднл Калугин н решнл подождать, а заодно прощупать нэпмана. Калугннскнй взгляд выбрал копню знаменитой «Тронцы» Андрея Рублева:

— Прошлый раз я не спроснл: чья копня?

— Местиого реставратора, палешаннна.

— Чудесио выполннл: даже ошнбку геиия подметил.

— Ошнбку?

— Видите, правый собеседник «ие вошел» в рамку: пришлось богомазу, иарушая пропорцию, чуть урезать рукав.— Историк залюбовался тремя нзящиыми юиошамн:— Неужели ие продать?

— Прнцеинваются, да не могу расстаться: очарован загадкой. Тут вроде улыбкн Моиы Лизы. О чем беседа? О Сергии Радоиежском? О битве Куликовской? О Библии? Все перебрал. Не академик!

— Не огорчайтесь! И академикн не докопались до тайиы «Троицы». Этическнй раскоп — предел миогих. А чтобы создать видимость глубииы, оии этику подмеияют мнровоззреиием: где иадо сказать честно н точно «иравствеиность», «богословие», «политика», «эстетика», оии говорят «философия». Секрет, голубчнк, не в учеиой степени, а в прнроде ума. Снла гнпнотизера тоже в уме. Не так лн?

— А с чего иачать?

— С твердого убеждеиия: геииальная вещь иеисчерпаема. Поэтому каждый из иас переосмысливает творение Рублева по-своему.

— Вам это удалось?

— Проверим, батенька.— Историк иачал нздалека:— Что сокрыто за символом картнны «Трн богатыря»?

— Воеиная мощь, иерушимость нашнх граииц.

— Верио! А суть русской «Тройки»?

— Необозримую Русь облетнт только быстролетная птица!

— Прекрасио!— Калугии кивиул иа копию иконы.— А суть рублевской «Троицы»?

— Навериое,— задумался тот,— крнсталл честности. Ведь высокая мораль — вершииа нскусства.

— Нет, батенька, у моральиой вершнны есть пик мудрости, ибо иравственность лечнт безнравствениость, а мудрость предупреждает ее. Так в чем же философия «Троицы»?

Острый взгляд гипнотизера впнлся в икоиу, словио требуя: «Откройся! Откройся!» Тем временем краевед выглядел у входа в магазии деревяииую дугу с выемками на концах:

— Чудесная народная поделка! Тоже на комиссии?

— Нет!— повеселел хозяин.— Это моя домработница носит на нем полоскать белье к Волхову. Говорит: «Коромысло — моя упряжка!» Ей сорок, а стан двадцатилетней.

— Смотрите!— Калугин взял лучевую поделку.— Изумительные пропорции: плавный изгиб, срезы отполированы, концы покрашены. Глаз не оторвать. Но это не главное. Примерьте...

И когда тот, не расставаясь с трубкой, уравновесил на плечах дугообразный рычаг, историк закидал его вопросами:

— Вы ощущаете противоположные концы?

— Вот они!— Он качнул плечами.— Левый и правый.

— Как же так?— подзадорил Калугин.— Края взаимно исключают друг друга. Откуда же... г а р м о н и я?!

— У меня на холке золотая середина: края переходят в нее...

— А теперь, батенька, не снимая коромысла, взгляните на «Троицу». Левый странник восседает супротив правого: их позиции противоположны, но средний собеседник уравновешивает, соединяет крайних: к одному повернулся грудью, ко второму лицом, а те свои взоры обратили к СВОДЯЩЕМУ. И все это триединное разноречие слилось в изумительно легкую круговую гармонию.

— Чудо!— изумился Коршунов.— Чудо!

— За внешним чудом скрыто внутреннее. Смотрите! Правый созерцатель посохом показывает на скалу. А камень — символ неживой природы. Средний наблюдатель тростью выделил дуб. А дерево — символ живой природы. Третий трапезник палкой обозначил хоромы. А дом — символ общественной жизни. Отсюда — три ступени развития мира: неорганическая, органическая и социальная...

— А зачем в центре иконы жертвенник?

— Огонь, принимая в жертву людей, животных, растения, пеплом все живое возвращает обратно в землю. Отсюда — круговорот в природе и круговорот в композиции картины. Дальше...

А дальше под звон валдайских колокольчиков теплым уличным воздухом занесло в магазин белую стайку тополиных летунков. На пороге закряхтела полная женщина в темном гипюровом платье. Отяжеленная тремя подбородками, она неуклюже поклонилась Калугину:

— Как здоровье вашей милой матушки?

— Спасибо, пока здорова.

— Передайте, пожалуйста, сердечный привет от хозяйки дога. Мы с ней познакомились в приемной ветери-

нарного врача. Она очень любит вас: не расстается с вашнм портретнком...

Толстуха прнняла от хозяина шахматную доску с медными крючкамн н, тяжко отвеснв общнй поклон, направилась к выходу, оставляя после себя запах дешевого одеколона.

Снова залнлнсь колокольчики, а возле магазина на мостовой заржал морозовскнй жеребец в серых яблоках. Калугин заторопнлся. Память оживила матерннский рассказ. Дожидаясь прнема, Морозова преобразнлась, услышав от Калугиной упоминание о детской копнлке в внде памятнннка Россни. Толстуха готова была стать на коленн, умоляла продать игрушку. Выходит, Морозова коллекцнонирует копии мнкешинских скульптур. Так вот у кого еще один частный музей! И не там ли золотая модель?

Выйдя из магазина, Калугин посмотрел налево и оторопел. Из Соловьевской гостнннцы выбежала Берегиня н что-то сказала черноволосому юноше со значком КИМа на груди. Молодой брюнет, вндмо, не партнер по сцене: артнсты обычно носят не комсомольские значки, а белые платочки в нагрудных кармашках. И навряд лн спросила его о золотой модели: рядом людно.

Разведка показала, что Коршунов восхищается русским нскусством н конечно же не станет кромсать золотой памятник.

Нет, третья коллекцня в доме Морозовой. И Николай Николаевич уговорит мать отдать детскую копнлку хозяйке дога, а тем самым получит возможность осмотреть квартиру купца Морозова. Интересы супругов моглн совпасть: нэпмана примагнитило золото, а ее — модель мнкешинского памятника.

Краевед оглянулся назад: Берегиня по-прежнему стояла с брюнетом возле гостиницы. Что связывает нх? Ведь актриса ненавидит мужской пол. Не выслежнвают лн Морозову? Возможно, н музнцировала, поджндая коллекционершу?

МОРОЗИХА

Муж изменял ей в открытую. Как только она не протестовала: рыдала, кричала, молилась, травилась, ворожнла н даже скрывалась у родной матерн в Пнтере. Вот матушка-то, бывалая сваха, н надоумнла дочку проучить неверного мужа: вызвать в нем ревность н этим образумнть его.

Выбор пал на садовиика Сильвестра, бывшего моиаха. Он, блажеииый, боготворил жеищии, счнтая нх мученицамн: заступался за иих, ии в чем ие отказывал, но дурной славы не обрел.

Зиая решительный ирав мужа, Пульхерия Ждаиовиа не страшилась за жнзнь Снльвестра. Тот любого оглушнт кулачищем. Еще молодым, до монашеской жнзни, ои в цирке прниял вызов борца «Черная маска» и под общее ликоваиие иовгородцев запросто швырнул его иа лопатки.

Пульхерия Ждановиа за себя боялась. Ей нзвестно, почему муж не расставался с лайковой перчаткой. Когда «бывших» заставили грузить дрова иа баржн для холодного и голодиого Петрограда, Грнша припек на костре руку, но ие поднял нн одного полена. Ои добрый, ио в гиеве на все способеи.

Время для отместки выбраио удачно: Грнша, уезжая в Питер играть в рулетку и кутить с цыгаиамн, преподиес ей золотой кулои с бриллиаитом, а она, бледиея, шептала дрожащими губами:

— Снльвестр приворожил меия... ночами брежу...

Муж, поиятио, поверил: садовник — гипнотнзер, ио почему-то не рассвирепел, а даже обрадовался:

— Ну, иу, глядишь, пудик скииешь...

Она опомиилась, когда муж захлопиул за собой дверь. Кровиая обида толкиула ее иа месть. Выгуливая дога, Пульхерия Ждаиовиа зашла к Сильвестру н заказала любимые красиые розы...

— Вечером заиесешь. Ждать буду,— проговорила она многообещающим грудиым голосом.

Огромный, в длниной рубахе, с томиыми глазами богородицы н буйиой бородищей пророка, ои ответствовал покорио:

— С благодарствием...

Вечером раньше обычиого оиа расстелнла двухспальную кровать, прнкрыла иагое тело япоискнм халатом в цветах н ие успела надушнться, как дребезжащнй звон долетел до спальнн.

Тут случилось иепредвидеииое: только Сильвестр перешагнул порог квартнры, как псина сорвал крючок кухоииой дверн н с рыком кииулся в прнхожую.

Хозяйка преградила догу путь: иа миг призадержала его у стены. И этого оказалось достаточно для того, чтобы садовник свободной рукой схватнл со столнка безмен. Весы, похожне на булаву, всегда лежалн у парадной двери. Морозиха, как звали ее поозеры, безмеиом взвешива-

ла ильменских лещей, а еще навесистая железяка лежит для благословения непрошеных гостей...

Удар по Графу пришелся меж торчащих ушей. Хозяйка обняла обмякшего любимца и, конечно, отпустила Сильвестра с богом.

Ветеринарный врач сотрясения мозга у собаки не обнаружил, а депрессию дога объяснил отсутствием четвероногой подруги.

В таких хлопотах прошла неделя без мужа. Его скорое возвращение явилось сюрпризом не только для нее. В тот день пассажиры, прибывшие на станцию и пристань, несли багаж на себе. Морозов нанял всех извозчиков, рассадил по коляскам питерских цыган и шумной кавалькадой — на остров Скит... Там, в сосновом бору, жгли костер, плясали и пели хором.

Отсыпался Гриша дома, тянул кислый квас, а про Сильвестра даже не вспомнил. И деньги, брошенные на ветер, не подсчитал: его карманы туго набиты червонцами.

Не посвящая жену в свои коммерческие дела, он улыбался:

— Мой главный доход — рулетка и скачки.

И правда: однажды на ипподроме Морозов рискнул крупной ставкой на лошадь, неказистую, жилистую, с лукавой кличкой Пуля. Она-то и примчалась первой. Гриша сорвал большой куш. В городе три знатока лошадей: Морозов, старый извозчик Фома и новый начальник ГПУ, бывший пастух. Азартным скачкам, бегам Пульхерия Ждановна предпочитала деловые поездки.

Сегодня за пять часов она успела побывать на кладбище, в комиссионке, на аукционе и у гадалки. Пока муж путался с черномазой цыганкой, на карту всегда выпадала пиковая дама, а сегодня бубновая. Сейчас Гриша завлечен приезжей белобрысой актеркой. Квашонкина рвет и мечет: готова задушить гастролершу, а законная жена поет от радости:

Ты уедешь в Питер дальний,
А любовь моя со мной...

Слова Морозиха подбирает сама: у нее с малых лет страсть к стихоплетству и собирательству. В школе коллекционировала марки и открытки с видами русских курортов. А в день свадьбы отец, петроградский ростовщик, подарил дочке чудо-часы, не выкупленные закладчиком,— бронзовую модель памятника Тысячелетию, с шаровым циферблатом и изогнутыми стрелками. Часы отмечали

время суток, дии, неделн, месяцы, годы, а также исполияли гими «Боже, царя хранн» и, по заказу, «Марш Черномора».

Этим свадебиым подарком и началась увлекательиая охота за макетамн, моделями, картинами, рисунками и даже фотографиямн микешииского памятннка в Новгороде.

Сегодня Морозиха приобрела шахматные фигуркн, среди которых четыре малюсеньких разноцветных памятинка России. Их удобно брать за крестнки и переставлять по доске.

Любуясь удачиой покупкой, Пульхерия Ждаиовиа уловила дразиящий запах только что испеченной кулебяки. Тучиая, пышиощекая, с тройным подбородком, в легком кружевном платье, она взглянула на край стола, где дышал жаром пирог с сочной мясной начинкой, прикрытый воздушной марлей.

Этой ночью ей снились кошмары: переела за ужином. Муж ткиул ее в рыхлый живот и фыркнул: «Ты, Пуха, не баба, а меснво!» Ох, подальше от соблазна! Тяжело пыхтя, толстуха подиялась с кресла, иожки которого стянуты ремиями (стильная мебель ие прочна), и грузио двиулась иа свежий воздух.

С балкоиа прожора увидела Кремль, но увидела посвоему: огромный торт с шоколадными башнями, купола храмов — опрокинутые репки; белую колокольню — сахарную голову и сад — пучок салата. Облизывая пухлые губы, она попятилась к пышному пирогу, но тут, к счастью, всполошился парадиый звонок.

Напружинив хвост, пятиистый дог с красивыми глазами опередил хозяйку и солидно, как подобает стражу, глухо зарычал. «Сильвестр»,— стрелой уколола мысль, н Морозиха почувствовала озиоб в иогах.

— Кто там?— опасливо спросила оиа, ие торопясь отмыкать замки входной дверн.

— Ваш знакомый, охотник Калугин.

Пульхерия Ждаиовиа признала его по голосу. Оиа больше всего боялась воров, потому и домработиицу не держала: прислуги — первые иаводчицы. А в доме полио золота, серебра, хрусталя, ковров, мехов, да и коллекция ценная.

— Проходите! Граф не тронет...

Хозяйка безошибочно уловила настроеиие своего пса. Навериое, костюм охотника пропах собачьими запахами. Граф дружелюбио завилял плетевидным хвостом.

Гость, сын Анны Васильевны, с пакетом в руке, ласково подмигнул догу, искренне похвалил его стать, умные глаза и сообщил о воскресной выставке собак:

— Жаль! Демонстрироваться будут лишь гончие, легавые и лайки, а то бы ваш красавец взял первый приз...

Польщенная хозяйка готова сейчас же принести родословиую Графа, ио, увидев в руках гостя фарфоровую модель памятника, иапрочь забыла о доге.

— От Анны Васильевны,— протянул он желаииый подарок.

Принимая копилку, коллекциоиерша расплылась золотой улыбкой: верхний ряд зубов — сплошь в червонных короиках. За деньгами оиа не постоит...

— Нет, нет, голубушка, я тоже собиратель фольклора.

Его добрые глаза и задушевиый голос почему-то побудили ее взгляиуть в зеркало, окаймлениое овальной рамой из орешииы. Страиио, полиота и молодит и старит: лицо без едииой морщиики, а фигура огрузлой бабищи.

Свою коллекцию хозяйка не рекламировала, опасаясь воров и национализации (случай с Передольским свеж в памяти), однако собиратель фольклора внушал доверие, а главное, она понимала, что подарок исходит от иего, а ие от матери, поскольку та решительио отказалась продать ей копилку.

И Пульхерия Ждаиовна пригласила его в смежную комнату.

РУССКИЙ БЕЗМЕН

Металлические весы, лежащие на столике в прихожей, привлекли внимание краеведа. Они не отличались точностью: надежнее пользоваться чашечиыми весами. В этом доме безмеи — скорее памятный спутник купеческой династии: ие одно поколение Морозовых — торговцы. А то, что иавесистый железный стержеиь лежит у двери, так это, видимо, на случай самообороны.

Проход по коридору ие длинен: историк не успел осмыслить русский безмен, но, зиая особеиность своего ума, был уверен, что еще вернется к ручным весам.

А пока перед иим открылась дверь с толстой бронзовой ручкой. Квадратиая комната в полумраке. На окнах темиые шторы. Дернув шиурок, хозяйка осветила коллекцию вечерним розовым светом, отчего под иогами вспыхнул паркет чайного цвета.

Вдоль глухой стены никелированные треножники поддерживали разнообразные модели микешинского шедевра. Изумленный посетитель замахал пальцем:

— Бронза! Чугун! Фаянс! Стекло! Глина! Дерево! Камень! И даже папье-маше!

Бумажную поделку он выделил с придыханием в голосе. Она, полая, может служить колпаком для золотой модели. Но как проверить? Экспонаты руками не трогают. Спросить разрешения? «Только не с ходу»,— осадил он себя, осматривая коллекцию.

Синяя стена симметрично увешана белыми рамками, в них рисунки и фотографии памятника России. Чувствуется рука опытного оформителя. Центр экспозиции занимала копия большого полотна Богдана Павловича Виллевальде, учителя Микешина: «Открытие памятника Тысячелетию России».

— Здесь Михаил Осипович!— толстый палец с золотым перстнем нашел в глубине картины изображение Микешина:— Вот он! Шевелюристый, с кошачьими усами. Я отдала мешок муки и пуд овса. А вот чудо-часы...

На столике, вмонтированном в угол комнаты, сверкали под стеклянным колпаком бронзовые часы в виде монумента Родине. Слушая пояснения, краевед решил проверить исторические познания хозяйки и, выждав паузу, отметил на часовом постаменте коленопреклоненную фигуру в гражданской одежде, с мешком денег:

— Узнаете? Нуте?

— Как же!— Просияла толстуха, колыхаясь всем телом.— Косьма Минин. Он, что муж мой, торговал мясом. Жил в Новгороде, только Нижнем. Прославился в тяжелую годину, когда шляхтичи топтали Московию. Ему на Волге есть памятник работы Микешина.

(Не могла предугадать Пульхерия, что муж ее, в отличие от Минина, предаст Родину и бесславно кончит жизнь. Морозов, бургомистр Новгорода при фашистах, не угодит головорезам Голубой дивизии. Мясника-снабженца вызовут в Юрьево, где стояли испанские уголовники, дадут ему понюхать мясо с душком и тут же, как быка, приколют. Не пощадит огонь войны и коллекцию Морозовой. На Торговой стороне уцелеет только один дом (вот ирония судьбы!), не каменный, а деревянный,— Передольского.)

Пока коллекционерша вела рассказ о скульптурах Микешина, историк задумался о Морозове. Если Коршунов — патриот России и ради наживы не уничтожит ее

культурных ценностей, то морозовская рука не дрогнет. Зато Морозов ие поставнт себя в завнсимость от другнх купцов: один преподнес бы монарху пуд золота, но славу ие поделит ни с кем. Однако ои симпатнзнровал не царю, а кадетам-капиталнстам. И хотя в партнн не состоял, ио матернальио помогал им. Морозов и сейчас самый богатый иовгородец после владыки. У него своя моториая лодка, редкий дог, породнстый рысак: да и дом — дворец. Живет иа шнрокую ногу, щедр иа подарки. А где берет моиету? Фиииспектор, контролируя его доходы, зиает, что тот сыплет червонцамн больше, чем выручает. Ловкач ссылается на рулетку, карты и выигрыши иа бегах, а истнниый нсточннк богатства скрывает.

А вот золотой модели здесь нет и быть не может. И, проверяя свое умозаключеиие, ои снова подошел к бумажиой поделке:

— Голубушка, какое изиачеиие этого примитнва?

Пристальный взгляд охотнника ие смутнл коллекцноншу. Не пряча своих карнх глаз, она спокойно ответила:

— Страсть люблю аукцноны. Эта вещь нз имения Голицыных. Колпаком накрывалн чайинк с заваркой.

— Можно взглянуть?

— Радн бога!— разрешила оиа без тенн смущеиня.

Краевед осторожно поднял модель нз папье-маше: ее поддон, пожелтевшнй от чая, подтвердил правнльность слов Морозовой. Он спросил:

— Пульхерия Ждаиовна, слышали о золотой модели памятнника?

— Брехня!— засмеялась она, сверкая коронкамн.— Сорок фуитов ие четыре золотннка: не скроешь! Да еще при артельиой затее...

Ои поиял, что оиа тоже искала модель. Теперь надо выяснить, кто придумал легеиду? Алхнмнк нлн его сообщннк?

— Боже!— вскрнкиула хозяйка, словио ее схватили за волосы.— Неуж большевнкн сломают н памятинк Россин?!

— Нет, голубушка, большевики свои ошнбки ие повторяют!

В прихожей краевед сиова взглянул иа чериый безмеи. Тоже неплохой образ ключа проиикиовеиия иомер трн. В самом деле, железиый стержеиь имеет ие только протнвоположные края, ие только постоянный н перемеииый груз, ио и середину — шкалу, передвигая по которой колечко с упором, можно уравновесить поляриости рычага,

а тем самым противовесы. Налицо три фактора: ведущий край с отвесом, ведомый конец с товаром и средний — сводящий с колечком...

Размышляя о триединстве противоречия, историк незаметно вышел на вечерний перекресток, где обычно стоит ночной извозчик Фома. Его нет. А старик — лучший справочник по городу. Жив ли он? Неплохо навестить старого знакомого: еще гимназистом Коля дружил с Фомой, прекрасным рассказчиком...

НОЧНОЙ ИЗВОЗЧИК

Ночь на перекрестке тихая: слышно, как в открытом окне углового дома бьется «сердце» старинных часов. Поджидая пассажиров, Фома скрутил козью ножку и задумался...

За долгую работу на козлах он сменил четырех коней и две коляски с верхом, а свой живой проницательный ум обкатал до блеска. Кажись, профессия возницы не мудрена, а вот реши-ка загадку! Волхов разрезал город на две краюхи: Софийская доля — с вокзалом, а Торговая — с пристанью. Скажи, где лучшая стоянка?

Дед занял угол Знаменской и Московской — самый пупок Торгового холма. Отсюда легко катить по всем потребным местам, и Волховский мост рядом с вечерней пристанью.

Да и окрест все дома-то нэповских воротил: Морозова, Лазерсона, Долгополова, Коршунова, Шнейдерзона. И перекресток бойкий: булочная, колбасная, Гостиный двор. А телефон в аптеке — вызывай извозчика.

Все учтено! Все продумано! Даже такая малость — возле стоянки торчит вместо тумбы ствол петровской пушки, куда вкладывают записки с указанием адреса и часа выезда.

Среди извозчиков Фома — признанный патриарх, без его благословения не рискнут купить фаэтон или коня (особо у цыган): дед, точно доктор, старательно ощупает пролетку, лошадь, да еще укажет, где ныне самый дешевый овес.

Нагляделся старик и на блатной мир: воров, растратчиков, спекулянтов, скупщиков. Частенько преступления раскрывались с его помощью. Помогал он и беспризорников вылавливать.

Родись Фома в XX веке, Новгородчина, возможно, прославилась бы знаменитым сыщиком, хотя внешне

добровольный агент скорее смахивал на медлнтельного старичка поозера с желтоватой сединой в бородке, да н костюм под стать: высокие сапоги, брезеитовая куртка н засалеииая фуражка из темной кожи.

Яркие звезды, подмнгивая, вызывалн луиу на выход, а примаиили пару босоиогнх пареньков. Оин тишком прнжались к сумрачиому забору н виезапно исчезли, точио в бездиу ухнулн.

Дед перекрестился дымящей цнгаркой. Новые фоиарн не горят: ие подвели электричество. Но желтоглазик, как и все ночные извозчики, зорко видел в темноте.

На ветхой ограде свежая афиша —«Багдадскнй вор», а иа забитой калитке светнлась жестяика с чериой шестеркой. «Московская, дом 6»— памятиый адрес. Здесь когда-то жил одинокий купец Казимиров. Богатый, как Садко, отшельник прикидывался бедиым: собирал старье, а, захламив дом, спал у себя в лавке на длииом сундуке.

Ныне камениый дом Казимирова развалился, порос бурьяиом. И, кажись, имеиио иа той свалке прнжилнсь бездомиики. Вот уж кою иочь за старым забором шорохи, голосишки н тнхий лай. Завериуть бы в Троицкую к учителю Калугиину, доложить о малых полуиочиках, да поздиовато: в слободке ин огоиечка.

В угловой квартире иэпмаиа Морозова диковииные часы иабатио пробили двеиадцать. Дед поежнлся. Взращеиный иа поверьях, ои порою ждал, что в полночь забесиуется иечистая сила.

Напрягая слух, он насторожился. Мирно хрустела овсом пузатая лошадеика с торбой на морде. Кругом ии души. Вдруг иа повороте Гостииого двора колыхиулся белый саваи. Фома призвал святую Софию, но привнденне двигалось прямо иа извозчика.

— Свят-свят!— забормотал дед, зажмурившнсь.

Он слышал, как иевесомые шаги подкрались к коляске, а знакомый голос вериул его к жизни:

— Дедуля, здравствуй!— Словио фея из сказки, актерка, вся в белом, радушно улыбнулась:— Не узиал, что ли?

Как не узиать симпатичиую пассажирку: лик аигелочка, а грудь дородиой игумеиьн. Все же испугом малость примяло голос:

— Что так припозднилнсь, краля?

— Гостила у подруги. Оиа освободнлась после спектакля.— Резко качнулась коляска. Усталая барышия привалилась к спинке сидеиья: — Дедуля, хочу золотую

коронку. Посоветуй хорошего дантиста со своим материалом...

Он дал адреса двух зубных техников и, сняв торбу с лошадки, вернулся на козлы:

— Но, но, Кикимора! — замахнулся кнутом.

Большеухая мохнатка, с жидким хвостиком и раздутыми боками, в самом деле смахивала на чертенка из народной сказки. А хозяин в ней души не чаял.

Возле Соловьевской гостиницы артистка вынула из сумочки двугривенный (езды-то рукой подать!) и, зевая, тихо молвила:

— Говорят, местные купцы в подарок царю изготовили золотую модель памятника России. Правда это?

— Впервой слышу, мил человек.— Дед зажал кнутовище коленями и полез в карман за кисетом:— Вот как «обновилась» икона на памятнике, могу поведать...

Актриса, видать, шибко притомилась — перенесла разговор на другой день:

— Завтра я выступаю в Софийке, подъедешь к десяти. Удачной ночи тебе, дедуля.

Старик мысленно перекрестил ее и натянул вожжи. Он заметил, что из ресторана вышел чернявый паренек и пошел за ней во двор гостиницы. У него на груди значок КИМа,— греха не будет. Дед судил по своему сыну, комсомольцу: теперь он стал партийцем. Вчера из Москвы телеграмму прислал, обещал приехать. И опять навестит своего учителя Калугина...

РУССКАЯ БАЛАЛАЙКА

Калугин отказался от путевки на Старорусский курорт: задерживал подшефный завод — до сих пор нет электричества; то не было кабеля, а теперь монтера.

Пришлось идти на северную окраину города. Там, в Никольской слободе, живет Лебедев, новгородский Эдисон. Секретный замок, изобретенный им, открывается только набором цифр.

Числовая механика заинтересовала Калугина. Он ближе познакомился с Лебедевым. Тот согласился с тем, что противоречие — толчок любому изобретению.

Отличный стрелок-охотник, Лебедев изобрел катапульту, которая выбрасывает тарелочки на разных скоростях. Он, патриот города, конечно, поможет кирпичному заводу.

К сожаленью, монтера не оказалось дома. Николай Николаевич оставил записку со своим телефоном, но домой не спешил: вспомнил адрес ночного извозчика.

На всю жизнь запомнились его сказки и житейские былички, пересыпанные крылатыми словами. Именно он, Фома, раскрыл мальчику мудрость русской пословицы: «Не хватайся за кончики: венец всякого дела — середка». Старик поучал: «Отправляясь в дальнюю дорогу, не помышляй, сынок, о начале и конце пути. Готовься к середке-середушке, там все беды — холод, голод, бездорожье и волки-разбойники. А засверкает впереди златой крест,— так и битым доползешь».

Заваловый перекресток дорог — на Антоново, Деревяницы, Москву — встарь заселяли кузнецы, ямщики, шорники, содержатели постоялых дворов. Здесь меняли лошадей Радищеву и Пушкину.

Теперь Никольская слобода славилась огородниками, каретниками и городскими извозчиками, внуками забубенных ямщиков. Бревенчатая изба Фомы, на первый взгляд, ничем не отличима от других загородных домов, почерневших от времени, но внимательный взгляд отметит чердачное окно в форме большой подковы. В прошлом эта архитектурная деталь была эмблемой ямщицких построек.

Калитка и широкие ворота, подпертые кольями, ждали ремонта, а сруб из мореного дуба за двести лет даже не покосился. На мощеном дворике между хлевом и сараем, где снежинками мельтешил тополиный пушок, дремала старенькая коляска с морщинистой кожей на спинке сиденья.

Из открытых дверей пахнуло конопляным маслом и свежим хлебом, испеченным на капустных листах. Фома, как и предполагал гость, выспался и трапезничал в одиночестве.

— Старуха-то пошла поклониться мощам преподобного,— кивнул он в сторону Антониева монастыря.— Присаживайся, мил человек, да отведай овсяного киселька с холодным молочком...

— Смотрю на тебя, старина, и завидую: ты же дуб мореный! Открой секрет долголетия.

— Хворые места натираю дегтем — вот и вся премудрость.

— Голубчик, ты из рода ямщиков?

— Вестимо, милок, хотя батя мой кучером служил. Тогда богатые конюшни содержали извозопромышленники. А ныне мы все, извозчики, при бирже труда.

— Почему у тебя первый номер?

— Да я, сударь, вроде закоперщика в иашей артелн,— ответил ои, позевывая.

Вие коляски старик всегда чувствовал себя не в своей тарелке; зато, сидя иа облучке, мигом преображался, как царек на троие. С козел вндел дальше и думал быстрее.

Со временем пснхологн создадут особые кабинки, в которых человек будет мыслить продуктивиее, а сейчас гость иемало удивился: оказывается, Фома зиал прнчуды своего разума — дед забрался иа приполок русской печи, сел там, как на козлах, и, дымя цигаркой, бодро и охотно затараторнл:

— Супротив моей стояики за чериым забором развалины с подземельем. Там, по всем приметам, хоронятся огольцы...

Председатель Детской комиссии уточиил облнки беспризориков, поблагодарил за помощь и пересел на широкую лавку, поближе к старику:

— Голубчик, кто мог придумать легеиду о золотой моделн памятннка Тысячелетню?

— Вншь что! Я вожу актерку. Так она тож пытала насчет этой байкн да про Морозова: как ои иабивает свон кармаиы?

— И как же?— ожнвился гость.— Нуте?

Уводя сухой рукой махорочный дым, дед ухмыльиулся:

— Хитер бобер! Вишь, соколик, мясиик купил патеиты себе н своим скрытникам. Оии скупают скот, отправляют вагоиамн в Пнтер н кажниииый платит иалог за себя — за средиий оборот, а весь доход со всех патеитов — в морозовский карман. И чем больше прнбылн, тем больший магарыч соучастинкам. А делец ие скуп! Фиииинспектор, опосля моей наводки, опроснл их — ни один не выдал. Вот и кусни локоток, мил человек!

Дед хрустнул плечамн н желтым глазом уставился в красный угол с мерцающей лампадой перед большой нкоиой:

— Ты, подн, подметнл киот иа поставе Росснюшки? Так вот моя старуха крестнтся: сама слыхала, как богоматерь шепчет молнтвы. Ну, думаю, проверю. И ночью к памятинику. А моя Кнкимора, что ищейка, морду вытяиула, иоздрямн сопнт н хвост поджала, словио учуяла серого. И вот те крест!— Старик мелко осеннл впалую грудь и доверительио продолжал: — Слышу... кто-то скребет. А я, сам знаешь, в потемках вывески читаю. Гляжу, глазам не верю: от поставы отпрянул могутиый, что статуй, гро-

мила и топ-топ в крапивник, что возле крепости. Мне бы за ним, так от страха ноженьки мои отнялись...

Дед положил смоченный окурок под свою голую пятку:

— А поутру вертаю с вокзала и вижу: наборщик, тощий, что кнут, типографской краской замазывает сияющую икону. Вишь, ночной детина «обновлял» икону к молебну и крестному ходу...

— А что еще приметил у «чудотворца»?

— Цыганскую курчавую бородищу. Да я опознаю...

Скрипучие ходики с двумя подковами на длинной цепочке напомнили гостю час занятия с учеником. Калугин встал и вдруг глазами измерил старую балалайку, висевшую меж окон.

Когда-то русская балалайка была двухструнной. Но и она прогрессирует: стала с тремя и формой богаче — малюсенькая, малая, средняя, большая и огромная. Они образовали великорусский оркестр, слава о котором разнеслась по всему миру.

Осматривая балалайку, историк увидел в ней образ философского ключа номер три. Три части инструмента: корпус, гриф и головка настройки. Треугольная форма деки. Три струны. И три колка. Да и бряцают кончиками трех пальцев. При этом левая рука меняет звучание, прижимая струны к ладам, а правая, наоборот, извлекает звуки с поразительным постоянством.

Восторг краеведа перед балалайкой Фома истолковал по-своему:

— Что мне соха, была б балалайка, говорят на деревне, да и городские часто наяривают. Вот хотя бы мой сынок: в Москве большой человек, а приедет — кнутом не отгонишь!

— Заметь, голубчик, трем струнам доступен любой мотив,— сказал Калугин и ушел в мечту: «Вот бы научиться до виртуозности играть на трех «струнах» противоречия!»

И, возвращаясь в центр города, он мысленно настроил инструмент познания на свой лад: прима-струна — ведущая, секунда-струна — ведомая, а меди-струна — средне-сводящая. Выходит: мягкая жесткость, гибкая стойкость и податливая крепость — не игра слов, а животворная сила роста.

Вот телега, утыканная палками. На ней крестьянин, по всему видно, середняк. Русское середнячество, с одной стороны, пополняет ряды бедняков, а с другой — кулаков. Но зиновьевцы все еще играют на двухструнной балалай-

ке: они четко различают лишь левое и правое, лишь батрака и бая, обходя середняка, нашего союзника. Так узко понятое классовое противоречие ведет к политической узости, к вредному уклону. Ныне без диалектики ни туда ни сюда.

Шагая по Московской улице, он вспомнил, как здесь на масленую неделю лихо мчались тройки, звенели бубенцы, колокольчики, тальянки; а прямо на тротуаре полыхали жаровни с румяными блинами. Выбирай — с вареньем, шкварками, сметаной, кипящим маслом. И тут же крепкий ароматный чай и задорные частушки.

Тогда Коля, гимназист, стоя в сторонке, с трудом сдерживал слезы. В кармане ни гроша. Хозяин комнаты — выходец из немецкой колонии — не признавал русских праздников, а родители жили в глухом лесничестве Новгородчины. Зато немец разговаривал с юным квартирантом лишь по-немецки. Вот уж верно: нет худа без добра — теперь Калугин читал Гегеля в подлиннике.

Афиша струнного оркестра увела мысли историка в Летний сад. На Веселой горке поет «Вечерний соловей». А в свободное время проявляет чрезвычайный интерес к золотой модели, к золотым коронкам и золотым рублям Морозова. К чему ей золото? На ней ни одной золотинки: ни брошки, ни колечка, ни серег, одни часики. Накопительство? Пересылка за границу к родителю? Ей не трудно передать сверток одному из участников автопробега. Инструкция гласит: «Ценности конфискуются только в момент спекулятивной сделки и хищения из музея. Обыск строго запрещен». Оно и понятно: международный автопробег — массовый приезд зарубежных гостей в СССР. Плохой прием — пища для желтой прессы.

Еще вопрос: какой запас золота у Алхимика? Как он поведет себя в день прибытия иностранцев? И какова роль Берегини? Она помогает ему или, наоборот, охотится за его кладом? И в чьих интересах: личных или государственных? И наконец, как увязать ее сомнительное поведение с ее увлеченностью тайной Тысячелетия, с ее мечтой защитить интересы женщин и с ее синим взором, полным благородства?

Вдруг он поймал себя на том, что сам себе противоречит: стремится не думать о ней и в то же время постоянно вспоминает ее; смущается от ее красоты и тут же дерзит ей; хочет пойти на концерт и одновременно отговаривает себя. Нет, нет, надо послушать ее песни: нет ли фальши...

Сейчас занятие с учеником. Все эти дни учитель искал наглядный образ трехдиного противоречия. Однако ни «Троица» Рублева, ни безмен, ни балалайка не затронут Глеба. В Древней Греции Гераклит успешно иллюстрировал диалектику примерами из природы. Не взять ли символом противоречия новгородский пейзаж, ибо наглядность — первый шаг к абстрактному мышлению?

ПОЮЩИЙ ПАМЯТНИК

Из Антонова в город, как всегда, бежал: сегодня у меня занятие с учителем. Домашнее задание я выполнил — нашел наглядную трехчленку, но агентурное поручение смазал. Осмотр здания книгохранилища ничего не прояснил. Замки и печати не тронуты. Да и устная разведка лишь больше озадачила. Местная малышня из приемника-распределителя только обедала и спала под казенной крышей; остальное время слонялась по ярмарке, где чистила чужие карманы и корзинки.

Мои друзья из Дома юношества выяснили лишь одно: утром антоновские воришки ничего из монастыря не выносили. А кто же снабжает торговку книгами с семинарскими штампами?

В свои заботы Розу я не посвящал, хотя посматривал на нее, а не на кружку с сургучной печатью и четкой красной надписью «НА ПОМОЩЬ МОПРу». Гершель, общественницу, выдвинул комсомол, а я в роли охранника оказался по милости Воркуна. Губернский отдел ГПУ — шеф нашей команды «Динамо». Иван Матвеевич, зная меня еще по Старой Руссе, подошел к моим воротам и, словно по мячу ударил, бухнул: «Глебуха, хватит баклуши бить!»

С Розой мы встретились у памятника Тысячелетия. Она, опередив меня, сосредоточенно глядела на гигантскую статую Петра I, на плечах которого эполетами серебрился тополиный пух.

— Послушай,— шепнула она, глазами указывая на памятник.

Я не прислушался, а вгляделся: Роза вырядилась и совсем не походила на комсомольскую активистку. На ней голубая блузка с белым бантиком, черная юбочка выше колен, модельные лодочки на тонких каблуках, и «визитная карточка» не кимовский значок, а золотые серьги, похожие на спелые вишенки. Из-за этой красы ее чуть было не исключили из Союза молодежи. Вступился

Калугин. Роза посещала краеведческий кружок, организованный при музее. Она сотрудник губархива, но архивного в ней ничего — пухленькая, румяная, с глазками-маслинами и кудряшками на лбу. Словом, пышка!

Все из семьи Гершелей обладали идеальным слухом. И все они играли на музыкальных инструментах. В домашнем оркестре Роза вела партию флейты. И неудивительно, что сейчас она уловила тихий загадочный звук, исходящий от монумента, как будто бронзовый шар развился большой морской раковиной и протяжно гудит. Гершель сказала:

— Это ветерок-проказник.

— Тут и раньше ветрило, однако памятник помалкивал,— возразил я, невольно вспомнив слова антониевского богослужителя: «На амвоне Руси плачет и стонет страдалица Марфа Посадница».

Странный звук исходил не от Марфы, а от Петра I: фигура последнего возвышалась прямо над Борецкой, но царь держал в руке скипетр, а не дудку...

— Что за фокус, Роза?

Не зная, что ответить, она заговорила о своем отце:

— Папа точно знает: при закладке этого памятника под фундамент опустили цинковый ящик с монетами девятнадцатого века.

Роза приходилась мне родственницей: мой дядя женился на ее старшей сестре, и я кое-что знал о самом Гершеле, аптекаре:

— Твой отец скупает старинные монеты?

— Для своего брата, ленинградского нумизмата.

Хотелось уточнить, почему Роза никогда не вспоминала про родного дядю, но она в это время бросилась к прохожему:

— Пожалуйста, не откажите!— и бренькнула кружкой с медяками.

Длинноволосый, носатый незнакомец в черной бархатной блузе, с бантом на груди, прочел надпись на кружке и смутился:

— Позвольте представиться: юморист Фукс. Приезжий. Пока безработный. Извините.— Он пожертвовал пятак и длинный палец согнул вопросительным знаком:— Молодые люди, в каком российском городе впервые увековечены в бронзе Пушкин и Лермонтов?

Мы с Розой беспомощно переглянулись. А назидательный палец Фукса как бы отделил от пьедестала фигуры великих поэтов:

— Хвала вам, иовгородцы!— воскликиул он и мигом скрылся в толпе прохожих (широкоплитная панель почти примыкала к памятнику).

— Виделa его в папиной аптеке,— опомнилась Роза и взяла меня за полосатую футболку (такая уж привычка у иее):— Скажи, Глеб, Николай Николаевич как репетитор брал с тебя деньги?

— Учит бесплатно.

— Почему?— иадула она яркие щеки.— Он вам родня?

— Нет.— Я рассказал о нашем знакомстве на футбольном поле, куда тот приходил изучать спортивные ритмы:— Я признался Калугину: «Нас два брата: один умный, а другой футболист». Он улыбнулся и пригласил меня на рыбалку. Там-то, у костра за ухой, я и прирос к иему: он же бездетный...

— А мие запали в душу его слова, сказанные иа занятии краеведческого кружка: «Где бы ты ни родился, где бы ин жил, если ты русский, твой долг поклониться героям восемнадцатого века — Пскову и Великому Новгороду: они спасли замечательную культуру от вражьего огня. Не вся Русь погорела, не всюду властвовал хан, был край и без татарщины. Здесь воздвигались храмы, дворцы, велась летопись, слагались былины; здесь во времена ига родину славили ратиыми делами (смяли ливоиских рыцарей) и подняли иа щит вольиость, родной язык и стратегический ум русского народа».

Роза закоичила с печалью в голосе:

— Я здесь родилась. Горжусь Новгородом. Люблю родину, Россию, а папа заставляет меия учить язык, чуждый мне: я ие хожу в синагогу...

Она метнула взгляд иа фигуру аигела-хранителя Петра I. Из его броизового крыла выпорхнул воробей. Оказывается, металлический шов лопнул, а в полости образовалась гудящая раковина. Мне вспомиились бредни обывателей.

— А нагородили-то!— засмеялся я.— И Пучежскому по иосу!

— Почему?

— Жаждет этот памятник стереть с лица земли, вот и собирает о нем всякие пакости...

— Собирает?— побледнела Роза.— Поиимаешь, мой иачальник...

— Завгубархива Иванов?

— Да,— прошептала она, озираясь по сторонам.— Поручил мне подготовить справки о памятнике Тысячелетия России.

— Какие справки?

Она глазами нашла губполитпросветовское здание с зарешеченными балкончиками:

— Пучежский заказал Иванову справки, документы на тему: «Микешинский памятник — знамя черносотенцев».

Я сообразил, что Пучежский готовится дать бой Калугину и что надо немедля предупредить моего учителя.

— Роза, я сейчас увижу Николая Николаевича; можно сослаться на тебя?

— Конечно!— живо откликнулась она.— Я за памятник! И за Калугина! Иванов, представь, пристает к своим же сотрудницам. Отвратительный тип!

— Тогда жди меня. Здесь не посмеют ограбить тебя...

Я припустил к массивной арке Софийского собора, где толпились экскурсанты возле музейного работника.

БАШНЯ ОБОЗРЕНИЯ

На дворе Софии Калугин стоял в тени Евфимьевской часозвонницы. Он никогда не опаздывал. Мое сообщение озадачило его:

— Говоришь, «знамя черносотенцев»?— возмутился он и поблагодарил меня за оперативность.

На башню вела винтовая лестница. Учитель почему-то обожает спирали. Он старался не отставать от меня:

— Я искал для тебя пример трехчленки, но ты, голубчик, превзошел меня. Что может быть доступнее (перевел дыхание): фундамент, фасад и крыша? Капитальная основа, легкий верх и промежуточная стойка. Массовидный образ! А ты знаешь, как русский народ называет «фасад»?

— Нет.

— Середка! И заметь, середка, середина и СРЕДСТВО — из одного корневого гнезда. Да и по сути: середина есть средство соединения низа и верха, начала и конца, наметки и результата...

— Тема нашего урока?

— Не совсем, друг мой. Философская проза любит афоризмы. А секрет их в искусстве обобщения. Поэтому свою вертикальную трехчленку замени горизонтальной: домик — дом — домище...

— От малого к великому?

— Верно!

Когда-то каменный восьмигранный столб держал над крепостью куранты. Теперь под тесовым шатром звонницы пахло медью колоколов и голубиными гнездами. Верхняя площадка башни открывала обзор города с его слободками и белоснежными монастырями.

Стоя возле деревянного парапета, я залюбовался могучим парком, атакующим старинную крепость:

— Ого! Деревья одолели ров. А молодняк лезет на стену!— Я повел взглядом по кольцу городского вала и выбрал златоверхую колокольню Юрьева:— Звонкий маяк! За ним чуткое эхо Ильменя!

— Голубчик, краски греют, а мысль кормит: дай то и другое. К делу!— Он выделил постройки, примыкавшие к звоннице.— Тут встарь стояли теремок, терем и великий терем владыки Василия. Выходец из народа и развернулся по-народному...

Краевед рассказал о плодотворной работе Василия и лицом повернулся к Летнему саду, где кружился тополиный снег и где над зеленью горки дымил деревянный ресторан в русском стиле.

— Перед нами не кончик, а великий конец Неревский. Здесь, вдоль Волхова, шли улки, улицы и Великая улица...

Я чувствовал: учитель подводит меня к какому-то важному обобщению, но пока что уловил развитие от простого к сложному.

— Неревцы шли через ручей по МОСТИКУ, затем через крепостной ров по МОСТУ, а дальше на ВЕЛИКИЙ МОСТ через Волхов.

— Смелее!— подзадорил он, продолжая на месте необычную экскурсию в прошлое:— Новгород имел торжок, торг и торжище рядом с великим мостом...

Историк отметил правый берег Волхова с базарной площадью, где весело посверкивала карусель:

— Торжок — зародыш всех торгов. Великий торг, с его иноземными дворами да рядами,— расцвет новгородской торговли...

На сей раз я уловил масштабность развития города, но обобщение не вытанцовывалось. Учитель продолжал обозревать Торговую сторону:

— У моста часовня. Выше — церковь. А левее — собор Великого Ивана. Почему так народ назвал? Нуте?

Он голосом выделил слово «народ» и вернулся к обычной интонации экскурсовода:

— Заметь! Храм огромный, двухэтажный. В ием молельия, склад товаров, палата мер н весов (свой нвановскнй локоть), суд, купеческий клуб н центр связи с заморьем. И это двеиадцатый век!

Теперь к народному мотнву он добавил фактор времени. Его рука вела прямую линию от Велнкого Ивана к Вечевой площади:

— Все решало вече. Новгородское вече просуществовало дольше, чем где-лнбо в мнре. И вошло в нсторню как велнковечье! Высшнй орган властн боярской республикн!

Калугнннскне глаза, не по возрасту молодые, ласкалн чернотой. Онн внушалн: «Еще рывок мысли! Еще!»

— Заметь, мальчнк мой, городскне коицы создавалн стороны, а стороиы — велнкнй град. Его владення обшнрны. На земле новгородской можно было разместнть все вольные города того временн. И стоял Господнн Великий Новгород на великом путн «нз варяг в греки». Итак!— голос нсторнка торжествеи:— Великнй терем. Великий конец. Велнкнй мост. Великий торг. Велнкий Иван. Велнкое вече. Велнкий Новгород — великнй путь. Лопнн солнце от завнстн, если найдется другой город с таким велнчнем! Нуте, друг мой?!

Высокне эпнтеты ворвалнсь в мое сознанне лейтмотнвом, н я иаконец-то обобщил:

— У велнкого народа и корни велнкие!

— Отлнчно!— Он, как ребеиок, ударил в ладоши.— Афорнзм — самоцвет мыслн! А корни — иашн велнкне традицни. Поздравляю!

Не в пример учнтелю, мне нравнлась похвала. Я готов ответнть тем же: «Ваша заслуга!»— ио не посмел. И я схнтрнл:

— Мон роднтелн отметнлн во мие перемену: я-де стал соображать быстрее, рассуждать логнчнее. А старший брат, как всегда, подковырнул: «Из тебя выйдет не пнсатель, а бумагомаратель! Одолей грамматнку, а потом уж логнку!»

Добрая улыбка ие сходила с лица учителя:

— Голубчнк, путь к серьезиой прозе, повторяю, долог н терннст. Будь готов и к иасмешкам и к подножкам. Но ты упорно поднимайся, как только что шагал по лестинце, нет-нет да и оглядываясь на любимого писателя. Тебе ближе всех Достоевский?

Примечательно! Учитель всегда ставил меня рядом с собой, словно мы однолеткн, н беседовал как со взрослым. И Достоевского вспомиил ие случайио.

В Старой Руссе я посещал библиотеку имени Федора Михайловича и дом Достоевского. Мне было отрадно, что великий писатель мой сосед, земляк. Я ходил по его следам, дышал его воздухом, искал места действия «Братьев Карамазовых». Все это исходило от внешнего сопричастия — мы жители одного города. А внутренний мир Достоевского приоткрыл мне учитель. Он четко отличал диалектику души от диалектики мысли:

— Мышление, друг мой, сложный акт противоборства: отбросить ложную мысль, увязать анализ и синтез, подкрепить аксиому цепочкой фактов, преодолеть логический шаблон и дерзнуть на новое обобщение. Все это от Достоевского!..

Мысленно я обнял учителя, приложился щекой к его теплой груди, поклялся неустанно идти к цели, а вслух признался в скудности своей разведки:

— Книги крадут не антоновские.

— А кто же?— Он назвал дом на Московской улице.— Там, за оградой, в заброшенном подземелье прижились пареньки: худенький, как игла, и крепыш с черной челкой. Ребята проворные. Приглядись к полуночникам. И учти, у них собачонка...

Калугин глазами показал на Кремлевскую площадь с микешинским памятником:

— А сейчас, мальчик мой, к Розе. Пусть она скопирует справки для нас с тобой...

Отрадно! Учитель всегда сочетает слово с делом.

ТАЙНА ДОМА № 6

Из крепости я побежал не прямо к стоянке Фомы (о чем пожалел!), а в Антоново — пообедать и справиться о паре беглецов. Я не сомневался, что они сбежали из приемника и что заведующий наверняка их ищет.

Так оно и есть. Крепыша с черной челкой зовут Филей, а худенького, хозяина собачонки, Циркачом. Шавка Муня, видимо, сторож их убежища.

Калугинское поручение на сей раз я решил выполнить с честью: не спугнуть воришек, не толкнуть их к бегству из города, а подружиться с ними и сдать под опеку Калугина. А план действия прост: «разговориться» с Мунькой, потом пустить в оборот клички ребят: я-де свой, не участник облавы.

Казалось, все предусмотрел: прихватил братишкин электрический фонарик, курево, леденцы и ломтик колба-

сы. У меня в доме свой щенок. Но что такое? Однчалый пустырь ием: на мой посвист Муиька ие отклнкнулась. И в подвале, сверху заваленном мусором и щебием, тоже молчок. «Прнтаились»,— решил я и заглянул в мрачиый, щербатый лаз:

— Фнля! Циркач! Мунька!

Гробовое молчание. Из узкой воронкн пахнуло дымом: ие табачным, а домашиим — горелой лучнной. Я сел иа рыхлый кирпичный цоколь н задумался.

Ребята промышляют ночью — значнт, отсыпаются. Зловещая тишиина насторажнвала. Вспоминлся паиический бег заведующего распределнтелем: за ним гиался шкет с ножом — Мамай нмел трн прнвода за такие «шалости».

Страх всегда вызывал у меня стыд, а последннй толкал иа смелый поступок. Я спустился в треугольиый лаз и бутсамн иащупал ступеиьки деревянного примостка. Почему он не убраи? То лн заманивают, то лн ушли купаться.

На каменном полу я осмотрелся. Мои глаза восприиималн только световой треугольиик, падающнй сверху. Но вот освоился: каморка нмеет пролом в соседнее темное помещение. Белесая плесеиь подинмалась по стеие. Беглецы обжились в проходной...

Я осветнл фоиарнком мятую солому, ветхое одеяло и «подушку»— трухлявое от моли драповое пальто. Воиючее барахлишко разворошил иогой. Обнаружилось: колода замусолеииых карт, пятый выпуск «Пещеры Лейхтвейса», титульиый лист с голубым штампом, вырваиный нз книги, н миожество «чииариков», а в углу под мешковиной — бронзовый стержень с тонким концом.

Рассматривая загадочную находку, я напряг память. На Ленинградской улнце в мнлицейском музее выставка холодиого оружня и металлнческнх ннструментов, отмычек, воровских поделок. Но этот штырь не был столь острым, чтобы им колоть, н не был прочным, чтобы служить ломиком.

Когда-то Шерлок Холмс покорнл меня: я мечтал заделаться первоклассиым сыщнком, нзучал преступный мнр — местное ворье знал наперечет. Особеино базарных мазуриков: один спецы по возам —«воздушникн», другие по вырезке карманов —«пнсальщнкн», а третьи по магазиıам —«городушники». Потом шлн знаменскне гопннкн: онн умелн все, что н «мальки», но выступалн еще в ролн

«домушников» и наводчиков для профессиональных воров.

Новгород часто навещали гастролеры по церковным ризницам — «храмушники»: одеты с иголочки, в руке блеск-чемоданчик, а в нем пилка, ножовка, фомка и флакончик кислоты для опробования сомнительного золота.

Однако бронзовая палочка в моей руке разожгла любопытство. Для чего она? Ее не просунешь в дверную щель, чтобы скинуть крючок, и дирижеру слишком тяжела.

Обошел остальные клети подвала: заметил сводчатые потолки и обгорелые лучины со свежим запахом дымка. Здесь явно кто-то осматривал старинное подземелье.

Более двух часов я ждал ребят. Они где-то застряли. А может быть, их спугнули? Ведь кто-то горящей лучиной освещал подвал?

Черт возьми, время ушло, а мне сегодня на очередное занятие литературного кружка. Редакция газеты «Звезда» организовала встречу с местным поэтом Василием Смеловым.

Вылезая через треугольное отверстие, я подумал о том, что образ трехчленки хуже геометрического треугольника: этот более наглядно передает три стороны противоречия — ведущую, ведомую и сводящую, а главное, линия переходит в другую, зримо показывая ход кругового развития.

Калугин говорит: линейное развитие переходит в круговое, а круговое в спиральное. Гибкий ум улавливает все три вида становления, а верхогляд схватывает лишь наивысшую стадию — спиральную, а тем самым нарушает принцип и с т о р и з м а.

Стоя возле руин, я через призму треугольника взглянул на ближайшую стену желтого дома и до смешного удивился: в окне второго этажа красовалась Роза Гершель.

Тут я сообразил, что пустырь примыкает к дому аптекаря, где длинный сарай преградил наступление чертополоха и крапивы. Я свистнул красотке и жестом вызвал ее на дворик, куда проник меж сараем и помойкой.

— Ты знаешь, под твоим окном «пещера Лейхтвейса»! — Я объяснил причину моего появления, ввел ее в курс розыска похитителей старинных книг и попросил: — Увидишь ребят — звони ко мне в техникум...

Роза слушала меня разинув рот: она и знать не знает, что рядом подземелье с древними сводами, что в нем уст-

роили себе прнтон ночные промышлялы. Озадаченная, она взяла меня за рукав полосатой футболки:

— Лай-то слышала, да ие придала зиачеиия. У иас кругом столько собак, кошек, крыс — жуть берет!

Пышка расправила пухлые плечикн н через проходиой корндор вывела меня иа Московскую. По мостовой мчалась стайка велосипедистов в разноцветных майках. Спортсмеи Чупятов, атлетического телосложеиия, махиул мие рукой:

— Салют, вратарь!

Я взмахиул бронзовым прутиком и сиова озадачил Розу:

— Что за штуковииа? В «пещере» иашел. Не аптекарская?

— Нет, не зиаю,— смутилась оиа и радостно сообщила:— Додик, братишка, заиялся исторней Новгорода!

Надо же! Миогие изучают нашу нсторню, гордятся своим рождением иа здешией земле, а мы, истиино русские, подчас не чувствуем источиика вдохновеиия, обходим Русскую дорогу и памятник Тысячелетию России. Почему так?!

Вспомиился красиобай Пучежскнй. Я припустил следом за велосnеднстамн. На литзаиятие пришел раиьше других. И рад!

Виештатиый сотрудник газеты, иачииающий поэт Саша Игнатов, хвастанул мне, что иашел развалииы Великого Новгорода и придумал хлесткое заглавие «Тайиа дома № 6».

«Вот кто спугнул воришек»,— поиял я н иемедля помчался в Троицкую слободу. Там возле открытой калитки в тревожном ожидаиии стояла Анна Васнльевна. В ее глазах испуг и иадежда. Старушка с дрожью в голосе сказала:

— Сыиок час иазад ушел искупаться н не вернулся...

«ВЕЧЕРНИЙ СОЛОВЕЙ»

Урок с Глебом и хлопоты с кирпичным заводом отвлекли Калугина от иавязчивого желання послушать Берегиию. За деиь ои умаялся и решил перед ужииом освежиться.

Махнув матери короткнм полотеицем, Калугии вышел к берегу Волхова. Над рекой иависла белесая мгла. Оиа иапомнила счастливую ночь. То было во время новгородской ссылки.

Тогда вечером он впервые отправился на прогулку не один. Нет, он и раньше приглашал ее, но она никогда не выходила за порог флигеля, где ссыльные жили коммуной; да и в комнате беседовала с ним лишь за чтением Гегеля, активно обсуждая философские проблемы. А вне коммуны на свежем воздухе молодой революционер и сам забывал о НЕЙ: любовался звездами в одиночестве, хотя по-прежнему любил ЕЕ.

Однажды, открывая калитку в темень проулка, он почувствовал, что с ним ОНА, царица противоречий и чародейка любого развития.

Беззвучно шагая рядом, Невидимка взяла его под руку и жарко зашептала: «Милый друг, за твою преданность, за твою любовь ко мне не расстанусь с тобой до последней минуты. А сейчас начнем с малого, ибо в малом зачин великого».

И тут он реально ощутил, как левая нога перечит правой, как четная сторона улицы противостоит нечетной и как на мостовой встречные движения взаимоисключают друг друга. Окруженный полярностями и топча полярности, счастливчик вышел на полярные берега Волхова, над которым, как и сейчас, колыхалась белая тьма.

Резкий гудок парохода оборвал мысли. Историк прислушался: бодрый северик принес музыку с Веселой горки — струнный оркестр зашелся в ритме «Калинки».

«Скоро запоет Соловей»,— рассчитал он и, скатав полотенце, сунул его в широкий карман толстовки. Удивительно, сегодня он взял на речку не большой, а малый ручник: значит, наперекор разуму, он бессознательно руководствовался инстинктом...

Кроны столетних деревьев прощаются с вечерней зорькой. Рядом с летним рестораном на земляной горке освещены подмостки эстрады. Там мелодично журчат домбры. Музыканты исполняют знаменитый Полонез Огинского.

По аллее, запорошенной тополиным цветом, идет участница концерта. От каждого маха длинной юбки вскипает белая пена. Крутобокая, осанистая, актриса вальяжно плывет в такт музыке. Светлая коса покоится на высокой груди, где, сверкая, позванивает трехрядное монисто. Малиновые сапожки с кисточками завершают русский наряд.

В радостном страхе Калугин, сидя на скамье, узнал в былинной волховянке Берегиню. К счастью, он не был замечен в тени большого куста и смог проводить глазами

это чудное явление, пока «Вечернего соловья» не укрыли заросли сирени.

Но вот сердце унялось, и колыхнулись воспоминания о далекой северной ссылке. Прострел в пояснице приковал его к постели. Пожилая сестра милосердия (тоже ссыльная) массировала ему спину, устала, присела на кровать, а потом прилегла...

Постыдная связь без любви была недолговечной. С тех пор он не шел на сделку с совестью. А сердечные увлечения оборачивались унижением и досадой: он влюблялся в красивых женщин. Старый холостяк осуждал себя за такой неравный выбор, но ничего не мог с собой поделать: любит красоту во всем — в радуге, стремительном полете стрижа; в женском облике и даже в логических построениях.

На Веселой горке сменилась мелодия. Трио баянистов вкрадчиво выманивали «Соловья» Алябьева. Николай Николаевич приготовился услышать колоратурное сопрано, а защелкал соловей!

Актриса не уступала курскому соловью. Казалось, пернатый вспорхнул на освещенную эстраду и утонченным свистом повел раздольную мелодию с трелями, бульканьем, звучной дробью и заливистыми раскатами.

Хотелось наломать сирени, взбежать на горку и вознаградить солистку. В соловьиной песне ему чудился многоколенный мотив жизни с ее переливами, переходами, превращениями, с ее схватками и страстями.

Очарованный звуками, он не заметил знакомой фигурки архиварнуса, в кожанке, с портфелем. Обиженный ростом, поднялся на пенек и, боясь шелохнуться, глазами пожирал Берегиню.

При мысли, что его, губкомовца, могут признать завсегдатаи вечернего ресторана, ему стало не по себе. И он, избегая аллей, спустился в тенистую пущу древнего рва. Ива ветками тянула воду, зеленую от плотной ряски. А на другом берегу крепостная стена оранжево отсвечивала на закат.

Тихая старина вернула ему душевный покой, но ненадолго. У ворот Летнего сада он снова повстречал волховянку: теперь она улыбалась ему с афиши. Светлоглазая певунья с благородной поступью не может быть «женщиной из тумана», но и не может стать его спутницей жизни. В саду Берегиня с ее неторопливостью и наливными плечами казалась ему старше своих лет, и это вселило на-

дежду, а детская улыбка иа афишиом портрете мигом отрезвила старого холостяка.

Прощай, мимолетиая искра! Ему ие привыкать уходить в свой мир противоречий. Нет большего прозреиия, когда осознаешь, что всем управляет едииство н борьба противоположиостей.

Для Калугииа выход из дому — иеобыкиовеииая прогулка в глубь вечиого противоборства бытия. Вот и сейчас ои, ступая ботииками по космической пыли, радовался тому, что послаицы издалека расширяют его взгляд иа мир до бескоиечиости, а древиие мостовые, лежащие под булыжииками современиой улицы, позволяют ему углубиться в подземиый Новгород. Там стлались бревеичатые плахи строго в арифметической прогрессии, а в XII веке здешиий учеиый моиах Кирик с помощью геометрической прогрессии заглянул далеко вперед. Кстати, ои, математик, озадачил миогих любителей стариины вопросом: «Нет ли в том греха — ходить по грамотам иогами, если кто, изрезав, бросит их?»

(Коиечио же в 1925 году Калугии ие мог расшифровать загадочиые слова «ходить по грамотам иогами». А сегодия, благодаря археологам, все зиают, почему ходили ногами по берестяным изрезанным грамотам.)

Возле одииокой башии, белевшей иа берегу Волхова, историк искупался и, размахивая влажиым полотеицем, иаправился к дому, где рядом с калиткой его ждали мать и Глеб.

— Не серчай,— поклоиился ои матери и, заметив в руке учеиика броизовую палочку, обрадовался:— Нашлось! Это же перо, иедостающее Ломоиосову иа памятиике. Ребята стащили, когда палатку сдергивали...

Радушио приласкав собак, ои обхватил футболиста за пояс:

— Проходи, голубчик, и докладывай...

БЫТЬ И НЕ БЫТЬ

Филя и Циркач скрывались в иовом убежище и иочью лазали в аитоиовскую библиотеку. Воркуи бил тревогу: «Жаба торгует стариииыми киигами». Медлить иельзя!

Ослепительиым солицем и тополииой порошей встретила Калугииа Торговая стороиа. Удивительио, флаг Варлаамиевской ярмарки давио спущеи, а иарод валит: всем иеобходима купля и продажа. Мииуя ярмарку, историк подиялся иа холм, где шумела и чадила барахолка.

Здесь на вещи вольная цена: тут один устойчивый регулировщик — сборщица налогов Варвара с кондукторской сумкой на ремне. И всякий клянет ее на свой лад.

Толкучка — угодье беспризорников. В тени закоулка притулился мальчуган. Лохмотья кое-как прикрывают загорелое костистое тельце. Карие глазки, точно мышки, шныряют по сторонам:

— Мамки нету, папки нету, хлеба нету...

Босой «артист» срывается с места, заприметив Серого. Так «вольные» зовут Калугина за серый цвет блузы и панамы. Вот ирония судьбы! На солнечной площадке возле гридницы, где встарь бушевало вече, теперь роился людской клубок, совершающий торг. Здесь, в кольце храмов и каменных лавок, толпу сопровождает запах самосада, ваксы и душного пота. Под ногами пыль, мусор. Без умолку идет перекличка.

— А вот из Питера без литера!— орет плешивый гость с мексиканскими усиками над жирной губой.— Товар без обмана — сигары «Гавана»!

Его старается перекричать жердеподобный мужчина в буденовке со шрамом на тощем лице:

— Кому старинный котелок суворовского солдата... А вот котелок денщика Суворова!.. Редкая находка! Прямо из Кончанского! Личный котелок Александра Суворова!

Продается все, от примусной иголки до японской ширмы. Самый ходовой товар — бумага для письма и махорка. Еще весной осьмушка стоила шесть копеек, а ныне и за гривенник поищешь.

Через толпу Калугин еле пробился к перекупщице. Жирная, большеротая коротышка с выпученными глазами сидела на фанерном чемодане, досасывая цигарку. У ног Жабы на мешковине развал: старомодные туфли, медный чайник, игральные карты, кузнецовское блюдо, а на нем старая книга в белом кожаном переплете.

Увесистый том — обычный молитвенник XVIII века. Таких требников сохранилось много. А главное, ни автографа, ни голубого штампа. Вернув книгу, краевед отошел к жестяно-москательной лавке Ивяшина и остановился, высматривая в толкучке Филю и Циркача. Они продолжали воровать ценные книги.

Вдруг в толпе мелькнула знакомая борода лопатой, а над ней картуз с высокой тульей. Передольский тоже заметил старый требник и буквально вцепился в него:

— Сколько?

Бельмо иа глазу ие помешало Жабе уловить хваткий жест богатого покупателя. И оиа тут же вздула цеиу до трех рублей...

— Вы же, голубушка,— вмешался Калугии,— только что просили полтиииик? Так или ие так?

Авторитетиый свидетель ие смутил хапугу. Оиа закаиючила:

— Побойтесь бога! Обижать бедиую вдову!

У профессора лишь два рубля. Выручил Николай Николаевич. Оии расплатнлись с торговкой и зашли за храм Параскевы Пятиицы, XIII века. Коллекциоиер радовался, а историк иедоумевал:

— Я вроде виимательно глядел...

— Экстравагаитная иаходка!— Ои благоговейио открыл книгу.— Вы правы, милейший, таких молитвеиииков миого. Видите, это ие доиикоииаиская печать: азбука Никиты Федорова. Формат тоже ие редкость: требиик Чиллиии с мизииец. Но поскольку берегли...

— Позвольте, откуда это видио?

Владимир Васильевич красиым платком утер влажиое от волиеиия лицо и иеожидаиио перешел иа загадочиый сказ:

— Долго стоял «поросеиок» иа «пуделе», отчего у иего отвисла «пята» и «ухо», и иа поле «слизией» мало. Уразумели?

— Не очеиь.

— Видите,—ои осторожно обиажнл переплет,—требиик завернут в ослиииую кожу. А кинга в пергамеите или харатейиой сорочке получила прозвище «поросеика». «Пудель» в даииом случае ие кудрявый песик, а иизкий шкаф с верхней иаружиой полкой, как у вас в кабииете. Так вот стоял требиик иа приполке большой срок, отчего край корешка отвис «пятой»...

— Ради чего стоял, голубчик?

— Радн древиего пергамеита, в который обериут требник,— профессор любовно погладил ладоиью белую кожу:— Здесь иа лицевой стороие чериила смыты, а иа тыльиой сохраиились...

Сдерживая дыхаиие, ои бережио отвел край обложки, открыв для прочтеиия старииное письмо с прямыми, жирными буквами.

— Одиииадцатый век!— ахнул профессор.— Так иазываемый устав! Изумительио сходеи с почерком Остромирова еваигелия, которое, как зиаете, писалось для здешиего посадиика Остромира...

— Любопытно, что за текст?

— Обязательно сообщу вам.— Знаток книги завернул том в красный платок и поинтересовался судьбой памятника России:— Надеюсь, правда восторжествует?

— Разумеется, голубчик!— Калугин вспомнил о пропаже книг:— У вас имеются автографы Юшкевича и Прокоповича?

— Есть «Послание» Сильвестра. Нашего земляка...

— Автора «Домостроя»?— оживился историк.— Откуда?

— Отец приобрел. Он утверждал, что это из книг Грозного.

— Поскольку Сильвестр был духовником царя?

— Не только!— Профессор строгим взглядом отогнал пьяного от стены храма и продолжил:— Когда Иван Четвертый обосновался в Новгороде, то остро нуждался в монетном дворе и своей библиотеке.

— Привез сюда?— изумился историк.

— Отец не закончил поиска, но догадка его резонна. Книголюб Юшкевич мог раздобыть книги Грозного. Они хранятся в Антонове.

— Надежнее отправить в Ленинград...

Прощаясь, Николай Николаевич с трудом подавил желание поделиться впечатлением от концерта «Вечернего соловья»...

Ближайший путь к мосту — через базарную площадь. Булыжная дорога делила ярмарку на два участка. Правый, что ближе ко дворцу, забит телегами, груженными сеном, овсом, поделками из дерева и разной живностью. Тут надрывались поросята и тут же пахло прошлогодней квашеной капустой. А левый участок, возле горсовета, пестрит ларьками, палатками, увеселительными аттракционами. Здесь благоухают восточные лакомства и душисто-теплые вафли.

Шумное разноголосье зазывает, приглашает, а герой один — рубль. На ярмарке только солнышко бесплатно: оно светит, греет, украшает и веселится в стеклянных блестках карусели. Пение шарманки сливается с выкриками торговцев и взрывами бумажных хлопушек. Слепит зеркало у входа в самый длинный балаган шапочного короля Лазерсона.

Николай Николаевич заинтересовался силомером. Станок — как высоченный градусник. Рядом с дубовой наковальней остроглазый хозяин в клетчатой кепке азартно подначивал зевак:

— Разбил пистон одной рукой — тебе червонец, не разбил — мне червячок! А ну, кто силен да смел? Выходи!

Вызвалась бойкая девица среднего роста: личико пионерки, а плечи ядрометательницы. На ней белая матроска с синим воротом, короткая юбка парашютиком и теннисные сандалии:

— Левой? Правой? — Она вытянула загорелые руки.

— Любой!— оскалился золотой коронкой аттракционщик.

Спортсменка уверенно взяла молот, одной рукой раскрутила его и точно ударила по рычагу: в тот же миг стальной боек просвистел по узкой шкале и хлестко разбил пистон. Ошеломленный хозяин заскулил: он-де не заработал еще и пятерки. Но физкультурница тоже преобразилась, посуровела и по-блатному цыкнула:

— Хлюст, на кон!

В защиту победительницы загудели зрители. Золотой фиксе пришлось раскошелиться. Он огрызнулся:

— Не иначе как циркачка!

А «циркачка» с ямочками на щеках, как ни в чем не бывало, увела местных актеров к широким лоткам, где курганами ярились апельсины.

Калугин думал о ней: «Откуда такая умелость и сила?» Невольно вспомнился прыжок Берегини через ограду памятника, словно за ее плечами специальная агентурная школа.

Актерская компания не вся накинулась на фрукты. Вера Чарская решительно подошла к историку. В узком платье, с высокой прической, увенчанной малюсенькой шляпкой, бог знает чем закрепленной, статная, с печалью в глазах, она вынула из лакированной сумочки почтовый листок.

— Простите,— заговорила она, волнуясь.— Нас с вами познакомил на обсуждении премьеры Пучежский. Он оказался подлецом...

— Сочувствую вам, голубушка,— поклонился он учтиво.— Но жалобу отдайте моему заместителю Громову. Я в отпуске...

Конечно, председатель Контрольной комиссии мог бы взять заявление, но, кто знает, возможно, ловелас сегодня же вернется к Вере Чарской, если узнает о жалобе.

«Мирный исход лучше скандального разбирательст-

ва»,— рассудил он и тут же на торгу задумался о смене жизненных формул. В дни революции и гражданской войны приходилось часто думать по формуле Гамлета: «Быть или не быть Советской власти».

Теперь, в дни нэпа, другая формула: «Быть и в то же время не быть». Советской власти не быть, если победит частная собственность, и в то же время быть, поскольку элементы капитализма под контролем Советской власти: торгашей уже теснит кооперация. Вера в бога сильна: быть еще храмам открытыми, а в то же время не быть им вечно — неумолимо тают ряды верующих. В стране полно беспризорных — Детской комиссии быть, а в то же время не быть,— Новгород, например, почти всех бездомных приютил. Зиновьевцам пока быть в партии, а в то же время не быть,— такова судьба всех заговорщиков против ЦК.

Калугин не заметил, как вошел в Детинец, где предстояла очная ставка Иванова с Пучежским.

Дорогой читатель, очная ставка неожиданно закончится теоретическим спором, который может вызвать недоумение: коммунисты 25-го года затронули научные идеи сегодняшнего дня?! В действительности еще в 1923 году журнал «Под знаменем марксизма» поставил вопрос:

«Кто в наше время не слыхал о теории относительности и не держал в руках одной из *бесчисленных* книжечек, распространяющих вкривь и вкось это учение?»

Кстати, в том же номере московского журнала были помещены две обстоятельные статьи о теории «квант». Примечательно, что один из авторов статьи не кто иной, как сам создатель теории, знаменитый немецкий физик Макс Планк.

Двадцатые годы пронесли первую волну увлечения философией естествознания в среде советских ученых.

СТРАННЫЙ КОНФЛИКТ

С Торговой стороны губком партии переехал в Кремль и занял бывшие митрополичьи покои. Здесь не было электрического освещения. Монтером работал новгородский Эдисон. В черной спецовке, стоя на стремянке, он молотком долбил толстую стену.

— Николай Николаевич,— громко приветствовал Лебедев, прервав стук,— вашу записку получил. Через неделю буду на заводе...

Калугин поблагодарил изобретателя. И они заговорили о предстоящей выставке собак. В программу охотничьего праздника входило состязание по стрельбе. Историк отказался участвовать.

— Я в шапку мажу!— засмеялся он и вдруг вспомнил свой давний спор с местным епископом: тот всерьез убеждал ссыльного во всем исходить из духа, а материалист имел наивность увлечь владыку диалектикой природы.

На дверных филенках георгиевские кресты. Открытая дверь дохнула табачным дымом. На первом этаже шумела комсомолия. Дима Иванов митинговал по всякому поводу. А сверху по каменным ступеням сыпалась трескотня пишущей машинки. На средней площадке широкой лестницы под ногами розовела мозаичная звезда, словно дореволюционный архитектор угадал, что дом митрополита займут коммунисты.

В длинном коридоре боровичане искали финансово-хозяйственную часть. Двери были еще без номеров и табличек. Калугин указал приезжим нужную комнату и почувствовал на плече тяжелую ладонь. Его остановил секретарь партячейки спичечной фабрики.

Здоровый, под стать Воркуну, аппаратчик хмур:

— Товарищ Калугин, сущее безобразие! Разбой в усадьбе Аракчеева: в парке статуи, вазы оскверняют, из дворца вещи прут...

Столько неотложных дел, что историку не выбраться не только в Грузино, а подчас в Юрьево, где тоже издеваются над стариной. Он постучал в дверь, обитую железом. Орготделом заведовал его давний друг Алексей Михайлович Семенов.

— Они в санатории,— любезно напомнила уборщица Матрена.

Крупная, с большими кофейными глазами, она хотела что-то добавить, но в это время на площадку вышли Иванов и Пучежский.

Контрольная комиссия пока еще не имела своей постоянной комнаты. Матрена открыла свободный кабинет, где обычно заседала секция нацменьшинств. В противоположность губисполкому, губкомовцам не хватало мебели: в помещении стол и два стула.

Иванов один стул придвинул председателю, второй занял сам и бесцеремонно кивнул на широкий подоконник открытого окна:

— Дорогой тезка, ты любишь свежий воздух!

Зиая норов Пучежского, можно было ожидать, что самолюбец с атлетической фигурой схватит за шиворот карапета и скинет его со стула, ио тот лишь проскрипел зубами:

— Ладно уж, старичок...

— Товарищ Пучежский,— начал деловито Калугии,— твой друг осуждает тебя за то, что ты готов взорвать «рекламу царизма», и говорит, что ты подбиваешь его против меня...

— Протестую!— вскипел Пучежский и нервно расстегнул ворот алой косоворотки.— Я не подбивал! Протестую открыто! Всех призываю очистить Кремль от царского склепа...

— И все же!— осадил Калугин.— Поносить друга заглазно — не этично! Так или не так?

— Не так!— взвизгнул Пискун.— Дружба не исключает разных подходов: я за Микешина, он против. Спорим открыто. Все этично!

До сей минуты Пискун никогда не выступал против своего начальника. Тот напружинился, готов схватить тезку за горло, но руки дрожат от бессилия. Видимо, подчиненный на чем-то поймал его. Пучежский поминутно косился на зеленый портфель Пискуна.

— Грех в другом. Ты втихую заказал мне справки...

— Ложь!— вырвалось у начальника просвещения.— Я заказывал в присутствии своего помощника...

— А потом шепнул: «Подбери в духе „Воззвания черносотенцев"».

— Не ври, монах!— дернулся оратор.— Эта листовка не в твоем архиве, а в Музее революции. И дело не в документах. Я не одинок! Мы уберем Кунсткамеру с царскими монстрами. За это Клявс-Клявин и сам Зиновьев...

— Не спеши, златоуст!— хихикнул Пискун.— Есть еще ЦК! И председатель Контрольной комиссии может обжаловать любое ваше неверное решение...

Иванов обратился к председателю:

— Чудак не понимает, что мы своей разноголосицей ставим вас в неловкое положение. Вы же не знали о нашем расхождении. И вам казалось, что я наговариваю на друга. Вызвали нас на очную ставку. Правильно! Выслушали и убедились, что зря меня подозревали в наушничестве...

Подозрение, разумеется, не рассеялось: чувствовалось, что Иванов в чем-то уличил своего начальника и мстит

ему за прежние унижения. Не шантажирует ли его за обман Веры Чарской?

Калугин счел нужным рассказать о гневе актрисы ТОРа:

— Ее жалоба вот-вот поступит сюда. И сам знаешь, Александр Михайлович, будет не товарищеская беседа, как сейчас, а партийный суд. Если подтвердится твое распутство, отказ от ребенка, то ты, батенька, выложишь партбилет...

Пучежский побелел. А Пискун злорадно запетушился:

— Что-о?! Заделал дите? Ась?— И тут же вдруг архиварнус потушил глаза и, подобно мудрецу, приложил руку к челу:— Николай Николаевич, за вашу доброту хочется отвести от вас трагедию...

— Не надо! Не ко времени!— вмешался Пучежский.

— Истина всегда ко времени!— Пискун растворился в ангельской доброжелательности.— В Питере я зашел к Зиновьеву. Он рассказал о своей жизни. И нежданно спросил про вас: «Над чем работает наш философ?» И схватился за голову, когда узнал, что вы занимаетесь диалектическими аксиомами и фигурами...

— И понятно!— подал голос Пучежский.— Диалектика и число несовместимы! Нет философских аксиом! Все относительно!

— Даже борьба?

— Все! Ваша абсолютность борьбы — футуризм!

— Шабаш ведьм!— подкинул бывший монах.

— Кстати,— улыбнулся историк,— субъективист Мах изучение электрона окрестил «шабашом ведьм», но ныне теория «квант» доказала, что ЧИСЛО спектральных линий оказалось во всех случаях одинаковым. Вот вам и АКСИОМА количественная!

— Физика не философия!— возразил Пучежский.

— И в то же время, голубчик, без физики, математики, химии нет философии!

В открытое окно ворвался гудящий звон Софийских колоколов: они заглушили спокойный голос Калугина. Он понимал, что его противники, не зная естественных наук, ничего путного не скажут.

— Голубчик Александр Михайлович, вы член Общества охотников, пожалуйста, откройте завтра выставку собак...

ВЫСТАВКА СОБАК

Тысяча девятьсот двадцать пятый год радовал новгородцев возрождением культурных и коммерческих мероприятий: открылись художественная галерея, Варлаамиевская ярмарка, аукцион и выставка охотничьих собак.

Афиша с рисунком ушастого сеттера приглашала горожан в Красные казармы на воскресный день. А накануне поздним вечером произошла встреча на городском мосту; морозовская пролетка с новыми шинами поравнялась со старенькой коляской Фомы. Лошадей успокоили: здесь быстрая езда запрещена. Пассажирка ночного извозчика, блондинка в белом, негромко спросила:

— Где?

— На выставке,— ответил нэпман заговорщицки.

Эти слова я услышал возле яхт-клуба, когда возвращался от учителя. Слышимость объяснима: сухие сосновые доски настила, подобно музыкальной деке, резонировали звуки — при южном ветре я, житель Антонова, слышал топот на мосту. Репликам я придал значение потому, что именно в тот вечер Калугин посвятил меня в секретную операцию «Алхимик».

Охота за Алхимиком подогрела мой интерес к выставке собак: я был уверен, что в Красных казармах Морозов передаст гастролерше золотые слитки и что там, на плацу, появится Циркач со своей Муинькой. Так что я одним заходом накрою двух зайцев!

Красные казармы и кривая речушка окружали учебный плац. Над ним малюсенькими парашютиками витали тополиные хлопья. Они цеплялись за костюмы участников выставки, зрителей, музыкантов и голосистых лоточников:

— «Сафо»! «Пушка»! «Зефир»!

— А вот не хуже виски — медовые с маком ириски!

Неистовое солнце ликовало на медных трубах. На широком дощатом помосте военный оркестр играл вальс «На сопках Маньчжурии». Я зорко следил за кирпичными воротами, где вот-вот появится Морозов. А Филя и Циркач сидели в компании антоновских ребят из приемника. Они стайкой разместились на разлапистой иве с черным дуплом.

Держа в поле зрения каменные столбы, я подошел к юным болельщикам и громко пригласил всех на вечернюю игру с футболистами Волховстроя. Приглашение вратаря сборной Новгорода возымело действие: Циркач, с Муней на руках, бесстрашно поднялся во весь рост,

чтобы рассмотреть меня. Узкоголовый мальчик был иастолько плоскнм, гнбким, что я иевольно смекиул: «В любую форточку юркиет». Он иаверняка по водосточной трубе лазает в книгохраинлище.

Но вот оркестр примолк, иа трибуне вспыхнула алая рубаха оратора. Пучежскнй пронзиес зажигательиую речь, огласил состав жюрн и под аплоднсмеиты объявил выставку открытой. Трубачи грянули марш «Прощание славяики». Охотннки вкруговую повелн собак иа поводках. В необычиой обстановке бедняжкн, поджав хвосты н озираясь, жалнсь к ногам хозяев, которые и без того сбивалнсь с размеренного шага.

Седовласая, в темном платье, Аниа Васнльевна вела длнниошерстного огненного сеттера. Следом за иею Николай Нниколаевнч, думая о своем, шел рядом с бело-коричневой гончей, у иее могучая грудь н шнрочеиные лапы. Разиообразне пород невелнко: гончне, легавые н лайки. Все же любой показ жнвотных не только прнятное, красивое зрелнще, ио и иаглядиое доказательство того, что и собачья эволюцня невозможна без антиподов.

Накоиец-то в проходных воротах показался Морозов с пятиистым догом в наморднике: огромиый пес осмотрел своих собратьев с явным презрением, иа его ошейиике золотнлся жетон.

Жюрн совещалось недолго. Оркестр проиграл туш трнжды: золотую медаль получнла легавая адвоката Арефьева, серебряную — калугннскнй гоичак, а бронзовую — снбнрская лайка с пушнстым хвостиком баранкой.

Затем иачалась стрельба. Калугии, стреляя плохо, не состязался: болел за друга. А тот, высоченный, в сером костюме, двумя руками держал двустволку двенадцатого калибра и терпелнво ждал своей очереди.

Пахло пороховым дымком. Лебедевская катапульта метала вверх с разной быстротой круглые тарелочки в сторону пустыниой речки. Стрелок, заияв позицию у барьера, целнлся в течение одиой секуиды. Из десятн вспорхиувших «бекасов» изобретатель сбил десять! Награда — золотые часы. Воркуи смазал один раз: получил портсигар из серебра. Рослый усач аккуратно уложил в плоскую папиросницу толстеиькие «пушки» и, щедро улыбаясь, обнес папиросами курильщиков.

Поздравляя призеров, Калугин потрепал чекиста по плечу, а иашего Эдисона обиял и шепиул иасчет кирпичиого завода. Мой учнтель удивительио быстро спускался с иебес на землю.

Я скрытно следил за каждым движением Морозова. В клетчатом костюме, с темным ежиком на круглой голове, он одну руку засунул в карман, а другой сдерживал на тонкой цепочке красноглазого свирепого дога.

Вдруг чувствую, что меня за рукав тянут из толпы. Мелькнула догадка: «Роза». Так и есть. Один на один она прошептала:

— Вчера у нас в архиве был редкий визитер. Обычно Иванов бегает к Пучежскому, а тут сам начальник пожаловал. Они закрылись в кабинете и о чем-то секретничали. Я, проходя мимо двери, расслышала одно слово, сказанное в сердцах: «Футурист!»

«Сомнительно, чтобы горячо обсуждалась поэзия, да еще при закрытых дверях»,— размыслил я и решил сообщить об этом Николаю Николаевичу.

А выстрелы гремели. Среди женщин отличилась Арефьева, жена адвоката. Из восьми тарелочек она разбила семь. И тут же, довольная, светлозубая, по просьбе Морозова передала свое французское ружьецо молодой спортсменке в матроске и синем берете. Незнакомка стреляла вне конкурса. По тому, как она ловко и уверенно вскинула двустволочку, даже я, горе-охотник, угадал в ней опытного снайпера. Ни одного промаха!

Зрители забили в ладоши. Морозов рванулся к победительнице и на белой лайковой перчатке преподнес ей искрящееся алмазом золотое колечко:

— Ваш приз!

Молоденькая «стрельчиха» улыбнулась, а у меня и глаза на лоб: в белокурой незнакомке я признал «Вечернего соловья» и невольно вспомнил вчерашнюю позднюю встречу на мосту Морозова с Берегиней, портрет которой давно примелькался.

Но что такое? Ясиопольская, с ловкостью Соньки Золотой Ручки, незаметно опустила колечко в нагрудный кармашек пиджака Морозова и резко отвернулась. А садовник Сильвестр, с благоухающим букетом белых тугих роз, нежданно бухнулся на колени перед актрисой:

— Божественная! Пречистая дева! Не верь нам, блудням! Особо,— зло покосился на мясника,— этому кобелю с белой лапой!

Видимо, дог уловил зловещую искру от взгляда бывшего монаха и с рычанием бросился на коленопреклоненного. Другой рухнул бы на спину, но Сильвестр устоял и, словно пружина, отбросил пса к хозяину. Тот схватил

собаку за ошейннк, хотел скрытно сбросить намордннк, ио Морозова остаиовил комиссионщик Коршунов.

Солидиый, в светлой шляпе, с курчавыми бакеибардами и вечно дымящей трубкой, он умышленно громко распорядился в сторону своей разодетой супруги:

— У ворот извозчики! Поспеши, пока есть свободные!

И, словио по комаиде, перегоняя друг друга, нэповские воротилы устремились к выходу. Тем времеием к моему учителю подошла премьерша театра Вера Чарская и, счастливая, за что-то благодарила его.

Тут я вспомнил о воришках, вскинул глаза иа старую иву, а там чирикали одни воробушки. Вспомнилась бессмертиая пословица: за двумя зайцами погонишься...

К счастью, Калугин, занятый Минусом и Плюсом, не заметил, как я улизнул из Красиых казарм. Свое бегство я оправдал тем, что впереди ответствеиная футбольиая игра. Хотя, откровеиио, я думал не о предстоящем состязании, а о том, зачем Берегиия дорогое кольцо вернула Морозову, а цветы от Сильвестра прииняла. Еще меня удивили мои просветители, Передольский и Калугии: оин держались друг от друга иа расстояиии, но глаз не спускали с «Вечериего соловья». Мне же было отрадно, что Ясиопольская отвергла морозовский «приз»: теперь я ие думал о ее связи с Алхимиком. Мне виделась заманчивая картина: я удачио защищаю ворота, мне аплодируют, а Берегиия несет кудрявому вратарю белоснежные розы.

Но поздравит меня с успешиой игрой только Роза Гершель. Бедняжку я ие проводил домой: остался иа товарищеском ужине.

ЛОГИКА ОТКРЫТИЯ

Наконец-то понедельник! День дежурства Калугина по Детской комиссии: он, беседуя со миой, заходит в излюбленные места беспризорников. Мой самый отрадный деиь! Я бежал к учителю ие с пустыми руками. Вчера после футбола Циркач и Филя доверились мне и подарили старинную киигу.

Николай Николаевич похвалил за удачную разведку. Оказывается, члены Детской комиссии — представители губоно, комсомола, партии, а также милиции и ГПУ — пытались найти воришек. Засады в Антонове безрезультатиы. Филя и Муиька стояли на стреме, пока Циркач лез по трубе со стороны поля. Допрос Жабы тоже ничего не

дал. Шельма твердила свое: «У меня бельмо, шкета не приметила. И товар ныне вольный».

А теперь вещественное доказательство —«Логика» XVIII века. Год издания, штамп и затхлость книгохранилища. Циркач взял книгу по признаку «красивости»: переплет золотистый.

— Голубчик! Издание братьев Лихудовых!— Историк жестом восторженно обозначил книжный стеллаж:— У меня нет!

Ясно, учитель с величайшей радостью поставил бы редкую книгу на полку, но он скорее руку отдаст на отсечение, чем присвоит государственную ценность.

В Новгород беспризорники проникали, как правило, не пароходом, а поездом. Поэтому наш поиск обычно начинался с вокзала. От Белой башни мы шли по земляному валу к станции, а сегодня пошли через крепость. Учителю не терпелось показать Лихудов корпус. На дворе Софии он подвел меня к двухэтажному дому с килевидными арочками над окнами.

— Здесь при Петре Первом помещалась Новгородская славяно-греко-латинская школа. Заметь, еще тогда наши предки изучали науку о правильном мышлении.

— А теперь что? Не нужна?

— Нужна! Но сейчас нам важнее диалектическая логика.

— А зачем тогда еще «Логика открытия»?— допытывался я, любуясь старинным белостенным зданием бывшей школы.

— Логика открытия, голубчик, это практическое применение формальной и диалектической...

— Как?!— удивился я.— И школьная логика пригодилась?!

Моя ершистость не смутила историка. Он, пожалуй, даже обрадовался случаю помочь мне самому различить три логики.

— Друг мой, какая разница между фактом существования и фактом развития? Нуте?

Вот сила точной постановки вопроса! Я сразу понял, что «фактом существования» занимается обычная логика, а «фактом развития»— диалектическая. Я соразмерил:

— Прежде чем отбыть, надо быть: сначала самолет, а потом уж полет.

— Верно! Логик строит «самолет», а диалектик ведет, управляет им. Один — конструктор, другой — пилот...

— А при чем тут «Логика открытия»?

— При том, батеиька, что и коиструктору и пилоту приходится прокладывать путь в НОВОМ иаправлеиии, учитывать десятки, сотии количествеиных показателей, подбирать ключи проиикиовеиия ко всем иепредвидеииым обстоятельствам...

— Логика открытия — связка ключей?

— Верио! Но ии один ключ ие может быть уииверсальиым, а в целом — вся связка ключей — универсальиая логика.

В те дии во мие с прежией силой заговорил Шерлок Холмс, и я поймал учителя иа слове:

— Каким ключом можио открыть тайиик Алхимика?

Мы вышли иа Кремлевский мостик с массивиыми цепями. Слева продолговатый кииотеатр «Экраи», справа ворота Летиего сада,— там и здесь иебольшие группки молодежи. А в центре дорожиики чиият булыжную мостовую. Калугии спросил их: скоро ли магистраль будет готова приия ть зарубежиые машииы?

Я смекнул, почему сегодня измеиеи маршрут. Учитель, как члеи Комитета содействия автопробегу, проверял готовиость города достойио встретить иностраицев. И пока мы ие вышли иа пустыииую площадь, ои ие спешил с ответом иа мой вопрос:

— Дорогой Шерлок Холмс,— строго заговорил ои,— впредь ие произиоси громко кличку спекуляита: мы общаемся с иачальииком ГПУ — иадо поиимать. А чтобы вскрыть тайиик Алхимика, разумеется, иужиа связка ключей. Одиако, друг мой, без упрощеиия иет учебы. Пока возьмем «ключ иомер три»...

Стоя в центре площади, ои осмотрелся и тихо спросил:

— Кто входит в твой треугольиик?

Я ие сразу сообразил:

— Алхимик — посредиица — даитист.

— Верио! Три звеиа. Теперь вскрой противоречие между крайиими звеиьями.

Эту задачу я одолел:

— Алхимик жаждет сбыть золото дороже, а даитист, иапротив, купить дешевле; одии не прочь объегорить другого, ио оба, боясь тюрьмы, прячутся друг от друга: меиьше коитактов — безопасиее. Но без посредиика ие обойтись.

— Так! А посредиица что?

— Оиа в меиьшем ответе — соучастиица. Общается с тем и другим. И оставляет больше следов. Зиачит, более уязвима.

— Уминца! Слабннка, разумеется, в среднем звене, за которое н ухватимся, чтобы вытащнть всю троицу на лобное место.

Мы шлн в сторону газона, где высокий забор отгородил нашн спортнвные площадки. Я вспоминл вчерашнюю игру н рассказал о защитнике команды гостей «Сеие-Ваие»...

— Он очевидец диверсин на Волховстрое...

Я вообразнл себя первонсточннком, поскольку газеты молчали об этом. Но ошибся. Учнтель пояснил:

— Иван Матвеевнч сказал: след днверсанта ведет к нам...

— А еслн контрнк н Алхимик — одно лнцо?

— Возможно,— он взял меня под руку.— Не распыляйся. Ты еще Фнлю н Циркача ие прнвел. Знаешь их иовое убежище?

— Узиаю. В день прибытня интуристов оии не утерпят, чтобы ие взглянуть иа шикариые машииы и знамеиитых гонщнков.

— Почему вчера ие проводил ребят до «дома»? Нуте?

— У иас был товарищеский ужин в Софийке. Нет, нет! На двадцать два футболиста — двеиадцать бутылок пива. Мы не увлекаемся...

В коице Лениинградской улнцы нз бревен н досок возводнли иад валом декоративную арку. Калугин обратнл вниманне ие иа строителей, а иа прохожего в милнцейской форме, рядом с которым важио вышагивал по-волчьн строгнй пес-овчар.

— Знаменнтый Буй,— шепнул учнтель.— Награжден золотой медалью на Всесоюзной выставке судебно-розыскиых собак. Приятио! А то иаш город ныие славен лишь ликерамн. Смотрн, душа моя, прнстрастишься к бутылочке — прощай спорт...

Он оглянулся назад и неожиданно предупредил меия:

— От самого Кремля за миой идет уборщица губкома: вндимо, ждет, когда мы разойдемся...

На его всегда задумчивом лнце вертикальная морщнна меж густых бровей вытяиулась дольше обычного: иаверное, он чувствовал, что уборщнца сообщит сейчас нечто важное, но малоприятное. Зайдя за вал, я с нетерпеннем ждал учнтеля...

Сегодня ровно два года, как самогонщики утопили ее незабвенного мужа. Пора помянуть, да страх одолевает, как бы кремлевский начальник в красной рубахе не схватил за руку. Прошлый раз она выходит из храма, а он отвел ее в сторону и давай срамить по-всякому: «Дура деревенская, не позорь Дом партии. Ты же вдова коммуниста, милиционера!»

К земляной насыпи моста прижалась белая часовня со столбами из темного камня. Здесь хранится древний деревянный крест, украшенный резьбой. Перед ним, чудотворным, Матрена не раз стояла на коленях. Заказала сорокоуст по убиенному супругу Владимиру. По старому завету, поставила витую колечками свечу, помолилась за упокой души его и за здравие Ксюши, кровиночки своей. И на сердце полегчало.

А ранним утром отнесла подаяние монашкам. Келейницы Зверинного монастыря теперь ютились в Детинце, в угловой Владимирской башне, что с иконой над входом. Опрятная старушка, с иконописным лицом и сухой талией, охваченной широким поясом, благодарила Матрену за приношение, поспрошала о жизни ее и многозначительно перекрестилась:

— Вот ты, сестра моя, в архиерейском доме полы моешь, а поди не ведаешь, что там сотворилось?..

Матрена испугалась. Зная, что губком партии расположился в бывших покоях владыки, она подумала, что речь пойдет о том, за что ей, уборщице, придется отвечать.

— Было это, ох, давненько!— Бабка заложила за щеку кусок вишневого клея янтарного цвета и пахнула камедью.— Посетил как-то владыка Зверинный монастырь. Приглянулась ему сиротинушка с алыми устами и ангельскими очами. И возмечтал он взять ее к себе прислужницей. А игуменья рече: «Так и так, светлейший, токмо переодень ее в инока». Переодели девоньку, нарекли Кукшей, в честь православного грамотея. Вот минул годок, а у Кукши животик припухает. Того и гляди — срам архипастырю. Вечевали недолго. Ключарь, побратим домового, задушил беременную, а труп замуровал в стену. Там-то, в митрополичьих покоях, стены, як у нас в крепости, в двадцать кулаков.

Рассказчица тронула широченный подоконник башенного оконца с обзором раздольного Волхова и вкрадчиво продолжала:

— Токмо не спится владыке: как ночь... стон жалобный. Переехал он к себе на мызу, что за городом на берегу, да, видать, бог не простил грешника — угорел ночью и не проснулся...

Монашка осенила крестом оторопевшую вдову:

— Убереги тебя бог от безбожников! Они всюду...

Идя на работу, уборщица вспомнила монтера. Тот вчера, прилаживая светильник, простучал пустоту в стене владычьих покоев и призвал в свидетели Матрену: «Может, клад какой?» Теперь-то она уразумела, что там за похоронка. Ее даже жуть охватила. А монтер, бывалый охотник, улыбнулся и отверткой показал на чердачный люк:

— Я слазал. Сдвинул плиту над стеной. И спичкой осветил каменный мешок. Пустой тайник. Эх, опоздали!

За пять лет жизни с милиционером Матрена наслушалась всякого. Иной раз и пустая бутылка выводит на след. Уборщица решила доложить про то начальству. Да вот незадача: новый секретарь, хоть и латыш, как прежний, хоть и смахивает на доктора с бородкой, а все ж другой закваски. Бывало, Сомс придет раньше всех, за ручку поздравствуется, спросит о здоровье, о дочурке и скажет: «Ты, Матренушка, очен-н старательна». А этот, новый, прошел и даже не взглянул. Да и остальные, что с ним прибыли, тоже не замечают ее. Собьются в кучу и все о чем-то шушукаются. Курят — окурки на пол...

Вот и сейчас стоят на площадке лестницы, дымят, шепчутся. Напрягая слух, Матрена вытянула шею и трижды уловила фамилию Николая Николаевича. Произносили ее злобно. Бог ты мой, неужели и его за дверь? За последний месяц отсюда спровадили Сомса, Ларионова, Котрбу, а Сашу Мартынова даже под конвоем.

Намедни зашел сюда Миколаевич, сейчас он в отпуску, и на ее беспокойный вопрос ответил: «Лестницу метут не снизу, а сверху. Так что, голубушка, не удивляйся». Понятно, на то и новая метла, а все ж обидно за Миколаевича. Еще в Старой Руссе он вступился за икону божьей матери: ее, старинную, антихристы хотели сжечь. Да и здесь он оберегает храмы и памятники. И человек душевный, внимательный: не пройдет мимо — положит в руку конфетку для Ксюши. Не то что новоявленные: за папиросами сгоняют — спасибо не скажут.

Поначалу тут, в коридоре, донимали блохи. А Миколаевич надоумил промывать полы с керосином: «Мы

в тюрьме, говорит, так спасались». Его друзья тоже толковые: жаль нх. Без ннх тошиехоиько. А теперь зуб точат и иа самого Миколаевнча. Вот красиобай в цветиой рубахе всем тутошннм уши прожужжал: «Калугни молится на Русь и на всех ее подоиков — Садко, Буслая, Невского!» А давеча Пискун, плюгавый, иовому начальиику плел: «Калугии государствеииый плаи срывает с бумагой». Тут, поди, поклеп злостиый. И только иаветиик из кабинета иачальника, как тот сразу в Леииитрад по телефоиу: «Калугии... церковные киити... плаи под угрозой...»

Ох, иеладиое творнтся. Аж сердце холодит. Уйду отсюда, уйду, не пожалею. Но иаперед повидаю Миколаевича, скажу обо всем. И случай подходящий: ои тут, иа дворе, с мальцом объявился. А поведаю, как муж учил, без свидетелей...

ПРИ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЯХ

Прогулка с учеинком по родиому городу всегда отрадиа. Дома иа столе любимая окрошка иа крепком деревеиском квасе. Настроеиие хорошее. И вдруг — иастырио звоиит телефои.

В трубке зиакомый голос одиополчанина Клявс-Клявииа:

— Срочио зайди...

Известио, о чем поведет речь иовый секретарь губкома: добрая Матрена в какой-то мере угадала замысел послаица Зииовьева — поскорее вымести Калугииа из Новгорода.

Возвращаясь в Кремль, нсторик готовился к предстоящей схватке с Клявс-Клявииым. Последиий учел свою неудачу иа берегах Великой. Там псковичн зиновьевцу дали от ворот поворот; ие избрали его секретарем губкома. Так сюда, в Новгород, хитрец сиачала заслал иа ответствеиные посты своих ставлеиииков: обеспечнл Клявс-Клявину большиинство голосов, а затем уж рекомендовал его на место Сомса. После смерти Леииtа Зииовьев совсем утратил чувство коллегиальиости и пытается всюду, где возможио, самолнчио назиачать своих людей. Теперь, разумеется, протащнт Клявс-Клявнна.

В такой ситуации леииицам иужио объедиияться, ио как скажешь об оппозицни, пока одии догадки. Не каждый партиец прошел школу подполья и революциоииого

трибунала. И не всякий более двадцати лет ежедневно треннрует ум на раскрытнн загадок природы н общества. Ведь тайна заговорщиков — одна нз задач его «Логнки открытня».

На лестннчной площадке Матрена, с мокрой тряпкой в руке, увидела Калугина н, робко улыбаясь, молитвенно вскинула большне прекрасные глаза: «Господн, помоги ему!»

Из кабинета Клявс-Клявиин вышла молодая работница в красиом платочке н мужской косоворотке стальиого цвета. Возбужденная, осерчало глянула на дверь:

— Рубит с плеча!

«Не нзменнлся»,— подумал Калугни о Клявс-Клявнне. Онн вместе вернулнсь с фроита и иачали работать на Выборгской стороне. Бывшнй латышскнй стрелок сохраннл не только военную форму, выправку, но н командирскнй натиск в голосе. Он во всем держит лнннЮ Знновьева н дорожнт расположеннем шефа.

А Калугнн, заннмаясь просвещением рабочнх, смело отмечал теоретнческне ошнбкн Зииовьева. Тот знал об этом и делал вид, что уважает крнтнка за его прннципиальность н фнлософскнй склад ума. Однажды доверил ему прочтенне рукопнсн до ее напечатання, а когда Калугнна свалнл радикулнт, то Григорий иа своей машнне отправил больного иа леченне старорусскнми грязями, ио все это делалось с одной целью — перетянуть умиого партнйца в свой лагерь.

Новгородец решнтельно постучал в дверь кабннета и, ие дождаясь ответа, переступнл порог. Однополчане более двух лет ие виделнсь. Было что вспомннть, о чем поговорнть, но латыш предельно деловит:

— Извннн. Поболтаем в другой раз,— живо проговорил ои и, подавая широкую ладонь с короткнми пальцами, глазамн указал иа венскнй стул:— Саднсь!

Ого, агрессивеи. Калугин ответнл проинзывающнм взглядом. За шнрокнй пнсьменный стол Сомса сел плотный, седеющнй, с густой бородкой, латыш. Его армейская гнмнастерка поблекла. На стене, над крупной головой секретаря, красочный портрет Знновьева. Раньше это место меж окон заннмал портрет Ленина в простой рамке.

Клявс-Клявнн перехватил взгляд однополчанина н вынул из ящнка длнный лнсток с размереиным почерком Сомса.

— Карл взял портрет Ленина. Напнсал, что не рас-

стается с ним. Рекомендует не отпускать тебя. Я готов на это, но давай, старый товарищ, сразу договоримся: четко проводить линию Северо-Западного бюро...

— Если эта линия,— вставил Калугин,— не будет искажать линию ЦК. Так или не так?

— А что, имеются факты?— закостенел Клявс-Клявин.

— Имеются, батенька!— Он уставился на окно с видом на Кремлевскую площадь, где в центре бронзовела многофигурная Россия.— Ленин и ЦК за повсеместное сохранение исторических памятников...

— Принцеп иеточный!— отмахнулся латыш.— Памятник памятнику рознь. Бумажный кризис обязывает нас собрать как можно больше тряпья и макулатуры. А ты срываешь государственный план. Почему восстал против ликвидации церковного архива?!

— Тебе предвзято доложили! Я восстал не против ликвидации, а против поспешности: требовал отобрать из архива Новгородской консистории наиболее ценные бумаги, исторические документы. К счастью, Иванов не все отправил на фабрику, часть архива продал торговцам на обертку. Теперь иной кулек, затоптанный в грязь, важнее прилавка новых книг! Профессор Передольский в базарном мусоре нашел лист, вырванный из журнала монастырской тюрьмы: кто сидел, за что сидел, как вел себя еретик. Новгородчина — родина русского критического переосмысления религии, а у нас нет документов о стригольках и «жидовствующих», хотя располагали подлинными свидетельствами. А сколько еще ухнет в котел и сбросные ямы? Нуте?

— Лес рубят — щепки летят!

— Нет! Сейчас не штурм Перекопа, а мирное время...

— Время преодоления кризиса! Нас душит бумажный голод! А в Антонове преет склад церковной макулатуры. Ты наложил запрет?

— Опять не то!— возмутился историк и вынул из кармана толстовки книгу в золотистом переплете.— Вот «Логика»! Ее издали братья Лихудовы. Здесь рядом они преподавали грамматику, философию, математику. Учти, даже требник с автографом мыслителя Феофана Прокоповича — редкость! А из котла не вынешь...

— Все равно разворуют!

— Нет! Приняты меры.

— Я тоже прниял меры,— латыш тронул телефоииый аппарат, блестевшнй на столе:— Говорнл с Григорием: бумага важнее...

— Я позвоню Луначарскому! И заодно доложу об уничтожеиии нсторических памятников.

— Пустая затея!— засмеялся секретарь.— Зиновьев уже утвердил список леииидградскнх памятников, предназиачеииых к сносу. Перед Московским вокзалом нет «Пугала», перед Троицким собором — трофейных пушек. На очереди мнкешннская Екатерина. И это нагромождеиие,— жест в стороиу окиа,— в утиль! И не пытайся мешать!

— Позволь!— нсторнк рукой оперся в стол, словно перед инм кафедра.— Не твон ли слова: «Ненавижу латвнйских правителей. Одио радует — свято храият облнк старой Ригн». Как же так? Тебе, рижаниу, дорог свой город, а мие, новгородцу, нет?!

Маскируя свою мииутиую растерянность, латыш иадел роговые очки. Он заговорил тоиом инже:

— Я ие отказываюсь от своих слов н одобряю твой патриотизм. Однако,— ои пальцем пригвоздил иастольный калеидарь,— сейчас все брошеио иа восстановленне народиого хозяйства...

— Верио! Но любая задача завнсит от места, времени н условий!— отчекаиил Калугнн и кивнул иа окио:— Новгородцы говорят: «Нам нужиы заводские кирпичн, а не кирпичи древиих храмов. Нам нужеи производственный чугуи, а не расплавленный обелнск. Нужны прочиые стулья, столы, а ие мебель восемнадцатого века. Нужно складское помещеиие, а ие старниный храм».

— А еслн нет?!— вскочил Клявс-Клявин.— Если у нас пока нет ничего?! Вот н приходится...

— Нет! Горящей свечой комиату не согреешь, а поджечь можио! Изволь факт. Нашн противннкн указывают на екатерининскую беседку: «Здесь хранилась царская лодка, чудо русскнх корабелов, а большевнкн пустили ее на дрова!» И неважно, что яхта нмператрицы давно сгнила: им верят, нбо ряд фактов против иас. Все это помогает врагу натравлнвать людей на партию.

— Народ — толпа, а не рабочий класс!— Вскинул голову.— Что скажут пролетарнн, когда узнают, что мы, аваигард, охраняем псалтырн да царскую рухлядь?!— Снова ткнул календарь.— На повестке дия — выполнение решеинй Апрельской парткоиференцни...

— Что мы н делаем,— подключился Калугнн,— вос-

станавливаем кирпичный завод, расширяем мастерские водного транспорта, открыли мебельную фабрику, поднимаем кооперацию, тесним частников...

— Хорошо!— выкрикнул секретарь.— Экономика — база коммунизма, а не бронзовая реклама царизма!

— Не повторяй чужие слова, батенька! Пучежский поносит не только Петра Первого, но и «дворянских писателей» Пушкина и Лермонтова, а также высмеивает былинных богатырей...

— Ну это уж слишком!— Он потянулся к телефонной трубке:— Я лично обзвоню членов Комиссии по увековечению памяти Ленина. Определим место для монумента вождю и решим судьбу микешинской стряпни. Решим голосованием. И не будь в обиде, дорогой однополчанин, если окажешься в меньшинстве.

— В таком случае — вынесу на бюро!

— Ты что?— кисло улыбнулся латыш.— Ответственный?

— Но и ты пока еще не избран.

— Это формальность.

— Не формальность, а Устав партии. И псковские большевики...

— Вон куда тебя занесло!— побагровел ставленник Зиновьева.— Ну что ж, философ, выноси на бюро. Посмотрим, чья возьмет. А пока что, в первую очередь, достойно встретить иностранцев: только что звонил Енукидзе...

Латыш демонстративно взял телефонную трубку.

Калугин доволен и не доволен собой: бескомпромиссная защита исторических ценностей — правильная позиция, а вот в запальчивости утрачен самоконтроль — нельзя было ссылаться на псковскую неудачу. Теперь Клявс-Клявин сообразит, что их подпольная мистерия под строгим контролем. Впрочем, возможно, он не уловил сути дела: ведь Псков не за горами — губкомы обмениваются новостями.

Однако почему Клявс-Клявин вызвал срочно, когда ничего «аварийного» не произошло? Видимо, секретарь решил предупредить председателя Контрольной комиссии: поднимешь голос против оппозиции — тебя за «срыв государственного плана» отправят к черту на кулички. Да и слово «философ» он произнес не без угрозы: наверняка Иванов и Пучежский расписали не только «черносотенный памятник», но и «вредный загиб» Калугина в пропаганде гегелевского метода.

Латыш уверен, что Пучежский докажет реакционную сущность «памятника самодержавию» и комиссия проголосует за снос монумента; тем самым зиновьевцы одержат вторую победу: обелиск Народным ополченцам уже свален.

Дома его встретил продолжительный телефонный звонок: начальник губотдела ГПУ просил друга немедля зайти к нему на работу.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Наконец-то воздух очистился от тополиной мошкары. А тут еще необъятная голубень, омытая дождем. Кажись, прошла тучка-невеличка, а семицветные гусли охватили всю ширь небесную. В такие минуты мысль обретает крылья. Любуясь радужным свечением, Калугин закрепил в памяти свежие афоризмы.

Размах философской мысли небесной радуге подобен. Все различается, сливается и смывается, как радуга. Радуга объединяет горизонты и народы: в ней всех флагов цвета.

Ближайший путь к Десятиному монастырю — по земляному валу. А Николай Николаевич отправился вкруговую, чтобы еще раз убедиться в готовности автомобильной трассы.

Возле Софийской гостиницы дорожники укладывали последние булыжники. Старшой, загорелый, небритый, с коленями, обмотанными тряпьем, крикнул юному помощнику в рваной рубахе:

— Пешка, слетай к Шпеку за шкаликом!

«Следует запретить продажу спиртного в день прибытия гостей»,— решил губкомовец и зашел в милицию.

Начальник, в белом кителе, ознакомил его с постами охраны автомобилей и неожиданно сообщил приятную новость: пробег машин откладывается на десять дней. Теперь-то Новгород не опозорится!

Наверное, Иван имел в виду эту новость. В конце недели открытие сезона охоты. Значит, друзья смогут хотя бы две зорьки провести на Ильмене. Давно пора отдохнуть!

А рассудок свое: «Такие вести — телефонные, а чекист просил зайти к нему на работу. Скорее всего, речь пойдет

о Берегине». В самом деле, она опередила его с Коршуновым, Морозовым, Фомой. Что ей нужно? Назрела пора говорить о ней.

Обычно друзья встречались в комнате Тамары, но хозяйка избегает встреч с людьми. И Калугин направился прямо в открытые двери кабинета начальника ГПУ.

Узкие оконца бывшей кельи скупы на свет, словно смущались скромной обстановки: настенный портрет Дзержинского, высокий кованый сундук, простой табурет и рабочий стол с телефоном.

Грузный здоровяк двинулся навстречу приятелю, улыбка задобрила скуластое лицо с прокуренными усами:

— Пойми, старина! Жду звонка из Питера. И жена вот-вот...— Он, прислушиваясь, смотрел на белую стену.— Время уж...

Его беспокойство понятно: первые Тамарины роды печальны — разрешилась мертвеньким младенцем. За стеной тихо. И Воркун, облегченно вздохнув, придвинул приятелю табурет. А сам, расхаживая по комнате и дымя папиросой, рассказывал о рискованной операции — чекисты совместно с милицией на хуторе Топор накрыли самогонщиков.

— Меня угостили с обреза,— показал кожаную фуражку, пробитую пулей, и продолжал со смешинкой:— В темноте я угодил в навозную яму и отмывался «первачом» в баньке, где порушили аппараты. А отсыпался верхом на лошади: давняя привычка...

Он взял со стола зеленую папку с номером и ознакомил друга со списком участников автопробега:

— Знаешь, кто пожалует к нам?

Калугин подумал о старорусском контрреволюционере Вейце (он же Рысь). Тот бежал в Германию, где редакция белогвардейской газеты «День» подарила ему автомобиль «мерседес»:

— Неужели Вейц рискнет?

— Нашел дурака. Приедет его шеф Курт Шарф.

— Немецкий дипломат в Москве?

— Теперь он профессор Берлинского университета. (Иван вынул из папки листок.) Письмо дочки Вейца...

— Как Вейца!?— встрепенулся историк, поднимаясь с табурета.— Ведь Рысь бездетный!

— Вейц имел любовницу. Недавно скончалась в Боровичах. А дочь закончила Ленинградский университет,

переписывается с отцом. Ее данные: блоидиика, двадцать два года, владеет ниостранными языками. В даииое время по месту жительства не обиаружеиа.

«Берегння»,— обострил вннмаине Калугнн.

— Из письма видно, что оиа в курсе автопробега,— пояснил чекист, показывая почерк Вейцевой дочери.— Она может выйтн иа профессора нз Берлниа. А ты с ннм, доктором философнн, найдн общий язык...

Протнв своего желання, исторнк не бросил тенн на «Вечернего соловья» н заговорнл об открытнн сезона охоты. Иван соннымн глазамн показал на белую перегородку...

— Я прнвязан... Возьмн Глеба...

Ученик, разумеется, обрадуется, с инм все ясно; а вот дума о ней не отпускает. Разве это ие реально: дочь Вейца, гастролнруя в Новгороде, поджидает друга отца. Здесь легче урвать золото н переслать родителю. И рнск меньшнй: на берегах Невы нлн Москвы чекнсты опытнее, чем тут. И профессня эстрадная вне подозрення: вся на внду н вне политнкн. А главное, все это вполне согласуется с ее темным прошлым. Художественный свнст, обворожнтельная улыбка, обаянне — все помогает ей воднть за нос доверчивых людей. А фнзнческая снла, ловкость, натреннрованиость?

Однако почему он нзбегает говорнть о ней с Иваном? Не вмешалась лн ннтуцня председателя трнбунала? А может быть, я неравнодушен к ней?

Давно потухло радужное свечение, но память сохраннт за семью печатями тьму оттенков — радуга подобна тайне. Кто иа самом деле Берегния?

Сборы на охоту отвлеклн его от навязчнвой загадкн. Мать напекла морковных н мясных пнрожков. Глеб перекрасил челн в зеленый цвет. Собакн н Гашка, подсадная утка, учуяли блнзость простора, озерной ветерок н запах осокн: онн разноголосо восторгались, суетясь на дворнке. А субботннм утром, в день отъезда, настойчнвый телефоиный звонок н воркуновскнй бас: «Охоту отменнть. Жди у Белой башнн». У башнн Калугнн взошел на земляную насыпь, окннул взглядом паиораму Волхова н невольно забыл Ивана н Берегиню: краеведа захватнло речное зрелнще.

Надо быть кореиным новгородцем, надо жнть рядом со множеством утнных урочнщ н с малых лет любнть Ильмень, чтобы сердцем почувствовать пронсходящее на волховскнх берегах.

Шутка ли! Каждый третий горожанин — охотник. И жеребьевка без обиды: листок с номером укажет место стоянки, где водоплавающей дичи — что комарного отродья. Охоту всегда открывают в воскресенье, но сборы начинаются задолго: шпаклюют, красят долбушки, обшитые бортовыми досками; заряжают медные гильзы, пристреливают ружья, обновляют чучела. И наконец суббота — день отъезда. Охотники с утра идут в баню, а жены пекут пирожки, сканцы, хотя главная снедь добывается самим стрелком — утятина, окуни, ежевика, грибы.

Но самый волнующий момент — проводы. Челн наполовину в воде. Укладывая вещи в строгом порядке, хозяин, в кожаных высоких сапогах, командует домочадцами. А те охотно подают ему кто весло, кто топорик, кто палатку. Только двустволка, патронташ и сундучок с боеприпасами доверены старшему сыну. Он хоть и без сапог, но едет с отцом. Брату завидует малыш в длинной рубахе. Он не отдает черпак, канючит: просится с батей. Мать утешает любимца, а у самой блестят слезы: когда-то муж брал ее, молодуху, с собой. У ног хозяйки дрожит плетеная корзинка: подсадная утка выглянула в глазок и зазывающим кряканьем всполошила товарок по всему побережью.

Северик — попутный ветер. Беленькие паруса чайками улетали на вольный плёс. А там златоглавый Юрьев провожает охотников малиновым звоном. Благовест, воскрешая Русь, сладко тревожит души потомков легендарных ушкуйников.

Смотрит Калугин на все это с древнего вала, а в глазах новгородца немая тоска: уж больно он любит ильменский простор.

Но вот показался Воркун. Что-то скажет? По всему видно, что ему не до шуток. Он даже милую Руссу не вспомнил:

— Немцы уже в Питере. Курт Шарф купил билет, завтра будет здесь. К нему, как пить дать, подойдет дочь Вейца...

— Она уже здесь?— насторожился Николай Николаевич.

— Черт ее знает! Тут столько разной швали: и блондинки, и образованные, и владеющие языками. Дочь Вейца клюнет только на «приманку» — профессора из Берлина.

— Не одна дочь! Тот же Алхимик может продать интуристу панагию в бриллиантах или золотой сион.

— Думаешь, он очистил в стене тайник владыки?

— Или ризницу. Их тут много. Весной судили за хищение драгоценностей семерых монахов Макарьевского монастыря. Скорее всего, Алхимик из этой братии,— историк кивнул в сторону Ильменя.— Вызови-ка, батенька, из Руссы Алешу Смыслова. Здесь никто не знает его в лицо. Не так ли?

— Разумно!— одобрил чекист и, дымя папиросой, быстро повернул назад. Он по-прежнему был привязан к ленинградскому телефону: Алхимик на свободе. Да и жена явно перенашивает... Тревог хватает, а тут еще Шарф: то ли охотник за музейными ценностями, то ли связной Вейца, то ли с особым поручением правительства?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАЙНАЯ МИССИЯ

Портовый воздух эхом повторил мощиый гудок. Двухпалубиый «Дойчланд» прнплыл в Леииград с обычиой для иемцев точиостью. Другие участиики автопробега опаздывалн. От радости профессор готов петь иа Невском. Ученый ие увлекался машниамн и меиьше всего думал о дочке Форда, хотя директор фирмы «Мерседес» вовсю иахваливал миллиоиершу, участиицу пробега.

Курт Шарф — гегельяиец, а хоббн его — Восток. Ои работал иад киигой «Немцы иа Волхове». Есть смысл заполиить паузу — собрать дополнительиый матернал. Немиого рнскоааиио: оторваться от своих, одиому бродить по чужому городу, да еще в светлом аиглнйском костюме и темиых очках, ио с иим испытаииый талисмаи.

В студенческие каиикулы Курт спешнл на вокзал и забыл дома дорожиый баульчик. Вериулся за ним и, к счастью, опоздал на поезд, а тот потерпел крушение. Было время, когда Москва страдала ие только от голода, но и от бандитов. Однажды Шарфа, сотрудинка немецкого посольства, схватили иалетчики и вскрыли баульчнкиесессер. Увидев флакоичики, иожинцы, пилки, вату, оии приияли его за доктора. «Врач» промыл грабителю одеколоиом раиу и остался даже при золотых часах. Как ие поверить в талисман!

Посетнв Эрмитаж, кирку святого Петра и богатый иэповский базар, доктор фнлософии купил билет иа вечерний маловншерский поезд. В купе вагоиа думал о своей секретиой миссии. После смерти отца, видиого коисула, Курт покниул днпломатическнй корпус. Одиако мииистр иностраииых дел Германии Густав Штреземаи ие забыл его.

И когда Шарф собрался в Россию, министр пригласил бывшего сотрудника к себе на дачу и один на один сказал ему: «Те, кто Версаль приглушили планом Дауэса, снова толкают нас на Восток. А мы ждем русских концессий, товаров, сырья. Прощупайте почву. Там без Ленина не все ясно». Курт Шарф и раньше изучал экономику и политику Страны Советов: встречался с Красиным, Чичериным; слушал Луначарского и не узрел никакого духовного кризиса в новой России. Но эмигрант Вейц, старый друг Шарфа, заверил, что большевики крушат древние храмы, что на родине Пушкина сейчас процветают лишь частные магазины, рестораны и клубы с рулетками. Неужели личная собственность заглушила все интеллектуальные интересы русских? Не терпелось проверить разноречивые оценки нэповской России. Тельмановцы превозносят успехи Октября.

В день отъезда Шарфа опечаленный Вейц признался, что у него есть дочь от русской любовницы, и просил передать ей письмо. И дал пароль: «У вас имеются почтовые марки для обмена?»

Думая о встрече с белокурой славянкой, которая подойдет к нему в любом пункте трассы пробега, Шарф обратил внимание на вагонную попутчицу в заграничном плаще. Еще на ленинградском перроне незнакомка помужски прыгнула на подножку отходящего поезда, быстро нашла свое место и села в затемненный угол купе. Она — высокая, узкоплечая, с роем рыжих кудрей на голове; лицо открытое, безбровое, бледное, с темными глубокими глазницами. В костюме тоже «антиконтуры»: поношенные, со шнуровкой ботинки, старомодная юбка в оборках и новый плащ с лакированными пуговицами. Она быстро закурила: в один карман сунула папиросную коробку, а в другой никелированную зажигалку, которая звякнула о какой-то металлический предмет.

«Браунинг»,— отозвалось в сознании путешественника, и он весь предался наблюдению. Решительная походка, волевые жесты и собранность чекистки, но глаза наркоманки-эсерки, жаждущей выстрелить в дочь Форда ради международного скандала. Весь путь до реки Волхов она упорно молчала и много курила.

На верхней палубе «Форели», после прокуренного купе, свежий воздух нитуристу показался сладким. Пароходные огни прыгали по волнам. Встречный буксир тянул длинный плот с горящими кострами. Берегов не видно. Ночь удивительно теплая. Суда обменялись гудками.

Шарф осмотрелся. В тени капитанской будки, освещенной изнутри, курила попутчица по вагону. Он мягко шагнул к ней:

— Пардон, мадам, вы изволите куда ехать?

У нее отчужденные глаза и сухой голос:

— Вы «мосье» или «сэр-р-р»?— она дала понять, что владеет французским и английским языками.

Французский язык Шарф изучал во Франции, а русский в России. То было особое «изучение». Началось оно в восемнадцатом. Взрыв потряс здание немецкого посольства. Курт вбежал в кабинет Мирбаха, но поздно — посол убит. Так левый эсер Блюмкин преподал слово «бомба». Вскоре правая эсерка Каплан заставила склонять слово «пуля». Заговоры, покушения, поджоги, мятежи очень быстро обогатили не только словарный запас, но и помогли дипломату позже на берегах Сены в среде русских эмигрантов даже по внешности оратора угадывать его принадлежность к партии.

Но особа в заграничном плаще озадачила его.

— Я есть профессор из Берлина.— Он проверил свою догадку.— Фрау, почему автопробег с опозданием начинается?

— Увы, господин профессор, у нас многое начинается с опозданием,— ответила она по-немецки и удалилась на корму, где золотые искры, вылетая из трубы, тщетно пытались поджечь унылый речной флаг.

Ее недовольство дает понять, что лично она давно бы распахнула двери иностранным коммерсантам. Троцкий как будто против нэпа — следовательно, она не троцкистка. Кто же? Безусловно, не рядовая: знает языки, независимая осанка, властные жесты. Едет вооруженная — надо полагать, по важному заданию. В день прибытия немецкого парохода в Ленинград на юге России убили военачальника Котовского. Не чекистка ли?

Ужинал он в первом классе. Длинный, почти во всю носовую часть судна, стол белел скатертью. Профессор заказал стакан простокваши с венской булочкой. Попутчица не появилась. Не прячется ли?

Курт открыл свою каюту. Круглый иллюминатор задернут. За стеной в утробе судна ритмично ухает маховик Чуть слышно звякал стакан, опрокинутый на горлышко графина...

Рано утром светлый пароход «Форель» протяжным гудком известил новгородцев о себе. Шарф поднялся на палубу взглянуть на древний город. Над широкой рекой

таял туман, из него выступали зубчатые стены старинного замка, а соборное золото искрилось в лучах раннего солнца. Вспомнился родной город на Эльбе: старый рынок, узкие кривые улочки, мрачный собор и цитадель с тринадцатью фортами. Магдебург и Новгород — ровесники, но как не схожи: здесь средневековые храмы белые, жизнерадостные...

— Эй, Ванятка!— крикнул шустрый матрос, бросая чалку.

Судно загарпунили, точно кита. «Форель», дрожа всем корпусом, энергично тормознула винтом и стихла. Перекинули трап. Тронулись пассажиры с вещами. Рядом знакомая попутчица:

— Соловьевская гостиница,— шепнула она профессору и скрылась в толпе.

Этот адрес он указал старому извозчику с желтыми глазами. Тот услужливо кивнул бородкой и замахнулся кнутом:

— Но, но, Кикимора!

Торговая сторона сразу потрафила гегельянцу антитезами: пристань благоухала цветами, а из-за дороги тянет затхлой рыбой, хотя длинные лотки прогнулись под свежими щуками, сомами и лещами; в Путевом дворце играет духовой оркестр, а рядом на бульваре пьяный позер выкрикивал частушки.

Вдоль берега пиками торчали мачты лодок.

— Это соймы,— охотно пояснил дед с кнутом.— У них киль подъемный, вишь, и бока пузатые, устойчивые. В других местностях таких нету...

Езда на извозчике пробудила приятные мысли. Курт знал Россию царскую, военного коммунизма, и вот — нэповская. Все вернулось к прежнему, дореволюционному: автомобилей нет — те же телеги; те же мучные лабазы, лавки частников и старые вывески —«Пивная „Вена"», «Трактир „Львов"». Нет лишь городовых. А символ романовской Руси — это, безусловно, дряхлая коляска, убогая кобыленка и сам старик с жиденькой бородкой. Большевики утверждают: новая жизнь и человека делает новым. Глядя на сутулую спину извозчика, Курт не сомневался, что дед живет бедно, зарабатывает гроши, недоволен новой властью и за лишнюю копейку продаст душу...

— Почтенный, вы не можете на жизнь хорошо заработать?

Старик оглянулся. Его янтарные глазки ощупали кожаный баульчик, широкополую шляпу мягкого фетра и выбрали красивый лоб ученого господина:

— Где там, сударь,— он развернулся боком.— Какой тут заработок? Один вокзал да пристань, да и то лишь летом: отвезешь, привезешь и дымишь ночку. А ловчить не умею...

— Пардон! Как это понять —«ловчить»?

— Вот, к примеру, от пристани свернул на Буяновскую, прямо к гостинице, а мог бы круг дать и цену набавить, благо пассажир не здешний. Так совестно...

«Миг расплаты покажет»,— не поверил Курт.

— Вы свой дом имеете?

— Дом?— ухмыльнулся дед.— В слободке избенка да огородик. Я, вишь, извозом промышляю, а старуха моя — весенним хреном.

— Вы жизнью довольны?

— Всяко бывает, мил человек.— Он скрутил цигарку.— Вот давечь старая гривну нашла. У нас, где ни копнешь, все чего-нибудь найдешь. Порешили серебрянку отдать музею. А я не доехал до Кремля, повстречал собирателя старины. Эх, тля, за деньгой погнался...

Его мучает совесть, а сам молится на рубль,— ничего нового. Но, безусловно, универсальный источник. Предстояли поездки по окрестностям — и вместо тридцати копеек Шарф протянул рубль.

Старик похрустел бумажкой и вернул пассажиру:

— Много, сударь. Я тут, старый лис, прибеднился. А взаправду, живу в достатке. Да и сынок помогает. Он в Москве, с положением. Прощеньица просим...

Профессор почувствовал, как у него на щеке забился нерв: так всегда бывает, когда он всерьез ошибается.

Сдав администратору гостиницы паспорт, Шарф прошел в номер, бедненько обставленный, и первым делом вынул из баульчика портрет своего любимого учителя. Вспомнился Гейдельбергский университет. За кафедрой знаменитый историк философии Куно Фишер. Его лекции о жизни и взглядах Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Шеллинга и особенно Гегеля всегда околдовывали слушателей.

Куно Фишер — король мысли. У него в приемной французы, англичане, испанцы, японцы, русские. У него под окном на улице всегда тихо. Извозчики, прохожие шепчут: «Он думает». Даже Гегель не пользовался при жизни такой популярностью, как его библиограф и тол-

кователь. О, это было последнее из светил в созвездии немецкой классической философии!

Жадно слушая учителя, Курт мечтал о философской карьере. У него в приемной тоже будут поклонники из всех стран. И перед домом, на горбатом мостике, остановится почтенный фатер и шепнет детям: «Тихо! Он думает». Из всех студентов Куно Фишер только его пригласил к себе домой, подарил свой трактат «Об остротах» с автографом и благословил ученика на прославление Гегеля. Однако отец, видный дипломат, перетянул сына в министерство иностранных дел, где Курт упорно продолжал изучать «Науку логики». И только глава семьи умер, как сын мигом уволился. Курт обложился книгами, прогуливался только с Цезарем, черной овчаркой. А все хлопоты по дому взяла на себя мать, безумно любившая сына.

Он вынул из баульчика карманный «Календарь на 1925 год» с чистыми листами для ежедневных записей. Сюда же вносил план работы на день и вел строжайший учет времени. Его безмерная любовь к логике Гегеля привита Куно Фишером, а регламентированное поведение он позаимствовал у Канта: жил холостяком, один раз в день плотно обедал, на завтрак лишь чашка кофе, а ужин — стакан простокваши. И ел в определенное время. Людей беспорядочных, флюктуирующих Курт презирал и был уверен, что его железный режим, подробное расписание и беспощадный самоконтроль — бесспорные приметы великой личности.

Его система конфигурации включала образ будущего реформатора философии и дополнительные характеристики — знание математики, экономики, истории, археологии, эстетики и Востока. Он, всесторонне развитый ученый, добивался главного — алгеброй усилить диалектику. Об этом мечтал и Гегель: искал числовые закономерности вселенной, но потерпел фиаско. Эту грандиозную задачу века выполнит лишь тот, кто подчинит себе ВРЕМЯ, кто в текущей минуте улавливает секрет грядущего успеха.

Вот и сейчас в записной книжечке возле графы «9 августа, воскресенье», он отметил цветным карандашом: «Прибыл в Новгород в 7.30. На извозчике — 10 м. Завтрак — 5 м. Подготовка к прогулке — 15 м. Посетить замок. Поклониться святыне — Магдебургским вратам. Обед в 14 ч. Отдых — чтение газет — 30 м. Встреча с местными философами. Ужин в 20 ч. Дневник. Письма. Постель».

Из баульчнка ои извлек фотоаппарат. Класс-камера, с коротким мехамн н подвижиым объектнвом, выпущенная еще фирмой Герц-Аишлюц, заметно поизиосилась. Но хозянн прнвязывался к вещам и ие спешил расставаться с инми.

Ему показалось, что за дверью кто-то подглядывает в замочиую скважину. Ои рваиулся в коридор и упрекиул себя за излишнюю мнительиость.

РУССКИЙ СФИНКС

В столовой гостнницы Шарф, заказав кофе, глазами искал женщину с рыжей копной на голове. Попутчица прнтаилась н ие дает о себе зиать.

К столу подсела оригниальиая блондинка в матросской блузке: лицо юной Гретхеи, а бюст содержательницы бара. Оиа спешила. Заранее рассчиталась с официанткой и взгляиула иа визави:

— Вы случайио не из Парижа?

— Из Берлина, доктор философии.

Ее сииие глаза сразу потухли. А ои, иапротив, заиитересовался белокурой славяикой: «Не дочь ли Вейца?»

— Гретхеи, вы есть новгородка?

— Лениииградка. Я тут проездом.

Дочь Вейца тоже ленниградка. Бывший дипломат поставнл контрольный вопрос:

— Вы с роднтелямн живете?

— Нет, мать скончалась, отец за граиицей.

«Оиа»,— утвердился ои в своей догадке. Одиако ие спешил с обмеиом марок. Вейц предупредил: «Только в день прнбытня машни; и только по инициативе моей дочки».

— У вас высшее образоваине?

— Уииверситет,— сухо ответила оиа, орудуя иожом и вилкой.

Дочь Вейца тоже с уииверситетским образоваинем и, как заверил отец-регеит, «оиа с иеобычиой партитурой в голове».

— Скажите, пожалуйста, вас средиевековье привлекает?

— Сейчас меия привлекает загадка памятиика России...

— О, русскнй сфинкс!— усмехнулся ои.

— Не спешите иронизировать!— строго предупредила она и, продолжая смаковать постную ветчиину с горошком,

пересказала письмо, адресованное Микешину.— На пьедестале я насчитала десять ссыльных: Марфа Борецкая, Адашев, Сильвестр, Воротынский, Никон, Меншиков, Суворов, Сперанский, Пушкин и Лермонтов. А где десять — возможен и одиннадцатый.

— Очевидная невероятность!— искренне согласился доктор философии и тут же заметил:— Разгадка сфинкса и женский ум!

— По-вашему,— вспыхнула она,— мы годны лишь для кухни и воспитания детей?

— Абсолютная истина!— Он представился профессором Берлинского университета и был уверен, что русская не рискнет спорить с ученым:— История ни одной женщины-мыслителя не знает!

— А Гипатия?

— Она не Аристотель! Ее познания в области математики, астрономии, философии без самостоятельного мышления. Вам известна судьба Гипатии?

— Да!— гордо вскинула голову Гретхен.— Фанатики морскими ракушками растерзали ее до костей. Так что?!

— У вас, медхен, тоже есть познания, но вы никогда не сможете о р и г и н а л ь н о мыслить.

— Сможем!— звякнула она вилкой о тарелку.— Из века в век мы занимались хозяйством, а вы охотились, воевали, совершенствовались в борьбе. Потому и нет пока среди нас Аристотеля. Но пришло время во всем сравняться с вами, представителями «сильного пола». И прежде всего в логике!

— Феноменально!— засмеялся немец, думая: «Вот она, необычная партитура в голове».— Вам логика противопоказана.

— Я докажу обратное!— с обидой в голосе проговорила она и пригласила его к памятнику Тысячелетию:— Завтра в три!

И, не прощаясь, Гретхен быстро вышла из столовой.

Немец пригласил к столу флегматичную официантку и, расплачиваясь, вспомнил деда с кнутом: «Старик есть сфинкс номер один, а Гретхен — сфинкс номер два. Ее партитуру прочитать не просто: святые глаза и дьявольски цепкие пальцы, как щипцы для сахара». Он знал, что эти образы будут преследовать его долгое время. Эта навязчивость раздражала гегельянца, и он хотел избавиться от нее.

Вышагивая по Московской улице, интурист стал отвлекаться чтением вывесок, объявлений и разных афиш.

И вот, как назло, портрет одной артистки закрепил в его сознании образ сфинкса номер два. Художник подчеркнул контраст: личико рафаэлевской мадонны, а грудь натурщицы Рубенса. Она загадочно улыбалась: «Я докажу обратное!» Феноменально! В России даже кафешантанные певицы изучают логику и пытаются разгадать микешинского сфинкса. Интересно, что произойдет в день прибытия автомобилей? Что она запоет во время обмена марками?

Ярославово дворище показали сразу, а вот древнее расположение Немецкого двора не могли определить и заспорили. Та же картина в старинном замке. На вопрос: «Где Магдебургские врата?» прохожие отвечали вразнобой:

— Нет таких! Есть Византийские...

— Чего брешешь!— вмешался тощий, в широком галифе.— На Софии — Корсунские!

— Не Корсунские, а Сигтунские!— уточнил усатый, в очках.— Прямо через арку и направо...

Арочный проезд настолько быстро вывел к Софийскому собору, что Шарф сразу оказался у подножия белой неоглядной выси с темным портиком, похожим на искусственный грот. Странно! Главный вход православного храма отдан иноземной реалии: рельефные пластины из бронзы прославляли католических святых, пасторов и немецких мастеров. Такое возможно только на Руси!

Магдебуржец снял шляпу, молитвенно склонил голову и раболепно щекой коснулся святой реликвии. О, ему позавидуют все поклонники средневековья, живущие в Европе. На светлом фоне храма родные врата выглядели тяжелыми, мрачными, таинственными. Как попали сюда? Почему до сих пор не на родине? И кто знает их подлинное название?

Корсунские! Великий Новгород покупал греческие иконы, ковры, диадемы. Однако местный летописец не упомянул ни в одном списке столь драгоценное приобретение.

Сигтунские! В качестве военного трофея они могли попасть сюда из шведской крепости Сигтуны. Но почему же шведы, захватив Новгород, не увезли свои врата домой?

Магдебургские! Врата хранят портрет епископа Бахмана из Магдебурга. Такой чести он удостоен, вероятно, как заказчик врат. И это не единственный довод. На пластинах представлены мастера Северной Германии XII

века — создателн врат Рнквнн н Вейсмус с инструментамн в руках.

Направляя объектнв на горельеф епнскопа нз Полоцка, профессор задумался над тем, что врата с таким же успехом можно назвать Полоцкнмн нлн Польскнмн. Итак, врата — сфннкс номер трн! В глазах профессора надежда н мольба...

За каменной оградой в яблоневом саду мяукал котенок. Над гранеиой башней с колоколами куролеснлн галкн. Немец восхнщеино окннул взглядом шнрокнй двор Софни. Здесь в XV веке епнскоп Евфимий соорудил дворец, Грановитую палату, часозвоню, хлебиый амбар — весь ансамбль феодального замка на западный маиер.

Феноменальио! Не в Германнн, а в России Бакунин, Герцен, Белинскнй, Чернышевский, Плеханов предпочлн формальиой логике диалектику Гегеля. И, наконец, сенсация XX века! Глава правительства своему народу рекомендовал нзучать Гегеля. И случилось это ие в мнре цнвнлнзованных государств, а в отсталой Росснн. И сделал это — большевик Ленин! России Гегель обязан вторым рождеинем!

Массивная арка соедняяла Софню с митрополнчьнмн покоями. Здесь парадиая дверь с крестами на фнленках н черио-красной вывеской: «НОВГОРОДСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)». Здесь кремлевские постройки заияты государствеинымн н партийиыми учреждениямн, а Шарф любнл средневековье в чистом внде: с курантами, гербамн н цеховымн эмблемамн.

Под шнрокой аркой, где тянул сквознячок, хлопнула дверь. Из парадной вышел человечек с большнм зеленым портфелем, чем-то туго набитым. Костюм мужчнны немного днковат: желтоватые лосевые сапожки, черная кожаная куртка и малнновая фуражка, похожая на красный колпачок сказочного гнома.

Юркий новгородец в очках с толстымн линзамн, вероятио, заметнл прнезжего в заграинчном костюме, с немецким фотоаппаратом:

— Ученый муж, вы насчет старины?

— Да,— Шарф противопоставнл свою иаблюдательность, зная, кто посещает партнйный комнтет:— Вы есть большевик?

— Давно!— взвнзгнул ои н ладонью оттопырнл ухо:— Вы из Германнн?

Профессор представился и рассказал о цели своего приезда. Гиом любезно предложил свои услуги:

— Могу для вас исторические справки и документы...

— О, я благодарен буду!— обрадовался ученый, слегка наклоняя голову:— Господин Иванов, в городе философы есть?

— Хватает. А философский склад ума у нашего историка Калугина.

— Адрес его знаете?

— Да, он здесь,— поискал глазами Гном.— Сократ в толстовке. И, подобно греческим мудрецам, всюду философствует. У него своя школа. Ученики. Я тоже учусь у него мыслить диалектично...

— Пардон! Вы, русские, как диалектику понимаете?

Близорукие глаза Гиома загадочно сузились:

— Приехали в город Грязный и Чистый. Который пошел в баню? Грязный? Нет. Грязный потому и грязный, что не ходит в баню. Значит, Чистый? Боже упаси! Зачем Чистому баня, коли он чист. Э-э, не за тем мужчины ездят в город! Выходит — ни один? Да и нет! Ни одному человеку не ведомо, что такое диалектика!

Куно Фишер высоко ценил в студентах остроумие. И Шарф вскинул «перчатку»:

— Господин Иванов, вы сами себе противоречите: если никто не знает, что такое диалектика, следовательно, ваш учитель тоже не знает и ничему вас не научит.

— Так ли?— пискнул тот по-комариному.— Учитель говорит: «В каждом русском слове корень противоречия». Например, «человек»: чело — субъективное, век — объективное; чело — личное, век — общее; чело — отражение, а век — отраженное и т. д. Значит, в моей фразе: «Ни одному человеку не ведомо, что такое диалектика», самое малое — десять противоречий. А вы заметили только одно.

— О, вы блестящий софист!

Русский замаячиво хихикнул:

— Вы почитаете Достоевского?

— Безусловно! Его проза диалектична.

— Продается Полное собрание сочинений под редакцией Анны Григорьевны.— Глаза Гиома опять в хитреньком прищуре.— Занести вам?

Приняв предложение, немец приподнял широкополую шляпу и проводил Иванова задумчивым взглядом: «Сфинкс номер четыре. Архивариус под стать извозчику и Гипатии из варьете». О, с русскими надо быть предельно осторожным!

Профессор, взглянув на ручные часы, поморщился: Гиом отнял у него двадцать минут. Любитель средневековья сфотографировал каменные ядра, сложенные пирамидой.

Из кафедрального собора вышел плотный горожанин, в серой блузе, с простеньким галстуком. У христианина залысина мудреца и черный взгляд йога.

— Скажите, пожалуйста,— обратился ученый к незнакомцу,— эти южные врата название имеют?

— Да, Византийские,— приветливо ответил тот и сразу проявил завидное гостеприимство.— Как устроились? Как самочувствие? В чем нуждаетесь, голубчик?

Интуриста тронуло теплое внимание:

— Все хорошо. Нет лишь «Путеводителя» в продаже.

— Верно! С бумагой у нас пока туговато.— Он представился коренным жителем, любителем старины и фольклора:— Вас интересуют местные легенды?

— О, безусловно! Одна легенда мне известна.— Немец глазами поискал золотой крест собора с металлическим голубем:— Если птица слетит, то Новгород навеки исчезнет.

Дорогой читатель, фашистский снаряд собьет легендарного голубя, но город воспрянет из пепла.

Задушевность голоса новгородца подсказала гегельянцу, что перед ним человек, далекий от логических конструкций:

— Выйдет богатырь в бело поле силушку поразмять. Возьмет ком снега и катит его, пока тот не упрется в небо. Затем вытащит меч, пообтешет глыбу с четырех сторон, а на маковку наденет свой златошлем. Вот и стоит витязь краше и выше всех!

— Феноменальная образность! Идеальная простота!

— Храм, заметьте, первая школа абстрактного мышления...

Столь неожиданное замечание собеседника слегка насторожило доктора философии: «Кажется, опять ошибка». А тот продолжал:

— Простые люди видели на иконостасе портреты Зенона, Диогена, Платона, Аристотеля и других античных мыслителей.— Новгородец кивнул на храм:— Под этими сводами народ познавал отвлеченные понятия, как-то: «сущий», «присущий», «вездесущий», «вечносущий». Достаточно слово «бог» заменить «духом» или «материей»— налицо две основы противоположных мировоззрений.

Его ясно-черные глаза полны откровения. Такой взгляд бывает у детей и великих ученых. Гегельянец почувствовал, что перед ним не рядовой любитель старины, а учитель Иванова:

— Вы есть господин Калугин? Я с вашим учеником беседовал. Он сказал, что вы открыто философствуете. И мне хотелось бы...

— Простите!— смутился новгородец.— Я не специалист, а любитель...

— О, я превыше всего любовь к мудрости ставлю! И над чем же вы сейчас размышляете, господин Калугин?

— Москва готовит к изданию «Философские тетради» Ленина. В них центральное место — конспект «Науки логики»...

— О, Гегель есть мой кумир!— провозгласил гегельянец и вспомнил, что в 1914 году он видел в Бернской библиотеке эмигранта Ульянова, ежедневно штудировавшего Гегеля в подлиннике.

— Господин профессор, как думаете, зачем Ленин использует показатели точных наук — аксиомы, формулы, фигуры?

— Это есть случайность: русская мысль вне расчета...

— Простите!— Собеседник выдвинул ладонь.— А что, если Ленин заложил фундамент для возведения диалектики, точной, как математика?! Придет время, когда экономика и машины заставят людей мыслить точными величинами. Не предугадал ли гений судьбу философии — могущей стать алгеброй прогресса?

— О, вы идеально выразились! Мне мыслилось, что в России философия является только алгеброй революции, и вдруг слышу — она претендует на роль алгебры прогресса. Это есть новое!

— Не совсем, батенька! Еще Маркс сказал: нет науки без ч и с л а. Не так ли?

— Безусловно! Философская наука должна рано или поздно числом овладеть. Гегель об этом мечтал. И ваш покорный слуга эту проблему пытается решить. Вероятно, в этом вопросе приоритет за нами, немцами, будет?

— Но, но! Время покажет!— улыбнулся новгородец, панамкой указывая на трехэтажный дом с балкончиками:— Самый верх. Губполитпросвет. Спросите начальника Пучежского. Он, Александр Михайлович, закончил комвуз. В курсе всех современных философских течений...

Курт Шарф приподнял фетровую шляпу. И они подоброму распрощались.

Поначалу Шарф руководствовался апофегмой Вейца: «НЭП — наглядный этап падения». Но первый же новгородский день заставил интуриста усомниться в истинности этого афоризма.

Древние храмы целы, памятник Микешина на месте, по радио звучат «Богатырская симфония» и светлые, бодрые песни; да и большевики не похожи на громил: господин Калугин, безусловно, неверующий и сторонник Ленина, но он культурен, воспитан, обаятелен, хотя в некотором смысле — сфинкс номер четыре.

Совсем иной господин Пучежский: Аполлон, Демосфен, а субстанция — красный начетчик,— ни одной свежей мысли. Великий Гегель верил, что диалектика рано или поздно станет наукой наук, а он, признавая закон развития, с издевкой отрицает такую возможность развития философии. Он, агностик, поносит всех оптимистов, всех Калугиных, которые верят в прогресс логики. Он не признает аксиом, формул, фигур для вооружения метода. Своим идейным учителем называет Зиновьева и убежден, что архивариус во сто крат умнее Калугина.

Отложив перо, Курт Шарф захлопнул дневник и оглянулся на дверь номера: из коридора гостиницы послышались приближающиеся шаги.

Гион опоздал на шестнадцать минут и даже не извинился. Удивительная расточительность: русские расплевывают минуты, как шелуху от семечек.

Явился он совершенно не похожим на утреннего деловитого архивариуса: кожаная куртка расстегнута, во рту жеваная цигарка, жесты дерганые, в запухших глазах хмель:

— Справочка! (Вынул из кармана листок, поясняя.) Влияние иностранного капитала на рост новгородской экономики — лесопильные заводы Стюарта, Де-Бука и фабрики Лютера, Вахтера, Луиберга, Писпурга, Шапа, Гримма, Сименса-Гальске...

Промышленники недавнего прошлого. Профессору важнее древние немецкие фамилии. Все же поблагодарил за услугу. Немец вспомнил о своей секретной миссии:

— Скажите, пожалуйста, смерть Ленина единство партии не затронула?

— Великое горе сближает. Хотя лично я и рукопись отбросил.

— Вы о чем пишете?

— О подвиге новгородских коммунистов. Керенский приказал войскам — тут их было битком — прибыть под Гатчину и вкупе смять Красный Питер. А здешние большевики, где словом, где пулеметом, задержали офицерские батальоны. Прорвалась одна лишь сотня казаков из Шимска. В те решающие дни отличился наш Калугин: проник в Антоново, где стоял ударный батальон, и так припугнул молодчиков — разбежались ночью.— Гиом положил справку на стол и тихо добавил: — Я вел дела истпарта: обо всех ответственных знаю.

— Господин Калугин какое образование имеет?

— Сила ума не в дипломе,— уклонился он от прямого ответа и отнес портфель к двум пачкам книг, оставленным у дверей:— Привез на извозчике. Пришлось раскошелиться...

Шарф не любил расставаться с купюрами, но в данном случае не обидел архивариуса. В чем секрет его услужливости? Таких, как он, с приметной внешностью, с плохим зрением и слухом, не берут в агенты. Вероятно, любит деньги...

— Ради бога!— Гиом потряс книгой великого писателя.— Не примите меня за господина Голядкина или Смердякова. Я не двойник и не убийца. У меня матушка при смерти. Выпил с горя. Вы поймете меня. Немцы прирожденные философы. Будущее за вами...

— Русский народ есть великий! Гегель высоко ценил...

— Высоко! Да мы-то, русские, не все достойны такой оценки. Вот, к примеру, я.

— А как вы господина Калугина оцениваете?

— Башковит, но простофиля. Мы, русские, слишком доверчивы...

Бывшему дипломату казалось, что Гиом в душе смеется над ним, и Шарф сменил тезис беседы:

— Господин Иванов, вы можете на памятнике России статую инкогнито представить?

— А вы, ученый муж,— рассыпал он мелкий смешок,— можете представить микешинский ковчег?

— Пардон! Как понять —«ковчег»?

— История, как потоп, уносит людей в неизвестность, лишь избранные сподобились спасительного ковчега — Тысячелетия.

— Гут, гут!

— Так вот — ковчег! И он же свод русской философии.

— Абсурд!— засмеялся немец от всей души.— Я понимаю, памятник Канту или Гегелю, но Русь никогда философской державой не была. Мир знает русских революционеров, балерин, романистов...

— А Белинский, Герцен, Чернышевский, Плеханов, Ленин?

— Нет, нет! Они есть ученики, последователи Гегеля и Фейербаха. А на памятнике нет ни одного философа!

— Калугин укажет вам и философа и свод философии.

— Абсурд! Невозможно показать то, чего не существует...

— В самой невозможности, говорит Калугин, заложена возможность, ибо отрицание — особая форма утверждения.

«Хмельная диалектика»,— замкнулся Шарф и, приглашая Гиома на воскресный диспут, подумал: «Знает ли Гретхен Калугина?»

— Прошу прощения,— засуетился гость, хватаясь за портфель.— Очень спешу к маменьке: она, возможно, единственная любит меня. А насчет Калугина — предупреждаю: диалектику он изучал не только по Гегелю. Не обломайте зубы!

На счету Шарфа не один расколотый «орешек»: ему не привыкать выходить победителем в философских турнирах. Все же у противника неоспоримое преимущество — он, историк, лучше знает памятник России. Следует основательно подготовиться к спору. Миру ученых давно известен русский феномен Михайло Ломоносов: мудрый исследователь. Нет ли его рядом с Петром I?

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Они встретились за ужином. Ясинопольская торопилась на концерт. Все же охотно ответила интуристу:

— С Калугиным встречалась дважды: он груб и хвастлив — кичится натренированностью своего ума...

— Пардон!— изумился Шарф и уточнил внешность Калугина.

Актриса уверенно обрисовала Калугина и неожиданно чарующе улыбнулась немцу:

— Проучите зазнайку!— Она взглянула на дверь столовой:— Отдохните вечером в Софийском саду. Я выступаю там с талантливым скрипачом...

— Приезжим?

— Нет. Местный. Додик Гершель, сын аптекаря...

Он не успел задать вопрос: Гретхен кокетливо помахала ладошкой и скрылась за дверью. Нет сомнения, она признала в нем друга своего отца.

Радуясь ее приятной перемене, он поднялся к себе в номер. Записки в двери не было, хотя попутчица рекомендовала ему Соловьевскую гостиницу. Осторожничает, не дает о себе знать. Если скрывается от чекистов, то ее поведение объяснимо. Не она ли дочь Вейца? Перекрасить волосы просто...

Доктор философии снял чешские ботинки и, не раздеваясь, прилег на кровать. Сравнивая попутчицу с Гретхен, он остановил внимание на актрисе. Утром ее синева в глазах была холодной, а вечером потеплела: надушилась парижскими духами, столь манящими, столь близкими ему.

Волнующие мысли отнесли его назад, в студенческую пору жизни. О, в молодости всякое бывало. А началось с угрей на лице. Мать, заметив, двусмысленно улыбнулась, но отец закрыл дверь кабинета и вручил сыну визитную карточку массажистки.

Бланманже, дебелая француженка в кокетливом халатике с полуоткрытой грудью, завела застенчивого юношу в полутемную комнату, где пахло парижским салоном, и сладко шепнула: «Малыш, раздевайтесь. Ваш отец уплатил за услуги». После сеанса массажа Курт бродил по улицам Магдебурга, стыдясь идти домой. Вернулся поздно. И, не ужиная, закрылся у себя.

Через месяц отец снова дал визитку. И Курт, проклиная себя за слабохарактерность, опять поплелся на «сеанс массажа». Одно утешение — лицо очистилось. Так продолжалось два года, пока в доме не появилась пухленькая служанка с полуулыбкой. Она, вероятно, получила от хозяев надбавку за мытье сына в ванной.

Теперь у него только Марта. К сожалению, она не способна стать матерью. А жена без детей, да еще молодая, горячегубая, быстро наставит рога пожилому супругу. Уж лучше приглашать ее к себе на дачу: Марта красивая и стряпуха отменная...

Вечер подкрался незаметно. Курт Шарф запомнил адрес. Пивная «Вена» на дворе гостиницы. У входа в сад сидит конопатый чистильщик сапог. Ради рифмы он исковеркал слово:

— Шик и блеск — пять «копек»!

Низкорослый шиповник отделяет дощатый помост эстрады, где трио баянистов в голубых атласных косово-

ротках лнхо раздувают мехн. Все кабннкн нз плетеных прутьев, увнтые хмелем, заняты. Расторопный официант, с фирменной салфеткой, временно устронл ннтурнста за столик к двум толстякам. Красноносый смачно уплетал жареного цыпленка н не менее смачно рассказывал:

— Не поверите! Повестка нз народного суда! На конверте советская марка, а внизу — «по указу его нмператорского велнчества».

Он вытер жнрные пальцы о край скатерти н показал сннй бланкетный конверт царского времени:

— Докатнлнсь! Бумагн нет!

«Вот оно, нэповское броженне»,— засек немец, однако вздохнул облегченно, когда собутыльннкн освободнлн кабнику. К профессору подсел старичок с белой эспаньолкой, в поношенном сюртуке, н вежлнво представился:

— Регент Софийского собора.— И рассказал о своей поездке в Северную Пальмнру:— Иду к Медному всаднику, а мне навстречу мой ученнк Ннколка Монахов. Теперь видный артист. А я драл его за ушн — петь учил на клнросе...

Немец заказал баварское пиво с русской, очень вкусной воблой. Он вспомнил Марту. Она брала урокн пения, но певцей не стала. За большую взятку получила место в транспортном концерне. Первый отпуск она провела на даче Шарфа на правах дальней родственннцы. Курт, подобно Канту, не собирался жениться. А Марта нервничала: утром проклинала ночь, грозилась уехать; днем шумно стряпала (ее страсть); на закате куталась в плед, мечтательно вздыхала; ночью проснла прощення, клялась в вечной любви, а просыпалась мрачной, ворчлнвой. Верховая езда н походы на яхте по озеру Морнц не влнялн на ее настроенне: оно целиком зависело от времени суток. Ученому больше всего нравилась Марта вечерняя. Заняв балконное кресло, она любовалась закатом, горящим озером н терпеливо поджидала профессора, встречая его трепетно, нежно н застенчиво. Но не дай бог коснуться философии! Марта начинала зевать, вяло смотрела на потолок н норовила скорее укрыться с головой одеялом: ее нзлюбленная манера спать. Что же общего между ними? Превосходная память — н все. Марта типичная немка: ее мечта — кухня н воспитание детей.

Над танцевальной площадкой, с трех сторон окруженной кабинками, вспыхнули разноцветьем гирлянды лампочек. И в тот же миг сцена в форме огромной раковины заполнилась светом рампы.

Седенький регент встрепенулся и, сияющий, шепнул:

— Идет...

Русская мадонна в национальном сарафане и алых сапожках, с длинной белой косой, осанисто вошла в полосу яркого света, даря всем улыбку.

— «Соловья!»— выкрикнул старичок.

А героиня вечера, белозубая, синеглазая, с густыми ресницами, слегка склонилась к баянистам и что-то тихо наказала. Румяный, с четким пробором на прилизанной голове, музыкант повел соловьиную мелодию Алябьева...

Шарфа потянуло на свою дачу. В зарослях возле ручья немецкий соловей ничем не уступал русскому солисту с его двенадцатью коленами. Вспомнилась и притихшая Марта с пледом на плечах. Образ любимой почему-то слился с Берегинией. Русская, пожалуй, сама управляла бы яхтой, сама оседлала бы Мефистофеля и сама бы первая затеяла философский спор. Россиянка — антипод немки...

Вернулся Курт усталым, но довольным. Прилег на кровать. Внизу ресторанная скрипка «объяснялась в любви». Рядом на столе его ждет почтовая бумага. График дня замыкают письма.

Он сел за стол. Сначала матери: она глубже понимает жизнь, чем Марта. Свои впечатления о Новгороде закончил интригующими словами: «Завтра у меня турнир с местным марксистом. Чудак узрел в микешинском памятнике «свод русской философии». Нет русской философии, ибо она вся немецкая! На диспут придет феноменальная особа: у нее университетский диплом, безумная тяга к умствованию и талант эстрадной артистки...»

Засыпая, он мечтал о том, чтобы завтра белокурая славянка предложила ему обмен почтовыми марками; а приснилась таинственная рыжая попутчица. Не она ли дочь Вейца? Уж скорей бы день встречи машин.

ДИСПУТ

Воскресный колокольный звон. Из гостиницы Шарф вышел с малым нарушением графика. Перед турниром необходимо осмотреть русский сфинкс. Волховский мост, с двумя железными фермами, представился ему двугорбым верблюдом, который, стоя в воде, головой уперся в один берег, а хвостом в другой. Над аркой замка висел кумачовый плакат «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!» Профессор улыбнулся: участники

автопробега — представителн автомобильных фирм н наемные гоищикн.

Гегельянец опередил новгородцев. Он с трудом прочнтал фамилии героев, выполнеииые славянской вязью, зато быстро обиаружил сакрамеитальную ндею. Три яруса статуй строго соответствовали трнаде Гегеля. Люди иижнего пояса утверждали Русь. Пиоиеры есть *тезис*. Люди второго пояса отрицали все, что нм предшествовало: Рюрик беспорядок изжил; Владнмир язычество сокрушнл; Доиской с игом покоичил; Иван III феодальную раздроблеииость преодолел, а Петр I отсталую Русь перевериул. Яркий *антитезис*! Третий пояс. (Немец вскниул фотоаппарат.) Фигура России содержит все то, что виесли пионеры, н все то лучшее, что дали отрицатели прошлого. Это типичный *синтезис!*

Доктор философии представил, как сейчас блесиет диалектическим аиализом, ио увидел вторую статую Петра I, который был представлеи в двух ярусах и который одии в своем лице олнцетворял триаду в целом. Даже верблюду поиятио, что ои, гегельяиец, сложиый процесс развития России искусствеиио втолкнул в гегелевскую схему. Нет, спор лучше иачинать с вопросов. И он, прнветствуя противиика, сразу же атаковал его:

— Господин Калугии, в чем официальиое изначеиие памятника заключается?

— Прославлеиие Россин.

— О, я так думал! Одиако здесь одиа статуя обратиый смысл утверждает: русское государство создал ие русский.— Немец выбрал рыцаря со щитом и звериной шкурой на плечах:— Феиомеиальио! Основоположиик вашей державы есть варяг Рюрик. Это же беспрецедеитиый случай подрыва престижа русской иации!

— Ничего подобиого, батеиька! Рюрик — миф, легеида! Летопись заговорила только в одиииадцатом веке! Д в а столетия спустя после события. Значит, н летописец осмысливал девятый век задним числом. А жил он, заметьте, когда верховодила мода иа все заморское. Родство с королем считалось чуть лн ие главиой привилегией. Вот Нестор своей легендой н угодил всесильиым Руси. Нуте?

Кивнув иа статую Рюрика, историк горячо продолжал:

— Еще факт! Нормаиская школа ие располагает ни одним подлиииым документом, подтверждающим новгородское житие Рюрика. У иас иет даже места, связаииого с имеием варяга.

— Пардои! Рядом есть Рюриково городнще!

— Нет, друг мой, Новгородская летопись это место называет «Городище». Название «Рюриково» появилось недавно, одновременно с легендами о кургане Рюрика и золотом гробе Рюрика...

— Язычник Рюрик в христианском гробу!— засмеялась актриса Ясинопольская, подходя к спорщикам.— В девятом веке здесь христианства не было и, как известно, язычники покойников сжигали.

— Верно, голубушка!— радостно сверкнул глазами Калугин.

Бывший дипломат готов был сфотографировать Гретхен во весь рост, чтобы потом демонстративно разорвать карточку на куски. Вчера просила «проучить зазнайку», а сейчас смотрит на него благодарными глазами. Сам черт не поймет русских, все они — персонажи романов Достоевского. Калугин продолжал:

— Многие чужестранцы пытались Россию сделать чужестранной, а кончалось тем, что сами иностранцы становились русскими...

— Например,— ехидно улыбнулась Гретхен,— принцесса София Цербстская, дочь немецкого князька, ставшая Екатериной Второй...

Немец понимал, что любой народ гордится своей родиной. Гегель право мирового духа ставил выше всех частных прав. Объективная истина не позволяет истинному ученому искажать исторические факты в угоду норманнской теории. Тем более что бывший дипломат знал многих соотечественников, которые в России нашли себе вторую родину, и примирительно поднял шляпу:

— Я приехал историю Великого Новгорода изучать и очень вам благодарен, что вы любезно в этом содействуете,— Курт Шарф, уступая в малом, рассчитывал на победу в большом.— Но я абсолютно уверен в том, что вся витрина исторических статуй «сводом русской философии» не является.

— А какие компоненты входят в философию, голубчик?

— О, безусловно, три: онтология, гносеология и логика!

— Нет, доктор, четыре! Еще Гегель, ваш патрон, начал разрабатывать диалектику как руководство к действию. Вспомните «Науку логики»: учение о цели, средстве и результате. Не так ли?

Гегельянец, безусловно, не забыл мысли учителя о целесообразной деятельности...

— Но это же, доннерветтер, маленькая веточка на грандиозном трехствольном древе великой системы Гегеля!

— Верно! Черенок маленький! Но, заметьте, попал он в благоприятную почву.— Новгородец распахнул руки:— Еще Герцен сказал: «Диалектика — алгебра революции». А Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Плеханов и особенно Ленин не только всесторонне обогатили философию, но и самобытно разработали ЛОГИКУ ДЕЙСТВИЯ. Вся русская культура девятнадцатого века пронизана поисками цели, средства, пути, способа, формы и правил деятельности. Даже писатели Гоголь, Чернышевский, Достоевский, Толстой своими романами стремились ответить на вопросы: что делать? как жить? в чем смысл жизни? Русская философия наиболее действенная, и в этом ее отличие от всех других. Нуте?

«О, это «нуте» подобно петле на шее». Не зная, чем возразить по существу, немец фотоаппаратом указал на монумент:

— Но при чем тут гранит, бронза и какой-то «свод»?!

— Гранитный постамент, батенька, это трибуна стратегов, вылитых из бронзы. Ломоносов — стратег наук; Петр Первый — стратег управления, Суворов — автор «Науки побеждать». А понятие «свод» несет два значения: здесь с в е д е н ы представители любой деятельности — дано обобщение всех видов руководств, а в то же время «свод»— это небо, высота, наивысшая степень развития философии — ее четвертый компонент — лоция действия...

— Отсюда,— торжественно вставила Гретхен,— наглядный «свод русской мысли»!

— Совершенно верно!— похвалил Калугин актрису и снова обратился к интуристу:— Господин профессор, есть возражения?

— Здесь хотя бы один истинный философ представлен?

— И не один! Материалист Ломоносов...

— Пардон! Он ученый...

— Энциклопедист! И здесь же видный мыслитель Феофан Прокопович...

— Впервые слышу!

— Незнание, друг мой, плохое доказательство. Я пришлю вам «Путеводитель по Новгороду». В нем найдете биографии, но автор еще не осознал закономерность: личная жизнь героев неотторжима от бессмертия России.

Курт Шарф признательно раскланялся и почувствовал, как на щеке затрепетал нерв. Не хватало только присутствия Гиома: тот оказался прав — пока что победа за Калугиным. Теперь вся надежда на реванш.

В гостиницу интурист возвращался с Гретхен. Он намекнул насчет ее коварства. Ответила она мстительной усмешкой:

— Не вы ли, представитель «сильного пола», потешались над нами, женщинами? Я мщу всем, кто так поступает!

За мостом Берегиня свернула на ярмарку. Он остался один со своими тяжелыми думами...

ЗАВТРА РЕВАНШ

Ученый потерял контроль над временем: не заметил, когда вернулся в гостиницу. Надо было прежде всего успокоить нервы. В номере, как и у себя дома, профессор ходил из угла в угол. Размеренный шаг, равный секунде, помогает ему собраться с мыслями. И сейчас привычный ритм вернул ему рассудительность, хотя в сознании копошилось чувство досады за поражение в споре с новгородцем.

Да, да! Только реванш! Он остановился перед столиком и заглянул в дневник. Турнир будет опять один на один: актриса лишена спекулятивного мышления. Безусловно, Калугин оригинальный философ, но у него есть ахиллесова пята: за две встречи он ни разу не взглянул на часы — явно недооценивает значение временной категории.

Вечером, когда Московская улица затихла, голоса прохожих стали слышны обитателям гостиницы. Шарф не поверил своему слуху и выглянул в открытое окно. Внизу на панели Калугин в чем-то упрекал юношу. Тот, кудрявый, спортивного типа, с книгой в руке, оправдывался:

— У меня не две — одна жизнь.

— Не одна, друг мой, а девять: младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, пора возмужания, зрелость, старость и дряхлость.

— Что это дает?

— Толстой продумал детство, отрочество, юность — и раскрыл душу в ее развитии...

— Продумать до самой дряхлости?

— Дряхлость, учти, девятый вал!

— Наивысший подъем?

— Конфликта! Умирая, мы не хотим умирать: тело сдает, а мозг творит и переоценивает прошлое. Заметь, старый — сам себе на уме, а дряхлый — само откровение. Правда — расцвет разума. Познай человека в девяти стадиях. Ты будешь рассказывать не о философии, а о людях, осмысленных тобой философски. Иначе не создашь романа нового типа, мальчик мой.

— В чем же новизна?

— Одно дело, голубчик, изобразить диалектику души, а другое — изобразить душу, владеющую ключами проникновения: литературных героев много, а героя-диалектика нет.

— Ну, мне такое не под силу.

— Сила в борьбе! Не отступай. В тени не загорают...

Шарф слушал, не выглядывая. Он не видел, почему голоса пропали, но скоро выяснилось: курчавый юноша постучал в комнату, вежливо поздоровался и протянул книгу в черном коленкоровом переплете:

— От Калугина... «Путеводитель»...

Доктор философии не задержал ученика Калугина: немцу было неудобно за подслушанный чужой разговор и за злость на Калугина, который любезно провел экскурсию, прислал «Путеводитель» и пригласил интуриста к себе в гости.

Профессор задумался над тем, что сейчас произошло под окном. Если быть честным, Калугин не принизил европейской литературы: бальзаковский герой «Поиска абсолюта» — философ, ученый и только; даже Фауст не олицетворяет диалектики Гегеля. Права и Берегиня Яснопольская: он судил о ней, думая о Марте. Эмансипация женщин в России — это же не миф. И немец получил по заслугам.

За ужином Шарф растянул потягивание кефира. И уловка удалась: дождался Гретхен...

— Фрейлейн,— проговорил он виновато,— извините...

Наблюдая за ее глазами, немец видел, как с каждым словом ее взгляд просветлялся. Она опять спешила:

— Выступаю рядом. Если хотите выговориться — проводите...

И он, нарушив график вечерней работы, вышел с ней на Буяновскую улицу. Интурист, делясь впечатлением о вчерашнем концерте, хвалил солистку за художественный свист.

В это время на фасаде небольшого кинотеатра вспыхнуло электричество. Яркий свет выявил на штукатурке

забеленную иадпись «МОДЕРН». «Старое не замаскируешь»,— хотел сострить доктор, ио его опереднла Гретхеи:

— Завтра у вас встреча с Калугниым. Посоветуйте ему посмотреть «Нибелунги». Мужчиии давио утратили рыцарство...

«Оиа явио иедовольна Калугииым»,— рассудил он.

Доктор вериулся в номер бодрой походкой. Его самокрнтичность оцеиила Гретхен, а вот Калугин, вероятно, иагрубил ей н ие извиниился. Улыбаясь, иемец завел ручиые часы. Оии напомнили систему коифигурации, с ее железиым учетом времени: сейчас пора спать.

Задергивая занавеску, он увндел рекламиый щит, освещеииый светом бнльярдиой. В глаза броснлнсь заглавия фильмов: «Брнллиаитовый спрут» и «Нибелуигн».

Повеяло роднией. В детстве Курт бреднл Зигфрндом. В иародиом эпосе мальчик черпал силы для сопротивлення отцу-деспоту: тот иавязал ему службу в посольстве.

Доктор фнлософин, засыпая, просил святого Петра помочь в турнирной схватке с русскнм: с любителем диалектики трудиее спорнть, чем с профессионалом,— последний черпает из киит доводы, тебе известиые, а Калугин иеожидаино ссылается на жизнеииые факты.

Присиился мир животрепещущих категорий. Оии — огромиые осьмииоги — сгруднлнсь перед окном гостииицы и завихляли плетеобразиымн отросткамн: «Ахтуиг! Слушай!— иадрывалнсь онн.— Мы моллюскн, ио гнганты! Мы без крыльев, ио быстролетны! Мы — океаискне антиподы! Наши присоскн всесильиы! Нашн щупальца безграничиы: обиимаем иеобъятиое и хватаем иезрнмую дольку! Мы верные помощиикн! Испытай! Веди иас!» И ои повел. Луиа расплескала чужой свет по спящей улице. Возле стояикн ночиого извозчнка торчал граиитиый постамеитик без царского бюста. Доктор приказал: «Возвелнчить мыслнтеля двадцатого века!» И всесильиые категории киuулись выполиять приказ. Оии облетели плаиету, опросилн людей н подияли иа пьедестал Леииuа. «А почему ие Куно Фншера?!»— изумился гегельяиец и проснулся.

Сон — вестинк бессозиательиого мнра. Психоаиалнз Фрейда расшнфровывает любое сиовндеиие. И профессор, лежа в постели, попытался истолковать свой иеобычиый сои.

Курт Шарф — представитель иемецкой, самой снльиой логнки мышлеиня, а Калугни — русской, самой прнземлениой, действеииой. Но кто и с чем явнтся иа поле

схватки? Шарф, наследник классической философии, придет не один, а с великой гвардией всесильных категорий. А что у русского? Материализм? Но материя без духа, без крыльев — ползучая. В философском турнире самое боевитое копье — категория. А русские рыцари теории предпочитают оборонительный щит — материальную вещь. Логика вещей слабее логики понятий! Бой будет бескомпромиссным: на сей раз он, гегельянец, окажется со щитом. Поверженным будет русский! Вот суть сновидения.

Он взял цветной карандаш, и в календаре появился расписанный по часам и минутам понедельник: гимнастика, кофе, дискуссия с Калугиным; обед, чтение газет, коллекция Передольского, Музей революции, ужин и письма.

Выполняя утреннюю физзарядку, он увидел на столе портрет Куно Фишера и мысленно заверил учителя: «Не подведу!»

За дверью в коридоре раздался нежный, протяжный свист. Возможно, «Вечерний соловей» зовет соседа к завтраку.

КАЛУГИНСКИЕ ЧАСЫ

Курт Шарф, с его жестким учетом времени, не мог не заметить, что русские не дорожат фактором времени. У собеседника нет даже ручных часов. Надо пристыдить его:

— Господин Калугин, скажите, пожалуйста, как вы свое время контролируете? Я каждую секунду учитываю.

— Откровенно, батенька, я переболел этим.

— Как это понять —«переболел»?

— Мой девиз, семинариста, был: «Ни минуты без дела». В результате, горько вспомнить, я изолировался от товарищей и, что хуже всего, распылился. Да, да! Стремясь заполнить учебой каждый миг, я взялся за психологию, природоведение, поэзию...

— Гут! Всестороннее развитие есть качество великой личности!

— А кто сказал: «Хочешь достичь великого — ограничь себя»?

— О, Гегель!— Шарф, стоя возле Кремля, вознес руки к небу.— Гегель есть энциклопедист всех времен! Многогранность знаний — алмаз превосходства! Его только в борьбе за каждую секунду добывают! Заполненное время — секрет продуктивности!

— А у меня, наоборот, голубчик, самое продуктивное время, когда я не замечаю времени.

— О, я каждую минуту органически чувствую. А вы данный фактор, следовательно, недооцениваете.

— Неправда! Я ценю, но для меня время не панацея от всех бед. Учтите, время работает на тех, кто работает. Не так ли?

— И все же!— наседал гегельянец, смотря на ручные часы.— Вот стрелки! Первая ассоциация — секунду не вернешь, заполняй ее. А у вас, господин Калугин?

— Первая мысль: когда-то была ОДНА стрелка солнечных часов, потом ДВЕ, теперь ТРИ — словом, часы, как и все на свете, совершенствуются. Вторая мысль (палочкой указал на башенные куранты): видите, на черном циферблате золотые стрелки — малая и большая. Они взаимоисключают друг друга — сходятся, расходятся и, вращаясь, отсчитывают арифметическую прогрессию. Так или не так?

Вопрос новгородца вдруг превратился в неотвратимую досаду: почему он, гегельянец, не догадался взглянуть на часовые стрелки глазами диалектика? На щеке дрогнул нерв. И как не дрогнуть? С малых лет он каждодневно по нескольку раз глазел на стрелки магдебургских курантов, но не увидел в них картинности противоречия: ведь минуты, накапливаясь, переходят в час, а час начинается с минуты. Господи, за что ты ослепил меня?!

На дворе Софии постройки в стиле готики глядели на немца с укором: «Взгляд-то у русского диалектичнее!» И доктор философии поспешил выйти из замка:

— Господин Калугин, я не вижу на вашей руке «символа»...

— Противоречия?— улыбнулся тот.— Нет нужды. Я живу в городе, олицетворяющем единство противоположных сторон...

— В топографическом смысле?

— Не только!— Они вышли из Кремля на широкое предмостье.— Встарь Торговая сторона не существовала без Софийской: они друг друга дополняли, защищали и даже взаимно переходили — то жители Торговой шли в Софию, то софияне спешили на великий торг, и в то же время противостоящие берега соперничали меж собой, спорили, враждовали, да так, что ватага буквально обрушивалась на ватагу и, как известно, бились на великом мосту...

Новгородец палочкой обозначил на реке прежнее расположение плавучего моста и перевел указку на рекламный щит:

— Читаем! Футбольный матч между сборными командами Софийской и Торговой сторон. Разве это не эхо минувшего?

Опять русский черпает из окружающей среды примеры к своим философским тезисам, а он слишком привязан к книгам.

— И ныне здесь,— продолжал новгородец,— новое борется со старым, передовое с отсталым,— словом, все дышит диалектикой!

— Какой? Способной только достижения наук комментировать? Скудно! Я за идею Гегеля — числом метод подковать.

— А я, профессор, против подковки! Нет таких чисел, которыми можно было бы оснастить диалектику. Ваш гений искал такие числа и потерпел фиаско. Такой путь ведет к мистике,— новгородец решительно выдвинул руку:— Дерзните, друг мой, избрать обратную дорогу: исходите не из чисел, а из развития противоречия, которое порождает числа, аксиомы, фигуры, формулы. Только единство и борьба противоположностей способны мир вещей делить, умножать, устанавливать ритмы, формулы...

— О, это свежо, оригинально!

— Так что, голубчик, обращайтесь не к математике, а к жизни, к объективным противоречиям: они на каждом шагу творят математические модусы. Смотрите!

Калугин палочкой на асфальте отметил рисунок мелом, похожий на Магдебургские врата.

— Детский чертеж! Игра в «классы». Две вступительные клетки — полярности: «вода» и «огонь» или «можно»—«нельзя». А при наличии ПАРЫ противоположностей «классы» распределились в строго натуральном ряду чисел — от единицы до десяти...

— Феноменально! Арифметическая прогрессия.

— Продиктованная противоположностями!— Он перевел палочку на водный простор, подернутый солнечной рябью.— Смотрите! Естественный рубеж — глубокая река и высокий берег. Подражая природе, мы создали искусственную «полярность»— ров и вал. Значит, в какой прогрессии идет развитие оборонительных сооружений?

Профессор изучал фортификацию средневековья. Он знал, что ОДНУ основную линию укрепления добавили ДВУМЯ линиями в форме угла-флеши; затем добавили

еще линию и создали ТРЕХлинейный люнет; потом изобразили замкнутый ЧЕТЫРЕХлинейный редут; дальше — ПЯТИгранный бастион. Но ученый даже не задумывался над причиной такой последовательности...

— Доминирует арифметическая прогрессия!

— Продиктованная парой противоположностей...

Они миновали мост и вышли на базарную площадь. Шум мешал профессору сосредоточиться: привык мыслить в кабинете. На пригорке сверкало зеркальное стекло аптеки. Пора доктору перехватить инициативу, но нет...

— Смотрите! — опередил спутник, указывая на большой градусник, прикрепленный к деревянной раме широкой витрины.— Температурная пара ХОЛОД и ТЕПЛО всегда изменяются по шкале арифметической прогрессии: подъем положительный, а спад отрицательный. Кстати, это подмечено Гегелем. Вспомните «специфическую меру» из «Науки логики»...

В глазах немца восхищение и зависть: русский лучше его, гегельянца, познал Гегеля. Один намек из книги позволил новгородцу сделать философское обобщение:

— Одно противоречие — исток натуральной прогрессии.— Новгородец подвел интуриста к витрине книжного магазина, где висела черно-белая таблица химических элементов Менделеева.— Скажите, профессор, почему вещества поднимаются по шкале арифметической прогрессии? Нуте?

Шарф догадывался, что надо найти пару противоположностей в мире химических элементов, но его отвлекали прохожие. Ему помог русский: пояснил противоречие атома между ядром и оболочкой с противоположными знаками...

И, к своему стыду, доктор философии осознал, что не он просвещает русского провинциала, а тот ведет его за руку. И гид неистощим.

Тут же в гостином дворе под аркой на белом столбе он заметил плакат: на нем сопоставлены аршин с метром, а фунт с килограммом. В тот год Россия внедряла новую метрическую систему.

Калугин озаренно воскликнул:

— Заметьте, вся метрическая система в плену диалектической прогрессии!

— Ваша родина,— польстил немец,— Англию и Америку опередила!

— То ли еще будет! — гордо произнес новгородец и воткнул свою трость в землю:— Вот солнечные часы...

Феиомеиально! Русскнй так остроумно вскрыл диалектику часовой светотеии, что доктор не смог скрыть восторга:

— О, вы маг-волшебиик!

Собеседник почему-то иасупнлся и резко указал на короткую теиь «солиечных часов»:

— Время обедать! И время иапомиить вам: пусть ваши ручные часы всегда вызывают у вас желаине иа все смотреть через призму протнворечня...

Доннерветтер! Реваиш закончнлся тем, что не он, автор снстемы коифнгурацнн, разбил противинка иа почве времеии, а тот, без часов иа руке, иаградил его диалектнческнми стрелками.

Вот в чем сила Калугина!

БУМЕРАНГ

Сегодия он обедал без Гретхеи. И даже рад: быстрее освободился. Предстояло убеднться в том, что русскне ие опередили немцев — Калугнн лншь мечтает вывестн чнсла из противоречия, дальше раздвоення не пошел, а это сделал еще Гераклит.

Шарф не задержался в гостнннце, однако русскнй уже стоял возле яхт-клуба. Там, иа берегу, оголтело грызлись зубастые псы.

— Цыть!— крикиул Калугни, махая ореховой палочкой, н смело кинулся разнимать собак:— Тубо! Тубо!

Жарким летом бездомные дворняги часто бесятся. Профессор счел иеразумным в чужом городе рисковать своим здоровьем. Ои заметил, что тихий, скромиый, виимательиый новгородец может быть энергнчным, отчаяиным... ие только в споре.

— Господии Калугин, у меня по плану музей Передольского иамечеи...

— Пожалуйста! Я провожу вас до Ильииской...

По дороге Калугин обратил виимаиие на двухэтажиый бревеичатый дом с теремковой башеикой иад балкоиом и шнрокнм розовым крыльцом:

— Виизу музей, а наверху — квартнра, бнблнотека с богатейшей иовгородикой. Теперь о хозяиие: натура шнрокая — палеоитолог и путешествеиинк, зиаток Древнего Новгорода и старой кииги; коллекциоиер и гипиотизер, блистательиый лектор н, по словам Сурнкова, неплохой рисовальщнк. Когда Передольскнй посетнл красноярскую мастерскую, жнвописец увндел в ием одного нз

вольных казаков и увековечил в знаменитом полотне «Покорение Сибири»...

— О, жажду познакомиться!— Шарф придавал большое значение фактору наследственности:— Кто есть его отец?

Напротив музея белая церковка. На ее дворике одинокий земляной холмик с крестом и бронзовой пластинкой: «ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ПЕРЕДОЛЬСКИЙ». Это почетное место предоставил Синод, а похороны были скромнее скромного.

— В копилке коллекционера сын обнаружил две копейки,— Калугин почтительно обнажил голову.— Василий Степанович больше других собрал новгородских ценностей... (В голосе гида гордость.) Сын сельского дьячка достиг высшего образования. Ездил за границу. Снискал адвокатскую славу. Защищал революционеров. На свои сбережения вел под Новгородом раскопки. Открыл стоянку первонасельников. Международному съезду археологов выдал сорок пять тысяч предметов каменного века. Устроитель выставок, лектор, автор книг о местных изысканиях...

На крыльце дома у двери Калугин наметил место для мемориальной надписи:

— Давно пора повесить доску: «ДОМ-МУЗЕЙ ПЕРВОГО НОВГОРОДСКОГО АРХЕОЛОГА В. С. ПЕРЕДОЛЬСКОГО».— Тяжело вздохнув, он продолжал:— Сын унаследовал отцову страсть к собирательству. А в одном даже превзошел родителя. Наследник, как палеонтолог, обратил внимание на странную кость. Она лежала в запаснике на чердаке. Такой кости нет ни у животных, ни у человека...

Краевед согнул указательный палец:

— Не бумеранг ли? А тут известный этнограф посетил родину Миклухо-Маклая и проездом заглянул сюда. Хозяин, разумеется, показал ученому диковинку и высказал свое предположение. Высокий гость рассмеялся: «Новгородчина не Австралия! Не позорьтесь, профессор, уберите с глаз подальше».— Историк энергично выставил пятерню:— Пять тысяч лет назад возле Ильменя взлетел костяной бумеранг. У всех дикарей орудия труда и охоты совпадают, ибо логика вещей диктует логику изобретений...

Интересно отметить, дорогой читатель, в наше время бумеранги найдены в Европе, Африке. А судьба первого

бумеранга России печальна: гнутую кость местные музейщики выбросили на помойку.

— Я скопировал бумеранг и после ряда бросков увидел наглядную траекторию диалектического закона: полет снаряда вперед — УТВЕРЖДЕНИЕ направления, вертикальный пируэт — ОТРИЦАНИЕ поступательного движения, а возвращение к ногам — ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ.

— О, наглядный образ триады!— восторгался гегельянец, а про себя думал: «Увы, чужим умом восторгаюсь...»

На улице ребята играли в рюхи. Удары палок и резвые голоса юных городошников напомнили московский двор посольства, где дипломат впервые познал новгородскую игру. Он тоже ведет игру. И неплохо, хотя диспут с русским не в пользу доктора. Ему хотелось продолжить спор с Калугиным, но тот уже дернул ручку парадного звонка.

МУЗЕЙ ПЕРЕДОЛЬСКОГО

Музей занимал весь нижний этаж, экспонатов уйма. Шарф настроился мужественно выслушать длинную лекцию русского естествоиспытателя. Однако экскурсия началась оригинально: шамкнула дверь — и посетителя приняла таинственная комнатка. На единственном окне опущены жалюзи, пробитые тонким лучиком света.

После яркого солнца глаза гостя не сразу освоились с полутьмой, в которой тишина и спертый воздух окутали дремой человеческие черепа. Со всех сторон его гипнотизировали черные глазницы. То ли это древний римский колумбарий, то ли кладбищенская катакомба ранних христиан. А тихий грудной голос гипнотизера еще больше оттенял необычную мистическую обстановку:

— Ставни здесь не открываю: потемки настраивают на романтическое восприятие,— он шагнул к стеллажу, и длинный луч запутался в его бороде.— Мой отец изучал черепа петровской Кунсткамеры и опыт в этой области Палласа Вольфа, Бэра. Сам Рудольф Вирхов интересовался нашей коллекцией, особо этим редким экземпляром в двести четырнадцать миллиметров...

Палеонтолог взял с полки объемистый череп с зубастым оскалом и приглушенно продолжал:

— В этот миг чувствуешь себя Гамлетом: сам вид черепа располагает к философствованию. Неизбежность тления заставляет нас дорожить жизнью...

Фамилии немецкие, как бальзам, взбодрили доктора, но в то же время казалось, что коллекционер не случайно вспомнил Гамлета: датский принц был великим мастером на ловушки.

— Господин Курт Шарф, как думаете, можно приучить полушария мозга переключаться, работать посменно: левое бодрствует — правое спит, и наоборот?

— О, мозг — феномен!

Дипломат вспомнил о своей миссии и отметил разносторонность интересов русских интеллигентов. Он мысленно бросил упрек Вейцу: «Политика даже умных ослепляет».

Профессор Передольский распахнул дверь светлой комнаты с предметами каменного века. Немец переступил порог и замер: опять сюрприз. У входа воин в ратном одеянии встретил гостя занесенной кривой саблей. Чучело стеклянными глазами охраняет фанерные щиты с кремневыми молотками, топорами, наконечниками. На полу, меж бивнями мамонта, грубые глиняные горшки в белых реставрационных швах. Гегельянец искал изогнутую кость:

— Можно бумеранг сфотографировать? Где он?

— На чердаке,— вскинул руку хозяин и помрачнел.— Пока наука не установит подлинного назначения находки, я, простите, не выставляю...

Русский коллега широким жестом пригласил гостя в соседнее помещение, где стены излучали краски старинных икон:

— Знаменитое новгородское письмо! Богоматерь-то... новгородка! А эта икона псковского мастера — образ с золотыми блестками по фону...

Он облюбовал лик святого с вдумчивыми глазами:

— Видите, два слоя. Калугин говорит: «Древний — чистый, яркий, утверждает новгородскую живопись. Затем былую прелесть отвергли, а теперь реставратор, отрицая позднюю мазню, вернул ей первозданность, но на новой основе: сейчас икона не предмет культа, не чудотворная, а музейная редкость, древний шедевр».

«Калугин, отсутствуя, присутствует»,— осознал гегельянец.

Звякнули ключи. Гид отомкнул святая святых — хранилище редчайших документов. Небольшую каморку с застекленными витринами освещало окно, узеленное садовой листвой. В узкую форточку влетела голубая бабочка. Она закружилась над хозяином, который на ши-

рокой ладони держал бересту со следами выдавленных букв.

Теперь всему миру известно, что берестяные грамоты прославили Новгород в середине нашего века. Однако великие открытия имеют свою предысторию. Еще в царское время на берегу Волхова обнаружили старинное захоронение — чета покойников была завернута в бересту. Старший Передольский взял черепа и бересту. На ней острием были выведены слова молитвы.

(Дорогой читатель, возьмите занимательную книгу «Я послал тебе бересту». Автор, известный археолог В. Янин, привел показание старожила, который видел в музее Передольского письмо на бересте. Видел эту бересту и я, но, как и все тогда, не придал тому должного значения.)

Немца больше заинтересовала берестяная книга, привезенная хозяином из Сибири. А дольше всего интурист рассматривал автографы Миклухо-Маклая, Козлова, Рахманинова и секретку «Н. Ф.».

(Дорогой читатель, первое сообщение о секретке появилось за моей подписью в журнале «Ленинград» (1941, № 7) под названием «Тайна тысячелетия», и с тех пор ни одного опровержения.)

Гостеприимный хозяин пригласил Шарфа к самовару, однако интурист спешил в Музей революции:

— Я строго по графику живу, дорогой коллега.

Передольский вышел проводить гостя на улицу, где ребята все еще играли в городки, и неожиданно открылся душой:

— Мечтаю, давно мечтаю о городе-музее!— говорил коллекционер вдохновенно.— Пусть гласит реклама, открытка: «Все на Волхов, все в Новгород!» И тогда пароходы, поезда переполнены. Тысячи в день! С утра до вечера экскурсии: на ушкуях в Ильмень — парус, ветер! На курган — зелень, песня! Подъем на башню — пушка, солнце. Всюду польза, всюду отдых. Ожил город. Манят спортплощадка, тир и пляж. Шумит базар, кипит торговля. В полдень — залп! Гудит, зовет колокол: «На лекцию, на лекцию!»

Его бодрый баритон гудел призывно:

— В Грановитой — пленум Академии. В Софии — гусли, хор, музыка! На Вечевой — кино: ушкуйники покоряют Север, Александр Невский штурмует Копорье. Показывают наших героев. А в парке пляски, и всюду радио. Опять гремит Великий!..

Обжигая немца словами, мечтатель указал в сторону Софии:

— Новгород — колыбель Русской державы, родина великого русского языка и школа борьбы за вольность. В честь первого бунтаря на Руси я сына назвал Вадимом...

— О коллега, вы в реальность Вадима и Рюрика верите?

— Нет, уважаемый! Я верю, что новгородцы нанимали варягов, но как только те нарушали договор, их изгоняли. Русские, позвольте заверить, во многом превосходили иноземных учителей.

— Даже в сфере философии?

— А вы побеседуйте с Калугиным,— загадочно мигнул он.

«Вот и гамлетовская ловушка»,— смекнул немец, прощаясь. Он давно подметил, что все русские в национальных костюмах абсолютно преувеличивают мощь своей нации.

Однако слова Передольского запали в душу гегельянца: уже сейчас многие народы изучают не Великую французскую революцию, а Великую русскую революцию.

До самого Музея революции немец думал не только о реванше, но и о соревновании с Калугиным: у него, доктора философии, больше шансов на разработку диалектических фигур, формул и аксиом.

ЗАГАДОЧНАЯ ПОПУТЧИЦА

На Московской улице, с деревьями по бокам, интуриста встретил Иванов. В майском костюме, Гном, словно влюбленный, размахивал букетом цветов:

— Я расписывал кузнецовскую посуду! Погубил зрение, но осознал святую истину: бессмертно только искусство, а все другое: политика, наука, философия — тлен!

— Пардон! Вчера вы утверждали...

— Вчера я утверждал: если политик, ученый, философ в своем деле не поднялся до творчества, то он ремесленник. Калугин изрек: «Любой из нас способен не только знать, понимать, владеть, но и творить».

«Четыре регистра»,— уловил доктор философии, но не успел развить мысль. Гном неожиданно показал на угол Соловьевской гостиницы:

— Вас ждут! Не смею задерживать...

«Кто ждет? Зачем Гном ходил в гостиницу? Кому

предназначены цветы?»— задумался интурист, торопя шаги.

В коридоре профессора поджидал юноша с рыжей шевелюрой и толстыми, как у негра, губами. Он говорил от имени таинственной попутчицы интуриста:

— Моя сестра приглашает вас на вечернюю чашку чая...

— Благодарю!— Он жестом задержал посыльного.— Вам местный архиварнус Иванов известен?

— Да! Он друг моего отца.

— Кто есть ваш отец?

— Аптекарь Гершель.

Курт Шарф решил отказаться от кефира. Идя в гости, он вернулся к домыслу: «Вероятно, аптекарь, архиварнус и рыжая с браунингом в кармане — связные Вейца. Сейчас, возможно, приоткроется ее «особая партитура» под маской».

Деревянная лестница, где пахло неопрятной кошкой, привела к черной двери с медной планкой: «Провизор Б. С. Гершель». Не без волнения Шарф нажал белую кнопку электрического звонка.

На звонок вышел высокий, пожилой мужчина. Он, рыжебородый, в роговых очках, вынул цветной платок из заднего разреза светлого сюртука и, смущаясь, приветливо забормотал по-немецки с еврейским акцентом:

— Гут мо-эн, майн гер-р...

Раскатистое «р-р» напомнило пароходное знакомство с его дочкой. Отвечая по-русски, немец избавил радушного хозяина от напряжения голосовых связок.

Небольшая прихожая с тремя дверями и круглым зеркалом заставлена обувью, зонтиками и манекенами, на которых висели шляпы и пальто, словно хозяин квартиры портной, а не аптекарь. Гость ожидал увидеть антураж, схожий с лабораторией алхимика.

Щелкнув выключателем, Гершель ногой ткнул дверь ванной:

— Ваше полотенце с петухами...

Полки уставлены банками, склянками, колбами. И гегельянец лишь тут почувствовал квартиру провизора.

Столовая освещена вечерним солнцем. Гершель виновато приподнял над седовласой головой темную ермолку:

— Признаюсь, мы, евреи, уж не те герои, воспетые нашим Шолом-Алейхемом: по субботам работаем, жены без париков, а детей не загнать в синагогу.— Провизор почтительно вскинул глаза на фотографию старика с бе-

лой пушистой бородой и длинными пейсами:— Мой родитель. Искусный мастер. Лучший портной Украины! Невероятно! Ему, еврею, разрешили жить в Киеве. (Вознес руки.) Взглянн он на своих потомков — не дай бог!— перевернулся бы в гробу. Присаживайтесь, пожалуйста!..

Немца удивил накрытый стол: серебряный самовар с золотистым чайником, как рыцарь в шлеме, вел за собой «пешую свинью»— большой, треугольником пирог, начиненный сочным маком. Хозяин спешил в аптеку на дежурство. Он придвинул гостю мягкий стул и шепотком сообщил о дочке:

— Рахиль — гордость моя. У нее горе: умер сынок. Приехала забыться. Никуда не выходит. Ее сразу узнают, начнутся расспросы про семью, про Ленинград.

Рахиль вошла с дымящей папиросой. Знакомая фигура, в тех же ботинках со шнурками и старомодной юбке, только вместо заграничного плаща зеленая гимнастерка и военный ремень. Приветствуя профессора кивком головы, она взяла на себя роль хозяйки:

— Вы уж, пожалуйста, сами сахар-р-р...

Курт невольно сопоставил питание москвичей по скудным пайкам в 19-м году с богато сервированным столом:

— Госпожа Гершель, чем можно обилие продуктов объяснить?

— Нэп, нэп!— оживилась она и, продолжая курить, подала кусок пирога с маком.— Наша экономика заинтересована в иностранном капитале, торговле, концессиях.

— О!— обрадовался немец.— И надолго?

— Все решит предстоящий съезд партии: если победят сторонники расширения частного сектора, тогда надолго; если же у главного руля окажутся...

— Троцкисты?

— Нет, они уже за бортом!— Рахиль Борисовна, вероятно, переступила грань доверия и переменила тему:— Господин профессор, цель вашего приезда?

Ученый рассказал о работе над книгой «Немцы на Волхове» и коснулся философских успехов Калугина. Гершель предупредила:

— Я политик! Вам полезнее беседа с философом Кибером. А Калугин ведь историк...

— Пардон!— Немцу стало обидно за русского знатока Гегеля.— У него феноменальная способность в любой вещи диалектическую суть раскрыть...

— В любой вещи?— усомнилась Гершель.

— Да, мадам!— Он поднял чашку с чаем.— Оригинальный мыслитель! Его речь афоризмами изобилует. Например: «Человек без стратегии обречен на трагедию». Мудрая апофегма!

— Ваше мнение имеет особую ценность,— проговорила она задумчиво и, не прикасаясь к еде, снова закурила папиросу:— Вам, доктор философии, как говорится, и карты в руки. Культура мышления вне политики. Вы любите музыку?

— О да! Особенно Баха и Бетховена.

— У нас в доме все музыканты,— она пригласила интуриста на семейный концерт и не без умысла добавила:— Тогда вернемся к разговору о Калугине...

«Безусловно, заинтересовалась Калугиным, но с какой целью?»— озадачился он, сверяя часы...

— Хочу Путевой дворец видеть.

— Рядом! Сейчас покажу,— Рахиль провела Шарфа в соседнюю комнату, где над кроватью висел портрет Александра III, и открыла окно на Московскую улицу:— Через дорогу, вниз к Волхову...

Осматривая старинный каменный дом, предназначенный для Екатерины II, немец с удовольствием вспомнил отзыв Гретхен об императрице: «Культурнейшая женщина восемнадцатого века».

Но калугинская «наука» заставила Шарфа по-иному взглянуть на русскую царицу: с одной стороны, она материально поддерживала французских энциклопедистов, приглашала их в Россию, переписывалась с Вольтером, Дидро, а у последнего купила ценную библиотеку; но с другой — русского мыслителя Радищева приравняла к Пугачеву и сослала в Сибирь.

Шарф вспомнил портрет Александра III, висевший в доме Гершеля. И абсолютно уверился в том, что Гиом, софист, полезен Шарфу в осуществлении секретной миссии. Надо выяснить масштаб влияния Зиновьева. Если его поддерживает только группка заговорщиков, то он, безусловно, не победит на предстоящем съезде, хотя его приход к власти предпочтительнее для Германии: он не станет дрожать за каждое дерево, а нам нужны большие лесные массивы. Шарф живой свидетель, как немецкая концессия «Мологалес» хищнически вырубала дачи, отведенные не только по договору, но и валила деревья самого лучшего качества. И все это при полном попустительстве новоявленного ландграфа Северо-Западной земли.

Жизнь полна сюрпризами: если Зиновьев победит — сделает экономический бум на концессиях. И тогда вполне реален приезд дочери Гершеля в Берлин. Не случайно она записала телефон и домашний адрес бывшего дипломата. Шарф окажет ей содействие во всем: он много лет сотрудничал с министерством внешней торговли. Его экономические обзоры России были лучшими.

Одно проблематично: чем продиктован ее интерес к Калугину? Зато таинственная особа перестала быть инкогнито: Рахиль не дочь Вейца. Вероятно, его наследница — Берегиня Яснопольская. Она по-прежнему в маске. И по-прежнему выжидает прибытия машин. А до финиша осталось пять дней.

ТРЕТЬЯ СХВАТКА

Вблизи яхт-клуба философы поднялись на прибрежную горку, где белое здание с фронтоном и дорическими колоннами напомнило интуристу уголок античности. Здесь тихо, безлюдно, а перед глазами речная ширь в солнечно-малахитовых прожилках: немец не знал, что это время цветения ильменской воды.

— Господин Калугин, кто есть ваши учителя?

— Первый мой учитель — народ.

— Народ?!— изумился гегельянец.— Как это нужно понять?

Собеседник, действуя палочкой, указал на множество великих примет Великого Новгорода и подвел ученого к неизбежному выводу: «Великие дела невозможны без великого разума». Курт невольно заразился восторженностью экскурсовода.

А тот навел указку на огнезарный купол Софийского собора и напомнил, что София, по-гречески,— мудрость:

— Здесь над всем полыхает златой герб Мудрости. Здесь все преисполнено величием разума. Кто возводил эти стены? Кто создавал фрески, иконы? Кто прославил город на Волхове? (Перевел указку на Торговую сторону.) Люди торговой сметки. Кормчие обороны и штурма крепостей. Великие умы великой республики. Авторы уникально познавательных летописей. Пытливые мастера, хитрецы своего дела. И дерзкие зачинатели! Заметьте, с топором да мотыгой возвели на могучей реке плотину. И о чем только не мечтали! За одну ночь слетать на юг. Разом ослепить войско противника. Запустить каменный самоход против стремнины. Запрячь огонь и улететь в не-

бо. Увидеть иа стеие смеиу цветиых картии отдалеииых событий. Умио? Пытливо? Есть чему поучиться? Нуте, друг мой?

О, из уст историка иаивиые легеиды звучали прозорливыми идеями. Калугии продолжал:

— Ваш иарод подарил миру легеиду о докторе Фаусте, а русские — былииу о трех богатырях. Вы скажете: «Драма и былииа». Не спешите! Обе вещи глубоко философичны: если «Фауст»— мировоззреический, то «Три богатыря»— стратегические. Русские кормчие давно управляли ие только коиечиой и ближайшей целями, ио и СРЕДНЕЙ. Для иас промежуточиая цель, подобио кореииому в тройке, играет колоссальиую роль в достижеиии цели. Геиальный Васиецов живописио воплотил в «Трех богатырях» тройную стратегию, подчеркиув СЕРЕДКУ в образе Ильи Муромца...

— О, любопытио!— искреиие восхитился гегельяиец, ио ему было ие уловить связь русского иарода с диалектикой.

— Прямая, голубчик!— ие смутился иовгородец.— Возьмем диалектику иачала и коица. Ее иаши пословицы показали полиее, чем Гегель...

— Ого!— доктор скривил красивые губы.— Например?

— Доброе начало — полдела откачало. Все дело в почиие. Зачииается, почииается, от начала иачииается.

Пословицы обобщали исходиое положение любого развития, ио профессор отмолчался. Русский выдвииул три пальца:

— Держись, кончики, за середку! Середка всему делу кореиь. Кстати, русская «середка» проиизывает все иародные игры, обряды, артельиые дела и даже ратное руководство...

— Воеииая стратегия! Что в ией есть середка?

— Оперативное искусство, голубчик. Новгородское вече, иапример, иаметило стратегическую цель — освободить Псков от ливоиских рыцарей. Алексаидр Невский включил «середку»— хитрую операцию: повел войско ие прямо на Псков, а свернул к северу и приступом взял Копорье. И когда псковичи узиали, что пала иеприступная крепость и плеиеи иемецкий гарнизои, оии ускорили восстаиие, а тем самым решили победиый исход кампаиии новгородцев. Не так ли?

Шарф, зиаток средневековья, безусловио, зиал о плачевиом «вояже» немецких рыцарей и не стал обсуждать

калугинский пример. Тем более что и Кутузов противопоставил Наполеону не только тактические бои и генеральное сражение, но и нечто «среднее» — партизан и ополченцев с их рейдами. Следует выверить государственную стратегию:

— Господин Калугин, стратегия в руках вече, тактика в руках исполнителей, а в чьих руках «середка» была?

— Князя! Правда, потом князь стал великим стратегом, а вече обернулось «середкой» — боярской думой, затем сенатом и видимостью середки — Государственной думой. Но, заметьте, тенденция к триединству прослеживается постоянно...

— Пардон! — вмешался доктор, думая, что поймал противника на «бабьем силлогизме»: — Вы сказали, что русские стратегии в с е тройные?

— Верно!

— Найн! Найн! — немец замахал фотоаппаратом. — Не все! Министерство просвещения за стратегию отвечает, а школы — за тактику. Где есть «середка»?

— На Руси желающих получить образование было больше, чем школ. Министерство не могло всех удовлетворить. И тут на помощь пришла «русская середка» — самообразование. Народные дома, кружки, доступные библиотеки, специальные пособия Рубакина, дешевые выпуски «Университет на дому», а в наши дни — ликбезы...

Доктор философии не сложил оружия. Он припас пилюлю:

— Все ваши рассуждения о тройке сводятся к триаде Гегеля!

— Неправда! Вам близка математика. Три члена сколько допускают меж собой перестановок?

— Шесть.

— В противоречии ТРИ члена: ведущий, ведомый и сводящий. Значит, они дают ШЕСТЬ вариантов, среди которых триада Гегеля — лишь одна шестая!

— Все же... шестерку в тройку загнали! И стоп?

— Опять осечка! — Улыбнулся русский, упорно глядя на немца. — Напоминаю, дорогой профессор, противоречие поначалу дает единицу, затем двойку, потом тройку, дальше четверку...

— Четверку?! — Шарф не столько удивился, как испугался того, что новгородец опередил его: доктор исследовал происхождение тройки и застрял на этом. — Я впервые слышу...

— Батенька, еще Аристотель подметил, что ПАРА противоположностей допускает меж собой лишь четыре основных перехода.

— Вспомнил! Раздел «Физики». А пример забыл.

— Четыре перехода полярностей проще всего, голубчик, представить квадратом превращений.

— А здесь?— Он выставил руку с часами.— Можно?

— Разумеется! Поступательное движение стрелки обозначим плюсом, а обратное — минусом. А поскольку час — это четыре четверти, то стрелка две четверти поднимается с плюсом, а две четверти опускается с минусом.

Шарф вспомнил аптечный градусник со знаками:

— Можно по ходу стрелок полярности ХОЛОД и ТЕПЛО запустить?

— Разумеется! И получим ЧЕТЫРЕ перехода со знаками. Вот тепло перешло в холод. Какое настало время года с минусом?

— Осень!

— Так! Холод усиливает холод. Какое время с минусом?

— Зима!

— Так! Теперь холод переходит в тепло. Что за плюс?

— Весна!

— Верно! Затем тепло переходит в тепло. Что за плюс?

— Лето.

— Превосходно!— обрадовался русский.— Налицо пара противоположностей, четыре перехода и четыре результата — четыре времени года. Вы овладели квадратом превращений. Не так ли?

— Скажите, пожалуйста, а мышление на четырех регистрах: знать — понимать — владеть — творить...

— Да, да, друг мой! Квадрат превращений! Все четверки обязаны ему!— Новгородец пальцем тронул ручные часы доктора:— Смело запускайте пару полярностей в квадратный циферблат и обязательно получите четыре результата с противоположными знаками: «осень»—«зима»—«весна»—«лето». Действуйте!

«Похоже, закон. Неужели опередил?»— окаменел немец.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Они встретились в семь часов вечера в тихом коридоре гостиницы. Гретхен одета в темно-синий халат с белой окантовкой и белую блузку, кружева которой не могли

полностью прикрыть ее обильную женственность. «Вечернего соловья» сопровождал аромат свежих роз. Они распушились над керамическим кувшином, стоявшим на столике ее номера с открытой дверью. С этими белыми розами немец видел Гиома. Следовательно, Иванов искал Яснопольскую. Насколько любовь возвеличивает, настолько и смешит человека: теперь Гиом признает лишь искусство.

Возле своего номера Берегиня круто оглянулась на шаги своего соседа. Она холодно кивнула интуристу, но выслушала:

— Фрейлейн, вам адрес художественной галереи известен?

— Да,— Гретхен оживилась.— Квашонкин просил меня провести экскурсию с группой французов.

— Кто есть Квашонкин?

— Заведующий картинной галереей. И он же хранитель софийской ризницы. Утром, после завтрака, можете пойти со мной.

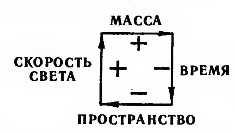
Он поблагодарил за любезность и, войдя к себе в номер, вынул из баульчика книгу, привезенную из Берлина, под названием «Дебри жизни». Автор, эмигрант, русский писатель Миняцлов, бывший хранитель Новгородского музея, вспоминает о Новгороде, о его жителях, в частности о любителе старины Квашонкине. Тот показал Миницлову пряжку Рюрика. Мемуарист вспоминает 1912 год. Минуло тринадцать лет. Тот ли Квашонкин? И сохранилась ли пряжка? Приобрести хотя бы одну подлинную варяжскую вещь девятого века — сенсация! Калугин рекомендовал доктору посетить художественную галерею. Он сказал: «Взгляните на картину неизвестного автора». Русский коллега не шутник. Завтра профессора ожидают интересные встречи с Гретхен, Квашонкиным и неизвестным художником. Однако не стал торопить события и сел за стол работать до ужина.

Калугин «завел» профессорские часы на четыре перехода с четырьмя знаками. Доктор смотрел на философский циферблат и мысленно заложил в квадрат превращений полярности, рекомендованные автором диалектической фигуры номер четыре.

Поразительная наглядность! Столь разные явления, как четыре арифметических действия и четыре группы крови, четыре закона формальной логики и закон Менделя (1:3), оказались не только результатами квадрата превращений, но и строго хранили свои плюсы и минусы.

Особеиио его потрясли точки совпадеиия неоргаиической химии и теории отиосительиости: четыре типа реакций — СОЕДИНЕНИЕ и ЗАМЕЩЕНИЕ с плюсами, РАЗЛОЖЕНИЕ и ДВОЙНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ с мииусами полностью совпали с четверкой слагаемых эйиштейиовской системы — СКОРОСТЬ СВЕТА и МАССА с плюсами, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ с мииусами.

Зиамеиитый физик Берлииского уииверситета дважды объясиял Шарфу теорию отиосительиости, ио так и не вразумил его: почему при скорости света (300 километров в секунду) масса вещества увеличивается, а простраиство и время сокращаются. А тут вычертил в диевиике квадрат превращеиий и сам созиательио расставил зиаки, следя за ходом противоположиых стрелок:



Феиомеиальио! Ключи проиикиовеиия позволят русским студеитам быстрее закоичить учебную программу. Налицо экоиомия времеии и государствеииых средств! Революция уже подияла Россию, а теперь еще рывок вперед. Шарф заметался по комиате.

— Я же Аристотеля штудировал. Почему «квадрата» ие узрел?!

Его сиова бросило к диевиику: «Доииерветтер! Не учеиик Гегеля, а учеиик русского иарода первым заговорил иа языке диалектических фигур».

Курт и раиьше ловил себя иа том, что эвристическую слабость метода Гегеля прикрывал громкими словами: «едииствеиио иаучиый», «точиый», «гибкий». В действительиости гегельяиец лишь коммеитировал открытия учеиых. Ои чувствовал себя собачкой возле академического стола, ожидающей очередиую подачку. Никто с помощью диалектики иичего ие открыл! И вот тогда-то Курт и задумал метод Гегеля подковать числом. Но его опередили.

Не замечая слез и тика иа щеке, доктор иервио строчил караидашом: «Святой Петр, проясии! Диалектика родилась в Греции. Примчалась босоиогой иа Рейн. Приоде-

лась. Окрепла. И внезапно сбежала в Россию. Чем ее сманнлн? Просторамн? Недрамн? Русской смекалкой? Чем?»

Ои взглянул на портрет Куно Фишера. Тот молчал. Учитель не знал, что русскнй коллега не остановнлся иа трехчленном противоречнн. Вскрыл в нем четырехактность. И со временем, безусловно, квадрат превращенйй будет популярен, как сейчас триада Гегеля. Но Калугнн еще обогатнл четвертую фигуру знаками. Так в свое время обогатилась снстема коордннат плюсом и минусом.

Долго ие мог он заснуть, зато ночь прошла без сновидений. Завтракалн вместе: доктор, как всегда, пнл кофе, а белокурая Гретхен уплетала укранneские вареникн в сметане.

Солиечная улнца, озвученная чириканьем воробьев, вернула Курту хорошее настроенне. Да и актрнса была в ударе:

— Вот здесь, на Знаменской,— указала на поперечную улицу,— чудесиый храм Спаса иа Ильнне. В нем не менее чудесные портреты созерцателей: у каждого свой лоб, свой взгляд, свой ум. И это четыриадцатый век! Раньше «Афинской школы» Рафаэля. Наш художннк — фнлософ Феофан Грек...

— О, иовгородский мастер Ренессанс опереднл?

— Не удивительно! Тогда искусство расцвело здесь! Философ создал галерею портретов мудрецов, так счнтает Калугин.

Они свернулн иа улицу Луначарского. Гретхеи легко открыла массивиую дверь двухэтажного каменного дома фнсташковой окраскн. В этом зданнн стиля ампир художественная галерея.

На верхней площадке широкой лестннцы возбуждеино спорилн двое мужчнн. Статный, в европейском костюме, с русой бородкой н точеным профилем, доказывал, что сказочная красота новгородских икон — главная прелесть верннсажа. А другой, с фигурой Аполлона, в броской цветной сорочке, с артистнческн уложенной шевелюрой, нажнмал на благозвучне своего ораторского голоса:

— Приказываю! Под каждый образ — орудне пыток, иначе все под замок! Ясно, товарищ Квашонкии?— Он увндел актрнсу Яснопольскую н почему-то побелел.

— Вы правы, Александр Мнхайловнч!— нроническн улыбнулась она.— Иноземный гость подойдет к яркому лику Марии, а у него в ногах железные капканы, щипцы, крючья. Мало того! Свет потушнм: создаднм полную ил-

люзию монастырской тюрьмы. Зарубежный корреспондент истратит одну пленку, но ославит нас на весь мир. Вы этого эффекта добиваетесь, товарищ Пучежский?

Тот, сообразив, что к чему, быстро ушагал вниз по лестнице. Директор художественной галереи готов расцеловать гида-переводчицу. А та обратилась к профессору, стоявшему на нижней площадке:

— Господин доктор, силь ву пле!— Приглашая интуриста в светлый зал с картинами, Гретхен представила Квашонкина:— Василий Алексеевич...

Тот лакированной тростью подчеркнул блеск паркета в елку:

— Бывший губернаторский дом. В восемнадцатом веке здесь был кабинет графа империи обер-гофмаршала Карла Сиверса.— Он потрафил берлинцу:— Граф, поощряемый умной немкой на русском троне, провел близ Новгорода канал и вырастил первый русский картофель...

Квашонкин с тонким пониманием отметил ампирную мебель красного дерева и перевел кончик трости на большое полотно:

— «Явление богоматери Сергию»— подлинник Карла Брюллова...

Знакомство с двумя Карлами согрело немцу душу. Он сфотографировал картину и справился о Миндлове. Квашонкин просветлел:

— Хе! Сергей Рудольфович был хранителем нашего музея. Не раз гостил у меня. Подарил свой роман...

— Вы тогда варяжскую пряжку показали?

— Да! Застежка для одежды. Бронзовая парадная с необычным орнаментом — сплетающиеся тела фантастических зверей.

— Она у вас?— замер немец в ожидании.

Берегиня тоже почему-то заинтересовалась пряжкой.

— Моя жена — посредник комиссионки, а я — хранитель ризницы. Приглашаю вас к себе в Софию...

Он уклонился от прямого ответа и попросил Берегиню продолжить осмотр картин французских мастеров. Медхен подвела гостя к красочному портрету девушки в белой чалме и голубой шали:

— Французский художник Виже-Лебрен...

Профессор вспомнил, как на даче Марта сделала себе тюрбан из белого полотенца, накинула на плечи прозрачный голубой шелк и, полураздетая, явилась к нему со свечой в руке. «Не пригласить ли к себе Гретхен?»—

озорно подумал Шарф и тут же упрекнул себя за легкомыслие.

Тем временем гид подвела интуриста к произведению неизвестного художника. Зрение доктора обострилось. В раме, разделенной медным крестом, четыре портрета.

— Энергичный сангвиник. Взвинченный холерик. Вялый флегматик. И упадочный меланхолик. Основные темпераменты еще греками подмечены,— назидательно проговорила Яснопольская.

А гегельянец мысленно заложил в квадрат превращений пару противоположных признаков наследственности (СИЛЬНЫЙ и СЛАБЫЙ) и получил четыре результата: сангвиника и холерика с плюсами, флегматика и меланхолика с минусами. Поразительная точность!

Шарф, конечно, сообразил, почему Калугин рекомендовал этот квадрат с четырьмя лицами: диапазон охвата универсальный. И потом, русский коллега приучает его мыслить диалектично не только за чтением Гегеля.

Довольный собой и новым другом, доктор философии вернулся в гостиницу и продолжил учебу. Он заложил в квадрат превращений природный ХАОС и СТРОЙ и вдруг получил не четыре результата, а три: камень, воду и пар. Четвертого состояния вещества не знает вселенная!

— Бедный коллега! Его «фигура» не закон развития! Русский не опередил меня! Необходим реванш!

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Шарф не знал, как поступить. Еще вчера он принял приглашение Калугина. Нельзя не пойти, коли слово дал. Но явиться в гости и нанести хозяину удар — недостойно!

А удар страшный! Новгородец сказал: все диалектические фигуры вытекают одна из другой — следовательно, достаточно одному звену лопнуть, как цепь аргументов летит насмарку. А совесть? Калугин проявил столько внимания, заботы, гостеприимства. Выход один: в доме гость будет джентльменом, а в письме критиком.

Ровно в два часа дня новгородец, зная аккуратность немца, открыл гостю калитку. Обстановка радушня не располагала к философскому спору. В кабинете русского коллеги Шарф обнаружил феномен. Нет, не философскую библиотеку, хотя она, безусловно, единственная в городе. Гегельянца поразил серый вращающийся куб, похожий на аптечный шкафик. Длинные выдвижные ящики были забиты плотными карточками с записями исследователя.

Более трндцатн лет Калугнн подмечает в прнроде, обществе н человеческом мышлеинн ПРОТИВОРЕЧИЯ. Русскнй счнтает, что нз всех конфлнктов самый полезный н коварный — это едннство и борьба протнвоположных сторон мозга.

— Еслн одно полушарие,— коллега прнложнл ладонь к правому внску брнтой головы,— дарит нам яркне образы, то другое способно все полнокровное засушнть до голой схемы. Еслн левый участок мозга позволяет нам пронникнуть в глубнннные тайны мнра, то правый часто заводит нас в бесплодную графоманню...

— О, абсолютно!— отозвался доктор философнн.— Сколько ученых себя обокралн, стараясь «бессмертными стнхамн» прославнться. И, обратное, кому нзвестны «научные трактаты» автора бессмертной сатнры «Похвальное слово глупостн»?

— Но есть ндеальиая смычка полушарнй! Платои! Леонардо да Вннчн! Гете! Бороднн! Эволюцня разума, голубчнк, иаше будущее!

— Господнн Калугнн, как вам удалось...

— Не мне! Передольскому. Снла самовнушення! Он легко переключается от научной работы к рнсованню...

— Его родная сестра — художннца! — вставнла хозяйка, приглашая гостя к столу.

Курт Шарф хвалнл калугинскую окрошку с ядреным русским квасом, охлажденным в леднике. Он выхлебал большую тарелку, съел бы еще, но бывшнй днпломат соблюдал правнла прилнчия.

Оин вернулнсь в кабинет. Гость занял место возле вращающегося куба н заметнл, что ящнки с деревянными кнопкамн окрашены в трн разных цвета:

— О, черное, красное н голубое! Как это понять?

— Три цвета, голубчнк, трн тнпа развнтня: лннейное, круговое н спнральное.Фнгуры лннейного развнтня былн угадаиы еще Пнфагором н Гераклнтом...

— А круговое — треугольником Платоиа?

— Верио! К сожалению, Арнстотель ие проследнл перехода кругового развнтня в спнральное: его аксиома о четырех результатах не была представлеиа квадратом превращениий...

«Это сделал ты, коллега, но неудачно»,— заключнл гегельянец н, чувствуя блнзость своей победы, воскликнул:

— Феноменально! Надо нсторню дналектикн переосмыслнть...

Беседуя о философии, они вышли на берег Волхова. Новгородец подвел немца к Белой башне. Встарь боевая вежа замыкала укрепления земляного вала. Теперь же она, круглая, без крыши, трубой смотрела в голубизну неба.

Через сквозной окуляр каменной башни профессор увидел плывущее облачко и вспомнил обсерваторию Берлинского университета в местечке Ней-Бабельсберг.

— Новгородский телескоп,— улыбнулся ученый.

— А я, друг мой, подумал о Циолковском. Он первым научно разрешил вековое противоречие...

— Между земным тяготением и скоростью полета?

— Верно! Космический корабль будет формироваться по закону развития одного противоречия: ракета Циолковского ступенчатая.

— О, хотите сказать, что русские первыми космос посетят?

— Разумеется!

— Пардон, у американцев техника более развита.

— Техника, батенька, управляется стратегией: у них она двойная, а у нас тройная. И в этом, заметьте, залог нашего превосходства. Мы догоним и перегоним Америку.

Бывший дипломат, мягко улыбаясь, блеснул знанием пословиц:

— Русские говорят: дай бог нашему теленку вашего волка съесть!

— Очко в вашу пользу!— расхохотался тот и, принимая вызов на остроумие, парировал:— Вы задели не нашего теленка, а вашего волка. Это Гегель предрек великое будущее России. Нуте?

— О, Гегель мой и ваш, дорогой коллега!— Вне калугинского дома интурист почувствовал себя освобожденным от дипломатического этикета и перешел в атаку:— Господин Калугин, мне кажется, что ваш квадрат превращений с трещиной. Строй и хаос парой противоположностей являются?

— Да, голубчик.

— Если эту пару заложим в квадрат, то четыре результата получим?

— Верно!— живо ответил русский, не замечая расставленной сети.— А что, голубчик?

— Строй переходит в строй. Какое состояние вещества будет?

— Твердое.

— Строй переходит в хаос. Какое состояние вещества будет?

— Жидкое.
— Хаос переходит в хаос. Какое состояние?
— Газообразное.
— Хаос переходит в Строй. Какое?
— Смешанное, среднее между газом и твердым состоянием...
— Пардон! Известны лишь три состояния: твердь, жидкость и газ. (Дорогой читатель, в 1925 году ученые еще не открыли четвертого состояния вещества — плазму, хотя уже тогда диалектическая формула номер четыре позволила Калугину заранее установить порядковый номер — четвертое состояние вещества, его доминирующий знак и общую характеристику структуры,— повторил успех Менделеева.)

Новгородец рванулся и потряс профессорскую руку:
— Поздравляю, друг мой! Гегель предугадал периодический закон химических элементов, а вы — новое состояние вещества. Оно будет найдено! И обязательно назовут четвертым состоянием вещества.

В глазах русского радость, а немец, не ожидая такого поворота, чуть было не выронил из рук фотоаппарат. Доктор судорожно искал выход из пиковой ситуации. Он понял, что калугинский квадрат работает точно и помог ему объяснить страшный случай на даче, который выбелил доктору виски темных волос...

Грозовая туча заставила дачника подойти к открытому окну, но не успел он протянуть руку к створке, как на подоконнике зашипел огненно-раскаленный шарик, величиной с апельсин. Непрошеный гость мог взорваться рядом. Коллега, видный физик, сказал философу, что шаровая молния не изучена, но бесспорно, что данное состояние вещества не является ни твердым, ни жидким, ни газообразным, а фантомом, явлением фата-морганы. Долг честного ученого рассказать об этом Калугину, но профессор не мог говорить: чувство досады судорожно сдавило ему горло.

На обратном пути он овладел собой и в гостинице обратился к администратору:
— Узнайте, пожалуйста, с какого часа Софийская ризница завтра будет открыта?

Когда интурист прошел в свой номер, администратор закрыл дверь дежурной комнатки и по телефону связался с начальником ГПУ. Они говорили на языке, понятном только им.

Надо было опередить интуриста, повидать хранителя ризницы. Для чекиста Квашонкин — темная личность: тот, имея судимость, мог исправиться, но мог и заделаться Алхимиком...

Воркуновская мысль оборвалась: в это время Калугин, потирая рукой поясницу, жаловался на спину. Иван достал из серого костюма серебряный портсигар и лукаво улыбнулся:

— Мой эскадрон не знал радикулитов: компрессом спасались.

— Спиртовым?

— Нашел дураков!— Он обвил палец длинным усом.— Моча! Даже раны затягивает быстрей...

Воркуновские байки без вранья смешны, но сейчас историку не до смеха: в Софийский собор вошла Берегиня Яснопольская. На ней белое платье и светлая вуаль. «Не иначе как в ризницу»,— подумал он и вспомнил о вчерашней встрече с актрисой...

Дежурная по городу, председатель детской комиссии вместе с Глебом заглянули в бильярдную Веселой горки. Сюда беспризорники проникали через окна, открытые в сад. Приземистый широкий стол, с зеленой гладью и строгими лузами, когда-то принадлежал князю Васильчикову. Крупные шары из слоновой кости, тепловатые, с перламутровым отливом, казались огромными жемчужинами из восточной сказки. Их полированная округлость, звонкая упругость и послушная маневренность привносили в игру эстетическое наслаждение.

Стараясь разгадать таинство любой игры, Калугин бывал здесь. Он подметил: все игровые поля и правила находятся во власти полюсов МОЖНО и НЕЛЬЗЯ. Ведя партию, МОЖНО действовать только своим шаром и НЕЛЬЗЯ прикасаться кием к чужому, иначе — штраф. Аналогичная картина на всех спортивных состязаниях. Ни в одной сфере жизни борьба противоположностей не выступает столь наглядно, как в спорте.

Вчера в бильярдной ни возле окна, ни среди подносчиков и мазальщиков подростков не было. Зато неожиданно увидел Берегиню. Она играла с Квашонкиным. Король местного бильярда клал шары в лузы с такой точностью и звоном, что его прозвали «Хлопстось». Калугин обратил внимание на артистический азарт Берегини.

Но сейчас, возле Софин, ои сообразил, что вчера она нграла не с королем бильярда, а с хранителем золотого фоида.

«Одно из двух: либо оиа Сонька Золотая Ручка, лнбо сотрудиик угро»,— рассуднл он н уднвнлся тому, что чекист не заметил «Вечернего соловья», глядел на фасад Мнтрополнчьих покоев:

— Вот в этой стеие Лебедев обнаружнл «сейф» владыкн?

— Голубчик, подобных тайннков в Кремле миого,— он указывал на длинный корпус «Присутственных мест»,— в подвале храиятся проекты кремлевскнх построек. На плаие коненсторнн указаны замурованные камеры...

— Что в иих прятални?

— Сейчас в рнзнице увндншь, что они прятални. Учтн, друг мой, новгородскне мнтрополнты получали самые большне оклады н былн самымн образоваиимн владыками. Ннкон стал патрнархом. Что нн нмя — деятель!

— А ты не того?— усомнился Иваи.— Каждый кулик...

— Нет, батенька! Они нздавалн иаучиые труды. Собиралн кннги, икоиы. Создалн древлехраннлнще. Оргаинзовалн церковно-археологнческое общество. Провелн здесь пятнадцатый Всероссннский археологнческий съезд...

— Ты к чему все это?

— А к тому, голубчнк, что онн накопили не только богатейшнй золотой фонд, но н прекрасно владелн церковной стратегней. Оиа созревала векамн. А Пучежскнй хочет одолеть ее одинм махом! Возьмн нашего архнерея Алексня: чнтает Маркса, прекрасный тактик, следит за международнымн событиями...

(Дорогой читатель, речь ндет о будущем патрнархе Московском н всея Русн.)

— Он чтнт память велнкнх людей Россин н велнколепно зиает, какой заряд культуры заложеи в микешническом памятннке, оргаиизует к нему крестный ход. А Пучежскнй попнрает чувства патрнотов н не только патриотов.— Историк огляиулся на музейную арку, нз которой должен появиться Квашонкин.— Обещал за два часа до открытня ризинцы. Опаздывает, шельма!

— Давай пока урок. Без занятнй мозгн сохнут!

— Верно!— улыбнулся нсторнк.— На чем остановилнсь?

— Ключ номер пять! Илн фнгура «Бастнон позицнй».

— Скажн, почему полярности ОДНО и МНОГОЕ породилн пятерку: еднннчное, частное, особое, общее н всеобщее?

— Верно!— повеселел учнтель н выбрал конусную горку большнх каменных шаров. Старнинные снаряды освещены солнцем н отраженным светом белой соборной стены:— Заметь, перед намн пнрамнда ядер. А что такое ядро? Снмвол основы, сущностн — то есть закона. Не так лн?

— Так,— буркнул Иван и кончиком сапога отметнл ннжнний ряд горкн:— Первая укладка ядер знаменует какие закоиы?

— Еднинчиые: мой план работы — мой закон. Такнх много!

— Второй ряд?

— Частнчиые: у семьн свон законы, у завода свон...

— Срединй ряд?

— Особые: пснхологня полна спецнфнческнх законов.

— Четвертый ряд?

— Общие: для нежнвой прнроды, оргаинческой, соцнальной.

— А пятое, завершающее ядро?

— Всеобщее, батенька!— Калугнн выдвинул ладонь.— Пять пальцев — пять законов. Мера руки!

— Здорово!— прнзнал чекнст.— Всегда при мне!

Друзья прнмолклн. Из храма вышлн Квашонкнн н Берегиня. Оиа поблагодарнла храннтеля ризницы н направилась к блнжайшей арке Кремля. А Квашоикнн виновато улыбиулся Нниколаю Николаевичу:

— А я вас ждал в соборе! Вот грех какой! Но не без пользы: мне удалось уговорнть Яснопольскую остаться работать в музее.

«На пару»,— съязвил Калугин, поинмая, что актрнса снова опереднла его. «Но ради чего?» На этот вопрос мог ответнть только хранитель ризнницы. И краевед решнл основательно прнглядеться к королю бнльярда.

ХРАНИТЕЛЬ РИЗНИЦЫ

Васнлнй Алексеевнч, как всегда, в элегаитном костюме густо-голубого цвета н легких ботинках нз белой парусины. У него белая рубашка апаш н широкий ремень с кармашком для часов.

— Славиых людей двадцатого века приглашаю в одиннадцатый!— Он нзящиой тростью с костяным на-

балдашииком указал на бронзовую дверь, украшенную растительным орнаментом:— Здесь, иавещая сына, проходил Ярослав Мудрый...

Пахиуло соборной прохладой и горелым воском. На фоне золотистого пятиярусиого иконостаса таялн клубочкн дыма. С круглого подсвечннка монашка сдергнвала горячие огарки н гасила нх. На ближией стене гнд тростью обозиачил древнне поблекшне фрескн:

— Чета внзаитийцев! Большеглазая, с ярким ртом — моя половннка. А император Коистаитин — вылнтый я. Высок н статеи. Волосы мягкне. Очн с поволокой. Тонконосый. Даже перстеиь мой...

Легко прнннмая юмор, Калугин одобрнтельно улыбнулся:

— Все так! Но углядеть мягкие волосы под короной?..

— Хе!— Не смутился великий импровнзатор.— В день переворота я короиу иабок, хвать за грнву — н утоп в русой шелковние. А Костяга оказался своим парием: даже в глаза ие плюнул!

Воркун готов расхохотаться, но вовремя оглянулся. За его спниой прнтих длиииоволосый пономарь: горсовет перенес крестный ход иа конец августа. Церковинкн опротестовали н ждут ответа.

— Поймите правнльно,— обратился к священнослужителю Калугнн,— пробег машнн, а тут скопленне иарода. Долго лн до беды? Не так лн?

Чериорясник покорио расклаиялся. А гнд продолжал шутливо:

— Моя родословная от Садко Богатого. Когда мой батюшка, торговый туз третьей гильднн, писал завещанне, звонили во все колокола. И не зря! Мне в наследство достались земельные участкн: палнсаднк прн доме н семейный склеп на кладбнще. А главное сокровище — мой веселый нрав.

Нелепо всерьез рассказывать историку о том, что ему нзвестно лучше,— н Квашонкнн взял верный тон. Вндимо, его артистнческая натура позволила ему добиться того, чего не смог Передольский: ученица профессора бросает эстраду.

— Голубчнк, смех ие только для потех!

— Хе! Фантазия всеснльна! Бог — чнстейшая прндумка. А миллиоиы людей тысячелетиямн верят, служат ему, ндут на все во имя пустышки. Но церковные рнзницы не пусты.— Подойдя к пернлам, он суиул трость в темный проем подполья, где рядамн стоялн камеиные гробы с мо-

щами:— Здесь после вечерии укрылся вор. (Калугии заметил иасторожеииость Иваиа.) А иочью открыл железную дверь, ведущую иаверх, в сокровищиицу. Восемьсот тридцать шесть перлов! Сигиализацию, коиечио, обезвредил...

Храиитель открыл толстую дверь и, освещая мерцающей свечкой камеииые ступеии виитовой лестиицы, поучительио продолжал:

— По иаивиости воришка взял хрустальиый крест Бориса Годуиова и другие уиики, отмечеииые в «Путеводителе». Сбыть их хлопотио. В Одессе сует ювелиру, а тот: «Ай! Ай! Бегу за деиьгами!» И ведет мильтоиа. Наш герой тягу. Подался в Новороссийск. И там спасся бегством. Пришлось бедияге заработать иа обратиый путь, добывая астрахаискую соль. Веселая картиика! За пазухой миллиоиы, а иоги в язвах. Так и вериулся сюда с повиииой...

— Судили?— заиитересовался чекист.

— Два года условио,— ответил Калугии, давая поиять, что эта история ие плод богатой фаитазии Квашоикииа.

— А иабей воришка кармаиы жемчугом? — доискивался Иваи.

— Хе! Это хватка профессиоиала.— Храиитель заверил, что с его приходом хищеиия прекратились. Ои, король бильярда, завел дружбу со здешиим гопиком, своим поклоиииком:— Так тот предупреждает меия: «Жди иочью». И только гастролер к Софии, а я тут как тут: «Брысь иа стаицию!»

Белая ризиица имела форму большой подковы. Диевиой свет через узкие окоица полосками процеживался иа застеклеииые витрииы и шкафы с золотыми блюдами, чашами, митрами в самоцветах.

Квашоикии облюбовал икоику, похожую иа плоскую сигару:

— Ювелириое чудо! Тоичайшая паутииа перегородок залита разиоцветиой эмалью. Георгий Победоиосец с копьем. Новгородка, полоща белье, извлекла из воды золотиику. И продала скупщику за пять иэповских рублей. А тот «уступил» шведскому иитуристу за пять тысяч тех же иэповских. Когда швед в леиииградской «Астории» взялся за чемодаи, в иомер вошел чекист, вериул гостю деиьги, а уиикум — обратио в Новгород...

Воркуи слушал с особым виимаиием: видимо, искал связь между Алхимиком и золотым фоидом музея. Чутье чекиста повело его к большим поделкам из золота. Оии

поступали сюда из разных ризниц. Но кто доставлял? Кто коитролировал? И Воркун перевел взгляд на краеведа. Тот не замедлил:

— Друзья мои, «ризница», от греческого корня — осиова, сущность. Мы иаходимся в хранилище «сущностей». Здесь любая драгоцеиность поворачнвается к нам своим «сходством» н «различнем», подзадорнвает нас: «Мон-де поляриостн могут вскрыть в образе пять существеиных граней». Не верите?

— Буксую!— пробаснл Иваи, прнсматрнваясь к хранителю.

— Хе!— возинк тот.— Все экспонаты можно разместить иа пятн полках, но чтобы ОДНУ вещь повернуть ПЯТЬЮ сторонами — нет!

Ои выбрал деревяииый стаиок, где, подобио киям, выстроились старинные посохи, и тронул простую дубнну с утолщением на коице:

— У сей долбухи не пять, а одно назиачеине — дубасить!

Его поддержал Воркун: оба усомннлись. Исторнк принял вызов:

— Дубина, как и все предметы рнзнниы,— экспонат. И в этом отношеинн, заметьте, ОДНООБРАЗНА. Не так ли?

— Так!— охотно одобрнл Квашонкнн.— Палка — экспонат!

— И родня трости, посоху, жезлу. В этом смысле дубина едниа со всеми палками коллекции, то есть ЕДИНООБРАЗНА. Согласны?

— Различаю,— вступил Квашонкнн.— Дубина в ролн экспоната всей рнзиицы — это одио, а в ролн представнтеля лншь собрания посохов — другое. А в чем еще особенность?

— Дубниа отлнчна от всех посохов! Она — еднинственная копня с долбни, которой Иван Грозный дубаснл неповнииых новгородцев...

— Тысячн полегли!— в сердцах добавил Васнлий Алексеевич.

— Иван Третий справедливо иаказал наших предков, а Иваи Четвертый казнил Новгород, как убил родного сыиа: потом лнл слезы, каялся.— Исторнк задел дубовую палку.— У иее кровавая биография и в этом своеобразие долбни. Так или ие так?

Иван н Квашоикии застылн в изумленнн. А тот продолжал:

— Заметьте, друзья мои, палка может быть опорой, оружием, сигналом, знаком величия, товаром, творением резчика, игрушкой, и в этом ее разнообразие.— Краевед не исчерпал раскладку полярностей:— Перед нами не единственная долбня. Есть подлинная царя. Есть герценовская долбня: мыслитель упомянул ее в статье. Есть долбня Миклухо-Маклая: учась на философском факультете Гейдельбергского университета, он вспоминает, как «царская долбня» выбила его из Петербургского университета. Есть долбня Репина. Много образов! И в этом ее многообразие!

— А куда пристегнуть «безобразие»?— спросил Воркун.

— Друг мой, «безобразие», «образование»— слова эстетики, морали, культуры, а мы изучаем диалектику вещей...

— Ясно! Нельзя мед и деготь в одну бочку!— засмеялся Иван и пальцем нацелился на стеклянный шкаф, где на черной бархотке искрилась золотая модель сионского храма:— Ба! Это же перекличка с микешинским монументом!

«Которая и подсказала Алхимику легенду о золотой модели памятника»,— прикинул Калугин, призывая друга:

— Сопоставь, Иван Матвеевич!

Чекист взглянул на узкое оконце с видом на Кремлевскую площадь и бронзовый гимн тысячелетней России:

— Сопоставляю! Монумент и большой сион на круглом поддоне; тот и другой трехъярусные; за оном многофигурный и тут многоликий; на пьедестале все фигуры увязаны и здесь; там шар с шестью эпохами и сион с шарообразным верхом и шестью разделами; оба увенчаны крестами и оба строго монументальны!

— Тонкое наблюдение! Меня убедил,— историк привлек хранителя:— А вас, голубчик?

— Хэ! Ручаюсь! Микешин видел Большой сион и творил под его влиянием,— Квашонкин не знал в лицо начальника ГПУ:— Вы искусствовед? Из Питера?

— В Старой Руссе занимался в кружке историка Калугина,— улыбнулся чекист и указал на сион:— Какое назначение?

— Во время торжественной обедни выносили на блюде...

— А главное,— подхватил краевед,— сион — образ любого храма, свод всех церквей. И Русь в бронзе тоже

свод отечественной истории, философское обобщение русского патриотизма. Так?

Соглашаясь, Воркун снова обратился к хранителю:

— Значит, собор — не собор без золотого сиона. А вес его?

— Две тысячи золотых коронок. После изъятия церковных ценностей уцелели только с печатью высокого мастерства.— Он тростью выбрал ослепительную модель храма:— Двенадцатый век! Чудо!

— А были случаи утайки?

— Недавно судили монахов.

Калугин был рад, что чекист ухватился за версию «сион» и перешел на открытый допрос. Выходит, убедился, что великий импровизатор не Алхимик, а может быть, наоборот, Квашонкин — Алхимик, а помощница — Берегиня Ясинопольская?

По задуманному плану Воркун остается в ризнице до прихода интуриста из Берлина. Историк не стал мешать чекисту и распрощался с обоими.

По Кремлевской площади пронесся в пролетке нэпман Морозов. Строй красноармейцев в летних буденовках дружно отбивал шаг по асфальту. Громкоговоритель, прозванный «радиоглоткой», объявил десять часов. Возле восточной арки показался доктор философии. «Что-то он расскажет о нас?»— подумал Калугин.

ПИСЬМА ШАРФА

Мама, милый друг!

Я был не прав: русский ум не уступает немецкому, а в некотором роде превосходит целеустремленностью. Здешний мыслитель Калугин вскрыл диалектическую основу координат Декарта, предугадал четвертое состояние вещества и обосновал всеобщий закон сохранения, который выразил формулой квадрата превращений. Оказывается, все законы сохранения имеют два плюса и два минуса.

Он внешне похож на Сократа, но мудрый грек мастер наводящих вопросов, а новгородец подводит к ближайшей вещи и вскрывает ее глубинную суть — противоречие. Эффект потрясающий! Читаешь не страницы книг, а кресты, дома, башни, градусники, куранты — весь город и его пейзаж. Японский сад камней — символ бесконечного созерцания, символ одной гносеологической детали:

и то слава на весь мир! А здесь все прочитывается диалектично!

Монумент Тысячелетия — кафедра истории, ковчег знаменитостей, трибуна стратегов, зеркало русской революции, венок дружбы народов, символ долголетия государства, свод отечественной философии да еще манящий к себе сфинкс.

Передай, пожалуйста, письмо Марте. *Твой любящий сын Курт.*

Марта, любовь моя!

Новгородский краевед подобен рассказчице из «Тысячи и одной ночи»: ежедневно развлекает меня легендами. Одна лучше другой. Особенно вот эта: «Как возник Великий град».

«Благословляла мать богатыря на бой ратный и молвила: «За себя постоишь, сынок,— храбрым прослывешь; народ оградишь — героем станешь, а Родину защитишь — бессмертие обретешь». Пошел витязь в бой — за себя постоял, народ оградил и Родину защитил. Только не избежал молодец старости: заснежилась борода, к земле потянула. «Эх, думает, обманула родная». Отшвырнул подальше щит, сложил меч к ногам, расстегнул широк ремень, сел на бугор, накрыл колено пятерней, а голову в златошлеме вскинул к небу. Минула тысяча лет. Не обманула матушка. Сидит горбня на прежнем месте. Только щит уже не щит, а велико озеро Ильмень. И меч не меч, а Волхов блещет. И нога не нога, а мост через реку. И ладонь не ладонь, а звонница с пятью пролетами. И ремень ребром не ремень, а высокие стены кремлевские. И старик уже не старик, а бессмертный Новгород».

Феноменально! В этой патриотической легенде все образы соответствуют новгородским памятникам и придают повествованию неповторимую прелесть. Собиратель легенд прав: новгородские сказания, былины, песни — вершина русской народной поэзии.

Вечно твой Курт.

Уважаемый господин Вейц!

Не тревожьтесь за судьбу русской культуры. Здесь, как нигде, могучая тяга к искусству, науке, философии. Здесь диалектику изучают любители, студенты и даже техникумовцы.

Говорят, иельзя планировать иаучные открытия — все дело случая, а мой русский коллега разрабатывает «Логнку открытня» н дерзает с помощью диалектики пронникнуть в мнр загадок. Дух революцнн во всех сферах! За всю нсторию человеческой культуры здесь впервые философия обрела свои фигуры н формулы.

Мой иовый друг, чародей диалектнки, открыл мне глаза иа русскнй народ. Французскне революционеры остаиовнлнсь на полпути, а русскне нет. И так во всем! Мой коллега привел иародиую пословнцу. Она гениальна не только по сутн своей, ио и по своему иацнональному самосознаиию: «Русский час — все сейчас!» Максимально нспользуй время сегодняшиее, а не вчерашиее, что неподвластно нам.

Мы, немцы, много временн тратим иа восхвалеиие прошлого, а русскне ввели «субботннкн» н «воскресннкн», чтобы в часы отдыха не сидеть без дела. Мы виделн Распутнна и не видим русского народа; мы видели Керенского и ие виднм партии Ленина. Чем больше исказнм Россию, тем больше отстаием от нее.

Вы убеждалн, что большевнкн, как попки, твердят слова вождей. Нет, здесь члены партии думают, нщут, экспернментируют, спорят, творят.

Россня стаиовнтся иа колеса индустрин. Самый популярный лозунг: «Даешь мотор!». Правда, иаличное бытие драчлнво: частникн воюют с кооператорами. Одиако: у кого власть н заводы, у того больше шаисов на победу.

Заверяю, Эрмнтаж ие разграблен, древние памятинкн сохраняются, даже Магдебургскне врата на месте. К сожалению, я ие приобрел варяжскую пряжку, зато приобрел друга. Он обогатнл меия своимн нзречениями: «Человек без человека не человек», «Ныие мало познать да изменнть мир, нужно еще уметь управлять им». Этот афорнзм выражает суть нашей эпохн.

Обнимаю. Ваш Курт.

P. S. Из Старой Руссы вестей пока иет.

15 августа, суббота.

...Вериулся к диевинку. Колокольный звои: верующие праздиуют успенье. На извозчике объехал загородиые монастыри. В Аитоиове сфотографировал итальянскнй колокол и расчищеиные фрески XII века. Вяжище уднвило портретом златокудрого Платоиа, а Болотиая стаиция — гигантским овсом иа торфе.

Вечер у Гершелей. Слушал домашнnй концерт. Ради меня нсполияли Меидельсоиа-Бартольди. За «Беккером»— Рахиль, с флейтой — Роза, скрипка — Додик, а виолоичель — сам Гершель. Я ие поклоиник лейпцигской школы. Хвалнл семейиый аисамбль за чувство нсторичности. Зато еврейская кухня — цнмес! Бульои с гренкамн. Отварная кура с маикой, морковью, петрушкой н другой зелеиью. Особо вкусиа плотная фаршнрованиая щука с острыми прнправами.

Проясиился интерес соратинцы Зииовьева к Калугнну. Его в Леиииграде ждет кафедра философии. Я, безусловио, отметнл его учительскнй дар и оригнналыюсть ума: ои не повторил ошнбки Пифагора и Плотина — ие погиался за магическими чнслами. Искренне рад за коллегу и немиого огорчеи, что не могу порадовать его: разговор с Рахнлью был сугубо конфиденциальным.

Думаю о двух судьбах: Куно Фншер еще прн жнзии был прнзиаи властнтелем дум, а что ждет Калугииа, самобытного мыслителя? Очень хотелось, чтобы его именем иазвали слободскую улицу, а на доме его повесилн доску: «Здесь живет и творнт маг диалектики». Тогда и перед его окиом пожнлой фатер скажет шалуиу: «Тихо, ои думает». В России два иаучных фроита: в большнх городах — академики, а в провиицни — кулибины, циолковские н калугииы.

Читал газету, привезенную нз дому. Глаза любовались родным шрнфтом, а душа ныла. Корреспоидент из Мюихеиа сообщает: «Национал-социалнсты в лнце Адольфа Гитлера обрели испепеляющего оратора». Методы борьбы новой партии не внушают доверня: я за мнриое соревнованне народов.

(Дорогой чнтатель, откуда было Шарфу знать, что через десять лет его диевинк н перепнска окажутся в гестапо и автора замучают в коицлагере.)

18 августа, вторник.

Святой Петр, сегодия финиш! Грустио. Десять иовгородскнх дией дали мие больше, чем десять лет путешествий. Новгород открыл будущее: калугииские экскурсин по городу повторит лишь XXI век. Русский превзошел лессинговский «Лаокоон».

Не верилось, что это рабочий деиь! Всюду песии, улыбкн, праздничные костюмы. Особо многолюдио иа Ленниградской. Над проездом вала временная легкая арка. На ией красиая лента: «ФИНИШ». Ближе к дороге

за столом судьи-контролеры с ручными часами. Соседние возвышеиия — земляиая иасыпь, крыши домов, заборы — усыпаны молодежью. Все взоры обращены на шоссе. Беспощадно жжет солице. Листва деревьев не дрогнет. Духота. Томительное ожиданне. Вдруг все вскииули головы. В иебе рокочет аэроплаи «Вуазен». Его азартио приветствуют пареньки с лозуигом иа фанере: «Авиация плюс химия — залог нашей непобедимости».

Я живой свидетель великого события: русская революция взялась за руль скоростной машины — посторонись, телега!

— Едут! Едут!— заголосили ребята с крыши дома. Толпа дрогиула. Первым в город с шумом и пылью ворвался родной «Мерседес»: сбоку запасное колесо, впереди флажок Германни. Я снял шляпу. Нет сомнеиия, что в Тифлис первым примчится немецкий гоищик.

(Дорогой читатель, Курт Шарф не ошибся: высший приз за скорость и экономичность получила мерседесовская машина.)

Меня подхватил людской поток. Толпа валила в сторону городской площади, где рядами выстраивались пыльные машины. Газон пропах бензином: здесь заправлялись горючим. Минуя резкий запах, я прошел в Летний сад. В тенистом углу парка новгородцы обменивались с гостями почтовыми марками. Я связан поручением Вейца: тот любит дочь. Но в чем суть переписки беглого контрреволюционера? И что подумает Калугин, если чекист схватит меня за руку? Я стороной обошел толкучку филателистов. Так спокойнее.

Все участники пробега закреплены за столовыми, местами ночлега и провожатыми. Немцев, итальянцев и французов водил музейщик Квашонкин. Он не знал иностранных языков. И я оказался в роли веселого переводчика: тот все время шутил, проявляя при этом дар искрометного импровизатора. В столовой для туристов один член итальянского общества Чиче намекнул, что у него на родине можно заказать официанту любое историческое блюдо. Новгородский чичероне не ударил в грязь лицом. Он вызвал шеф-повара, встал рядом с приколотым к доске прейскурантом и, жонглируя тростью, преподнес меню на древний лад: «Пожалуйста, на первое: блюдо XI века — уха Садко Богатого; на второе: блюдо XII века — гречневая каша с молоком — еда Василия Буслаева; и на третье — десерт XIII века — походные яблоки Александра

Невского!» Его апломб и живость речи возымели на гостей магическое действие: простая пища великого града вызвала восторг.

Не менее восхитила ризница, с ее обилием золота, жемчуга, бриллиантов и уральских самоцветов. Запад трубил: «Большевики разбазарили все ценности царского времени». Маловеры спрашивали: «Не подделка?» Пришлось бывшему дипломату обещать им экскурсию в московскую Оружейную палату.

Возле русского сфинкса нас ждал Калугин с палочкой. Историк изумил всех. Он показал на памятнике статую, прикрытую с пяти сторон. Засекреченная фигура действительно опрокидывала весь смысл самодержавности. Феноменально! Всюду нас встречали цветами. Немцы и французы разместились в антоновском училище. Им предоставили просторное общежитие с окнами, смотревшими на Волхов.

Калугин, Гретхен и я вечер провели в Антонове: жгли костер на берегу реки, гуляли в чудесной березовой роще, слушали песни русские, немецкие, французские. Подражая соловьиному свисту, Ясинопольская околдовала всех. Француз, жгучий брюнет, инженер автомобильной фирмы «Рено», заприметил Берегиню еще на выставке картин и сделал ей предложение. С ответом она не спешила. Познакомился поближе с учеником Калугина. Забавный парень: футболка, кудри, загар — вид спортсмена, а в синих глазах угадывается поэт.

(Дорогой читатель, Курт Шарф ошибся: я полюбил философию.)

19 августа, среда.

Последние часы. Сбор в семь утра на замковой площади. Картина впечатляющая: солнце, София, народ и автомобили. Первая колонна из восьми десятков легковых. Героиня пробега — известная гонщица фирмы «Ага» Стиннес. Женщина за рулем для новгородцев — сенсация. Вторая колонна из пяти десятков грузовиков, омнибусов. Московская полуторка «АМО» с цепной передачей, зато вне конкурса бензин, смазка и шины «Красный треугольник»— все русского производства.

Пятьсот участников! Гонщики в кожаных куртках, в больших очках и рыцарских перчатках с крагами застыли возле машин: ждут сигнала командора. Калугин нашел меня: подарил мне красочную матрешку как символ

русской многограиности. Я преподиес ему фотоаппарат. Метр заулыбался: «Пишите, друг мой». Старт ровио в восемь. Раздалась комаида подготовиться, завести моторы. И под общий гул последиий взмах флажком: «Ход!»

Следующая остаиовка в Твери. Но ии одии город России не затмит Новгорода. Наш «мерседес» тронулся. Я грустио улыбнулся, помахал другу шляпой. Кудесник диалектики был чем-то взволиован и, казалось, куда-то спешил. Я мыслеиио поклоиился Магдебургским вратам н про себя произиес: «Святой Петр, сохраии его для человечества».

Шумио расступилась замковая арка. И взвился флаг иад яхт-клубом, обсыпаииым солнечными росиикамн.

— Прощай, Великий Новгород!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РОЛЬ СЛУЧАЙНОСТИ

Малое ярче бросается в глаза на фоне большого события. Калугин слышал, как очевидцы живо обсуждали не сам автопробег, а разные случайности, связанные с автогонками. Нет, разумеется, газеты отметят историческое значение испытания машин, а пока писатель Шкловский улыбчиво рассказывает собратьям о том, как «форд» раздавил свинью в селе Померанье. Начальник пробега товарищ Седой, выходя из автомобиля, оступился и растянул сухожилие. Совещание комитета он проводил с повязкой на ноге вместо сапога.

Номер Софийской гостиницы, где заседал штаб, свел Калугина с Пучежским. Тот «обузил» экскурсии для гостей и наказан выговором. Калугина, наоборот, похвалили за ремонт дорог. Понимая, что его выручила случайность — отсрочка старта на десять дней, он принял похвалу в свой адрес с мучительной миной на лице. И очень обрадовался, когда летучка закончилась.

Надо же так случиться, Николай Николаевич под аркой Детинца столкнулся с научной сотрудницей губархива. Она, радуясь встрече, вручила ему письменную жалобу на Иванова. Возле братской могилы председатель Контрольной комиссии, негодуя, прочитал коллективное заявление. Работники губархива обвиняли своего заведующего в том, что тот в пьяном состоянии липнет к сотрудницам и тайком разбазаривает архивные фонды. «Например,— сообщали они,— сдал в макулатуру единственный архив проектов архитектурных построек Новгородской губернии».

Пристрастие бывшего монаха к хмельному и женщинам не удивило Калугина, а вот варварство архивариуса,

понимающего толк в исторических документах, возмутило. Одно дело — ликвидировать церковный архив, и совсем другое — уничтожить планы исторических зданий. Недавно, выясняя авторство знаменитой валдайской ротонды, историк посетил хранилище и получил нужную справку.

Он быстро обошел длинный фасад присутственных мест и со двора спустился в подвал. Дверь была распахнута. Не без волнения Калугин переступил порог. Пахнуло мертвой пустотой. Высокие железные стеллажи еще не выпрямились от недавнего груза. По каменному полу промелькнула рыжая крыса с длинным хвостом.

Жалкое и страшное зрелище! Что скажет архивариус в свое оправдание? И кто посмеет заступиться за него? А может быть, архив сменил адрес?

То надеясь, то проклиная Пискуна, историк зашел в губком и по телефону вызвал завгубархивом. Женский голос раздраженно ответил:

— Любуется иностранными машинами...

Калугин постучался в железную дверь орготдела. Там за невысокой перегородкой высокий мужчина в синем костюме вынимал личные дела из бурого массивного сейфа.

— А-а! Отпускник!— обрадовался Семенов. Его внимательные, глубокопосаженные глаза не могли не заметить перемену в лице старшего товарища:— Что случилось?

Краевед давно приметил Алексея Михайловича: тот, будучи секретарем Валдайского укома, написал дельную брошюру «Экономика Валдайского уезда» и повесть «На перекрестке», изданную издательством «Прибой».

(Дорогой читатель, в 1938 году Семенов возглавит ленинградский журнал «Звезда» и на его страницах опубликует мою первую повесть «Неуч».)

Алексей Михайлович только что вернулся из санатория. Он поздоровел, лицо загорело, но в эту минуту председателю Контрольной комиссии было не до расспросов и любезностей. В нем все клокотало от возмущения. Он рассказал о горькой судьбе хранилища, попросил личное дело Иванова и расположился на широком подоконнике с видом на Софийскую звонницу.

Изучая анкету, он обратил внимание на страницу автобиографии. Она была старинным листом, вырванным из журнала монастырской тюрьмы с графами: кто сидел, за что сидел, как вел себя арестант-еретик. Вспомнилась

редкая иаходка Передольского. Выходнт, Пискун отлнчно зиал цеииое содержаиие архива коиснстории и все же пустил его на обертку, а чистые лнсты взял себе.

— Завтра дочитаю!— Калугнн вернул лнчное дело Иванова и оставил иа храненне коллективиую жалобу. Ему предстояло вестн экскурсию с ннострайцамн.

— Николай Ннколаевнч! — вспоминл Семеиов. Его голос, как у всех легочиых больных, с небольшой хрипотцой.— У нас ниструктор нз Леннннграда. Ваше личное дело у иего. Все к тому, что вас переведут с повышеннем.

«Святой Алеша»,— подумал Калугни о товарище, который был на девятиадцать лет младше его.

Не в меру распалилось солнце: в тени 30 градусов. Ослепительные лучн круто ломались меж бронзовымн фнгурами памятннка. У подиожня моиумента камениые плнты обдавали иоги жаром. Калугни легко переносил зиой: ежедневное купаине, иачатое в ссылке, приучило организм к температурным перепадам, а поврежденный позвоночннк даже ноет без тепла.

Вчера европейские магнаты кормилн белую армню, а сегодия нам, защнтинкам Советов, прнходнтся ухаживать за капнталистами. Только жизнь способиа на такие сюрпрнзы!

Поджидая группу иитуристов во главе с профессором Шарфом, историк обратился к мнкешинскому монументу: тот упрямо хранил тайну Тысячелетия. Подиятый над граннтным моиолнтом державный шар стерегут в три круга: лнтые герон Родины, массивная бронзовая ограда н чугунные столбы с фонарямн, похожнмн на гренадерскне шапкн.

Охрана плотиая! И все же он проиикиет через этот кордон, найдет таннствеиное изваяние, хотя в данный момент его мыслн сиова вернулнсь в мир случайиостей. Их так много, что не счнтаться с ннмн — глупо. В своем труде ои учел роль иитунции, а вот значенне случайностн до конца не продумал. А ведь интуиция н случайность,— рассуждал он, не замечая нн жары, нн прохожих,— железно взаимосвязаны. Многие великие открытня обязаны случаю. И чаще всего его подмечает ие разум, а ннтунцня. Какой же вывод? Заранее настраивай мозг на возможную случайность, ибо она — позывная внутренией необходнмостн. А еще лучше — продолжай ежедиевный поиск. Неудачи рано нлн поздно переходят в удачу: но не отступай, не бойся отвлеченного аналнза. Вот вспомним Белинского. Вооружнвшись методом Гегеля, ои смело втор-

гался в мир своевольиых муз. Казалось: философская критика отпугиет писателей, а Достоевский, Тургеиев, Толстой, иаоборот, вдохиовлялись статьями иеистового Виссариоиа.

Калугии сравиительио быстро обратил виимаиие на прикрытую статую сибиряка, ио ие так-то просто подобрать к фигуре туигуса иужиый ключ проиикиовеиия. И сиова гость-случай!

Исследователь подвел иитуристов к памятиику в тот миг, когда луч солица проиик меж статуями Иваиа III и Петра I и высветил руку загадочиой фигуры.

— Смотрите!— указал краевед иа Сибиряка.— Туигус ладоиями поддерживает русскую державу! Едииствеииый иа пьедестале обращеи лицом к символу великого государства! Кто ои? Киязь? Царь? Нет! Представитель малых иародиостей, воспетый Пушкииым. Все иаши иароды и иародиости должиы взять в свои руки державу! Любое царствоваиие коичается царствоваиием иарода!

И все же раскрытие тайиы далось ие так просто: иадо было ие раз оглядеть памятиик, иадо было осознать закои истории о иеизбежиой победе народа, иадо было увидеть в твореиии Микешииа зеркало русской революции и, иакоиец, иадо было во всем сияиии представить Отчизиу зарубежиым гостям.

А гости оиемели от иеожидаиности: им показалось, что памятиик России воздвигиут ие в 1862 году, а после Октября. Довольиый за своего друга, Курт Шарф от имеии сводиой группы иностраицев благодарил историка за увлекательную экскурсию и преподиес ему красочиый рекламиый альбом «Мерседес».

Калугии тоже благодареи гегельяицу: философские иаскоки доктора еще более укрепили веру автора в свою «Логику открытия»; теперь ои ие сомиевался, что его учеиик самостоятельио откроет тайиу Тысячелетия.

А пока что Глеб помогает ему, председателю детской комиссии. Вратарь заиитересовал Филю и Циркача газетиыми заметками про тайиу дома № 6. Под иитригующим заглавием местиая газета «Звезда» поместила четыре корреспоидеиции о старом подвале, откуда-де берет иачало подземиый ход.

Калугии вместе с иемцами проехал в Аитоиово. Там иаметил с Глебом ближайший плаи действия и прошел с иим, счастливчиком, в рощу белых берез. Там оии иечаяиио встретили Берегиию в компаиии фраицузов.

Николай Николаевич попросил актрису дать концерт в антоновском Доме юношества. Она охотно согласилась, хотя предварительно не договорилась со своими баянистами.

Домой Калугин возвращался, насвистывая песню гражданской войны. На пустынной набережной, возле Белой башни, его поджидал Воркун. Глаза чекиста были встревожены радостью. Дымя папиросой, он пробасил:

— Дружище, тайное становится явным.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

На сей раз Калугин знал, о чем пойдет речь. Накануне между ними состоялся разговор без свидетелей. Иван, получив приглашение на заседание комиссии, решающей судьбу памятника России, заявил приятелю: «Уверен, ты исполосуешь красную рубаху!» Николай Николаевич впервые дал понять другу, что Пучежский заручился поддержкой не только Клявс-Клявина, но и самого Зиновьева. А тот, председатель Ленсовета, пользуясь властью, заслал в Новгород своих подпевал, обеспечил большинство голосов. «Так что схватка за памятник может закончиться печально: монумент сломают, и нас — в разные стороны подальше от Волхова!» Наконец чекист сообразил, что к чему, и крепко выругался: «Глава оппозиции — штрейкбрехер революции?!»—«Да, голубчик, то была не случайность!»

Калугин переждал, когда мимо проедет телега с бочкой, и пожал приятельскую руку:

— Какую тайну раскрыл?

— Не раскрыл! Они сами себя разоблачили...

— Кто они?

— Только бегло, коротко!— Иван отбросил окурок в сторону земляного вала:— Меня ждет Тамара. Вот-вот...

— Не волнуйся! Вторые роды легче. Говори!

— Вчера вечером в клубе «Молодая гвардия» Дима Иванов загнул речь: Зиновьева представил единственным вождем партии. Его освистали. Скандал! Доложили Клявс-Клявину. Тот ночью позвонил на квартиру шефа. У того и голос осел. С трудом опомнился. Затребовал письменное «объяснение». Сказал: «Поручите расследовать объективному губкомовцу...»

— Кому же доверили?

— Клявс-Клявин порекомендовал своего заместителя Семенова...

— Позволь! Он же не в курсе дела: два месяца лечнлся...

— Вот-вот! Для него, непосвященного, выступленне Днмы — это ребячество, ораторскнй запал.

— Я открою глаза Семенову!

— Поздно, дружнще! «Объясненне» Семенова уже уехало с нарочным в Пнтер,— чекнст решнтельно расправнл вислые усы: — Надо махнуть в ЦК!

— Друг мой, с пустым портфелем в Москву не ездят: заиметь хотя бы одни пнсьменный документ, хотя бы коллективное пнсьмо леннинцев.

— Дело! Я первый подпншу.

— Еще, кто вчера был в клубе из вашнх?

— Понял. Алексей Смыслов достанет выпнску нз протокола н прнложнт пнсьменное показанне — что н как,— Иван взглянул на часы.— Где ты был? Я нскал тебя!

— Товарнщ начальннк,— улыбнулся нсторнк,— я не мог не попрощаться с доктором фнлософнн...

— Смотрн! Пучежскнй прнпншет тебе дружбу с ндеалистом. Он уже звонил мне: «Коммуннст Калугнн прнннмал у себя дома буржуазного ученого». И наверняка, уже донес Клявс-Клявнну. А тот — шефу в Пнтер. И пошла пнсать губерння!

— А ты на что?!

— Факт! Постою,— чекнст проводнл взглядом священннка в черном облаченнн, с белой краснвой бородой н перешел на басок:— Ты, дружнще, помог нам н государству: наш враг, друг Вейца, покндает Россню нашнм другом, полпредом. Сам Дзержннскнй похвалнт тебя: нечнсть можно выжнгать кнслотой, а можно н добротой. Будь!..

Мать, наверное, не ужннала, ждет сына. А он весь вечер глаз не спускал с «Вечернего соловья». Как нн юлнл старый холостяк, как нн воднл себя за нос, но самообман не его стнхня:

— Мама,— прнзнался он, садясь за стол,— я опять влюбнлся...

Глаза Анны Васнльевны отклнкнулнсь светлой надеждой, а морщнны губ — тревожным сомненнем:

— Неужели в красавнцу?

— Как же нначе, голубушка.

— Я не уроднлась нн лнцом, нн фнгурой, а твой отец душн во мне не чаял.

— А сама? Мужа-то какого выбрала, матушка?

— Какого?!— Старушка преобразилась, помолодела и гордо вскинула голову:— Красавца по всем статьям! Дочь помещика, дворянка, увивалась за ним как собачонка!

— Ага!— обрадовался сын, указывая вилкой на себя.— Я-то, честно говоря, весь в тебя!

Мать беспомощно опустила руки на передник, глазами показывая на дверь кабинета:

— Был звонок. Березина Ясенопольская пригласила нас на свой концерт. Голос певучий, приятный,— она придвинула любимцу стакан сливок.— Я пойду. А ты?

— Не знаю. Как время,— ответил он притворно равнодушным голосом, горя любопытством. Он чувствовал, что мать недоговаривает:— А почему, собственно, актриса пригласила нас, незнакомых ей людей?

— Она была здесь. Мы чаевничали, беседовали. Она ученица Передольского. Знает тебя как придиру...

— Позволь!— перебил он старушку.— Зачем же приходила?

— Просила не говорить о ее визите. Но ты же знаешь мою слабость: какая мать скроет от сына такое! — Ее глаза полны счастливой прозорливости.— Меня не проведешь, она ворчала потому, что увлеклась тобой.

— Тебе почудилось, голубушка!

— Ой нет! Она восторгалась нашими собаками, твоей библиотекой, моим садом.

— Может, ей в гостинице тошно, ищет комнату?

— Она ищет себе учителя: завидует Глебу — готова следовать за тобой хоть на край света.— Мать вскинула ладони к глазам:— Синеглазка! Светлокудра! Не в эту ли красавицу ты влюбился?

— Мама!— смутился он.— Побойся бога! Она так молода!

— А знаешь, что Антонине Ивановне и восемнадцати не было, когда она доверилась Владимиру Васильевичу. И до сих пор верна ему!

— Умоляю! Замолчи! Профессор Передольский — кумир студенток! А я трижды обжегся! Хватит!— отнекивался старый холостяк наперекор своему блаженному состоянию...

Сын не помнит, ужинал он или не ужинал. Закрывшись в кабинете, он сел за письменный стол, склонил голову над малиновой тетрадью и бессмысленно уставился в одну точку, которая раздвоилась на два чудесных синих глаза.

«Вот так сходят с ума»,— подумал он и прислушался: показалось, что за окном кто-то притаился.

Так мог поступить только Иван: не желая тревожить Анну Васильевну, он подкрался к окну в сумерках и сейчас сообщит то, о чем забыл сказать возле Белой башни: «Квашонкин и Берегиня вне подозрения».

За окном шорох усилился. По стеклу пробежала тень. Кто-то меж кустов сирени хрустнул сухой веткой. Неизвестный не спешил обнаруживать себя.

Старый холостяк подался к окну и вздрогнул: его обожгла невероятная, но желанная мысль: «Она!»

БЫВШИЙ КОНТРРАЗВЕДЧИК

Любой нормальный человек может оказаться в ненормальном положении: такова диалектика жизни. И все же дико! В Стране Советов на восьмом году Октября участник революции, контрразведчик Красной Армии вынужден отсиживаться в кустах за вокзалом, чтобы в потемках войти в город, где он недавно возглавлял губком комсомола, где его ждет невеста и где надо во что бы то ни стало повидать старого большевика Калугина.

Он просился в командировку сюда, а его послали в Вологду, да еще предупредили: «Не вздумай завернуть на Волхов». Почему отказали? Откуда такое бездушие?

Не забылся разговор с Зиновьевым. Тот сказал: «Товарищ Ларионов, ты теперь инструктор Бюро ЦК Северо-Западной области. Рад повышению?» Не сразу ответил выдвиженец: от него ждут благодарности, дают возможность доказать свою преданность шефу, а он ответил честно: «Тоскую по Новгороду». Зиновьев помрачнел. Он хочет вернуть столицу на берега Невы, постоянно возносит Ленинград до небес, а его сотрудник вздыхает по дряхлому городу. В чем дело? Не без гордости Ларионов заявил, что на берегах Волхова сложился на редкость дружный коллектив, что там создается свой журнал «Ленинец», что там есть серьезные теоретики вроде Калугина. Фамилия новгородца возымела действие. Зиновьев вскинул брови и ухмыльнулся: «Сейчас в Новгороде новые люди. Калугин будет здесь, в комвузе. Я высоко ценю его критический ум. И ты сможешь ежедневно встречаться с тезкой».

Вот где пригодился опыт контрразведчика. За одну неделю Николай докопался до причины столь странной перестановки партийных кадров по всей Северо-Западной области. Зиновьев кровно заинтересован в том, чтобы на

XIV съезде партии было как можно больше голосов за него: вот и ставит на выборные места своих ставленников. Новгородские коммунисты наверняка послали бы Калугина, председателя губернской Контрольной комиссии, старого революционера, с решающим голосом, а в Ленинграде таких, как он, много.

Наконец-то золотой купол Софии начал заметно тускнеть. Не дожидаясь густой темноты, бывший контрразведчик, рискуя быть опознанным, выбрал короткий и безлюдный путь. Надвинув на брови кепку, Николай не рыскал взглядом, как вор из боевика, а спокойно шел по земляной насыпи в сторону Троицкой слободы. Там они с другом Сашей Мартыновым недавно снимали комнатку рядом с калугинским домиком, и не раз друзья-соседи шли на работу вместе. «Старик», дивный рассказчик, в любой легенде докапывался до ее философского зерна. Сегодня надо успеть и в Антоново. В педтехникуме учится его любовь Нина Мельникова. Так случится, что сестра Нины выйдет замуж за Мартынова и друзья породнятся.

А вот и Белая башня. На Пролетарской улице женский голос ласково зазывал курят в сарай. Ближнего домика с голубыми наличниками не минуешь. Отсюда Мартынова конвоировали. Думая о суровой мере, Николай остановился перед знакомыми окнами и уже хотел вызвать добрую хозяйку, как за спиной услышал вкрадчивые шажки и умышленно не повернул головы.

В оконном стекле отразилась фигурка в кожанке, с портфелем в руке. Ларионов узнал Пискуна. А тот, подслеповатый, прошел и не поздоровался. Кажется, пронесло...

Откуда было знать, что встреча с Ивановым круто изменит жизнь Ларионова: за самовольный приезд в Новгород его отправят избачом в маловишерскую глухомань, за шестьдесят верст от железной дороги.

Пока беседовал с хозяйкой о Фуксе, новом жильце, сгустились сумерки. Не теряя времени, Николай отправился к зеленому домику, где жил его тезка. Калитка почему-то оказалась открытой. Прошмыгнув в палисадник, он не потревожил даже собак и меж кустов притаился, присмотрелся. В кабинете был один Калугин. И Николай осторожно ногтем клюнул стекло. В тот же миг, словно его ждали, распахнулись створки окна. На лице «старика» удивление и радость:

— Голубчик, надолго?

— На одну ночь, и то подпольно.— Гость передал старенький портфельчик в окно.— Мне еще в Антоново...

На нем темный костюм и темная кепка. Рост чуть ниже среднего, но сбит крепко. Подвижный, с бодрым светлым взглядом, сейчас он не торопясь сел на диван и устало кивнул на дверь:

— Посторонних нет?

Калугин успокоил его и в свою очередь спросил:

— Хвоста нет?

— Нет, но видел Пискуна.— Рассказывая о встрече, Ларионов подчеркнул близорукость архиварнуса.— Недавно Пискун был на приеме у Зиновьева в качестве его биографа. Сопровождала Зелуцкая...

— Дочь аптекаря Гершеля?

— Да. Она устроила ему свидание с Григорием.— Бывший контрразведчик прикрыл окно, задернул шторку.— Надежнее.

Полумрак его вполне устраивал. Вынимая из кармана пиджака папиросы, он выронил сыромятный ремешок.

— Онежский,— уважительно прошептал он, поднимая с пола.— Батя сыромятил: кожу мочил в овсяном квасе, потом на конном вороте тянул; затем мял, пропитал ворванью и березовым дегтем. Да еще подкоптил...

— Не твоя ли это биография, друг мой?

— Почти!— оживился Ларионов.— Белые исполосовали так, что до сих пор красные рубцы выступают, когда моюсь в бане...

— Где так?

— В Белом море. На острове Мудьюг. Из той тюрьмы наш брат не выходил живым. И меня б доконали. Да ко мне в камеру бросили по ошибке парня. Ему утром на волю, а он, избитый, взял да и помер. Вот вместо него, точно граф Монте-Кристо, вышел я...

(Дорогой читатель, речь идет о подлинной истории подлинного героя: Ларионов, как и многие в моем романе, лицо не вымышленное.)

Сын рыбака любовно погладил белесый ремешок:

— Партизанил. Ходил со мной в разведку. Я отвоевался на Севере. И там же, в Мурманске, подружился с Мартыновым.— Курящий так сильно затянулся, что кончик папиросы превратился в огонек и осветил улыбку рассказчика.— Саше повезло. Милиционер сопровождал его только до Любани. На этой станции наш друг пересел на московский поезд и махнул в ЦК комсомола. Там обещали сообщить куда надо...

— Нет, батенька, с Мартыновым обошлись сурово. Зиновьев требует от нас беспрекословного подчинения, а сам частенько не выполняет решений ЦК. Не раз подводил. Не так ли?

Ларионов смекнул, почему «старик» снова перешел на Зиновьева, и заговорил совсем тихо:

— В Ленинграде есть кружок «высшего типа». Организован Григорием. Особый список слушателей. У дверей контролер. Меня не пустили. Явная конспирация...

— Темы занятий известны?

— Черта с два!— Он загасил окурок и, не повышая голоса, продолжал:— Члены кружка — приближенные Зиновьева. Они говорят: «Гриша читает главы из своей будущей книги». Если так, к чему же подпольщина?

— Голубчик, год назад мы дружно били троцкистов, но одно дело — атакующий Троцкий, лишенный ответственных постов, и другое — мирно руководящий Зиновьев. Любой его акт можно истолковать как разумный: требуя дисциплины, укрепляешь партию; переводишь коммуниста с повышением — повышаешь уровень партийных кадров; а то, что автор не всех приглашает на читку своей рукописи, ему виднее, кого звать. Так или не так?

— Резонно!— улыбнулся гость.— Все по Уставу партии...

— Однако, друг мой, кто здесь сменил тебя?

— Дима Иванов. Выдвинулся в Луге, затем работал в Питере...

— И был завербован Зиновьевым,— Калугин рассказал о вчерашнем выступлении Димы и заверил:— Ему ничего не будет...

— А за малый проступок — с милиционером. Дима — клакёр! У «Гриши» (он любит такое обращение) целая шайка рекламистов: они требуют, чтобы именем Зиновьева называли районы, города, заводы, учебные заведения. А я беседовал с путиловцами и другими рабочими, так ушам своим не поверил: «актер», «краснобай», «карьерист»! Из ста пролетариев, может, один верит ему.

— А вот еще факт! Недавно Зиновьев, в противовес «Большевику», хотел создать свой теоретический журнал, но ЦК не разрешил.— Калугин включил настольную лампу и пересел на диван поближе к собеседнику:— Был на квартире Фукса?

— Как же!— вспыхнул Ларионов.— Берта так обрадовалась комнатке с видом на Волхов, что забыла

о клятве, данной мужу, и назвала фельетон «Непрочитанная макулатура»...

— Брак, что ли?

— Свеженькие московские газеты шли прямо на склад в макулатуру: вся наша область без «Известий» и «Правды». Преступление! Не зря Гриша принял срочные меры. На квартире Фукса был обыск, изъяли черновик фельетона, взяли с автора подписку не разглашать суть рукописи. Вот бы по душам поговорить с Фуксом: наверняка добавил бы...

— Увы, голубчик, он запуган: при одном слове «фельетон»— немеет. Дождемся приезда Берты...

— Да, чуть не забыл!— встрепенулся контрразведчик.— Достоверно знаю: Троцкий притих со злым умыслом — сколачивает «золотой фонд» для подпольной работенки.

«Старик» схватил собеседника за руки:

— Вот бы узнать источник — откуда поступает золото? Нет ли новгородского?

— Постараюсь разведать.

— Отлично! Звони в ГПУ: вызывай только Воркуна.— Историк энергично поднялся с дивана, достал с полки том «Энциклопедического словаря» и вынул из него обстоятельное письмо, адресованное в ЦК:— Здесь пока моя подпись. Но уверен, что и Воркун, и Семенов, и Робэие, и Левит, и многие другие ленинцы подпишут...

Ларионов поднес лист к зеленому свету, внимательно прочитал документ и, не раздумывая, поставил свою фамилию:

— Назрело! Правильно! Разоблачим раскольников!— Он увидел круглый будильник, тикающий на столе, и взялся за портфельчик.— Жаль! Но мне пора. Нина ждет. Обговорить свадьбу надо...

Он еще раз бросил взгляд на блестящий никелированный колпачок часов и обнял «старика», прижался щекой к его лицу, словно предчувствовал долгую разлуку с близким человеком.

— Да, забыл, тебе от Саши Мартынова поклон. У него здесь тоже невеста. Но его не отпустят. Мы не скрываем свою дружбу с тобой. А ты у них на особом учете. Будь осторожен, старик! Тот же Пискун, возможно, глаз не спускает с тебя...

Соратники попрощались. Боясь потревожить собак, закрытых в сарае, Ларионов вылез в окно. На выходе из

палисадника он вспомнил про открытую калитку и подумал: «Монах шпионит».

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

Несмолкаемый шум, напор пыли с запахом бензина пробудили город от ночной спячки. Несмотря на раннее утро, новгородцы распахивали окна, выходили на балконы и улыбчиво-бодро что-то кричали. Закон резонанса действовал избирательно: не все буфеты звенели посудой, но дома Московской улицы дрогнули, когда следом за легковыми загромыхали грузовики, омнибусы и красные пожарные машины.

Я проспал старт машин, зато застал происшествие. Возле Соловьевской гостиницы американский студебеккер, груженный запасными частями, задним колесом продавил булыжную мостовую, но не застрял: накренился, скрипнул и, взвыв мотором, проскочил.

На месте провала зияла глубокая воронка. Из толпы зевак шустрый смугленок заглянул в яму. Затем слетал в столовую, где работал, и вернулся с корзиной. В подземной камере оказался ворох бересты. Ни я, ни другие очевидцы не догадались взять да и развернуть берестяной свиток. Возможно, свершилось непоправимое: мальчуган разжигал на кухне большой самовар уникальными документами, грамотами из домашнего архива Борецкой, поскольку клад бересты находился на земельном участке Марфы Посадницы.

Я же заинтересовался не находками, а подземельем. Именно здесь, на углу Московской и Рогатицы, Калугин наметил поиск подземного хода. И наметил очень кстати: сегодня «Звезда» поместила пятую заметку о таинственном подвале, который, как установила научная комиссия, относится к началу XIX века.

Я снова припустил. Пока лазейка не зарыта, надо организовать экспедицию с ребятами. Они, конечно, обрадуются. И учитель похвалит меня за такое известие.

В южной части Кремля, где застекленная оранжерея благоухала розами, башня Кокуй манила к себе народной легендой: когда-то дозорная вежа служила тюрьмой и в ее каменных стенах маялся князь Серебряный.

Сейчас из башенной пасти доносилось хлестанье карт. Подступы к убежищу заросли репейником и крапивой. Рядом под сводом стрельницы тявкнула собачонка, и все стихло. Мягко ступая, я подкрался к дверному проему

башни. На полу старая солома, обсосанные чинарики и прозрачные шкурки от колбасы. Куда же девались ночлежники? От темного угла веет прохладой. Так и есть! Небольшой пролом в стене вел на крутой спуск ко рву с тиной. Кругом ни душн. Укрытие надежное. Я подал условный знак свистом и, поджидая ребят, заметил на ветхой стене следы угля:

Над Кремлем сгущалась мгла,
Волхов в белом вихре чаек.
Ничего, что жизнь нас жгла:
Глина в пламени крепчает.

А вот и сам автор. Он вылез из пролома. Узкая головенка, тонкое ловкое тело и удивленно-радостный взгляд:

— А мы с Филей думали, того...

— Надуешь нас,— добавил приятель с загорелым лицом и черной упругой челкой.— Шамать хошь?

— Сейчас не до еды, ребята!..

Свежая новость заинтриговала друзей. И вскоре мы, поднимая дорожную пыль, шагали в гости. А впереди нас бежала задрав хвостик черненькая Мунька. Мальчуганы довольны: они шли в ногу с вратарем сборной Новгорода. И в знак уважения ко мне поведали свои не по годам суровые биографии.

Первым доверился Циркач, он же Сережа Ломов. Бесхлебный мор на Волге оставил его круглым сиротой. Мальчик — кости да кожа. Он пролезал в пяльцы, «замертво» падал на землю, складывался перочинным ножиком, выступал на вокзалах, пристанях. Потом к своим трюкам добавил номер с дрессированной собачонкой, которую вытащил из ямы. Гастролировал по городам, пока не побратался с Филей. А Филипп сам удрал из дому. Мачеха заставляла его воровать яблоки, картошку, дрова. И беспощадно стегала, когда тот возвращался с пустыми руками. Сережа обязательно будет поэтом: не зря он на памятнике вытащил перо из рук Ломоносова. А Филя открыто мечтал стать разведчиком.

Встретила нас Анна Васильевна. Сердобольная старушка обняла меня и ребят приветила:

— Угощайтесь, детки!— Она поставила миску с красной смородиной на летний столик, над которым, защищая нас от солнца, раскинула ветки рябины.

Плюс и Минус распластались на земле и, повизгивая, зазывали к себе мохнатку с черными влажными глазками.

Сережа отпустил собачонку с рук и залюбовался дальним пейзажем:

Коснулся слегка
Луча поцелуй —
Зарделась щека
У башни Кукуй.

Я догадался, почему Калугин принял нас в своем кабинете: когда воришки увидели Серого, то им, как говорится, и бежать некуда. Историк заговорил с ними просто, деловито. Он сел на диван промеж ребят и не торопясь раскрыл «Путеводитель по Новгороду» Ласковского на тринадцатой странице. Указательный палец медленно двинулся по строке печатного текста. «Слухи о подземных ходах в Новгороде,— читал краевед завораживающе,— идут издревле, и, по-видимому, в прежнее время такие ходы действительно существовали...»

— Лафа!— вскрикнул Сережа, он же Циркач.

«На углу Рогатицы,— продолжал историк,— полвека назад стояли остатки дома со всеми признаками древней постройки...»

— Дом Марфы Посадницы!— не утерпел я.

— Верно!— Он снова повел пальцем.—«Народная молва говорила, что Борецкая, как особо богатая, имела палаты не только на Софийской стороне, но и на Торговой, причем они соединялись между собой подземным ходом под Волховом».

— Здорово!— ахнул Филя, тряхнув черной челкой.

— «В 1860 году здесь произведены раскопки Богословским, при которых обнаружили железную дверь...»

— Подземного хода?— вскочил Сережа.— Вот бы с фонарем!

— Верно.— Чтец перешел на шепот:—«Раскрыв дверь, вошли было в подземелье, но дальнейшие работы пришлось прекратить, так как находчивый домовладелец вывел сюда фановые трубы из отхожих мест дома. Рабочие отказались продолжать расчистку...»

— Все давно продуло!—вставил Филя.— Мы пробьем!

— И Муньку вперед!— добавил Сережа.

Лохматка нежно лизнула хозяину руку. Филя прыснул смешком:

— Гляди-ка... кумекает!

Подогревая любопытство ребят, историк рассказал о подземном ходе во Пскове и торжественно завершил:

— Друзья мои, с нами музейный работник Квашонкин и профессор Передольский.— Он вынул карманные часы на волосяной цепочке.— Нас ждут. Сегодня первый выход нашей экспедиции...

Только Анна Васильевна знает, каких трудов стоило сыну уговорить по телефону музейщика и профессора помочь ему вытащить воришек из «пещеры Лейхтвейса». Председатель детской комиссии рассчитал точно: основная пружина ребячьего азарта — загадочность и романтичность спуска в подземный Новгород.

На Московской улице я попал в дурацкое положение: там, где утром зияла глубокая яма,— золотился свежий песочек. Надо же! Обычно ямы на дорогах долго объезжают, а тут дорожники мигом сровняли. Их, видать, подхлестнул международный автопробег.

На перекрестке Московской и бывшей Рогатицы угловой дом загораживал двор с каменным шатром древней кладки: тонкий кирпич с булыжниками вперемежку. Туда и подошла экспедиция.

— Перед нами остатки хором Борецкой Марфы,— приступил к рассказу бородатый профессор.— Возможно, Посадница именно здесь задумала привлечь на свою сторону короля Польши...

Передольский не отвлекал внимания слушателей ни мимикой, ни жестами: воздействовал голосом, на редкость благородным и доходчивым. Я не просто «вдохнул» тяжелый запах терема, где заседали заговорщики; не просто «прикоснулся» к белой коже пергамента с черными змейками букв; не просто «увидел» гонца на белом коне, скачущего на запад; не просто «вошел» в холодный мрак замка Казимира, но и явственно «услышал» надтреснутый плачевный звон колокола. И, что удивительно, профессор даже не упомянул звонаря, а в ушах надсадно стонал металл, щемя душу. Но вот чародей шелохнулся, вынул из кармана летней поддевки глянцевый снимок старинной иконы:

— Пир у Марфы. За столом с брагой и яствами единомышленники. Гостей немало. И все они, как видите, без голов. Художник угадал судьбу любого заговора против Москвы. По силе замысла — Данте! Подлинник у нас в Софии...

Я вспомнил большую икону, висевшую на западном столбе храма. А Сережа, рассматривая фотографию, в запальчивости громко признался:

— А я не ведал, что Марфа Посадница,
По-русски говоря, предательница!

Владимир Васильевич куда-то спешил. Его заменил Квашонкин. В изящном костюме, с русой бородкой, он шагнул к развалинам и открыл скрипучую дверь. Полыхающий закат осветил подвальное помещение со ступеньками из плит. Музейщик пропустил мимо себя экскурсию, и снова проскрипели ржавые петли. Теперь багровый свет бил из дверных щелей, отчего фактура старины привлекала к себе не только теплой шершавостью стен, но и мерцающими отблесками, казалось, просочившимися из глубин веков.

— Здесь, как на старой мельнице,
Укрыто пылью древности... —

прошептал Сережа, как бы вызывая Квашонкина на соревнование. Разумеется, Василий Алексеевич приглашен сюда не случайно: в нем навечно укоренился великий импровизатор, способный найти общий язык даже с беспризорниками.

— Вот перстень,— на его пальце вспыхнул изумруд.— Боярская печать. Откуда у меня?— спросил, интригуя.— Нашел в подземелье. А было так: играли в прятки. Я лезу в заброшенный подвал...

Жители «пещеры Лейхтвейса» догадливо переглянулись. А хранитель Софийской ризницы журчал теплым голоском:

— Лезу и слышу... дрожит кирпич в стене. Вытащил один, второй... Хе-е! Дверь в кованых пластинах...

— И в книге так,— шепнул Сережа приятелю. А Филя сурово моргнул: «Не мешай!»

— Я никому ни слова и — домой. Прихватил ломик, свечу и пугач. Вернулся в подвал. Ну, дверь-то быстро расчистил. Открываю: духота — пламя еле дышит. Дна не видно. Аж страх сосет, но лезу. Ступени ногой шарю. Не разогнуться: свод-то низкий, в плесени. А там и пол каменный обозначился. Под ногами мусор, черепки, кости, и перстень блеснул. А меж бочек в кресле, бог ты мой... скелет в боярской шубе: глазницы черные, оскал зубастый — видать, умом рехнулся. А кресло дубовое, кондовое. Находка! И только носком ткнул, оно... шок в порошок! Мертвец на меня...

Сережа в страхе отпрянул, а Филя щипнул друга: «Тоже мне!»

Я шасть!— На лице рассказчика ужас.— Пламя сбил и спички выронил. Наклонился, ищу и пальцем — в череп. Шарахнулся! Кругом тьма, паутина, вонь — ад кромешный. Вдруг шорох. Оглянулся. А из мглы... огненные глазищи. У меня волосы дыбом, ноги подломились. Ну, думаю, за горло схватит. Съежился и выстрелил. Огонь брызнул: глядь — на бочке кот Васька. За мной, значит, увязался. Он шмыг на волю. Я за ним. Вышел. Дверь кирпичами заложил. И к учителю истории. Так и так, говорю, боярин под землей. Пойдемте! А он: «Нельзя без комиссии. Надо все описать, сфотографировать». И пояснил: когда Иван Грозный громил наш город, одни бояре на суд явились, другие в свои поместья смылись, а этот замуровался. Да маху дал: кто спрятал хозяина, тот сам погиб от царской дубинки...

— А что потом?— замер Сережа.

— Вскоре ученый из центра и наши музейщики сунулись в подвал, а там — банда. Археологи еле ноги унесли. А когда нагрянули городовые, хе!.. одни окурки да битые бутылки...

Квашонкин кулаком ударил по кирпичной стене. Загадочное безмолвие ответило пустым вздохом.

— Не иначе как подземный ход. Проломать не сложно, но сначала научимся вести дневник экспедиции, фотографировать. И продумаем, куда складывать находки и как обеспечить безопасность.

— Подготовимся!— заверил Калугин и обнял юных помощников:— Сережа заведет дневник, Филиппу доверю фотоаппарат; а практику пройдем на Ильмене — Скит, Коломцы, Никола-на-Липне. Там и порыбачим. Нуте?

Обезумевшие от радости ребята повисли на руках историка. Тот мягко взглянул на меня:

— И ты с нами, голубчик?

Учитель не знал, что завтра его срочно вызовут в губком.

РАССЛЕДОВАНИЕ

Калугин молчал о гибели уникального архива: следствие еще не закончено. Коллективную жалобу проверяли члены Контрольной комиссии Громов и Робэне. А Николай Николаевич напал на след более опасного преступления — измены партии. Казалось, что только Зиновьев ведет тайный антипартийный подкоп, но Троцкий, побитый в открытом бою, не сложил оружия. Спрашивается, зачем

партиец тайно сколачивает кассу? Старому подпольщику нетрудно понять: без бумаги, наборщиков и типографии не издашь подпольной литературы — надо иметь большие средства.

Не дожидаясь звонка Ларионова, он немедля ухватился за улики, которые следует изучить тщательным образом, да при этом соблюдая строжайшую конспирацию.

— Глебушка,— подозвал учитель надежного помощника,— вот три гривенника. Пообедай, пожалуйста, с ребятами...

(Дорогой читатель, не удивляйся: тогда полная миска мясных щей с хлебом стоила пять копеек.)

Сегодня среда. В этот день Калугин «питался» только водой. Он придерживался мудрого совета Плутарха: «Зачем болеть, когда можно один сутки в неделю ничего не есть». Такой режим питания сложился еще в семинарии, и с тех пор Калугин не принимал лекарств и не жаловался на здоровье — донимала лишь травма.

Солнце в рыжем кольце. Третий день в городе пахнет далекой гарью. Где-то горят леса. Калугин зашел в губисполком: поинтересовался мерами борьбы с огненной стихией. Его отец, лесничий, спас от пожара лесной массив, а Новгородчина — одни деревья да болота. Зато Новгородская земля — мать великих рек Волги и Днепра. Особо краевед восхищался тем, что родная природа — лик противоположностей: низменности и Валдайской возвышенности. А сколько здесь глубинных вод! Они выступают на поверхность то блуждающим озером, то падающей рекой, а то старорусскими искрящимися фонтанами. Историк мечтал о том времени, когда сюда потянутся люди с философским складом ума, и, покидая Новгородчину, будут очарованы метаморфозами местной природы.

Не случайно Курт Шарф покинул Новгород с мечтой скорее вернуться сюда, в мир зримых противоречий. Они, разумеется, всюду, но нерасколотый орех никого не питает.

Юные помощники ждали Калугина там, где им было указано,— на пустыре возле «пещеры Лейхтвейса». Теперь появлением в этом месте никого не удивишь. Газетные заметки о тайне дома № 6 вызвали у горожан такой интерес, что началось буквально паломничество к заброшенному подземелью.

Провинциальные слухи нарастают по закону морской

волны: с каждым пересказом гребеиь иовостей поднимается все выше и выше, пока девятым валом ие обрушивается на голову обывателей. Сиачала говорнли о чудесиых хоромах Великого Новгорода, затем добавнли замуроваииую дверь подземиого хода, потом присочииилн о иайденных сокровнщах боярского происхождеиия. И вдруг сегодияшиий иомер «Звезды» с последией заметкой «Тайна дома № 6»: вывод спецнальиой комиссин — иет ии старнины, ни подземиого хода, ин боярских драгоцеииостей. И сразу спад любопытства, иа пустыре тихо.

Одиако Калугин стоит за кустом бузнны, растущей на развалииах казнмировского особняка, и пристально смотрнт на открытое окио дома аптекаря. Что же держнт тут краеведа?

Фома давио снгиалил, что аптекарь Гершель скупает у населеиия ие только стариииые монеты, но и золотой хлам. Однако первая версия: «Гершель — Алхимнк» — отпала. Пнтерскне даитнсты, как установнла экспертиза, получают иовгородское золото высшей пробы, еднное по своей структуре. Ясио, что из лома ие получишь одиородиых слитков 96-й пробы. Да н Рахнль Гершель, коммуиистка, ие допустит, чтобы ее отец спекулнровал золотом. Значит, Алхимнк — одно, а провизор — другое: первый — уголовник с размахом, ио и второй тоже заслуживает прнстальиого виимаиия.

Младшая дочь Гершеля Роза сказала Глебу, что ее отец собирает старнниые деньги для своего брата нумизмата-леиинградца. А Воркун устаиовил, что питерский иумизмат, работннк полиграфии, актнвно участвовал в дискуссни иа стороие Троцкого. Два брата — два крайних звеиа иашлнсь, ио где третье? Аптекарь, по свидетельству его детей и Фомы, иикуда ие выезжает из Новгорода. И Роза своего дядю, нумизмата, вндела только иа фото. Кто же доставляет золото троцкисту?

Вспомиился эпнзод пятого года: группа рабочих двииулась иа жаидармов, а мать вцепилась в дочь, революциоиерку. Так он вцепился в одиу догадку. Нельзя ли прнвлечь Берегнию? Ее баяинсты отказались бесплатно выступать в Доме юиошества. Актрису выручил скрнпач Доднк Гершель; она дружнт с инм, бывает у него в доме, принимает участие в семейных коицертах. Роза без ума от «Вечериего соловья». Не пойтн лн иа заключнтельиый коицерт Ясиопольской, пойтн с мамой, Розой и Глебом? А потом пригласить всех к себе иа чашку чая? «Нет, иет,— поймал ои

себя на корыстной мысли.— Я просто хочу ее видеть, и видеть ежедневно».

Отметая безумное чувство, Калугин заставил себя вернуться к задуманной операции с ребятами. Он заговорил с ними о важности постоянных упражнений:

— Тренировка, друзья мои, совершенствует навык быстро и точно разбираться во всем. А начнем с малого,— он подсел к Сереже.— Поэт чуток к звукам. Запоминай шелест листвы, травы; пение птиц и голоса людей. Сиди здесь и все лови. Потом воспроизведешь. Задание ясно, голубчик?

— Я слышу голос аптекаря.

— Отлично! Запоминай.— Учитель придвинулся к Филе.— Дружок, разведчик, примечай у человека все: костюм, походку, лицо, зонтик, папиросу, платок...

— А ежели он не один?

— Всех фотографируй: сначала глазами, потом аппаратом.

— Дашь?— Крепыш ударил себя в грудь.— Не смоюсь!

— Верю! И устрою учеником в артель «Фотография». Хочешь?

— А штуковину не отберешь?

— Подарки не отбирают, голубчик,— свой добрый поступок учитель закрепил взаимным обязательством:— А не продашь?

— Нет! Ручаюсь!— подкрепил я, поясняя:— Мы с ним организуем детскую команду. Он будет капитаном...

Ребята далеки от политики. Они, конечно, не подумали о том, что их вовлекают в «подпольную слежку». Для них упражнения в наблюдательности — подготовка к путешествию в «подземный Новгород». Другой разговор со мной: он пригласил меня прогуляться:

— Голубчик, ты как-то обмолвился, что Роза тебе родня?

— Да! Старшая дочь аптекаря Юлия — жена моего дяди Гони. Они вместе приехали с фронта: медсестра и врач.

— Почему же ты не бываешь в этом доме?— Он показал на желтый дом без единого цветочка на окнах.— Нуте?

— Аптекарь проклял дочь за то, что она вышла за русского.

«Вот с кем надо повидаться»,— решил Калугин и попросил ученика познакомить его с тетей Юлей:

— И хорошо бы сейчас...

А когда они вышли на Московскую улицу, Николай Николаевич спросил:

— Мальчик мой, ты хорошо знаешь свою родословную?..

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Удивительно, он лучше меня знает мою родню. Я объяснил это тем, что историк не мог не заинтересоваться земляками, которые помогали революционерам в царское время.

В те годы мне, «дворянскому сынку», приходилось выслушивать разное. И вдруг, словно желанный душ в жару, признание Калугина. Оказывается, он, гимназистом, получал стипендию, учрежденную моим дедом; более года работал у него личным секретарем, а также вместе со всеми ссыльными жил в нашем садовом флигеле.

— Твой дед, судебный заседатель, всегда заступался за бедных. Кстати, его служебный стол в приемной когда-то принадлежал Герцену.— Учитель взял меня под локоть.— Я тоже сохранил память о добром человеке...

Надо же, малиновая тетрадь, содержащая «Логику открытия»,— подарок моего дедушки. Только сейчас я осознал, почему Николай Николаевич бесплатно подготовил меня в педтехникум, да и теперь столько времени тратит на меня.

Старый большевик не забыл добра. Он называл моего дедушку «либералом», но произносил это слово уважительно, не то что Пучежский — презрительно. Историк помог мне восстановить историю фамилии Масловских. Они, ей-ей, достойны того, чтобы рассказать о них подробней.

Когда-то запорожец с буйным чубом умыкнул дочь турецкого султана. Паша донес русскому царю. Тот приказал: похитителю отсечь руку, а жертву вернуть отцу. Молодоженов приютила Польша. Там украинец Масловенко сменил фамилию на Масловского. А в Россию вернулся лишь внук беглеца — отчаянный рубака. За свою храбрость и военные заслуги он был пожалован званием дворянина. Его имя сохранил редут Бородинского поля.

Наследники патриота, братья Масловские, тоже дали о себе знать. Дмитрий Федорович, военный теоретик, восстал против «академистов», которые до небес возносили

европейских полководцев. Одим нз первых ои подиял иа щит Суворова, Кутузова, Нахимова, Скобелева. За что и увековечен в Большой Советской эицнклопедии.

А сыи его, Сергей Дмитрневнч Масловскнй, снля в Петропавловской крепостн, напнсал роман н укрылся псевдоиимом «С. Мстиславский», хотя широкая нзвестность прншла к иему после кннги «Грач — птнца весенияя».

Второй брат Дмнтрня, Константнн Федорович, мой дед, родился под счастливой звездой: вынграл по лотерее двести тысяч серебром. Ныне это больше миллнона. Ои, еще вчера бедный иовгородскнй чнновник, покупает жилой дом, два флигеля с большим садом и смежное здание для благотворнтельиой цели. Большне деньгн одного делают эгоистом, другого — меценатом: Масловскнй учредил стипеиднн для бедиых детей, богадельню для престарелых н прнют для снрот, а также обеспечнл добровольную дружниу лошадьми и пожарной машнной.

И иеудивительио, что нменно он, добряк, предоставил ссыльиым революционерам флигель в саду.

А детн его? Виктор, агроном, мой отец, женнлся иа революцнонерке. Борис, химик, актнвный участннк первой революцни, спасаясь от ареста, сбежал из родного города. Георгий, врач, прятал в своей комиате лнстовкн н партийные документы. Когда же провокатор Базненко выдал коиспиративную квартиру и в дом Масловского нагрянули с обыском, то Георгий успел сунуть улнки в отцовскнй портфель. Отец это видел и ие выдал сына. Наоборот, сиял фуражку, шниель (только что вериулся со службы) и, сверкая орденами, повысил голос: «Может, н меня обыщете?!» В тот год мой дедушка был внце-губериатором, и жандармы, понятно, отступнлн.

Последиий эпизод мы с учителем воспрнняли по-разному: я отметил иаходчивость дедушки, а ои почему-то обратнл вннмание на дедовскнй портфель:

— Голубчик, ты ие поминшь его цвет?

Я вернл, что мой дядя Гоия иаверняка сохраинл портфель как реликвию подпольщнков, н заметил, что спутиик прнбавнл шагу. Мы шли по Московской в стороиу Федоровского ручья. За мостом справа, рядом с пожарной каланчой, жнл мой сосед Сева Кочетов (будущий автор «Журбииых»), а чуть дальше, через дорогу, белел иаш двухэтажиый дом № 89.

Ннжиий этаж заннмали четыре семьн Масловских, в том числе и мои родители (до переезда в Антоново),

а верхний этаж — военкомат. Так что под нашими окнами новобранцы горланили:

> На Московской дом Масловских,
> Там и бреют и стригут...

Видимо, и на историка хлынули воспоминания:

— Ваш дом — аракчеевской эпохи. В нем сохранилась сказочная печь — разноцветье фигурных изразцов восемнадцатого века. Но мне дороже всего лабиринты сводчатого подвала с выходом в сад. Там я прятал запрещенную литературу. Кстати, это новгородец Мицлов, библиограф-писатель, составил список редчайших книг, в который входили и крамольные издания.

«Какое счастье,— думал я,— что в каждом русском городе есть свой летописец, не будь рядом со мной Калугина, конечно же мое перо не проникло бы в тайны нашей родословной».

У Масловских столько собак, что Николай Николаевич, кажется, забыл все на свете: огромный бесхвостый волкодав, пара легавых и дворовый на цепи... самый настоящий волк. Что ни пес — типаж! Охотник смело подошел к серому:

— А ты, волчище, как сюда попал?

У Калугина особый подход к собакам: волк и волкодав даже не зарычали на редкого гостя. Все же его подстраховал дядя Гоня. Он, стоя на крыльце, весело приветствовал:

— Сколько лет, сколько зим! Не иначе как в отпуске! Прошу! Хотя вам и не нужен врач. Вы признаете только Плутарха!

— Верно, друг мой!— улыбнулся историк, подавая руку.

Георгий Константинович провел нас в просторную комнату, где фасад деревенской избы и дощатый частокол с калиткой отгородили для докторского кабинета половину зала. Здесь все мне знакомо: резной стол, кресло с конской дугой вместо спинки, русские пословицы, выжженные по дереву, и подарок моего отца — инкубатор, в котором дядя выращивал вакцину.

Пока охотники обменивались воспоминаниями, я выполнил очередное упражнение — мысленно нарисовал портрет дядюшки: у него продолговатое лицо, маленькие черные усики и прямой пробор в темных коротких волосах. Военную выправку подчеркивали френч, галифе и офицерские сапоги. Говорил он медленно:

— На Федоровском ручье я открываю первый реитгеиовскнй кабннет. До зарезу иужеи свииец. Подскажи выход.

— Выход простой, голубчик,— ои притопиул иогой.— В подвале, в секторе под ванной, торчнт толстая свинцовая труба. В нее я прятал брошюры. Не пустил на дробь?

— Нет! Забыл про нее. Спаснбо! Ну и память у тебя!

— И твою проверю.— Калугии ощупал потрепаиный портфель из чериой кожи, лежащий иа этажерке.— Какого цвета был отцовский?

— Зеленый, крокодиловый.

— Сохраиил?— насторожился историк.— Нуте?

— Я вложил в иего чудом уцелевшую листовку, свой рассказ о подпольиых делах в иашем доме и передал Иваиову. Он тогда ведал Музеем революции...

— Прохвост! Себе присвоил!— возмутился старый большевнк н тут же прнветливо встретил входящую тетю Юлю:— Вы, голубушка, очеиь кстатн. Посекретиичаем иемножко...

Через «калнтку» он вывел ее в зал, где иа длиином рояле иежилась белая кошка. Я догадался, о чем будет спрашивать учнтель старшую дочь Гершеля, и понял, почему ои пощадил дядю Гоию: ведь из-за иего аптекарь проклял дочь свою.

Вернулась оиа в кабииет бледиая, с печальными выразнтельиымн глазами, отчего стала еще больше походнть иа актрнсу дореволюциоииого фильма, лишь короткая стрижка иапомниала иэповское время.

Мы вышлн во двор молча. Калугии огляиулся иа дом, где захлопиулась дверь, и тнхо, с досадой в голосе, сказал мие:

— Иванов и Пучежский требуют расселнть Масловскнх — покоичить с «дворяиским гнездом», ио пока я тут — этого ие допущу.

А иа улице, шнрокой, прямой, ои указал в сторону Аитонова:

— Завтра к вашему берегу причалят леииградскую баржу. Мобнлнзуй, дружок, техиикумовцев и ребят из Дома юиошества: помогите грузить стариниые книги.

Во время погрузки я узиал, что коллекция Феофаиа Прокоповича и Амвросня Юшкевича полиостью вольется в Публичиую библиотеку, где оиа хранится и поиыие.

Но меня ие покидала тревога за учителя: я знал, что новый секретарь губкома хотел все «церковные книги» бросить в котел бумажной фабрики, а Николай Николаевич, спасая редкие древние сочинения, сорвал план сдачи макулатуры и тем самым навлек на себя гнев иачальства. Как бы не случилось чего!

ОБРАБОТКА

Давио позади Октябрьский штурм, битвы с белякамн, экстренные операции Чрезвычайной комиссии, а срочные вызовы в губком бытуют. Направляясь в Кремль, он понимал, что разговор с Клявс-Клявииым хорошего не сулит. Тот не ведал, что Калугин использует канал ГПУ и свяжется с Луиачарским. Старинные книги уже грузят иа баржу. Еще казус: секретарь губкома взял под защиту Пискуна, а его разоблачили сотрудники губархива. Только что звонил Громов: факты коллективной жалобы подтвердились.

На лестинце губкома встретился Клявс-Клявин. Тот спешил в больницу к жене и наскоро распорядился:

— В моем кабииете тебя ждет инструктор из Ленинграда.— Он крепко пожал однополчанину руку.— Поздравляю! Тебе достался Комвуз. Рекомендация самого Зииовьева. Иди!..

Калугин с трудом отрывал иоги от ступеией, словно они смазаны липучкой. Так ловят мух. Его давияя мечта — преподавать философию. Двери Комвуза откроют при условии безоговорочного сотрудничества. Зиновьев не раз пытался перетяиуть его, даже терпел критику.

Правительство выехало из Петрограда. Зиновьев заиял огромиый кабинет, обзавелся царским поваром и царским автомобилем. Калугин противопоставил Зиновьеву скромиость Ленина. В дни угрозы Юденича Зиновьев запламировал сдачу Петрограда. Калугин назвал Григория паникером и попросился на фронт. Просьба была уважена.

После разгрома Юденича и Врангеля Калугин вериулся в Питер. Принимая у себя в кабинете фронтовика, Зиновьев так и заявил: «Ленсовет проводит свою линию, иезависимую от Москвы». Калугин возразил, но спор неожиданно оборвался: прострел в спине уложил контуженого тут же на диване. Григорий проявил заботу: отпра-

вил больного на знаменитый Старорусский курорт. «Как поправишься,— напутствовал он,— дай о себе знать».

Николай Николаевич дважды дал о себе знать: критическими разборами «Истории РКП» Зиновьева и его же книги «Ленинизм». Автор ухитрился не заметить в нашей промышленности ее последовательно социалистического характера, как это назвал Ленин. Ни на одно калугинское письмо Григорий не ответил.

В коридоре Калугина обнял «святой» Алеша. Он увлекался не только литературой, но и живописью:

— Завидую! Эрмитаж! Русский музей! И работа по душе!

Искренность, доброта Семенова всегда обескураживали Николая Николаевича — он и на сей раз промолчал...

Кресло ответственного секретаря заняла знакомая новгородка в зеленой гимнастерке. Дочь аптекаря заметно выделялась среди горожан пышной огнистой прической.

— Инструктор Зелуцкая,— представилась она и дымящей папиросой указала на стул с прямой спинкой.— Товарищ Калугин, почему вы, старый член партии, отказываетесь от руководящих постов?

— Я не отказывался, пока нас было мало, а теперь, голубушка, уступаю дорогу молодым. Имею право остаток жизни отдать призванию.

— Вы давно увлечены философией?

— Увлечение — не то слово: без диалектики я не жилец.

— Вы готовы читать курс диамата в Комвузе?

— Мое личное дело перед вами,— он шевельнул бледно-коричневую папку, лежащую на столе.— Нет специального образования.

— У вас есть то, чего не хватает красной профессуре: многолетнее изучение в подлинниках классиков философии.— Она ткнула окурок в пасть мраморного бульдога.— Есть печатные труды?

— Нет. Есть рукопись, возвращенная московским журналом.

— Почему?

— Моя «Логика открытия» не была подтверждена научным открытием, а диалектика — метод проникновения в тайны бытия.

— Вы все видите через призму диалектики?

— Ныне диалектика — руководство к действию,— ответил он, думая о том, что ее сестра Юлия мало говорит, но много делает.— Не так ли, голубушка?

Не разгадав думы собеседника, Рахиль утвердительно кивнула головой:

— И пример готов,— ее пепельные глаза изнутри затеплились огоньком:— Вы читали «Историю РКП» Зиновьева?

Диалектик уловил связь: положительный отклик на работу Зиновьева откроет ему дверь Комвуза.

— Товарищ Зелуцкая, я уже откликнулся письмом.

— И в чем суть его?

— Когда ведут корабль революции, смотрят не только на берега, но и на с е р е д и н у — на речные вешки, чтобы не сесть на мель. Не так ли?

— Вы имеете в виду политическую лоцию?

— Верно! Только ленинскую, а не ту, которую Зиновьев преподносит в своем учебнике, освещая хотя бы пятый год...

— А именно?!— вскинулась она коброй.

— Автор указал стратегическую цель — свержение царизма; указал тактическую — использовать либеральную буржуазию в борьбе с монархией, но он, заметьте, совсем упустил БЛОКИРОВКУ — союз рабочих с крестьянством. Исключить основного союзника — близорукость! Учебник издан трижды, а роковая ошибка не исправлена.

— Почему «роковая»?— усмехнулась она, доставая из пачки папиросу слегка подрагивающими тонкими пальцами.

— Голубушка, неисправленная ошибка переходит в уклон от ленинской линии. Григорий, вероятно, не получил моего письма?

— Получил,— она фыркнула никелированной зажигалкой.— И помнит вас. Доверяет вам статью. Ее ждут в центральной «Правде».— Ее красивая рука, с музыкальными пальцами, протянула рукопись:— Вот «Философия эпохи». Ваш профиль?

— Мой, голубушка. С удовольствием прочту...

— Только здесь, пожалуйста...

Зелуцкая вышла из кабинета, оставив дверь приоткрытой. В коридоре попискивал архивариус. Тот был у Зиновьева. Что плел монах? Ученик мог и предать учителя. Иуда и Христос — вечный конфликт...

Историк, разумеется, понимал, что Зиновьеву нужна не рецензия (подумаешь, отзыв краеведа), а документ ленинца, который наконец-то осознал, что после смерти Ильича ему следует сотрудничать только с зиновьевцами. В эту минуту новгородец хотел бы жить во Пскове.

Читая статью, историк сознавал необходимость открыто выступить против заговорщиков. Автор «Философии эпохи», утратив чувство меры, претендует на роль властителя дум ленинского масштаба. «Нет, не бегство во Псков, а псковская позиция на берегах Волхова, вот что!»— рассудил он, закончив чтение статьи.

В кабинет стремительно вошел Клявс-Клявин (от него пахну́ло больницей). Острый взгляд латыша задел рукопись Зиновьева:

— Прочитал?

— Как самочувствие супруги?

— Благодарю за рекомендацию: Масловский — виртуоз, блестяще владеет скальпелем.— Он снова обратился к рукописи:— Отличное заглавие... «Философия эпохи»!

— Слишком претенциозно.

— Нет! Оно оправдано подзаголовком,— Александр Яковлевич взял рукопись и прочитал:—«В ожидании четырнадцатого съезда партии».

— Люди! Смотрите — какая глубоко продуманная платформа!

— Только так!— Латыш потряс рукописью:— Автор призывает к борьбе за р а в е н с т в о!

— Батенька, борьба за равенство — длительная борьба, а нам нужен м о б и л и з у ю щ и й лозунг.

— Разве это не мобилизация — д а е ш ь р а в е н с т в о?!

— Между кем?— Историк указал на окно, смотревшее через крепостную площадь на здание редакции.— Между наборщиком и безработным? Между кулаком и батраком? Между нэповским сыночком и беспризорником? Нет, друг мой, мы сейчас не имеем базы для ликвидации торгашей, мироедов. Мы пока не можем всех обеспечить работой. А тут крик о РАВЕНСТВЕ! Это не мобилизация, а дезорганизация. Лозунг Зиновьева не облегчит, а усложнит нам работу как в городе, так и на селе...

— Равенство на знамени коммунизма!— выкрикнула Зелуцкая, врываясь в кабинет.— Понимаете, на знамени коммунизма!

— Верно! Но сейчас не коммунизм. Поэтому Ленин против тех, кто в наше время обещает равенство. Он ска-

зал: «Равенства между рабочим и крестьянином на время перехода от капитализма к социализму быть не может...»

— Что-о?!— поперхнулась дымом Зелуцкая.— Откуда цитата?

Калугин напомнил о ленинской статье «Речь об обмане народа лозунгами „свободы и равенства“». И осуждающе покачал головой:

— Как случилось, что инструктор Смольного не читает руководящей литературы? Нуте?

Она явно обрадовалась длительному, резкому телефонному звонку и демонстративно повернулась к аппарату, давая понять, что будет говорить с начальством и что Калугин здесь лишний...

В коридоре историка настиг Клявс-Клявин и, обняв его, отвел на лестничную площадку:

— Николай, дорогой однополчанин, поверь мне: я ценю твой ум. Твоя оценка нэпа правильна: одни ищут работу, другие — развлечения. И Ленин прав: нам сейчас не до равенства. И текущий лозунг — «Лицом к деревне!» Москва не прозевала. Все это так...

Латыш ухватился за бородку, выражая сомнение:

— Но одни факты бытия не вызовут международного резонанса...

— Надо обобщить их?

— Вот именно!— оживился Клявс-Клявин.— Представить нашу эпоху философски! Показать свою партию как самую мудрую, богатую крупными теоретиками...

— Голубчик,— улыбнулся Калугин,— прочитай статью Зиновьева: автор претендует на роль мыслителя в одном лице...

— Ну зачем так?!— обиделся секретарь.— Григорий сколачивает кадры из одаренных партийцев. Среди нас ты бесспорный философ. Он высоко ценит тебя. Доверяет тебе курс диалектического материализма! Будешь жить на Невском. Рядом Публичка! Кругом институты, музеи, журналы, издательства. Примешь участие в дискуссиях, напечатаешь свой труд. Наконец-то сбудется твоя мечта! Пойми, тебе покровительствует сам Григорий! Цени!

Вечное заблуждение! Высокий пост не признак высокого ума. Зиновьев скорее ловкий организатор, чем теоретик. На предстоящем съезде ему нужен ГОЛОС за его «платформу», а не калугинский ум. Историк, разумеется, не соблазнился посулами.

— Скажи откровенно, к чему клонишь, голубчик?

— Не упрямься. Соразмерь снлы. Здесь мы в большииастве. Так будет и иа партсъезде.

— Не будет, батеиька!

— Время покажет!— Ои прислушался к шагам в коридоре и прошептал:— Не спеши с ответом. Даю три дня...

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Три дня. Мало это или миого? Ответить не просто. Все же он ответнт в коице дия. А сейчас исторнк, не выходя нз губкома, по телефону объясиил Иваиу, где иаходится архнв комиссии по изъятию церковиых цеииостей:

— Наведн справку: сколько сиоиов взято в Юрьеве? А завтра ровно в трн будь иа Коитрольиой комиссии.

И тут же позвоннл матери: предупредил, что пообедает у Передольскнх.

Дождевая тучка опять обошла Новгородчииу, а север, край Ладоги, полыхал радужим сияннем. Там все иапоено, а тут сохиут яблонн. Ныие только лен выстоял. Удивительная культура! Рылн колодец, и в слое X века блеснулн темно-корнчиевые скользкие семеиа. Местный прнродолюб Борнс Констаитниович Маитейфель посеял древиие зериышкн в горшке, а те, пролежав в земле десять веков, к великой радости иатуралнста проклюнулись, зазеленелн, распустнлнсь голубымн соцветиямн; лишь пятнзвездная коробочка ие созрела — силеиок не хватило.

Жалея родиую землю и любуясь далекой радугой, охотиик прнслушался к свисту утииых крыльев. Его потяиуло иа Ильмеиь, н ои решнл ускорнть поход с ребятамн иа озеро. В прошлом году весь сезои охоты ездил по деревням: подннмал авторнтет сельской властн. А ыиешняя рыбалка, похоже, будет прощальиой...

По Волховскому мосту ои шел с комаидиром местного гарннзоиа. Зиакомый воеиачальиик обсуждал возможиость войны с амерڅканцами ради спасеиия Китая.

Вспомиилсякитаец, в будеиовке, с кружкой на ремне. Красноармеец, поклоииик Коифуция, охраиял железиый суидучок воеииого трнбунала, охраиял иадежио, ио часто вздыхал: «Ходя любит крепко чай». После гражданской войны Лииь Цю бо прислал Калугииу свои иероглифы с русской прнпиской: «Я очеиь скучай». Он зазывал «начальника» к себе во Владивосток. Калугни улыбнулся: «Пусть меия ушлют к Золотому Рогу».

С такой мрачиой шуткой он подошел к дому Передольского. Повалеииое бурей дерево распилено на чурки;

без коры они походили на ленивых боровов, лежащих на дворе.

Профессор пригласил гостя в сад. Настойчивые лучи солнца пробивались через листву яблонь и световыми зайчиками прыгали на цветной клумбе, обложенной кирпичами на манер кремлевской стены с башнями. Видимо, она в глазах хозяина маячила мечтой о заповедном городе-музее.

В круглой беседке с круглым столиком любители старины, угощаясь душистой малиной, вели беседу о новгородских древностях. Калугин незаметно стал выведывать судьбы достопримечательностей Юрьевского монастыря царского времени:

— Там был музей Аракчеева. Часть его архива приобрел ваш отец. Каким путем, голубчик?

— Распродажей аракчеевских вещей занимался какой-то монах. Отец купил у него письма, документы, протоколы допроса...

— По делу убийства любовницы графа?

— Да. В шести кожаных переплетах. Хранятся у меня на ленинградской квартире...

(Дорогой читатель, любопытна судьба этого архива. Вдова Передольская продала его ленинградскому коллекционеру Лесману; а у того эти шесть томов выкрал блокадный вор и взял немалый куш с Публичной библиотеки, где они ныне хранятся в фондах.)

— Друг мой, вы знаете бывшего хранителя юрьевской ризницы Александра Павловича Иванова?

— А-а, Пискуна! После семнадцатого года он в стенах монастыря водил экскурсии, смаковал тайную связь Фотия с Анной Орловой, удачно разоблачал поповские махинации. И что странно, настоятель Никодим...

— Который сопровождал царя по Японии?

— Да. Образованный, культурный, набожный, а к Пискуну благоволил. Чем объяснить?

— На фоне черных невежд Пискун — светоч. К тому же, бестия, остроумен: «Ученье — свет, а неученых тьма!»

— Монахи — гунны! — Профессор гневно тряхнул бородой: — Юрьевские получили указ: «Разобрать и описать старину в кладовых». Они увязали в тюки пергаментный, рукописный «хлам» — и в Волхов.

— Да еще ворье! Известно, графиня Орлова — миллионерша. При ней ризница серебрилась, золотилась. Одна панагия, осыпанная бриллиантами, целое состояние! А личные вещи — кресты, иконки, кольца, картины! Ведь

императрица сокровищами одаривала своего фаворита, отца Анны. Кстати, вам не известна судьба картины Лямпе-старшего «Екатерина на белом коне»?

По лицу коллекционера пробежала тень смущения. Хозяин пригласил гостя к столу. И только на лестнице он признался:

— Видел у Квашонкиной, но не спросил откуда.

— Голубчик, это Любовь Гордеевна добыла секретку «Н. Ф.»?

— Коллекционеры не подводят своих посредников, но вам, милейший, скажу: случайно обнаружила в купленной шкатулке...

— «С двумя донцами»,— улыбнулся гость, радуясь удачному визиту и большим шкафам, забитым новгородикой...

Высокие часы с длинным маятником мелодично пробили пять раз. В это время Квашонкин дежурит в ризнице или на выставке картин. Историк дружески простился с Передольскими и быстро зашагал к центру города. На углу Московской он вспомнил Фому. Тот обещал опознать «могутного бородача». Выручила «пушка» — тумба: оставил в ней записку.

В картинной галерее Квашонкин пребывал в праздничном настроении: живописец Браз обнаружил в запаснике музея «Портрет патриция» кисти самого Рубенса. Калугин поздравил с находкой:

— Голубчик, еще раз спасибо за «встречу с боярином». Кстати,— он указал на перстень екатерининского времени,— откуда у вас?

— Жена подарила, когда еще любила меня.

— А ей кто преподнес?

— Только не Морозов! Мясник повесил ей брелок — свою харю в сердечке,— добродушно засмеялся Квашонкин и прибавил анекдот про себя:— Извозчик втащил пьяного Квашонкина в его спальню, а там парочка. Хозяин пояснил провожатому: «Моя жена, а рядом с ней — я».

Калугин не сдержал смеха, а король бильярда повторил:

— Только не Морозов! В тот вечер жена подъехала не на рысаке, а на кобыленке Фомы. Помню, картину привезли...

Василий Алексеевич, провожая историка до парадной, умиротворенно заявил:

— Сегодня мой дом без сюрпризов: хозяйка укатила в Питер...

Вестью Калугин не огорчен: понимал, что цыганка не выдаст снабженца. Теперь надо ждать Фому, только ему известен адрес владельца сокровищ графини Орловой, а может быть, и золотого сиона.

Возле старой крепости промелькнула алая косоворотка. Завтра лучший оратор города рассчитывает убедить всех членов комиссии смести с лица земли памятник России. Разумеется, перемены в губкоме в его пользу. Бой предстоит не из легких.

Дома сын попросил мать подать ужин на троих. Опечаленная, старушка перекрестилась:

— Фома не приедет. Скончалась Степанида. Сегодня похороны. Звонил сын. Просил извинить отца: сможет заехать завтра...

«Значит,— смекнул он,— «могутиый» опознан».

— Еще звонили с кирпичного. Мастер, приглашенный тобой из Боровичей, грозится уехать. Ему негде жить,— она открыла окно на дворик, где рядом с сараем сохранилась времянка.— Пригласи к нам. Ведь жил в ней хозяин, пока ставил дом. Я приберу, обставлю...

— Спасибо, родная!— сын поцеловал мать и с облегчением подумал: «Без меня не будет одинокой». Он ловко метнул панамку на олений рог, прошел в кабинет и сел за рабочий стол.

Что успел за новгородский год? Руководил Контрольной комиссией. Докладывал на Бюро губкома. Шефствовал над кирпичным заводом (наконец-то он задымил). Выступал на заводах, в деревнях. Содействовал автопробегу. Пристроил шестерку беспризорников. Развенчал легенду о «золотой модели», отвел подозрения от непричастных к спекуляции золотом. Вывел чекистов на золотой сион, орловский перстень и картину Лямпе. Подключил Фому к поимке «чудотворца». Пропагандировал диалектику: помог Передольскому. Учил Глеба. Приблизил Шарфа к России. Продвинул «Логику открытия». Нащупал заговор зиновьевцев; установил связь с Ларионовым и наблюдение за аптекарем. Написал письмо в ЦК. Да! Прочитал курс лекций по истории.

Немало, но сколько еще впереди?! А ему «отвалили» только три дня. Успеть бы отвоевать памятник Родине, разоблачить Пискуна, отстоять музей Передольского и дом Масловских...

Впрочем, можно многое успеть, если времени в обрез: именно в критические минуты работа на редкость спорится.

Раздался стук в дверь. Мать решительно переступила порог. У нее распущены волосы и неестественно выпучены глаза...

МАТЬ ТРЕБУЕТ

Материнским сердцем она чувствовала, что завтра комиссия решит судьбу не только микешинского памятника. А тут еще звонок Пучежского. Он сказал правду: «Если ваш сын выступит против большинства — ему придется сменить место жительства».

Страшно подумать об одинокой старости. Нет сил последовать за сыном. Ему надо отступиться. В конце концов, одним монументом меньше — не велика утрата: здесь хватает старины. Вот убрали обелиск «Народным ополченцам»— ну и что? Поставят другой, более созвучный эпохе.

А микешинской громоздильней она никогда не восторгалась — этакая мешанина: сколько скульпторов приложили руки к памятнику. Но разве сына убедишь? Он весь в отца. Тот один вышел к троим браконьерам и сложил голову. Давно известно: один в поле не воин. Чует сердце — быть беде.

Безжалостна к ней судьба: мечтала до гроба не расставаться с мужем, а прожили вместе шесть лет; мечтала увидеть сына знаменитым историком, а он — провинциальный краевед, боже мой!

Из рамочки, висевшей над кроватью, смотрит на нее большелобенький крепыш с черными глазами. Сколько раз материнские руки гладили смышленую головку. Рано овдовев, Анна всю свою неуемную любовь перенесла на единственное дитя. Задумчивый мальчик радовал ее вниманием, заботами и редкостными успехами в учении. Все преподаватели пророчили Коленьке славу ученого. Одаренному мальчику, без отца, местный меценат пожаловал стипендию. Золотой медалью проводила его гимназия.

Она, учительница, боготворила Ушинского. Николай, не без влияния матери, избрал учительскую семинарию. И там его недюжинный ум поражал педагогов и однокашников.

Какое счастье иметь мыслящего сына, и какое горе матери, понимающей, что сыновний разум в тупике: им владеет идея фикс, подобная мечте о вечном двигателе. Лучшие часы отдыха сын убил на «Логику открытия».

Фантазер, верит, что какими-то «ключами» можно открыть тайны мироздания.

И вот ему — полвека, а у него ни печатного труда, ни признания, ни семейного счастья: не раз влюблялся — и все безответно, одно слово — неудаха. Правда, Николай — старый революционер, глава многих комиссий, преподаватель истории, всеми уважаем, но кому нужны его философские ключи?

Ей-богу, обидно! Все новгородцы пользуются его изречениями. Профессор подарил ему свою книгу «На челне по Енисею» и сказал: «С нетерпением жду сборник ваших афоризмов». А сын упрямится: «Я не Толстой и не Гете». Долг матери — помочь. Ныне возможно издать книгу на свои деньги. У нее есть небольшое сбереженьице. Она спрятала его тетрадь и выпишет все афоризмы.

Расставив чистую посуду по кухонным полкам, она сбила прическу и, минуя столовую, бойко вошла в кабинет сына.

— Коля, прости!— Ее дрожащая рука тянется к телефону:— Позвони Луначарскому или Крупской. Они знают тебя...

— Разумно, голубушка! Я подумал о Куйбышеве...

— Почему о нем?

— Председатель Центральной Контрольной комиссии ЦК. И обязательно свяжусь, но не сейчас,— он усадил старушку на диван рядом с собой и задушевно продолжал:— Учти, душа моя, Новгород подчинен Ленинграду. Я, коммунист, не должен действовать в обход Смольного. Другое дело, если комиссия заупрямится...

— Еще как! Председатель комиссии — Пучежский. Он презирает старую Русь. Даже Александра Невского называет ханжой!

— Вот Пучежского я и постараюсь в первую очередь образумить.

— Не образумишь! Не ходи! Только озлобишь,— она обняла сына.— Прошу тебя, езжай в Москву. Сегодня же ночным пароходом.

— Пойми, мама, если станем нарушать Устав — развалим партию. Да и не в моем характере бежать с поля боя.

— Твой отец так же говорил,— она сухой щекой прижалась к груди сына.— Загонят тебя на север. Опять разлука. Я уж стара, не могу с тобой. И дом не оставишь — хозяйство. Да и тебе без всех нас будет тошно. Не ходи: одному не под силу...

— Со мной Воркун и Семенов.

— Все равно их больше! И Клявс-Клявин с ними. Отступись, родной. Даже Стасов, великий критик, недолюбливал памятник...

— Мама, Стасов, как и Герцен, настолько ненавидел самодержавие, что не мог поддакивать придворным — восторгаться памятником. Да! Микешин не Плеханов! Но дело не в этом, а в той борьбе, которая ведется из-за монумента. Величие России, ее славную историю мы, коммунисты, не можем отдать реакционерам. А Пучежский и прочие леваки...

— Пучежский — партиец, свой...

— Свой уже не свой, если обходит ЦК! Он слепо выполняет волю Зиновьева. А тому не дорога русская культура.— Сын читал в глазах матери надежду.— Пойми, душа моя, наш долг ленинцев спасти бронзовую летопись Отчизны, венок дружбы народов. Ты первая перестанешь уважать меня, если я не дам бой вульгаризаторам. Так или не так, дорогуша?

Вытирая слезы, старушка все еще сомневалась в победе сына:

— Ты лектор, а Пучежский — трибун. Ему здесь нет равных. Забьет тебя демагог. Боюсь за тебя, сынок.

— А ты не бойся! Красноречию я противопоставлю железную логику. Она не раз выручала меня.

— Ой, дай-то бог!— смирилась она, любуясь сыном.

АЛЕКСАНДР ПУЧЕЖСКИЙ

Нэп, диковинный и обоюдоострый, вызвал спор по всей стране: дискуссировали с троцкистами, вели дебаты за правильное понимание новой экономической политики сторонники свободной торговли и государственного контроля; по-своему «резались» кооператоры и частники. Весь мир следил за этим противоборством!

А тут еще судебные процессы со знаменитыми адвокатами, модные диспуты атеистов с богословами, научные прения «Есть ли жизнь на Марсе?» и громогласные атаки футуристов.

То была эпоха разнообразных полемик. А где масштабность разноречий, там и спрос на ораторское искусство. Вот этим гребнем и вскинуло на трибуну Новгорода Александра Пучежского. Блестящий лектор совпартшколы, популярный докладчик, он верил, что страстностью

и силой убеждения можно покорить любую аудиторию и достичь желанной цели.

Мысль эта укоренилась в нем с юношества. Бабка подарила ему книгу «Златоструй», которая очень повлияла на Сашу. Прослыть Златоустом, очаровывать людей мощью ораторского слова — предел мечтаний!

И первая же речь принесла удачу: вития уговорил молоденькую служанку, с иконкой на груди, закрыться с ним в темном чулане.

А утром солдаты разгромили соседний винный склад и пьяно рвали глотки под городскими окнами:

> Николашку в каталажку,
> А царицу за косицу
> Да в воронку, как шпонку!

Отец, урядник, сбежал из дому с юной прислугой. Мать повесилась на чердаке. Александр покинул родные места и обосновался в далеком Мурманске.

Портовым грузчиком вступил в комсомол и надел красную рубаху. На молодежных собраниях — первый оратор. А ночами готовился в Комвуз, куда и попал, имея билет кандидата партии большевиков.

Учился прилежно, но жил двойником: с одной стороны — сын урядника, а с другой — активный марксист, особенно на лекциях Зиновьева. Тот сразу его приметил. Александру не забыть, как он в числе лучших выпускников Комвуза был на приеме у шефа, как сам Григорий Евсеевич вручил ему направление и дал наказ: «Расчистить Красный Новгород от всего буржуазного, дворянского и мракобесного».

Новый начальник губполитпросвета начал с того, что запретил профессору Передольскому, «буржуазному ученому», водить экскурсии по городу. Затем изъял из библиотек «дворянских» писателей: Пушкина, Лермонтова, Тургенева и графа Толстого, а сочинения Достоевского приказал губархиву о п е ч а т а т ь. Потом распорядился ликвидировать все церковные архивы и убедил музейщиков отдать строителям на кирпичи храм Лазаря XV века.

А как только Зиновьев санкционировал список памятников, обреченных на снос, Пучежский мигом нажал на местных горсоветчиков. Сначала свалили обелиск «Народным ополченцам», следом в Юрьеве ликвидировали Музей дворянского быта; часть старинной обстановки пе-

редали Дому инвалидов, другую спас музейщик Порфиридов.

Теперь очередь за памятником царской России. И поначалу все складывалось удачно: местная газета поддержала Александра в развенчании Передольского и Микешина.

И вдруг успехи на работе, зажигательные лекции, любовные победы — все поблекло: Пискун, будь он проклят, навел справку на родине урядника Михаила Пучежского. А тут еще Берегиня не только отвергла его любовь, но еще залепила ему пощечину — заступилась за Веру Чарскую. Мало того, из Старой Руссы перевелся старый большевик Калугин.

Нет, Калугин — честный, чуткий — не вынес жалобу актрисы на партийный суд, но старик — гнилой интеллигент: хватается за прошлое как за светлое будущее. Завтра ему крышка: теперь губком возглавляет не его дружок Сомс, теперь председатель комиссии по увековечению памяти Ленина не исполкомовец Миронов, а он, новгородский Марат. Правда, Калугин — серьезный спорщик: умен, но недооценивает силу зиновьевцев.

Если завтра Воркун и Семенов примкнут к Калугину, то все равно они будут биты: большинство за Кремлевскую площадь без новгородского «Пугала». Однако готовиться к бою надо. А сегодня, как назло, премьера: «Мораль пани Дульской». В главной роли — Вера. Она не простит ему, если он не придет в театр. Да и положение начальника просвещения обязывает. Одна надежда — пораньше удрать домой: для него крепкий сон — залог победы.

Толпа одобрительно гудела. Трибун в красном призывал взорвать рекламу Романовых. Его ораторский голос, летящий с башни Кремля, жег сердца слушателей. Эффект потрясающий. Участники митинга подрылись под фундамент памятника, заложили динамит и разбежались. Черный фитиль дымил, извивался. И вот... качнуло крепость. Осколки монумента загрохотали о ближайшие крыши музея, театра, губкома и редакции газеты...

Александр проснулся от дробного стука в дверь. Дежурная по коммуне, выполняя просьбу, разбудила его раньше обычного. Вчера он задержался у Веры Чарской и решил наверстать — понадежнее подготовиться к диспуту.

Позавтракал наскоро и мигом к себе на работу. В служебном кабинете, стены которого оклеены афишами

кино, театра, эстрады и клубных лекций, начальник содрал портрет «Вечернего соловья», исклочковал его и бросил в мусорную корзинку.

За рабочим столом Александр подписал репертуарный список и распечатал серый конверт, оставленный архивариусом. Опять резанула мысль избавиться от монаха, но тот, шельма, не носит при себе справку, да еще намекнул, что оставил завещание: «Вскрыть пакет в день моей смерти». Поймал черт на крючок!

Просматривая справки о памятнике России, Александр забраковал лишь одну — критическое высказывание Достоевского: тот считал, что деньги, собранные на памятник, надо было отдать бедным людям. «Довод явно не по существу, да и ссылаться на реакционного писателя негоже»,— взвесил он и выделил как решающие аргументы рассуждения Герцена и Стасова, бичующие рекламу самодержавия.

Лучший оратор города не сомневался, что сейчас опрокинет Калугина с его идеализацией царской России, а тем самым ускорит выдворение из Новгорода антизиновьевца. Но Александра смущали два неприятных типа: архивариус и начальник ГПУ. Пискун пишет биографию Зиновьева, однако этот флюгер может в любую минуту переметнуться к Калугину, не случайно называет себя калугинским учеником; а Воркун всегда смотрит на него, Пучежского, хмуро, словно угадывает в нем сына урядника.

Он распахнул створки южного окна, взглянул на микешинский памятник, освещенный полуденным солнцем, и обомлел: к бронзовой решетке монумента подошел здоровенный мужчина в форме гепеушника. Воркун — член комиссии, приятель Калугина: его приход вполне объясним, и все же Александру показалось, что монах уже предал его и что чекист явился сюда арестовать Пучежского за обман партии. Впрочем, за ложь в анкете не арестовывают, а лишь исключают из партии: есть возможность искупить вину. И он вышел из кабинета с поднятой головой...

ГОРЯЧИЙ СПОР

Вот ведь как бывает: Иван увидел бронзовую Русь, а встревожен не тем, ради чего спешил в Кремль. Он думал: как бы жену без него не отправили в роддом. По всем расчетам, ей надо рожать. Но в городе все сроки споты-

каются. Тут даже природа блажит: то Волхов вспять прет, то лягушки с неба падают.

То ли дело в Родниковке: речка так речка, лес так лес, все на месте и все в свой час. Там и люди лучше: зря тебя не оха́ют, а тут что ни день, то подвох. Надо же! Деревню покинул в четырнадцатом году, а вспоминает ее каждый день. Вот и сейчас микешинская громада воскресила в памяти искусницу Агафью.

Благовещенские просвиры она пекла своим манером: на толстый бублик клала саечный колобок, а сверху дыбком крестик. Микешин не иначе как подглядел бабкино таинство. Ведь его работа точь-в-точь как у Агафьи — на круглой основе колобок-держава, а сверху крест. И до чего же этот памятник русский! Смотришь на него — аж мед по сердцу разливается: все-то здесь нашенское, окропленное слезами и согретое радостью!

Все члены комиссии в сборе. Опаздывал Клявс-Клявин. Без руководителя неудобно начинать, но Пучежский расстегнул ворот косоворотки и самоуверенным взглядом задел Калугина. Тот спиной прижался к ограде монумента, словно загораживал его.

— Товарищи!— начал говорун напористо, широким жестом привлекая к себе внимание.— Только что отгремели пушки! У вас еще болят раны! (Увидел Клявс-Клявина и Робэне.) Латышские стрелки вместе с русскими били царских прислужников! А здесь кто?.. (Брезгливый жест в сторону пьедестала.) Они же! Офицеры! Генералы! Адмиралы! Не зря сей парад изображен на сотенной Деникина! Это же эмблема белой армии! Это же издевка над нами! Это же открытый призыв: «Боже, царя храни!» Позор!

— Вон из Кремля!— выкрикнула Творилова из группы зиновьевцев. У нее короткая стрижка и кожаный пиджачок нараспашку.

— Брехня!— басисто возразил Воркун, еще не зная, как доказать свою мысль.

Его выручил Калугин:

— Представьте агитатора перед бойцами, идущими в бой. В руке оратора сотенная Деникина. «Белые генералы,— говорит он,— по частям запродали Россию англичанам, французам, американцам, японцам. А наши прославленные полководцы, поднятые на пьедестал Тысячелетия, Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Кутузов не торговали Родиной, защищали ее от захватчиков! И мы постоим за нашу Отчизну!» И рота за-

хватила мост. Здесь свидетель!— Ои обратился к секретарю губкома:— Алексаидр Яковлевич, было такое в нашем полку? Нуте?

Возле фоиариого столба сгрудилнсь послаицы Зиновьева: Дима Иваиов, Уфимцев, Бурухии и Творилова. Оии глазами впились в Клявс-Клявиия. Тот застыл в замешательстве.

— Да-а,— еле выдавил ои.— Тогда ты удачно выступил...

К тому времени Иваи собрался с мыслями. Бравоусый будеиовец хлестким взглядом стеганул Пучежского, который стоял в непоколебнмой позе оратора.

— Слушай, славянни, пусть тебе привидится река нз крови и слез, пролитых за Русь; и пусть совесть окунет тебя в эту реку; а как иахлебаешься кровн да слез иародиых, то поймешь, какой цеиой куплена твоя жизнь иа земле; и тогда очиись в холодиому поту с трезвым понимаиием, где живешь и чем дышишь. А сейчас,— чекист фуражкой указал иа монумент,— ие черии славное русское воииство, а то ие ровен час Ермак Тимофеевич гикиет казаков н притяиут тебя к ответу: «Что для Родины сделал?!» А ты даже с белымн ие воевал!

— Демагогия!— огрызнулся Пучежскнй и, в понске поддержки, повериулся к секретарю губкома.— Слово за комнссией! Все возмущеиы! В центре Красиого кремля крест, нкоиа и мракобесы! Полюбуйтесь! Бронза источает зелеиый трупиый яд! Склеп Романовых, облюбованиый чериосотеицами! Предлог для крестиого хода! Молебствие перед окиами губкома. Как можио быть коммуиистом и спокойио смотреть...

— Почему спокойно?!— перебнл Калугин.— Мы действуем, убеждаем, ио не хватаем за руки и ие швыряем в огонь икоиы, библин.— Ои подиял руку.— Ответь, пожалуйста, в чем живучесть релнгии?

— В обмане.

— Не только!— Историк оглянулся на Софийский собор, залитый южным солнцем.— Священиики ведут верующих к памятинку, воспевают подвнги России и тем самым привлекают на свою стороиу русских людей. А ты, культпросветчнк, высмеиваешь народиых героев и даже геииальных поэтов и тем самым оскорбляешь патриотов...

— Ого-о!— вскипел Пучежский и рывком головы откинул со лба каштановый зачес.— Вы кого хвалите? На кого ориентируетесь?!

— Хорошо!— улыбнулся краевед.— Обратимся к народной мудрости. Сельский староста стращал непокорных железными воротами, на коих помещичьи холуи ночью повесили бунтаря. А власть сменилась, сходка взъелась: «Долой виселицу». Тут вмешался старец: «Это, говорит, с какой стороны подойти к воротам. Ежели с нашей, то прибьем памятуху: здесь казнен такой-то герой. Пусть знают его и про наше житье-бытье при злыдне барине». Так и порешили. И то, что вчера было ненавистным, стало достопримечательностью села. Кстати, ворота — творение великого художника восемнадцатого века. Так чей подход, батенька, разумнее?

— Говори!— не утерпел Иван.

— У нас, политпросветчиков, ответ один: подлинная история России начинается с Великого Октября. Все дореволюционное чуждо нам! Вот были иностранцы. Что увидели? Церкви, иконы, башни и это (плюнул)... прославление креста и трона!

— И народности! Каждый житель России добровольно хоть грош да внес на прославление своего Отечества. Весь народ откликнулся!

— Это вне обозрения! А налицо — цари, знать, попы!

— А рядом,— историк зачастил рукой,— крестьянин, крестьянка и народные герои — Ольга, Минин, Ермак, Хмельницкий, Сусанин, Ломоносов...

— Народа нет, есть классы, товарищ марксист!

— Марксист!..— засмеялись зиновьевцы, дымя папиросками.

— Все классы России выступали единым народом против татар, поляков, французов. Листовки Наполеона о свободе крестьян не сработали! Ибо грозная опасность не разъединяет, а сближает людей. Иначе бы нашу Великую державу давно растерзали, как растерзали Австро-Венгерскую империю. Так или не так?

— Так! Только так!— гудел Воркун.

А Пучежский зло зыркнул глазами на нижний ярус, горельефную опояску монумента:

— Вот защитники махрового царефонства! Задонский истязал пугачевцев, а Паскевич клял декабристов.— Оратор резко шагнул к противнику:— Старый большевик! Лучшие годы ты отдал борьбе с царизмом! Где твой революционный запал? Быстро примирился! Взял под защиту такую мерзость!

Выпад Пучежского явно взбодрил сторонников ликвидации микешинского памятника. Даже Иван напрягся

в ожидании калугинского ответа. А тот спокойно вскинул глаза к небу:

— Друзья мои, солнце и то в пятнах. Перед нами не пьедестал лучших людей, а история Родины за тысячу лет: темно-светлая. Учтите, однозначное, одноцветное в искусстве — пародия на искусство. Вот почему Ленин из многих стихов, посвященных Отчизне, выбрал некрасовское:

> Ты и убогая,
> Ты и обильная,
> Ты и могучая,
> Ты и бессильная,
> Матушка-Русь!

Продекламировав, историк круто глянул на спорщика:

— Перед нами шекспировская хроника в бронзе. История везде противоречива. Утверждайте передовое, ведущее!

«Вот она, диалектика в действии»,— облегченно вздохнул Иван, а Пучежский опять насупился до бледности:

— Как это «утверждать»?

— А так, голубчик, вспомни мудрого старца: «Это с какой стороны подойти».

— Я признаю один подход — подход Герцена и Стасова. Они неистово поносили микешинский дифирамб самодержавию. Для них сей предмет — памятник тысячелетию гнету!

— Верно! Как же иначе? Герцен, живя за границей, судил о памятнике по газетам. Официальный проспект — это же действительно ода монархии...

— А Стасов?

— Тоже видел, как Романовы пытались примазаться к великой славе великой державы. Другое дело — Союз свободных республик: он корнями уходит в Русь, то есть в дружбу народов, что убедительно и художественно показано Микешиным...

— Этакое громадьё!— выпалил Пучежский.

— А разве Россиюшка не громадна?! Смешно самую обширную державу в мире изобразить изящной статуэткой. Россия многогранна — и монумент многогранен. И одна грань, заметьте, зеркало русской революции...

— Что-о?! Куда хватил!— гоготал Пучежский.— Где тут Разин, Пугачев, декабристы?

— Сила искусства, друг мой, не в перечислении: одна статуя может опрокинуть смысл самодержавия.

— Чепуха! Статуя не иголка: не спрячешь! Да и Микешину это не по плечу!

— Почему же?— взъерошился историк.— Родился в доме партизана восемьсот двенадцатого года. Отцовские рассказы о дерзких налетах, ратные доспехи, песни, стихи. Сила примера. И сын не испугался — один поехал в столицу. Более того, пробился в Академию и стал художником-баталистом...

— Придворным!

— Неправда!— осадил Калугин.— Микешин — народный художник. Он, выходец из народа, всегда служил народу: лубки, доступные иллюстрации, статуи Минина, Ермака, Сусанина и других народных героев. Его признали Россия, Югославия, Португалия и сам Париж: кстати, Готье нарек его Российским Микеланджело. Однако слава не притупила меч художника...

— Где удары меча?— оратор вскинул голову.— Не вижу!

— Считай!— Калугин, улыбаясь, не спускал глаз с монумента.— Где это видано: царские смотрины без ПЕРВОГО царя Руси? Нет Ивана Грозного! Ему не прощен ничем не оправданный разгром Великого Новгорода. Итак, удар по извергу!

Пучежский беспомощно скривил губы. А историк выделил на середине монумента бронзовый лавровый венок:

— Увенчано Отечество, а не самодержец. Убедитесь! Художник нарушил традицию Медного всадника и всех цезарей Рима,— вскинул руку.— Удар второй!

Иван заметил, что Пучежский нервно уцепился за шелковый поясок и сгримасничал:

— И все?!

— Нет не все!— Разгоряченный Калугин обозначил скульптурную группу «Избрание на трон»:— Кто подносит Михаилу Романову атрибуты царской власти — скипетр, шапку Мономаха? Патриарх, как положено? Нет! Заметьте, народный герой Козьма Минин. Все от народа, а не от бога. Удар третий!

Пучежский ужался в плечах, а Калугин наседал:

— Четвертый удар! Микешин изъял из списка Николая Первого. На его место предложил своего друга Кобзаря. Александр Второй, разумеется, восстановил папашу, вычеркнул Шевченко, а заодно и Гоголя. Тогда сын пар-

тизана бросил вызов царю — наотрез отказался лепить фигуру Николая Палкина. И отстоял Гоголя. Нуте?

— Это же подвиг!— грохнул Иван, думая, что приятель исчерпал доводы, но ошибся.

— Пятый удар!— голос историка набрал силу.— Тогда была революционная ситуация. Микешин отсек царскую установку —«возвысить монархию». Смельчак поднял над всеми не императора, помазанника божьего, а Россиянку, олицетворяющую Родину.

— Это и есть,— ухмыльнулся Пучежский,—«засекреченная»?!

Нет, Русская держава не в ее руках. Смотрите сюда!..

Следуя за жестом историка, Иван увидел между статуями Петра I и Ивана III загадочную фигуру, которая ладонями поддерживала бронзовый символ Российского государства.

— Это не царь, а сибиряк!— продолжал краевед уверенно.— Представитель не династии самодержцев, а простого народа. Народ должен взять власть в свои руки! Шестой удар по трону!

Но это был удар и по тем, кто до сей минуты требовал сломать микешинское сооружение. Пучежский при слове «народ» дернулся, явно хотел возразить, но, видимо, вспомнил, что «классы»— не вечная категория, и беспомощно выкрикнул:

— Микешин додумался до призыва к революции? И это в середине девятнадцатого века! Кто его надоумил?!

— Шевченко, его друг, настроенный революционно,— четко напомнил Калугин.— И революционная ситуация!

— Ситуация?!— не сдавался политпросветчик.— Революционная ситуация сложилась только в двадцатом веке. И вообще Великий Октябрь — начало всех начал!

— Позвольте! А разгром Наполеона, восстание декабристов и мировая слава Льва Толстого — это что? Вне русской истории? Нуте?

— Да!— выпалил Пучежский, теряя самообладание.— Кутузов — царский вояка, а граф Толстой — помещик, наш классовый враг!

— Вы читали статью «Лев Толстой, как зеркало русской революции»?

— Что?!— вытянулся грибун, пяля глаза.— Землевладелец — зеркало революции? Кто такое сморозил?

— Не сморозил, товарищ политпросветчик,— вмешался белобородый Робэне, заведующий совпартшколой,— а первым вскрыл глубокие корни критического

реализма. И сделал это, к вашему сведению, товарищ Ленин.

Провались в этот миг софийский купол, грохот меньше бы потряс Пучежского, чем это известие. Оратор оторопел:

— Ленин? Не может быть!

— Уверьтесь!— сердито тряхнул бородищей Робэне.

— А еще в красной рубахе!— усмехнулся Иван, понимая, что новгородское зеркало революции не будет разбито. Чекист локтем коснулся друга:— Дружище, я на Контрольную комиссию опоздаю...

СУД ЧЕСТИ

В приветливых глазах Матрены тревога:

— Миколаевич, главный просил зайти к нему...

«Неужели вмешается в работу Контрольной комиссии?»— насторожился Калугин, входя в кабинет Клявс-Клявина.

— Дорогой однополчанин,— начал тот с виноватой миной на лице,— я до сих пор под впечатлением твоей защиты Микешина. Откровенно, не ожидал, что ты за эти годы...

— Прости!— перебил историк, не любивший комплиментов в свой адрес.— Что случилось, голубчик?

— Представь мой первый день в Новгороде: жена при смерти, никого не знаю, друзья Сомса смотрят на меня косо, а подхалимы накинулись с просьбами. И тут же звонок из горсовета: «Кооперативы задыхаются! Нет помещений, нет складов». Даю санкцию — очистить подвал в кремлевском корпусе...

— Позволь!— поправил Калугин.— Подвалами ведает комхоз!

— Откуда мне знать? Я только потом сообразил, что им надо было выполнить план по сдаче макулатуры. Архиварнус заверил, что подвал захламлен планами церквей...

— Каких церквей? Планы древних храмов мирового значения и плюс проекты градостроения. Уникальный архив, батенька!

— Я не знал этого. Новый человек. Недоглядел. Суди меня.

— Нет! Судить будем архиварнуса: он-то прекрасно знал цену архиву, а то, что тебя обвел, это, учти, не смягчающее обстоятельство. Наоборот, пощады не будет...

Заседали под звон софийских колоколов. Члены Контрольной комиссии заняли скамью и подоконник; единственный стул достался секретарше. Она, газетный работник, читала коллективное письмо, словно диктовала машинистке — медленно и четко. Иванов, в майском костюме и белых баретках, без портфеля, стоял перед столом и виновато озирался. Калугин недолюбливал его и поэтому был предельно объективным:

— Товарищ Иванов, я ознакомился с твоим личным делом. Чем объяснить твои служебные перелеты?

— Уточняю,— он платком протер очки, продумывая ответ.— Я заведовал дискуссионным клубом. Отзвенели дебаты с троцкистами. По всей стране такие клубы закрыли. Меня не спросили!

Пискун хихикнул, не думая, что его спрашивают неспроста.

— А дальше? Ты, антирелигиозник, припугнул верующих и принудил их «добровольно» закрыть одну из церквей Демьянска. Тебя перебросили в Музей революции. Ты не взял под охрану подвал, где находилась подпольная типография «Акулина», и не сохранил в саду Масловских флигель ссыльных: его пустили на дрова. Да еще присвоил музейный экспонат — зеленый портфель из крокодиловой кожи. Так или не так?

— Далеко не так, товарищ председатель! Я закрыл, а не открыл церковь. За перегиб наказан был.— Его подслеповатые глаза нашли коллективное письмо:— Товарищи, на повестке дня жалоба...

— Верно!— перебил Калугин.— Я тоже жалуюсь, обвиняю...

Он изложил суть документов, переданных врачом Масловским вместе с портфелем, и повысил голос:

— Если поступила жалоба на партийца, предшествующая деятельность которого безупречна, то провинность, видимо, случайна. А если партиец совершает из года в год одну ошибку за другой, как в данном случае, то вступает в силу закономерность, когда количество провинностей переходит в дурное качество...

— Факт!— загудел Воркун, стоя у порога.

Чекист так тихо вошел в комнату, что оказался замеченным только сейчас. Начальник, в начищенных сапогах, растопырил галифе; на гимнастерке цвета хаки багровел орден Красного Знамени. Пискун ужался. Этого не пропустил Калугин:

— Товарищ Иванов, ты по анкете послушник, а выдаешь себя за бывшего монаха и явно щеголяешь церковными словесами. Зачем? Обычно так поступают те, кто большой грех прикрывает малым. Нуте?

— Это ваши домыслы! Могу не отвечать. Ближе к делу!

— Еще вопрос! Ты, хранитель Юрьевской ризницы, разумеется, помнишь, сколько было в ней золотых сионов?

— Один.

— Два!— вмешался чекист, вручая председателю справку.— Настоятель монастыря заявил комиссии по изъятию церковных ценностей, что в тысяча девятьсот семнадцатом году был похищен сион весом в тринадцать фунтов...

— Ого!— вскрикнул Робэне.

— В то самое время, когда ты заведовал ризницей,— добавил Калугин.— Не так ли?

— Товарищ председатель, прежде научитесь правильно ставить вопросы,— Пискун важно вскинул голову.— На всех уголовных процессах, связанных с хищением церковных ценностей, я выступаю в качестве эксперта. Тому свидетель присутствующий здесь Громов. Он был заседателем, когда этой весной суд рассматривал дело братии Макарьевского монастыря. Было такое?

— Семь монахов на скамье подсудимых,— ответил железнодорожник Громов, признающий во всем точность.

— Так вот!— ухмыльнулся Пискун, обращаясь к Калугину.— Вы знали о хищении Большого сиона, иначе не пригласили бы своего дружка со справкой. И вы, как судья, должны были спросить: «Когда и кем похищен Большой сион?» Я бы ответил: похищен в семнадцатом году, а кем? До сих пор неизвестно. И второй вопрос: «Сколько сионов осталось в ризнице?» Я бы ответил, как и сказал: один. Уж я-то в суде наслушался!

— Спасибо за науку,— добродушно улыбнулся Калугин, не ожидая того, что Пискун будет агрессивничать.— Однако знаток процессуальных норм ответил бы точно: было два сиона, остался один. А ты почему-то увильнул...

— Умолчал кражу сиона!— пробасил Воркун, приближаясь к столу.— Ясно одно, где Иванов, там недогляд и того хуже. Музейный портфель вернешь в Музей революции. Кто проверял жалобу?

— Громов и Робэне.— Председательствующий обратился к членам комиссии:— Доложите, пожалуйста...

Поднялся Мартын Яковлевич, крупный, с пышной белой шевелюрой и пушистой бородой:

— Мы опросили сотрудников губархива. Ни один не отказался от своей подписи...— Латыш передал письмо Калугину.— Все пункты обвинения остаются в силе.

— Начнем с пустого подвала Присутственных мест...

— Есть еще подвал в Духовом монастыре, у нас в губархиве,— вклинился Пискун, видимо желая запутать дело.

— Товарищ Иванов, куда девался редчайший архив архитектурных проектов?

— Горсоветчики погрузили в телячий вагон и — на Кулотинскую фабрику.

— А куда смотрел ты, архивариус?

— Меня никто не спросил. Горсоветчики взяли в комхозе вторые ключи, открыли хранилище и давай грузить на подводы; я случайно увидел. Запротестовал. Они свое: «Имеем визу!» Я бежать в Троицкую. А вы — за городом, на кирпичном. Туда еще не провели телефон. Я — к Пучежскому, своему непосредственному начальнику,— Пискун презрительно указал на красную рубаху.— А он сует мне копию своего распоряжения: «Очистить подвал». Я ему: «Уникум, старина!» А он: «Нам бумага важнее! Выполняй!» Я в кабинет Клявс-Клявина. Так и так, говорю, преступление! Он лишь руками развел: «Поздно! Я уж дал санкцию». Кричу: «Калугин отберет у меня партбилет!» Он почесал бородку и указал на дверь: «Иди. Я поговорю с ним».— Вскинул глаза.— Сдержал слово? Ась?

Взгляды присутствующих сошлись на Калугине.

— Да. Только что. Но,— выдвинул ладонь,— секретарь сослался на твои слова: «Подвал захламлен планами церквей».

— Боже! Какой подвал?! Я же говорил про наш, что в Духовом. А он здесь еще неофит: для него все кошки серы!

— Этот пункт надо обойти,— громогласно встрял Пучежский.

— Нет, Александр Михайлович, этот вопрос наша комиссия вынесет на бюро губкома, где и покончим с вашими антиленинскими оценками памятников русской культуры...

(Дорогой читатель, в тот момент наш герой не мог знать, что слово «Русь» с почетом войдет в Гимн Советского Союза, а монумент Тысячелетия сверкнет еще одной стороной: его разберут нацисты, но не успеют вывезти —

помешают советские воины и партизаны; а восстановление микешинского памятника станет символом победы над фашистской Германией.)

— Каюсь,— лепетал Пискун,— выпивал, лип к сотрудницам, но все молчали, пока не посчитали, что я незаконно выдвинул новичка в научные работники...

— Какого новичка? Нуте?

— Спросите контролеров,— Пискун привлек Громова и Робэне:— Вам жаловались?

— Да,— подтвердил Громов.— Дочь местного аптекаря Роза Гершель.

— Позвольте!— заволновался краевед.— Я хорошо знаю Розу: она любознательна, занималась в моем кружке; закончила истфак, не в пример другим работникам архива, активистка. Этот пункт, действительно, обойдем. Кто против?.. Единогласно!

Калугин снова взял под прицел архиварнуса:

— Однако пьянство на работе и приставание к сотрудницам обойти нельзя,— он взглянул на карманные часы:— Твое последнее слово.

— Товарищи, учтите,— начал тот дрожащим голоском,— я один из первых в монастыре отрекся от бога. За мной последовали многие. Моему поступку придали большое значение в Москве: видные деятели партии в своих выступлениях приводили меня в пример. А кто писал о новгородских большевиках?..

— Хорошо!— Калугин кивнул на дверь.— Выйди, пожалуйста!

Прислушиваясь к голосам членов комиссии, председатель набросал проект решения и огласил его:

— «Товарища Иванова снять с заведования Новгубархивом, сохранив за ним должность научного сотрудника, и занести в его личное дело строгий выговор».

За предложение Калугина все подняли руки...

Из губкома друзья вышли вместе. Иван, осмотревшись по сторонам, спросил приятеля:

— Как думаешь, Пискун спер Большой сион?

— Пожалуй, нет.— Историк выдержал паузу.— Тогда в один день пропали и сион и каменный крест, вынутый из Аркажской церкви. Эта операция карапету не под силу. Он, скорее всего, был наводчиком.

— А про крест ты откуда знаешь?

— Аркажский крест приобрел Передольский. Но отец, а не сын. Последний не в курсе сделки, хотя крест у него...

И краевед заговорил о ночном извозчике...

Друзья заняли нижнюю ступень крыльца, ведущего в сад, а Фому, который еще не отошел от горя, посадили перед собой на крылечко. Привычная высота, свежий воздух, вечерние запахи цветов, особо табака,— все это расположило деда к мирной беседе. Он любил, когда его слушают с доверием.

— Запал мне в душу ночной «чудотворец»,— начал он, попыхивая козьей ножкой.— Как еду по Детинцу, каждинный раз ломаю голову: где видел этого могутного бородача с кудлатой башкой? Намедни стою возле пушки и слышу: со стороны Николы приближается знакомая тарахтелка — сильвестровская ручная тележка с бочкой. Он, торговец цветами, ночами промышляет «золотом»: так у него цветник всеми красками заливается. Любо глядеть! Сильвестр еще монахом садовничал в Юрьеве. Опытный...

Слушатели заинтересованно переглянулись, а дед продолжал:

— Бывало, Сильвестр, хоть и некурящий, а всякий раз передохнет на моей стоянке и адрес свой напомнит: «Шли заказчиков, старец». А тут не доехал, свернул к аптеке, но не успел скрыться за угол, как цыганское солнце выглянуло и выдало его кудлатую макушку и курчавую бородищу. «Ах вот, думаю, кто обновил икону». А час полуношный: негоже людей тревожить — перенес на утро, все равно везти Степаниндушку на базар. Ну, подвернул домой, а на пороге моя сердечная лежит...

Дед тяжко вздохнул и, стряхивая слезу, засевшую в глубокой морщине, жалостливо молвил:

— Она у меня вторая. Вовка-то от первой. А вот ведь приехал из Москвы. Поминки справил...

— И мы помянем,— поднялся Калугин, сохраняя интонацию деда:— Степанида была истинно русская душа — честная, трудолюбивая, добрая. Пройдите к столу...

И тут же хозяин на миг призадержал горемыку:

— Голубчик, припомни дом, из которого мадам Квашонкина вынесла картину. В ту ночь вас еще встретил Василий Алексеевич. Не так ли?

— Бог свидетель!— воспрянул духом старик.— Так это же Сильвестр вынес картину из хаты; она была в черный коленкор обернута. Я еще в ту же ночь возил садовника в Хутынь. Там у него родной брат, тоже монах, только хутынский...

— Чем брат занимается?— спросил Калугин.

— Перевозчик: кого с берега на берег, а кого к пароходу — ведь там нет пристани...

— Спасибо, Фома!— чекист протянул папиросы, но дед не взял:

— Благодарствуем, я махорочку «Штандарт» уважаю...

Пока старик мыл руки на кухне, Иван прошел в кабинет и по телефону вызвал на адрес Калугина сотрудника с велосипедом. А в столовой посоветовался с другом:

— Брать Алхимика, или понаблюдаем?

— Если он дома... Если тебя не опередил Пискун.— Калугин подал Фоме белоснежный рушник:— Голубчик, ты хоть раз видел вместе известного тебе Пискуна с садовником?

— Что говорить, ягодки одного поля, только, мил человек, не беру грех на душу: чего не видел, того не видел.

Зная характер Ивана, историк не сомневался в том, что чекист готов схватить в охапку извозчика, подиять его на козлы и во весь опор мчаться на Дворцовую, где живет Сильвестр. Но последняя фраза Фомы утихомирила друга. И тот решил дождаться сотрудника: велосипед быстроходнее лошаденки.

И только хлопнула калитка, Иван сорвался с места, встретил Алексея Смыслова, специально прибывшего из Старой Руссы. Передав поручение, Воркун вернулся к столу, подсел к приятелю:

— Если сбежал, Смыслов брякнет сюда.— Сегодня Ивану не до гречневой каши с молоком (его любимое блюдо). Он поминутно оглядывался на дверь кабинета:— Звонок слышен?

— Успокойся, голубчик, если вор скроется, то наводчик поможет найти Алхимика...

— Не пора ли брать Пискуна?

— Пора, но сначала отберем партбилет...

После ужина Иван не пошел провожать Фому, закрылся в кабинете и, видимо, заглянул в тетрадь, возвращенную Анной Васильевной. Чекист встретил приятеля неожиданным вопросом:

— Тебе помогает «Логика открытия» искать Алхимика?

— Разумеется, друг мой.

— Ключ номер два?

— Хотя бы! Второй ключ ведает прямой и обратной связью между полярными участниками...

— Понял! Сильвестр и Пискун связаны прямо и обратно. На стороне Алхимика — мускулы, гипноз и опыт уголовника, а сообщник воздействует на него своим положением, изворотливостью и осведомленностью. Не он ли малый леший, автор анонимок?

— И легенды о золотой модели? Эта версия увела нас в сторону — подальше от Алхимика.

— Как все это проделал Пискун?

— Он, по словам Розы, снабжал макулатурой Гершеля, и там, в аптеке, рассказал провизору о купцах, об их золотом подношении царю. Аптекарь поверил и поведал о том юмористу Фуксу. А тот — своей Берточке. И пошло гулять по городу. Не так ли?

— Значит, клубок связей распутал вторым ключом?

— Вернее, связкой ключей: молодая приживалка Сильвестра разносит букеты по адресам, торгует цветами на рынке, на пристани...

— Где зря дежурили мои ребята.

— Увы, батенька, откуда было знать, что золотые слитки уплывали через Хутынь.— Калугин взглянул на будильник. Пора бы вернуться или позвонить велосипедисту.— Два полюса: Алхимик и дантист, а меж ними двойное звено — Машутка и Пискун. Она посредничала, а Пискун прикрывал...

— Ой шельма!

— Кстати, голубчик, шведы не могли взять приступом Новгородский кремль. Предатель Шельма открыл им ворота. Возможно, так и родилось это пакостное словечко!

— А ты этого Шельму оснащал своей логикой...

— Упрек верный, друг мой, но я не откажу человеку, который тянется к диалектике. К тому же близость с нами помогла мне быстрее раскусить его.— Историк взял со стола свою философскую тетрадь.— Он трижды просил меня дать почитать. Я не доверил.

— Спрячь подальше! Монах на все способен...

Вмешался телефонный звонок. Иван схватил трубку. Он в ожидании двух вестей: от жены и сотрудника-велосипедиста.

— Сбежал,— прохрипел он, не выпуская трубки из рук. Красные пятна расплылись на щеке чекиста.— Сбежал...

— Это Пискун предупредил.

— Не надо было допрашивать Шельму о сноне!

— Наоборот, голубчик, именно теперь мы обнаружили связку Сильвестра, Машутки и Пискуна. Не так ли?

— Так-то оно так, да Алхнмик на свободе.— Иван вериул трубку на телефоиную рогульку.— Что я отвечу начальству?

— Пусть Смыслов ии шагу от Пискуна. Тот продаст Сильвестра.

И, словио одобряя слова хозяина, иа веранде в два голоса зашлись в свисте каиарейки. А в саду безмолвно оседали сумерки...

БРАТЬЯ ПО КЕЛЬЕ

Ночь была темиая, как монашеская ряса. Ильмеиский косохлест сбивал последиие листья с монастырских яблонь. В каменной ограде, что тяиулась вдоль Волхова, дубовая дверца скрипела, стеная.

Братья одной кельи, сгибаясь под тяжестью ноши, давно измерили тропку, ведущую с угора к реке: сколько раз старшой таскал тут воду для поливки сада, а меньшой — лещей в трапезную.

Поозерский чели устлаи осокой. Сильиое течение и южный попутник живо скинули долбушку к Борисоглебской церквн. Возле храма в темиоте они тихо выгрузили покражу и здесь же, на берегу, поклялись не выдавать друг друга.

В ту же иочь семнадцатого года меньшой, Алексашка, вернулся в Юрьево, вернулся нищим: еще накануие он свою долю ценностей продул побратиму в карты. А старшой, Сильвестр, угнездился в материиском домике, развел цветы, иа кои большой спрос, а для разноса свадебных н траурных букетов приютнл снроту.

На папертн она, толстопятая, стояла молча, с протянутой рукой. Сильвестр, член церковной двадцаткн, осмотрел ее крепкне ноги, домоткаиую сорочку, крестьянскую грудь с медным крестом, бритую голову н посочувствовал: «За что сндела?»

Злая бабка извела ее приблудное дитя, а Машутка грех прнияла на себя. Глаза у Сильвестра распутинские, ему не соврешь. Он поверил снроте, к тому же силач с детства боготворил жеиищин.

При доме околоточного Сильвестр работал дворником. Однажды полнцейский бил жену. Сильвестр вломился в спальню, схватил тщедушного надзирателя и выброснл его в окно с третьего этажа. Вдова не выдала спасителя: божилась, что муж сам в белой горячке покончнл с собой.

Хозяйка надбавила дворнику жалованье, а тот вдруг ушел в монастырь.

Садовая тишина успокоила его душу ие надолго. Брат по келье, беглый крамольник, приоткрыл ему монастырские тайны — пьянство, распутство и богохульство. Да и сам меньшой не расставался с картами. Он, хранитель ризницы и орловских драгоценностей, ставил на кои дорогие картины, табакерки в бриллиантах и кресты в самоцветах. Бывший дворник и раньше, скупая по дешевке краденое, знал, где их прятать. Земля вытесняет камни, но не клады. А главное, доверенная тайна не тайна.

Поначалу он и Машутке не доверял. В ночь перед крестным ходом Сильвестр прокрался в Кремль к святому амвону России и на нем расчистил икону богоматери (монах и раньше обновлял образа). Но тут в Детинец черт принес ночного извозчика. Заметая следы, Сильвестр миновал мост, Летний сад и не спеша спустился к перевозу, который круглосуточно обслуживали арестанты.

Он часто полуночничал — черпал из нужников «золото». Домой возвращался с бочкой на тележке. А тут явился налегке, кудлатый, с какой-то сумятицей в голове. Машутка, видать, приревновала и, сдвинув кровати вместе, учинила ему допрос: со слезами, ласками и клятвой верности до гроба.

Вскоре Сильвестр проводил сожительницу в Хутынь. Там родной брат садовника посадил гостей в лодку, засветил фонарь и подвез их к ночному пароходу «Коммунар». А в Питере вместе с гостинцами Машутка получила от покровителя первое задание и явочный адрес...

Братья по келье не искали встреч, а если случай и сводил их нос к носу, то не признавались. Один раз Пискун хихикнул, но старшой так глянул, что у того и скулы свело. Зато они поддерживали переписку.

Пискун жил в подвале с окнами, выходящими на базарную площадь. Здесь по утрам Машутка продавала цветы. Идя на службу обязательно через рынок, Пискун «покупал» у девицы, с медным крестом на груди, цветочки и «расплачивался» запиской, завернутой в бумажный рубль. Иногда Машутка «давала сдачи» от Сильвестра больше, чем полагалось.

Таким образом, Пискун предупредил старшего об опасности. Из губкома архивариус возвращался во второй половине дня; тем временем Машутка уже торговала на пристани. Обычно Пискун заигрывал с цветочницей, а на сей раз быстро взял белые астры для матери и сунул пух-

ленький рублик: «Мигом домой!» Машутка не умела читать, но сердцем учуяла неладное. К счастью, до Дворцовой рукой подать. Сильвестр готовил вечернюю поливку — заполнял бочки колодезной водой. Он зашел в дом, прочел записку: «Брат, на твой след вышел охотник из Троицкой слободы. Это он сорвал крестный ход и потеснил вас от ковчега Россиюшки. Он связан с «монастыркой». Скрывайтесь с Машуткой: на допросе она выдаст всех».

Сильвестр четырьмя ударами топора высвободил вонючую бочку, а тележку накрыл мешковиной. Добро схоронено в Хутыни. Здесь он с Машуткой жил скромнее скромного. Погрузили матрац, одеяло, подушки и белье на смену. Для хозяйства Машутка взяла самовар, а Сильвестр топор и жестяную банку с керосином. «Для фонаря перевозчика»,— мысленно увязала Машутка и для отвода глаз первой вышла на улицу с букетом цветов. А он, с тележкой, догнал ее на Хутынском большаке.

На опушке лесочка Сильвестр банку с керосином почему-то оставил в кустах. Спутница смекнула, что невенчанный муженек задумал подпалить свою хату: все равно не жить в ней.

Вечером беглецы вошли в Хутынь не улицей, а с берега. Тут, у самого Волхова, чернела банька братана; в ней прилажена плавильня, похожая на каменку. Дверь даже не замкнута, а в предбаннике под полом — орловские драгоценности и золотой диск — остаток тринадцатифунтового снопа. В случае облавы брат должен подать сигнал — ударить колотушкой в жестяной лист, подвешенный в сенях. Так обычно оповещают самогонщиков о прибытии милиции.

— Ежели того, ты прямо за мной в лодку. Она рядом,— Сильвестр показал на Волхов, противоположный берег которого погрузился в потемки.— Мне пора...

Она боялась разлуки. Уходил душевный покой. «Уж лучше сразу спуститься по течению до Волховских порогов и там наняться на земляные работы». Вдруг заколотилось сердце. Она сообразила, что свой дом можно было поджечь сразу. Выходит, решил отомстить...

НА ОЗЕРЕ

Я помог Анне Васильевне собрать калугинские афоризмы, потому она доверила мне даже затаенную мысль. Она не сомневалась, что сын приодел сирот не на средства детской комиссии, а на свои. Старушка поворчала, но вы-

ручила иас — укоротила Фнлнны штаны н Сережнну рубашку.

Вчетвером с тремя собакамн на охотнньем челне, конечно, рнскованно. И Калугнн взял у соседа шлюпку с парусом и иавесным рулем. Команда отмеиная: капитан, он же иачальник похода, Николай Николаевич; я — помощник по всем статьям, а матросы, онн же юные следопыты,— Филя и Циркач.

Севернк дул безотказно: до скита добралнсь без весел. Небольшой песчаиый островок, прославленный статуей Перуна — бога язычников, капитан выбрал для торжественного момента.

Под шумок могучнх сосен н грачнный гомон он вручнл Сереже тетрадь с карандашом, а Фнле повесил на грудь немецкий фотоаппарат, предварнтельио поубавив ремешок.

— Друзья мон, вторьте мне!— шеф замедлнл речь:— Мы, юные следопыты... стоя на земле Перуна... даем клятвенное слово... будем искать и храннть... старнниые памятиые вещи...

Начальиик вскниул ладоиь:

— Кляиемся!

— Клянемся,— повторило эхо следом за ребятами.

Перегоняя собак, Фнля н Сережа бегло осмотрелн белую церквушку, кельи из красиого кирпича н, к моему удивлеиию, ии записей, нн снимков, ии одного вопроса. Увы, ребят интересует не то, что иалнчествует, а то, чего уже нет: ведь существующее не убежит, а прошлое в таинствеиной дымке. Вот новеллы профессора и музейщика увлеклн нх.

Они н сейчас рты разннулн, слушая о языческом боге грома. Еще бы! Деревяниый ндол нмел серебряиую голову н золотые усы. Вчерашние ворнщки знают цену благородиого металла. И совсем забыли про собак, когда краевед вычертил на песчаной глади загадочную паутину ходов н тупнков:

— Друзья мон, вот схема каменного лабирннта. Встарь ои иаходился чуть выше. И уцелел до тысяча восемьсот двадцать шестого года. В то лето здешнне монахи закладывали камениый фундамент под кельн,— шеф палочкой показал иа красные постройки и перевел указку на чертеж.— Перед дальней дорогой новгородцы здесь прнносnли в жертву овец и сдавалн экзамен на смекалку. Молодой ушкуйннк входнл в лабнрнит, петлял по корн-

дорчикам и, пока песок из верхней чашечки сыпался в нижнюю, искал выход... из западни...

— А сигануть через барьер? — хитро прищурился Филя.— А?

— Нельзя, друг мой! Такого «ловкача» в трудный и опасный поход не возьмут (своих объегорит) и стенка по грудь...

— А ты как смерил через сотню лет?— подковыриул Филя.

— Очень просто. Каменные лабиринты уцелели на Соловецких островах. Кстати, в бывших владениях Борецких, я там был, зарисовал планы.— Он взглянул на солнце.— Ого! На посадку!

Минуя ложбинистые Коломцы, где старший Передольский открыл первобытную стоянку, шлюпка «Новгородка» зашла в темную речку, берег которой выделялся холмом с белым храмом XIII века.

— Никола-на-Липне! Эпоха Александра Невского!— гордо произнес капитан. Он, в зеленой куртке и зеленой шапочке с длинным козырьком, вышел на сушу и выбрал место для костра:— Разгрузить лодку! Принести сушняк! А я к сторожу...

Вечерняя зорька в разгаре. Не умолкают пернатые. Матросы и собаки бросились в кусты. Я вынес на берег свое ружье и корзинку с уткой. Подсадная высунулась из гляделки и кичливо закрякала: значит, сейчас где-то рядом просвистит дичь. И верно, со стороны Ильменя тянулась стайка кряковых. Опережая выстрелом лёт уток, я дал дуплетом. Подстреленные кряквы кувырнулись через головы, упав в воду замертво. Азарт — не зло! Ребята побежали радостные, возбужденные. Следом за сеттером в речку смело кинулась дворняжка. Закон осенней охоты не охраняет самок: Минус в зубах принес утку, а Мунька — селезня. Мальчики обезумели. Еще дымится двустволка, еще не остыла сталь, а Филе не терпится подержать централку. Циркач размахивал добычей:

— Утиная похлебка! Даешь похлебку!— Он явно проголодался.

Тем временем запад распалился костром. На сопке яркими факелами вспыхнули стекла храма. За ракитой глухомань ярмарочно бубнит. Вечерний воздух, напоенный цветами и озерной свежестью, опьянил меня. Ожидая шефа, я задумался...

Отправляясь на озеро, учитель дал мне задачку: «Чтобы утке долететь до юга, надо накопить жира с ни-

дюшку. Такое, разумеется, невозможно! За счет чего же долетают утки?»

Я расправил утиные крылья и смело предположил, что задачку решу с помощью калугинского квадрата превращений с двумя плюсами и двумя минусами. Крыло птицы образует под собой завихрение — два его потока «пустые», минусовые, а два плюсовые, с коэффициентом полезного действия. Они-то и держат утку в полете. Но что скажет учитель?

А тот, стоя на холме, призывно махал шапкой. Мы помчались к нему в сопровождении собачьего эскорта. Беззубый старичок, с белыми бровями, шаркая подшитыми валенками, показал нам храм, убранство, древние фрески, оживленные последними всполохами неба. Ни архитектура, ни настенная живопись не тронули ребят. Им приглянулась поздняя пристройка — малая колокольня. За ней открывался чудесный вид на бунтарское озеро Садко Богатого.

Возле костра за ужином Калугин рассказал о редких находках в соседнем городище, где встарь находилась резиденция князей. Там Волхов буквально вымывает из берега бусинки, кольца, иконки, но чаще вислые печати.

Вдруг Сережа вскочил, глянул на луну и кинулся в сторону колокольни. Вернулся он скоро и с подарком. Отбивая ручонкой ритм, поэт распевно продекламировал:

— Ильмень грамотой волнистой
Вольно расстелился,
А над ним печатью вислой
Месяц серебрился.

— Прекрасно, друг мой!— отозвался историк, но и Филю не обидел:— А ты, голубчик, отлично смастерил шалашку.

Меня кольнула ревность: то водил доктора философии, теперь около ребят, а со мной почти не занимается.

Сбор хвороста, беготня, осмотр старины и медовый воздух сделали свое — Филя и Сережа заснули как убитые. Калугин, обойдя шалашку, убедился, что затычка из сена не пропустит ни одного комара, и подсел к яркому костру, где я кормил собак.

— Поэт мечтает стать еще и дрессировщиком,— сказал краевед и прислушался к утиному урочищу.— У нас отличный питомник розыскных собак. Дрессировщик Хорев, уверен, не откажется от способного ученика.

— А с Филей как?

— Принят в кооперативную фотографию,— он оглянулся на шалаш,— а жить будет в Доме юношества. Я уже договорился с Беркетовым. Он открывает новую мастерскую — переплетную...

Историк швырнул дымящуюся головешку в середину костра:

— Дружок, можно стать стратегом без самосовершенствования?

— Нет. Суворов сначала научился командовать собой, а потом уж солдатами России.

— Верно! Ленин еще гимназистом составил план действий...

— Личный?

— Разумеется, личный, но ради общего дела. Вот ты мечтаешь пером служить народу, но план самообразования должен быть сугубо личным. Не так ли?

Я вспомнил своих преподавателей педтехникума:

— Один внушает мне: «Твое призвание — точные науки», другой: «Отдайся спорту», третий: «Плюнь на все — развивай волю!», четвертый: «Тебя спасет техника», пятый: «Будь педагогом!».

— Словом,— подхватил учитель, зарумянившийся от пламени костра,— все повторяют ошибки авторов, которые свои «системы», «методы» навязывают другим, свою «науку жизни» выдают за универсальную. А не учитывают того, что одному полезно общаться с людьми, другому с машинами, а третьему с книгами или животными. Истинный учитель, руководя двадцатью учениками, перевоплощается в двадцать разных личностей. Исходит не из того, что надо, а из того, что может, на что способен ученик. Друг мой, путь к общей стратегии идет через личную...

— Ой!— воскликнул я, словно обжегся.— Впервые слышу «Личная стратегия».

— Придет время, батенька, в школах будут преподавать как ведущий предмет — л и ч н у ю с т р а т е г и ю.

— А математика, физика, русский?

— Это лишь с р е д с т в а для достижения цели.

— Цель с первого класса?

— Верно! Пусть малыш мечтает стать летчиком или врачом, а ты к нему деловито: «Авиатору и доктору тоже нужны числа, анатомия, родной язык». Педагог обязан прежде всего научить ребят выбирать цель, находить средства и умело достигать ее. Учти, личная цель — наисильнейшая мобилизация всех интересов и знаний.

— А если шалопай будет метаться?

— Мечутся не только шалопаи: на то и закон возраста. Твоя задача утвердить, обыграть очередную цель ученика по всем правилам логики действия.

— А если упрямец отвергнет цель?

— Окончит школу, как все в наше время, без личной стратегии. Такой не знает, кем быть, куда идти, что делать. Вся надежда на папу с мамой. Отсюда, заметь, разброд, растерянность, подражание удачникам и, что хуже, случайная профессия со всеми печальными последствиями.— Охотник прислушался к ночным звукам и продолжал, лаская Муньку:— Вспомни Ломоносова — академия в одном лице. В чем секрет величия? Прежде всего в личной стратегии. И в будущем даже у рабочего будет свой ЛИЧНЫЙ производственный план с учетом, разумеется, общей хозяйственной лоции. А где у нас преподается логика действия? Нуте?

— Неужели столь велика ее роль?

— Голубчик, ныне мало познать да изменить мир, надо еще уметь управлять им. И вообще люди без стратегии загинают: ведь борьба за высокую цель исключает пьянство, распутство, зазнайство, хамство и воровство.

— У нас столько говорится...

— Вот-вот — говорится!— Он так возбудился, что даже собаки вскинули уши.— Идея коммунизма, не подкрепленная действием,— утопия! Необходима коренная реформа обучения и воспитания!

— Кто докажет ее необходимость?

— Сама жизнь!— выставил ладонь.— Школы превратятся в школы логики действия, где восторжествует диалектический метод познания и работы. Учти, мальчик мой, секрет прогресса не в количестве знаний (необъятное не объять!), а в умении достигать цель. Наука достигать — наука побеждать!

— А что главное в личной стратегии?

— Железная дисциплина и умение подчинить личную стратегию всеобщей. Коммунизм — массовый расцвет личностей, а расцвет личности без личной стратегии невозможен. Не так ли?

Я давно заметил, что мой учитель не просто критикует (такое всем доступно), а тут же ищет выход. Я допытывался:

— Николай Николаевич, а какое место займет в будущей системе образования ваша «Логика открытия»?

Отблеск пламенн разом потух на лнце учнтеля. Он склоннл голову н тнхо проговорил:

— Друг мой, «Логика открытня»— лишь заявка: впереди огромная работа с проверкамн, экспернмеитамн; во-вторых, моя логнка не единственная: многие ученые, не чета мие, разрабатывают методологню иаук, а также эврнстику — логику открытия. Кто знает, чей поиск лучше? Но я верю: завещанне Лениина будет выполнено...

— Когда математнка войдет в философию?

— Наоборот!— оживился он.— Когда фнлософия войдет в математнку, фнзику и прочне науки; когда диалектика действительно станет алгеброй прогресса...

— Вот бы дожить!

— Мы доживем, еслн будем не ждать, а действовать: нскать, пробовать, ошибаться...

— Ошнбаться?

— Да, друг мой! Фнлософия — самая сложиая наука. И Ленин предупреднл: первые шаги будут связаны с ошнбками.

— А за ошнбки не могут... за ушко да на солиышко?

— Могут! У нас не все подходят к теорнн творческн: для некоторых диалектнка — икоиа. Можно только молнться на иее. «Ортодоксы» самн не разрабатывают метод н другим не дают...

— Собаки на сене!— Я вспомиил свое решение загадкн с полетом уткн:— Выходит, под каждым крылом действует квадрат превращениий: положнтельиая струя воздуха поддержнвает птицу.

— Умнца! Быстро иашел.— Он взгляиул иа плоские кармаиные часы.— Ого! Засиделнсь. Пора, мальчнк мой. Завтра попробуем увлечь ребят новой тайной: боюсь, что «подземный ход» недолго послужит нам. Беспрнзорники — народ дотошный...

Утром беседа с ребятами не состоялась: Воркун прнслал за Калугиным катер. Учитель доверил мие команду н как бы извинился:

— Что поделаешь, голубчик, не нначе как ЧП...

Грустио стало без нашего капнтана. А тут еще юрьевскне колокола бумкают заунывно н жалобно...

ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР

Как только Калугни по мостку сошел на берег, молодой чекист, всю дорогу храинвший молчанне, довернтельно шепиул ему:

— Начальник ждет вас в Софийке...

«Девятка» внешне ничем не отличалась от других номеров гостиницы: на двери многослойная краска с подтеками и ручка скобкой. Комната имела капитальные стены и вход с двумя шторами. Единственное окно следило за дорогой и Летним садом. На подоконнике стоял телефонный аппарат, который держал связь только с Десятинным монастырем.

В этом номере останавливались чекисты, приезжающие из уездов и центра. Две железные кровати, подменяя скамьи, обслуживали продолговатый столик. Сейчас на нем дрогнули граненые стопки, бутылка с водкой, селедка в горчичном соусе и хлеб на фанерке. Небритый, широкогрудый, в расстегнутой гимнастерке, Иван грузно поднялся и потряс приятеля за плечи.

— Не поверишь, дружище!— притворно засмеялся Воркун.— В нашем взводе был вечно пьяный солдат. Даже на гауптвахте пел, плясал, хохотал. А взводный чесал затылок: «Кто приносит?» Следил, как за вражьим снайпером. Никаких улик! Лишь третья медкомиссия разгадала: у него желудок — природный самогонный аппарат: что ни съест — пьян. Списали «по чистой».

Историк мечтательно зажмурился:

— Через сто лет наш разум превратит желудок в фабрику эликсиров: «сок долголетия», «капли от рака».— Он распахнул черные глаза, полные внимания:— Что с Тамарой? Который день?

— Восьмой! Боюсь, как бы того... Извелся...

Три года назад в Старой Руссе на собрании верующих жена Ивана призвала христиан пожертвовать церковные ценности на спасение голодающих волжан. Беременную избили. Она скинула мертвенького...

Николай Николаевич заверил, что в больнице ребенка примут благополучно и, пригубив вино, спокойно спросил:

— Чего звал, голубчик?

Нервно глянул Иван на телефонную трубку и пробасил:

— Хочешь послушать мнение Шарфа о себе?

— И ты ради этого сорвал меня с охоты?— Он строго заглянул в голубые глаза приятеля:— Нуте?

— Ох, это твое «нуте»!— Иван глотнул водки и, нисколько не хмелея, оглянулся на тяжелые дверные шторы:— Вчера опять беседовал с Фуксом. И вспомнил твои слова: «В Москву с пустым портфелем не ездят». Так вот, старина, есть о чем писать в ЦК. Твои сигналы, что у нас

нет центральных газет, что перетасовка кадров — тактика заговорщиков, что Григорий создал подпольный кружок, что Дима Иванов выдал их,— все это полностью подтвердилось...

Машинально нюхнув корку хлеба, чекист наклонился к столу:

— Фукс знал больше, чем выдал в первый раз. Юморист рассказал об одном конспиративном заседании: речь шла о предстоящем съезде. Они хотят выдвинуть Зиновьева содокладчиком генсека и подбросить делегатам «Заявление ленинградской организации», которое уже подписал москвич Каменев. Каково?

— Все закономерно, батенька: Каменев — штрейкбрехер революции номер два. Это надо было ожидать после разведки Ларионова.— Калугин чувствовал, что Иван недоговаривает:— И все?

— Нет! Фукс назвал тех, кто был в доме Зиновьева, в частности — Клявс-Клявин, Дима Иванов, Уфимцев, Творилова и, представь... Рахиль с Пискуном!

— Не удивительно! Архивариус пишет биографию Зиновьева. Тебе это известно. Не валяй дурака. Что случилось?

— Поздравляю, дружище! Ты попал в точку!— Иван глотнул пшеничной, откусил селедки и, оглянувшись на телефон, бодро улыбнулся:— Ты прав насчет Хутынн. Вчера там накрыли приживалку Алхимика, а потом и самого. Обоих доставили сюда. Пока молчат как немые...

— А обыск что дал?

— В городе ничего. Теперь Смыслов шурует в Хутыни.

— Я же не стану ему помогать. Довольно мямлить!..

Звякнул долгожданный звонок. Трубка дрожала от радостного голоса дежурного по ГПУ. Захлебываясь от счастья, Иван облапил друга:

— Оба здоровы! У меня сын, сын! И в честь тебя назовем Николкой! Октябрины за мной!

Оглушенный восторженным басом счастливца, Калугин готов объяснить странное поведение тревогой за Тамару. Но вот схлынул восторг, а в глазах Ивана снова маячит беспокойство. Он поднял объемистую рюмку:

— Давай за Николку! Давай до дна!— И тут же выпалил:— Ночью сгорел ваш дом: Анна Васильевна в Колмове...

Калугин не заметил, как выпил водку. А чекист бросил пустую рюмку на пол и кулаком ударил себя в грудь:

— Я! Я во всем виноват! Надо было прямо гнать на извозчике. Я бы застал их на Дворцовой. Ведь поджег-то Алхимик! Он не успел отмыть керосин от рук, как его взяли.— Иван схватил себя за голову.— Дурак! Дважды дурак! Черт меня дернул брякнуть: «Спрячь тетрадь». Анна Васильевна искала ее в горящем доме! Когда я прибежал, старушка не узнала меня, только махала обожженными руками: «Где тетрадь? Где тетрадь?»

Колмовская психиатрическая, первая земская больница России, находилась за городом, на берегу Волхова, напротив Антонова. Желтые корпуса с зарешеченными окнами примыкали к парку, который зелеными волнами скатывался к реке. Здесь обычно прогуливались душевнобольные.

Горе оголяет совесть. Он, идя на свидание, упрекал себя за то, что мало уделял внимания матери. Казалось, что она готова была сжечь малиновую тетрадь, а на поверку — бросилась в огонь...

Ясноглазая доктор Передольская (сестра профессора) молча провела посетителя в палату, в которой когда-то лечился Глеб Успенский. Старушка с опаленными волосами на миг узнала сына и потянулась к нему забинтованными руками:

— Ты нашел тетрадь?

— Да, мама, нашел,— впервые солгал он матери.— Теперь дело за тобой: быстрей возвращайся...

ОТВЕТ КАЛУГИНА

Новгородская земля, измученная суховеем, повернулась лицом к солнцу: давно пора освежиться. А спасительные дожди чаще всего приходили с юга, со стороны Ильменя. Вот и сейчас от широченного плеса отделилась темная тучка и набухшей губкой ползла к городу. Липовая аллея, прикрывавшая стену крепости, примолкла, а галки заметались над кремлевской башней, словно к их гнездовью кралась кошка.

Обычно Калугин, как и всякий охотник, по многим приметам улавливал приближение ливня, но сейчас он задумчиво посматривал в сторону губкома. Там ждут его ответа. Нетрудно представить, как поступит ставленник Зиновьева: отправит новгородца с повышением на Север. Обидно, сгорело коллективное письмо в ЦК: снова сбор подписей.

На каменной панели послышались четкие армейские шаги. Впервые друзья встретились случайно. Иван не мог скрыть радости:

— Я распорядился поставить телефон в твоей времянке.

— Спасибо! Пригодится мастеру кирпичного завода. А мне...

— Поверь!— чекист возмущен.— Их власть только до съезда!

Рядом проскрипела телега, груженная ивовым лыком. Калугин поинтересовался поведением арестованных. Иван сжал кулаки:

— Даже промеж собой не говорят. Вот бы к Машутке пригласить Передольского. Она бы развязала язычок.

— Запрещенный прием, голубчик!

— Знаю!— отмахнулся он и глянул на фасад губкома:

— Ты скоро? Я подожду. Для тебя есть новость...

«Хочет приоткрыть тайну Берегиних»,— прикинул Калугин и обещал не задержаться в губкоме.

Клявс-Клявин вышел из-за стола с протянутой рукой:

— Николай, тебе нужна однокомнатная квартира?

— У меня времянка хорошая. И потом — собаки, сад. Куда все это?— У него дрогнул голос:— А вот рукопись, библиотека...

— Так все и погибло?

— Увы!— вздохнул он.— Лишь бы матушка поправилась.

— Мать вернется, потребуется площадь.

— Сколько еще коммунистов живут в подвалах. Вот хотя бы Иванов со своей старушкой. Кстати, он безумно любит ее...

— Иванов требует ликвидировать «дворянское гнездо» на Московской. Я вызвал Воркуна, навел справку: два агронома, химик, математичка совпартшколы и врач...

— Который спас твою жену и открывает первый рентгеновский кабинет.— Он увидел в окно Ивана и твердо заявил:— Я отказываюсь от Комвуза!

— Думаешь,— латыш насмешливо скривил рот,— тебя ждет Институт красной профессуры?

— Я ничего хорошего не жду, особо от тебя.

— Не спеши! Дело не во мне. Ты номенклатурная единица: можешь возглавить любой губком. К тому же ты не одинок. Только что начальник ГПУ чуть кулаком не проломил стол.— Секретарь боковым поворотом головы отметил портрет Зиновьева.— Либо тебя в распоряжение

Смольного, либо возглавишь здесь теоретический журнал. Твою судьбу решит бюро. Но, не скрою, у тебя есть противники, говорят, ты того... загибаешь.

Секретарь, видимо, вспомнил свой разговор с Воркуном:

— Скажи; Николай, здешний вице-губернатор в самом деле содействовал новгородским революционерам?

— Представь!— Он глазами показал на Кремлевскую площадь.— Ссыльные ходят по городу, всюду стучатся и всюду — отказ. И вдруг им целый флигель с готовыми дровами...

Историк рассказал случай с зеленым портфелем и напомнил:

— Ленин никогда не забывал тех, кто помогал нам до революции. Не так ли?

— Да, конечно, за добро — добром.

Калугин заметил, как латыш смял седенькую бородку. Он и раньше так делал, когда пускал в ход коварный вопрос:

— Да, к слову, о твоем ученике дворянского происхождения. Ты отдал ему столько знаний, а случись война, он сбежит к врагу. Рабочего парня не нашел?

«Почерк Пискуна»,— сообразил учитель и решил не спешить с ответом:

— Разве Воркун не замолвил о бывшем неуче?

— А что?!— заострил взгляд однополчанин.— Дворянский сынок на особом учете?

— В некотором роде,— улыбнулся Калугин.— Глеб — динамовец. А шефы клуба «Динамо»— чекисты. Они гордятся своим вратарем. Он — щит сборной Новгорода и губернии...

— И ты болельщик?— скривил щеку секретарь.

— Не в этом дело: Глеб — сын революционерки...

— Эсерки?

— Социал-демократки. Она из группы Фофанова...

(Дорогой читатель, о революционной деятельности моей матери упоминается в брошюре «Красноуфимск», Свердловск, 1970.)

— Анна Васильевна Воскресенская — уралка. Активистка. Распространяла листовки. Сидела в тюрьме. Там же в Красноуфимске ее, вдову с тремя ребятами, взял в жены агроном, новгородец, и привез сюда. Их младший сын косноязычен, необразован, тугодум. Вот я взялся помочь...

— Анархисту?

— Да!— засмеялся краевед.— Если иметь в виду беспорядок в голове. Прикинь, ои встретил Октябрь мальчоикой.

— А что за кличка «Глевим»?

«Ну и иаплел Пискуи»,— ужасиулся Калугии поясияя:

— Сейчас модио сокращать. Вот почитатели голкипера и сократили Глеба Викторовича Масловского иа Глевима.

— Одиофамилец Масловских?

— Нет! Из одиого «гиездышка». Кстати, батеиька, я тоже был в числе ссыльиых, которых приютил вице-губериатор Масловский. Больше того, даже получал стипеидию его имеии. Так что за миою особый долг. Не так ли?

Накоиец-то лицо латыша просветлело:

— Будем считать, дорогой товарищ, вопрос исчерпаииым.— Ои столкиулся со взглядом Калугииа:— Есть что-то ко мие?

— Есть! Ты сиял с руководящих должиостей Павла Левита и Николая Котрбу: одиого сотрудииком в редакцию, другого за город в партячейку. Зачем?

— Нижиие звеиья тоже иадо подтягивать...

«Подтяжка ясиа — всех леииицев подальше от губкома»,— рассудил Калугии и сиова вспомиил о друге.

После быстротечиого ливия блестели даже броизовые буквы памятиика. Иваи, в штатском, с папиросой, читал иадписи под статуями. Ои встретил историка вопросом:

— Дружище, ты зиаешь, где Лев Броиштейи позаимствовал псевдоиим «Троцкий»?

Краевед, разумеется, зиал, что иа русском пьедестале стоит фамилия литовского киязя Кейстута Троцкого, и догадался, о чем думал чекист. Ои ответил:

— История помогает иам расшифровывать и угадывать судьбы: киязь Троцкий повесился, а Марфа, штрейкбрехерша Вечевой республики, стоит одиа, как видишь, с поиикшей головой и разбитым колоколом у иог.— И тут же сатирический тои Калугии смеиил иа деловитый:— В иаших руках ииточка к троцкисту-иумизмату: Филя видел, как аптекарь складывал золотишко в чериый мешочек...

— Но мешочек-то сам ие полетит в Питер? Кто доставляет? И где храиит? Ни Роза, ии Додик в глаза ие видели золотого хлама. Может, Рахиль?

— Нет, голубчик! Оиа, как и ее шеф, считают Троцкого вроде как своим идейиым врагом...

— Надолго? Ты сам говоришь: «Крайности сходятся».

— Они, разумеется, сойдутся, но пока Рахиль отвергает троцкистов. Связной кто-то другой...

— Пискун? Этот и черту подыграет. Его маршруты может знать Машутка. Но молчит, бестия!

— А ты, батеиька, поставь Смыслова Алешу: он умеет читать по губам говорящего.

— Дело!— приободрился Иван и зло ткнул папиросой в сторону губкома:— Ты зиаешь, я чуть не заехал ему. Он спросил: «Насколько Иваиов лучше владеет диалектикой, чем Калугин?» Сказал, что тебя прощупают иа бюро губкома. Их большинство!

— Зато, друг мой, иаше меньшинство монолитное, а их большинство с трещииой: Дима Иваиов, этот Макс Лиидер в юнгштурмовском костюме, уже разок подвел заговорщиков...

Они шли по набережной. Николай Николаевич на миг остановился возле Белой башии:

— В ией на балке повесился один предатель партии. Такова судьба всех измеников,— историк перевел взгляд на спутника:— Так что за иовость?

— Я говорил тебе о диверсаите, что подорвал склад на Волховстрое...

— А след привел в Новгород?

— Факт!— Чекист осмотрелся по сторонам и приглушил свой бас:— Через два часа мы возьмем его иа Буяновской: работает там грузчиком. В тысяча девятьсот двадцать втором году Чван по заданию Савинкова разведал обстановку в Новгородской губернии для рейда отрядов полковника Павловского. Чвана арестовали в Демьянске за попытку изнасиловать школьницу. Из тюрьмы его вызволил Павловский и оставил для подрывиых работ.

Начальник губотдела ГПУ бросил окурок в канаву и, хитро прищурив глаза, озадачил собеседника:

— А ты знаешь, старина, кто напал на след диверсанта?

— Берегиня Яснопольская?

— Вот это школа трибунала!— изумился Воркун.

БЕРЕГИНЯ ЯСНОПОЛЬСКАЯ

Любимый цвет ее — синий: у нее синие глаза, ие говоря уж о берете и сииих полосках матросского воротника. Все же синие обои номера стали раздражать...

Сосед по коридору, прощаясь, оставил ей «Дебри жизни» Миницлова. Но немец подкупил ее другим: он возвел Калугина в ранг философа XX века. Профессор, конечно, не причина ее раздражения. Мысль о том, что засилье индиго в номере граничит с безвкусицей, не удовлетворила ее.

Взгляд упал на мятую газету с подчеркнутыми строками: «6 августа в 30 верстах от Одессы в совхозе убит командир конного корпуса Молдавии тов. Котовский». В штабе прославленного полководца гражданской войны служил ее отец. Она пережила это трагическое известие. Но газету принес в номер ее сослуживец по уголовному розыску. Наконец-то осознала причину своего раздражения. Именно тут, в синей комнате, ее настиг душевный кризис.

Будь проклят тот день, когда она решила ни в чем не уступать парням. Ее неудержимо тянуло к шахматам, бильярду, ружьям, скачкам. И чем больше риска, тем интереснее. А на ловца и зверь бежит. На Невском к ней прилип пижон: расхвастался, подарил ей золотые часики и шепнул адресок вечеринки. Она смекнула, кто он. И зашла в угрозыск. Там заинтересовались «подарочком». Накануне очистили квартиру дантиста. В списке пропавших вещей значились и дамские часики шведской фирмы. Она взялась сходить на «вечеринку». Сама атмосфера риска — нравы «малины», блатные песни, метание финки, азартные игры — чертовски понравилась ей, отчаянной. И комсомолка Ольга Муравьева согласилась сотрудничать в уголовном розыске.

Случилось это на первом курсе университета. Поначалу ей льстило, что она, девушка, сотрудник угро. Однако постепенно двойная жизнь опостылела ей. А восстала против себя в Новгороде, и не без влияния Калугина. Не в ее характере отчитываться перед мужчинами, а он ни о чем не расспрашивал, смотрел на нее без вожделения, не прощал ей логических ошибок. И в то же время пытался помочь ей.

С детства она очарована церковным пением. В Питере зачастила в Никольский собор. Там пели артисты Мариинского театра. Пришлось объясняться на комсомольском собрании. Осудили не строго: накануне выследила одессита, крупного мошенника.

Нечто схожее она ожидала услышать от губкомовца, когда обнаружила на памятнике статую Бортнянского и призналась, что без ума от его духовной музыки.

И вдруг старый революциоиер виновато улыбиулся: «Голубушка, я сам обожаю его коицерты, особеиио „Скажи ми, господи, коичииу мою"».

А вскоре душа актрисы совсем потеплела: в художествеииой галерее ои любовался древиими икоиами, а в Кремле жадио слушал колокольный звои. Нет, иет, ои не такой, как все мужчииы: строгий и добрый, умиый и скромиый — с иим легко, иитересио. Имеиио ои иезаметио подвел ее к решеиию — покоичить со миогими увлечеииями: «Много целей — мало проку», «С курса не собьешься, если видишь маяк». Ее маяк — борьба за равеиство и свободу жеищии. Оиа подала заявлеиие иачальиику милиции: «Прошу освободить...» Ответ доставил сотрудиик угро: «Сиачала иакрой Алхимика».

Операция «Алхимик» проводилась совместио с чекистами. Муравьева опережала других участииков, зиачительио сократила круг лиц, взятых иа подозреиие. Ее оперативиость ие осталась без виимаиия иачальиика ГПУ. Воркуи предложил ей вакаисию чекистки. Оиа отказалась, ио обещала помочь в поимке диверсаита.

И так случилось, что в деиь ареста Алхимика оиа напала иа след опасиого коитрреволюциоиера. Ольга вышла из гостииицы. Буяиовская улица пахиула трактиром. Трудио поиять, почему иа вывеске чайиой обозиачеи город Львов. Открытые окиа первого этажа источали запахи лука и селедки. Голодиый пес, задрав морду, ждал подачки. На крыльце худеиькая девочка в желтеиьком платье качала тряпичиую куклу с одиим глазом-пуговицей. Чья оиа? Где ее мать? Жаль, что ие прихватила гостиицев. Ольга ласково подмигиула юиой иовгородке. Ее упругая косичка, похожая иа хвостик, выжидательио застыла.

В прокурениом помещении под иизким потолком мельтешили мушки. За столиками потиые бородачи опустошали малые и большие расписиые чайиики с золотистыми иосиками. За грубым прилавком, иа фоие граммофоииой трубы, суетился толстячок в фиолетовой шелковой рубахе под темиым замаслеииым жилетом:

— Что прикажете, красотка?

Она выбрала длииный ледеиец, обвитый яркой лентой, с бумажной бахромой иа коицах. В это время нз дверного проема кухни выплеснулся звои битой посуды. Туда бульдогом рваиулся хозяйчик н яростио загавкал:

— Высчитаю до копейки! Подбнрай, кобыла!

Он схватил бы оцепеневшую посудомойку за волосы, но его рука повнсла, словно подрезаииая. Толстячок развернулся и оиемел: ему улыбалась сииеглазка в матросской блузке.

— Не трогать н не обзывать!— Врубнла она стальным голосом, сохраняя детскую улыбку:— А за битое... получи...

В руке Ольгн зеленела новенькая трешка. Заступиица предупредила, что вернется проверннть уговор и тепло взглянула на простоволосую, костнстую женщину в мокром платье.

— Тебе положеи передннк. Требуй! Как зовут-то?

Большие темные глаза Матреиы светилнсь нзумленией благодарностью. Ольга смекиула, чья дочка мается на ступенях, н взяла мать за оголенную, иатружеииую руку:

— Выйдем на крылечко...

Хозяни опомнился, бросился следом, ио не успел и рта разииуть, как его осаднл детнна с белым от муки лицом:

— Цыть!— прнказал ои хрнплым, пропитым голосом.

Скорее женским, чем агентурным чутьем Ольга расценила поступок верзилы не рыцарским, а эгонстнческим, далеко прицеленным — познакомиться с Матреиой.

Пока Ксюша распеленывала коифету, Ольга уже выяснила, что Матрена вдова, до чайиой работала уборщицей, что второй год ютнтся с дочуркой в подвале. Судомойка указала в сторону Венского сада, где иа эстраде выступала Берегння, н обещала вериуть деньги:

— Тут нам, вдовым, помогают.— Оказывается, в Новгороде о снротах заботятся добрые люди во главе с Калугиным:— Миколаевич у нас и иа дому бывал. Ксюше бареткн прииес...

Онн рассталнсь подругами: младшая обязательио зайдет к старшей, а Матрена и Ксюша навестят ее в гостинице.

В концерте вместе с Ольгой выступает талаитлнвый скрипач Доднк Гершель. Месяц назад его нзбил лабазник с Буяновской улнцы. Отец Доднка расценил это как выпад русского протнв еврея. Одиако сын не усмотрел в этом хулнганстве антнсемитнзма н не стал возбуждать судебного дела, да н грузчнк прнгрозил ему: «Пикнешь — прнкоичу!»

Все заработанное Доднк отдавал отцу, а тот отказался оплатнть ремонт раздавленной скрнпкн. Ольга организовала сбор денег: даже баянисты пожертвовалн по трешнице.

Благодарный Доднк проннкся к Берегнне довернем н показал ей хулнгана. Грузчнк в Хмельном саду освежался пнвом. Прнходнл всегда запорошенный мукой: даже ресннцы усыпаны.

Сотруднница угро, конечно, прнзнала в нем «защнтннка» Матрены н окончательно убеднлась, что лабазннк не рыцарь, а прожженный негодяй, который почему-то ннкогда не смывал с лнца муку.

После концерта в Хмельном саду Ольга вернулась к себе в гостнннцу и встревожнлась, когда в корндоре увндела прнтнхшнх Матрену н Ксюшу. Вдова закрыла дверь номера на задвнжку:

— Прншел Белый сильно выпнвшн,— рассказывала она дрожащнм голосом.— Прннес гостннцы, водку н баранью ножку. «Поджарь»,— говорнт, а сам глаз не спускает с доченькн. Чую неладное. И только он вышел до ветру (у нас-то нужннк за сараем), я схватнла Ксюшу н бегом к тебе...

— Молодец! Теперь выслушай вннмательно.— Ольга прочнтала словесный портрет Чвана, полученный от начальннка ГПУ:—«Роста высокого. Прнметны надбровные дугн. Нос усечен. Толстогуб. Рукн н грудь волосатые...»

— Он самый!— опознала Матрена днверсанта под клнчкой Чван.

Как же быть? Идтн в Десятннный монастырь нельзя: Воркун строго запретнл такой внд общення. Начальннк дал телефон админнстратора Софнйской гостнннцы н пароль: «Оставьте за мной девятый номер». Звоннть нз своей гостнннцы она посчнтала неудобным, словно недовольна Соловьевской н переезжает в Софнйскую. Воспользовалась телефоном блнжайшей аптекн.

А вскоре Берегння в девятом номере Софнйкн порадовала Воркуна. Тот поблагодарнл за помощь, но не взял ее на рнскованную операцню:

— Чван, понятно, вооружен: будет отстрелнваться. Бегство Матрены, как пнть дать, насторожило его. Он сейчас нщет ее, н ваше место рядом с ней. Прнкройте ее. Ведь преступннк пятый год ждет расплаты.— Чекнст кнвнул на окно, смотревшее на Летннй сад: — Тут нзвозчнк. Спешнте!

ОЛЬГА МУРАВЬЕВА

Теперь в ее номере две кроватн. Однако спнт лншь Ксюша. Матрена лежала молча, то н дело тяжко вздыхая.

Ольга беспокоилась за исход операцин. Неужели сбежит?

Незаметно мыслн перенеслись в мнр детства. Не забыть ей Большнх Теребонь. Особенно последнее лето. Тогда, словно чуя разлуку, мамуля не отходила от нее. Онн купались, ходнлн по грнбы, собнралн малину, а вечерамн на веранде в четыре рукн игралн на бабушкином рояле, упнвалнсь стнхамн Тютчева н Буннна.

Детскнй альбом сохраннл матернискне рнсункн: старннный дом с белымн колоннамн, вишневый сад, инспадающнй к Луге, н прнбрежный курган язычннков. В родовом именни Муравьевых мама нашла семейное счастье. А дочь в то лето — сама нежиость. Оля свистом подражала пернатым. Мама обычно ворчала: «Девочке иепрнлнчио!» А тогда похвалнла за песию жавороика: «У тебя, дочурка, мой слух. Не бросай музыку».

В деиь отъезда матерннскне рукн грели прадедовскне каидалы, воздетые на спннку дубового кресла. Мама долго смотрела на стенную фреску — свой портрет с темнымн печальнымн глазами. Прощаясь, она обещала вернуться, а прнехал отец, в офнцерском мунднре, с чериой леитой на рукаве. Шла война с немцами. В госпитале сестру мнлосердня не обошел тнф. А жить бы да жить!

Папу Ольга любнла за верность памяти матери: вдовый, он не расставался с ее лнком, закрепленным в крышке портснгара, да н в Парнже возле матерннского портрета всегда цветы.

Она дремлет. Виизу в рестораие Додик Гершель бнснрует есеиинское «Пнсьмо», напоминая людям о вечном долге...

Спать... спать... спать! Завтра выступление в детском доме имеин Розы Люксембург. Завтра она вольная птица. Завтра новая жнзнь. Новая, если Чваи пойман. Сон был тревожным...

Утром офнцнантка в кружевном передннчке, с большнм бантом на голове, принесла артнстке трн завтрака и, зиая, что она охоча до городскнх новостей, сообщила:

— У нас-то на Буяновской. Вчера к ночи дворникн подиимают на телегу мертвецкн пьяного, а у него из кармаиа шмяк... пнстолет нностранной маркн.

Матрена облегченно осеннла себя знамеиием н спокойно пошла на работу в трактнр. Но Ольга задумалась: если дворннкн — переодетые чекисты, тогда все в порядке; но еслн дворннкн опередилн Воркуна, то Чван может очухаться н наверняка сбежнт. У диверсаита солндный

стаж да и силища на троих. Терзаемая неизвестностью, она прошла в аптеку и позвонила в Софийскую гостиницу. Администратор вежливо ответил:

— К сожалению, девятый номер занят...

Ольга решила навестить Калугина, доверенного Воркуна. Тот, конечно, в курсе дела. Из аптеки она направилась к мосту и уловила за спиной чечеточные шажки: один из ее поклонников, хозяин зеленого портфеля, заговорил с ней впервые:

— Богиня!— Его бодрый голосок взвился ивовой свистулькой:— Вы любознательная! Обычно приезжие музы обожают скачки и золотой ликер, а вы — музеи, памятные места. Я видел вас в Зверином монастыре возле могилы писателя Муравьева-Апостола — отца трех декабристов. У вас, кажись, выступили слезы?

— Обидно! Уцелела надгробная плита, а где могила?

— Попала под алтарь, когда собор расширяли.

— Откуда такая осведомленность?

— Архивариус и любитель церковной архитектуры.

— А что у вас в портфеле? Всегда туго набит?

— Чистая бумага и слуховой аппарат,— он любезно открыл портфель.— Любую справку к вашим услугам.

— Ловлю! Что такое теория относительности?

— Три волоса на голове — ничто, а в супе?!

— Браво!— засмеялась она.— Вы знаете Калугина?

— Его партийная кличка Скиф. Он учитель мой.

— Афиша достойная! После пожара он куда переселился?

— Никуда. Живет во времянке. А сейчас у Передольского...

— Изумительно! Вы универсальный справочник!

— К вашим услугам!— Он продиктовал свой служебный телефон и низко, по-монашески, раскланялся:— Удачи Соловушке...

Когда всезнайка-бубенчик скрылся в базарной толпе, Ольга повернула назад и задумалась: «Неужели ученик Калугина?»

На Ильинской улице Ольга увидела знакомый дом с башенкой и решила — во что бы то ни стало объясниться с профессором. Со школьной скамьи Оля презирала мужской пол, а тайно вздыхала по учителю словесности: тот вдохновенно читал стихи и отличался вольтеровским остроумием. В университете она продолжала коситься на мужчин, хотя ее тянуло к Передольскому: гипнотизер,

путешественник и блистательный лектор, всеобщий любимец. Когда Владимир Васильевич появлялся за кафедрой, то девятая аудитория, самая большая, всегда оказывалась забитой слушателями. Его романтический стиль лекций приводил и Ольгу в восторг.

Однажды она провожала своего кумира на 16-ю линию Васильевского острова. Профессор пригласил студентку к себе на квартиру. Глаза его пылали: «Вас ждет редкая живопись». Не зашла она, отшутилась: «Боюсь гипноза». На деле Ольга не была робкой и не поддавалась внушению. Она не хотела обидеть жену профессора, еще тогда в ней утвердилось правило — защищать слабый пол.

Вот почему в Новгороде она решительно отказалась переехать в профессорский дом, хотя Владимир Васильевич ценил ее талант, дарил цветы и даже уговорил супругу склонить актрису пожить на Ильинской в отдельной комнате с окнами в сад.

Нет, только эгоистка способна отравить чужую жизнь. А Ольга, рано потеряв мать, всегда помнила о ранимости женских душ.

На солнечном дворе земляки кололи дрова. У хозяина тяжелый колун, а Калугин мучился с легким топором: лезвие увязло в сырой древесине. Он, переведя дыхание, доверительно сказал:

— Голубчик, в Хутыни обнаружили вещественные доказательства, но от них пока не добились ни звука...

— Бонжур!— заявила Ольга о своем приходе и взяла освободившийся колун.— Отдохните, профессор!

Она сызмальства любила физический труд. В имении бабушки на кузнице Оля бралась даже за тяжелый молот. И сейчас не подкачала: чурка разлетелась плашками. Хозяин не успел похвалить. Она, убегая в дом, крикнула через плечо:

— Сейчас вернусь!

У нее оторвалась пуговица от лифчика. В прихожей Ольгу встретила Передольская. Куда девалась обычная импозантность? Профессорша в мятом переднике, без строгой прически, с потухшими зелеными глазами:

— Что с вами, Антонина Ивановна?

Хозяйка закрыла на задвижку дверь спальни и, подавая шкатулку с пуговицами, печально молвила:

— Сиротой росла... привыкла все в себе...

Ольга ловко сбросила бюстгальтер и, обнаженная до пояса, добродушно хохотнула:

— Если принесу двойню — кормилица не потребует-

ся!— Она выбрала иглу:— Пожалуйста, нитку покрепче, суровую...

Все еще грустная, Антонина Ивановна катушкой указала на двухспальную кровать, наполовину загороженную серой ширмой:

— Теперь спит в кабинете. Заявил: любит другую.

— Кого?— насторожилась Ольга.

— Не знаю, но догадываюсь — вырезал ваш портрет с афиши...

Ольга нечаянно укололась иглой и, глядя на каплю крови, резко стряхнула ее с пальца:

— Да я скорее глаза себе выколю, чем...

Она не договорила. Профессорша обхватила ее голову и благодарно поцеловала в лоб:

— Так и знала!— Согретая солидарностью, Антонина Ивановна распахнула окно на дворик и повеселевшими глазами выбрала бородача в русской рубахе:— Каждый день ждет вас. Измучился...

— Напрасно! Если приду, то приду лишь к вам и вашей троице: им пора садиться за рояль...

Надевая блузку с матросским воротником, Ольга свободно вдохнула свежий воздух. Как легко дышится человеку с чистой совестью. А соблазнись там, на 16-й линии, теперь она уподобилась бы лживой, коварной разлучнице.

В окно Ольга видела, как на дворе новгородцы закончили колку дров и, прощаясь, долго трясли друг другу руки. Она выждала момент, когда Калугин направился к калитке, и мигом выбежала из дому. Голос ее тверд, беспощаден:

— Владимир Васильевич, не ждите меня: я никогда не стану ни вашей любовницей, ни женой! Адье!

Круто развернувшись, она последовала за Калугиным. Тот еще не успел закрыть калитку и, конечно, услышал ее отповедь:

— Николай Николаевич, я нарочно говорила громко, чтобы слышала жена профессора. Она стоит возле открытого окна. Так-то оно человечнее...

— Здесь я не судья, голубушка,— голос его потеплел.— А вот за концерт в детдоме — великая благодарность от детской комиссии. Вы совсем распрощались с эстрадой?

— Да. Но для детей не откажусь.

— Спасибо, Ольга Сергеевна.— Он обласкал ее своим взглядом.— Однако, друг мой, впредь держите связь с моим заместителем.

— Как? Уже?!— Она сбилась с шага.— Я кое-что знаю от Матрены. Новые губкомовцы хотят избавиться от вас. Матрена переживает...

— Славная и женщина и мать!— Он посмотрел на тощую козу, пасущуюся в уличной травянистой канаве.— Кстати, вы с Матреной очень помогли Воркуну. Все обошлось удачно: чекисты забрали Чвана вдрезину пьяного — очнулся лишь в камере...

Ольга изумилась: Калугин словно читает ее мысли. Она же и пришла за тем, чтобы узнать о результате опасной операции. А себя уличила в том, что нашла Калугина не только ради этого. Она хочет стать его ученицей и овладеть логикой.

— Теперь я свободна! Мечтаю заняться декабристами...

— Увлекаясь по-прежнему шахматами, стрельбой, бильярдом?

— Нет, нет! Я уже собираю материал, посетила имение братьев Бестужевых-Марлинских и запросила архив моего прадеда Артамона Захарьевича Муравьева...

— Который вызвался убить царя?

— Да! Архив сохранил мой отец. Все стены папиного кабинета увешаны портретами декабристов. В советском посольстве он — помощник атташе полковника Игнатьева. Я люблю Париж и очень скучаю без отца. Он просил меня навещать мать Сергея Васильевича Рахманинова...

— Она в бывшей богадельне Масловского?

— Да. Вчера я помогла ей донести посылку от сына. Он любимый мой композитор. Наведаюсь в его родной Онег. Недалеко — на Волхове. Но распыляться не собираюсь — только декабристы!

— Отрадно слышать.— Он скользнул взглядом по ее лицу:— Вы плоть от плоти декабристов — вам и карты в руки.

— Мне жаль потерянного времени.

— И все же, Ольга Сергеевна, помогите Воркуну.— Он рассказал о таинственном посреднике между аптекарем и его ленинградским братом, нумизматом.— Братья больше года не виделись...

— А здесь есть троцкисты?

— Один лишь Шахиович. Но он после дискуссии замкнулся, отошел от политики, а главное, не вхож в дом Гершеля.— Попутчик снова по-доброму взглянул на Ольгу:— Зато вы дружны с Розой, Додиком и даже участвуете в семейных концертах. Не так ли?

— А Роза и Додик?

— Они бессильны: нет навыка. Да и неудобно разжигать их ссору с отцом. Вся надежда на вас. Это наша с Воркуном последняя просьба...

— Почему последняя? — Ей стало не по себе. — А-а, понимаю: я отказалась сотрудничать с чекистами, а вас переводят...

— И постарайтесь, голубушка, до моего отъезда. — Он дополнил шепотом: — Сохраните телефон Софийской гостиницы...

Ольга представила «девятку», начальника ГПУ и поняла, что Калугин намерен закрепить ее помощницей Воркуна. Она переждала, пока рядом проедет извозчик, и категорично заявила:

— Я помогу чекистам, пока вы здесь, но уеду с вами. И поеду, куда бы вас ни перебросили. Да, да, во мне кровь декабристов! Вы учитель мой до конца нашей жизни!

Он оцепенел: то ли огорчился, то ли обрадовался. Она увела взгляд на пыльную дорогу, где в лунках купались воробьи. Ждала молча, ждала ответа. А спутник молчал...

СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ

Калугин поручил мне через Розу сообщить Додику потрясающую новость, а после втроем повидать Берегиню. Первая половина задания понятна, но неясно — при чем тут «Вечерний соловей»?

Розу я перехватил, когда она из губархива шла на обед. Я, видимо, настолько сосредоточил взгляд, что она улыбнулась:

— Опять гипноз?

Она знала, как я однажды «усыпил» маму. По моей команде мама с закрытыми глазами медленно поднялась из кресла, не спеша вытянула руки и... вцепилась в мои кудри: «Садись за книгу!»

Я сообщил, что Чван, надеясь на смягчение приговора, раскололся по всем статьям: он подорвал склад на Волховстрое, и он же за подкуп избил Додика. Грузчик не знал ни фамилии, ни адреса содеятеля, но так точно обрисовал его, что того уже через час доставили в Монастырку. Чван ткнул пальцем: «Он! Он, курва, дал мне три червонца и флягу спирта». А тот, спасая свою шкуру, признался: «Спирт и деньги аптекаря Гершеля». И тут же грохнулся замертво.

Зачем отцу избиение родного сына? Я недоумевал, а спросить Розу не решался. До самой Московской улицы она не проронила ни слова. А когда вышла с братом из дому (отец был в аптеке), твердо заявила мне:

— Мы с Додиком не вернемся сюда...

Только в Соловьевской гостинице я осознал вторую часть задания. Берегиня поразила меня своей деловитостью:

— Жить будете у Матрены, недалеко от меня. А сейчас, пока провизор в аптеке, быстро за вещами.— Она строго посмотрела на Додика:— Ты даже скрипку забыл. Она теперь звучит, словно побывала в руках Страдивари! Ты же, Роза, флейту прихватишь...

На наше счастье у гостиницы стоял извозчик. Мы мигом подкатили к дому аптекаря. Дверь открыла не домработница, а сам Борис Соломонович Гершель. Ему, видимо, позвонили из ГПУ и отменили очную ставку с соучастником, поскольку тот скончался. А Чван и в глаза не видел истинного нанимателя — Гершеля. К тому же пострадавшим от рук Чвана будет заниматься не ГПУ, а народный суд, если Додик того пожелает. Так что аптекарь встретил нашу компанию приветливо. Он уверовал в то, что дети пока не в курсе дела и что в суд на него не подадут.

— Со всеми знаком, кроме одного.— Его роговые очки поймали меня:— Представьтесь, любезный юноша.

— Мой дядя — муж вашей дочери Юлии.

Он подтянул солидно отвислую нижнюю губу. Я знал, что в этом доме запрещено произносить имя проклятой им дочери, и не удивился, что он возлютовал на детей:

— Роза! Додик! Что это значит?!

Когда мы шли сюда по лестнице, то Додик шагал спокойно, Роза нервно постукивала пальчиками по перилам. Казалось, что она не выдержит атаки родителя; однако именно она, отцовская любимица, первой взъярилась:

— Изверг! Спиртом и червонцами подкупил хулигана?! Родного сына отдать на избиение?! Иуда!

Оказывается, Гершель не знал о кончине содеятеля. Аптекарь не ожидал этого удара и стоял бледнее марли, с осоловевшим взглядом. Но когда дочь сняла со стены круглое зеркало, подарок матери, отец сорвался:

— Роза! Розочка!— Он потряс руками.— Мы же одной крови! Пойми меня, верующего! Я хотел сына вернуть в синагогу. Не уходи, дочь моя! Не уходи ради святой памяти матери!

— Матери?!— Розу передернуло.— Ты убил ее!

— Опомнись! Что ты говоришь?!

— А кто разлучил ее со старшей дочкой?— вскинула голову комсомолка.— Ты не пускал Юлию в дом. Ты ударил нашу мамочку, когда она умоляла снять проклятие...

— И тебя прокляну, если уйдешь...

— Проклинай всех! Юлия не одинока: мы с Додиком ходим к ней. И никогда не оставим ее. Мы с братом тоже не одиноки — с нами верные друзья!

Обезумевший отец глянул на сына. Юноша в черной бархатной блузе, прижимая к груди футляр, растерянно смотрел на актрису. Отец уловил взгляд сына и дернулся к Берегине:

— Не ты ли, ресторанная, подбила моих детей?!

— Не оскорбляй нашего друга,— робко вступился Додик.— Во всем виновата твоя жадность...

— И ты, выродок, с ними?!

Он с кулаками бросился к сыну, но между ними внезапно встала Берегиня в матросской блузке. Несокрушимая осанка актрисы явно смутила аптекаря. Он не посмел ее оттолкнуть.

А мы, конечно, воспользовались этим и проскочили в парадную дверь, благо она была распахнутой.

Последней вышла Яснопольская, защелкнув французский замок. Стоя на верхней площадке, она, как морской капитан, подала команду на «посадку».

Мы благополучно погрузили вещи к извозчику: у багажа сидели Берегиня и Роза, а мы с Додиком пешком сопровождали их. Музыкант гордо нес футляр со страховочным ремешком на середке. Я поравнялся с коляской и вгляделся в Розу: на коленях у нее круглое зеркало, а на румяных щеках блестят крупные слезы...

— А с кем Рахиль?— прошептала она, не дожидаясь ответа.

РАХИЛЬ

В прошлый приезд домой Рахиль по-настоящему отоспалась, отдохнула: участвовала в семейном концерте, развлекалась с доктором философии и успокоилась за Розу: та нашла работу по душе.

А в этот приезд все не так: брат и сестра сбежали из дому, и задание не выполнила: она верила, что Калугин, мечтая о преподавании диамата, наконец-то возьмет протянутую руку шефа, а чудак остался чудаком. Его посту-

пок предвндел Иванов, сказав Знновьеву: «Калугнн за ЦК». Архнвариус не глуп н прозорлив. Его сигналы нз Новгорода всегда подтверждались. Ему можно доверить «проводы» Калугнна.

Из кабннета отца Рахиль по телефону вызвала Иванова на дом. И не успела повеснть трубку, как вернулся отец. Размашнсто шагнув, он возбужденно показал на портрет деда:

— Предок не простит нам! Вернн Розу н Доднка, дочь моя!

— Избавь меня от такой мнссии: онн не детн.

Рахиль торопливо укладывала вещн в дорогу. Борнс Соломонович, как всегда, попросил дочь взять подарок брату, собнрателю старинных монет. Новгородская земля богата кладамн. Рахнль знала, что отец скупает для дядн Хана древнне грнвны, «новгородкн», н покорно положнла увесистую посылку на край комода.

Вынимая нз ящика носовые платки, она увндела голубую распашонку покойного младенца, прнжала ее к лнцу и впервые после похорон не сдержала слез.

Рахнль не любнла хныкать. Она резко выпрямилась и, теряя равновесне, рванула с комода кружевную дорожку, а вместе с нею и отцовскнй мешочек. Тот ударился об пол и лопнул по шву.

Но что это? Вместо старинных монет нз посылки выпало золотое кольцо без камня. Рахиль распластала по шву коленкоровый мешочек, и под ноги, звеня н поблескивая, посыпались червонные поделкн.

— Отец!— взревела она, указывая на золотой лом:— Что это?

Провнзор плотно закрыл за собой дверь и спокойно ответнл:

— Золотой фонд Троцкого.

— Что за чушь?! Ты стал троцкистом?

— Нет! Я был и остаюсь хранителем нашего рода. А мой кровный брат, твой дядя Хан,— соратннк Троцкого. Наш долг помочь...

— Никогда! Зиновьев н я протнв Троцкого,— побагровела она, наступая на отца.— Тебе это известно?

— Ай, божья овечка [1], чтобы ты сдохла!— выругался он н тут же ласково проговорнл:— Меня не ннтересуют ваши полнтнческне распрн: онн временные, а законы Ветхого завета вечны.

---

[1] Рахиль — овца *(древнеевр.)*.

— Вот-вот!— скривила она губы.— Бедные евреи всегда помогали обогащаться богатым евреям...

— Богатство — наша сила! Деньги помогут создать нам, иудеям, свое государство!

— Не быть тому! Ты в плену своих киевских друзей-националистов. А для нас все нацмены — товарищи, братья. Истинный марксист никогда не станет противопоставлять одну нацию другой...

— Ай-ай!— усмехнулся отец.— Троцкий тоже «марксист». А кого к себе приближает? Ты, божья овечка, думаешь, что все члены Бунда и Поалей Циона искренне перешли на сторону большевиков?

— Скажи это своему брату, бывшему бундовцу!— выкрикнула дочь, сжимая кулаки.— Нам с Троцким не по пути!

— Сегодня! А завтра пойдете в обнимку...

— Ни за что! Они всегда в меньшинстве!

— А вы на съезде рассчитываете на большинство?

— Сейчас Зиновьев наиболее авторитетный вождь...

— Для кого?— съязвил он и плечом подался к окну:— Здесь ваш посланник возиес Зиновьева и был освистан. Твоя сестра Роза крикнула оратору: «Ленин жив!» И дома возмущалась: «Хоронят Ленина!»

— Мы не хороним! Зиновьев — автор книги «Ленинизм».

— А нужна еще и рапсодия: «Троцкий — творец революции!»

— Много чести иудушке!

— А «штрейкбрехеру революции»?

— Отец!— вскипела она угрожающе.— Как ты можешь Зиновьева ставить рядом с позером, трескучим леваком?!

— И ставлю, ибо смотрю далеко вперед! Ваша партия отметет Зиновьева, как отмела Троцкого. А все, кто за бортом, хватаются за один спасательный круг — за объединение сил отверженных. И ты, дочь моя, гордись, что приняла участие в создании золотого фонда.

— И не подумаю! Ты обманул меня: впредь я не помощник!

— А где возьмете рублики на издание подпольной литературы?

— Какое подполье? Какая литература? Ты в своем уме?!

— Я-то в своем: богом не обижен.— В его голосе пророческая нотка:— Все будет так, как я предрекаю.

— Не будет!— Она указала на дверь.— Уйди с глаз долой!

— И это говорит мне родная дочь, еврейка?

— Евреи разные! Вот ты — Соломон синагоги на задворках, а дети твои — истинно передовые евреи: Роза — комсомолка, Додик — музыкант, Юлия — уважаемая медсестра, любимица русской семьи...

— Не хочу слушать о ней!— Он, наклонившись, сгреб золотой лом в кучу.— Отвезешь?

— Н е т!

— О т в е з е ш ь,— процедил он с угрозой.— Иначе сегодня же о твоих услугах троцкистам узнает Калугин.

Рахиль мелко задрожала. Она представила заседание Контрольной комиссии и умоляюще взглянула на отца:

— Неужели посмеешь родной дочке нож в спину?

— Ага!— обрадовался он.— О родной крови заговорила. Так-то оно лучше. Отвезешь! И в будущем зачтется...

Неожиданный звонок вызвал Рахиль в прихожую. А провизор бросился на колени и ковриком прикрыл золотой хлам.

Рахиль с трудом открыла французский замок: от страха и гнева дрожали руки. Это же надругательство: соратница Зиновьева, она против своего желания помогает противнику. Теперь, к ее ужасу, придется хранить тайну. И не рискнешь, не откажешь: отец не пощадит ее — выдаст. К тому же его пророчество подтверждается: уже сейчас у Зиновьева с Троцким по ряду вопросов смычка.

(Дорогой читатель, не пройдет и года, как Зиновьев, разоблаченный на XIV съезде партии, сблизится с Троцким: вместе сколотят антипартийный блок, а на золотой фонд приобретут подпольную типографию.)

Обезумевший взгляд Рахили смутил человечка в черной кожанке, с зеленым портфелем. Выпучив глаза, архивариус мягко топтался на месте. Она провела его в столовую, указала на стул. В ней еще все клокотало, говорить она не могла. Иванов выложил на стол чистый лист, вырванный из церковной инвентарной книги:

— Ваш отец сказал: вы до Киева жили в Ново-Миргороде на одном дворе с Зиновьевым...

— О юности вождя короче...

Рахиль была младше Григория на пять лет и, конечно, не могла дружить с ним в детстве; да и сосед мало интересовался детьми портных и аптекарей: тогда он общался

с гимназистами из богатых еврейских семей. Рахиль сердито прервала воспоминание:

— Что у вас, коммуниста, общего с моим родителем?

— Он просил принять в губархив вашу сестру. Вот и все.

— Все?— смутилась она.— В самом деле?

— Боже, чуть не забыл!— Иванов шлепнул себя по темени.— По этому вопросу меня трясли на Контрольной комиссии...

Рахили вспомнилась угроза отца. Мутными глазами она смотрела на стенные пятигранные часы:

— Через два часа пароход. У меня не собраны вещи. Приезжайте к нам. Я опять устрою вам встречу. Зиновьев охотно расскажет о себе. А сейчас к делу...

Иванов покорно убрал бумагу в портфель и, приложив ладонь к уху, застыл: «Слушаю».

— Вы общались с Калугиным? Разделяете его философские взгляды?

— Боже упаси! Его измышления, как-то «Логику открытия», не приемлю. Да и насчет аксиом диалектики...

— Хорошо! Выступите с критикой. Бюро губкома будет обсуждать его идейные ошибки. Сделайте так, чтобы он больше не претендовал на преподавание диамата.

— Понял! Будет сделано. Положитесь на меня.— Он выставил портфель.— Если меня вызовут на совещание архивистов, оставлю письменный разбор его загибов. Не подведу вас!

И Рахиль доверилась.

НАКАНУНЕ

Потухли слободские огоньки. Мерцает лишь одна зеленая лампа. Августовская темень уставилась в оконце времянки. У его ног телохранители Плюс и Минус. Псы иногда вскидывают морды, как бы спрашивая: «Что с тобой, хозяин?»

Завтра бюро губкома. И — прощай, Новгород. Здесь поселится мастер кирпичного завода. Материнские руки убрали стол, кровать, засветили лампу и даже поставили русскую матрешку.

Удивительное творение народа. Поначалу матрешка «одна», а в ней еще сорок одна. И все одинаково разные. Захотелось, расставляя полые фигурки, и самого себя разъять на множество «я», следуя прожитым вехам: ведь завтра его спросят о многом.

Вот «я» сегодняшний и бывший розовый кукленок. Омывая сыиа, мать видит его Ушииским, а папа, лесинчий, мечтает наследника вырастнть ботанком.

Откупориваю себя в образе Николки: бегу в гимиазию, впереди скоком — черио-белый Дружок. Ои ждет меия до последиего звонка. В тот страшный деиь браконьеры свели с отцом счеты.

Воскрешаю себя за партой учительской семинарии: в обложке от кнngн «Пснхологня» спрятаи плехаиовский труд «О развитии монистнческого взгляда иа историю». Увлекся Плехановым н марксизмом.

Еще «я» под клнчкой Скиф вместе с Крупской просвещаем рабочих Невской заставы. Выследнл провокатора.

Чуть ие забыл себя на берегах Велнкой. Мы, ссыльные, по совету Леннна изучаем диалектнку «Капнтала».

Во мне заговорнл корреспондент «Искры». Новгородская подпольная тнпография «Акулииа» перепечатала ленинскую газету.

Вспомиил себя окопным агитатором. Оказывается, «немецкнй дух» может быть буквально отравляющим газом.

Я, председатель полевого трибунала, вершу судьбы людей — самые ответственные дни моей жизнн.

Напрягаю память. Экстренное совещанне в Смольном. Зиновьев готов сдать Петроград Юденичу. Все мы, участнния обороны, возразилн. Его поддержал только Клявс-Клявин.

И совсем легко объявился во мие председатель Старорусского укома. В курортиом городке я разоблачил опасного контрика Рыся.

А вот «я» теперешний — глава Коитрольиой комиссии и воитель с детской беспризорностью.

Мудрая матрешка! Она говорнт: «Я и в то же время ие я, ибо все иа свете объединяется н члеиится».

Он укупорнл матрешку, и вдруг оиа отожествилась с Берегиней: с виду одна, а в ней множество ипостасей — молодой историк, актриса, бильярдистка, «стрельчиха», шахматистка н, наконец, сотрудник угро. Как понять ее? Отказалась жить в доме Передольского, хотя профессор открыто любит её. Не уехала с инженером фирмы «Рено», хотя в Париже ее ждет отец. Готова последовать за мной, хотя я ие сделал ей предложения. И какую избрала роль? Ученицы или жеиы? Нет, нет! Не по Сеньке шапка!..

А что? Кто воспел Беатриче и Лауру? Их сверстники?

Нет! Седина, как серебро, обладает чудодейственной силой очищения. Пора зрелости — пора побед! Передольская безумно любит мужа, хотя моложе его на двадцать лет. Разница в годах, разумеется, не помеха для семейного счастья.

Счастье, счастье! В чем твой секрет?

Стремление к счастью, как снежный ком, падающий с горы, обрастает новыми и новыми желаниями, мечтами, грезами, пока все это, чрезмерно облипшее, не рассыпается у подножия старости.

Для него счастье — осуществление замысла; потому-то он не разочарован, а очарованным упорно шагает к цели. Не случайно его кредо — ни дня без цели! Все же одной цели мало: его гложет тайна: зачем Берегиня едет с ним?.. О, так сойдешь с ума!

Калугин давно заметил, что рыбалка избавляет его от всех дум, кроме одной: «Не прозевать бы поклевку». И он чуть свет накопал червей. От пожарища тянет гарью. Вспомнился страшный случай, когда сохатый выскочил из задымленного ельника на чистый мох и ухнул в бездну горящего торфа. Душераздирающий лосиный вопль поднял глухарей за болотом.

У каменных быков недостроенного моста водится лещ. Здесь на Волхове краевед всегда отдыхал душой: за спиной родной город, слева древнее городище, справа белый Юрьев, а прямо былинное озеро, где кипенный туман в пламени утренней зорьки.

Зеленый чели закреплен двумя шестами. Рыболов, в серой панамке и брезентовом переднике, следит за чуткой леской подпуска, а сам слушает мудрый звон юрьевских колоколов. Первым качнул речной воздух великан весом в две тысячи сто пудов. Его стенание, как и все на свете, возникло из слияния противоположных сил. Нет колокола без языка, а языка без колокола: они едины и враждебны меж собой; дуля-язык бьет капот-колокол, а тот всем литьем отторгает било:

— Бу-у-у! Бу-у-ум!

Потом запричитали другие колокола: мощные стремились заглушать малые, а те, дробясь о басы, создавали вкупе вечный мотив противоборства:

— Часть — Целое — Часть — Целое!

Новгородец с детства любит перезвон, но сейчас его отвлекал назойливый соловьиный свист. Оглянувшись, он порядком изумился. На пологом берегу Яснопольская в белоснежном платье махала голубой вуалью. Он мигом

кое-как побросал на дно челна ннть с крючкамн н выдернул колья, ио, поннмая, что поспешный рыболов смешон, поубавнл прыть. И неторопко прнстал челиом к размытому берегу.

— Держитесь!— Она смело прыгнула на корму н устояла.— Мой папа мечтал о сыие, потому рядил меня в штанишкн, брал на охоту, рыбалку, учил стрелять, играть в бнльярд н шахматы. Теперь все это прнгодится там, куда вас забросят...

Скрывая приток радости, Калугни деловито спроснл:

— Что за иовость прниеслн?

— Отрадиую!— Берегиня села на скамейку челна.— Прнслуга Гершеля — Матрениина землячка, даже нз одиой деревнн. Я подружилась с обеими. С товаркамн я быстро схожусь. Так вот вчера вечером домработница слышала перебранку аптекаря с дочкой. Оказывается, Рахнль не знала, что черные мешочкн для дядн заполнялнсь не только старнннымн монетами.

— Прекрасно, голубушка! Воркуи в курсе?

— Да!— Она, хмурясь, указала на Тронцкую слободу.— Опять встретнла архиварнуса. Увнвается за мной, а следит за вамн. Подозрнтельный бубенчнк. Кто он?

— По-моему, тройннк: пишет бнографню Знновьева, прилажнвается ко мне, набивается в ученнкн н скрывает свое третье лицо, пока не выявленное.

— Сказал, что едет в Москву на совещание архнвистов.

— Такую персону нельзя отпустнть одного,— улыбнулся он, довольный тем, что Берегння поиимает его с полуслова. Рядом с ней легче перенеснть удары судьбы.

— Да, чуть не забыла! Тройиик сказал: бюро переноснтся...

— Это не без участня Пнскуиа. Не зря он выведывал у меия философскне положення. Жди каверзу.

ТРОЙНИК

Бывший Духов моиастырь. Архнвными фондамн плотно заставлены стеллажи иа двух этажах каменного здання. За пять лет существования хранилнща здесь до снх пор не закоичена опнсь. Нет, подлинные грамоты с чериымн печатямн царя Федора Ивановнча давно пронумероваиы, зато трапезная завалена кнпамн церковных бумаг.

Конечио, нх надо сортнровать: что в макулатуру, а что на полкн. Но сотрудников мало, а работы много — проще

нагрузнть вагоиы н сбыть иа бумажную фабрнку. Так н велось, пока не свели с ним счеты. Теперь Иванов — рядовой иаучный сотрудиик, хотя по-прежиему заннмает кабинет заведующего губархивом до прихода иового иачальника.

Уступнть место не страшно, страшно отдать партбнлет: без иего ие вериешь пост. Надо, как железному петуху на спице, уметь держать иос по ветру.

Отмычку к натуре Зииовьева он подобрал быстро: тот, как н Троцкий, окружал себя подхалимамн. Архнвариус представился биографом Знновьева, а свела их дочь иовгородского аптекаря.

Случилось это так: провнзор, меияя «спиритус ректифнкатнс» на макулатуру, хвастанул Пнскуну, что его дочь Рахиль — доверенное лнцо Зииовьева. Хвала отцовскому тщеславию: все пошло как по маслу. Безработная дочь аптекаря Роза — в штате губархнва, а Рахнль прнблизнла бывшего монаха к Григорню.

Здешний губком пока в руках знновьевцев. Онн счнтают его свонм. А он не увереи в нх победе на съезде. Однако, ие подмостясь, ие досягиешь. Имей второй лнк. Лик партийца, преданного ЦК. Помогай ленинцам. И он тайком работал на Воркуиа: слал ему верные аиоиимки, прнкидывался ученнком Калугнна.

Все хорошо! Смущает Третье лицо! Пока он удачно проскочил чистку партии, а мелкие грешкн — карты, виио, жеищины, церковные словеса — даже маскируют его осиовиой грех.

Ему не везло в карты. Всегда в проигрыше, всегда в долгу перед Сильвестром. Словио ключиик, Пискун охраняет добро своего благодетеля; н когда чекнсты заинтересовалнсь золотыми слнткамн новгородского пронсхождения, он придумал легенду о золотой модели памятника.

Арест Сильвестра ие испугал его: старший брат никогда ие выдаст младшего. А на мелкие расходы пущены чнстые листы бумаги: ими расплачивается даже в парнкмахерской. Многое предусмотрел. И все же ТРЕТЬЕ лицо не дает ему покоя.

В Риге сеитябрьской ночью боевая дружниа напала на центральную тюрьму. Смельчакн спасли от смертной казнн Лациса и другнх деятелей пятого года. Один подвнг снльнее ста агиток. Молва о героях взбудоражнла Кузнецовскую фабрнку, где Иваиов распнсывал фарфор. Художник не сразу нашел подпольщиков. Ему поручнли

распространять листовки и нелегальную газету «Циня». Он не в восторге: незаметным делом не прославишься. А тут еще революционные грома стали реже и слабее.

Иванова арестовали в тот момент, когда он уже разуверился в победе рабочих. На очередном допросе он продал свою душу и товарищей по партии. Жизнь провокатора беспокойна: он нервничал, озирался, ждал расплаты. И однажды с иконкой на груди улизнул из Риги. Скитался по Южной Галиции, затем укрылся в северном монастыре под Новгородом. Здесь ему доверили охрану ризницы, орловских ценностей и переписку Аракчеева.

Конец династии Романовых разом преобразил Пискуна: смышленыш водил экскурсии в Юрьеве, разоблачал келейные тайны и вскоре зарекомендовал себя антирелигиозником.

В губполитпросвете он, заполняя анкету, указал: «Родился на берегу Невы. Работал в Риге на фабрике Кузнецова. В 1905-м помог революции. От ареста бежал. Скрывался в монастырях, штудировал Гегеля, Маркса, Плеханова».

Ему поверили. Тем более что архив рижской охранки в буржуазной Латвии — за кордоном. А дела говорили в пользу грамотного безбожника: он успешно выводил на чистую воду церковников. И бывший чернец, вроде Гришки Отрепьева, пошел в гору. Однако душевного покоя не обрел. Наоборот, именно в Новгороде пережил семь самых жутких в своей жизни дней.

Судили провокатора Базненко. И так совпало, что подсудимый тоже был Александром, и тоже завербован в 1907-м. На процессе Пискун невольно сочувствовал тезке. И решил ему помочь. Завгубархивом обратился в суд: «Прошу разрешить опросить гражданина Базненко в целях уточнения истории революционного движения в Новгороде».

Под надзором милиционера в бывшей келье Духова монастыря встретились два провокатора: один спрашивал, другой отвечал, а стенографистка строчила. Уловка заключалась в том, что Пискун наводящими вопросами напомнил Базненко тот год, когда во многих партийных комитетах меньшевики временно оказались в большинстве.

На другой день подсудимый так и заявил, что он топил не большевиков, а меньшевиков. Защитник подхватил эту версию. Но свидетель доктор Масловский показал, что еще весной пятого года питерский большевик Шевелкин сколотил в Новгороде партийную группу из ленинцев, что

подпольщиков арестовали после того, как Базненко побывал на тайном собрании в подпольной квартире дома № 89 по улице Московской [1].

Суд приговорил предателя к высшей мере наказания. Большой зал Дома профсоюзов одобрил решение хлопками. Пискун вышел последним. Разбирательство вызвало у него неуемную тягу к Достоевскому. «Игрок», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание». Особенно «Двойник» окончательно убедил его в том, что на смену ДВОЙНИКАМ пришли ТРОЙНИКИ. Лавирует между лагерями тот, у кого за спиной коварное прошлое — ТРЕТЬЕ лицо. Базненко, Пучежский и он, Иванов, не двойники, а тройники.

Отсюда их кредо: все относительно, никаких принципов, ничего святого.

Да, он трехликий: зиновьевец, «ленинец» и неразоблаченный провокатор. Если счастье улыбнется Зиновьеву, то его биографу все дороги открыты; если победят ленинцы, то они не обидят «тайного чекиста» и ученика Калугина; если же восторжествует новый капитализм, то третьему лицу доверят третий отдел. Словом, при любом повороте судьбы выгадывает тройник. Карьера любит ловких. Удача зависит только от самого себя. Его бог — Фихте, а путеводная звезда — Гришка Отрепьев. Про себя он говорил: «Я начало и конец всему: исчезну я — и все для меня исчезнет. Смакуй, пока жив! Самая выгодная диалектика — это диалектика софистов».

Когда-то Иванов, заведуя дискуссионным клубом, обрел опыт сталкивать людей лбами, хотя сам открыто не бил никого. И на сей раз все подготовит для разгрома Калугина, а сам улизнет в Москву, благо есть официальный вызов.

Зелуцкая поручила ему отвадить доморощенного философа от марксизма. Критический доклад он уже вручил Пучежскому: тот любое поручение выполнит. И заготовил резолюцию, осуждающую идейные ошибки Калугина. Ее полностью принял Клявс-Клявин, а уж латыш сумеет закрепить ее большинством голосов.

Сидя за столом, Пискун рассматривал стенную карту Северо-Западной области. Зиновьев, поди, уж подыскал для Калугина дальнюю обитель. Главное — вовремя шепнуть. Архивариус просигналил о Ларионове: и тот за-

---

[1] Отчет о процессе напечатан в новгородской газете «Звезда» от 1 января 1924 года.

глох в деревие. В Новгороде без Скифа миогие отдохиут, особеиио Пучежский и другие зииовьевцы. Да и Воркун без приятеля будет ие столь удачливым: ведь гепеушник сгреб Сильвестра с помощью Калугииа.

Откровеиио, «Логика открытия»— сильиое оружие. Тетрадь сгорела, но хозяни жив; троиулась умом старушка, а ие автор. Он иаверияка иаберет силу, если его ие заслать поближе к севериому сияиию.

На столе броизовые часы в-виде воеииого барабаиа с палочками, которые, перекрещиваясь, образовали цифру «XII». Хоть и победил Кутузов в двеиадцатом году, ио его, Иваиова, симпатии иа стороие Наполеоиа. Боиапарт — ореол карьеризма!

Завтра в это время Алексаидр Павлович будет в Москве и выйдет иа всесоюзиую стезю; а в Новгороде в тот же деиь, согласио прикидке Иваиова, ответствеииый секретарь иа бюро губкома огласит убнйствеииую для Калугииа резолюцию.

БЮРО ГУБКОМА

Светлый кабинет. На стеие яркий, исполнеииый маслом, портрет Зиновьева. За столом председательствует Клявс-Клявии, в воеиной гимнастерке и роговых очках. Он видит, что иет еще председателя губисполкома и начальиика ГПУ, ио ждать ие иамереи: оии не поддержат его в борьбе против Калугина.

— Товарищи!— У иего в руке листок.— На повестке дия одии вопрос: «Идейиые ошибки товарища Калугииа». Замечаиия есть?

— Есть!— подиялся Семеиов, застегивая пиджак. Оберегая больиые легкие, ои и летом ходил в костюме.

(Дорогой читатель, с Алексеем Михайловичем, члеиом бюро Новгородского губкома, я дружил до коица его жизии. Мы с ним не раз вспомииали событня, которые легли в осиову моего ромаиа.)

— Мы еще ие выслушали критику, а уже утвердили ошибки,— Семеиов повысил голос:— Предлагаю ииую формулировку: «Философские взгляды историка Калугииа».

— Справедливо!— поддержал редактор газеты Юднн. У иего открытое доброе лицо и кустистая шевелюра.

(Дорогой читатель, Павел Федорович Юдии со времеием стаиет профессиоиальиым философом, академнком и видиым государствеиным деятелем.)

— Так будет без обнды!— подал голос рыжеватый, плечистый Бурухин.

Ннколай Нниколаевнч благодарно кнвнул питерскому рабочему, которого знал с пятого года.

(В пернод виутрнпартнйной борьбы иа XIV съезде партин Бурухнн одиим из первых отмежуется от Зиновьева.)

— Хорошо! Голосуем!— Латыш строго осмотрел присутствующих.

Его предложеиие поддержали Уфимцев, Творнлова, Пучежский и Дима Иванов. Семеиову ие хватнло одного голоса. И председательствующий не без удовлетворення оставнл повестку в первой редакции.

Калугин обеспокоен: почему друг опаздывает — неужелн опять ЧП? Он выглянул в окно: возле памятинка России полосатая футболка Глеба. Берегиин рядом не было: не поедет оиа в глушь...

— Товарищн, прежде чем дать слово докладчнку, ознакомлю вас с письмом преподавателя совпартшколы,— Клявс-Клявии показал белый конверт.— Лектор Шахновнч возмущен тем, что Калугнн иа уроке нсторни расхваливал реакцнонного пнсателя Достоевского. Было такое?

Грозиый взгляд на нсторика. Тот слегка прнвстал:

— Не совсем так! Я сказал: «Во Пскове мы, ссыльные, разошлнсь в оценке Достоевского, а Леинн напомннл нам: не забывайте, что ои автор «Запнсок из Мертвого дома». А когда Ильич возглавил государство, то подпнсал декрет об увековечеиии велнкнх имен Росснн: за Львом Толстым шел Достоевскнй».

— Только так!— хрипловато выкрикнул Семенов, большой поклонник русских классиков.

Посланники Зиновьева сиделн молча. Клявс-Клявнн тоже не рискнул полемнзировать с Лениным. Секретарь губкома следил за философской полемикой в Москве и спросил:

— Товарищ Ннколай, твоя оценка статьн Мннина «Философию за борт»?

— Чнстейший ннгнлнзм!— горячо ответнл Калугнн.

— А какие философы в иашн днн стоят на вериых позициях?

— Адоратский, Серебряков, Невскнй — солндный отряд!

— И солндный подход к фнлософни!— авторнтетно заявил основной докладчнк в красной рубахе и с ухмылкой обратнлся к историку:— А на какнх прнмерах вы

просвещаете своих учеников? Балалайка, часы, безмен...

— Это же кухоиная диалектика!— засмеялся Клявс-Клявин.

— Возражаю!— вскочил Семеиов.— Одно дело — учебная беседа с техиикумцем и другое — научиая работа философа. Калугин, как мне известно, готовит юношу к образиому восприятию противоречий. Учитель сознательно приобщает будущего литератора к зримой диалектике вещей, а не к абстрактным категориям. Я уверен, что, прослеживая всеобщий закон сохраиения, Калугин ссылается иа теорию относительности, а не на балалайку...

— Еще хуже!— Пучежский вызывающе глянул иа историка:—«Квадрат превращений»— ваше детище?

— Не совсем! Еще Аристотель подметил, что пара полярностей допускает меж собой лишь ЧЕТЫРЕ осиовиых перехода...

— Аристотель — отец формальной логики!— вставил комвузовец в косоворотке.— Число и диалектика несовместимы!

— Сегодня! А завтра?!— Калугин сослался иа Ленина:— Раздвоение едииого — это же диалектическая аксиома! Попробуйте опровергнуть!

Пучежский разок обжегся на незиании Ленина и теперь с иадеждой глядел в сторону лектора Леонида Орестовича Кибера. Последний изучал мировоззрение Герцена, а главиое, числился студентом Института красной профессуры, потому в Новгороде он авторитет — от его выступления зависит многое.

Медленно поднимался Кибер. У него тонкая фигура, удлинеииое лицо и широкий лоб. Заговорил он, как опытный лектор, спокойно, четко, соблюдая паузы, как бы приглашая к размышлению:

— Я беседовал с тремя составителями «Философских тетрадей». Они пока не знают, с какой целью Леиин дал материалистическое толкование аксиомам и фигурам, и рекомендовали не ссылаться на девятую тетрадь до выхода в свет...

— Спрашивается!— обрадовался демагог в алой рубахе.— По какому праву Калугии ссылается на «Философские тетради»?!

— Опять не то!— Историк резко выдвинул ладоиь.— Я ссылаюсь не на «Тетради», а на диалектическую фигуру «квадрат превращений», с помощью которой можно обосновать всеобщий закон сохранения. А вы, голубчик, по-

жалуйста, докажите обратное — несостоятельность «квадрата». Нуте?

— Пустая трата времени!— огрызнулся политпросветчик, далекий от философии естествознания.— Гегель тоже погорел на числах! «Преуспел» только Дюринг: его «мировая схематика» и ваши числовые фигуры — одинаковая городильня!

— Нет!— вступился Кибер.— Дюринг отрицал противоречия, а Калугин, наоборот, все выводит из «лестницы противоречия», даже числа. Тот теорию подчинил математике, а этот, наоборот, все научные положения выводит из диалектических фигур...

— А кто его союзники? — вмешался Юдин.— Эйнштейн, зараженный субъективизмом, и монах Мендель с его «гороховой арифметикой»...

— Опять не то!— тяжко вздохнул Калугин.— Обычно данные чужого опыта проверяют своими научными экспериментами, а ты, батенька, процесс исследования подменил словоизлиянием...

— Извини! — горячился редактор, потрясая буйной шевелюрой.— Я вскрываю классовую сущность реакционных учений, а ты идеализируешь «творения» Менделя, Эйнштейна и того же Микешина!

При слове «Микешин» притихший Пучежский встрепенулся. В его глазах надежда на реабилитацию своего имени. Но он не учел того, что Юдин был подлинным ленинцем и не боялся самокритики:

— Я напечатал кособокую статью Пучежского. Мы с ним проглядели на пьедестале фигуры крестьян, сибиряка, материалиста Ломоносова. Однако наличие еще одного мыслителя — Феофана Прокоповича — не дает права называть металло-каменную палитру Микешина... ф и л о с о ф с к о й!

Он азартно рассмеялся. Ему подхихикнули Дима Иванов, Уфимцев, Творилова, Пучежский и сам Клявс-Клявин. Путиловец Бурухин ограничился мягкой улыбкой: в Петрограде он слушал исторические лекции Калугина, уважал его. Семенов насторожился. А Кибер снова занял позу лектора, опираясь руками на спинку переднего стула:

— Ничего смешного, товарищи! Изучая идеи Герцена, я заинтересовался судьбой его формулы «философия — алгебра революции». И вот ответ!— указал на открытое окно с видом на памятник Тысячелетия.— Калугин прав: перед нами бронзовое зеркало русской революции, гра-

нитная трибуна стратегов и философское обобщение бессмертия России...

Клявс-Клявин скривил рот: явно не ожидал, что лучший лектор губкома возьмет под защиту вульгаризатора философии. Председатель взглядом пригвоздил Кибера:

— Речь о другом! Калугин уверяет, что «металло-каменная палитра» Микешина есть наглядное пособие по изучению диалектики, словно Микешин — автор «Капитала».

Взрыв хохота зиновьевцев не смутил опытного лектора; смеху он противопоставил строгий, рассудительный тон:

— К вашему сведению, Александр Яковлевич, скульптурная панорама Микешина — коллективная. Художник, редчайший организатор, привлек в помощь замечательных скульпторов того времени и главные вопросы решал *коллегиально*!..

Выдерживая паузу, он дал понять его скрытую мысль: «Не то что твой Зиновьев».

— Я,— продолжал Кибер,— не раз беседовал с Калугиным. Он верит: наши люди будут восхищаться и гордиться монументом Отечеству, а более вдумчивые и философский смысл в нем уловят...

— Какой смысл?!— вспылил Пучежский.— Калугинские фигуры —«линию», «перекрест», «треугольник», «квадрат превращений»?

— А что?!— вызвался Кибер.— Я готов хоть сейчас проиллюстрировать четвертую фигуру...

— Ловим на слове!— оживился Клявс-Клявин, явно рассчитывая на комический исход.— Слушаем!

Кибер собрался с мыслями и уважительно посмотрел на автора диалектических фигур:

— Николай Николаевич, пользуюсь вашей терминологией. Закладываю в «квадрат» полярности. Между ними возможны только четыре основных перехода: два положительных и два отрицательных...

— Что за мистика?!— взревел Пучежский.— Почему обязательно «четыре»? День переходит в ночь, а ночь в день. Где же другие два перехода, да еще с противоположными знаками? Где?

— За Полярным кругом! — ответил Калугин.— День переходит в день — круглые сутки свет; затем ночь переходит в ночь — сплошная темень. Не так ли, друзья мои?

Калугинское дополнение пошатнуло противников. Пучежский стоял открыв рот. Первым очнулся Клявс-Клявин:

— Э-э! Разве круглая держава на пьедестале вращается как Земля? Откуда взяться метаморфозам?

— Учти, батенька, и простой стакан может засверкать всеми гранями мироздания, если он в руках диалектика.— Историк одобряюще кивнул Киберу:— Продолжайте, друг мой!

В этот миг на подоконник сел красивый сизарь: он оглядел кабинет, не нашел здесь своего друга Карла Сомса и выпорхнул. Проводив сочувственной улыбкой голубя, Кибер продолжал:

— Полярности ОДНО и МНОГОЕ допускают меж собой лишь четыре перехода: феодальная РАЗДРОБЛЕННАЯ Русь перешла в ЕДИНОЕ централизованное Московское государство — многое перешло в ОДНО с плюсом. ЕДИНОНАЧАЛИЕ Петра Первого, революционера на троне, выродилось в САМОДЕРЖАВИЕ Палкиных — ОДНО перешло в ОДНО с минусом. Любое ЕДИНОНАЧАЛИЕ рано или поздно переходит в КОЛЛЕКТИВНОЕ управление государством — ОДНО переходит во МНОГОЕ с плюсом. Но всякое государство, как сказал Ленин, несет в себе свое отрицание и сменяется народоуправлением — многое через минус переходит во многое...

— Итак,— подхватил Калугин,— налицо диалектическая фигура превращений с четырьмя переходами и четырьмя противоположными знаками...

— А Маркс,— сорвался с места латыш,— пользовался «квадратом превращений»?

— Разумеется! В «Капитале» противоположности товар и деньги образуют фигуру четырех переходов: Товар — Товар, Товар — Деньги, Деньги — Деньги, Деньги — Товар.

— А Ленин?

— Завещал разрабатывать диалектику со всех сторон.

— Как «со всех»?!— опешил латыш.— И с метафизической?

— Нет!— улыбнулся историк.— Метафизика не сторона диалектики, а ее антипод.

— Я не понимаю,— пожал плечами Семенов.— Калугин борется за т о ч н о с т ь логики. Что в этом дурного?

— Есть дурное, но с нашей стороны,— ответил Кибер и вперился в секретаря губкома:— В самом деле, Ленин за дальнейшую разработку диалектики, а Пучежский

против такой установки; Ленин анализирует аксиому, фигуру, формулу, а Пучежский не признает такой анализ; по Ленину, на первых шагах пропаганды диалектики неизбежны ошибки, а Пучежский исключает какие-либо ошибки. Наш «ортодокс» под видом охраны марксизма отрицает творческий подход к диалектике, в природе которой заложено бесконечное развитие...

Калугин огляиулся на дверь: чекист не мог оставить друга в беде — значит, что-то случилось...

— Товарищи, напрашивается другой итог!— ораторствовал основной докладчик.— Калугин извратил нашу диалектику, приписал ей числовую мистику.

— Правильно!— заверил Клявс-Клявин и поспешно поднял листок со стола:— Калугин готовит к изданию журнал «Ленинец». Предлагаю отстранить путаника от этой работы и запретить ему выступать с теоретическими докладами...

— Протестую!— твердо заявил Юдин.— Мы с Николаем расходимся по ряду философских вопросов, но это не значит, что не прав именно он. Ленин указал, что диалектика без естественных наук не продвинется вперед. А я, откровенно, пока что не очень силен в диалектике природы...

— Но, но, товарищ редактор! Самокритика — вещь полезная, но в данном случае ты прав: Мендель — лжеученый, а Калугин подражает ему — выводит из житейских «горошинок» числовые закономерности,— латыш засмеялся.— Великие ученые только мечтают открыть ВСЕОБЩИЙ закон сохранения, а Калугин всех опередил...

— Конечно!— не утерпел Кибер.— В своем отечестве нет пророков! Зато есть Цнолковские!

— Вот-вот! Когда ракета взлетит к Луне, тогда и вспомни Циолковского!— ледяным взглядом Клявс-Клявин охладил горячего калугинского заступника.— А пока мы имеем дело с утопистами, с той разницей, что калужский — научный фантаст, а новгородский — лжеученый, Мендель номер два! — Вскинул руку.— Конец прению! Сейчас не до философии. Нас ждут рабочие и крестьяне. Ставлю на голосование...

Он поднял над столом листок с заготовленной резолюцией. Николай Николаевич невольно вспомнил старый суд, когда господа присяжные заранее выносили приговор революционеру:

— Прошу последнее слово!

— Здесь не суд, а заседание бюро губкома!— грубо отказал председательствующий и заглянул в шпаргалку.— Признать, что товарищ Калугин Н. Н. не специалист, а дилетант в области философии, почему и скатился к ревизии материалистической диалектики, к ее вульгаризации, схематизму. Упрощенцу нельзя доверить теоретический журнал Новгородского губкома. Запретить ему выступать с лекциями на философские темы. Поручить товарищу Пучежскому А. М. выступить в местной газете и журнале с разоблачением идейных ошибок...

Он не договорил. В кабинет стремительно вошел Воркун, одетый по форме, и объяснил:

— Задержался. Говорил с Москвой. На совещании архивистов рижский коммунист опознал в нашем Иванове провокатора. Его забрали. Он признался, что был агентом царской жандармерии...

Из рук Клявс-Клявина выпала записка и, скользнув по краю стола, упала к ногам Калугина. Резолюция была написана рукой Пискуна. А чекист еще сильнее загудел:

— Предатель партии, смягчая свою вину, сумел доказать, что он тайно помогал ГПУ, и подтвердил это свежим донесением — разоблачил сына урядника...

Воркун взглядом прижал Пучежского. Тот закрыл лицо дрожащими ладонями...

(А Иванова в самом деле не расстреляли; в конце двадцатых годов я видел кинохронику, посвященную Соловецким островам. На экране промелькнул знакомый недоросток в очках. Пискун, будучи ссыльным, водил экскурсии по старинному монастырю. Зато Пучежский, исключенный из рядов партии большевиков, вскоре застрелился.)

Сообщение начальника губотдела ГПУ конечно же помешало зиновьевцам приписать Калугину ревизионизм марксистской философии, но это не помешало Зиновьеву «повысить» его в должности: ему, преподавателю совпартшколы, доверили заведование педагогическим техникумом на окраине Северо-Западной области.

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Начал с Колмова. В прохладном парке больницы мать что-то шептала ромашке. Цветок она зажала забинтованными руками. Сын не сказал, что его направляют в Белозерск. И все же сердцем она почувствовала разлуку: поцеловала его в щеку. Расставались у волховской

воды напротнв Антоиневского монастыря, озареиного утренним солнцем.

Николай Николаевнч хотел вызвать перевозчнка через реку, но ему отказал голос. Пришлось махать панамкой, свистать, словно как в детстве гоняя голубей.

Мнлая сердцу антоновская березовая роща. Еще юиошей он одну дорожку посвятнл Гераклнту, вторую Гегелю, а третью Герцену. Матерн так н говорил: «Иду в рощу трех Ге». Глеба дома ие оказалось: «Наверное, нщет меня».

А вот совпартшкола на Московской. Это большое здание — бывшая мужская гимназия, где Коля был отмечен золотой медалью н где полюбнл историю.

Подходя к аптеке, он услышал ругань н свист кнута. Хилая лошаденка тщнлась поднять в гору непоснльный груз: окованный железом суидук, дубовый комод н швейную машннку. Возчик, небрнтый, потный, в посконной рубахе, иещадио хлестал кобыленку. Калугин кинулся к нему на помощь:

— Тянн за оглоблн! Я сзадн! А иу, голубушка!

Гнедая почувствовала подмогу и, собравшнсь с силой, вытянула поклажу. Ннколай Николаевич забыл про дорожный одеколон...

На мосту он встретнл Мншу Иовчука, молодого теоретнка: тот обещал статью для журиала «Ленинец». Калугнн напомиил ему о статье, хотя н знал, что журнал теперь ему не возглавлять.

(Дорогой читатель, впоследствни М. Т. Иовчук станет нсториком русской фнлософнн, членом-корреспондентом АН СССР.)

Возле яхт-клуба вспомннлась Берегиия: «Артнсткн чахнут без сцены. Вряд лн поедет со мной в глушь — Белозерск не Северная Пальмира».

В Кремле не пройдешь мимо скульптурного ансамбля Микешина. Берегння называет его «бенефисом Тысячелетия Россин». Заслуженый юбилей! Но кто в ией победит: нсторик нлн «Вечерннй соловей»? В Парнже отец ее дружен с Алексеем Толстым, Купрнным, Алехнным, Рахманнновым, Буниным. Все онн мечтают вернуться на Родину. Нет, Ольга Сергеевна не покниет Россню, останется на родиой земле декабрнстов.

Спасаясь от навязчнвой мысли, старый холостяк зашел в Историческнй музей. Вход здесь особый: дверь под старнну — в железных плнтах. За столнком важный кассир, он же страж, встретнл знакомого краеведа улыбкой:

— Ваши хлопцы зачастили, присосались к старине...

Председатель Детской комиссии, как всегда, положил рубль рядом с книжечкой билетов и душевным словом согрел Пахома:

— Спасибо, голубчик. Ребята любознательные...

Поблескивали резные перила красного дерева. Стена над ними облеплена конкурсными проектами памятника России. Тут же победный рисунок Микешина. Держава напомнила идею Берегини: «Вершина человечества — мать». Нет, нет, Ольга останется здесь, около больной Анны Васильевны.

Возле братской могилы ему встретился помощник Воркуна, в брезентовых сапогах и брезентовой кепке. Калугин попросил его напомнить Ивану Матвеевичу о мастере кирпичного завода. Тот радешенек и времянке, и телефону, и охотничьим собакам.

Один Иван напомнил другого Ивана. Здесь жил Иван Посошков. Знаток России, крепостничества, ремесел, коммерции, ратного дела. Поселянин без страха, он остро вскрыл противоречия Петровской эпохи, что отразилось не только в заглавии труда «О скудости и богатстве», но и на судьбе самого реформатора: его заточили в Петропавловку, где он и умер в 1726 году. А вдохновил его на диалектику истории Великий Новгород! Но реформатор на троне испугался реформатора в мышлении. Увы, горе от ума — вечная трагедия!

Из дверей губкома вышел Клявс-Клявин, но, увидев Калугина, повернул назад. Чует кошка, чье мясо съела.

(Тогда Николай Николаевич не мог знать, что со временем Клявс-Клявина, сподручного Зиновьева, вышвырнут из рядов партии.)

Вдруг из театрального подъезда выскочила Берегиня: то ли она не заметила Калугина, то ли, нарушив свое слово, определилась в местную труппу и теперь, от стыда подальше, даже не оглянулась на историка. Он так растерялся, что не остановил ее, и так расстроился, что забыл попрощаться с друзьями из губкома.

Направляясь к дому, он был уверен, что там его ждет Глеб. Тот, разумеется, не забудет свою больную соседку из желтого корпуса. А учитель, в свою очередь, успокоит ученика — нет худа без добра: в Белозерске быстрее, чем здесь, автор не только восстановит рукопись «Логики открытия», но и учтет критические замечания Кибера. В Москву отошлет не статью, а полноценную, с великой перспективой книгу.

ТАЙНА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Только к вечеру свежесть Волхова потеснила дневную теплынь. Солице раскалеииым ядром беззвучио взорвалось за кремлевской стеиой, и теиь Златоустовской башин вытяиулась до подножия памятника Отчизне. Хор Софни н репродуктор молчалн.

Я, в майском костюме, с тщательно расчесаннымн кудрями, ждал Берегиию, заинтрнгованный ее неожидаиным звоиком. А вот и оиа — у нее легкая спортивиая походка. Актрнса во всем белом, как невеста. В руке большне алые розы.

Ее волненне я объясиил тем, что оиа впервые назначила мие свидаиие. Голос ее тих и печален:

— Нnколай Николаевич прощается с городом. И, конечио, зайдет к Передольскому. Первый раз я увидела Владнмнра Васильевича не за кафедрой, а в Эрмитаже: профессор вел экскурсню, н слушателн от другнх гидов переходнлн к нему. Нн до, нн после не встречала столь зажнгательиого лектора.

Мне стало обидно за Калугина:

— Мой учитель не уступает...

— Сравинл!— упрекнула оиа.— Одии замечательиый лектор н только, а второй — сама мудрость н скромность. Стесияется нздать афорнзмы...

— Я собрал триста сорок!

— Отдай мие: я пополию их — нздам, а ты, если тебе дорог наставинк, навещай Аииу Васильевну и готовься к повествованию о иашем учителе.

— Не одолеть: он мыслитель, а я футболнст.

— Нет! Ты учеинк Калугина. Я, общаясь с иим, быстро поняла, что уииверснтетский курс философнн — рояль без клавиш. Как мы игралн иа нем?— Оиа продекламировала с улыбкой:

Гегель странный был чудак,
Не поймешь его никак!
Диалектик он того...
Вверх ногамн у него...
Диалектнке было
В этой позе тяжело,
Но явнлся Фейербах —
И она уж на ногах...
Фейербах, Фейербах,
Браво, Людвнг Фейербах!

И продолжнла:

— Больше ничего ие помню. А тут один памятнник чего

стоит. Калугин сказал: «Тайна Тысячелетия — философская тайна». Ты как понимаешь?

Наконец-то я сообразил, что Берегиня здесь не ради меня; и я, не без досады, принял ее вызов:

— Трибуна стратегов учит: каждый вождь в тисках вопроса: «Что решает в наше время? Кадры? Недры? Автоматы?» Нет и нет! Последнее слово за незримой схваткой стратегий. Понял — неуязвим, не понял — пеняй на себя!

— Складно! Здравый вывод из Тысячелетия. Но ты не уловил главного. Даю еще попытку.

«Откуда у нее такая спесь?»— озлился я, соперничая:

— Вот диалектика в бронзе: великие герои не герои, если они не обеспечили Родине долголетие. Люди мира, хотите величия и долголетия — учтите опыт российский!

— Неплохо, Глебушка! Здесь фигуры так сплелись, что перед нами — русский Лаокоон. Все же орешек не расколот. Твоя последняя попытка.

— Ты что, тренер?!— взбунтовался я.— Судья?

— Хватит!— цыкнула она и так дернула мою руку, что электрический ток прошил тело до пяток.— Думай!

— Не буду!

— Тогда слушай!— Она вскинула глаза на монумент.— Калугин нашел засекреченную фигуру...

— Покажи!

— Встань спиной к восточной арке и вглядись меж статуй Ивана Третьего и Петра Первого. Кто в тайнике?

Я занял указанную позицию и, зыркая глазами, определил:

— Лежит воин со сломанным мечом.

— А за ним?

— Крыло ангела.

— А ниже? В глубине! Кто прикрыт с пяти сторон?

— Простоволосый. У него шкура на плечах. И колчан за спиной. То ли охотник, то ли воин.

— Это сибиряк! Тунгус из войска Пугачева.

— Откуда это видно?

— А ты вглядись. Что он делает?

Меняя ракурсы обозрения, я наконец-то разглядел:

— Прильнул руками к державе...

— Как?! Кто разрешил?!— возмутилась Берегиня, принимая позу императрицы.— Что тут происходит?

К памятнику приблизилась женщина с ребенком на

руках. Но актриса вошла в роль Екатерины II и зло потрясла розами:

— Почему монархи стоят спинами к державе, а держава в руках тунгуса?! Тунгусы, верные Пугачеву, бились с моими войсками. Это же крамола — призыв к бунту! Пугачевщина! Убрать!

Вдруг гнев на лице Берегини сменился иронией. Теперь актриса потешалась над царицей:

— Это не все, ваше величество! Сибиряк не просто овладел державой, а еще оглянулся на Петра и как бы говорит: «Хоть ты и велик, а будущее за нами: любое царствование кончается царствованием народа!» И в этом тайна Тысячелетия России!

— Нет!— не сдавался я.— У тайны Тысячелетия есть разгадка. Перед нами в бронзе оракул судьбы человеческой. Вот планета!— Указал на бронзовый шар.— А планета — мать ритмов, говорит учитель. Прослушай пульс земли и храни ее мирное сердцебиение. А все нарушители мировых ритмов будут повержены, как эти меченосцы — ливонский рыцарь, татарин, швед и все, кто засылает в чужие страны смерть. Смотрите, люди! Земной шар в руках народа — только в этом всеобщее спасение! Вот философия тысячелетней России!

— Ого! Молодчина!— просияла Берегиня, признаваясь:— Я опасалась, что ты — тип, прозванный Некрасовым «диалектик обаятельный». Верю! Ты посвятишь роман своему учителю. Даже Сережа порадовал Николая Николаевича, преподнес стишок:

Я тобой горжусь,
Бронзовая Русь:
Вехи лихолетий,
Гений каждый третий!

Прочитав четверостишие, актриса снова взялась за меня:

— У тебя тоже талант. Учитель хвалил твой «Бунт статуй». Отметил фантазию, образность, мысль. Поверь, одолеешь роман!

— Когда? В глубокой старости?

— Читателя интересует не возраст автора, а новизна идей. Обычно романисты берут готовые философские положения, а твой герой — первооткрыватель. Создашь образ чародея диалектики!

— Кто станет читать?

— Все тянутся к мудрости, а тут еще поиск тайны Тысячелетия.— Берегиня розами обозначила контур монумента России.— Философия в бронзе! Чудо! Ну как, кудряш?

Поддаваясь соблазну, я смущенно сомкнул пальцы:

— Фамилия вице-губернатора... Сын дворянина...

— Ты сын революционерки. А если не нравится фамилия, возьми псевдоним, как твой дядя писатель Мстиславский. В Париже я познакомилась с гениальным шахматистом Александром Алехиным. Фамилия русская, не затертая и в то же время всемирно известная — готовый псевдоним. И звучит-то как: «Глеб Алехин»! Бери! А я,— она мечтательно прижала к себе цветы,— запишу калугинские афоризмы!

Одобрительно поддакнув, я радовался тому, что учитель не остается в одиночестве: на Севере с ним Берегиня.

Дорогой читатель, на XIV съезде партии, известно, победили ленинцы. Взяв курс на индустриализацию страны, они отвергли программу «новой оппозиции». Кстати, из новгородских делегатов только Клявс-Клявин проголосовал за «платформу» Зиновьева. Ленинградских коммунистов возглавил С. М. Киров. Он вернул Новгороду Ларионова, Мартынова и других активистов. А судьба Калугина трагична: на открытой воде Белого озера его убило молнией.

После смерти учителя Ольга Муравьева уехала к отцу в Париж. Там впоследствии вышла замуж за французского коммуниста. Активный борец за эмансипацию женщин, она, журналистка, частый и желанный гость Советского Союза. Это ее сын, ради мира на земле, лег на рельсы и задержал поезд с военным снаряжением...

Прошли десятки лет, пока накопились сотни научных фактов, подтверждающих верность калугинского квадрата превращений — в частности, две крайние формы вращения электронов определили ЧЕТЫРЕ квантовых числа. Да, да! От малюсенькой частички до вселенной; от ребенка до человечества, от семьи до мирового братства, а также от буквы до романа — во всем истинный творец — противоречие!

Даже всеобщий мир люди завоевывают в жестокой борьбе!

АКТУАЛЕН ЛИ ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ ГЕРОЙ ДЛЯ СОВЕТСКОГО РОМАНА?

(Послесловие)

Представленные в этой книге два романа Глеба Алехина, бесспорно, вызовут отклик и у читателей, и у критиков, и, возможно, в свое время — у историков советской литературы. В каждом таком случае — в зависимости от меры созвучия идей и образов романов чувствам и умонастроениям читателей, от идейно-эстетических установок профессиональной критики и глубины ее проникновения в социально-историческую обусловленность художественно-образного строя дилогии — возникнет многокрасочный спектр взаимодополняющих мнений, из которых постепенно сложится и, отстоявшись, оформится объективная общественная оценка и место этих произведений в общем потоке советской романистики.

Своеобычность романов Г. Алехина имеет несколько граней, причем одна из них почти уникальна. Речь идет о введении Алехиным в свои романы особого — философствующего — героя.

Такая констатация требует пояснений. В самом деле, философичность — неотъемлемый признак высокой духовности мирового, русского и советского романа как литературного жанра. Но философский характер романов прошлого и настоящего времени проистекает из космологической, гуманистической, историко-патриотической, социально-политической, личностно-психологической и иной достаточно глобальной проблематики. А уже она, в свою очередь, идейно организует сюжеты, объясняет глубинные мотивы действий героев повествования, проступает в героизме устремлений и драматичности судеб главных персонажей. При этом и форма философствования подчинена тем же идейно-художественным ориентирам: она воплощается в средствах типичного для эпохи или класса языка, в той

или иной образной тональности произведений, в различии их стилистических гамм (обращение к фольклорно-эпическим традициям, к истокам народной мудрости, к национальным ценностям прошлой культуры и т. п.). Если отвлечься от тех видов духовного наследия (например, эпохи Просвещения), в которых герои — или рупоры прогрессивных идей автора-философа, или почти литературное олицетворение его, то персонажи собственно художественных произведений, как правило, непосредственно философских проблем не формулируют, приверженцами того или иного философского течения прямо себя не объявляют, к понятийному аппарату философии в своей речи не прибегают, на решение мировоззренческих проблем философским методом не посягают, пропагандистами вполне определенных философских воззрений себя не объявляют. Романы же Г. Алехина и главный герой их — прямая и редкостная тому противоположность.

Но такое резюме оборачивается вопросом: а не является ли введение в романы философствующего героя авторской экстравагантностью и претензией на оригинальность, то есть закономерно и необходимо ли появление такого типа героя в советском романе, в романах, отображающих нашу действительность? Поиск ответа на этот вопрос, а также оценка сути философских идей, пронизывающих сюжетную канву романов Г. Алехина, способа введения самих идей в контекст произведений, наконец, социально-психологического облика того героя, который выступает сознательным проводником этих идей, требуют учета и понимания нескольких специфических обстоятельств.

Во-первых, это — художественные произведения, причем отличающиеся сюжетной многоплановостью. Предвидя возможность расхождений читательского и профессионально-критического ви́дения сюжетной полифонии романов, позволительно все же утверждать, что оба романа характеризуются достаточно гармоническим соотношением сюжетных частей целого. И в частности, такая согласность сюжетных планов проявляется и в том, что ведущие из них как бы исподволь не только подготавливают возможность появления философски мыслящего героя, но и предопределяют убедительность его роли именно как главного персонажа развертывающегося действия.

Действительно, глубинная тема романов — история русской культуры, которая в процессе своего развития с необходимостью обращается в историю русского патрио-

тизма. Патриотизма подлинного — в присущих ему исторических формах антимонархического, народного, революционно-демократического, перерастающего в новых исторических условиях в высший тип — пролетарского, социалистического патриотизма. Патриотизма действенного — его эпохальные сдвиги, воплощаясь в культурных формах, способствуют прогрессу содержания и характера русской культуры в целом, ее поступательному движению к своему высшему историческому типу культуры социалистической. Но в таком случае вполне естественным выглядит появление героя, который порожден революционной эпохой и ею же воспитан в духе научного мировоззрения и пролетарски-классового сознания и который стремится именно философски осмыслить взаимообусловленность форм исторического прогресса национальной культуры и патриотического самосознания народа. Данный тип личности и являет собой главный герой романов Г. Алехина — Калугин.

Далее та же тема обретает качественно новое политическое звучание и историческую определенность вследствие подчинения ее главной сюжетной линии романов — изображению перипетий противоборства двух типов идейно-политических воззрений н отношения к отечественному культурному наследию, но имеющих место уже в условиях возникшего социалистического государства. Художественная форма позволяет автору выпукло и наглядно представить всю остроту конкретно-исторической борьбы ленинской партии в лице ее подлинных представителей на местах (а к их числу и относится прежде всего тот же Калугин) против вульгарно-классового, псевдореволюционного нигилизма анархического толка в культурном строительстве, борьбы за сохранение культурного наследия, непреходящих художественных, идейно-духовных ценностей русского народа. Причем этот позитивный аспект борьбы — не самоцель. Он глубоко интернационален как пример единственно правильного, истинно марксистского, партийного отношения к памятникам культуры любой народности и нации нашей страны. Он показывает исторические источники формирования и развития новой — социалистической, многонациональной и интернациональной — культуры, а также воспитания ее восприемников и творцов. И вновь то обстоятельство, что в Старой Руссе и Новгороде в середине 20-х годов именно Калугин с его способностью философски обобщенно осмысливать современность возглавляет борьбу за торжество

ленинской политики в области строительства социалистической культуры,— воспринимается как исторически закономерное.

Эта сюжетная основа дилогии в романе «Тайна Тысячелетия» дополняется темой собственно партийно-политической, организационной борьбы за власть, навязываемой нашей партии зиновьевской группировкой. Все области социалистического строительства, включая и культурно-просветительскую работу, «новая оппозиция» рассматривала как поприща для развертывания свой фракционной деятельности, как сферы идеологического и организационного давления на кадры партийцев-ленинцев и их дискредитации с последующим отстранением от участия в революционном преобразовании всех сторон общественной жизни. Историческая же практика свидетельствует, что идеологическое и организационное противостояние фракционерам всех мастей, консолидацию честных, но недостаточно опытных в такого рода борьбе партийных кадров осуществляли наиболее эффективно те партийцы, которые были лучше образованы теоретически, овладели искусством вскрывать диалектику противоречий общественного развития и видеть тенденции, предопределяющие лицо будущего. Поэтому и Калугин с его философским пониманием причин, средств и целей деятельности фракционной группы и ее агентов на местах, а также общественных и партийных способов обеспечения победы над ними воспринимается не только правдоподобным, но и исторически необходимым персонажем.

Однако сложность обстановки в романах усугубляется тем, что Старая Русса и Новгород искони рассматривались церковниками как местные бастионы христианства, подчиняющие духовно-нравственным нормам религии не только социально пестрый состав городского населения, но и мещанские, а особенно крестьянские массы округи. В 20-е годы просветительская борьба за национально-культурные традиции и художественно-исторические ценности не могла вестись иначе, как одновременно и борьба с клерикализмом и церковным мракобесием, с религиозным мировосприятием и христианской моралью. И это была не просто академическая дискуссия об истинности отстаиваемых идей и социальных ценностей, а борьба за массы, за коренную перестройку их сознания, их социальной активности. Превратить церковные реликвии в музейные ценности или оставить их в руках духовенства до разоблачения проповедуемых ими мифов; отстоять

истинное понимание идейно-культурного значения памятника «Тысячелетие России», тем самым и спасая шедевр искусства, и пресекая поползновения духовенства на трактовку его как символа нерасторжимости российской государственности и христианской церкви,— или поддаться бескультурью и политической демагогии псевдореволюционеров, согласившись на снос памятника, и дать возможность церковникам именовать себя истинными ревнителями и защитниками национальной культуры,— таковы далеко не простые дилеммы, рассмотренные в романах Г. Алехина. Изложенные в исторически конкретной форме, они обнаруживают действительное единство борьбы за спасение культурного наследия, против религии и церкви в ее альянсе с политическим левачеством и воинствующим бескультурьем. А потому — за революционное перевоспитание и образование народа. Разрешение таких дилемм, как подсказывает история, не под силу уму обыденному, но сподручно деятелям, сочетающим эрудицию с диалектическим способом мышления. Именно такими качествами и наделяет Калугина автор, и только они объясняют, почему именно Калугин находит правильное решение столь многогранных и острых вопросов.

Детективная канва романов, возникающая на основе изображения деятельности органов ЧК и угрозыска, также позволяет автору оттенить преимущество диалектического мышления Калугина, проникающего до глубинных причин драматических событий, перед, например, формально-аналитическим подходом представителя старой школы криминалистики — профессора Оношко.

Но и в лирико-романтических, и в повседневно-бытовых ситуациях Калугин — историк по профессии, философ по призванию — воспринимает окружающий его мир, историческое прошлое и поступки людей не обыденно, не тривиально: вся действительность для него — жизнь противоречий, столкновение, взаимоперетекание и взаимоотрицание которых только и есть исток всего многообразия природного и общественного бытия, познание которых — цель мыслящей личности. Сознательное разрешение, преодоление противоречий — суть творческой активности человека. Эту внутреннюю потребность к диалектическому мышлению, способность обращать диалектику в инструмент переустройства реальности Калугин не только совершенствует в себе, но стремится воспитать у своих товарищей по партии и близких ему людей, которые вольно или невольно становятся его приверженцами и учениками.

Следовательно, в точке пересечения всех этих плоскостей сюжета все с большей отчетливостью формируется образ Калугина — партийца-ленинца, старого подпольщика, участника революции и гражданской войны, ответственного партийного и советского работника, преподавателя совпартшколы, историка и краеведа, принципиального, деятельного, гуманного человека. Путем самообразования, применяя к себе ленинский завет овладевать диалектикой как «живой душой марксизма», он достигает почти профессиональных высот философствования, трактуя и разрабатывая материалистическую диалектику как «логику открытия».

И в этой своей устремленности Калугин способствует утверждению самой прогрессивной тенденции духовной атмосферы того времени. В самом деле, в то время одни, отождествляя философию только с идеологией, а последнюю объявляя извращенным сознанием, соответствующим интересам буржуазии, провозглашали лозунг: «Философию — за борт!». Другие, не усвоив истинной марксистской оценки роли диалектического метода и требования материалистически переработать гегелевскую диалектику, остановились на формальной стороне гегелевского учения, поднимая на щит абстрактно-логический способ мышления и абсолютизируя его. Третьи, желая быть «правоверными» материалистами и восставая против абстрактных диалектических спекуляций, свели диалектику только к частным формам ее проявления и оказались внезапно для себя в плену механистических воззрений. Но, вопреки всему, на философском фронте медленно, но неуклонно завоевывал победу ленинский подход к диалектике как учению о развитии, гносеологии и логики познания. И это завоевание осуществлялось наиболее подготовленной частью философов-профессионалов, ученых-естественников и обществоведов, кадрами профессиональных революционеров, передовой учащейся молодежью.

Однако здесь уместно вспомнить, что перед нами художественные произведения, а не научное исследование по истории общественно-политической и философской мысли середины 20-х годов. Хотя дилогия Глеба Алехина автобиографична и главные герои ее — реальные лица, это не научная биография одного из профессиональных представителей марксистско-ленинской философии в послереволюционный период. Документальный характер и художественная форма произведений оправдывают воссоза-

ние автором портрета Калугина с наибольшим приближением к индивидуально-неповторимым чертам его личности, включая и своеобразие философского мышления. А своеобразие это состоит в том, что Калугин являет собой все же не тип философа-ученого, систематически разрабатывающего теорию философии, а скорее всего тип эрудированного философа-дилетанта, чувствующего и понимающего величие прогрессивных философских идей, стремящегося постичь диалектико-материалистическое учение как подлинно научную высшую историческую форму философского мышления в его революционной, творчески преобразующей роли по отношению к важнейшим областям общественной практики, человеческой культуры в контексте задач социалистического строительства. Но прогрессивность устремлений, целей, задач сама по себе еще не гарантирует профессионализма в достижении и разрешении их философским способом.

Калугин обнаруживает диалектичность природы, созерцая ее, аналитически расчленяя на отдельные стороны и признаки явлений, выявляя их общность и различие, устанавливая множественность степеней такого рода общностей и различий преимущественно индуктивно. Он фиксирует противоположности, противоречия и их взаимопереходы, большей частью не выводя, а констатируя то или иное противоречие как источник развития. Причем вся эта мыслительная деятельность основывается на восприятии предметно-вещного мира, его процессов, состояний и свойств, через соотношение которых Калугин постигает и представляет диалектику развития. Его диалектика наглядна до метафоричности, общее предстает у него преимущественно в одеяниях специфического и единичного. Калугин как бы избегает восхождения к абстрактному и от него — к мыслению конкретному, выражаемому в философских принципах, законах и категориях; его стихия — чувственные образы, которые выступают «полномочными представителями» понятий и категорий, тогда как изменчивая подвижность этих образов олицетворяет собственно диалектическую логику, то есть мысленное движение понятий и категорий. Вот почему его философское изображение мира приобретает иногда натурфилософский оттенок, а логика мышления весьма сближается с логикой научения — дидактической.

В таком неоднозначном изображении философского облика главного героя романов нельзя усматривать соединение несовместимых качеств: с одной стороны, ак-

тивный участник революционных преобразований, идейно зрелый коммунист, интеллигент, основательно изучавший философское наследие Гегеля, Маркса, Ленина, осознавший роль диалектики как метода познания и попытавшийся внести свою лепту в ее разработку, а с другой — налицо признаки неразвитости, непоследовательности, ограниченности философского мышления. Эти противоречия, подчеркнем еще раз, лишь указывают на незавершенность начатого перехода от усвоения философской теории к творчеству в этой сфере мысли, от дилетантизма — к профессионализму. Тем более что в середине 20-х годов еще попросту не было многих условий объективного и субъективного порядка, содействующих завершению такого перехода для Калугина и других его современников, которых он представляет как литературный тип.

Но если философски образованный и философски мыслящий герой может быть признан типичным для воспроизводимого в романах исторического периода, то перед литературной критикой должен возникнуть вопрос: почему в произведениях советских писателей отсутствуют аналогичные черты, которые олицетворяли бы особенности философского мировосприятия на последующих этапах социалистических преобразований в нашей стране?

Доктор философских наук В. Н. Боряз

СОДЕРЖАНИЕ

Глеб Викторович Алехин

ТАЙНА ДРАЗНИТ РАЗУМ

Л.О. изд-ва «Советский писатель», 1987 г. План выпуска 1987 г. № 6. 608 стр. Редактор Ю. А. Помпеев. Худож. редактор М. Е. Новиков. Техн. редактор Г. В. Белькова. Корректоры Е. Я. Лапинь и Е. Д. Шнитникова.

ИБ № 5762

Сдано в набор 28.10.86. Подписано к печати 14.04.87. М 15007. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,92. Уч.-изд. л. 34,47. Дополн. тираж 70 000 экз. Заказ № 1019. Цена 2 р. 40 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писвтель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делвм издвтельств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

2 р. 40 к.